ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

41

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXII. — 1/14 МАРТА 1906.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

3519

ВЕШНІЙ ПОТОКЪ

РОМАНЪ.

XVIII *).

Въ послѣднее время въ петербургскихъ салонахъ стали много говорить, и разговоры совершенно измѣнили свой прежній характеръ.

Уже меньше говорили о театрахъ и свѣтскихъ балахъ, о назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ, о сплетняхъ, ходящихъ по Петербургу, а больше—о дѣлахъ общественныхъ.

Уже начали развязываться языки и мысли. Но и то и другое было еще до очевидности неорганизовано, робко, шаталось, щурилось и хваталось за попадавшіяся на пути подпорки, какъ долго томимый въ комнатѣ безъ воздуха и свѣта больной, внезапно выпущенный на весенній воздухъ. И потому всѣ эти разговоры и мысли носили странный характеръ. Хотѣлось говорить и по старой привычкѣ думалось: „не стóитъ". Хотѣлось высказать яркую мысль, и тотчасъ задержка: какъ бы не показаться смѣшнымъ, когда узда на слово и мысль вновь будетъ наложена.

До очевидности, общество, которому было объявлено о довѣріи правительства, не вѣрило этому правительству. Старая вражда этихъ двухъ группъ была еще крѣпка. И общество, и правительство воспитывались изъ поколѣнія въ поколѣніе во взаимномъ недовѣріи, насмѣшкахъ, сыскахъ, подсиживаніяхъ.

И оттого шелъ сумбуръ. Онъ отражался и въ рѣчахъ „салона".

---

*) См. выше: февраль, стр. 560.

— То, что̀ происходитъ теперь,—сказалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ Кардановой,—меня не изумляетъ, а возмущаетъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Во всѣхъ.

— Поясните вашу мысль.

— Извольте. По моему, всѣ эти свободолюбивые разговоры—бредни. Нужно вернуться къ старому. Я за старый порядокъ, а не за эти поэтическія весеннія грезы. Нашъ народъ, о которомъ, кстати сказать, сегодня за все это время никто у васъ въ салонѣ не сказалъ ни одного слова, ни добраго, ни злого, до того игнорируютъ у насъ эту quantité négligeable,—усмѣхнулся онъ,—рѣшительно не нуждается въ какихъ-то реформахъ.

Вешняковъ услыхалъ эти слова и всплеснулъ руками.

— Ни въ какихъ,—твердо повторилъ молодой человѣкъ.—Онъ вѣритъ въ прежній правопорядокъ. Ему нужна земля, вѣра въ царя и въ православіе. Больше ему ничего не нужно. Я вѣдь тоже когда-то былъ краснымъ на студенческой скамейкѣ, но теперь...

— Когда сдѣлался чиновникомъ министерства,—продолжалъ за него Калитинъ, нагнувшись къ Вешнякову,—сдѣлался ренегатомъ.

— Что̀ вы сказали? — вдругъ покраснѣвъ, спросилъ его молодой человѣкъ.

— Ничего, это такъ, a parte.

— Впрочемъ, мнѣ все равно, что̀ бы вы ни сказали, Калитинъ. Я твердо всюду и вездѣ высказываю свои впечатлѣнія и мнѣнія. Намъ не нужны реформы, нашъ народъ къ нимъ неподготовленъ.

— Это вѣдь говорили и при освобожденіи, — вставилъ Калитинъ. Онъ неподготовленъ, это вѣрно. Но вѣдь и тогда онъ былъ неподготовленъ къ свободѣ. А какъ его подготовить при этомъ режимѣ? Если сознательно устранить отъ него просвѣщеніе и спаивать водкой, хотя бы и казенной, если его держать во тьмѣ церковнаго православія, то онъ будетъ во вѣки вѣковъ неподготовленъ! А при этомъ режимѣ будетъ всегда такъ. Слѣдовательно, надо рѣшиться на поколебаніе самого режима. Иначе это будетъ cercle vicieux.

Небрежно выслушавъ его, оппонентъ продолжалъ, не обративъ вниманія на его слова:

— А общество? Вотъ наша интеллигенція, — обвелъ онъ глазами комнату съ присутствующими. — Вотъ наше будущее представительное собраніе.—Онъ фыркнулъ.—Всѣ говорятъ не

по существу, а „по поводу“. Никто говорить не умѣетъ. Сколько человѣкъ—столько мнѣній. И никого не убѣдить, потому что никто не уважаетъ другъ друга, всякій считаетъ себя умнѣе другого, и никто не умѣетъ спорить. Извѣстно: споръ русскій—безсмысленный и безтолковый, или что-то въ этомъ родѣ. Отчего *это* происходитъ?

— Да все отъ того же, г. Боль,—отвѣтилъ Калитинъ.—Если вамъ съ дѣтства зажимаютъ ротъ, то какъ вы научитесь говорить? Если вамъ съ дѣтства, при малѣйшей вашей попыткѣ выразить самостоятельную мысль, кричатъ: „молчи! слушай, что говорятъ старшіе!“—то какъ вы научитесь спорить?

— По моему,—вступилъ въ разговоръ Кучиновъ,—вы говорите вовсе не о томъ. Я, какъ и Боль, противъ всякихъ реформъ. Но расхожусь съ нимъ въ смыслѣ объясненія причинъ такого отрицанія. По моему, важнѣе всего—не крупныя реформы, а малыя дѣла. Изъ чего состоитъ океанъ?—Изъ капель воды. Если бы не было капли—не было бы океана. Вѣрно? По моему, капля важнѣе океана, какъ копѣйка важнѣе рубля, ибо изъ нея составляются милліоны. Вотъ какъ по моему. Дѣлайте каждый малыя *дѣла*. Изъ этого выйдетъ само собой огромное дѣло. Но огромное дѣло, по моему, не сдѣлать вдругъ, и сразу, и самостоятельно, да это и ненужно. Нужны малыя дѣла. Вы меня понимаете? Это не „толстовство“, которое предлагаетъ личное самоусовершенствованіе. Это недурно и не лишнее, но суть не въ этомъ. Я говорю не о духовномъ самоусовершенствованіи, я говорю о малыхъ *дѣлахъ*. Изъ двухъ маленькихъ дѣлъ сложится третье маленькое дѣло, но уже побольше. А изъ трехъ побольше—одно крупное. Человѣку свойственны, по моему, малыя дѣла. Мы не титаны. Вы меня понимаете?

Но его никто не понималъ.

Онъ говорилъ скучно, вяло, путаннымъ языкомъ, и всѣмъ сдѣлалось скучно.

Зеленая скука точно вползла въ комнату, когда Кучиновъ начиналъ говорить о своихъ излюбленныхъ „малыхъ дѣлахъ“ и своихъ мѣщанскихъ узенькихъ идеалахъ.

Онъ всегда говорилъ въ концѣ, когда утомленное сознаніе слушателей обезпечивало ему иллюзію вниманія. Онъ довольствовался этимъ молчаливымъ и скучающимъ слушаньемъ и тянулъ свою нудную рѣчь, наслаждаясь ею.

Но удивительно, что когда онъ начиналъ говорить, то, нѣсколько мгновеній спустя, начинался разъѣздъ.

И теперь гости вставали и уходили, прощаясь съ Кардановой.

Одинъ за однимъ уходили они, и залъ пустѣлъ.

Анна давно уже куда-то исчезла съ Лубянскимъ. Скоро въ гостиной остались только Ольга съ Забѣлинымъ, все еще сидѣвшіе за трельяжемъ. Провожая гостей, Карданова нѣсколько разъ съ тревогой и недоумѣніемъ взглянула въ ихъ сторону, но они не замѣчали или не хотѣли замѣчать ея взглядовъ.

Политическіе разговоры въ этомъ салонѣ совершенно ихъ не интересовали.

Они сидѣли какъ будто связанные тайной, имъ одной извѣстной, имъ одной милой. Лица ихъ были блѣдны и серьезны, голоса взволнованы, глаза горѣли.

Карданова, расточая банальныя фразы уѣзжавшимъ, подумала:

„Очевидно, у Ольги и Забѣлина романъ въ разгарѣ... въ томъ періодѣ, когда нельзя уже дуть на пламя, потому что его больше не потушить: оно только разгорится въ пожаръ. Но что̀ же дѣлать?! Вѣдь это ужасно! И какъ это я не усмотрѣла?"—Въ слѣдующій разъ?—отвѣчая на обращенный къ ней вопросъ, сказала она.—Конечно, конечно. А вы, тетя...—она называла такъ Таису Александровну,—вы пріѣдете обѣдать?

— Не знаю. У меня дѣла. Да мнѣ и пора домой, въ деревню. Не такое, милая, время, чтобы у васъ здѣсь по салонамъ околачиваться.

— Но вы заѣдете проститься?

— И того, милая, не знаю.

„Надо бы поговорить съ Ольгой. Или дѣлать видъ, что ничего не замѣчаю? — раздумывала Карданова. — Или сказать? Вѣдь это ужасъ, ужасъ".

Но она такъ и не пришла ни къ какому опредѣленному рѣшенію, а вдругъ вспомнила объ Аннѣ.

„А эта что̀? Куда она исчезла со своимъ Лубянскимъ? Не знаю, что̀ и дѣлать съ своими дѣвчонками! Ахъ, если бы былъ живъ Петръ Александровичъ! Онъ бы научилъ..."

Ея глаза затуманились слезами.

— Условимся! — вдругъ раздался голосъ Лубянскаго. — Это аксіома: ежели я въ васъ влюбленъ... замѣтьте: „влюбленъ", а не люблю, то, слѣдовательно, имѣю право говорить такъ, какъ говорю, независимо отъ того, какія вы чувства питаете ко мнѣ.

— Никакихъ.

— Вздоръ-съ, молодой человѣкъ, какъ выражаются у насъ въ институтѣ. Никакихъ чувствъ можно не питать къ катушкѣ, а я—человѣкъ-съ. Но и это все равно. Я питаю, я и говорю.

— Это нужно еще доказать.

— Что именно?

— Да вотъ что: если вы что-то питаете, то имѣете право... и такъ далѣе...

— Это—аксіома; она не требуетъ доказательствъ по своей очевидности.

— Это теорема.

— Плохой вы математикъ, молодой человѣкъ...

Лицо Лубянскаго было красно.

Анна уводила его въ столовую и поила мадерой, въ которую онъ былъ тоже влюбленъ, можетъ быть даже больше, чѣмъ въ Анну.

Въ передней появились Ольга и Забѣлинъ.

Забѣлинъ, вытянувъ руку, незамѣтно ловилъ руку Ольги и, поймавъ, крѣпко сжалъ ее.

— Гдѣ же завтра?—спросилъ онъ шопотомъ.

— Нигдѣ. Невозможно,—быстро отвѣтила она.

— Умоляю!—стономъ вырвалось у него.

Она взглянула на него, и радостный, счастливый огонекъ зажегся въ ея взорѣ.

Поколебавшись съ минутку, она вдругъ рѣшительно прошептала:

— Завтра—нѣтъ. Будемъ обѣдать у Контана во вторникъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но еще больнѣе сжалъ ея руку и благодарнымъ, счастливымъ, блуждающимъ взоромъ посмотрѣлъ на нее.

XIX.

Была отвратительная погода: шелъ мокрый, крупный снѣгъ, падая на грязныя улицы съ грязнаго неба.

Желтый туманъ, густой пеленой облегавшій городъ, расходился и, вмѣсто него, надъ улицами разстилался теперь сѣрый пологъ непроницаемаго, безнадежнаго въ своей унылости неба.

Намокшія улицы, и дома, и прохожіе имѣли жалкій, унылый видъ. Тускло, мрачнымъ опаловымъ пламенемъ горѣли фонари—печальные огни жизни среди этого мертваго загадочнаго города! Загадочный городъ! Городъ на болотѣ, столица обширной имперіи, какой-то незавершившійся въ своемъ образованіи міръ, населенный загадочными людьми, наполняющими театры и рестораны, швыряющими подъ звуки веселой музыки золотомъ въ то время, когда родина переживаетъ грозную войну и тяжелый внутренній кризисъ.

А здѣсь, въ уютномъ залѣ ресторана, горитъ электричество, среди цвѣтовъ льется золотымъ ручьемъ шампанское, льются страстными волнами звуки мелодіи, мѣшаясь съ рѣчами мужчинъ, говорящихъ комплименты разряженнымъ дамамъ.

— Близкое паденіе Портъ-Артура! — выкрикиваютъ мальчишки на троттуарахъ. — Послѣдніе дни Портъ-Артура!.. Телеграммы!

Но публика, расходясь изъ конторъ и департаментовъ, спѣшитъ по домамъ.

Сколько разъ уже выкрикивается этотъ заголовокъ! Сколько разъ предсказано было паденіе этой твердыни!

Никто не хотѣлъ вѣрить ему, потому что Портъ-Артуръ, все это печальное время, былъ единственной свѣтлой грезой этого грознаго, тяжелаго сна.

Но теперь получились телеграммы объ очевидно послѣднихъ дняхъ крѣпости. „Люди стали тѣнями". Портъ-Артуръ палъ. Палъ послѣ славной, геройски-эпической защиты, палъ, какъ подкошенный злой рукой Рока великанъ, какъ все падаетъ теперь въ многострадальной Россіи, какъ упалъ осужденный режимъ, какъ упали символы, еще недавно казавшіеся священными, какъ упалъ престижъ государства, какъ упали развѣнчанныя имена, недавно еще столь громкія. Рука суровой Немезиды опустилась на Россію.

Въ этотъ вечеръ Забѣлинъ подъѣзжалъ въ каретѣ къ Контану, вмѣстѣ съ Ольгой.

Это уже не въ первый разъ.

Любовь ихъ зашла далеко въ смыслѣ чувства, а въ смыслѣ практическаго осуществленія его — все еще топталась на мѣстѣ.

Въ послѣднее время имъ негдѣ было видѣться. Лица ихъ пріобрѣли особое выраженіе, и на нихъ можно было прочесть всю исторію ихъ любви, больной любви больного вѣка.

И какъ на лицѣ Каина, проклятаго Богомъ, наложившимъ на него печать зла, на ихъ лицахъ лежала эта печать, и имъ стало необходимо скрываться отъ людей.

И они походили на преслѣдуемыхъ охотникомъ страусовъ. Они прятали свои головы въ рестораны, но это не спасало ихъ отъ чужихъ взоровъ.

И всѣ знали ихъ исторію, и всѣ дивились ей.

Имъ самимъ ихъ любовь казалась необычной, невѣроятной, сказочной.

Налетѣла она вихремъ изъ невѣдомой страны, явилась среди мелодіи и цвѣтовъ, и продолжалась среди потоковъ шампанскаго и потѣшныхъ огней театровъ.

Какъ, и гдѣ, и когда она началась—они не знали. Но стали необходимыми другъ другу, какъ воздухъ, и одинъ безъ другого задыхались.

— Кабинетъ! — взволнованнымъ голосомъ сказалъ Забѣлинъ встрѣтившему его въ вестибюлѣ лакею.

Ему самому показался его голосъ страннымъ, неестественнымъ, чужимъ.

— Есть, пожалуйте! — отвѣтилъ спокойно и просто лакей.

И провелъ ихъ въ кабинетъ.

И тотчасъ же, сквозь спущенныя сторы открытаго въ общій залъ окна, донеслись до нихъ рыдающіе звуки аріи умиравшей Травіаты.

Въ этой банальной аріи, къ которой такъ давно и всѣ уже привыкли, имъ показалось столько муки трагически-погибающей грѣшной любви, такъ много печали и страсти, и столько слезъ въ этой замирающей въ предсмертномъ вожделѣніи скрипки, что имъ сдѣлалось сладко и жутко.

Дрожащими руками Забѣлинъ снялъ съ Ольги ея пуховый платокъ, которымъ она закрыла лицо и отъ мокраго снѣга, и отъ любопытныхъ взоровъ. Потомъ снялъ ея пальто, галоши, шляпку.

Она на этотъ разъ была одѣта просто, такъ просто, какъ только умѣютъ одѣваться элегантныя женщины.

Забѣлинъ распорядился относительно обѣда и шампанскаго. Еще съ утра онъ заказалъ цвѣты, и столъ былъ украшенъ блѣдно-желтыми розами, бѣлыми камеліями и орхидеями.

Пахло цвѣтами, крѣпкими духами Ольги, тонкимъ сигарнымъ дымомъ, доносившимся сюда, сквозь сторы, изъ зала.

Имъ не хотѣлось ѣсть.

Обѣдъ для нихъ — вѣдь это ритуалъ, предлогъ, чтобы гдѣ-нибудь сойтись, не на глазахъ у людей, въ подходящей обстановкѣ. И, конечно, ресторанная обстановка была не очень подходящей для ихъ пряной, красивой любви двухъ эстетовъ, но это было все-таки лучше, чѣмъ сидѣть на вытяжку въ гостиной „салона Рекамье“.

Забѣлинъ хотѣлъ бы сидѣть съ Ольгой подъ кущами лавровъ и кипарисовъ, въ лунную лѣтнюю ночь, на берегу залитаго серебромъ моря, среди сладко благоухающихъ олеандровъ.

Онъ хотѣлъ бы слушать рокотъ моря, пѣніе цикады и мягкій, грудной, милый голосъ Ольги. Онъ хотѣлъ бы любоваться ея тонкимъ, обаятельнымъ профилемъ, ея чудными мечтательными глазами и молодымъ, свѣжимъ ртомъ; ея очаровательной

улыбкой, ея ровными жемчужными зубами, ея тонкой, какъ тростинка, фигурой.

Или сидѣть въ какомъ-нибудь старинномъ павильонѣ стильной постройки, среди вѣковыхъ деревьевъ стараго парка, на берегу поросшаго зеленью пруда.

Онъ даже представлялъ себѣ этотъ павильонъ, весь заросшій плющомъ. Ахъ, плющъ, съ его эмблемой: je meurs où je m'attache! Вѣчно зеленый плющъ, умирающій около того ствола, который онъ цѣпко и любовно обвилъ своими вѣтвями. Вѣрный, преданный до гроба, знающій только одну привязанность, одну любовь въ своей жизни!

И еще представлялся Забѣлину роскошный зимній садъ подъ стекляннымъ куполомъ, сквозь который мечтательно и одиноко блистали бы звѣзды на безмолвномъ небѣ, а внизу, среди темной зелени, бѣлѣли бы розовато-мраморныя статуи миѳологическихъ богинь, античныхъ красавицъ. И онъ смотрѣлъ бы на эти статуи и на нее, и сравнивалъ бы ихъ красоту. И, конечно, живая красота Ольги казалась бы ему тоньше, изящнѣе, деликатнѣе холодной красоты мрамора.

Но нѣтъ ни моря, ни стараго парка, ни зимняго сада. Все это поэзія, которою онъ съ такой любовью и успѣхомъ занимается въ часы досуговъ отъ своихъ обязательныхъ адвокатскихъ обязанностей. Да, все это — поэзія.

„Увы, — подумалъ онъ, — весь трагизмъ человѣческой жизни заключается въ томъ, что существуетъ гдѣ-то Поэзія, что она живетъ около людей, неуловимая какъ мечта, невидимая, какъ Грёза, свѣтлая, радостная и неосязаемая".

И приходится замѣнять ее ужасными суррогатами. Паркъ — вотъ этими срѣзанными цвѣтами; бесѣдку съ плющомъ — этимъ рестораннымъ кабинетомъ, а лунный свѣтъ — этимъ электричествомъ. И красивая любовь блѣднѣетъ отъ этой замѣны, и красивыя рѣчи теряютъ въ своей красотѣ.

Но что дѣлать! Волшебную сказку своей мечты не водворишь въ ресторанномъ кабинетѣ пасмурнаго унылаго города.

XX.

Они остались вдвоемъ.

Оба взглянули другъ другу въ глаза, безъ улыбки, безъ словъ. Въ этихъ обмѣненныхъ взглядахъ было столько печали, что обоимъ сдѣлалось жутко.

Они заключили другъ друга въ объятія и крѣпко сжали одинъ другого.

Лакей вошелъ и сталъ подавать обѣдъ.

Забѣлинъ нѣсколько дней уже не видѣлъ Ольги. Такъ сложились у нихъ обстоятельства.

Накопившееся въ немъ и въ ней чувство любви властно требовало исхода. И оно разрѣшалось теперь въ ихъ взглядахъ—безотчетно веселыхъ, въ ихъ безмолвныхъ улыбкахъ, въ ихъ рукопожатіяхъ.

Они искали другъ друга глазами, мыслью, всѣмъ существомъ своимъ. Такъ ищутъ, вѣроятно, другъ друга двѣ половины одной раздѣленной души, брошенной въ міръ, по миѳу Платона.

Души ихъ были родственны, несомнѣнно. Оба были красивы, мечтательны, испорчены жизнью

У обоихъ было болѣзненно развито воображеніе. Что-то нездоровое въ ихъ смутныхъ рѣчахъ, какая-то жажда дерзкаго протеста противъ всего условнаго, общепринятаго, банальнаго. И смѣлость желанія, доведенная до культа.

— Я страдалъ,—заговорилъ Забѣлинъ.—Я страшно страдалъ эти дни, что тебя не видѣлъ.

Голосъ его былъ хриплымъ, взволнованнымъ, скачущимъ. Въ немъ были странныя нотки, то вдругъ поднимавшіяся чуть не до крика, то падавшія до шопота.

— Я не зналъ, что̀ съ тобою. Я, главное, не зналъ, какъ ты ко мнѣ относишься. Можетъ быть, мечта прошла, наступило пробужденіе? Я страдалъ, я страдалъ ужасно,—повторялъ онъ, какъ-будто эти слова доставляли ему несказанное удовольствіе.

— Ты меня любишь?—сказала она, какъ будто отвѣчая на свои мысли, а не на его рѣчи.—Но какъ? Я не признаю банальной любви, эпилогъ которой — обладаніе. Пока идутъ къ этому обладанію, подымаются все выше и выше, и путь усѣянъ цвѣтами и залитъ золотыми лучами. А потомъ нисхожденіе: темно, холодно и вмѣсто цвѣтовъ — терніи.

— Я не знаю, какъ... Но знаю, что когда не вижу тебя—страдаю. Всѣ мысли, всѣ чувства, все существо мое проникнуто одною тобою. Вотъ все, что̀ я знаю. Больше я ничего не знаю и не желаю знать. Видѣть тебя, мою красавицу, слышать твой очаровательный голосъ, дышать съ тобой однимъ воздухомъ... Ты сама мой воздухъ, ты мнѣ необходима, какъ воздухъ. И безъ этого воздуха я задыхаюсь.

Онъ смотрѣлъ на нее горящимъ взоромъ, въ которомъ была

страсть, перемѣшанная съ печалью. Что-то скорбное звучало въ его голосѣ, постоянно прерывавшемся отъ недостатка дыханія.

Иногда, вглядываясь въ нее, онъ вдругъ закрывалъ глаза, какъ бы ослѣпленный яркимъ блескомъ ея красоты.

И она вся сжималась подъ этимъ болѣзненнымъ обожаніемъ, и ей дѣлалось холодно не то отъ страха, не то отъ какого-то новаго чувства, до сихъ поръ ею неизвѣданнаго.

Потомъ ей дѣлалось теплѣе, радостнѣе, и она начинала говорить.

— Нельзя такъ любить... Не нужно, милый. Я не люблю тебя *такъ*...

— А какъ?—съ горькой ноткой въ голосѣ вскрикнулъ онъ.

— Я не знаю. Иначе. Ты не поймешь. Мнѣ не нужно твоего чувства... Ты дѣйствуешь на меня иначе. Вотъ какъ это шампанское. — Она отпила полстакана. — Оно кружитъ голову, пьянитъ. Пока его пьешь, хочется чего-то необыкновеннаго. Потомъ забываешь о немъ до новаго случая, а иногда тянетъ къ нему неудержимо. Но я не могла бы его пить дома, такъ просто. Нужно, чтобы была музыка, свѣтъ, цвѣты, духи и красивыя слова. Нѣтъ, я не знаю, что̀ говорю.—Она провела рукой по своему красивому лбу. — У тебя глаза любовника... и губы, созданныя для поцѣлуевъ. Ты красивъ, ты очень красивъ, Юрій, и имя у тебя красивое.—Она выпила еще шампанскаго. — Это капризъ. Ты—мой капризъ. Я думаю...

— Что̀?—съ тревогой спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего.

— Что этотъ капризъ пройдетъ? И скоро?

Онъ сжалъ свои пальцы и поблѣднѣлъ.

— Не знаю. Я долго думала, какъ, когда и гдѣ это началось? Я не могла найти начала. А гдѣ нѣтъ начала, тамъ не должно быть и конца. Я не говорю, что это будетъ вѣчно— тогда это было бы пошло и, конечно, некрасиво. А мнѣ дорого все, что̀ красиво.

— Такъ что̀ же ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что конецъ затеряется, какъ и начало. Понимаешь? Такъ вотъ я и не буду знать, когда это кончится; но это кончится, должно кончиться.

Онъ грустно опустилъ голову и сталъ еще блѣднѣе.

Глаза у него приняли измученное, усталое выраженіе, и тогда онъ казался очень ужъ постарѣвшимъ.

— Да, это кончится, я самъ знаю и чувствую это. О, не съ моей стороны!—поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ ея уди-

вленный и строгій взоръ. — Это кончится съ войной. Вернется съ войны Леонидъ Егоровичъ и вступитъ „въ свои права".— Онъ произнесъ это жестко.—Я долженъ буду удалиться. Ménage à trois не по мнѣ. Я буду страдать, страдать ужасно, но уйду, Уйду такъ же внезапно изъ твоей жизни, какъ пришелъ въ нее, Ольга. Вѣдь ты не хочешь, не можешь бросить его?

— Не могу. Ты это знаешь. Это убило бы его. Да и многое другое. Родные, положеніе въ обществѣ, младшая сестра и многое, многое другое. И потомъ—онъ герой. Онъ любитъ меня...

Забѣлинъ прервалъ ее, взявъ крѣпко за руку.

— А ты его?—страстнымъ шопотомъ вырвалось у него.

Она отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, я не люблю его. Я не знаю. Онъ тоже красивъ, онъ моложе тебя, онъ... Но онъ добродѣтеленъ, онъ — герой! Онъ не умѣетъ любить. Въ его любви есть что-то домашнее, буржуазное, элементъ постоянства, вѣчности, добродѣтели. Я не люблю ни крупныхъ, ни мелкихъ героевъ.

— Добродѣтель красива въ обстановкѣ пустыни, римскаго цирка, геройскаго подвига... а не въ обыденной жизни.

— Именно,—согласилась она.—А такъ, въ нашихъ каменныхъ домахъ, въ нашемъ хмуромъ городѣ безъ зелени, подвига и цвѣтовъ, въ нашихъ хмурыхъ квартирахъ, она — невыносимо-мѣщанская. Въ тебѣ есть что-то порочное. Въ порокѣ всегда есть дерзость, смѣлость, порывъ. А всякій порывъ—красивъ.

— Ты права, Ольга. Дерзко то, что мы дѣлаемъ. Дерзко и порочно. Я думалъ объ этомъ. И остатки совѣсти мучатъ меня иногда.

Она внимательно посмотрѣла на него, и въ глазахъ ея появилось чуть презрительное выраженіе.

— То-есть?—протянула она.

— Я хочу сказать: я — другъ Леонида, его единственный другъ. Уѣзжая, онъ поручилъ мнѣ заботиться о тебѣ. Онъ испытываетъ тамъ на войнѣ всевозможныя лишенія, ужасныя лишенія: иногда голодъ, холодъ, всякій ужасъ. А мы...— Забѣлинъ сдѣлалъ жестъ рукою — а мы пьемъ шампанское, ѣдимъ устрицы. Онъ лишенъ твоего общества, всѣ его думы около тебя, онъ страдаетъ въ разлукѣ съ тобою. А мы... а мы наслаждаемся. Вдали отъ насъ идетъ кровавый бой не на жизнь, а на смерть съ страшнымъ врагомъ. Внутри, около насъ, закипаетъ буря, общество волнуется, всѣ мелкіе интересы отошли на задній планъ. А мы укрылись въ этотъ цвѣточный оазисъ,— онъ выхватилъ изъ вазы вѣтку желтой кризантемы и размахи-

валъ ею въ тактъ своимъ словамъ. — Мы опьянены этими звуками вальса, этимъ виномъ, нашей любовью. И весь пьяный, съ помутившимися мыслями и чувствами, я краду у Леонида то, что̀, можетъ быть, ему дороже жизни.

— Постой, постой,—начала она, но онъ продолжалъ:

— Дай договорить. Я говорю объ этомъ въ первый и, конечно, въ послѣдній разъ. Дай договорить. Ну, такъ вотъ, это подло. Съ какой хочешь точки зрѣнія — подло. И я подлецъ. Сознательный подлецъ — и мнѣ нѣтъ оправданія. Но изъ этого ты видишь, какъ велика моя любовь. Я принесъ тебѣ въ даръ, я сложилъ у твоихъ ногъ самое дорогое, что̀ есть у каждаго мужчины—чувство чести...

— Еще не поздно,— съ насмѣшкой сказала она.

— Поздно! — хриплымъ голосомъ крикнулъ Забѣлинъ и отшвырнулъ отъ себя кризантему. Потомъ залпомъ выпилъ стаканъ шампанскаго. — Поздно! По крайней мѣрѣ, у меня нѣтъ больше силъ, нѣтъ воли, чтобы вернуться. Я взошелъ слишкомъ высоко по ступенямъ, какъ ты говоришь. Я боюсь оглянуться назадъ, чтобы не упасть въ пропасть небытія.

— Но если такъ...

— Еще два слова. Недавно со мной говорилъ въ вашей гостиной отецъ Виѳанскій. Онъ вѣдь не изъ тѣхъ, которые чуждаются вопросовъ жизни. Онъ говорилъ о Мамаевѣ и Стаховской. Онъ упрекалъ Мамаева. Какъ можно заниматься любовью въ такое время? Мамаевъ — человѣкъ серьезный, по его мнѣнію. А онъ поглощенъ своимъ романомъ. Батюшка говорилъ, что любовные романы теперь ему кажутся чрезвычайно мелкими. Что фонъ, на которомъ они происходятъ, слишкомъ грандіозенъ и грозенъ, и что любовныя исторіи на этомъ фонѣ ему кажутся пошлыми. Люди могли бы отложить всѣ эти личныя чувства. Даже романъ Ромео и Джульетты ему показался бы блѣднымъ и мелкимъ, если бы происходилъ у насъ, въ наше время.

Она нерѣшительнымъ движеніемъ передернула плечами.

— Я возражалъ ему. Я сказалъ, что война — явленіе временное. Что переустройство общественнаго строя—явленіе временное. Что любовь — явленіе вѣчное. А то, что̀ вѣчно — не можетъ быть пошло и мелко, какъ бы пошло и мелко оно ни казалось въ своихъ проявленіяхъ. Въ любви есть элементы вѣчности. И во время страшныхъ дней Террора, когда головы валились, какъ колосья отъ косы, когда не было увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и сегодняшнемъ часѣ, и тогда въ Парижѣ любили, и тогда занимались романами. Для чего я это говорю?—

Онъ потеръ себѣ лобъ.—Я не знаю. Да, вотъ! Моя любовь мнѣ кажется огромной. И фонъ событій ничуть не умаляетъ ее. Наконецъ, человѣкъ не властенъ вѣчно горѣть гражданскими чувствами. И чувства сердца властно владѣютъ имъ. Но чѣмъ огромнѣе мнѣ кажется моя любовь, тѣмъ огромнѣе мое преступленіе. И что я подлецъ, крадущій счастье другого, лишеннаго активной возможности защищать его, это я теперь знаю. Я подлецъ, я подлецъ, — повторялъ онъ, и снова эти слова точно доставляли ему наслажденіе.

XXI.

Онъ опустилъ голову на руки, и сухія, безслезныя рыданія потрясли его. Онъ былъ жалокъ.

Оркестръ игралъ „Золотой вальсъ“ изъ „Лебединаго озера“. Цвѣты подъ электричествомъ благоухали. Ольга — прекрасная, изящная и порочная отъ любви и шампанскаго — смотрѣла на него, не зная, на что рѣшиться: на презрѣніе или состраданіе.

И вдругъ ей сдѣлалось его жаль.

Она нѣжно взяла его за руку.

— Юрій,—проговорила она своимъ чуднымъ голосомъ, въ которомъ слышались глубокія металлическія нотки. — Юрій! Ты сталъ поздно думать объ этомъ. Поздно для тебя: душа твоя уже отравлена любовью или страстью—это все равно. Но не поздно еще для меня. Я могу прекратить этотъ романъ такъ же легко, какъ начала его.

— О, ты меня не любишь! — вскрикнулъ онъ, отнявъ отъ лица руки.

— Нѣтъ, не люблю,—спокойно проговорила она.—Развѣ я тебѣ не сказала этого съ самаго начала? Нѣтъ, нѣтъ, я не люблю тебя, то-есть, не люблю такъ, какъ ты любишь. Но развѣ я не могу тебѣ дать счастье, какъ мы его понимаемъ? Ты недоволенъ? Ты чувствуешь себя несчастнымъ?—Она не дала ему времени отвѣтить.—Скажи, чтобы подали ликеры.

Весь взволнованный, дрожащій, онъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе, овладѣлъ собою, позвонилъ, отдалъ приказаніе лакею, выждалъ его прихода съ ликерами, и тогда только, когда лакей заперъ дверь, сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Я счастливъ, когда съ тобою. Тогда я не думаю ни о чемъ. Мнѣ кажется, что я не на землѣ и не на небѣ. Мнѣ кажется, что я сплю, грежу, вижу невѣроятный сонъ, и тогда мнѣ хочется только любить, только молиться тебѣ и плакать. И

я какъ-то странно сознаю, что это сонъ, только сонъ, послѣ котораго наступитъ страшное пробужденіе. И тогда мнѣ дѣлается больно, такъ больно, что кажется мнѣ, будто я погибаю. Но... я счастливъ, счастливъ, когда тебя вижу.

— Ну, вотъ, видишь. А больше ничего вѣдь и не нужно.

— Ахъ, что̀ ты говоришь, Ольга! Я счастливъ, потому что пьянъ. Пьянымъ счастьемъ я счастливъ. Пойми, съ утра я уже пьянъ...

Она посмотрѣла на него широко открытыми глазами.

— Что̀ за вздоръ! Вы пьете?

Онъ пожалъ плечами.

— Да нѣтъ же, нѣтъ. Я пьянъ отъ любви къ тебѣ. День, въ который мнѣ предстоитъ свиданіе съ тобою, проходитъ въ угарѣ. Я теряю способность сознавать дѣйствительность. Я ничего не могу дѣлать, не въ состояніи прочитать газету. Строки мелькаютъ, фразы проходятъ мимо моихъ глазъ, но мысли уходятъ, плывутъ, и мозгъ мой гвоздитъ одна мысль, одно слово, одно имя, въ которомъ для меня осуществляется весь міръ: Ольга, Ольга, Ольга! Тотъ день, въ который я знаю, что не увижу тебя, для меня ужасенъ. Мнѣ тогда кажется, что я умеръ; что небо и земля закрылись для меня, что вся жизнь прекратилась. И тогда я дѣлаюсь глубоко-глубоко несчастенъ. Ахъ, Ольга, мнѣ кажется, я боленъ. Я боленъ душой. Но вотъ теперь я счастливъ... счастливъ безъ думъ, безъ размышленій, какимъ-то глупымъ, смѣющимся и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелымъ, трагическимъ счастьемъ. Но вѣдь всему бываетъ конецъ. И это страшно. И этому обѣду будетъ скоро конецъ, а потомъ надо ждать, когда это снова удастся.

— Выпей ликеру,—сказала она.—И не нервничай. Ты—поэтъ. У тебя на глазахъ повязка. Ты не смотришь, а мечтаешь. Надо быть спокойнѣе. Надо быть философомъ. Ты меня любишь. Прекрасно. Люби и не думай ни о чемъ другомъ. Это наша русская манера—любить съ горечью, вливать въ прекрасный напитокъ каплю яда и двѣ капли рефлексіи. Ты счастливъ—и прекрасно. Что̀ же нужно еще?

Онъ отпилъ ликеру изъ высокой, узкой рюмки, поставилъ ее на столъ, и подъ мелодію романса заговорилъ, точно мелодекламировалъ:

— Нужна полнота ощущенія, Ольга. Нужна взаимность чувства. Безъ этой полноты и взаимности нѣтъ счастья на землѣ. Безъ тебя я страдаю. Ты не принадлежишь мнѣ. Ты принадлежишь Леониду, моему другу... — онъ горько усмѣхнулся, — быв-

шему другу. Я безчестно ворую его счастье, потому что знаю, онъ любитъ тебя. Совѣсть ужасно мучитъ меня. И когда мнѣ звучитъ твое имя—Ольга, рядомъ съ нимъ раздается другое имя—Леонидъ. И я спрашиваю себя: „что ты дѣлаешь? а Леонидъ?“

Она звонко засмѣялась.

— „А наказанье, муки ада?.. Такъ что-жъ! Ты будешь тамъ со мной!“ Милый, — вдругъ серьезно заговорила она, — тебѣ остается одно: выбирай между Леонидомъ и мною. Между дружбой и любовью. На твоемъ мѣстѣ я выбрала бы второе. Жизнь коротка, милый, очень коротка. Весна короче лѣта и лѣто непродолжительно. Длиннѣе всего осень и зима. Нужно пользоваться солнечными днями. Нельзя всю жизнь думать о другихъ и лишать себя счастья. Нельзя все время думать о счастьи другихъ—тогда вѣчно будешь несчастенъ и уйдешь изъ жизни, не испытавъ ничего хорошаго.

Она еще налила себѣ рюмку ликера и выпила его.

Глаза ея загорѣлись.

Она продолжала говорить, качая головой въ тактъ подъ музыку.

— Ты знаешь, какъ я страдала, когда уѣзжалъ Леонидъ; ты знаешь, какъ я его любила. Когда онъ уѣхалъ, мнѣ казалось, жизнь кончилась. Я заперлась въ домѣ maman, никого не хотѣла видѣть, ни съ кѣмъ ни о чемъ говорить. И такъ я прожила много, много мѣсяцевъ. Но жизнь вдругъ воскресла. Юрій, повѣрь мнѣ, не мы управляемъ жизнью, а она—нами. Тщетно бороться съ нею. Почему я знаю, какъ, когда и гдѣ я встрѣтила тебя и полюбила?

— Но ты только-что сказала, что не любишь меня...

Она заморгала глазами и засмѣялась.

— Ну, да. Не люблю такъ, какъ ты понимаешь. Но другого слова нѣтъ, и я беру то, что есть. L'amour, c'est l'échange de deux fantaisies ou le contact de deux épidermes. Вотъ какъ я тебя люблю. Въ этомъ смыслѣ. Ты дѣйствуешь на мое воображеніе. Мнѣ нужно видѣть тебя, говорить съ тобой, касаться тебя. Это—чувственно-фантастическій романъ. Мнѣ не нужно эпилога, ты понимаешь? Эпилогъ—это конецъ. Я не хочу допустить до этого. Это было бы банально и по-мѣщански. Съ эпилогомъ—я дѣлаюсь твоей любовницей. Слово-то какое! Брр... Безъ него—я твоя недосягаемая греза.

— Но это не можетъ же продолжаться вѣчно!

— Вѣчнаго ничего нѣтъ. И это хорошо. Когда говорятъ о

вѣчной жизни, я не могу себѣ этого представить, и мнѣ дѣлается скучно. Но можно длить это долго, очень долго. Накоплять, увеличивать, видоизмѣнять впечатлѣнія. Это зависитъ отъ твоего такта и умѣнья. Нечаянныя встрѣчи, сознательныя встрѣчи въ ресторанахъ, въ темныхъ углахъ ложъ или гостиныхъ, торопливыя, опасныя, съ постоянной тревогой, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ и не заговорилъ объ этомъ романѣ... Каждый разъ— новое и неожиданное. Всегда озираться, всего и всѣхъ бояться... И наконецъ, когда удастся быть однимъ, забывать весь міръ, любить страстно, но не доводить этой страсти до конца. Вотъ моя программа. Нравится она тебѣ или не нравится—не знаю. И я не навязываю тебѣ ея. Не хочешь—не надо. Кончимъ все и разойдемся.

— Ахъ, развѣ я могу уйти?—въ полномъ отчаяніи проговорилъ онъ, заломя руки и глядя на нее воспаленнымъ взглядомъ.—Я не могу, не могу. Это уже поздно.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда. Подумай. Я требую отъ тебя всего. Преданности безъ возраженій, послушанія рабскаго, безволія, безсилія, безчестія. Я заставила тебя дѣлать невѣроятныя вещи, и потомъ, когда мнѣ это надоѣстъ, я, можетъ быть, тебя выброшу за бортъ—и все будетъ кончено. И мнѣ будетъ все равно—погибнешь ли ты или останешься жить, будутъ ли тебя считать негодяемъ или честнымъ человѣкомъ. Мнѣ будетъ все равно. Я удовлетворила свой капризъ,—это все, что мнѣ было нужно.

— Ольга!—простоналъ онъ.

— Да, да. Ты видишь, я говорю тебѣ объ этомъ честно, прямо. Теперь ты знаешь, какъ я люблю тебя. Это любовь?

Онъ грустнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее и покачалъ головой.

— Нѣтъ, это не любовь,—упавшимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Это не любовь. Это—безуміе и преступленіе.

— Это все равно. Называй, какъ хочешь. Дѣло не въ словахъ. Я другой любви не знала и не знаю. Я такъ не любила Леонида. Онъ не дѣйствовалъ на меня, какъ ты. Il n'a été jamais un homme à femme. И потому я скучала съ нимъ.

— Но ты только-что говорила, что любила его.

— Развѣ? Ну, я не такъ выразилась. Онъ трогалъ меня своей любовью, своей заботливостью, и я долго-долго плакала, когда разсталась съ нимъ. Привычка, что-ли, я не знаю. Но онъ всегда былъ противъ всякихъ вольностей жизни, и все, что не было установлено мѣщанскимъ ритуаломъ обыденности, счи-

талъ недопустимымъ... Любовь безъ порока — c'est fade. Ты не такой! Говори, что хочешь,—ты не такой. У тебя есть воображеніе и смѣлость. Игра воображенія—вотъ какъ игра этого шампанскаго. Надо влить туда ликеру. Влей мнѣ. Довольно. Отъ этого оно становится крѣпче и ароматнѣе. Мы съ тобой—декаденты. Я думаю, декадентство—это упадокъ, красивый упадокъ... и оно въ томъ, чтобы выходить изъ предѣловъ дозволеннаго.

— Кѣмъ дозволеннаго?

— Установившейся рутиной. Выходить изъ нормы, не идти по ровной дорогѣ—въ этомъ красота. Ты не согласенъ?

Она, видимо, пьянѣла.

Онъ залпомъ выпилъ рюмку ликеру, чтобы затуманить сознаніе, которое упорно не поддавалось опьяненію.

Ольга близко нагнула къ нему свою голову. Ея взоръ заблисталъ передъ нимъ, какъ вспыхнувшій огонь. Онъ протянулъ къ ней руки, уронилъ голову ей на грудь, и губы ихъ встрѣтились въ долгомъ, судорожномъ, нездоровомъ поцѣлуѣ.

— Любишь, любишь? — шептала она, отрываясь отъ его губъ.

— Люблю.

— Но какъ?

— Безумно, страстно, преступно, подло... не все ли равно?..

— Вотъ такимъ и я тебя люблю, — закрывая глаза, прошептала она. — Я тебя встрѣтила—и сразу что-то сказало во мнѣ, что ты тотъ, который мнѣ нуженъ. Ты мой. И когда я въ первый разъ пожала тебѣ руку, что-то вскрикнуло во мнѣ, что ты мой. И когда я обмѣнялась съ тобой взглядомъ, что-то сказало мнѣ, что ты уже мой. Ты мой! Я думала, что любила Леонида. Я и любила его. Добродѣтельно, какъ жена. И онъ меня—какъ мужъ. Въ наше время мало быть мужемъ и женой, надо быть любовниками.

— Въ какое наше время?—спросилъ онъ, чувствуя, какъ у него бьется сердце и стучитъ въ виски и отъ выпитаго вина, и отъ ея поцѣлуевъ, и отъ ея словъ.

— Взвинченное, съ внезапностями, больное... Когда уѣхалъ Леонидъ, я горько плакала; мнѣ казалось, что все кончено для меня, что я больше его не увижу. Я тосковала, скучала, почти годъ провела въ одиночествѣ. И вдругъ вспомнила о тебѣ. Какъ, когда, почему—не знаю. И какъ все это началось—не знаю. Хочу тебя видѣть, чувствовать, любить. Maman говоритъ, что теперь война и еще что-то... Что Россія наканунѣ кризиса, что теперь все „остальное“ должно отойти на послѣдній планъ и

что все личное кажется такимъ ничтожнымъ... Это она, конечно, повторяла слова батюшки.

— Какъ! Ты говорила съ ней о нашей... о нашемъ... романѣ?

Она засмѣялась.

— Ты даже поблѣднѣлъ,—какой ты трусъ! А представь себѣ, что пріѣхалъ бы сюда Леонидъ и имѣлъ бы съ тобой объясненіе. Онъ бы спросилъ тебя:—„ты любишь Ольгу?"—Что бы ты отвѣтилъ ему?

— Ну, ты будь Леонидомъ, а я—я. Спрашивай.

— „Скажи, пожалуйста, Юрій, любишь ли ты Ольгу?"

— О, да. Люблю. Кто же можетъ не любить ее?

— „Такъ, пожалуйста, возьми ее".

— Я не могу ее „взять". Она не вещь, которую можно отдать или принять.

— Это тонкій отказъ?—спросила она съ насмѣшкой, взглянувъ на него.

— Нѣтъ, это защита твоего достоинства, какъ женщины и человѣка.

Она съ благодарностью взглянула на него.

— Вотъ это мнѣ въ тебѣ и дорого, Юрій... Твоя заботливость, твоя нѣжность, все то мелочное вниманіе, которымъ ты меня окружаешь. Цвѣты, которые ты мнѣ даришь, благоговѣніе и поклоненіе. Леонидъ—прекрасный мужъ, но какъ homme à femme онъ никуда не годится. Онъ не тонокъ, не заботливъ, не чутокъ. Онъ не умѣетъ угадывать, предупреждать желанія. Онъ любитъ удобства семейной жизни. Онъ не поэтъ... Ты что меня спрашивалъ? Да! Говорила ли я maman? Нѣтъ, конечно. Это такъ, былъ разговоръ à propos.

— Напрасно ты думаешь, что я испугался,—сказалъ Забѣлинъ.—Я меньше всего думаю о себѣ, когда думаю о тебѣ. Я только боюсь непріятностей для тебя. Конечно, и наша исторія показалась бы Вѣрѣ Алексѣевнѣ мелкой и преступной par le temps qui court.

— И даже во всякое другое время...

— Несомнѣнно. Она была всегда прекрасной женой и добродѣтельной матерью.

— О, да! У нея не было романовъ. Она не знала увлеченій. И въ ея политическомъ салонѣ такая романическая исторія, какъ наша, произвела бы ужасный диссонансъ. Но, скажи, ты вѣдь такой серьезный, умный человѣкъ...

— Merci!

— Ну да. Скажи, отчего это у добродѣтельныхъ матерей выходятъ такія недобродѣтельныя дѣти? Анна имѣетъ очень утомленный видъ въ послѣднее время, а въ глазахъ чертики.

— Въ особенности когда передъ ней Мамаевъ.

— Ты замѣтилъ?

— Конечно.

— Отчего это?

— Что̀ именно? Разница между дѣтьми и родителями или чертики у Анны?

— И то, и другое.

Онъ развелъ руками.

— Потому что между дѣтьми и родителями всегда пропасть. Это какой-то органическій законъ эволюціи поколѣній, нерѣшенный даже Тургеневымъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“. А чертики— потому что она влюблена въ Мамаева.

— Какъ? Вотъ какъ я въ тебя?

— Можетъ быть.

— Наша любовь—преступна. Il parait, que c'est défendu d'aimer en temps de guerre,—съ насмѣшкой сказала она.—Но это вздоръ. Все проходитъ, кромѣ любви. Ты правъ: она—вѣчная. Даже такая, какъ наша. Не между нами вѣчная, а вообще, въ природѣ. Зачѣмъ было создавать человѣка изъ тѣла и души!.. Но я вижу, ты все думаешь о Леонидѣ.

— Да, ты угадала. Я поступаю подло. И если наши отношенія обнаружатся, всякій порядочный человѣкъ вправѣ назвать меня подлецомъ.

Она приложила къ его губамъ руку ладонью.

— Молчи, молчи! Развѣ это такая дорогая цѣна—лишиться добраго имени? Развѣ ты не счастливъ этими моментами, украденными у добродѣтели?

— О, да, счастливъ!—вскрикнулъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Ну, такъ и не думай больше ни о чемъ. Пока этотъ капризъ существуетъ—прекрасно. Уйдетъ—что-жъ дѣлать! Мы живемъ теперь на вулканѣ. Никто ничего не знаетъ о завтрашнемъ днѣ. Ни въ чемъ нѣтъ увѣренности и будущее темно.

Онъ засмѣялся.

— Изъ политическихъ разговоровъ салона Рекамье?

Она нѣсколько разъ весело кивнула головой.

— Да, да! Ну, такъ и будемъ жить минутой. Калитинъ какъ-то говорилъ, что насъ скоро начнутъ вѣшать на фонаряхъ. Всѣ смѣялись. Но онъ серьезно утверждалъ, что какъ только падетъ Портъ-Артуръ, разразится нѣчто ужасное, вродѣ французской

революціи. И онъ тоже говорилъ, что во время ужасовъ французской революціи любовные романы въ Парижѣ продолжались съ прежней силой и никогда не былъ такъ развитъ романтизмъ любви, какъ тогда. Мнѣ это понятно.

— Почему?

— По многому. Любить среди ужасовъ и крови террора. Слезы, стоны, гильотина на улицахъ, а въ домахъ—улыбки, вздохи и поцѣлуи. Красивый контрастъ. Театры, балетъ, концерты, все это было переполнено публикой, и всѣ веселились до упаду, потому, можетъ быть, что чувствовали послѣднюю минуту жизни. Вотъ я представляла себѣ: я здѣсь съ тобою, цѣлую, обнимаю тебя, а завтра меня везутъ въ повозкѣ на гильотину—красиво!

Забѣлинъ весело засмѣялся.

— Фантазія у тебя, Ольга! Откуда ты взяла, что у насъ можетъ быть что-нибудь подобное?! Бредъ Калитина. Онъ—сумасшедшій.

Но она не слушала его. Ей нравились эти аналогіи и параллели, и, взволнованная виномъ и обстановкой, фантазія ея работала.

— Да, это красиво! Красиво жить, когда каждую минуту ждешь смерти. Не обыкновенной смерти въ кровати отъ болѣзней или старости, а смерти внезапной, неожиданной, изъ-за угла. Вотъ такъ идти по улицѣ и думать: а за мной идетъ по пятамъ смерть. Хорошо! Ты хмуришься? Отчего? Ты ея боишься? Я—ничуть. Я не боюсь ея. Я боюсь старости и некрасивой, естественной смерти. Потому что все естественное слишкомъ извѣстно и потому банально. Но смерть трагическая—о, это красиво, красиво! Я думаю—пріятно жить съ порокомъ сердца, если только знать о немъ. Это все равно, что ходить по краю пропасти и рисковать каждую минуту свалиться въ нее.

— Что̀ ты говоришь, что̀ говоришь!

— Что̀ особеннаго? Жизнь и хороша тѣмъ, что кратка. И ужасно было бы сознавать, что мы живемъ вѣчно. Вспомни ужасъ Вѣчнаго Жида. Это даже представить себѣ невозможно, какъ невозможно представить себѣ, что мы сидѣли бы здѣсь до безконечности.

Она сдѣлала движеніе, чтобы встать.

— Какъ, уже?

— Пора.

— Когда же мы увидимся?

— Не знаю. Я скажу по телефону.

— Ольга! А завтра?

— Не знаю. Мнѣ кажется, за нами уже начинаютъ слѣдить.

— Кто?

— Опять испугался?

— Да нѣтъ же, нѣтъ...

— Миша. Это нашъ Катонъ. Или кто это былъ такой строгій, добродѣтельный и суровый? Ну, все равно. И вообще, я чувствую, что и maman уже что-то подозрѣваетъ. Начнутся увѣщанія, причитанія и прочее.

Она позвонила. Вошелъ лакей.

Забѣлинъ потребовалъ счетъ и сталъ помогать одѣваться Ольгѣ.

Они выѣхали изъ ресторана, и онъ довезъ ее до дому.

У самаго подъѣзда встрѣтили они Мишу, который оглядѣлъ ихъ съ головы до ногъ довольно наглымъ и вызывающимъ взглядомъ.

Онъ даже не простился съ Забѣлинымъ, а открылъ сестрѣ дверь и небрежнымъ жестомъ головы кивнулъ въ сторону Забѣлина, садившагося обратно въ экипажъ.

Забѣлинъ нахмурился.

XXII.

Страсть къ Ольгѣ налетѣла на Забѣлина шкваломъ.

Онъ былъ давно знакомъ съ семьей Кардановыхъ, и былъ пріятелемъ, даже другомъ, мужа Ольги. Но въ то время, когда Ольга жила еще вмѣстѣ съ мужемъ въ Петербургѣ до войны, Забѣлинъ уклонялся упорно-систематически отъ свиданій съ нею.

На всѣ приглашенія Леонида бывать у нихъ, поѣхать съ ними въ театръ или ужинать, онъ всегда рѣшительно отказывался подъ всевозможными предлогами, иногда удачными, чаще неудачными, потому что, охваченный радостнымъ чувствомъ возможнаго свиданія, терялся и не находилъ, что̀ бы выдумать для отказа.

Онъ встрѣчалъ на себѣ тогда удивленный и печальный взоръ Ольги. И отказавшись отъ такого вечера, онъ ѣхалъ домой проводить скучные, длинные часы въ своихъ комнатахъ и иногда доходилъ до нервныхъ слезъ.

Но потомъ, когда Леонидъ уѣхалъ на войну, а Ольга перебралась на жительство къ матери, Забѣлинъ вдругъ сразу ослабѣлъ. Казалось, весь запасъ его энергіи, вся сила его воли вдругъ израсходовалась, и онъ уже не могъ сдерживать своихъ чувствъ.

Онъ сталъ часто бывать у Кардановыхъ.

Свиданія съ Ольгой въ домѣ Вѣры Алексѣевны были неудобны: постоянные посѣтители салона, члены семьи, сама Вѣра Алексѣевна постоянно мѣшали ихъ разговорамъ, которые часто должны были прекращаться на самомъ важномъ мѣстѣ; это рождало въ собесѣдникахъ неудовлетворенность, чувство обиды и досады.

И они стали искать уединенія, сначала по угламъ салона и будуара, потомъ въ передней и на лѣстницахъ, быстро договаривая послѣднія слова, и, наконецъ, внѣ дома, въ ресторанахъ, театрахъ и на вечерахъ.

Много разъ Забѣлинъ давалъ себѣ слово, вернувшись домой, послѣ свиданія съ Ольгой, заняться серьезнымъ изслѣдованіемъ, анализомъ своихъ чувствъ къ ней.

Онъ сознавалъ, что это было необходимо. Въ качествѣ адвоката, онъ пріобрѣлъ себѣ привычку логически анализировать каждое дѣло, доводя результатъ анализа до конечныхъ выводовъ.

Только тогда дѣло становилось для него яснымъ и онъ могъ не только оріентироваться въ немъ, но и направлять его.

Но этотъ методъ рѣшительно никуда не годился, какъ только онъ, въ уединеніи своей квартиры, принимался за „дѣло Ольги“. Изъ анализа ничего не выходило, выводовъ не получалось, перспективы оказывались окутанными густыми туманами и не было видимаго выхода изъ-за глухой стѣны, встававшей передъ нимъ.

Онъ начиналъ этотъ анализъ систематически, спокойно, дѣловито, но фантазія поэта, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности, вдругъ вырисовывала ему изъ сухихъ схемъ и разсужденій какой-нибудь особый взглядъ Ольги; слухъ его повторялъ въ воспоминаніи какую-нибудь интонацію ея голоса, и тогда онъ принимался возстановлять во всѣхъ подробностяхъ прошлое свиданіе и далеко уходилъ отъ анализа и разсужденій.

И всегда адвокатъ мѣшалъ ему въ его поэтической дѣятельности, и всегда поэтъ мѣшалъ ему быть адвокатомъ.

Эта раздвоенность была драмой его жизни, какъ увлеченіе Ольгой—ея трагедіей.

И теперь, послѣ этого обѣда въ ресторанѣ, когда между ними было сказано такъ много неяснаго, туманнаго и страннаго, онъ сидѣлъ у себя и, припоминая всѣ подробности разговора, никакъ не могъ придти ни къ какому выводу.

— Но дальше-то что? Что дальше? — задалъ онъ себѣ вопросъ. — Пріѣдетъ Леонидъ... пріѣдетъ Леонидъ... и что же? Прежде я могъ владѣть собою. А теперь? Теперь не въ силахъ.

Она сказала что никогда не пойдетъ на это. Ей нравится именно романтичность, незаконность этой любви. И именно, кажется, тотъ порочный оттѣнокъ, что мужъ на войнѣ, герой, ежедневно въ опасности, а она въ это время имѣетъ романъ... Странная женщина! И какъ все это случилось? Она говоритъ — этому нѣтъ начала. И я не нахожу начала, то-есть, того момента, съ котораго началось нѣчто опредѣленное. Откуда рождается страсть? Можетъ быть, изъ комбинаціи аромата цвѣтовъ съ мелодіей звука, случайно услышанныхъ? Можетъ быть, отъ взора, украдкой брошеннаго и какъ-нибудь проникшаго въ тайники души, неизслѣдованные еще психологами? Я не знаю. Во всемъ этомъ есть что-то таинственное. Но красота Ольги — уже нѣчто реальное, совершенное.

И онъ сталъ рисовать себѣ ея образъ поэтическими красками. Она любила орхидеи съ ихъ сладкимъ одуряющимъ запахомъ и кризантемы, любила крѣпкіе духи, шампанское, музыку. Въ ней было что-то безконечно поэтичное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нездоровое, пряное, какъ запахъ черныхъ ирисовъ, этихъ настоящихъ „цвѣтовъ Зла“, исключительныхъ и гордыхъ въ своей уродливой красотѣ...

— Но если Леонида убьютъ? — возвращался онъ опять къ дѣловому анализу, поймавъ себя на отклоненіи въ міръ грезъ.— Что тогда? — Казалось бы, вопросъ рѣшается и тогда просто. Время траура пройдетъ, и они женятся.

Но это было просто только по недоразумѣнію. Какъ промѣнять эти поэтичныя свиданія, эти отрывочные разговоры, эти грезы подъ музыку, эти короткія благоухающія поэмы на нѣчто окончательно фиксированное, общепризнанное и опредѣленное?

Вѣдь тогда все очарованіе рухнетъ, все обаяніе запрещеннаго плода упадетъ. Какъ! Ольга — эта таинственная, полная для него мистики женщина — будетъ вотъ здѣсь, въ его квартирѣ, его женой? Какой вздоръ!.. И для чего? Чтобы потомъ она начала ѣздить по театрамъ и ресторанамъ съ другимъ, вмѣстѣ съ другимъ создавая новый романъ... И потомъ, какъ безчестно думать, вообще, объ этомъ выходѣ! Вѣдь Леонидъ живъ, и какъ же можно строить будущее на предполагаемой его смерти? Это гнусно, это подло. — „А то, что мы сейчасъ дѣлаемъ — не подло?“

И Забѣлинъ разводилъ въ отчаяніи руками, въ сотый разъ становясь передъ безвыходностью, какъ передъ глухой стѣной.

Странное состояніе духа переживалъ онъ въ послѣднее время.

Шла ужасная война; тысячами гибли люди — много его прія-

телей, знакомыхъ, друзей. Роковыя неудачи преслѣдовали Россію на войнѣ; трагическія событія шли одно за другимъ. Люди притихли, изнервничались; въ домахъ—трауръ, въ семьяхъ—глухое горе; всякая неудача отзывалась острой болью въ душѣ каждаго. И въ его душѣ.

Онъ былъ очень чутокъ къ этой войнѣ.

Онъ горѣлъ душою, читая газеты; онъ жадно набрасывался на телеграммы съ войны; онъ не стыдился слезъ, читая о гибели „Петропавловска", всего портъ-артурскаго флота, ляоянскомъ отступленіи; онъ даже гордился этими слезами, никогда раньше не подозрѣвая въ себѣ такого чувства патріотизма.

Но, вотъ, давно ли все это было? И вотъ эта страсть, какъ грозный шквалъ, налетѣвшая на него, вихремъ вырвала изъ его души все то, что̀ ей еще до сихъ поръ было дорого.

Высокіе порывы любви къ родинѣ, горькая скорбь о неудачахъ ея, жажда обновленія Россіи, всѣ эти драгоцѣнные цвѣты души были смяты, вырваны съ корнемъ налетѣвшей бурей страсти.

Портъ-Артуръ былъ приговоренъ.

Всѣмъ вдругъ ясно стало, что крѣпость черезъ нѣсколько дней падетъ. Всѣ волновались вокругъ Забѣлина, не могли спокойно относиться къ своимъ дѣламъ, только и говорили, что о Портъ-Артурѣ.

Геройская, эпическая поэма обороны крѣпости занимала сердца и умы. Но онъ оставался холоденъ и равнодушенъ къ этой новой обидѣ Россіи.

Въ его ушахъ, вокругъ него, на улицахъ, въ театрахъ, домахъ и ресторанахъ раздавалось одно слово, безконечно повторявшееся на всѣ лады:

— Портъ-Артуръ, Портъ-Артуръ...

А въ его душѣ звучало другое имя, въ которомъ для него заключался весь смыслъ жизни:

— Ольга, Ольга, Ольга...

XXIII.

И онъ презиралъ себя за это.

И онъ не могъ отдѣлаться отъ этого сладкаго, опьяняющаго его кошмара. Онъ запустилъ свои дѣла и сталъ испытывать денежныя затрудненія. Члены его корпораціи волновались, устраивали засѣданія, подписки, сборы.

Онъ оставался ко всему равнодушенъ и глухъ.

— Вы поразительно измѣнились, — сказалъ ему одинъ изъ товарищей, зашедшихъ какъ-то къ нему, Никодимовъ.

— Какъ?—вздрогнувъ отъ неожиданной откровенности этихъ словъ, спросилъ его Забѣлинъ.

— Такъ. Во всемъ! Вы стали худы и блѣдны. И разстроены. Впрочемъ, кто-же теперь не разстроенъ? И вы какъ-то ко всему равнодушны. Между тѣмъ, чувствуется, наступаетъ время „чреватое событіями“. Россія просыпается. Надо быть бодрыми и сильными. Довольно дремать, предстоитъ дѣлать дѣло.

Забѣлинъ усмѣхнулся.

— Дѣло? Какое дѣло?

— Громадное дѣло обновленія.

— Вы въ него вѣрите?

— Отчего вы говорите объ этомъ съ такой нехорошей усмѣшечкой? Да, я въ него вѣрю. Надо быть слѣпымъ кротомъ и вовсе не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что время близко.

— Надо зажечь свѣтильники и ждать Жениха?—все тѣмъ же тономъ, сказалъ Забѣлинъ. — И благо дѣвамъ мудрымъ и горе дѣвамъ глупымъ, не позаботившимся о маслѣ и ушедшимъ за нимъ, когда уже пришелъ женихъ?

— Въ поэтической метафорѣ это такъ, конечно.

— Милый! Вы всѣ теперь политиканствуете... я не осуждаю васъ. Я самъ еще недавно горѣлъ душой, думая о судьбахъ Россіи. Но теперь я остылъ.

— Почему? — съ искреннимъ удивленіемъ воскликнулъ Никодимовъ.

— Я не знаю. Соль потеряла свою силу, ей ничѣмъ не осолиться, и ее выбрасываютъ въ землю, если продолжать евангельскія метафоры и аллегоріи. Насъ слишкомъ долго отстраняли отъ общихъ интересовъ, слишкомъ долго держали не у дѣлъ и говорили намъ, что все это не наше дѣло. Насъ слишкомъ долго заставляли заниматься собственными дѣлишками, копаться и разбираться въ собственныхъ чувствахъ и чувствицахъ. Отъ долгаго неупотребленія, отъ отсутствія упражненія наша воля ослабѣла; утратился интересъ къ общему государственному дѣлу, которое считалось запретнымъ. Мы ослабѣли духовно, повторяю вамъ, мы обнищали; мы сдѣлались эгоистами, кастратами въ этомъ смыслѣ. Глубокая червоточина изъѣла нашу гражданственность. Это — большое преступленіе, тяжкій грѣхъ режима. И теперь вы думаете, что мы способны на новое, грандіозное дѣло?

— Думаю и даже увѣренъ.

— Что̀ дѣлать! А я нѣтъ. Новое дѣло надо дѣлать новыми людьми, новыми свѣжими, сильными руками. Наши руки устали отъ бездѣйствія, онѣ ослабѣли. Наше поколѣніе отпѣтое. Нами владѣетъ тупое равнодушіе ко всему, рѣшительно ко всему...

— Говорите за себя, — улыбнувшись, прервалъ его Никодимовъ.

— И за себя, и за васъ, и за всѣхъ.

— Мы всѣ кипимъ...

— Именно. Большое дѣло требуетъ большой, систематичной, неустанной работы. А у насъ все порывы. Чѣмъ сильнѣе порывъ, тѣмъ длительность его короче. Чѣмъ онъ интенсивнѣе, тѣмъ глубже реакція. Это нашъ порокъ, порокъ нашего несчастнаго поколѣнія, въ которомъ систематически долго и нарочито-тщательно вытравливали самосознаніе, общественность, гражданственную жажду и потребность къ труду. Если *мы* возьмемся за это дѣло — оно погибнетъ. Нужно воспитывать новое поколѣніе въ новомъ духѣ, и тогда оно сдѣлаетъ новое дѣло и настоящую работу. А мы умѣемъ только говорить... даже говорить не умѣемъ, а только мечтать по маниловски.

— Но позвольте же...

— Нѣтъ, позвольте вы. Я въ послѣднее время сталъ „постыдно-равнодушенъ" ко всему этому и не люблю говорить. Но разъ вы меня заставили высказаться, дайте же кончить.

Онъ схватился за лобъ, словно желая этимъ движеніемъ удержать мысль, только-что явившуюся ему:

— Вотъ!—вскрикнулъ онъ.—Я хотѣлъ сказать: на что̀ похожа въ данную минуту Россія?

— Не знаю. На волнующееся море? Это банальщина.

— А что̀ въ жизни не банально? Вотъ Мамаевъ, напримѣръ, находитъ, что не баналенъ только балетъ во главѣ со Стаховской. Но я не то хотѣлъ сказать. Россія похожа на огромный корабль, снасти котораго напряжены и скоро лопнутъ. Машина не дѣйствуетъ—въ топкахъ нѣтъ угля, котлы испорчены.

— Почему?

— Потому что никто не заботился объ ихъ ремонтѣ и никто не позаботился объ углѣ. И носитъ этотъ корабль по грознымъ волнамъ разбушевавшейся бури. Капитанъ и офицеры спрятались въ каютахъ. Берега не видно, корабль потерялъ курсъ. Матросы ничего не могутъ сдѣлать: они привыкли только исполнять приказанія. А приказаній нѣтъ. У нихъ нѣтъ иниціативы, находчивости, мужества. Порой выскочитъ наверхъ какой-нибудь офицеръ, дернетъ одну снасть, повернетъ руль въ другую сторону,

—нѣтъ, не то! И снова исчезнетъ въ каютѣ. Теперь что же дальше? Все зависитъ отъ вѣтра. Стихнетъ вѣтеръ, повернетъ въ сторону—корабль можетъ оправиться. Повернетъ въ другую—наскочитъ корабль на скалы, и тутъ ему конецъ...

— И опять это только поэтическая аллегорія—не больше. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! И не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

— И еще можно подобрать десятка два поговорокъ и образцовъ народной мудрости. А вотъ когда падетъ Портъ-Артуръ, вы увидите, что будетъ.

— А что?

— Я не знаю. Но нѣчто ужасное. Это чувствуется, носится въ воздухѣ. Я не пойду тогда за вами. Не пойду, потому что не вѣрю въ порывъ и его длительность. Порывъ хорошъ въ любви, да и то тогда, когда вѣришь, что это не порывъ, а вѣчность. Когда любишь—вѣришь въ вѣчность, какъ это ни глупо; а если кто скажетъ вамъ, что это скоропреходящій порывъ, то это кажется оскорбительнымъ. Безъ вѣры нельзя дѣлать дѣло. И вотъ почему я не хожу въ нашъ союзъ, не принимаю участія въ составленіи адресовъ и резолюцій. Я знаю, на меня косятся. Но это мнѣ все равно. Я поступаю честно, когда отказываюсь отъ дѣла, которое меня больше не интересуетъ. Оставьте мнѣ эту честность. Не приставайте ко мнѣ. Во всемъ остальномъ я достаточно безчестенъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, вспомнивъ о своихъ отношеніяхъ къ Ольгѣ и Леониду.

XXIV.

Вѣра Алексѣевна сохранила до сихъ поръ давно усвоенную привычку самолично разливать утромъ чай. Это повелось съ тѣхъ поръ, когда, напоивъ мужа передъ его уходомъ на службу, она оставалась за столомъ, дожидаясь дѣтей. Вадимъ не жилъ въ ея домѣ, а имѣлъ отдѣльную квартиру. И Ольга жила съ мужемъ тоже на отдѣльной квартирѣ. Къ чаю являлись поэтому только Михаилъ, никогда особенно не спѣшившій въ университетъ, и Анна, которую всегда съ трудомъ угоняли въ пансіонъ. Но теперь, со смертью Петра Александровича и уходомъ на войну Натарова, Ольга жила у матери.

И каждое утро Вѣра Алексѣевна сидѣла въ обширной столовой и ждала дѣтей къ чаю.

Миша приходилъ раньше всѣхъ, чаепитіе совершалъ быстро

и такъ же быстро исчезалъ. Въ послѣднее время онъ вообще рѣдко бывалъ дома. Въ университетѣ было неспокойно, совершались сходки, совѣщанія, дебаты, и во всемъ этомъ Миша принималъ дѣятельное участіе.

Мать не мѣшала ему въ этомъ, давно заявивъ, что въ дѣла мальчиковъ она не вмѣшивается,—довольно съ нея разбираться во внутренней жизни дочерей, даже одной дочери Анны, которая еще не замужемъ.

Но она и вообще рѣдко вмѣшивалась въ дѣла дѣтей, исходя изъ воспитательнаго принципа—все предоставлять работѣ „нравственнаго организма и самой жизни".

Только иногда она считала возможнымъ вмѣшаться, но не въ смыслѣ того, чтобы наложить материнское veto, а просто отъ неудержимой потребности высказать свое credo—„взглядъ и нѣчто".

Вѣра Алексѣевна, несмотря на заведенный ею „салонъ", чувствовала скуку, выбитость изъ колеи.

Со смертью мужа ей стало казаться, что ея роль хозяйки дома какъ-то странно поблѣднѣла, выцвѣла, стушевалась. Дружеская связь съ мужемъ, спаянная долголѣтней совмѣстной жизнью, вдругъ порвалась. Дѣти—всѣ взрослыя, и каждое изъ нихъ—это особый міръ, нѣсколько ей чуждый, въ который ей нѣтъ широкаго и прямого доступа.

Какъ-то такъ всегда случается въ русскихъ семьяхъ, что дѣти, къ извѣстнымъ годамъ, теряютъ связь съ родителями, какую бы систему воспитанія къ нимъ ни примѣняли въ молодости: деспотическую или „освободительную".

Вслѣдъ за Мишей являлась къ столу Анна, но въ послѣдніе дни она часто совершенно отказывалась отъ появленія въ столовой, и присылала горничную за чашкой чая, которую та несла въ ея комнату.

Еще позже приходила Ольга.

Во время этихъ антрактовъ между появленіемъ дѣтей Вѣра Алексѣевна читала газеты.

На этотъ разъ Миша пришелъ ранѣе обыкновеннаго, угрюмый, сосредоточенный и молчаливый. Онъ поцѣловалъ мать въ щеку, налилъ себѣ чашку чаю, намазалъ булку толстымъ слоемъ масла и, ничего не говоря, сталъ ѣсть.

— Ольга не выходила еще?—отрывисто спросилъ онъ, не глядя на мать.

— Нѣтъ, а что?—отвѣтила она, нѣсколько удивленная этимъ вопросомъ.

— Ничего.

Они помолчали.

— А ты все газеты читаешь?

Она опять съ удивленіемъ взглянула на сына.

— Ну, да. А что?

— Ничего.

И опять молчаніе.

Онъ налилъ себѣ еще чашку, и когда выпилъ, всталъ, собираясь уходить.

— Ну, прощай. Не мѣшало бы тебѣ, мама, кромѣ газетъ прочитать и Ольгу.

— Что ты хочешь сказать?—съ недоумѣніемъ спросила она.

— Да такъ, ничего особеннаго. Въ каждомъ человѣкѣ можно найти много интереснаго матеріала. Публицистическаго, критическаго, романическаго и тому подобнаго. Въ женщинѣ, конечно, больше послѣдняго. А въ Ольгѣ—особенно. Не мѣшало бы перевернуть заглавный листъ, который ты, кажется, только и успѣла прочесть, и заглянуть въ прологъ.

— Ничего не понимаю. Ты всегда говоришь какими-то загадками.

— Нынче подписчики иллюстрированныхъ журналовъ ихъ очень просто разгадываютъ. А ты претендуешь еще на предсѣдательство въ политическомъ салонѣ. Прощай, мнѣ пора. У насъ, кажется, будетъ обструкція.

— А ты какъ же?

— Что же я? Я никогда не отстаю отъ товарищей. Въ особенности въ такомъ дѣлѣ.

— Въ какомъ?

— Въ дѣлѣ справедливаго протеста. Ты противъ!

— Откуда ты взялъ? Наоборотъ. Ты отлично знаешь мой взглядъ. Протестъ есть дѣло совѣсти. Я не вмѣшиваюсь въ дѣла совѣсти даже своихъ дѣтей.

— И отлично дѣлаешь. И вообще, нейтралитетъ—вещь удобная и спасительная!—съ полунасмѣшкой сказалъ онъ.

— Я тебя опять не понимаю. Смѣешься ты или одобряешь мою точку зрѣнія?

— Да отчего же нѣтъ? Не одобрить не умно. Потому что у всякаго взрослаго субъекта своя точка, съ которой онъ не сойдетъ, если выработалъ ее убѣжденіями. Ну, а ты что: забраковать нельзя, надо всегда одобрить. Это умнѣе. Но твое невмѣшательство въ дѣла совѣсти дѣтей—одобряю безъ всякихъ оговорокъ. А все-таки иногда родительскій абсентеизмъ въ дѣлахъ

дочерей, даже замужнихъ, не можетъ быть оправданъ. Даже невмѣшательство, а дружескій индифферентизмъ что-ли. Вотъ что требуется. Sapienti sat.

Онъ быстро подошелъ къ матери, поцѣловалъ ей руку и исчезъ.

Она проводила его недоумѣвающимъ взоромъ.

Удивительныя времена! Дѣти выучились говорить на какомъ-то особомъ языкѣ, котораго она рѣшительно не въ состояніи понять. Слова все весьма понятныя въ отдѣльности, а въ общемъ— что-то туманное.

Странно сложилась ея жизнь. Она все время шла шагъ въ шагъ съ дѣтьми, интересовалась всѣмъ, чѣмъ интересовались дѣти, и, въ глубинѣ души, очень гордилась этой, какъ она думала, душевной молодостью.

„Старъ человѣкъ не годами, а мыслями; когда мысли молоды, лѣта лишь физическое неудобство",—говорила она не разъ окружающимъ.

И, дѣйствительно, она чувствовала себя стѣсненной въ обществѣ настоящихъ стариковъ, а въ обществѣ молодежи чувствовала удивительную легкость и свободу.

И тѣмъ не менѣе, какъ только дѣти окончательно вышли изъ-подъ ея опеки, такъ сейчасъ же и оказалось, что между ними и ею хотя и неглубокая, но все-таки пропасть.

И это ее ужасно огорчало.

Вошла Ольга.

У нея былъ утомленный, замученный видъ.

Она поцѣловалась съ матерью, усталымъ движеніемъ опустилась на стулъ и молча стала пить чай.

Видимо, ей было противно пить и ѣсть, и дѣлала она все это изъ-за неотмѣненнаго до сихъ поръ обязательнаго ритуала.

Она походила въ это хмурое, сѣрое утро на увядшій цвѣтокъ, прелестный въ своей послѣдней красотѣ.

Мать зорко посмотрѣла на нее.

— Сейчасъ говорила о тебѣ,—сказала Вѣра Алексѣевна.

— Съ кѣмъ? — вяло спросила Ольга, которой не хотѣлось разговаривать.

— Съ Мишей.

— Ахъ, съ нимъ!

Она не выразила интереса къ продолженію разговора.

Но Вѣра Алексѣевна продолжала:

— Онъ мнѣ дѣлалъ какіе-то намеки. Я ничего не поняла.

Ольга нéхотя улыбнулась.

— Я тебѣ объясню,—спокойно и твердо сказала она.—Это очень просто. Миша видѣлъ меня вчера, когда я возвращалась съ Забѣлинымъ. И, со свойственной ему неделикатностью, обошелся довольно глупо съ Забѣлинымъ.

Мать насторожилась.

— Ты возвращалась съ Забѣлинымъ? Откуда?

Ольга подняла на нее изумленный взоръ.

— Мама, это на тебя непохоже.

— Что̀, милая?

— Этотъ допросъ. Ты никогда себѣ раньше не позволяла этого. Это Миша тебя настроилъ? Я вѣдь не вмѣшиваюсь въ его обструкціи и другія дѣла,—зачѣмъ онъ вмѣшивается въ мои? Онъ, кажется, именно золъ на меня за мое равнодушіе къ этимъ общественнымъ и государственнымъ дѣламъ, — засмѣялась она нехорошимъ смѣхомъ.—Ахъ, еслибы ты знала, до чего мнѣ все это надоѣло... Но допроса отъ тебя я не ожидала.

— Это не допросъ, Ольга. Ты сама заговорила о Забѣлинѣ, и я думала, что ты даешь мнѣ право спросить тебя. Мнѣ кажется, мы съ тобой всегда были больше подругами и товарищами, чѣмъ матерью и дочерью...

— Мама, ты прекрасная и умная женщина. Но ты—извини меня—нѣсколько отстала. И отстала оттого, что ты никогда не любила.

— Я?!

— Да, ты! Не удивляйся. Я не говорю о твоей преданной и законной любви къ покойному отцу. Я говорю о любви незаконной, о романѣ, о какомъ-нибудь нездоровомъ романѣ. Только онъ способенъ возродить женщину, обновить ее, заставить волноваться, страдать, горѣть. Понимаешь меня? Нѣтъ, ты не понимаешь, да и я плохо выражаюсь. Я неважно спала. Ты хочешь все-таки знать, откуда я вернулась? Мы обѣдали у Контана, въ отдѣльномъ кабинетѣ, и поздно засидѣлись.

— Ольга!

— Ну, да. Что̀ ты хочешь еще знать? Я его люблю. Ну, вотъ. О, не той любовью, какъ ты думаешь! Не любовью прежняго добраго стараго времени. А новой.

— Я тебя не понимаю, — испуганнымъ голосомъ проговорила Вѣра Алексѣевна.

— Изволь, я тебѣ объясню... какъ сумѣю. И, можетъ быть, мнѣ это сегодня не удастся. Но любовь болтлива, въ противоположность печали, которая молчалива. И мнѣ хочется болтать. Я люблю его... какъ? Не знаю. Въ немъ есть что-то порочное, что̀

меня влечетъ къ нему. И во мнѣ—тоже. Любовь среди запретнаго сада. Вѣчно прятаться, озираться, сознавать, что дѣлаешь нехорошее дѣло съ точки зрѣнія общепринятой морали, даже скверное дѣло по отношенію къ близкому человѣку... къ мужу... который теперь на войнѣ и ничего не знаетъ... Ну, вотъ, я вижу, ты не понимаешь, не можешь понять. И на глазахъ у тебя слезы. Вы всѣ сентиментальны.

— Нѣтъ, говори, говори, — взмолилась мать. — Я тебя слушаю, жадно слушаю, моя бѣдная Ольга. И если я заплакала, то потому, что мнѣ больно стало, до какой степени я тебя не знаю. А сколько любви, сколько страданій положила я, чтобы воспитать тебя, чтобы сдѣлаться тебѣ близкой, и вдругъ передо мной Ольга—Ольга новая, чужая, непонятная. Говори же, я слушаю.

— Что же сказать? Ты не поймешь, не поймешь! Но все-равно. Любовь законная, тихая, семейная, уравновѣшенная—нелѣпость. Она предполагаетъ мужа, квартиру, мѣщански-благоустроенную, дѣтей, вѣчность. Это—нелѣпость. И все, что длится, то—скучно, надоѣдливо-скучно... и блѣдно... Краски выцвѣтаютъ, мотивъ надоѣдаетъ. Любовь—мечта мимолетная, эфемерная, но жгучая, прекрасная и преступная—вотъ настоящая любовь. Ежеминутно чувствовать за спиной несчастье, разрывъ, крушеніе, смерть—вотъ жизнь. Я жить хочу! Жить, жить, а не прозябать... Чтобы сдѣлать преступленіе, мама, нужно нѣкоторое освобожденіе. Освободить себя нужно отъ традицій мѣщанской морали. Это прежде всего. Свобода! Людей слишкомъ долго держали въ тискахъ, въ схимѣ, въ цѣпяхъ и оковахъ христіанской нравственности. Хочется сбросить съ себя эти оковы. Неужели непонятно это желаніе? Всю Россію держали въ схимѣ, а теперь, вотъ, всѣмъ хочется воли и разнуздаться. Миша же понимаетъ свою обструкцію? Почему же онъ не понимаетъ меня? Это—реакція. Мы всѣ расшатались, все ползетъ по швамъ. Все надо перестраивать; а чтобы перестраивать, нужно ломать старое. Въ этихъ обломкахъ пыль, грязь, крушеніе...

Она засмѣялась.

— Ну, вотъ, я заговорила политическимъ языкомъ твоего салона, мама. Ты говоришь: „бѣдная Ольга!“ Почему—бѣдная? Бѣдная оттого, что порочная? Но, мама! Въ порокѣ есть красота. Я жажду красоты. Понимаешь, до болѣзни, до потери сознанія... Но ты не понимаешь, не понимаешь! Это время странное, смутное и тяжелое насъ всѣхъ такъ перевернуло! Всѣ вдругъ освободились. Оно дѣйствуетъ на все, на чувства, на взгляды, на мысли, на нравственность. Это—глубокая реакція...

— Но что же будетъ дальше? Какъ же ты рисуешь себѣ дальнѣйшія отношенія къ Забѣлину? Ты разведешься съ мужемъ и выйдешь за него замужъ?

Ольга всплеснула руками.

— Я говорю—ты не понимаешь меня! Я вовсе не люблю его, чтобы выйти за него замужъ. Ты не понимаешь! Онъ дѣйствуетъ на меня, ну... какъ дѣйствуетъ иногда фермата на высокой нотѣ чуднаго тенора. По спинѣ бѣгутъ мурашки и въ вискахъ стучитъ, а сердце замираетъ. Онъ мнѣ необходимъ, но именно въ обстановкѣ внѣсемейной жизни. Какъ протестъ, что-ли, противъ обязательной супружеской любви. Вотъ меня злитъ, что мужъ мой, Леонидъ, герой, а я *должна*, понимаешь, *должна* преклоняться передъ его геройствомъ и *должна* здѣсь вести схимническую жизнь, молиться за него, скучать и изображать плачущую иву. Мнѣ противна именно эта обязанность. Человѣкъ—міръ, живущій по своимъ законамъ, которыхъ никто не можетъ ему предписывать.

— Ты просто разлюбила Леонида.

— Ну, вотъ, я говорю, тебѣ никогда, никогда не понять меня.

— А какъ ты горевала, какъ тосковала, съ какимъ безумнымъ ужасомъ ты провожала его. Я думала—ты съ ума сойдешь. И вдругъ...

— Да, вотъ именно: „и вдругъ“. Нé къ чему было принимать схиму, и затворяться въ четырехъ стѣнахъ, и ограждаться отъ людей. Мама! Не я виновата, что человѣкъ такъ созданъ, что не можетъ жить вѣчнымъ горемъ. Это—какой-то законъ. Чѣмъ сильнѣе печаль, тѣмъ рѣзче реакція. Развѣ я виновата, что день смѣняется ночью, лѣто—зимой и печаль—радостью? Это—ритмъ. И мое горе, которое я сама считала такимъ огромнымъ и цѣннымъ, и вѣчнымъ—еслибы не вернулся Леонидъ—вдругъ исчезло, какъ будто его смыло волной. Набѣжала волна—не знаю откуда—сломала, смяла, унесла все, чѣмъ я страдала и болѣла. И я точно проснулась отъ тяжелаго кошмара, точно впервые увидѣла солнце и небо, и землю. И мнѣ захотѣлось жить. Жить хочется, мама! Но жить... Нѣтъ, все равно, ты не поймешь меня.

— Да что ты заладила, Ольга, „не поймешь, да не поймешь“! А я понимаю. Ты права. Это—реакція горя. Но чѣмъ же, чѣмъ все это кончится? Объ этомъ подумала ли ты?

— Ахъ, мама! Ты опять за свое. Да пойми же, наконецъ, я не хочу объ этомъ думать. Пока я люблю Забѣлина, у меня

будетъ съ нимъ продолжаться романъ. Пріѣдетъ Леонидъ... ну, я не знаю, что тогда. Если Забѣлинъ будетъ еще интересовать меня, какъ вотъ теперь, то... ну, что же? Видѣться, конечно, будетъ труднѣе. Но можно взять, какъ въ Парижѣ, pied à terre...

— Ольга!

— Не пугайся! — засмѣялась она. — Это вѣдь тоже грезы. Можетъ быть, ничего этого и не нужно будетъ. Но, Боже, до чего все скучно устроено въ жизни! Такъ скучно, такъ скучно! Почему жена должна любить одного мужа? Любовь—чувство глубокое, безпредѣльное. Въ немъ много самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Отчего не распредѣлить разныя стороны на разныхъ людей?

Она взяла свой лобъ руками и поникла головой, замолчавъ сразу.

XXV.

Вѣра Алексѣевна чуть замѣтно барабанила пальцами по столу, когда вдругъ вошла Анна.

Анна оглядѣла мать и сестру, сказала имъ „здравствуйте“ и сѣла за столъ.

— Особое совѣщаніе?—спросила она ироническимъ тономъ.— Я мѣшаю?

— Ничуть,—отвѣтила Вѣра Алексѣевна.—Ты очень поздно встаешь, Анна.

— Оставь, пожалуйста! Встаю, когда хочется. Вы съ Ольгой ужасно любите читать нотаціи. Но онѣ мнѣ и въ пансіонѣ надоѣли.

— Я?—вскрикнула Ольга.

— Да, ты.

— Да что съ тобой!

— Да ничего со мной! У насъ это въ семьѣ. Ты, мама, Мишка, всѣ мораль разводите, точно цвѣтную капусту на огородѣ. Ты мнѣ тогда въ театрѣ прочитала нотацію, что мнѣ нельзя продавать цвѣты или шампанское—я не помню—рядомъ со Стаховской! И вотъ изъ-за этого Мамаевъ мнѣ ничего и не устраиваетъ. Я въ твои дѣла не вмѣшиваюсь,—съ особеннымъ удареніемъ произнесла она,—а зачѣмъ же ты...

Она была раздражена, и дѣтская обида звучала въ ея миломъ голосѣ.

Ольга нагнулась къ ней и обняла ее.

— Прости, Аня. Я не знаю, почему тогда я это сказала тебѣ. Я была зла. Дѣлай что хочешь. Въ этомъ счастье жизни, чтобы дѣлать что хочешь, а не то, что велятъ.

Анна широко раскрыла глаза, похлопала своими длинными, загнутыми рѣсницами и полуоткрыла свѣжій, молодой ротъ.

— А-а!—протянула она.

И, немного подумавъ, сообразила:

— Ты влюблена, Оляша?

— А ты?—улыбнувшись, спросила Ольга.

— И я, и я!—радостно закивавъ головой, отвѣтила Анна.

И вдругъ облако грусти заволокло ея глаза.

— Но я—безнадежно!—проговорила она.—Совершенно безнадежно. Мама! Отчего ты на насъ такъ смотришь, точно мы сумасшедшія?

— Да вы и есть сумасшедшія. Что это съ вами обѣими, Господи!

— Ничего! То, что всегда и со всѣми бываетъ. Вотъ ты на насъ глядѣла, глядѣла, да ничего не разглядѣла.

— И знаешь почему?—вдругъ спросила Ольга.

— Почему?

— Да потому, что глядѣла очень близко. Матери должны смотрѣть издали. Тогда будетъ перспектива.

Вѣра Алексѣевна пожала плечами и, грустно поникнувъ головой, ничего не отвѣтила.

— Мама,—заговорила Анна,—зачѣмъ ты не отдала меня въ балетное училище?

— Богъ знаетъ что ты говоришь, Анна!

— Ничего не Богъ знаетъ! Вотъ я кончила пансіонъ и знаю всю эту алгебру, геометрію, ну, тамъ и другіе пустяки! Для чего мнѣ все это? И ненужно, и все равно забуду. А тамъ я бы танцовала въ балетѣ. Всѣ бы могли видѣть, какъ я сложена и какія у меня ноги. А теперь всѣ восхищаются Стаховской, а не мною. А замужъ я все равно не выйду, ни за эту ходячую аксіому Лубянскаго, ни за...

— За?—переспросила Вѣра Алексѣевна.

— За Мамаева.

Ольга засмѣялась.

— Конечно, за Мамаева не выйдешь.

— Почему, почему?—вдругъ вскипѣла Анна.—Потому что онъ... онъ... съ Стаховской? Что же, ты думаешь, я не могу отбить его, если я захочу?

Она по-дѣтски надула губы.

— Только я не хочу. Я бы могла женить его на себѣ. У него дѣла съ этой войной и неурядицами пошатнулись, и Стаховская недолго будетъ держать его. И, конечно, онъ бы женился на мнѣ, потому что у меня есть приданое. Но я не хочу.

— Почему?

— Потому что онъ женится на моихъ деньгахъ, а потомъ разведется и, взявъ мои деньги, опять сойдется съ Стаховской. Они будутъ счастливы, а я несчастлива.

Она заморгала глазами.

Вѣра Алексѣевна смотрѣла на нее съ искреннимъ удивленіемъ.

Ольга пересѣла ближе къ сестрѣ, нагнулась къ ней, обняла ее и, повидимому, неожиданно для самой себя заговорила какимъ-то тихимъ, проникновеннымъ голосомъ:

— Милая дѣвочка! Безъ страданій нѣтъ любви. Люби какъ умѣешь и какъ хочешь и кого хочешь. Не мнѣ читать тебѣ мораль. Я сама страдаю. Можетъ быть, мои страданія мелки въ глазахъ матери и другихъ, но я не умѣю страдать мелко. И каждое мое страданіе—злая боль. Но ты не бойся этого. Въ страданіи—жгучая сладость, и хорошо жить, когда чувствуешь за спиною смерть: она учитъ шутить съ жизнью, съ этимъ даромъ, который тебѣ даютъ, когда ты его не просишь, и отнимаютъ, когда ты привыкла къ нему и уже трудно съ нимъ разстаться.

Она замолчала. Анна смотрѣла на нее съ жгучимъ любопытствомъ и на глазахъ ея стояли слезы.

Ольга продолжала:

— Не бойся жизни, Аня, не бойся смерти, Аня, не бойся страданій и меньше всего бойся любви. Въ самыхъ страданіяхъ любви есть жгучая радость. Когда много страдаешь, солнечный свѣтъ кажется жестокимъ и ужаснымъ. У любви есть злой соперникъ—муки совѣсти. Если ты сильно любишь—побѣди его. Люби кого хочешь, и не думай о томъ, что ты приносишь горе другимъ. Свѣтъ такъ созданъ, что счастье одного мѣшаетъ счастью другого. Не считайся съ этимъ. Всѣхъ не осчастливишь, а сама будешь несчастна. Жизнь коротка, и если ты все только будешь думать о счастьи другихъ, то оно пройдетъ мимо тебя неслышными шагами, и ты никогда не узнаешь его. Это я и ему говорила. Потомъ ты погонишься за счастьемъ, но оно уже будетъ далеко. Оно скажетъ тебѣ: „Я было возлѣ тебя—отчего ты не остановила меня? Но теперь поздно, меня ждутъ другіе, очередные". Главное въ жизни очередь, Анна. Дошла очередь—

пользуйся. Пропустишь—потомъ уже ты выйдешь изъ ряда очередныхъ.

Ольга заплакала. Плакала и Анна, но Вѣра Алексѣевна слушала ея рѣчь, точно волшебную сказку, которой не вѣрила, не хотѣла вѣрить. И въ глубинѣ души она возмущалась этими анархическими рѣчами дочерей и не узнавала ихъ возбужденныхъ лицъ, ихъ страстныхъ рѣчей, ихъ горящихъ взглядовъ.

— Ольга,—проговорила она удрученнымъ голосомъ,—подумай, что ты говоришь дѣвочкѣ.

И Ольга точно ждала этого.

Она накинулась съ страстнымъ порывомъ на мать.

— Ахъ, мама, оставь! Тебѣ никогда не столковаться со мной! Для тебя жизнь—нѣчто драгоцѣнное, за что нужно цѣпляться. Для меня—это бездѣлушка, иногда драгоцѣнная, иногда уродливая. Дорожить той и другой безсмысленно. Для тебя нравственныя добродѣтели—все, для меня—ничто. Ты весь вѣкъ прожила безъ страсти и увлеченія, исполняя свой долгъ. Ты и насъ такъ вела, насколько умѣла и могла. Ну вотъ, а вышло совсѣмъ другое. Если жизнь—величайшая изъ безсмыслицъ, то какъ можно жить со смысломъ? Нужно жить, какъ живутъ цвѣты: ярко, красиво, ароматно и кратко. Пережить лѣто и исчезнуть. Нужно жить, какъ живутъ эфемериды—одно мгновенье. Нужно жить какъ бабочки: летать вокругъ огня съ рискомъ обжечь себѣ крылья... Но ты не постигаешь этого. Кто хочетъ свободы, тотъ не долженъ быть трусомъ. Вы всѣ говорите и строите планы и съ опаской оглядываетесь назадъ. Не нужно этого, милая! Свободнымъ не можетъ быть тотъ, кто боится свободы. Россія—большая страна съ большой, но испуганной и утомленной душой. И пока не пройдетъ этотъ испугъ и это утомленіе, ей не видать свободы. И я была испугана и утомлена. Теперь я ожила. Я громко говорю: жить хочу! И я ничего не боюсь. И пусть Анна ничего не боится, мама. Ты сама говорила о стеклянномъ колпакѣ, о здоровомъ организмѣ и о многомъ другомъ. А вотъ, когда деревцо выросло и окрѣпло, ты вдругъ хочешь надѣть на него стеклянный колпакъ и думаешь спасти его отъ непогоды! Какой вздоръ!..

Она нѣжно погладила Анну по головѣ. Анна теперь успокоилась и смотрѣла на нее благодарнымъ взоромъ.

— Боже мой, Боже мой!—качая головой говорила теперь, уже ни къ кому не обращаясь, а какъ бы отвѣчая на свои мысли, Вѣра Алексѣевна.—До чего дошло! Наступили новыя времена и въ лицѣ дѣтей нашихъ народились новые люди. И

я, дѣйствительно, ничего больше не понимаю. Но откуда вы? Вѣдь я васъ родила, я воспитывала васъ и никогда не говорила вамъ того, что говорите теперь вы...

Ольга вдругъ засмѣялась.

— Ахъ, мама! Новаго ничего нѣтъ на землѣ. Все старо. Новымъ кажется то, что хорошо забыто, и новое рождается изъ стараго. Всегда была любовь и свобода. Всегда было то, что ни тѣмъ, ни другимъ люди не умѣли пользоваться въ полной мѣрѣ. И всегда думали, что любовь можетъ длиться вѣчно, и потому придавали ей какое-то серьезное значеніе. А у древнихъ грековъ она длилась отъ „календъ" до „идъ", выражаясь образно, и потому она выигрывала въ силѣ, свободѣ и красотѣ... И потомъ ..

Она еще хотѣла что-то прибавить, но вошелъ въ комнату Михаилъ.

Онъ даже не вошелъ, но влетѣлъ какъ ураганъ. Онъ не дошелъ до университета, а вернулся домой съ полпути на извозчикѣ, и въ рукахъ держалъ листокъ съ телеграммой.

Услыхавъ послѣднія слова сестры, онъ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на нее, фыркнулъ и сказалъ:

— Вы говорите о любви и красотѣ, а Портъ-Артуръ палъ.

Это извѣстіе поразило всѣхъ какъ громомъ. Вѣра Алексѣевна смяла судорожнымъ жестомъ газеты и отбросила ихъ отъ себя.

Ольга такъ и осталась съ неоконченной фразой. Анна воззрилась на брата, съ жгучимъ любопытствомъ ожидая подробностей.

Михаилъ грузно опустился на стулъ и сказалъ:

— Портъ-Артуръ палъ безславно въ послѣднюю минуту. Крѣпость сдалась на милость побѣдителя. Смотрите: весь гарнизонъ дѣлается военно-плѣннымъ... „Суди насъ, Государь, но суди милостиво"... „Люди стали тѣнями".

Онъ вдругъ не могъ дочитать; что-то схватило его за горло. Глухое, беззвучное, судорожное рыданіе вырвалось изъ его груди.

— Подло, подло это! — заговорилъ онъ. — Не герои-мученики, не герои-сверхчеловѣки виноваты, виноватъ режимъ... Этотъ глубокій сонъ, въ который погрузили Россію эти гражданскіе и военные бюрократы, которые ни о чемъ не позаботились, кромѣ своихъ выгодъ, ничего не предвидѣли, ничего не сумѣли предупредить... Все разлетѣлось по швамъ, все ползетъ при первомъ прикосновеніи. Все. И вотъ такія, какъ

Ольга,—онъ съ ненавистью взглянулъ на сестру,—такія, какъ Ольга, въ такую страшную минуту говорятъ о какой-то любви и какой-то красотѣ. О какой любви? О ресторанной любви къ красивому и пустому краснобаю? И всѣ говорятъ о своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, о своихъ чувствахъ и чувствишкахъ, и потому погибаетъ Россія. Погибнетъ она!—воскликнулъ Михаилъ какимъ-то истерическимъ крикомъ.—Вмѣсто живого общественнаго дѣла въ ней царятъ салоны съ пустопорожними рѣчами, отдѣльные кабинеты съ любовными вздохами и соломенныя вдовы съ незаконными амурами.

Взоръ Ольги загорѣлся темнымъ пламенемъ.

— Какъ ты смѣешь!—вскрикнула она, хлопнувъ кулакомъ по столу такъ, что чашки зазвенѣли:—какъ ты смѣешь, мальчишка! Кто далъ тебѣ право вмѣшиваться въ мои дѣла? Самъ-то ты хорошъ! Говоришь о свободѣ, участвуешь на сходкахъ, выкрикиваешь разныя глупости, а самъ, а самъ... стѣсняешь свободу другихъ...

— Свобода, свобода! Да ты выучись прежде понимать это слово! Свобода, милая, вѣдь не то же самое, что распущенность. Распущенность—рабство. Но ты права! Довольно говорить! Надо дѣйствовать!

— Ты, ты будешь дѣйствовать?!—съ оскорбительной насмѣшкой спросила Ольга.

— Да, я!—рѣзко крикнулъ Михаилъ.—Да, я. Надо не говорить, а надо выйти на улицу и громко требовать того, что нужно. И надо, чтобы всѣ вышли какъ одинъ человѣкъ и всѣ требовали.

— И васъ всѣхъ заберутъ въ участокъ,—сказала Ольга съ тѣмъ дѣланнымъ спокойствіемъ, которое такъ выводило изъ себя брата.

— Дура!—вдругъ крикнулъ онъ съ загорѣвшимся взоромъ.

— Да какъ ты смѣешь!

Вѣра Алексѣевна вступилась.

— Дѣти, дѣти, ради Бога, что вы дѣлаете!

И опять ей показалось, что передъ ней не дѣйствительность, а сказка. Мрачная, невѣроятная сказка.

Не у нея ли былъ строго выдержанный домъ, любящія другъ друга и ее дѣти? Не у нея ли царилъ образцовый миръ въ семьѣ? Не ея ли семья славилась милыми, дружескими отношеніями? И вдругъ все это, какъ по волшебству, исчезло. Точно ядовитый газъ разлился въ воздухѣ и отравилъ его. И вотъ люди, надышавшіеся этимъ газомъ, опьянѣли, перестали узнавать другъ

друга... У всѣхъ загорѣлись взоры, у всѣхъ вырываются изъ устъ крикливыя, гнѣвныя рѣчи, у всѣхъ закипаетъ въ душѣ ожесточеніе, ненависть, злоба... Да что же это, Боже мой, Боже мой!

XXVI.

Вся Россія и Петербургъ были глубоко взволнованы, глубоко потрясены извѣстіемъ о паденіи Портъ-Артура. Мальчишки весь день бѣгали по улицамъ и выкрикивали съ какимъ-то сладострастнымъ самоотверженіемъ:

— Паденіе Портъ-Артура! Паденіе Портъ-Артура!..

Прохожіе жадно ловили ихъ и выхватывали листки, совали имъ пятаки и двугривенные, забывая о сдачѣ. Всѣ шли по улицамъ, читая телеграммы, натыкаясь другъ на друга и даже не извиняясь.

На темномъ фонѣ горестно-неудачной, неслыхано-позорной для народнаго самолюбія войны, Портъ-Артуръ былъ единственнымъ свѣтлымъ пятномъ, единственнымъ символомъ того, что еще не все погибло для Россіи.

Героическая эпопея его защиты наполняла гордостью и счастьемъ скорбное, измученное, изболѣвшее сердце націи.

Портъ-Артуръ долженъ былъ пасть.

Объ этомъ говорила военная исторія своимъ богатымъ опытомъ, объ этомъ говорила логика, разумъ, ходъ событій, все, все!

Но душа не желала справляться ни съ однимъ изъ этихъ данныхъ. Казалось, хотѣлось вѣрить, что паденіе это совершится когда-нибудь въ далекомъ будущемъ, а можетъ быть и никогда не будетъ, если во-время подоспѣетъ ожидаемая помощь. Коллективная душа народа не вѣрила, не хотѣла вѣрить въ это паденіе.

Наконецъ, иначе представляли себѣ утрату Портъ-Артура. Думали, что онъ *падетъ* въ буквальномъ смыслѣ слова, то-есть, что его *возьмутъ* японцы, а не сдадутъ его русскіе. Что будетъ рѣзня на улицахъ! Что будетъ новая героически-трагическая картина паденія Новой Трои! Что „люди-тѣни", буквально, будутъ биться до послѣдняго человѣка, до послѣдней капли крови, какъ это обѣщано было торжественно.

И вдругъ—сдача, на волю побѣдителя, съ орудіями, снарядами, припасами, людьми,—десятками тысячъ людей!

— Grande fut la déception! — узнавъ о паденіи крѣпости,

сказалъ—у „Медвѣдя“—Jules Ferrand Мамаеву.—Et maintenant la révolution est proche.

— Вы все свое! — отвѣтилъ Мамаевъ и пошелъ ужинать.

И Михаилъ Кардановъ горько оплакивалъ это паденіе. Тяжело видѣть крушеніе своего идеала. Тяжело видѣть развѣнчиванье героя. Тяжело присутствовать при фактѣ превращенія волшебной, поэтической сказки въ скучную, некрасивую прозу жизни.

Такъ много прозы на свѣтѣ, и такъ мало волшебныхъ сказокъ!..

Паденіе волшебной крѣпости было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія народа.

Вся Россія заволновалась. Подымалось глухое броженіе. Что-то еще невѣдомое, еще неслыханное подымалось изнутри Россіи, какая-то грозная, таинственная волна, чреватая событіями. Такъ въ океанѣ начинаетъ качать корабль внутренняя сила, подымающаяся со дна его, въ то время, когда волны на поверхности его еще спокойны и гладки какъ зеркало.

Въ ближайшую къ событію пятницу, въ салонѣ Кардановой собрались ея многочисленные гости и обсуждали положеніе.

Михаилъ не присутствовалъ на этомъ собраніи. Эти праздные, какъ онъ ихъ называлъ, академическіе разговоры, претили ему. Да и къ тому же онъ проводилъ все свое время въ университетѣ и на какихъ-то частныхъ собраніяхъ въ квартирахъ. Ему было некогда слушать „слюнотеченіе маменькиной политической говорильни“, потому что онъ былъ убѣжденъ, что „настоящее дѣло“, настоящій „выходъ на улицу“ подготовляется ими, молодежью, рабочими и отдѣльными передовыми вождями, тѣсно сплотившимися и объединившимися, какъ никогда еще дотолѣ на Руси.

Ольга имѣла еще одинъ разговоръ съ матерью, но этотъ разговоръ не привелъ ни къ чему, или, вѣрнѣе, привелъ къ тому, что Забѣлинъ получилъ въ ея жизни окончательное право гражданства.

Теперь они уже не считали нужнымъ скрываться такъ тщательно отъ людскихъ взоровъ и толковъ.

„Обнаглѣли“, какъ однажды замѣтилъ вскользь Михаилъ.

И дѣйствительно, ихъ романъ росъ съ поразительной быстротой и интенсивностью. Они уже не владѣли собой. Въ ихъ взорахъ можно было читать какъ въ книгѣ.

Теперь уже не стѣснялись говорить съ Забѣлинымъ о его увлеченіи.

— Итакъ, вы влюблены, — сказала ему въ театрѣ Иларія Семеновна.

Отъ неожиданности онъ не нашелся, что отвѣтить.

— Я? — чтобы выиграть время, вскрикнулъ онъ.—Господь съ вами! Въ кого?

Но мускулы лица его дрожали отъ счастья, губы невольно растягивались въ улыбку, глаза блестѣли.

— Вы прекрасный адвокатъ,—отвѣтила она ему,—но плохой актеръ. Вы не владѣете мимикой, она владѣетъ вами.

— Но позвольте...

— И позволить нечего. Въ одномъ глазѣ у васъ написано: Оль... а въ другомъ—га. Это ясно какъ божій день.

Тогда онъ вздумалъ взять наглостью.

— Et puis après?—вызывающимъ тономъ спросилъ онъ.

— Mais... rien. Par le temps qui court, страсти становятся африканскими и полонятъ людей. Но по силѣ ли ломите дерево? Она испорчена, молода, капризна, какъ волна... Et elle doit couter cher. Смотрите, Мамаевъ уже изнываетъ подъ бременемъ Стаховской.

— Позвольте,—вспыхнувъ до корня волосъ, отвѣтилъ Забѣлинъ.—Ольга Петровна... если вы ее имѣете въ виду,—поправился онъ,—не Стаховская.

— О, тоже самое, увѣряю васъ. Только безъ званія балерины. Да и не все ли равно въ наше время: балерина, пѣвица, свѣтская женщина? Одно правило: чѣмъ женщина порядочнѣе, тѣмъ она дороже стоитъ.

Этотъ афоризмъ поразилъ его мѣткостью. Онъ вспомнилъ нѣсколько свѣтскихъ примѣровъ и свой собственный, и не могъ не улыбнуться.

Это дало мирное направленіе разговору. „Une détente“, подумалъ онъ, потому что предполагалъ по первымъ словамъ, что разговоръ этотъ окончится рѣзкостями съ его стороны.

Но счастье его было болтливо, какъ всякое счастье, и ему хотѣлось поговорить объ Ольгѣ.

— Вы съ этимъ согласны? — спросила Иларія Семеновна, замѣтивъ его улыбку.

Онъ пожалъ плечами.

— Пожалуй. Вы правы, какъ всегда.

— Не то,—перебила она его.—Soyez franc! Où donc voulez-vous en venir? Вѣдь она замужемъ.

— „Онъ далеко, онъ не узнаетъ“,—игривымъ тономъ проговорилъ Забѣлинъ, и самъ себѣ удивился.

— Разводъ?

— Почему я знаю! Какъ вы любите все взвѣсить, опредѣлить, предвидѣть!

— Не то! Но нуженъ же исходъ. Выходъ? Enfin, quoi? Эпилогъ неизбѣженъ. Вы похудѣли, но вамъ идетъ. Тутъ два выхода: „pas de trois“, или разводъ. Пари, что вы уже думали такъ и этакъ. N'est-ce pas, Сергѣй Николаевичъ?—обратилась она къ мужу, который врядъ-ли слушалъ ее, потому что ея вѣчная болтовня давно надоѣла ему.

— Да, конечно, мы вамъ пришлемъ билеты, а вы ихъ раздайте знакомымъ,—совершенно неожиданно отвѣтилъ тотъ.

Иларія Семеновна и Забѣлинъ расхохотались; Сергѣй Николаевичъ, понявъ ошибку, сконфузился.

— Ахъ, ты развѣ не объ этомъ спектаклѣ говоришь!

Иларія Семеновна махнула рукой и ничего не отвѣтила.

— A propos!—обратилась она къ Забѣлину.—Любовь предполагаетъ добрые душевные порывы. Я теперь организую портъ-артурскій вечеръ. Мнѣ нужно будетъ ваше содѣйствіе. Я еще не рѣшила, въ какой формѣ. Мнѣ это неясно. Не то, впрочемъ! Мнѣ ясно, что содѣйствіе ваше нужно, такъ какъ, благодаря вашему сенсаціонному роману съ Ольгой, vous êtes devenu un monsieur à la mode въ нѣкоторыхъ кругахъ общества. Такой романъ всегда интересуетъ, интригуетъ. Въ немъ что-то „мопассановское“. Ну, я подумаю. Вы что-нибудь прочитаете.

Теперь Сергѣй Николаевичъ сдѣлался осторожнѣе и, вслушавшись внимательно, какъ эхо проговорилъ:

— Да, прочитаете что-нибудь. Вѣдь вы поэтъ. Я очень люблю ваши стихи. Въ нихъ есть что-то...—онъ подумалъ, потеръ лобъ, но ничего придумать не могъ и сказалъ: — enfin, что-то „мопассановское“.

Иларія Семеновна криво усмѣхнулась.

— Allons, c'est bon.

И она начала излагать Забѣлину свои предположенія о портъ-артурскомъ вечерѣ.

Иларія Семеновна тоже была посѣтительницей салона Вѣры Алексѣевны, но никогда никакого участія въ политическихъ дебатахъ не принимала. Она являлась въ качествѣ quêteuse на свои вечера или же въ качествѣ любопытной наблюдательницы за романами Анны съ Лубянскимъ или Мамаевымъ и Ольги съ Забѣлинымъ. Чужіе романы, за отсутствіемъ собственнаго, всегда были ея страстью, какъ и благотворительность, въ которую она ударилась отъ безпросвѣтно-скучной прозы своей брачной жизни.

Ужъ очень Сергѣй Николаевичъ не былъ похожъ на героя даже самаго незначительнаго, самаго плохонькаго романа.

И она часто даже въ этомъ упрекала его.

— Ну, зачѣмъ ты женился на мнѣ? Вѣдь безъ тебя я бы, можетъ быть, вышла замужъ за человѣка болѣе интереснаго. Хотя бы ты влюбился въ кого! Нѣтъ, не то. Влюбись — все равно ревновать не буду. Кому ты нуженъ? Ты умѣешь только подписывать бумаги, бюрократъ!

Это стало у нея въ послѣднее время, въ подражаніе модѣ, самымъ браннымъ словомъ.

— У каждаго мужчины есть всегда, au moins, двѣ стороны: вотъ Мамаевъ — служитъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, если спросятъ, „кто такой Мамаевъ“, скажутъ: — балетоманъ. Вотъ Забѣлинъ — адвокатъ, но онъ же и поэтъ. Et ainsi de suite. А ты? Бюрократъ. C'est tout.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но, по обыкновенію, не то виновато, не то таинственно улыбался, какъ улыбаются иногда бутадѣ ребенка, говорящаго милыя глупости.

XXVII.

Въ эту пятницу Иларія Семеновна озабоченно носилась по городу съ портъ-артурскимъ вечеромъ и не была у Вѣры Алексѣевны, чѣмъ рѣшительно всѣ были очень довольны.

Ольга сидѣла съ Забѣлинымъ въ самой отдаленной комнатѣ въ то время, какъ въ салонѣ шли дебаты. Анна очень поблѣднѣла въ послѣдніе дни.

Она чувствовала себя несчастной. Романъ съ Мамаевымъ рѣшительно не устраивался. Она запомнила твердо послѣдніе совѣты Ольги, и они глубоко запали ей въ душу. У Мамаева, по слухамъ и по ея наблюденіямъ, романъ съ Стаховской шелъ быстро къ развязкѣ.

Въ балетномъ муравейникѣ всѣ были заинтересованы этимъ разрывомъ, близкимъ къ осуществленію. Стаховскую въ балетѣ не любили, за то, что она была красивѣе всѣхъ и талантливѣе всѣхъ и, можетъ быть, нравственнѣе многихъ, несмотря на то, что Мамаевъ числился уже не первымъ ея поклонникомъ.

Прекрасные задатки ея сердца и характера были испорчены съ юныхъ лѣтъ.

Она попала въ кружокъ танцовщицъ, въ домахъ которыхъ

собиралась молодежь высшаго административнаго и аристократическаго круга.

Блескъ роскоши и повадокъ богатыхъ людей ослѣпилъ ее, развилъ въ ней страсть и любовь къ комфорту, дорогимъ платьямъ, парюрамъ, лошадямъ. И все это стало ей нужнѣе всего.

Но на ряду съ этими стремленіями къ богатой жизни въ ней билось простое, доброе сердце, поэтическіе порывы, романическія грезы, и ей чудилось въ жизни что-то прекрасное, красивое и горячее, какая-то любовь-мечта, которая должна существовать гдѣ-то, и, вотъ, она гналась за нею, искала ее, ошибалась, не находила, разочаровывалась, страдала и возвращалась снова къ единственно реально существующимъ и несомнѣннымъ мыслямъ о богатствѣ, блескѣ и роскоши...

Въ послѣднее время Мамаевъ пересталъ удовлетворять ея прихоти. Съ возникновеніемъ войны дѣла его шли все хуже и хуже; люди стали жаться въ расходахъ, не хватало средствъ вести широкую жизнь, а стремленіе къ этой жизни, напротивъ, возросло у всѣхъ въ виду какой-то нервной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, въ виду какого-то особо нервно-возбужденнаго настроенія.

Политическія событія незамѣтно, но вѣрно проникаютъ во внутреннюю психологію людей и мѣняютъ ихъ психическое самочувствіе.

Не удовлетворившись въ своей любви и въ своихъ потребностяхъ, Стаховская, видимо, искала теперь разрыва съ Мамаевымъ, завязавъ какой-то черезчуръ кричащій романъ съ извѣстнымъ опернымъ пѣвцомъ. И объ этомъ всѣ въ балетѣ говорили съ особенной язвительностью, потому что ее не любили. И Мамаевъ очень страдалъ отъ этого романа и отъ этихъ разговоровъ, страдалъ больше, какъ снобъ въ его снобическомъ самолюбіи, которое было уязвлено.

И тѣмъ не менѣе, всѣ авансы Анны, которая была au courant этой исторіи, не имѣли успѣха. Мамаевъ всячески уклонялся отъ предлагаемаго ему романа.

Что такое эта Анна для него? Хорошенькая дѣвочка съ большими капиталами. Но на ней надо жениться. Это очень просто и очень буржуазно. И, наконецъ, онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы жениться и окончательно сдѣлаться мужемъ и отцомъ.

Поэтому онъ, какъ новый Евгеній, прочитывалъ Аннѣ сдержанныя нотаціи и удалялся отъ нея. Прежде, когда его отношенія къ Стаховской, казались ему прочными, онъ еще допускалъ нѣкій дополнительный флиртъ съ „дѣвочкой общества“;

это было даже изящно, нѣсколько позировало его, было красиво съ извѣстной точки зрѣнія.

Но теперь, когда почва заколебалась подъ его ногами, Анна потеряла для него всякій интересъ.

И Анна блѣднѣла и таяла...

Въ салонѣ шли разговоры.

— Еслибы этотъ указъ 12-го декабря, — говорилъ Бояриновъ, — появился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, всѣ сочли бы его актомъ первостепенной важности. А теперь? Вмѣсто того, чтобы благодарить, дерзко стали требовать государственнаго переворота. „Интеллигенція“, — онъ придалъ этому слову особенно презрительное выраженіе, — видите ли, усмотрѣла въ указѣ новую уступку, новый признакъ слабости правительства. Новая слабость растерявшагося правительства — это новая побѣда смутьяновъ.

— Позвольте, — съ горячностью вступился Калитинъ, чуть не выронивъ чашки съ горячимъ чаемъ изъ рукъ. — У васъ странныя мысли и странныя выраженія.

— Извольте... въ чемъ же?

— Во всемъ. Что значитъ: „дерзко требовать государственнаго переворота“?

— Развѣ реформа государственнаго строя — не переворотъ? — съ ироніей въ тонѣ спросилъ Бояриновъ.

— Согласенъ. Но требовать реформы, то-есть обновленія обветшавшаго строя, не значитъ еще быть дерзкимъ. Если вы замѣняете мостовую передъ вашимъ домомъ, мостовую, пришедшую въ совершенную негодность отъ несовершеннаго устройства и долгаго употребленія, новою — это не значитъ, что вы дерзки, а только — что вы мудры. Это азбука-съ. А чтобы выстроить новую, нужно снести старую до основанія. Да-съ.

— Пусть такъ! Но для этого надо подготовить рабочихъ.

— Старая пѣсня-съ! „Народъ не готовъ — его нельзя освободить отъ крѣпостной зависимости“, говорили въ оныя времена. Ежели бы мы ждали, народъ до сихъ поръ сидѣлъ бы въ оковахъ рабства на непринадлежащей ему землѣ.

— И, можетъ быть, было бы лучше, — сказалъ Бояриновъ.

Калитинъ съ глубокимъ презрѣніемъ и ненавистью посмотрѣлъ на него.

— Конечно, было бы лучше, — сказалъ онъ. — Лучше всего было бы выстроить вокругъ Россіи китайскую стѣну, не пускать никого ни за нее, ни изъ-за нея. Но вѣдь ничего нѣтъ вѣчнаго на свѣтѣ: и китайская стѣна, въ концѣ концовъ, обветшала бы

и рухнула. — Позвольте! — взвизгнулъ онъ, — я еще не кончилъ. Я хочу сказать, что я такъ же, какъ и вы, недоволенъ указомъ.

— Да? — протянулъ Бояриновъ. — Очень пріятно слышать. — Но въ какомъ смыслѣ?

— Конечно, не въ вашемъ. Это — полумѣры, нащупыванье. Этого-то и не нужно.

— А что нужно?

— Нужна одна коренная, ясная, откровенная, громко-провозглашенная реформа. Остальное приложится.

— Конституція?

— Да! — рѣзко сказалъ Калитинъ. — Но не западно-европейская, буржуазная, а настоящая, демократическая.

— Можетъ быть, просто анархія?

Калитинъ вскипѣлъ.

Онъ хотѣлъ наговорить дерзостей своему оппоненту, когда, взявъ его за руку, началъ говорить Вешняковъ.

Вѣра Алексѣевна поблагодарила его взглядомъ за то, что онъ предотвратилъ почти неизбѣжный скандалъ.

Вешняковъ — въ синихъ очкахъ, съ длинной бородой, самъ худой и длинный, походилъ на старообрядческаго начетчика.

И голосъ его былъ елейный, спокойный, вразумительный. Когда онъ говорилъ, казалось, все внимало его кадансированной рѣчи, но это вниманіе было ложное: въ сущности, всѣмъ дѣлалось скучно, скучно до зѣвоты, до гипнотическаго сна, и отъ его умѣренныхъ взглядовъ, и отъ его умѣреннаго голоса.

— Вы говорите, господа, о парламентѣ, — началъ онъ, — а сами не умѣете, извините, спорить. Есть цѣлая наука о методахъ спора. Отчего не дать высказаться каждой сторонѣ? Отчего не выслушать каждую сторону? Изъ столкновенія мнѣній рождаются первоначальные элементы истины.

— Ой, какъ все это удивительно свѣжо, ново и интересно! — проговорилъ вполголоса Игнатьевъ, обращаясь къ Кучинову.

Но Кучиновъ ему ничего не отвѣтилъ. Онъ одинаково презиралъ и этого полоумнаго нео-ницшеанца, и этого снотворнаго „умѣреннаго“. Для него существовала одна истина: „истина малыхъ дѣлъ“.

— Это не свѣжо и неинтересно, — наконецъ, послѣ глубокомысленнаго размышленія, проговорилъ онъ. — И не важно, чтобы все было непремѣнно интересно. Важно одно: если ты шьешь хорошо хотя бы сапоги, то это уже важно. Пусть каждый сапожникъ дѣлаетъ сапоги образцово, и пусть каждый чиновникъ образцово пишетъ бумаги, а каждый земецъ образцово чинитъ

дороги. Представьте, что каждый будетъ дѣлать въ полной мѣрѣ свое маленькое дѣло—изъ этого выйдетъ нѣчто грандіозное. Вы съ этимъ несогласны? Но вѣдь каждый каменьщикъ несетъ по кирпичу, только по кирпичу, а выростаетъ огромный домина. Но когда каждый каменьщикъ начнетъ презирать свою маленькую работу и отшвырнетъ отъ себя съ презрѣніемъ кирпичъ, возомнивъ, что онъ призванъ на высшее дѣло, то какъ же, скажите, выростетъ домъ? У насъ вся ошибка и все нестроеніе—въ томъ, что каждый хочетъ править, а не работать.

Игнатьевъ давно махалъ руками, пытаясь прекратить его словоизверженіе и возразить ему.

Но Кучиновъ былъ неумолимъ.

Вешняковъ продолжалъ:

— Я хочу сказать, что реформы нужны, даже, вѣроятно, очень нужны. Но какія? Самыя умѣренныя на первыхъ порахъ. Чтобы дойти до представительства, нужно пройти стажъ. Да-съ, нужно пройти стажъ; нужно подготовить людей, нужно подготовить общество, нужно подготовить народъ. Вы говорите: конституція, земскій соборъ, дума—это все равно. Это форма. Но за формой содержаніе. Важно, что будетъ за этой формой. Ребенка восьми — двѣнадцати лѣтъ вы не опредѣлите прямо въ седьмой классъ. И народа отъ бюрократическаго режима вы не поведете прямо къ конституціи. Это—nonsens. Вотъ что нужно: расширеніе земскаго и городского самоуправленія...

— Чинить безъ спросу и на собственный счетъ дороги и больничные умывальники? — съ ехидствомъ вставилъ Калитинъ, которому надоѣло слушать это „слюнотеченіе“, какъ онъ называлъ манеру Вешнякова говорить.

Вешняковъ не удостоилъ его взглядомъ изъ-подъ синихъ очковъ, но слышалъ его слова и принялъ ихъ къ свѣдѣнію.

— Дѣла много и помимо умывальниковъ. Итакъ, я говорю...

Вѣра Алексѣевна начала судорожно зѣвать.

Ей показалось, что это не рѣчь Вешнякова звучитъ въ ея ушахъ, а сыплется мелкій, противный осенній дождь, какъ-то прорвавшійся черезъ потолокъ въ ея салонъ, хотя на дворѣ стоялъ морозъ.

Но когда Вешняковъ говорилъ, ей всегда казалось, что идетъ дождь. И всѣ имѣли вялый и сонный видъ.

А Вешняковъ продолжалъ говорить. И всѣ ждали, чтобы его кто-нибудь перебилъ.

Но онъ говорилъ, такъ тѣсно нанизывая слово на слово, что не оставалось ни единаго мгновенія, ни единаго просвѣта,

чтобы прервать брешь этой мелкой сѣти „словеснаго загражденія“.

Вдругъ Калитинъ, который давно уже выражалъ самые явные признаки нетерпѣнія, вдругъ вскипѣлъ негодованіемъ, и обрушился всей тяжестью и силой своей энергичной рѣчи на „точившаго“ Вешнякова.

— Да что вы тамъ словеса какія-то точите! — закричалъ онъ.—Все ясно: Портъ-Артуръ палъ; весь тихоокеанскій флотъ погибъ; на сушѣ всюду и вездѣ терпимъ пораженія. Это послѣдняя капля въ чашѣ нашего долготерпѣнія. Это толчокъ этой чашѣ. Она переполнена и должна—понимаете вы?—должна пролиться. И она прольется. Это толчокъ къ соціальной революціи. Я жду.

— Чего? — тѣмъ же ровнымъ голосомъ проговорилъ Вешняковъ.

— Событій.

— Какихъ?

— Всякихъ. Самыхъ худшихъ.

— „Народъ безмолвствуетъ“...

— Неправда. Что вы знаете о народѣ? Вы и народъ-то называете не народомъ, даже не крестьянами, а „мужикомъ“ и даже не мужикомъ, а мужичкомъ. „Нашъ мужичокъ“ и прочее. И вы всѣ пляшете вокругъ этого мужичка, какъ дикари вокругъ невѣдомаго фетиша. Бросить все это надо! Народъ часто подымался и ходилъ съ топорами. Пугачовщина живетъ въ немъ. Только троньте его шкурные интересы, онъ покажетъ себя вамъ, этотъ сфинксъ. И вотъ, именно, ихъ надо тронуть, чтобы вызвать соціальную анархію. Эта анархія смететъ все старое, негодное. На новомъ, чистомъ мѣстѣ создастся соціальная революція, а затѣмъ правовое государство. Вотъ что нужно и нужно немедленно. Это историческій методъ и ходъ всякаго обновленія и освобожденія.

Тутъ поднялся такой гамъ, что ничего разобрать стало невозможно.

Всѣ окружили Калитина, и каждый старался говорить громче и перекричать другого, чтобы заставить себя услышать.

Но Калитинъ всѣмъ этимъ мало смущался и кричалъ громче всѣхъ. Вошедшій въ это время Вадимъ съ изумленіемъ и испугомъ посмотрѣлъ на всѣхъ и сдѣлалъ движеніе, чтобы уйти.

— Седьмая палата!—проговорилъ онъ.—Отдѣленіе буйныхъ.

Но потомъ, поискавъ глазами мать и не найдя ее, онъ заинтересовался не самымъ споромъ, а картиной спора.

Эти оживленныя лица, эти пылавшіе глаза и эти хриплые крики были до такой степени новымъ явленіемъ на Руси, что даже ему, этому убѣжденному поклоннику долга, сдѣлалось интересно.

У Вѣры Алексѣевны началась мигрень.

Она была хозяйкой дома, но часто исчезала изъ своего салона à l'anglaise, ни съ кѣмъ не прощаясь. И теперь она вышла изъ гостиной и прокралась въ будуаръ, гдѣ хотѣла прилечь на диванчикъ.

Въ будуарѣ было полутемно. Одинъ только фонарь, висѣвшій съ потолка, освѣщалъ комнату темно-желтымъ, скорѣе оранжевымъ цвѣтомъ.

Въ углу дивана, въ дѣтски-безпомощной позѣ, какъ глубоко обиженный нелѣпой несправедливостью ребенокъ, сидѣла Анна. Голова ея, прислонившись на спинку дивана, была закрыта руками.

Сквозь тонкіе, блѣдные, красивые пальцы ея рукъ текли слезы. Все тѣло вздрагивало отъ ея беззвучныхъ, глухихъ рыданій.

Вѣра Алексѣевна подумала: „Бѣдная Аня!"—и прошла на цыпочкахъ дальше, не желая нарушить уединеніе дочери.

„У Ани, — думала Вѣра Алексѣевна, несмотря на усилившуюся мигрень,—у Ани первое недѣтское горе, нераздѣленная любовь. Въ мірѣ все симметрично и во всемъ должна быть гармонія. Одностороннее чувство горько. Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ".

Она сама, Вѣра Алексѣевна, этого не испытала. У нея все въ жизни было ясно, просто, опредѣленно и ровно—ровно, какъ шоссейная дорога. Никого и никогда она сильно не любила, ничто ее не захватывало, ничто особенно не интересовало.

Она спокойнымъ шагомъ шла по этой дорогѣ, отдыхая по оазисамъ — рожденіемъ дѣтей. Только это вносило еще въ ея жизнь нѣкоторое разнообразіе и хлопотливость, выбивавшую ее и весь домъ изъ обычной колеи мирнаго прозябанія.

И ей казалось, что этому пути нѣтъ конца, и что оазисовъ, можетъ быть и другого характера, по дорогѣ много. Поэтому она шла не спѣша, спокойно, себя не тревожа и ни въ чемъ себѣ не отказывая

И вдругъ налетѣлъ ужасный смерчъ и унесъ ея мужа изъ ея жизни.

Это былъ первый жестокій ударъ, вырвавшій ее изъ колеи. И она пережила тяжкія минуты.

Но потомъ она нашла себѣ развлеченіе въ политическомъ салонѣ, стала успокаиваться.

Уравновѣшенная натура ея взяла верхъ. Но вотъ Аня плачетъ, съ Ольгой творится что-то неладное, Михаилъ смотритъ звѣремъ на Вадима, и всѣ они—индифферентны къ ней.

А она что-жъ? Развѣ когда-нибудь она претендовала играть роль у своихъ дѣтей. Нѣтъ! У каждаго изъ нихъ былъ свой особый, довольно замкнутый міръ, въ который ее, мать, уже больше не впускали.

— Бѣдная Аня!—еще разъ прошептала она, и прошла неслышными шагами въ уборную.

XXVIII.

Ея педагогическая система „невмѣшательства“ привела ее къ тому, что она отчуждилась отъ дѣтей.

Никогда не умѣла она вызвать ихъ на дружескую, интимную откровенность, никогда не умѣла найти нужнаго слова, чтобы помочь, утѣшить,—того слова, котораго и искать-то не приходится и которое не рождается въ умѣ, а какими-то таинственными путями звучитъ въ сердцѣ и срывается съ языка.

Ея попытки въ этомъ направленіи не имѣли никакого успѣха; слова выходили холодными, иногда неумѣстными, въ лучшемъ случаѣ—ненужными.

И Вѣра Алексѣевна не остановилась для утѣшенія Ани, успокоивъ себя сентенціей: „Дѣтское первое горе—не горе. У нея здоровая, нравственная натура; она переработаетъ, справится съ этимъ горемъ“.

Но въ уборной Ольги, уставленной по стѣнамъ рядомъ одинаковыхъ, спеціально сдѣланныхъ шкаповъ изъ бѣлаго дерева, умывальникомъ и туалетомъ, на низкомъ диванѣ, въ уютной позѣ, сидѣла Ольга съ Забѣлинымъ.

Это поразило Вѣру Алексѣевну.

„Боже мой, нашли мѣсто!“—подумала она, и прошла мимо скорой походкой, чтобы не спугнуть эту парочку.

Какъ тѣнь уходила она отъ призраковъ своихъ дочерей, у которыхъ такъ неожиданно разыгрались сердечные романы.

Мигрень ея усиливалась. Подъ ея вліяніемъ у нея начали складываться скверныя мысли.

Въ первый разъ въ жизни она усомнилась и въ своихъ педагогическихъ способностяхъ, и въ своемъ материнскомъ сердцѣ.

Она прошла въ спальню и легла на кровать, не будучи въ силахъ переносить дольше головную боль...

— Я не видѣлъ тебя цѣлый день!—говорилъ какимъ-то обиженнымъ дѣтскимъ голосомъ Забѣлинъ.—Цѣлый день! Это ужасно, ужасно, Ольга. Я чувствовалъ себя погребеннымъ. Дышать было нечѣмъ, свѣтъ мнѣ казался тьмою.

Ольга улыбнулась.

— Ты говоришь красиво. Развѣ всѣ адвокаты и поэты говорятъ красиво? Можетъ быть, это изъ твоихъ стиховъ?

Удрученнымъ взоромъ онъ посмотрѣлъ на нее.

Въ эту минуту онъ рѣшительно не понималъ ее. Какъ можетъ она такъ шутить, когда онъ такъ ужасно страдаетъ!

— Ольга! — вскрикнулъ онъ.—Ты жестокая, жестокая. Но это все равно. Я люблю тебя!

Она пожала плечами.

— Я уже это слышала. Но это не ново. Скажи что-нибудь новое. Это становится похожимъ на нашъ салонъ, гдѣ слышишь постоянно слова: „конституція“, „революція“. Когда часто повторяешь слово, оно начинаетъ звучать ординарно и терять свое значеніе. Вотъ мы убѣжали отъ людей, а ты принялся за старое.

На нее, очевидно, нашла дурная минута, когда ей хотѣлось помучить его. На нее находили такія минуты, какъ находятъ онѣ иногда на скверныхъ мальчишекъ, отрывающихъ у пойманныхъ мухъ крылья и ноги, ради сладострастнаго желанія видѣть муки безпомощности и боли.

Но онъ никогда не умѣлъ угадывать этихъ скверныхъ минутъ Ольги.

Каждый разъ ему казалось, что теперь наступилъ уже конецъ ихъ любви, что она пришла къ своему естественному окончанію.

И ему становилось страшно.

— Но не могу же я говорить, что тебя ненавижу,—сказалъ онъ.

— Этому я не повѣрю. Не надо ничего говорить. Смотри на меня, любуйся и... умирай медленной смертью, — засмѣялась она.

— Ты шутишь, ты играешь моимъ сердцемъ,—горестно сказалъ онъ.—Я страдаю.

— „Не тронь его—оно разбито“,—проговорила Ольга.—Ну, чудесно! Поговоримъ серьезно. Отчего ты страдаешь? Развѣ тебѣ мало того счастья, которое я дала тебѣ? Развѣ тебѣ мало, что ты видишь, слышишь, говоришь со мной?

— Ахъ, Ольга! Это не то. Это счастье краденое, счастье наполовину. Мы — воры. Мы воруемъ его. Это счастье вспыхнуло неожиданно, не знаю, какъ и гдѣ... а теперь я вижу, я чувствую, я ощущаю, что ты уже не та... ты какъ-то не хочешь видѣться со мною, прячешься...

— Да, да, это необходимо. Это необходимо. Мы уже и такъ афишировали наши отношенія. О нихъ говорятъ по всему городу.

Вдругъ приливъ ярости овладѣлъ имъ.

Онъ вскочилъ. Ольга въ первый разъ видѣла этого кроткаго, тихаго человѣка, этого послушнаго и покорнаго въ ея рукахъ раба, въ такомъ возмущеніи.

— Пусть говорятъ! — крикнулъ онъ такъ, что она зажала ему ротъ рукою. — Пусть говорятъ, — нѣсколько уже тише, дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ, продолжалъ онъ. — Мнѣ все равно. Я укралъ чужое счастье? Ну, укралъ. Я взялъ у своего друга единственную драгоцѣнность, которую онъ имѣлъ? Пускай. Я укралъ ее тогда, когда онъ не могъ защитить ее, когда онъ далеко отъ своего дома, когда онъ на войнѣ? Ну, что-жъ? Ну да, укралъ, укралъ! Ну, я воръ и подлецъ. Развѣ же это тебѣ не извѣстно? Но если я воръ и подлецъ, — повторялъ онъ, чувствуя наслажденіе отъ этихъ словъ, — то я хочу имъ быть до конца. Если я укралъ драгоцѣнный камень дивной красоты, то вѣдь не для того же, чтобы спрятать его на дно сундука и чтобы никто никогда его не увидѣлъ, имъ не полюбовался...

— Ахъ, вотъ что̀! — протянула она. — Тебѣ нужно это тщеславіе?

— Хочу любить открыто. На яркомъ свѣту божьемъ. Я хочу кричать на улицахъ и площадяхъ объ этой любви.

— Да что̀ съ тобой?! — засмѣялась она. — Развѣ теперь можно кричать на улицахъ о такихъ глупостяхъ? Чтобы твои же коллеги-адвокаты сказали: всѣ кричатъ о политикѣ, о равной, тайной, прямой и — забыла еще какой подачѣ голосовъ, а Забѣлинъ кричитъ о любви къ хорошенькой каменной женщинѣ! Твоя политическая карьера будетъ кончена, кончена навсегда. А судьба, можетъ быть, готовила тебя въ Дантоны или Робеспьеры.

Его порывъ упалъ.

Онъ взглянулъ на нее грустнымъ-грустнымъ взоромъ и уже тихо, совсѣмъ тихо, прежнимъ рабскимъ голосомъ, сказалъ:

— Ты шутишь, ты все шутишь... Но ты не любишь, не любишь меня!

— Нѣтъ, не люблю... какъ ты это понимаешь. Я люблю иначе. Но ты этого не понимаешь. И не поймешь. А хвастался когда-то, что мы съ тобой созданы другъ для друга... Я уже разъ говорила тебѣ: ты дѣйствуешь на мои нервы, на мое воображеніе. Это скучно повторять. Не понимаешь? И не надо! Только слушай меня и дѣлай то, что я велю. Вотъ твой недавній порывъ, порывъ возмутившагося раба—мнѣ понравился. Въ немъ есть особая прелесть.

Она закрыла глаза, схватила его голову обѣими руками и покрыла поцѣлуями его глаза.

И опять онъ сталъ ея прежнимъ рабомъ, готовымъ на все.

Между тѣмъ, въ салонѣ продолжались разговоры; волненія улеглись, спорщики устали. Говорили теперь спокойнѣе, сдержаннѣе.

Зимницкій выдвинулъ на сцену новую теорію.

— Я называю это гегельянской теоріей самодержавія Самодержавіе, — говорилъ, онъ, — въ минуту нестроенія Руси, всеобщаго разлада,—въ далекую историческую минуту—было вручено самимъ народомъ избранному имъ царю. Такъ сказать, дискреціонная диктаторская власть, врученная, повторяю, народомъ одному лицу. Эта власть совершила весь свой циклъ. Она была полезна, необходима, исчерпала сама изъ себя все, что было нужно для благосостоянія народа. Совершивъ все, чего отъ нея ждали, она должна теперь естественнымъ образомъ вернуться къ своему первоисточнику, должна быть передана народу, который временно довѣрчиво уступилъ ее на періодъ исторической опасности. Вы меня понимаете?

Калитинъ сказалъ:

— Это очень интересно, и этимъ слѣдуетъ позаняться.

И начались обсужденія этой новой точки зрѣнія.

Валер. Свѣтловъ.

КИТАЙ
и
ЕГО ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ

Окончаніе.

II *).

Китай, вступивъ на путь, указанный ему Европой, и признавъ необходимость, для самозащиты отъ этой Европы, создать поевропейски обученныя войска, не можетъ уже въ настоящее время остановиться на полупути, но долженъ довести до конца предпринятое дѣло созиданія своихъ вооруженныхъ силъ.

Вопросъ этого созиданія китайскихъ армій сводится въ настоящее время уже не къ тому, что Китай неспособенъ быть военнымъ государствомъ, а къ тому, какія внутреннія или внѣшнія условія могутъ помѣшать Китаю создать настолько сильную, правильно организованную, обученную и вооруженную армію, которая могла бы выдержать предстоящую въ надвигающемся будущемъ борьбу Китая съ европейскими арміями и отстоять независимость и нераздѣльность государства. Вѣдь едва ли рѣшится кто отрицать, что настоящее политическое положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ ставитъ на очередь вопросъ, если не дѣлежа Китая между европейскими государствами, то подчиненіе Китая вліянію одной или нѣсколькихъ державъ.

А что, если Китай не захочетъ подчиниться ничьему вліянію, и начнетъ дѣйствовать самостоятельно,—кто можетъ ему въ этомъ помѣшать?

---

*) См. выше: февр., стр. 497.

Прежде всего, будетъ губить самостоятельность Китая само же китайское правительство. Личная борьба чиновничьихъ партій за вліяніе при дворѣ, борьба партіи консервативной, чрезвычайно жизненной, но косной, съ партіей прогрессивной, далеко однако немногочисленной; національная борьба китайцевъ съ манчжурами за вліяніе и первенство,—все это будетъ отвлекать умы государственныхъ китайскихъ людей отъ пониманія грозящей общей опасности Китаю и направитъ все ихъ вниманіе на узко-личную борьбу. Политика, которой держался такой выдающійся государственный человѣкъ, какъ Ли-Хун-Чангъ, относившійся съ презрѣніемъ къ могуществу европейцевъ въ Китаѣ и полагавшій, что, натравляя одно государство на другое, онъ сломитъ это могущество, а вводимыми реформами подниметъ населеніе Китая,—въ настоящее время уже не существуетъ. Европейскія государства объединятся въ борьбѣ противъ самостоятельности Китая.

Десять лѣтъ тому назадъ, изъ всѣхъ европейскихъ державъ Ли-Хун-Чангъ признавалъ громадное значеніе для Китая только за Россіей; но во время могущества Ли-Хун-Чанга русская дипломатія не заключила прочнаго союза съ Китаемъ, такъ какъ она отвлекалась отъ прямой своей дороги на ложный и опасный путь, слѣдуя за чуждой русскимъ интересамъ европейской дипломатіей. Русская политика послѣднихъ лѣтъ не понимала истинныхъ интересовъ Россіи въ Китаѣ и Кореѣ, а дѣятели-временщики, преслѣдуя свои личныя цѣли, но не интересы русскаго народа на Дальнемъ Востокѣ, подорвали вѣру и надежду въ русское дѣло въ Кореѣ. Въ настоящее время вся Россія пожинаетъ кровавые плоды, которые получились отъ длинныхъ рядовъ ошибокъ, неискренности, лжи, произвола, невѣжества и преступной распущенности большинства временныхъ дѣятелей...

Личная борьба государственныхъ людей Китая и нравственная многихъ испорченность, конечно, могутъ задержать ростъ могущественной китайской арміи, такъ какъ враждующіе между собою сановники постараются внушить правительству мысль объ опасности, которую представляетъ единая, сомкнутая армія въ рукахъ честолюбиваго полководца.

Въ исторіи Китая было немало примѣровъ, когда честолюбивые полководцы, опираясь на преданную имъ армію, низвергали династію и захватывали императорскій тронъ въ свои руки, полагая начало новой династіи.

Да и боксерскій 1900-й годъ слишкомъ еще памятенъ правительству. Генералъ Дун-Фу-Сянъ, опираясь на преданныя ему войска, держалъ въ своихъ рукахъ китайское правительство.

Страхъ создать могущественную преторіанскую армію можетъ отнять рѣшимость у правительства слѣдовать указаніямъ такого энергичнаго дѣятеля, какимъ является въ настоящее время печилійскій вице-король Юан-Ши-Кай, враги котораго давно уже стараются подорвать къ нему довѣріе императрицы.

Этотъ страхъ можетъ заставить еще на долгое время отдавать предпочтеніе дѣленію войскъ на китайскія, манчжурскія, монгольскія, и считать манчжурскія войска болѣе преданными правительству, нежели китайскія.

Въ настоящее время Пекинъ и вся печилийская провинція находятся подъ защитой манчжурскихъ войскъ, составляющихъ какъ бы оплотъ манчжурской династіи.

Многіе изъ европейцевъ и до сихъ поръ высказываютъ еще убѣжденіе, что китайскій народъ не въ состояніи создать могущественную армію, такъ какъ въ народѣ нѣтъ патріотизма, даже въ его языкѣ нѣтъ этого слова, и вся Китайская имперія не есть однородное цѣлое, но составлена изъ разнородныхъ областей, говорящихъ на разнородныхъ нарѣчіяхъ, живущихъ—каждая область—своею собственною жизнью, нисколько не заботясь о жизни сосѣдней области.

Вопросъ патріотизма, вообще, вопросъ очень сложный, и рѣшать его съ плеча въ отношеніи китайскаго народа невозможно.

Скажемъ только, что духовный обликъ китайскаго народа столь же не подходитъ подъ европейскую мѣрку сужденій, какъ съ типомъ европейца не схожъ типъ китайца.

На основаніи нашихъ личныхъ наблюденій надъ китайцами, мы пришли къ тому убѣжденію, что едва-ли у какого-либо европейскаго народа имѣется такое единство въ пониманіи сущности жизни, какое проявляется у китайцевъ, когда бываютъ затронуты ихъ общіе духовные интересы.

Несмотря на различіе въ нарѣчіяхъ, которыми говорятъ въ различныхъ областяхъ Китая, несмотря на различіе климатическихъ и бытовыхъ условій жизни между сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ,—на всемъ протяженіи этого государства народъ чтитъ одинаково культъ предковъ, одинаково мыслитъ, одинаково чувствуетъ въ совокупности всѣхъ явленій жизни, которыя составляютъ народное „я“.

Мы думаемъ, что китайскій народъ — великій патріотъ, но онъ любитъ свою родину столь же своеобразно, какъ своеобразна вся его жизнь.

Боксерскій 1900-й годъ можетъ служить подтвержденіемъ, что любовь къ отечеству, а не иныя причины, выжала такое ве-

ликое народное движеніе. И если судьбѣ угодно будетъ поставить китайскій народъ подъ владычество европейцевъ, то, защищая могилы своихъ предковъ, китайскій народъ пойдетъ на все. Изслѣдователи-европейцы основываютъ свое сужденіе о недостаткѣ патріотизма у китайскаго народа на чрезмѣрномъ развитіи среди народа личности, чрезмѣрнаго развитія самостоятельной жизни мелкой земской единицы, которая является въ лицѣ сельской китайской общины.

Fonssagrives, указывая на изолированность китайской сельской общины отъ общихъ интересовъ государства, говоритъ, что эта исключительность создала самую совершенную политическую, административную и особенно соціальную китайскую общину. Земледѣлецъ, живя въ относительномъ довольствѣ, если удастся ему собрать два-три ежегодныхъ урожая, пользуясь нѣсколькими мѣсяцами спокойствія, безъ особаго труда примирится съ присутствіемъ завоевателя, если только этотъ послѣдній будетъ грабить народъ не болѣе, нежели грабятъ его собственныя войска, а безопасности для жизни дастъ болѣе.

Эта безопасность, поддерживая мирную нормальную жизнь, даетъ возможность, при посредствѣ туземцевъ-старшинъ общиннаго союза, избѣгнуть многочисленныхъ столкновеній, обычныхъ при прямыхъ отношеніяхъ съ иностранцами, не знающими или не заботящимися о мѣстныхъ обычаяхъ и нравахъ.

Такимъ образомъ, община для китайцевъ есть, такъ сказать, истинное отечество.

Maurice Coutaut—въ книгѣ своей „En Chine"—развилъ еще болѣе доводы Fonssagrives'а.

„Религія въ собственномъ смыслѣ,—говоритъ онъ,—не составляетъ въ Китаѣ истинной силы. Существуетъ еще другая религія, которая имѣетъ свое исповѣданіе и своихъ мучениковъ: я хочу сказать—патріотизмъ. Чтобы познавать страну, какъ существо, которое живетъ и развивается, которое можетъ страдать и погибнуть, нужно имѣть мощную способность къ отвлеченію; эта способность совершенно отсутствуетъ у китайцевъ.

„Крестьянинъ защищаетъ свое поле и свое жилище; онъ тревожится смутами, которыя возникаютъ въ его округѣ или въ округѣ сосѣднемъ и могутъ отразиться на немъ лично; но житель Шандунской провинціи нисколько не безпокоится о вторженіи, которое угрожаетъ Печилійской провинціи, и до него, конечно, не достигнетъ.

„Вслѣдствіе отсутствія взаимной связи, китайцы всегда подчинялись завоевателямъ, начиная съ нашествій монголовъ и кон-

чая нашествіемъ манчжуръ въ XVII вѣкѣ. Китайцы признавали всѣхъ завоевателей, которые сколько-нибудь выказывали уваженіе къ собственности и обычаямъ побѣжденныхъ.

„Кромѣ того, китаецъ, равнодушно ожидая смерть, боится внутренней или внѣшней войны, которая отниметъ изъ его рукъ ниву или его ремесло. Немедленная потеря, когда китаецъ вынужденъ перестать работать, въ глазахъ его болѣе тяжела, нежели отдаленная опасность, съ которой онъ долженъ будетъ бороться".

Генералъ Frey, приведя въ своей книгѣ мнѣнія Fonssagrives и М. Coutaut, самъ не вполнѣ согласенъ съ ними, и полагаетъ, что отсутствіе патріотическаго чувства у китайскаго народа—болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное. Генералъ Frey высказываетъ мысль, что китайскій крестьянинъ одинаковъ и въ Тонкинѣ, и въ другихъ провинціяхъ. Генералъ Frey думаетъ, что прежде всего китаецъ фаталистъ, и вслѣдствіе своего философскаго міровоззрѣнія онъ принимаетъ все совершившееся, которому не въ силахъ противодѣйствовать, какъ существующій фактъ.

„Да и какими, помимо всего, средствами, не имѣя никакого оружія, могло бы китайское населеніе проявлять свое противодѣйствіе?"—говоритъ генералъ. Первой заботой китайца, дѣйствительно, является отнюдь не прерывать земледѣльческаго труда, въ какое бы тяжелое положеніе ни поставили его обстоятельства, такъ какъ этотъ трудъ даетъ возможность существованія для него самого и для его семьи.

„Но все же это не единственная забота жизни народа, такъ какъ исторія Китая свидѣтельствуетъ, что, не имѣя такого полнаго пониманія отечества, какое имѣютъ ученые, народъ не безразлично относится къ тому, подъ чьимъ владычествомъ онъ живетъ.

„Живя многіе вѣка подъ владычествомъ сперва татарской династіи, а нынѣ—манчжурской, народъ постоянно проявлялъ возстаніями и мятежами стремленіе свергнуть эти владычества. Въ послѣднее время попытки возстаній стали особенно энергичны и сильны, что объясняется тѣмъ, что тайный ввозъ оружія въ Китай достигъ громадныхъ размѣровъ, и ружьями новыхъ системъ имѣли возможность запастись и многочисленное сельское населеніе, и отдѣльныя лица"...

Немало способствуютъ развитію и проявленію патріотическаго чувства и многочисленныя тайныя политическія общества. Боксерскій 1900-й годъ созданъ былъ именно такимъ политическимъ союзомъ.

Нельзя, конечно, утверждать,—замѣчаетъ генералъ Frey, — чтобы такой обширный человѣческій муравейникъ, какимъ представляется Китай, проявлялъ одинаковыя патріотическія чувства.

Среди китайскаго народа выдѣляется множество своеобразныхъ элементовъ, каковы массы чернорабочихъ кули, массы обездоленныхъ нищихъ, живущихъ и умирающихъ на улицѣ, массы отставныхъ солдатъ и дезертировъ, создающихъ разбойничьи шайки и грабежами снискивающихъ себѣ средства жизни.

Всѣ эти люди составляютъ сплошную массу, готовую изъ-за пропитанія пойти на какую угодно службу.

Тысячами этотъ людъ увозится предпринимателями въ южную Африку, для работъ въ Трансваалѣ; тысячи сами эмигрируютъ въ Америку; тысячи составляютъ свои шайки разбойниковъ и пиратовъ—въ предѣлахъ Китая—и хунхузовъ — въ предѣлахъ Манчжуріи.

Въ рукахъ политическихъ вожаковъ эта масса можетъ составить грозную силу, какъ это проявилось въ возстаніи тай-пинговъ и въ 1900 году. Въ обычное, мирное для китайскаго государства, время и европейцы успѣшно могутъ набрать многочисленные отряды этого сброда, который будетъ охранять и защищать интересы европейцевъ противъ самихъ же китайцевъ. Англичане въ Вейхавеѣ сдѣлали опытъ организаціи китайскихъ военныхъ отрядовъ подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ.

Эти отряды въ 1900 году несли службу для англичанъ противъ боксеровъ, и количество дезертировъ не было велико.

Конечно, трудно сказать, какъ отнеслись бы эти китайскіе военные отряды на службѣ англичанъ, еслибы имъ пришлось воевать противъ китайскаго правительства, а не противъ боксеровъ.

Но пока обстоятельства не вызываютъ у китайцевъ, находящихся на службѣ у европейцевъ, патріотическаго чувства, всѣ эти военные и полицейскіе отряды въ Вейхавеѣ, Шанхаѣ, Кантонѣ, Гон-Конгѣ несутъ свою службу вѣрно, дорожатъ ею, такъ какъ получаютъ отъ европейцевъ вѣрное, обезпечивающее ихъ существованіе, содержаніе.

Французы, утвердившись въ Индо-Китаѣ, признали для себя также весьма полезнымъ привлечь на службу то разбойничье населеніе, которое издавна осѣло на смежныхъ съ Тонкиномъ границахъ.

Это населеніе образовалось частью изъ административно ссылавшихся сюда китайскимъ правительствомъ преступниковъ, изъ дезертировъ-солдатъ, изъ разбойничьихъ шаекъ, уходившихъ

отъ преслѣдованія правительственныхъ войскъ и осѣдавшихъ въ трудно достигаемыхъ горныхъ мѣстностяхъ.

Смѣшиваясь съ мѣстнымъ горнымъ населеніемъ, пришельцы образовали смѣлое и многочисленное полувоенное сословіе, которое немало причиняло французамъ хлопотъ, выставляя противъ нихъ въ борьбѣ за присоединеніе Тонкина шайки такъ-называемыхъ „черныхъ флаговъ“, „желтыхъ флаговъ“ и другихъ партизановъ.

Чтобы положить предѣлъ разбойничеству на сушѣ и пиратству на рѣкахъ, французы вошли въ соглашеніе съ предводителями главныхъ шаекъ, жившихъ феодалами въ своихъ труднодоступныхъ помѣстьяхъ.

Признавъ за главарями шаекъ званіе китайскихъ мандариновъ, выплачивая имъ жалованье на содержаніе ихъ людей, французская администрація возложила на нихъ обязанность охранять безопасность въ странѣ.

Такимъ образомъ, разбойничьи шайки явились охранителями порядка и спокойствія, нерѣдко вступая въ непріязненныя дѣйствія противъ другихъ шаекъ въ защиту населенія.

Существуетъ еще одно мнѣніе, отрицающее для китайцевъ возможность имѣть мирную армію. Сущность этого мнѣнія заключается въ томъ, что у китайцевъ нѣтъ ни воинскаго инстинкта, ни воинскаго духа, и что если бы въ силу обстоятельствъ пришлось обратиться къ воинскому духу народныхъ массъ, то пришлось бы встрѣтиться не съ воинскимъ воодушевленіемъ, а съ крайнимъ презрѣніемъ къ военному ремеслу,—презрѣніемъ, воспитаннымъ въ народѣ сословіемъ китайскихъ ученыхъ и китайскими мыслителями.

Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что народная армія не можетъ быть мощной, если ею предводительствовать будутъ офицеры не высокихъ нравственныхъ качествъ, а люди случайные, карьеристы, не получившіе серьезнаго профессіональнаго образованія, и вышедшіе, какъ и солдаты, изъ низшихъ слоевъ населенія.

Мнѣніе это среди европейцевъ—очень распространенное, и генералъ Frey дѣлаетъ противъ него возраженія, взявъ въ основу историческій ростъ китайскаго государства. Генералъ говоритъ, что воинственность китайскаго народа въ свое время сдѣлала свое дѣло, т.-е. изъ разрозненныхъ и враждовавшихъ между собою общинъ и мелкихъ княжествъ создала обширное единое государство съ единымъ правительствомъ во главѣ.

При быстромъ увеличеніи населенія необходимость заставила прежде всего обратить его къ земледѣлію. И законодатели страны,

и завоеватели совмѣстно направили свои силы на водвореніе въ народѣ мирныхъ наклонностей и искорененіе воинственности. Всякій мирный трудъ, а особенно земледѣліе и ученіе, были предпочтены высокимъ вниманіемъ императорской власти, которая стала являться въ низахъ народа представительницей прежде всего мира, земледѣлія и мудрости.

Образовалось своеобразное китайское сословіе ученыхъ, которое воспитало и среди народа уваженіе къ наукѣ и отвращеніе къ войнѣ и солдатамъ, являющимся врагами и науки, и земли. Такой мирный ростъ народной жизни имѣлъ конечнымъ результатомъ полное разоруженіе народа и уничтоженіе въ немъ духа воинственности, въ каковомъ положеніи и былъ Китай до вторженія въ его жизнь европейскихъ интересовъ. Вторженіе европейцевъ на Дальній Востокъ застало Китай совершенно неспособнымъ къ вооруженному противодѣйствію и медленно подвигало его по пути созиданія своихъ вооруженныхъ силъ, тогда какъ Японія, съ которой часто сравниваютъ въ этомъ отношеніи Китай, быстро приняла всю европейскую систему воинственности, развила ее, создала мощную армію и мощный флотъ, которые нынѣ приковали къ себѣ все вниманіе Европы своими блестящими боевыми качествами.

Несмотря на принимаемую одинаковость расы, въ духовномъ существѣ китайца и японца заложены громадныя несходства.

Въ Японіи военное ремесло до половины XIX-го вѣка было исключительной привилегіей сословія самураевъ и знатныхъ, которые воспитывали въ себѣ и наслѣдовали изъ поколѣнія въ поколѣніе мужество, доблесть и воинственность, какъ основныя черты своего характера, создавая вокругъ себя дружинниковъ, столь же храбрыхъ и доблестныхъ.

Въ Японіи воинъ уважался, а не презирался, какъ въ Китаѣ, а въ народѣ примѣръ самураевъ вызывалъ если не любовь къ военной службѣ, то признаніе ея, какъ обязанности.

Рядъ послѣдовавшихъ затѣмъ внутреннихъ реформъ и блестящія побѣды японской арміи надъ китайцами въ войну 1894—95 года вызвали и во всемъ японскомъ народѣ воинственное воодушевленіе, окруживъ армію славой побѣдъ. Но и помимо вызваннаго японо-китайской войной подъема воинственнаго духа въ японскомъ народѣ, само географическое положеніе Японіи, составленной изъ ряда острововъ съ громаднымъ протяженіемъ береговой линіи, воспитывало народъ въ постоянной и неустанной борьбѣ съ моремъ, въ постоянной борьбѣ на жизнь и смерть.

Всѣ эти условія выработали изъ японцевъ народъ дѣятельнаго, энергичнаго, предпріимчиваго характера, трезваго, упорнаго, терпѣливаго и жестокаго въ достиженіи намѣченной цѣли. Этотъ народный характеръ прежде всего помогъ Японіи съ такой быстротой освоиться съ европейской цивилизаціей и извлечь для себя всѣ выгоды этой цивилизаціи включительно до организаціи мощныхъ арміи и флота.

Въ Японіи всѣ выгоды европейской цивилизаціи были одинаково поняты и образованными людьми, и сословіемъ самураевъ, и простымъ народомъ. Въ этомъ общенародномъ единомышленіи и чувствѣ и заключается высокая мощь Японіи. Въ Китаѣ и до сего времени народу запрещено подъ страхомъ смертной казни имѣть у себя оружіе, а въ туземныхъ лавкахъ запрещено продавать его.

Такимъ образомъ, всѣ данныя говорятъ за то, что воинственное чувство въ китайскомъ народѣ заглушено искусственно, но что оно не искоренено, чему служатъ доказательствомъ и постоянныя возстанія, и легкость, съ которою возможно каждому желающему организовать отряды добровольцевъ-китайцевъ.

Со стороны численности, недостатка для образованія мощной китайской арміи быть не можетъ, но въ настоящее время одна численность арміи не играетъ рѣшающаго значенія, и для побѣды, кромѣ численности, необходимою является и цѣнность этой численности, т.-е. необходимость профессіональнаго образованія солдатъ, нравственнаго воспитанія, образованія и знаній среди низшихъ и высшихъ офицеровъ и высшихъ начальствующихъ лицъ.

Только знанія, образованіе и духовныя качества при численности войскъ создаютъ нынѣ мощь арміи.

Выдающійся современный государственный человѣкъ въ Китаѣ и военный авторитетъ, печилійскій вице-король Юан-Ши-Кай уже положилъ военное и нравственное образованіе въ основу своей арміи.

Въ армію Юан-Ши-Кая принимаются на службу солдаты въ возрастѣ только 20—25 лѣтъ, высокаго роста, знающіе читать и писать и, кромѣ того, обязанные представить поручительство отъ своихъ сельскихъ общинъ за свою нравственность.

Такой подборъ въ войска лучшихъ рабочихъ силъ изъ народа вызываетъ, конечно, недовольство въ народѣ за лишеніе хорошихъ людей, но зато этой мѣрой создается сильная армія, обладающая духовной крѣпостью. Вмѣстѣ съ выборомъ въ свои войска лучшихъ силъ, Юан-Ши-Кай стремится дать своей арміи и своимъ офицерамъ также и спеціальное образованіе, которое

является для Китая болѣе, чѣмъ когда-либо необходимымъ именно въ настоящее время.

Всѣ военные изъ европейскихъ отрядовъ признаютъ единогласно, что китайскія по-европейски обученныя войска исполняютъ прекрасно маневры какъ въ сомкнутыхъ колоннахъ, такъ и въ разсыпномъ строю. Всѣ одинаково признаютъ выдающуюся у китайцевъ ловкость и гибкость, выносливость, терпѣніе, послушаніе, трезвость и презрѣніе къ смерти.

Боксерскій 1900-й годъ тоже, вѣроятно, чему-нибудь научилъ китайцевъ. Имѣя возможность, наблюдая, сравнивать военныя качества всѣхъ европейскихъ армій, китайскіе военачальники и солдаты могли увидать свои недостатки и исправить ихъ.

Китайцы-генералы уже признали существенную важность военнаго образованія въ военныхъ школахъ, признали существенную важность практическаго обученія солдатъ и офицеровъ.

Msr. Favier, въ своей обстоятельной книгѣ „Peking", еще въ 1897 году говорилъ, что „мыслящіе китайскіе мандарины и особенно вице-король Ли-Хун-Чангъ сдѣлали пробу образовать войско по европейскому образцу и отчасти успѣли въ этомъ. „Хорошо вооруженные, строго дисциплинированные, чисто одѣтые, живущіе въ укрѣпленныхъ лагеряхъ или крѣпостяхъ, эти войска много разъ вызывали удивленіе въ европейскихъ офицерахъ. Обучено такимъ образомъ около ста тысячъ, которые представляютъ уже настоящую силу, такъ какъ въ храбрости у нихъ недостатка не будетъ, если только ими командовать будутъ образованные офицеры и если будетъ правильно оборудовано интендантство".

Подобнымъ же образомъ высказался и Gordon. „Нужно покончить,—пишетъ онъ,—съ старой легендой о трусости китайскаго солдата, который нуждается только въ одномъ—хорошемъ командирѣ. Регулярность образа жизни и привычекъ солдата въ мирное время во время войны уступитъ мѣсто безпредѣльной смѣлости.

„Смышленость, превосходная память дѣлаютъ изъ китайца прекраснаго унтеръ-офицера. Хладнокровіе и его невозмутимое спокойствіе являются качествами тоже не менѣе цѣнными. Физически китайскій солдатъ въ среднемъ, можетъ быть, и не такъ силенъ, какъ европеецъ, но онъ несравненно сильнѣе другихъ представителей изъ восточной расы.

„Скромная порція риса, овощей, соленой рыбы и свинины достаточны для китайскаго солдата, чтобы переносить большія тяготы, будь то въ умѣренномъ климатѣ или въ тропическихъ

странахъ. Таковъ характеръ китайскаго солдата, воспитаннаго европейскими инструкторами; таковы же типы солдатъ изъ мятежныхъ отрядовъ „черныхъ флаговъ", разбойничьихъ шаекъ, пиратовъ, проявлявшихъ себя на тонкинскихъ границахъ, таковъ типъ каждаго китайца, который становится воиномъ.

„И нѣтъ сомнѣнія въ томъ,—говоритъ въ заключеніе генералъ Frey,—чтобы китайскіе солдаты, обученные по-европейски въ арміяхъ печилійской и лянъ-цзянскихъ, не были способны проявить прекрасныя качества во время кампаніи".

Быстрота, съ которой были вновь сформированы и по-европейски обучены китайскія роты на французской границѣ въ Тонкинѣ, китайскіе полки англичанъ въ Гон-Конгѣ и Вейхавеѣ, нѣмецкіе отряды,—все это даетъ доказательство тому, что чрезъ немного годовъ Китай можетъ разсчитывать имѣть значительныя силы, которыми, если явится надобность, будетъ способенъ помѣряться и съ другими восточными войсками, а съ теченіемъ времени и съ западными европейскими.

Чтобы создать корпусъ китайскихъ офицеровъ, стоящій на должной высотѣ современныхъ военныхъ искусства и науки, генералъ Frey указываетъ китайскому правительству тотъ путь, на который оно уже вступило, т.-е. созданіе военныхъ школъ для образованія низшихъ офицеровъ и отправку лучшихъ по выбору офицеровъ въ качествѣ военныхъ агентовъ, какъ то дѣлаетъ Японія, въ заграничныя европейскія арміи. Прикомандированные къ европейскимъ полкамъ, китайскіе офицеры ознакомятся со всѣмъ строемъ европейскихъ армій и въ высшихъ военныхъ спеціальныхъ училищахъ получатъ свое высшее военное образованіе.

Возвратясь въ Китай, они, какъ и японскіе офицеры, принесутъ съ собою и военныя знанія, и знаніе положенія всѣхъ европейскихъ армій.

Вмѣстѣ съ введеніемъ реформы по заполненію арміи новыми солдатами и по введенію спеціальнаго обученія солдатъ и офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, Китай долженъ приступить и къ организаціи различныхъ вспомогательныхъ службъ. Уже во многихъ пунктахъ,—говоритъ генералъ Frey,—имѣются арсеналы, изготовляющіе пушки, ружья, аммуницію; уже нѣкоторыя части войскъ имѣютъ, хотя и въ зачаточной формѣ, санитарную службу въ видѣ подвижныхъ отрядовъ фельдшеровъ и санитаровъ, на обязанности которыхъ лежитъ выносить раненыхъ съ поля битвы, оказывать имъ первоначальное пособіе и отвозить въ тылъ арміи.

Насколько громадно значеніе благоустроенной санитарной

части арміи и какое сильное вліяніе это благоустройство оказываетъ на китайскаго солдата, можно видѣть изъ примѣра, приведеннаго въ книжкѣ генерала. Одинъ китайскій отрядъ дѣйствовалъ въ 1900 году совмѣстно съ французами противъ боксеровъ, и китайскіе солдаты обратили на себя общее вниманіе и вызвали изумленіе во французахъ своимъ мужествомъ и стремительностью аттакъ.

На вопросъ французскаго офицера о причинахъ такого мужества китаецъ-офицеръ отвѣчалъ, что смерть китайскому солдату нисколько не страшна, но что его страшитъ болѣе всего остаться раненымъ на полѣ битвы, оставленнымъ безъ всякаго сожалѣнія, безъ всякой заботы о его судьбѣ.

Страшитъ китайскаго солдата также и то, что не только онъ будетъ покинутъ раненый, но что онъ останется также и мертвый безъ погребенія и соблюденія всѣхъ завѣщанныхъ вѣками обрядовъ. Видя, что европейцы заботятся о раненыхъ, вынося ихъ изъ боя и разыскивая по окончаніи боя, китайцы проявляютъ мужество. Многіе изъ китайскихъ солдатъ бѣгутъ съ поля битвы еще и потому, что, оставшись калѣками, увѣчными, они не пользуются заботой о себѣ правительства и вынуждены для поддержанія своей жизни становиться въ ряды нищихъ. Въ Китаѣ вообще еще не существуетъ благотворительныхъ учрежденій ни общественныхъ, ни правительственныхъ, а „Красный Крестъ" началъ свою дѣятельность только со времени русско-японской войны, оказывая помощь разоренному войной мирному населенію.

Не имѣя ни общественной, ни правительственной благотворительности, Китай имѣетъ въ то же время широко развитую общинную благотворительность и благотворительность родовую. Первая выражается въ союзахъ по роду занятій или по мѣсту происхожденія, которая приходитъ на помощь члену своей профессіи или своей мѣстности, а вторая составляетъ союзъ родственниковъ, помогающихъ своему сочлену. Но въ данномъ случаѣ уходящій изъ своей общины земледѣлецъ, чтобы сдѣлаться солдатомъ, разрываетъ связь и съ своей общиной, по взаимности труда, и съ съ землей, почему всякое единеніе между ними прекращается, и земледѣлецъ не можетъ признать солдата членомъ своей общины. Въ предпринятой организаціи китайской арміи предстоитъ озаботиться созданіемъ обезпеченія своихъ инвалидовъ-воиновъ, равно какъ предстоитъ озаботиться и правильной постановкой продовольственнаго дѣла арміи, правильнаго и подотчетнаго завѣдыванія денежнымъ и матеріальнымъ хозяйствомъ арміи, какъ въ мирное, такъ одинаково и въ военное время.

И чѣмъ скорѣе китайская армія увидитъ у себя правильную отчетность, тѣмъ быстрѣе будетъ идти ея правильная организація.

Организація продовольственнаго дѣла въ китайской арміи не должна встрѣчать большихъ препятствій. Умѣренность китайца въ пищѣ вообще, общность питанія у всего народа во всѣхъ провинціяхъ даютъ полную возможность находить всегда на мѣстѣ необходимые для существованія съѣстные припасы.

Къ этимъ общимъ благопріятнымъ условіямъ присоединяется и другое, которое въ высшей степени благопріятствуетъ быстрому сосредоточенію всякаго рода продовольствія въ опредѣленной мѣстности.

Это благопріятное условіе дано множествомъ существующихъ каналовъ, которые прорѣзываютъ страну, а также большимъ протяженіемъ судоходныхъ рѣкъ, въ настоящее же время и желѣзными дорогами.

До послѣдняго времени продовольствіе китайской арміи во время передвиженій было поставлено скорѣе плохо, нежели хорошо, и войска удовлетворялись въ своемъ продовольствованіи довольно первобытно. Арміи сопровождалъ особый чиновникъ-интендантъ, дао-тай, на обязанности котораго лежало доставлять войскамъ продовольствіе.

Въ бо̀льшей части случаевъ за продовольствіе доставлявшееся, населеніемъ, послѣднее отъ дао-тая или ничего не получало, или получало вознагражденіе по его личному усмотрѣнію-произволу, въ зависимости отъ бо̀льшаго или меньшаго съ его стороны лихоимства.

Если встрѣчались мѣстности настолько бѣдныя, что не могли доставить продовольствія, или не желали, то солдатамъ приходилось добывать его своими силами, т.-е. грабежомъ и мародерствомъ.

Такая система имѣла своего рода хорошія стороны, какъ опытъ, который пріучалъ солдатъ пользоваться всѣми обстоятельствами времени и мѣста, умѣть выходить изъ затрудненій, такъ какъ далеко не всегда дѣйствующая армія является господиномъ своего положенія, такъ какъ нерѣдко ей приходится оперировать въ мѣстностяхъ чрезвычайно разнообразныхъ по своему характеру, и, слѣдовательно, всегда полезно знать всѣ мѣстныя условія и пользоваться всѣми средствами, которыя можно имѣть въ данной мѣстности, какъ для продовольствія, такъ и для способа передвиженія. Необходимо только, чтобы опытъ для войска не служилъ разореніемъ для населенія.

До послѣдняго времени въ Китаѣ, въ этой странѣ самаго узкаго формализма, всегда проявлялось взяточничество и лихо-

имство, несмотря на существованіе самыхъ мелочныхъ правилъ, служащихъ контролю надъ сборами и долженствующихъ защищать народъ отъ взяточничества.

Въ Китаѣ, гдѣ изданы самые строгіе законы и существуютъ самыя жестокія наказанія для взяточниковъ и лихоимцевъ, расхищеніе общественныхъ и казенныхъ денегъ и богатствъ страны до послѣдняго времени практиковалось съ поражающимъ безстыдствомъ и цинизмомъ, примѣры которыхъ приводитъ въ своей книгѣ „Peking" Msr. Favier.

Говоря объ усиліяхъ Ли-Хун-Чанга организовать китайскія войска по-европейски, Msr. Favier замѣтилъ еще въ 1897 году, что „продажность и любовь къ наживѣ также пришли, чтобы парализовать его первыя усилія".

„Одинъ мандаринъ изъ двухъ боченковъ европейскаго пороха сдѣлалъ 12, и всѣ удивились, что при стрѣльбѣ ядро не вылетало изъ жерла пушки. Другой вымогалъ себѣ третью часть жалованья солдатъ и принималъ бракованное оружіе. Когда производился инспекторскій смотръ одного гарнизона, то было найдено двѣ тысячи команды, прекрасно содержимой, но, во время завтрака производившаго смотръ инспектора, команда эта была переведена во второй фортъ, а затѣмъ и въ третій. Являясь на смотръ одни и тѣ же, эти двѣ тысячи солдатъ пошли въ счетъ въ общей суммѣ шести тысячъ.

„При инспекторскомъ осмотрѣ одного склада орудійныхъ снарядовъ, въ первомъ ряду были сложены снаряды настоящіе, а въ послѣдующихъ рядахъ они были сдѣланы изъ картона и покрыты посеребренной бумагой.

„Эти подробности достаточно уясняютъ причину, по которой китайская армія и флотъ не въ состояніи были выдержать борьбу съ Японіей.

„Если бы Китай воспитывалъ честность въ своемъ чиновничествѣ, давалъ образованіе своимъ офицерамъ, платилъ жалованье своимъ солдатамъ, если бы, однимъ словомъ, Китай желалъ въ дѣйствительности взять для себя за образецъ Европу, то богатство его страны и густота населенія позволили бы ему имѣть, спустя немного лѣтъ, грозный флотъ, прекраснѣйшую армію и самую многочисленную во всемъ свѣтѣ кавалерію".

M. Coutaut рисуетъ слѣдующую картину китайскаго чиновничества. Жадность мандарина,—говоритъ онъ,—не можетъ быть удовлетворена законнымъ содержаніемъ, такъ какъ жалованья его явно недостаточно, почему не остается ничего другого, какъ примѣнять лихоимство въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Нравственники (моралисты) осуждаютъ лихоимцевъ, но государство ихъ терпитъ. Общественное мнѣніе ихъ извиняетъ, а старинные обычаи освящаютъ. Нравственная испорченность такова, что измѣнить ее трудно, и можно опасаться, что она пріостановитъ всѣ попытки къ реформамъ.

Безкорыстіе, тѣмъ не менѣе, проповѣдуется учеными, но сами они ему не слѣдуютъ. Дѣти воспитываются на примѣрахъ вѣрности государю, любви къ ученію, презрѣнію къ богатству.

Эти правила иногда оказываютъ вліяніе на жизнь. На ряду съ мандаринами хищными указываютъ и на такихъ, которые способствуютъ просвѣщенію, увеличенію знаній и всячески помогаютъ управляемымъ ими. На ряду съ учеными, которые пользуются наукой для достиженія обогащающихъ ихъ почестей, встрѣчаются и такіе, которые, погружаясь въ ученыя изслѣдованія, не извлекаютъ изъ нихъ для себя никакой пользы. Можно встрѣтить также и такихъ людей, которые оказываютъ своими средствами помощь неимущимъ ученымъ, печатая ихъ рукописи и оказывая такимъ образомъ народу двойную пользу: и деньгами, и просвѣщеніемъ, которое они распространяютъ.

„Нужно было коснуться до обнаженной раны раскаленнымъ желѣзомъ,—говоритъ ген. Frey,—примѣненіемъ изданныхъ правилъ противъ хищниковъ общественнаго богатства, создавъ тѣмъ сословіе честныхъ военныхъ администраторовъ и финансовыхъ контролеровъ, задачей которыхъ было бы положить конецъ злоупотребленіямъ и уничтожить тѣхъ воровъ-проходимцевъ, которые еще въ недавнее время процвѣтали и въ нашей арміи.

„Обезпечивъ правильный платежъ жалованья солдатамъ строгимъ контролемъ со стороны государства, создавъ среди офицеровъ и солдатъ чувство взаимнаго довѣрія и взаимнаго долга, правительство создастъ въ арміи великое единеніе.

„Тогда не будетъ повода солдатамъ дезертировать и обращаться къ грабежу, не будетъ повода начальникамъ бояться отпускать на маневры своихъ солдатъ, которые тотчасъ же исчезаютъ съ своимъ вооруженіемъ и пожитками, какъ только удаляются съ глазъ начальства“...

Въ подтвержденіе этого генералъ Frey передаетъ разговоръ одного француза-офицера съ однимъ изъ генераловъ въ войскахъ Юан-Ши-Кая, имѣвшій мѣсто въ 1899 г. Приглашенный присутствовать на ученьи кавалерійскаго полка близъ Тяньцзина, французъ-офицеръ увидалъ, что все ученье происходитъ на очень ограниченномъ пространствѣ какъ бы скакового круга.

Желая имѣть понятіе о китайской кавалеріи въ болѣе обшир-

номъ размѣрѣ, французъ-офицеръ просилъ послать полкъ маневрировать на разстояніи нѣсколькихъ километровъ.

„Еслибы я поддался этому неблагоразумію,—отвѣчалъ китайскій офицеръ,—то я не увидалъ бы болѣе этихъ людей: они поспѣшили бы на первомъ же сосѣднемъ базарѣ продать и своихъ лошадей, и свою одежду“.

Разбирая вопросъ о томъ, насколько китайскія войска окажутся способными усвоить европейскія военныя знанія и принципы международнаго права, которыми опредѣляются взаимныя отношенія армій западныхъ государствъ, генералъ Frey останавливается на вопросѣ, какое вліяніе могла имѣть на китайскія войска ихъ служба въ вѣдѣніи полиціи, какъ полицейскихъ отрядовъ, какъ отрядовъ, назначавшихся администраціей для усмиренія возстаній, примѣнившихъ для подавленія возставшаго населенія самыя жестокія мѣры,—а такими возстаніями полна исторія Китая послѣдняго столѣтія.

„Ни въ одномъ отчетѣ объ усмиреніяхъ, ни въ одномъ донесеніи,—говоритъ генералъ,—не упоминается, какую роль играли въ усмиреніи войска, и каково было ихъ отношеніе къ народу и жертвамъ возстанія, попадавшими въ ихъ руки, надъ которыми совершались самыя утонченныя казни, допускаемыя закономъ. Желая, вѣроятно, произвести сильное впечатлѣніе на настроеніе духа солдатъ, японскій главнокомандующій, въ 1894 году, при объявленіи войны, обратился къ своимъ войскамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ по адресу китайцевъ:

„Врагъ имѣетъ жестокій и звѣрскій характеръ. Если въ бою васъ постигнетъ несчастіе сдѣлаться его плѣнникомъ, то онъ, конечно, заставитъ претерпѣть васъ ужасныя мученія, болѣе ужасныя, нежели смерть.

„Онъ васъ предастъ смерти и притомъ способами наиболѣе варварскими и безчеловѣчными.

„Защищайтесь же, чтобы не сдѣлаться его плѣнниками, какую бы ни пришлось вамъ выдержать опасность въ бою. Не отступайте передъ смертью“.

Японскіе солдаты, взятые въ плѣнъ, не только лишаются всякаго вспоможенія, но они предаются избіенію и самымъ жестокимъ истязаніямъ,—объявлялъ уже во время хода войны въ 1895 г. членъ общества японскаго краснаго креста. „Впрочемъ,—прибавляетъ уже самъ отъ себя генералъ Frey,—если сами великія державы спросятъ себя, то, по совѣсти, какой отвѣтъ получится относительно поведенія и отношенія европейцевъ-солдатъ въ военное время къ населенію и побѣжденнымъ?“

„Всегда ли и при всѣхъ ли обстоятельствахъ европейцы-солдаты обращаютъ вниманіе на права населенія не только во время экспедиціи противъ дикарей, но и во время войнъ между цивилизованными государствами?

„Кровожадные инстинкты заложены въ душѣ человѣка и проявляются во время боя ужасами звѣрства. Только хладнокровіе вождя призываетъ къ чувству великодушія и состраданія, возвращая изступленныхъ на путь права“...

Что касается китайской регулярной арміи въ боксерской войнѣ 1900 года, то должно отмѣтить, что со стороны ея военачальниковъ было проявлено высокое пониманіе обязанностей воина и гражданина.

Китайская армія проявила полную лойяльность въ отношеніи отрядовъ союзныхъ европейскихъ войскъ, когда они уже имѣли нѣсколько враждебныхъ стычекъ съ боксерами, и стала враждебной только послѣ произведенной европейской эскадрой аттаки на форты Таку, принявъ враждебныя дѣйствія европейцевъ за объявленіе войны.

Китайская армія проявила также полную дисциплину, исполняя приказаніе Ли-Хун-Чанга избѣгать всякихъ столкновеній и встрѣчъ съ отрядами союзниковъ, оперировавшими въ предѣлахъ Чжилійской провинціи.

Отсутствіе враждебности проявили китайскія войска и въ отношеніи европейцевъ въ Пекинѣ до открытія европейцами бомбардировки фортовъ Таку.

Въ отчетѣ объ осадѣ Пекина читаемъ: „15 іюня, отправилась въ Nang-Tang, въ 9 часовъ утра, новая экспедиція, чтобы освободить нѣсколько сотъ христіанъ-китайцевъ, осажденныхъ боксерами.

„Передъ церковью волонтеры въ количествѣ тринадцати человѣкъ вдругъ увидали на стѣнѣ регулярныхъ китайскихъ солдатъ, готовыхъ открыть огонь. Но китайскіе офицеры не дали разрѣшенія. Такую же лойяльность проявили китайскія войска и въ отношеніи китайскаго правительства, вступая въ бой съ боксерами, какъ врагами общественнаго порядка, несмотря на соучастіе съ ними народа и ученыхъ“...

Французскій посланникъ M. Pichon сообщаетъ изъ времени осады Пекина слѣдующій фактъ:

„Одинъ изъ нашихъ волонтеровъ, г. Пеніо, рискнулъ перейти китайскую баррикаду. Китайскими солдатами онъ былъ приведенъ къ офицеру, который, не сдѣлавъ г. Пеніо никакого вреда, отвелъ его въ ямынь, мѣстопребываніе самого Чжун-Лу.

„Отсутствіе Пеніо отъ часу дня до шести часовъ вечера повергло насъ въ смертельное безпокойство, но онъ вернулся живъ и невредимъ“...

Извѣстны также случаи, когда регулярные китайскіе солдаты спасали немало христіанъ-туземцевъ отъ рукъ боксеровъ.

Извѣстно также, что 5 августа 1900 г., въ день боя при Бейцанѣ, миссіонеръ о. Dehus былъ найденъ въ китайскомъ лагерѣ.

Миссіонеръ разсказалъ, что былъ въ разстояніи 20 километровъ къ сѣверо-западу отъ Янцуна, гдѣ причащалъ китаянку-христіанку. Въ это время вспыхнуло боксерское возстаніе.

При первой же тревогѣ о. Dehus соединилъ всѣхъ христіанъ-китайцевъ въ одной деревнѣ и, благодаря нѣсколькимъ старымъ ружьямъ, отбивался отъ боксеровъ.

Прибывшій съ отрядомъ китайскихъ войскъ офицеръ, на обязанности котораго лежало поддерживать безопасность населенія, прогналъ боксеровъ и потребовалъ, чтобы о. Dehus отослалъ всѣхъ христіанъ, обѣщая не дѣлать имъ никакого зла, а самому миссіонеру выдалъ письменное обязательство доставить его подъ вѣрнымъ конвоемъ въ Тяньцзинъ.

О. Dehus согласился и былъ доставленъ къ командующему войсками генералу Ма въ Бейцанъ, гдѣ и былъ найденъ европейцами.

Въ настоящее время новыя части ново-формируемой китайской арміи уже приняли на своихъ амбулаторіяхъ знакъ Краснаго Креста, что дастъ китайцамъ возможность убѣждаться воочію въ благодѣяніяхъ, которыя оказываетъ западная цивилизація.

По мѣрѣ того, какъ китайская армія усовершенствуетъ свои средства и способы обученія и веденія войны по образцу европейскихъ армій, усвоивъ въ себѣ принципы долга и духъ самоотверженности, поднявъ общій нравственный уровень солдатъ и офицеровъ, — Китай можетъ представить въ одинъ прекрасный день такую армію, которая достойна стать воспитательницей народныхъ массъ, стражемъ порядка, честью націи, опорой ея судебъ. Чтобы провести новую организацію китайской арміи, нѣтъ даже необходимости ломать коренной государственный строй децентрализаціи. Китай долженъ имѣть въ виду исключительно оборону, почему всѣ имѣющіяся на лицо въ разныхъ провинціяхъ арміи должно удвоить, утроить, въ зависимости отъ стратегической важности, мѣста въ смыслѣ обороны. Во внутреннихъ провинціяхъ должны быть привлечены къ реорганизаціи китайской арміи вице-короли и гу-

бернаторы. Единство организаціи должно быть строго проведено вездѣ.

Правительство въ Пекинѣ не должно смущаться недовольствомъ, которое будетъ проявлено чиновниками при проведеніи финансовыхъ, административныхъ и военныхъ реформъ, такъ какъ недовольство мандариновъ имѣетъ только одно основаніе: боязнь потерять съ утратой старыхъ порядковъ свое личное значеніе и свои личные доходы. Еслибы представилась необходимость быстраго сосредоточенія мѣстныхъ армій въ одномъ пунктѣ, то желѣзныя дороги, проводимыя европейцами въ Китаѣ съ лихорадочною поспѣшностью, телеграфъ, улучшенные пути сообщенія— даютъ вполнѣ возможность не только использовать это сосредоточеніе войскъ, но служатъ въ то же время къ усиленію и центральной власти, могущей быстро входить въ сношеніе съ самыми отдаленными частями государства. Переходное состояніе, въ которомъ находится въ настоящее время Китай, создало вопросъ Дальняго Востока, который, т.-е. вопросъ, по мнѣнію генерала Frey, состоитъ въ плохо скрываемомъ вожделѣніи нѣкоторыхъ державъ, видящихъ для себя новыя территоріальныя приращенія—въ барышничествѣ на китайской торговлѣ, въ монополіи при эксплоатаціи богатствъ ея почвы и т. д.; для другихъ державъ возбуждено недовѣріе реорганизаціей вооруженныхъ силъ Китая, совершаемое по указанію двигателей-европейцевъ; для третьихъ державъ являются опасенія въ возникновеніи тяжкихъ смутъ внутри государства вслѣдствіе введенія новыхъ реформъ, и особенно военныхъ, вызывающихъ недовольство народа и способомъ набора солдатъ, и усиленнымъ взиманіемъ налоговъ, а также и недовольство враговъ династіи. Эти явленія внутреннихъ смутъ заставляютъ подозрѣвать соучастіе въ нихъ той или иной державы, для интересовъ которой является выгоднымъ поддерживать эти смуты.

Разсматривая всѣ эти условія современнаго переходнаго положенія Китая, генералъ Frey думаетъ, что правительству со своими только чиновниками, находящимися подъ вліяніемъ той или иной державы, трудно будетъ выполнить свои добрыя намѣренія скораго проведенія реформъ, почему и совѣтуетъ обратиться къ нѣкоторымъ дружественно расположеннымъ къ Китаю европейскимъ державамъ, чтобы при ихъ помощи учредить главный совѣтъ или главный штабъ, который долженъ быть составленъ изъ членовъ китайцевъ и европейцевъ. Генералъ Frey видитъ нѣкоторое препятствіе осуществленію своего совѣта въ противодѣйствіи, которое окажетъ *китайская гордость*, но этимъ

препятствіемъ генералъ не смущается, такъ какъ убѣжденъ, что и въ данномъ случаѣ китайская гордость будетъ руководствоваться только чувствомъ личнаго эгоизма и личныхъ интересовъ, боящихся контроля дѣйствій чиновниковъ и потери своихъ доходовъ, а также и чувствомъ ненависти къ милитаризму,—но и это чувство ненависти, какъ думаетъ генералъ Frey, исходитъ не столько изъ чувства нравственности и гуманности, сколько изъ опасенія потерять свои военныя должности, почести, доходы службы, если будутъ введены новые порядки, которыми будутъ руководить новые люди. Старый режимъ создавалъ сословіе ученыхъ, изъ котораго каждый имѣвшій дипломъ ученаго чиновникъ считался способнымъ къ занятію должности всѣхъ ранговъ, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ вѣдомствѣ.

Этому старому режиму, ставившему себя самого выше всѣхъ реформъ, нанесъ ударъ императоръ Гуан-Сюй, издавшій сентябрьскій декретъ въ 1898 г., въ которомъ объявилъ, что „европейцы могутъ помочь намъ достигнуть того, чего мы одни своими силами никогда не достигнемъ. Мы имѣемъ въ настоящее время нѣсколькихъ важныхъ сановниковъ, замуравленныхъ въ тѣсный кругъ своихъ понятій, которые осмѣливаются говорить, что европейцы не владѣютъ принципами истиннаго ученія! Они не вѣдаютъ, сколь безчисленны законы европейскаго правленія, сколь велика сила ихъ знаній и ихъ религіи“.

III.

Къ какой державѣ или къ какимъ державамъ обратится китайское правительство за совѣтомъ реорганизаціи своихъ вооруженныхъ силъ—составляетъ неоспоримо чрезвычайный международный интересъ.

Обольщенные блестящей ролью, которую сыграли японцы въ войну 1900 года, нѣкоторые китайскіе сановники стали домогаться содѣйствія этого государства.

Одинъ изъ вице-королей по своей собственной инициативѣ обратился къ Японіи съ просьбой дать ему инструкторовъ для своей арміи и профессоровъ для своихъ военныхъ школъ.

Вліяніе Японіи стало сказываться и на правительствѣ, которое въ началѣ 1902 года послало въ военную японскую школу до 30 молодыхъ китайцевъ, и въ то же время въ университетѣ въ Токіо насчитывалось до 500 студентовъ, содержаніе которыхъ правительству китайскому обходилось недорого.

За 60 франковъ на человѣка въ мѣсяцъ китайскіе студенты пользовались хорошимъ помѣщеніемъ и хорошимъ содержаніемъ.

Японцы, вообще внимательные ко всѣмъ иностранцамъ, въ отношеніи китайцевъ имѣли свои особые виды.

Число учениковъ въ послѣдующемъ году значительно возросло, и только вслѣдствіе доклада пекинскому двору, что первый контингентъ китайскихъ студентовъ, возвратившихся въ Китай, принесъ съ собой революціонныя идеи, появился правительственный указъ, запрещавшій впредь отправку молодыхъ китайцевъ въ Японію. Сторонники сближенія Китая съ Японіей приводятъ въ доказательство своихъ мнѣній слѣдующіе мотивы: частота сношеній, вытекающая изъ близости расположенія двухъ странъ, легкость для китайцевъ читать японскія книги безъ предварительнаго изученія іероглифовъ, громадное сходство въ обычаяхъ жизни, нравахъ, одеждѣ и проч.

Но наравнѣ съ сторонниками сближенія Китая съ Японіей есть и противники, которые склонны видѣть въ этомъ сближеніи „желтую опасность“, представляющуюся для однихъ въ томъ, что Китай, опираясь на Японію, изъ чувства враждебности, или алчности, или отмщенія бѣлой расѣ, можетъ сдѣлать попытку обрушиться на Западъ и возобновить нашествіе Аттилы, Чингизъ-Хана и др.

Генералъ Frey считаетъ подобную опасность неимѣющей никакого основанія. Для другихъ „желтая опасность“ заключается въ томъ, что народы Дальняго Востока, объединясь, скажутъ: „Азія для азіатовъ“, и „тогда,—пишетъ M. J. de Bloch,—придется признать не только Китай и Японію великими державами, но еще послѣдняя пожелаетъ играть дѣятельную роль въ политикѣ, перекупивъ въ свою очередь всѣ чужеземные рынки Дальняго Востока, нынѣ находящіеся въ зависимости отъ Европы“.

Противники сближенія съ Японіей указываютъ также на то, что нельзя забывать традиціонной ненависти, которая во всѣ времена раздѣляла китайцевъ и японцевъ, и что китайцы никогда не унизятся до того, чтобы стать подъ опеку народа, на который они всегда смотрѣли какъ на вассала своей имперіи и военное превосходство котораго зависитъ отъ причинъ случайныхъ и преходящихъ.

Противники сближенія говорятъ также противъ признанія за японцами права быть учителями китайцевъ и считаютъ необходимымъ основы западнаго ученія почерпать изъ того же самаго источника, изъ котораго брала сама Японія, т.-е. изъ Европы.

Генералъ Frey, обращаясь къ опредѣленію, которая изъ дер-

жавъ была бы для Китая наиболѣе желанной и дружески расположенной, какъ руководительница въ обновленіи его государственной жизни, останавливается, конечно, на Франціи, преимущество которой передъ другими державами онъ опредѣляетъ такъ: Франція—если и не вполнѣ безкорыстный, то наиболѣе надежный и искренній другъ Китая, такъ какъ ея интересы всецѣло состоятъ въ поддержкѣ неприкосновенности Китая, умиротвореніи въ немъ внутреннихъ смутъ, въ обезпеченіи добрыхъ согласій, дабы жить въ мирѣ на Дальнемъ Востокѣ.

Для Франціи прежде всего необходимо спокойствіе на границахъ съ Китаемъ, дабы развивать здѣсь свои торговыя операціи и расширить вліяніе въ сферѣ своихъ естественныхъ границъ. Франція, кромѣ того, уже доказала Китаю свое расположеніе тѣмъ, что въ согласіи съ Россіей и Германіей остановила побѣдоносное шествіе японской арміи, желавшей въ Пекинѣ подписать мирныя условія и стать твердой ногой на китайскомъ материкѣ. Китайское правительство это понимаетъ и употребляетъ всѣ мѣры, чтобы Индо-Китай оставался спокойнымъ, а это все, что нужно для поддержанія добрыхъ отношеній съ Франціей, не нуждающейся въ территоріальныхъ увеличеніяхъ за счетъ Китая, но преслѣдующей только мирныя, торговыя цѣли: проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Юннони при посредствѣ французовъ и закрѣпленіе своей промышленности. Послѣ Франціи только одна Россія заинтересована въ сохраненіи неприкосновенности Китая и спокойствіи на всемъ протяженіи его страны. Что касается до другихъ государствъ, то многія изъ нихъ послѣ японо-китайской войны пожелали наложить свою руку на Китай и стать прочно на берегахъ Китая. Ни для кого не тайна, что Англія стремится проникнуть вглубь Китая, захвативъ въ свои руки долину Янцзэкіанга, самую богатую и населенную, чтобы утвердить здѣсь свое вліяніе.

Благодаря многочисленности своихъ торговыхъ и дипломатическихъ агентовъ, Англія достигаетъ намѣченной цѣли, пріобрѣтая и политическое вліяніе, и развивая свою торговую дѣятельность.

Что касается Германіи, то государство это, отыскивая по берегамъ различныхъ морей уголки, которые могли бы служить для него одновременно и точкой опоры для военныхъ судовъ, и складами для торговаго флота, посредствомъ котораго передавался бы въ новыя земли избытокъ своего коренного населенія и излишекъ его промышленной производительности, не остановилось бы ни передъ какими жертвами, чтобы только успѣшно

осуществить свои намѣренія. Германія, не нашла бы, конечно, противорѣчія своимъ интересамъ, еслибы другія державы потребовали раздѣла Китая.

Считать Германію своимъ другомъ Китай не можетъ, такъ какъ интересы этого государства не тождественны съ интересами Китая. Германія это и доказывала всегда, примыкая послѣдовательно то къ идеѣ „открытыхъ дверей", то къ идеѣ „сферы вліяній". „Открытыя двери" въ Китай давали ей полную возможность и безъ всякой помѣхи использовать доходность Китая, а „сфера вліяній" давала такую же возможность непосредственно и для себя безубыточно эксплоатировать одну изъ самыхъ богатыхъ минералами и самыхъ населенныхъ областей Китая. Въ числѣ государствъ, заинтересованныхъ судьбою Китая, находится и Японія. Нельзя отрицать права, котораго добивается это государство, дабы имѣть и свой рѣшающій голосъ во всѣхъ международныхъ совѣщаніяхъ по вопросамъ Дальняго Востока.

Нельзя отрицать также права Японіи стремиться и къ своему территоріальному расширенію. Японія, также какъ и другія государства, нуждается въ пріобрѣтеніи колоній, въ которыя она могла бы направить излишекъ своего населенія и расширить свою промышленную и торговую дѣятельность.

Пріобрѣтеніе новыхъ колоній доставило бы государству необходимыя средства для содержанія арміи и флота и могло бы оплатить тѣ новые расходы, которые неизбѣжно появятся при дальнѣйшемъ расширеніи и увеличеніи морскихъ и сухопутныхъ военныхъ силъ, къ чему такъ стремится Японія. Японія чрезвычайно заинтересована въ пріобрѣтеніи колоній, которыя дали бы ей и плодородныя земли, и благопріятный климатъ. Съ этой стороны Китай, какъ государство, близкое къ Японіи и географически, и по сходству культуры, не можетъ не интересовать Японіи направленіемъ своей политической жизни, и Японія, вѣроятно, болѣе, чѣмъ всякая другая держава, извлекла бы изъ разложенія Китая наибольшую для себя пользу. Другія сосѣднія страны, куда бы Японія могла распространиться, каковы Индо-Китай, Сіамъ, Филиппины, въ высшей степени для нея благопріятныя, заняты уже другими государствами.

Что касается Формозы, то это пріобрѣтеніе создало для Японіи скорѣе источникъ затрудненій и обремененія, нежели дало возможность извлечь пользу для земледѣлія или промышленности.

Японія жадно устремляла свои взоры на Корею, но Россія, стоя на стражѣ заключенныхъ договоровъ, принятыхъ обоими

государствами, охраняла возможный modus vivendi, дабы поддержать миръ на Дальнемъ Востокѣ, для котораго (мира) Корея являлась, какъ бы государствомъ-буферомъ между двумя азіатскими имперіями. Въ Японіи, правда, существовала молодая, экзальтированная партія, которая желала показать превосходство военныхъ силъ своей страны надъ другими народами на Дальнемъ Востокѣ, для чего нисколько не смущалась нарушеніемъ симоносекскаго договора, лишь бы Японія могла стать твердою ногою на азіатскомъ материкѣ. Нѣсколько лицъ изъ этой партіи доказывали, что настало время, когда Японія можетъ передъ всѣмъ міромъ блестяще утвердить верховенство Страны Восходящаго Солнца и вступить въ бой какъ съ сѣвернымъ колоссомъ, такъ и со всякой другой державой, которая стала бы препятствовать осуществленію японской программы, т.-е. территоріальнаго расширенія.

Приверженцы этой партіи громко кричали, что путь отъ Токіо до Москвы не такъ уже длиненъ!

Опираясь на армію и флотъ, которые успѣли уже выказать свои превосходныя качества, Японія по справедливости можетъ считать себя неуязвимой, благодаря охранѣ своихъ береговъ.

Оставаясь самозащищенной моремъ, Японія можетъ спокойно собирать и готовить свои вооруженныя силы.

Англо-японское соглашеніе нисколько не измѣнило общаго положенія дѣлъ. Соглашеніе это ожидалось; оно было предвидѣно, какъ вытекающее вполнѣ нормально изъ условій жизни двухъ государствъ, имѣющихъ сродные, хотя и кратковременные, взаимные интересы, ибо въ ближайшемъ будущемъ Японія во всѣхъ вопросахъ, стоящихъ на первой очереди въ настоящее время въ Китайскомъ морѣ, а также и въ наиболѣе серьезныхъ экономическихъ вопросахъ, будетъ имѣть самаго опаснаго соперника въ Англіи, а также и въ Америкѣ, своемъ другомъ современномъ союзникѣ.

Союзъ Англіи съ Японіей имѣлъ обоюдныя выгоды для обоихъ государствъ. Этотъ союзъ для Англіи помогъ упрочить ея вліяніе при пекинскомъ дворѣ, хотя и не далъ надежды воспользоваться силами своего союзника для утвержденія своего вліянія въ долинѣ Янцзэ.

Для Японіи этотъ союзъ далъ возможность обращаться къ финансовымъ средствамъ Англіи и получать кредитъ, въ которомъ такъ нуждается Японія для усиленія своихъ арміи и флота.

Союзъ Англіи съ Японіей на Дальнемъ Востокѣ вызвалъ къ жизни прочный союзъ на Дальнемъ Востокѣ Россіи съ Франціей,

что являлось необходимостью для удержанія политическаго здѣсь равновѣсія и созданія прочной связи французскаго Индо-Китая съ Россіей.

Что касается ставшаго между Франціей и Россіей Китая, то для обоихъ государствъ въ высшей степени желательно, чтобы новый, обновленный Китай, съ новыми европейски-обученными войсками, новыми учрежденіями, примкнулъ къ русско-французскому союзу и вошелъ въ этотъ союзъ какъ плотная масса, служащая цементомъ для скрѣпленія и прочности союза.

IV.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ, посвященныхъ состоянію китайской арміи въ 1903 году и китайской арміи въ будущемъ, генералъ Frey резюмируетъ программу, которую проводитъ китайское правительство въ созиданіи своихъ вооруженныхъ силъ. Все предпринятое правительствомъ сводится къ слѣдующему:

1) Посылка въ Европу большого числа молодыхъ китайцевъ изъ всѣхъ провинцій имперіи; 2) организація китайской арміи по европейскому образцу, офицерами-европейцами; 3) учрежденіе въ Китаѣ арсеналовъ и военныхъ заводовъ для производства всѣхъ родовъ аммуниціи. Должно рѣшительно признать, что въ настоящее время всѣ означенныя реформы совершаются въ дѣйствительности, и что, бывшая вначалѣ сильною, оппозиція противъ нихъ становится меньше.

Должно признать также, что современныя китайскія войска, хотя и менѣе дисциплинированы европейскихъ, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ уже военный уставъ, которому повинуются.

Китайская армія уже создана, и печилійскій вице-король Юан-Ши-Кай посвящаетъ совершенствованію своей арміи всѣ свои силы и средства. Съ ноября 1902 года въ средѣ многочисленныхъ комитетовъ, въ составъ которыхъ входятъ 10 японцевъ, два американца и одинъ нѣмецъ, было рѣшено—въ противовѣсъ старымъ системамъ образованія (первоначальныя школы, нормальныя школы, школы земледѣлія)—учредить университеты въ провинціи Чжили и въ г. Бао-Тин-Фу и главный штабъ, въ составъ котораго вошли четыре японскихъ офицера и 15 китайскихъ чиновниковъ, избранныхъ между самыми интеллигентными людьми въ провинціяхъ и получившихъ свое научное образованіе или въ Европѣ, или въ Японіи.

О тѣхъ китайцахъ-чиновникахъ, которые отбыли свои команди-

ровки въ европейскихъ арміяхъ и которыхъ имѣли возможность оцѣнить французскіе офицеры, эти послѣдніе дали самые хорошіе отзывы, находя ихъ не только способными быть исполнительными офицерами генеральнаго штаба, но способными занимать и мѣста начальниковъ этого штаба.

Генеральный штабъ располагаетъ правомъ (среди своихъ другихъ правъ) учреждать и руководить дѣятельностью извѣстнаго направленія военныхъ школъ. Въ Печилійской провинціи штабъ создалъ слѣдующія школы:

1) Школа для старыхъ военныхъ чиновниковъ открыта для тѣхъ старыхъ офицеровъ, которые не достигли высшаго служебнаго ранга, но среди которыхъ вице-король думаетъ выбрать лучшихъ, чтобы возможно быстро составить кадры своихъ новыхъ учрежденій.

2) Военная школа для унтеръ-офицеровъ и капраловъ, въ которой насчитывается 250 воспитанниковъ, выбранныхъ изъ среды наиболѣе интеллигентныхъ и обученныхъ солдатъ. Послѣ одного года занятій въ школѣ они производятся въ унтеръ-офицеры и назначаются въ полки инструкторами для новобранцевъ.

3) Четыре кадетскихъ корпуса, по 50 человѣкъ въ каждомъ. Курсъ ученія четыре года. Изъ кадетскихъ корпусовъ выпускаются кандидаты въ спеціальную высшую школу, которая будетъ основана, какъ только состоится первый выпускъ окончившихъ курсъ кадетъ.

4) Школы предварительныя на 200 воспитанниковъ въ каждой, съ двухгодичнымъ курсомъ. Изъ этихъ школъ будутъ выходить образованные офицеры для арміи, въ которыхъ ощущается пока такъ живо недостатокъ. Въ настоящее время эти школы находятся уже въ дѣйствіи.

При главномъ штабѣ состоятъ также отдѣлы, вѣдающіе оборону территорій провинцій, размѣщеніе и распредѣленіе войскъ, заботу о ихъ вооруженіи, обмундированіи, интендантство и др.

Послѣ 1900 года организація китайской арміи сдѣлала большой шагъ впередъ. Въ 1902 году сдѣланъ былъ на новыхъ основахъ наборъ рекрутовъ—5.000 ч. Эти рекруты были собраны въ Бао-Тин-Фу; другой наборъ въ Тяньцзинѣ далъ 2.500 ч. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ новобранцы изучали обращеніе съ ружьемъ, стрѣльбу и пр.

Въ срединѣ 1903 года, Юан-Ши-Кай уже располагалъ въ Печили арміей въ 20 т., а въ окрестностяхъ Пекина—арміей въ 18 тысячъ, нѣсколькими баттареями и отрядомъ конницы до двухъ тысячъ.

Къ этимъ молодымъ войскамъ надо прибавить еще 15 тысячъ старыхъ, вошедшихъ въ новую армію, какъ ядро, и до 10 тысячъ войскъ иррегулярныхъ, которыя несутъ обязанности полицейскихъ, охраны, и конныхъ стражниковъ вдоль линіи желѣзной дороги, въ окружности Бао-Тин-Фу и Тяньцзина.

Въ то же время приступлено къ организаціи резервовъ по образцу европейскому изъ солдатъ, ушедшихъ въ запасъ, которые, однако, должны будутъ явиться на службу по первому же призыву.

Съ печилійскимъ вице-королемъ Юан-Ши-Каемъ идетъ рука-объ-руку и нанкинскій вице-король Чжан-Чжи-Дунъ, который старается не отстать отъ своего сотоварища и стремится организовать и свои войска въ Нанкинѣ и Вучанѣ, чтобы они ничѣмъ не уступали качественно войскамъ Юан-Ши-Кая.

Современная китайская армія уже составляетъ нѣкоторую цѣнность, но какова будетъ эта цѣнность черезъ 20—30 лѣтъ? Мнѣнія на этотъ вопросъ различны, и генералъ Frey приводитъ слѣдующія слова капитана Gadoffre'я:

„Настоящее положеніе не представляетъ ничего тревожнаго. Учангъ и Нанкинъ уже имѣютъ блестяще поставленныя школы, но офицеры, которыхъ онѣ выпускаютъ, выходятъ съ головой, обремененной мало понятыми знаніями, и имъ безусловно недостаетъ инищіативы.

„Солдаты генерала Чанг-Пяо крѣпки, трезвы, послушны. Расовая гордость можетъ замѣнить въ нихъ военный духъ. Подобныя же качества присущи и нашимъ китайскимъ стрѣлкамъ въ Тонкинѣ.

„Но что могутъ сдѣлать солдаты, даже самые прекрасные, если у нихъ дурное начальство?

„Зависитъ создать это не отъ нѣсколькихъ инструкторовъ, но отъ основательныхъ кадровъ, въ которыхъ китайцы дѣйствительно нуждаются.

„Мы можемъ продолжать наблюдать безъ всякаго опасенія, какъ нѣмецкіе офицеры занимаются ихъ обученіемъ для парадовъ, какъ они обучаютъ географіи и военнымъ наукамъ ученую китайскую молодежь. Опасность не тутъ.

Другіе офицеры, имѣвшіе возможность наблюдать тѣ же самыя китайскія войска въ Учанчѣ, Нанкинѣ и печилійскую армію Юан-Ши-Кая, отзываются менѣе восторженно, но все же отдаютъ должное. Они говорятъ: „Пусть пока все еще это толпы безъ взаимной связи, безъ воинскаго духа, составленныя изъ солдатъ, все преимущество которыхъ надъ солдатами „Знаменными" или солдатами „Зеленаго знамени" заключается единственно лишь въ томъ, что они, благодаря постояннымъ упражненіямъ, стали

способны ходить въ ногу и правильно маршировать, чего нѣтъ въ остальной массѣ солдатъ,—но мы все же считаемъ, что эти три китайскія арміи составляютъ нынѣ и особенно составятъ черезъ пять — шесть лѣтъ такую силу, на которую европейскія державы не будутъ болѣе смотрѣть съ пренебреженіемъ.

„Высшее начальство — этого мы вовсе нескрываемъ—значительно ниже своего назначенія. Главный штабъ, его помощники, находятся еще на пути образованія. Тѣ и другіе совершенно не подготовлены, исключая, конечно, нѣсколькихъ личностей, высокія способности которыхъ могутъ проявиться внезапно".

Книга генерала Frey'я и всѣ приведенныя въ ней мнѣнія лицъ свѣдущихъ въ военномъ искусствѣ даютъ много и другихъ интересныхъ свѣдѣній о стремленіи китайскаго правительства организовать свои вооруженныя силы въ должномъ размѣрѣ и значеніи, но въ то же время она даетъ очень мало данныхъ, которыя говорили бы о дѣйствительномъ его знаніи и пониманіи современнаго положенія китайскихъ вооруженныхъ силъ.

Всѣ мнѣнія офицеровъ-французовъ основаны главнымъ образомъ на полученныхъ ими внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, а не на знакомствѣ и знаніи внутренняго быта и жизни китайскаго солдата и китайскаго офицера. Такимъ образомъ, книга генерала Frey'я оставляетъ открытымъ вопросъ: что̀ же представляютъ собою современныя китайскія войска въ ихъ внутренней жизни? Какова духовная связь офицера съ солдатомъ, если только она есть? Отвѣтить на всѣ эти вопросы, равно какъ и на вопросы китайской народной и государственной жизни, могутъ только тѣ, кто судитъ о народѣ не по внѣшнимъ проявленіямъ и личнымъ впечатлѣніямъ, а кто изучаетъ китайца и его жизнь во всѣхъ положеніяхъ и состояніяхъ. Но понять китайца, изучить его духовное міровоззрѣніе страшно трудно, такъ какъ для этого существенно необходимо основательное знаніе китайскаго языка, долгое общеніе съ китайской жизнью и вдумчивое отношеніе къ китайцу.

Безъ соблюденія этихъ условій могутъ получаться скорѣе отрывочные намеки, только болѣе или менѣе удачная фразировка насчетъ китайца, нежели правдивая дѣйствительность.

Итакъ, что̀ же представляетъ собою современный китайскій солдатъ и что̀ можетъ дать китайская армія, скажемъ, черезъ двадцать-пять лѣтъ?

Всѣ наблюдавшіе современнаго китайскаго солдата, взятаго

изъ народа, а не изъ подонковъ улицы, согласно признаютъ отличительными чертами его характера терпѣніе, умѣренность, выносливость, невзыскательность, исполнительность, понятливость и покорность.

Таковы черты характера китайскаго солдата, но таковы же черты характера и всякаго китайца. Слѣдовательно, китайскій солдатъ, взятый изъ народа, сохраняетъ всѣ народныя черты характера, которыя—при правильно поставленномъ и добросовѣстно проведенномъ военномъ образованіи и воспитаніи—будутъ только крѣпнуть, и китайскій солдатъ черезъ двадцать-пять лѣтъ станетъ нисколько не хуже европейскаго солдата, если не выше его нравственно.

Весь вопросъ поэтому сведется къ тому, какой выработается въ этотъ срокъ типъ китайскаго офицера.

Если китайскій офицеръ попрежнему будетъ не сыномъ народа, а сыномъ китайскаго чиновничества, то можно безошибочно предсказать впередъ, что китайская армія, при всѣхъ своихъ нововведеніяхъ, не выйдетъ изъ ничтожества, хотя и будетъ представлять внушительную внѣшность.

Китайское чиновничество продолжаетъ, между тѣмъ, за малыми лишь исключеніями, коснѣть въ своемъ невѣжествѣ, лѣни, взяточничествѣ, интригахъ.

Если китайскій народъ пошелъ впередъ, если китайское общество открыло двери новому знанію, то китайское чиновничество все еще остается къ новымъ вѣяніямъ и глухо, и слѣпо. Перевоспитать чиновничество, очистить его отъ пороковъ, просвѣтить его мысль и чувство—не подъ силу одному поколѣнію. Народу прирождено сознаніе труда, сознаніе правды; въ народной душѣ заложено исканіе справедливости и честность, не испорченная гнилыми вожделѣніями праздности и тщеславія, чѣмъ такъ рѣзко отличается отъ народа чиновничество всѣхъ другихъ странъ. Итакъ, китайская армія будетъ сильна и качественно могуча только тогда, когда офицерскій ея составъ будетъ взятъ и образованъ также отъ народа, а не отъ чиновничества.

В. И. Дальченко.

Пекинъ, 1905 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Изъ Петефи.

I.

На родинѣ.

Родимый городокъ раскинулся въ садахъ
На склонѣ радостной, чарующей долины...
Онъ весь въ акаціи, въ лазоревыхъ цвѣтахъ,
И смотрятъ на него Карпатскихъ горъ вершины.
Въ моей душѣ звучитъ немолчно пѣснь былая:
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!“ [1])

Я мальчикомъ ушелъ въ далекій край чужой
И взрослымъ вновь теперь я къ мамѣ возвратился...
Ахъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ промчалось предо мной!
Родимый городокъ, какъ въ сказкѣ, измѣнился.
Но пѣсня старая звучитъ, не умолкая:
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!“

Гдѣ дѣтства милаго сердечные друзья!
Я двадцать лѣтъ назадъ разстался грустно съ вами...
Давно разсѣялась товарищей семья,
И снова я живу далекими мечтами—
Мнѣ пѣсня слышится, мой чуткій слухъ лаская:
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!“

---

[1]) „Майскій жучокъ, золотой майскій жучокъ“ — по-венгерски „Csereobogár, sárga csereobogár!“—начальная строка старинной венгерской колыбельной пѣсни.

Вновь дѣтство свѣтлое встаетъ передо мной,
И память прошлаго даритъ мнѣ счастья розы.
Въ моей груди живетъ воспоминаній рой,
Въ моей душѣ царятъ чарующія грезы.
Горитъ, лелѣя взоръ, зарница золотая...
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!"

Мнѣ грезится, что я ребенкомъ сталъ опять
И съ другомъ юности играю рѣзво въ прятки,
А няня мнѣ кричитъ: „Пора тебѣ въ кровать!"...
—„Нѣтъ, няня, погоди—сыграемъ мы въ лошадки".
Я по травѣ бѣгу, коня изображая...
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!"

Вотъ ночь спускается... Я въ комнаткѣ давно
Сплю безмятежнымъ сномъ, набѣгавшись на волѣ,
И звѣзды радостно глядятъ въ мое окно,
И перепелъ во ржи кричитъ въ сосѣднемъ полѣ.
А няня что-то шьетъ, мнѣ пѣсню напѣвая:
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!"

II.

Идешь ли за мною?

О звѣздахъ мечтая,
О солнца лучахъ,
Живешь ты, родная,
Въ волшебныхъ мечтахъ.
Я боленъ душою,
Надломленъ борьбой...
Идешь ли за мною?
—„Иду, дорогой".

Ты слышала: право,
Въ родной сторонѣ
Недобрая слава
Идетъ обо мнѣ.

Я правды не скрою—
Я очень плохой...
Идешь ли за мною?
—„Иду, дорогой“.

Но плохо придется,
Голубка моя,
Когда отвернется
Родная семья.
Взгрустнется порою
О мамѣ родной...
Идешь ли за мною?
—„Иду, дорогой“.

Съ венг. Анатолій Доброхотовъ.

КАВКАЗЪ

и

КАВКАЗСКІЕ НАМѢСТНИКИ

Окончаніе.

III *).

Кн. Барятинскій, третій кавказскій намѣстникъ.— 1856—1862 г.г.

Второй кавказскій намѣстникъ, генералъ Муравьевъ, пробылъ въ краѣ всего одинъ годъ и семь мѣсяцевъ; изъ нихъ въ Тифлисѣ—пять мѣсяцевъ и два дня, подъ Карсомъ — шесть мѣсяцевъ и двадцать дней и въ разъѣздахъ по краю—шесть мѣсяцевъ и двадцать-шесть дней. Генералъ Муравьевъ, въ силу политическихъ и военныхъ обстоятельствъ, не имѣлъ возможности заниматься гражданскими дѣлами края, а потому этотъ небольшой періодъ времени мы опускаемъ, какъ незаключающій въ себѣ мѣропріятій, кои могли бы подлежать изученію въ экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ.

Князь Барятинскій былъ назначенъ командующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и и. д. намѣстника кавказскаго 22-го іюля 1856 г. По своему общественному положенію онъ принадлежалъ къ тому же классу русскихъ людей, изъ которыхъ

---

*) См. выше: февр., стр. 613.

вышелъ и первый намѣстникъ кавказскій, кн. Воронцовъ. Оба эти государственные дѣятели пользовались полнымъ довѣріемъ своихъ монарховъ; оба проявляли значительную энергію во ввѣренномъ имъ дѣлѣ; оба преслѣдовали почти однѣ и тѣ же цѣли, хотя за кн. Барятинскимъ, до назначенія его намѣстникомъ, имѣлось большое преимущество: ему не приходилось, подобно Воронцову, знакомиться съ краемъ и съ его политическими и экономическими условіями. Тѣ и другія ему были извѣстны, такъ какъ кн. Барятинскій уже достаточно прослужилъ на Кавказѣ до назначенія его на отвѣтственный постъ намѣстника. Командуя кабардинскимъ полкомъ и начальствуя на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, гдѣ велись важнѣйшія операціи противъ Шамиля, онъ имѣлъ полную возможность изучить способъ веденія войны съ горцами. Занимая затѣмъ постъ начальника штаба кавказской арміи, князь Барятинскій близко присмотрѣлся къ общему положенію вещей на Кавказѣ и успѣлъ составить обширный планъ для веденія какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлъ въ томъ же краѣ. Но, сознавая совершенно ясно, что одна изъ причинъ политическаго и финансоваго ослабленія Россіи въ пятидесятыхъ годахъ заключалась въ слишкомъ продолжительной и упорной войнѣ за обладаніе Кавказскими горами,—этой Ахиллесовой пяты въ жизни нашихъ южнорусскихъ степныхъ пространствъ,—кн. Барятинскій всю свою молодую энергію направилъ исключительно на окончаніе войны съ горцами, и эта задача имъ была разрѣшена почти окончательно: императоръ Александръ II и Россія послѣ долгихъ усилій сбросили съ своихъ плечъ тяжелое бремя кавказской войны, и послѣдняя отошла въ область исторіи. Такова главная и самая существенная заслуга со стороны кн. Барятинскаго предъ русскимъ народомъ. Эта заслуга съ избыткомъ перевѣшиваетъ все то, что въ его дѣятельности на Кавказѣ для историческаго изслѣдователя можетъ казаться невполнѣ удачнымъ или недостаточно разработаннымъ. Тѣмъ не менѣе, на долю обозрѣвателя-экономиста выпадаетъ непріятная обязанность изучать преимущественно изнанковую сторону жизни даже въ періоды великихъ историческихъ народныхъ движеній, и это ставитъ насъ въ необходимость подробно разсмотрѣть все то, что было совершено кн. Барятинскимъ въ предѣлахъ края, помимо войны, въ бытность его намѣстникомъ кавказскимъ.

Кн. Барятинскій, еще не вступая фактически въ управленіе кавказскимъ намѣстничествомъ, уже намѣтилъ необходимость двухъ существенныхъ преобразованій въ краѣ, а именно: преобразованіе главнаго управленія намѣстника кавказскаго и улуч-

шеніе финансовой части въ томъ же краѣ. Первое преобразованіе, какъ видно изъ отношенія кн. Барятинскаго къ предсѣдателю кавказскаго комитета, отъ 8-го августа, № 856 (Полн. Собр. зак., ст. 30.830), сводилось къ слѣдующему: „Государь императоръ приказать мнѣ изволилъ, по прибытіи моемъ въ Тифлисъ, заняться устройствомъ подъ моимъ вѣдѣніемъ особаго главнаго управленія дѣлами всего ввѣреннаго мнѣ края, обративъ въ составъ этого главнаго управленія всѣ существующія нынѣ при намѣстникѣ учрежденія: канцелярію, совѣтъ, экспедицію государственныхъ имуществъ и т. д. Дать этому управленію образованіе по моему ближайшему усмотрѣнію, опредѣлить его составъ, раздѣленіе дѣлъ, распредѣленіе занятій и порядокъ дѣлопроизводства, указать обязанности и права всѣхъ членовъ и даже ввести штатъ, но съ тѣмъ, чтобы при составленіи этого штата я ограничился суммами, нынѣ отпущенными, не требуя особыхъ расходовъ изъ государственнаго казначейства, и чинамъ, кои войдутъ въ составъ главнаго управленія, были присвоены тѣ классы и разряды, кои присвоены соотвѣтствующимъ должностямъ въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ; образованіе это ввести въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, на два года, съ тѣмъ, чтобы я о семъ образованіи донесъ только до высочайшаго государя императора свѣдѣнія“.

Это преобразованіе являлось личнымъ дѣломъ кн. Барятинскаго и, какъ видно изъ его письма къ предсѣдателю кавказскаго комитета, отъ 21-го декабря 1858 г., за № 1047, вызывалось слѣдующимъ: 1) „Взамѣнъ должности начальника гражданскаго управленія, учредить должность начальника главнаго управленія, который, будучи ближайшимъ въ дѣлахъ гражданскихъ помощникомъ намѣстника, долженъ, подъ главнымъ его руководствомъ, завѣдывать всѣми частями главнаго управленія, и такимъ образомъ имѣть по гражданскимъ дѣламъ то же значеніе, какое по дѣламъ военнымъ принадлежитъ начальнику главнаго штаба арміи. 2) Главное управленіе дѣлами Кавказскаго и Закавказскаго края, назвавъ его главнымъ управленіемъ намѣстника кавказскаго, образовать, согласно началамъ, принятымъ при учрежденіи экспедиціи государственныхъ имуществъ, изъ отдѣльныхъ частей, которыя, завѣдывая спеціальными отраслями администраціи, должны, по своему составу и кругу дѣйствій, замѣнять посредствующія между министрами и подчиненными имъ мѣстами учрежденія, существующія во всѣхъ министерствахъ. Сообразно сему учредить слѣдующіе департаменты: а) общихъ дѣлъ — для сосредоточенія всѣхъ распоряженій по частямъ: инспекторской,

учебной, почтовой, медицинской, карантинной, строительной и по всѣмъ предметамъ, не входящимъ въ кругъ дѣйствій другихъ департаментовъ". Согласно штату, утвержденному кн. Барятинскимъ, этотъ департаментъ состоялъ изъ двадцати-восьми должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 38.910 р.; б) департаментъ судебныхъ дѣлъ—„для разсмотрѣнія принадлежащихъ вѣдѣнію намѣстника дѣлъ: судебныхъ и судебно-полицейскихъ и для сосредоточенія высшаго надзора и распоряженій по судебной части вообще". Этотъ департаментъ состоялъ изъ пятнадцати должностныхъ лицъ, съ расходомъ 22.905 р.; в) департаментъ финансовый—„для сосредоточенія въ ономъ высшаго счетоводства по мѣстнымъ доходамъ и расходамъ и по денежнымъ земскимъ повинностямъ въ Закавказскомъ краѣ, а также для завѣдыванія дѣлами по питейнымъ сборамъ, горной и соляной частямъ, таможенному управленію и по мѣрамъ, относящимся къ оживленію торговли внутренней и внѣшней, поощренію заводской и мануфактурной промышленности". Этотъ департаментъ состоялъ изъ двадцати-пяти должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 33.040 р.; и г) департаментъ государственныхъ имуществъ—„для дѣлъ по завѣдыванію казенными землями и вообще государственными имуществами и попечительству надъ государственными крестьянами всѣхъ наименованій". Этотъ департаментъ состоялъ изъ четырнадцати должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 21.155 р. При этихъ департаментахъ имѣлось: а) особое управленіе сельскаго хозяйства и колоній иностранныхъ поселенцевъ, въ составѣ тринадцати должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 19.110 р.; б) особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе по Закавказскому краю, состоящее изъ двухъ должностныхъ лицъ, съ расходомъ 2.855 р.; в) временное отдѣленіе по дѣламъ гражданскаго устройства края—изъ восьми лицъ, съ расходомъ 16.045 р. Во главѣ этого управленія былъ поставленъ начальникъ главнаго управленія и совѣтъ намѣстника, съ его канцеляріей, въ составѣ семнадцати должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 49.490 р. (помимо содержанія начальника управленія и предсѣдателя совѣта, коимъ таковое назначалось по высочайшему усмотрѣнію). При намѣстникѣ состояло шесть чиновниковъ особыхъ порученій, съ расходомъ 13.100 р. Всего 128 должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 216.310 р.

Но этимъ реформа главнаго управленія не закончилась. Въ 1859 г. (Акты арх. ком., т. XII, п. 35) учрежденъ пятый контрольный департаментъ, въ составѣ двадцати должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 28.750 р., а въ 1860 г. (т. XII Акт.,

п. 40) образована особая дипломатическая канцелярія намѣстника кавказскаго изъ восьми лицъ, съ расходомъ 14.111р. 67 к. Штаты этихъ управленій не были разсмотрѣны и утверждены въ установленномъ порядкѣ, а потому и не вошли въ полное собраніе законовъ; они должны были дѣйствовать въ теченіе двухъ лѣтъ, въ видѣ опыта, но въ 1862 г. (т. XII Акт., п. 61) этотъ опытъ продолженъ до 1866 г. Такимъ преобразованіемъ стоимость центральной администраціи края возвышена въ весьма значительной степени.

Вторымъ капитальнымъ нововведеніемъ въ краѣ являлась реформа чисто финансовая. Изъ всеподданнѣйшей докладной записки кн. Барятинскаго, отъ 8-го августа 1856 г., читаемъ: „Въ порядкѣ управленія Закавказскимъ краемъ вопросъ о расходахъ по этому краю всегда представлялъ особыя затрудненія. Прежде, по мѣрѣ присоединенія разныхъ провинцій, составляющихъ этотъ край, доходы ихъ не обращались въ общую массу государственныхъ доходовъ, но оставались въ полномъ вѣдѣніи и распоряженіи главнаго начальника края, который и употреблялъ ихъ по своему усмотрѣнію на содержаніе управленія и на разныя мѣстныя потребности. При этомъ порядкѣ, государственное казначейство не много жертвовало на внутреннее управленіе края, отпуская огромныя суммы только на содержаніе военной части. Въ 1840 году, съ введеніемъ въ Закавказскомъ краѣ гражданскаго управленія, доходы края поступали въ вѣдѣніе министерства финансовъ“... „Съ тѣхъ поръ государственное казначейство начало жертвовать огромныя суммы не на одну уже военную часть, но и на мѣстныя управленія и на устройство. По годовой смѣтѣ на 1856 г., по Закавказскому краю исчислено доходовъ 2.421.491 р., а расходовъ—2.234.958 р. сер. Но въ это исчисленіе не вошли суммы, сверхсмѣтно отпускаемыя, кои простираются ежегодно отъ 300 до 500 тыс. руб.“... „Такое положеніе финансовой части Закавказскаго края ставитъ въ чрезвычайное затрудненіе главнаго его начальника, при всѣхъ его предположеніяхъ по устройству края. Многое слѣдовало и слѣдуетъ сдѣлать въ Закавказскомъ краѣ, къ развитію его внутреннихъ силъ и благоустройства, — и при томъ совершить такое, что, можетъ быть, со временемъ усилить и доходы края,—но приведенію въ дѣйствіе самыхъ полезныхъ предположеній поставляется препятствіемъ всегда одно и то же—неимѣніе денежныхъ средствъ“. (Акты арх. ком., т. XII, ст. 3).

Изъ этой докладной записки возможно заключить, что кн. Барятинскій, путемъ полнаго обособленія финансовъ края отъ обще-

имперскаго финансоваго управленія, желалъ достигнуть уменьшенія денежныхъ жертвъ со стороны русскаго народа въ пользу Закавказья и найти наиболѣе легкія средства для развитія края и для его благоустройства. Это желаніе кн. Барятинскаго было уважено въ полной мѣрѣ: 6 февраля 1859 г. (Полн. Собр. зак., ст. 34.127), государь императоръ высочайше повелѣлъ: „мѣстные доходы Закавказскаго края, считая, попрежнему, принадлежностью государственнаго казначейства, назначить исключительно на удовлетвореніе расходовъ мѣстнаго гражданскаго управленія Закавказскаго же края, предоставивъ ихъ, на сей конецъ, въ полное вѣдѣніе и распоряженіе намѣстника кавказскаго. На этотъ источникъ не относить, но удовлетворять, попрежнему, изъ общихъ государственныхъ доходовъ имперіи слѣдующіе по Закавказскому краю расходы: а) всѣ вообще по военной части; б) по вѣдомству находящагося за Кавказомъ VIII округа путей сообщенія, какъ на содержаніе чиновниковъ, такъ и на дорожныя работы; в) отпускаемые, на основаніи высочайше утвержденнаго, 18-го марта 1840 г., положенія комитета министровъ, на полезныя по Закавказскому краю предпріятія—114.285 руб. въ годъ; г) пенсіи и пособія чиновникамъ гражданскаго управленія Закавказскаго края и семействамъ ихъ, назначаемыя въ общемъ служебномъ порядкѣ на основаніи пенсіоннаго устава; и д) всѣ вообще, по существу своему не относящіеся къ потребностямъ мѣстнаго гражданскаго управленія Закавказскаго края"... „Утвердить, составленную на сихъ основаніяхъ кавказскимъ намѣстникомъ, смѣту на 1859 г."... „На будущее время составлять въ главномъ управленіи намѣстника кавказскаго подобныя смѣты доходамъ и расходамъ по гражданской части ежегодно"... „При опредѣленіи мѣстныхъ закавказскихъ доходовъ исключительно на расходы по гражданскому управленію и устройству края предоставить, въ теченіе десяти лѣтъ, считая съ 1859 года, въ полное распоряженіе намѣстника кавказскаго: а) общій остатокъ отъ доходовъ и частные остатки отъ невыполненныхъ расходовъ, какіе могутъ оказаться при заключеніи баланса въ ежегодныхъ смѣтахъ по Закавказскому краю о мѣстныхъ его доходахъ и расходахъ; б) всѣ сокращенія въ расходахъ, какія, по распоряженію намѣстника, будутъ сдѣланы по части гражданскаго управленія; в) всѣ вообще превышенія въ доходахъ края, какія, при стараніяхъ намѣстника, будутъ достигнуты по статьямъ, отнесеннымъ къ мѣстнымъ источникамъ"...

Первымъ актомъ такого финансоваго обособленія явилась на 1859 годъ „Финансовая смѣта главнаго управленія намѣстника

кавказскаго по Закавказскому краю". Изъ разсмотрѣнія первой части этой смѣты видно, что на 1859 г. ожидалось доходовъ всего — 2.824.875 р. 14 к., и въ такой же суммѣ сбалансированы расходы. Но къ этой смѣтѣ была приложена вѣдомость, въ которой перечислены расходы изъ средствъ государственнаго казначейства, на нужды края, въ суммѣ 713.578 р. 77 к. Слѣдовательно, финансовое обособленіе края, на первыхъ же порахъ выразилось значительнымъ возвышеніемъ расходовъ за счетъ главнаго казначейства, безъ всякой надежды на возвратъ этихъ расходовъ, что повторялось во всѣ послѣдующіе годы управленія краемъ кн. Барятинскаго.

Помимо сказаннаго, эти финансовыя смѣты вообще не давали полнаго представленія о казенномъ хозяйствѣ въ Закавказскомъ краѣ. Изъ всеподданнѣйшаго отчета кн. Барятинскаго за 1857—1859 г.г., мы видимъ, что опять за счетъ общеимперскихъ доходовъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ израсходованы на военныя надобности слѣдующія суммы:

въ 1857 г.	14.589.647 р. $74^3/_4$ к.
„ 1858 „	14.610.172 р. 4 к.
„ 1859 „	17.461.876 р. $9^1/_2$ к.

Разсматривая въ частности статьи расходовъ, изъ которыхъ образовались эти послѣднія суммы, можно видѣть, что въ число военныхъ расходовъ включались и такіе, которые имѣли равное значеніе какъ для гражданскаго, такъ и для военнаго вѣдомства.

Кн. Барятинскій говоритъ въ своемъ отчетѣ: „Необходимость устройства прочныхъ и безопасныхъ путей составляетъ одну изъ самыхъ неотложныхъ потребностей намѣстничества, въ которомъ, по чрезвычайно пересѣченной мѣстности, естественныхъ колесныхъ путей почти вовсе не существуетъ, а между тѣмъ для движенія войскъ, снабженія арміи и развитія края нужда въ нихъ чувствуется каждый день сильнѣе. Вступивъ въ управленіе краемъ, я обратилъ особое вниманіе на внутреннія и внѣшнія сообщенія, предположивъ устройство капитальнымъ образомъ важнѣйшихъ путей. Для приведенія мысли этой въ исполненіе, необходимо было измѣнить прежде существовавшій порядокъ устройства дорогъ, состоявшій преимущественно въ ремонтированіи путей, проложенныхъ по жительскимъ тропамъ или старорѣчьямъ. Работы эти поглощали ежегодно рабочій капиталъ и труды солдатъ, безъ всякаго видимаго улучшенія"... На военно-грузинской дорогѣ при Барятинскомъ производились капитальныя работы. Черезъ Душетскую гору построено шоссе; для улучшенія военно-грузинской дороги сдѣланы точныя изысканія. Главной задачей при

этомъ было желаніе провести дорогу въ обходъ Казбекскаго завала и многихъ бѣшеныхъ балокъ. „Но пока будутъ окончены работы по устройству вполнѣ обезпеченнаго перевала черезъ Крестовую гору, я принялъ мѣры, чтобы и въ настоящее время этотъ путь содержался въ возможной исправности". Затѣмъ разработанъ Млетскій подъемъ, въ обходѣ Квишетской горы, — и произведены серьезныя работы на военно-имеретинской дорогѣ, соединявшей Тифлисъ съ Чернымъ моремъ. Въ то же время, по распоряженію Барятинскаго, за счетъ смѣты военнаго министерства, были приглашены въ край заграничные инженеры для производства изысканій для постройки желѣзной дороги, долженствовавшей соединить Черное и Каспійское моря. Что касается водяныхъ сообщеній, то при Барятинскомъ хотя и было прекращено пароходное сообщеніе по Курѣ, существовавшее съ 1852 по 1857 г., „не оправдавшее разсчетовъ своихъ учредителей" (кн. Воронцова), но зато, по его почину, образовано общество пароходства на Каспійскомъ морѣ, „Кавказъ и Меркурій", съ значительной субсидіей со стороны военнаго министерства. Плаванію пароходовъ по Ріону препятствовали мелководье рѣки и перекаты, а потому были производимы работы по расчисткѣ перекатовъ и углубленію фарватера при впаденіи рѣки въ море, тоже за счетъ военнаго вѣдомства. Составленъ былъ проектъ канала для снабженія Тифлиса водою и для орошенія 50 тысячъ десятинъ земли въ Караязской степи.

Вслѣдствіе недостаточности въ краѣ учебныхъ заведеній, на счетъ военнаго вѣдомства были устроены школы при частяхъ войскъ.

Изъ всего этого видно, что точнаго разграниченія въ расходахъ по ихъ характеру въ дѣйствительности не существовало. Кавказскіе намѣстники, являясь главными распорядителями ассигнуемыхъ суммъ какъ на военныя надобности, такъ равно и на гражданское управленіе края, распоряжались этими ассигнованіями по своему усмотрѣнію и зачастую относили за счетъ военнаго вѣдомства такіе расходы, которые было бы правильнѣе относить за счетъ гражданскихъ смѣтъ.

Для полноты картины, необходимо указать, что Кавказъ и Закавказье, по оффиціальнымъ даннымъ того времени (отчетъ кн. Барятинскаго) были населены:

а) въ ставропольской губ.	342.878	душъ	об. пола.
б) казачье населеніе въ Черноморьѣ. .	467.197	"	"
в) разныя горскія племена на сѣверномъ Кавказѣ,—приблизительно . .	215.731	"	"
г) область Дагестанская	495.240	"	"
д) собственно Закавказье.	2.053.415	"	"

Давая эти свѣдѣнія, кн. Барятинскій, близко знакомый съ условіями кавказской жизни, заявилъ, что цифры, по всей вѣроятности, ниже дѣйствительныхъ, какъ потому, что населеніе возросло со времени послѣднихъ камеральныхъ описаній (1846 г.), служившихъ главнымъ основаніемъ отчетовъ мѣстныхъ начальствъ, такъ и потому, „что въ этомъ азіатскомъ краѣ жители, по давнему обычаю, всегда уменьшаютъ въ показаніяхъ дѣйствительное число членовъ каждаго семейства".

Въ результатѣ получалась слѣдующая картина: доходовъ отъ Закавказья въ 1859 г. ожидалось въ суммѣ 2.824.875 р. Въ дѣйствительности, въ счетъ этихъ ожиданій поступило 2.495.229 р., что составляло, въ среднемъ, на душу 1 р. 21½ к. Рядомъ съ этимъ, финансовое положеніе ставропольской губерніи, гдѣ дѣйствовала общеимперская податная система, за тотъ же 1859 г. представлялась въ слѣдующемъ видѣ (отчетъ кн. Барятинскаго): при населеніи въ 342.878 душъ обоего пола, эта губернія принесла доходовъ 2.931.618 руб., что составляло на душу 8 р. 55 к., почти въ 7 разъ больше того, что платило населеніе Закавказскаго края. Но подобное сравненіе окажется неправильнымъ, если подробно разсмотрѣть доходную смѣту гражданскаго управленія Закавказскаго края. Изъ этой смѣты видно, что въ число 2.824.875 руб. включены:

а) доходы отъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ . .	300.000 р.
б) доходы по горной и соляной части	212.641 „
в) акцизъ съ привозимаго изъ Россіи вина	100.000 „
г) таможенные доходы	598.800 „
Всего приблизительно	1.211.441 р.

Эти доходы не выплачивались казнѣ населеніемъ: рыбные и тюленьи промыслы отдавались на откупъ,—эксплоатировалось Каспійское море, а не мѣстное населеніе, которое на тѣхъ же промыслахъ имѣло значительные заработки; доходы по горной части, въ свою очередь, не ложились бременемъ на мѣстное населеніе; акцизъ съ привозимаго изъ Россіи вина (водки) уплачивался только тѣми, кто пилъ привозную водку, а такимъ потребителемъ исключительно являлся русскій человѣкъ, такъ какъ хлѣбной водки мѣстное населеніе не пьетъ; таможенныя пошлины падали на чиновниковъ, офицеровъ и на незначительную въ то время по числу мѣстную интеллигенцію. Ставропольская же губернія подобнаго рода доходныхъ статей въ своемъ финансовомъ бюджетѣ не имѣла, а потому уплачивала казенныхъ налоговъ въ пятнадцать разъ больше по сравненію съ населеніемъ Закавказскаго края.

Слишкомъ слабое обложеніе населенія Закавказскаго края повинностями въ пользу казны ни для кого не составляло секрета. Это важное обстоятельство не ускользнуло и отъ вниманія кн. Барятинскаго. Послѣдній въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ заявилъ: „до сихъ поръ обладаніе Кавказскимъ перешейкомъ, совершенно необходимое для имперіи, сопровождалось, однако, такимъ итогомъ жертвъ, который, продолжаясь неопредѣленно въ будущемъ, могъ бы стать, наконецъ, невыносимымъ для нея бременемъ. Въ настоящую пору произошелъ въ кавказскихъ дѣлахъ переломъ, который долженъ разсѣять всѣ опасенія за будущее. Шестидесятилѣтняя борьба близится къ исходу. Съ послѣднимъ выстрѣломъ въ горахъ начнется для этой части владѣній періодъ постепеннаго уравновѣшиванія доходовъ съ расходами. Съ одной стороны, прекратятся жертвы, вынуждаемыя внутреннею войною, съ другой — покореніе горъ положитъ конецъ тревожному состоянію края, которое въ продолженіе многихъ вѣковъ подрѣзывало въ корнѣ его производительныя силы. Въ отношеніи природныхъ условій, Закавказскій край рѣзко отличается отъ смежныхъ съ нимъ странъ Азіи“... „Закавказье составляетъ перепутье между внутренними азіатскими бассейнами, посредствомъ котораго произведенія всего свѣта могутъ вливаться удобнымъ путемъ въ самый центръ Азіи“... „Вмѣсто голыхъ полей, составляющихъ природный характеръ всей западной половины Азіи,— страны, лежащія по южной подошвѣ Кавказа, щедро одарены естественными благами, покрыты лѣсами, облиты водою, что при тепломъ ихъ климатѣ и плодородіи почвы, соединенныхъ съ выгоднымъ положеніемъ торговымъ, дѣлало ихъ всегда сказочною страною востока. Природа дала все этимъ областямъ; въ настоящее время имъ недостаетъ только того, что можетъ совершать человѣкъ“. Далѣе, кн. Барятинскій перечисляетъ мѣры, при посредствѣ которыхъ „можетъ быть выведенъ край изъ настоящаго своего упадка“ Эти мѣры: „Закавказская желѣзная дорога и необходимое, сопряженное съ ней, по самому географическому смыслу этихъ областей, постоянное облегченіе ихъ отъ таможенныхъ стѣсненій“... „Исполненіе этихъ предположеній внесетъ въ край извнѣ огромныя матеріальныя средства и само по себѣ уже много возвыситъ и благосостояніе, и финансы его. Кромѣ того, съ ними можетъ быть соединена еще одна мѣра, которая, безъ расширенія границъ, многимъ увеличитъ производительное пространство закавказскаго владѣнія — это возстановленіе оросительныхъ каналовъ. Нынѣ лучшія мѣста Закавказья представляютъ видъ заглохшей пустыни“... „Но обширность ра-

ботъ, сопряженныхъ съ такимъ предпріятіемъ, дѣлаетъ его неисполнимымъ для домашнихъ силъ Закавказскаго края; только значительная компанія капиталистовъ можетъ двинуть его впередъ"...

Итакъ, кн. Барятинскій указалъ въ своемъ отчетѣ на три крайне существенныя обстоятельства: 1) Закавказскій край необходимъ для имперіи, но въ матеріальномъ отношеніи является тяжелымъ бременемъ для послѣдней; 2) природа дала все этому краю, но, люди, которые населяютъ послѣдній и имѣютъ полную возможность пользоваться щедротами природы, пока неспособны дѣлать то, что могло бы способствовать процвѣтанію этого края; и 3) чтобы вызвать край изъ настоящаго упадка, необходимо построить дороги, понизить таможенныя пошлины и оросить пустынныя нынѣ земли, что возможно выполнить не за счетъ средствъ, какими располагаетъ Закавказье, а средствами, добытыми за предѣлами края.

Въ этихъ трехъ положеніяхъ заключались главныя начала, положенныя въ основу той административной системы, которою руководствовался кн. Барятинскій, будучи кавказскимъ намѣстникомъ.

Что Закавказье являлось, въ матеріальномъ отношеніи, тяжелымъ бременемъ для Россіи—видно изъ предшествующихъ главъ настоящаго очерка. Кн. Барятинскій, еще не вступая фактически въ управленіе краемъ, доложилъ государю, что возможно управлять этимъ краемъ не иначе, какъ при условіи, чтобы всѣ доходы края шли исключительно на содержаніе въ послѣднемъ гражданской администраціи и при значительныхъ субсидіяхъ со стороны главнаго казначейства, помимо расходовъ чисто военныхъ. Для Россіи 1856 г. такая необходимость была слишкомъ тяжелой, такъ какъ имперія переживала финансовый кризисъ. Но заявленіе Барятинскаго государственнымъ людямъ того времени казалось совершенно естественнымъ и потому, какъ сказано выше, его желаніе было исполнено,—финансы края были обособлены и назначены солидныя субсидіи со стороны главнаго казначейства. Ни одинъ изъ числа предшествующихъ Барятинскому главноуправляющихъ не ставилъ такъ категорично вопроса о невозможности управлять Закавказскимъ краемъ безъ соотвѣтствующихъ и при томъ крупныхъ жертвъ со стороны русскаго народа, хотя эти жертвы государство ежегодно несло съ 1801 г. Слѣдовательно, по существу дѣла, всѣ главноуправляющіе на Кавказѣ дѣйствовали совершенно одинаково. Необходимо предположить, что въ силу политическихъ условій, въ какихъ нахо-

дился край съ 1801 по 1859 г., иная финансовая политика въ Закавказьѣ и не могла имѣть мѣста. Повидимому, всѣ главноуправляющіе, дѣйствуя одинаково, были совершенно правы, что не было мѣста и времени для заботъ о финансахъ при почти непрерывномъ грохотѣ пушекъ. И это важное обстоятельство оправдало бы финансовую политику въ краѣ, еслибы при громѣ тѣхъ же пушекъ кавказскіе главноуправляющіе, въ особенности ген. Ермоловъ, кн. Воронцовъ и кн. Барятинскій, не посвящали слишкомъ много времени финансовой политикѣ и не предпринимали бы всевозможныхъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію экономическихъ силъ края, что въ свою очередь увеличивало въ значительной степени жертвы со стороны государственнаго казначейства. Разъ пушки не мѣшали подобнымъ начинаніямъ, то историкъ имѣетъ право судить вообще о финансовыхъ мѣропріятіяхъ во всей ихъ совокупности.

Кн. Воронцовъ и кн. Барятинскій безусловно вѣрили, что Закавказскій край богатъ естественными дарами природы, и что стоитъ только разбудить спящія экономическія силы края—и послѣдній будетъ благоденствовать. Кн. Воронцовъ будилъ эти силы путемъ снабженія мѣстнаго населенія оборотными капиталами за счетъ русской казны. Онъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ обѣщалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ превратить Закавказье въ сплошной садъ. Кн. Барятинскій внесъ нѣкоторую поправку въ эти ожиданія: онъ не разсчитывалъ исключительно на мѣстное населеніе и его личныя матеріальныя и рабочія средства. Разсчеты свои онъ строилъ главнѣйшимъ образомъ на капиталахъ и рабочихъ средствахъ, которыя, какъ случайное наслѣдство, прибудутъ въ край извнѣ и произведутъ радикальную перемѣну въ жизни мѣстнаго населенія. Воронцовъ со своей точки зрѣнія былъ совершенно правъ, когда отечески заботился о матеріальныхъ интересахъ закавказскаго населенія, но Барятинскій, въ силу своихъ личныхъ взглядовъ, долженъ былъ дѣйствовать иначе. Ему не должна была казаться необходимой чрезмѣрная заботливость о матеріальныхъ интересахъ населенія края. Онъ самъ указываетъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ на преимущественное экономическое положеніе послѣдняго, а потому является исторической загадкой: почему Барятинскій не пожелалъ—нужныя для управленія края и его развитія денежныя средства найти въ самомъ краѣ. Изъ первыхъ главъ настоящаго сборника мы видимъ, что туземное населеніе Закавказскаго края, кромѣ незначительнаго числа охотниковъ, преимущественно изъ привилегированныхъ классовъ, было спокойнымъ зрителемъ про-

должительной и крайне тяжелой для русскаго народа войны съ горцами. Это мирное населеніе ограничивалось ролью купца, снабжавшаго, по выгоднымъ для себя цѣнамъ, всѣми предметами довольствія русскую многочисленную армію и русскихъ чиновниковъ, управлявшихъ краемъ. Война вызвала большой расходъ денегъ, какъ со стороны государства, такъ равно и со стороны тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые участвовали въ этой войнѣ, и казенное довольствіе дополняли получками денегъ изъ своей далекой родины. Эти деньги оставались въ рукахъ мѣстнаго населенія,—слѣдовательно, послѣднее могло представлять собою вполнѣ благонадежнаго плательщика казенныхъ податей и разнаго рода повинностей. Но это мирное населеніе платило въ казну одну пятнадцатую часть того, что обыкновенно выплачивалъ коренной житель Россіи, которая не могла похвастаться тѣми богатыми дарами природы, какими пользовался житель Закавказскаго края. Почему же никогда не возбуждался вопросъ о доведеніи государственныхъ повинностей въ краѣ до общепринятой въ Россіи нормы?.. Исторія не знаетъ такихъ попытокъ со стороны администраторовъ края, и это обстоятельство нужно отнести къ разряду крупныхъ историческихъ недоразумѣній.

Второе положеніе административной системы кн. Барятинскаго едва-ли требуетъ сложныхъ соображеній, чтобы доказать всю его несостоятельность. Если богатой природой владѣютъ люди, почему-либо неспособные использовать эти богатства, и если отъ этихъ людей нельзя отнять этотъ даръ Божій, то очевидно, что платоническія воздѣйствія свыше не помогутъ дѣлу. Уже было сказано выше, что богатыя земли края находились и находятся въ рукахъ совершенно довольнаго своимъ положеніемъ народа. Онъ коснѣлъ въ своемъ благополучіи, такъ какъ наша внутренняя политика не заключала въ себѣ элементовъ, которые могли бы вывести мѣстное населеніе изъ вѣкового застоя. При такомъ положеніи, надежда на возможность разбудить спящія силы края при содѣйствіи стороннихъ капиталистовъ—являлась утопіей, такъ какъ капиталъ лишь дополняетъ и усиливаетъ рабочую способность народа, а за отсутствіемъ этой способности капиталъ, въ свою очередь, долженъ бездѣйствовать. Въ Закавказскомъ краѣ и до настоящаго времени еще не образовался надлежащій контингентъ работниковъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ частныхъ, въ области административно-финансоваго управленія краемъ, мѣропрія-

тій кн. Барятинскаго, которыя были санкціонированы законодательной властью.

16-го августа 1856 г., кутаисская губернія съ тремя упраздненными отдѣлами черноморской береговой линіи подчинены особому генералъ-губернатору и командующему тамъ войсками.

20-го августа 1856 г., высочайше повелѣно: отчетность въ суммахъ и капиталахъ, отпускаемыхъ въ распоряженіе намѣстника кавказскаго на экстраординарные и чрезвычайные расходы, устройство края и разныя полезныя по оному предпріятія не подвергать ревизіи со стороны государственнаго контроля. 24-го августа 1858 г., ревизія строительной отчетности возложена на правленіе VIII-го округа путей сообщенія, съ усиленіемъ штата этого управленія. 21-го октября 1859 г., повелѣно увеличить стипендіи кавказскимъ студентамъ Григорецкаго института съ 150 до 300 р., съ отнесеніемъ этихъ расходовъ на средства министерства финансовъ.

6-го іюля 1859 г., до преобразованія бывшей канцеляріи намѣстника кавказскаго, все дѣлопроизводство по управленію горною частью на Кавказѣ и въ Закавказьѣ сосредоточивалось въ горномъ столѣ канцеляріи. Съ преобразованіемъ же этой канцеляріи, горный столъ вошелъ въ составъ финансоваго департамента главнаго управленія. Это было признано неудобнымъ, и потому образована особая канцелярія управляющаго горною частью на Кавказѣ. По утвержденному штату, на содержаніе этой канцеляріи положено отпускать изъ доходовъ края 1.105 р., изъ главнаго казначейства—4.935 р., всего—6.040 р. Горное дѣло въ Закавказьѣ ограничивалось,—кустари-греки продолжали добычу мѣди, выплачивая казнѣ десятую часть металла; въ краѣ дѣйствовалъ одинъ квасцовый заводъ; въ Кульпахъ и Нахичевани добывалась поваренная соль, а въ Баку получалась черная и бѣлая нефть, что, въ общемъ, приносило казнѣ около 200.000 р. дохода.

Хотя вопросъ о раздачѣ земельныхъ участковъ въ краѣ за службу чиновникамъ возбуждался еще маркизомъ Паулуччи, но до кн. Барятинскаго не было случаевъ пожалованія земель. Свободныя казенныя земли, удобныя для цѣлей культурныхъ, незамѣтно ушли изъ рукъ казны. За послѣдней оставались разныя пустоши и такъ-называемыя лѣтнія и зимнія пастбища. А потому неудивительно, что казенныя земли въ 1859 г. приносили казнѣ очень небольшіе доходы. Тѣмъ не менѣе, 8 марта 1860 г. (35.529), государь императоръ соизволилъ повелѣть: „дѣйст. ст. сов. Коцебу и колл. сов. кн. Джорджадзе, согласно ходатайству

намѣстника кавказскаго, отвести въ потомственное владѣніе: первому 500, а послѣднему 400 десятинъ земли въ кубинскомъ уѣздѣ, дербентской губерніи, изъ числа казенныхъ участковъ, остающихся свободными, за надѣленіемъ казенныхъ крестьянъ. На будущее время предоставить намѣстнику кавказскому, въ случаѣ, если онъ признаетъ полезнымъ отводить кому-либо изъ служащихъ или служившихъ на Кавказѣ или За-Кавказомъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, находящіяся тамъ казенныя пустопорожнія земли въ потомственное владѣніе, входить о томъ съ особымъ представленіемъ, установленнымъ порядкомъ, черезъ кавказскій комитетъ, объясняя въ сихъ представленіяхъ: а) за какія именно заслуги испрашивается эта награда; б) въ какой именно мѣстности и какой участокъ предполагается отвести, прилагая, если можно, и планъ самаго участка; в) дѣйствительно ли этотъ участокъ ненуженъ для казны или для населенія поселянъ, и г) состоитъ ли оный въ оброчномъ содержаніи, и если состоитъ, то у кого именно и за какую цѣну".

Этотъ законъ породилъ среди служащихъ на Кавказѣ погоню за полученіемъ въ награду за службу въ краѣ того или другого участка казенной земли. Удовлетворить всѣхъ желающихъ и дать имъ земельные участки въ предѣлахъ Закавказья уже не представлялось возможнымъ, такъ какъ на счету мѣстнаго департамента государственныхъ имуществъ казенныхъ земель, удобныхъ для раздачи, въ Закавказьѣ не числилось въ достаточномъ количествѣ. Поэтому взоры желающихъ обратились на сѣверный Кавказъ, гдѣ казенныхъ земель было въ то время еще достаточно, и потому началась раздача этихъ земель участками отъ 300 до 12.000 десятинъ. Кто не хотѣлъ степныхъ участковъ, для того нашлись земли на черноморскомъ побережьѣ. Отъ посада Сочи до Новороссійска, на протяженіи почти 350 верстъ по берегу, лучшія земли были розданы высокопоставленнымъ лицамъ, и когда зашелъ вопросъ о заселеніи этого побережья русскими переселенцами, то оказалось, что ихъ уже негдѣ селить.

Въ 1860 г., въ предѣлахъ Россіи приступлено къ преобразованію государственныхъ кредитныхъ установленій, а потому было сдѣлано общее по имперіи распоряженіе о прекращеніи нѣкоторыхъ операцій приказами общественнаго призрѣнія. 5-го октября того же года, „кавказскій комитетъ, принявъ во вниманіе, что распоряженіе намѣстника о допущеніи изъ закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія выдачи ссудъ подъ недвижимыя имѣнія и пріема въ оныхъ частныхъ вкладовъ сдѣлано имъ по уваженію мѣстныхъ обстоятельствъ и особенностей края, поло-

жилъ: распоряженіе это утвердить, предоставивъ намѣстнику принять надлежащія мѣры, чтобы какъ закавказскій, такъ и ставропольскій приказы общественнаго призрѣнія не требовали вдругъ значительными суммами принадлежащихъ имъ капиталовъ, обращающихся въ государственномъ банкѣ". Кн. Барятинскій подобное распоряженіе свое оправдывалъ: „къ такой мѣрѣ я вынужденнымъ нашелся прибѣгнуть по настоятельной и неотложной необходимости возстановить въ краѣ благодѣтельныя дѣйствія поземельнаго кредита, безъ пособія котораго изъ рукъ правительства мѣстное дворянство обойтись не можетъ и неизбѣжно разстроитъ свои имѣнія, обременивъ ихъ частными долгами на самыхъ тяжелыхъ для себя условіяхъ". Поземельный кредитъ, какъ было сказано выше, былъ главной причиной разоренія грузинскаго дворянства. Послѣднее, совершенно непривычное къ условіямъ и складу культурной жизни, могло благоденствовать при полномъ отсутствіи какого бы то ни было кредита. Помимо сказаннаго, приведенное законоположеніе имѣетъ глубокій смыслъ по другимъ основаніямъ. Кн. Барятинскій собственною властью отмѣняетъ дѣйствія высочайшихъ повелѣній, отъ 16-го апрѣля и 1-го сентября 1859 г., и, донося о подобномъ распоряженіи, доказываетъ необходимость послѣдняго ссылкою на мѣстныя обстоятельства и особенности края. Въ этомъ случаѣ важно не самое существо дѣла, а ссылка на особенности края. Въ исторіи финансово-административной эти особенности края всегда играли весьма видную роль. Всякая важная государственная мѣра могла быть неприводима въ исполненіе въ предѣлахъ края въ силу особенностей послѣдняго. Архивныя изысканія не даютъ, однако, матеріаловъ для опредѣленія, что собственно нужно подразумѣвать подъ этими особенностями края. Архангельская и херсонская губерніи имѣютъ много особенностей, но въ нихъ нѣтъ тѣхъ особенностей, которыя мѣшали бы проведенію общегосударственныхъ мѣръ въ той или другой губерніяхъ. Приходится, поэтому, сожалѣть, что понятіе объ „особенностяхъ" края до настоящаго времени недостаточно выяснено.

Относительно торговли края, кн. Барятинскій писалъ въ своемъ отчетѣ: „Важнѣйшею отраслью народной промышленности въ Закавказскомъ краѣ, какъ при настоящемъ условіи его экономическаго быта, такъ и для будущаго развитія скрытыхъ въ немъ силъ и естественныхъ богатствъ, представляется внѣшняя торговля. Этому способствуетъ самое географическое поло-

женіе края, омываемаго двумя морями и сопредѣльнаго къ двумъ азіатскимъ государствамъ"... „Торговля въ послѣднемъ году противъ прежнихъ лѣтъ значительно уменьшилась, въ особенности по привозу товаровъ изъ русскихъ портовъ въ Закавказскій край, что, по всей вѣроятности, можно приписать общему въ имперіи застою торговыхъ и денежныхъ дѣлъ въ минувшемъ 1859 году".

И на Кавказѣ торговый балансъ былъ не въ пользу края, который являлся богатой страной не произведеніями человѣческихъ рукъ или той природы, которая сама даетъ средство для торговли, а преимущественно деньгами. Кавказъ разсчитывался за заграничные товары русской звонкой монетой, которую получалъ изъ государственнаго казначейства и отъ служившихъ въ краѣ русскихъ людей. Отнимите этотъ источникъ доходовъ отъ закавказскихъ купцовъ—и внѣшняя торговля края упала бы, по меньшей мѣрѣ, на двѣ трети, т.-е. не могла бы превышать стоимости тѣхъ товаровъ, какую край отпускалъ заграницу.

Кн. Паскевичу, какъ и кн. Воронцову, такой порядокъ вещей казался не только естественнымъ, но даже крайне желательнымъ, и потому всѣ его симпатіи были на сторонѣ внѣшней—заграничной торговли. Въ этихъ видахъ онъ много поработалъ при установленіи общаго для Россіи таможеннаго тарифа. Въ послѣднемъ были сдѣланы по нѣкоторымъ предметамъ ввоза значительныя льготы для Закавказскаго края.

Разсматривая въ подробности тарифныя ставки, нѣтъ возможности уловить той идеи, которая руководила лицами, опредѣлявшими ихъ. Въ краѣ, напримѣръ, правительство заботилось о водвореніи хорошихъ сортовъ табаку, о приготовленіи изъ послѣднихъ хорошихъ сигаръ; о разведеніи хорошаго шафрана, фруктовъ и приготовленіи изъ нихъ конфектъ. Ради этой возможности баронъ Розенъ хлопоталъ о безпошлинномъ ввозѣ въ край около 300.000 пудовъ сахара, и давалась казенная субсидія на постройку въ краѣ сахарнаго завода. Казалось бы, поэтому, что табакъ, во всѣхъ видахъ, шафранъ, фрукты, и т. д., должны таможеннымъ тарифомъ облагаться для Закавказья если не высшей, то во всякомъ случаѣ не низшей таможенной пошлиной, чѣмъ общерусская. Кромѣ того, разница въ таможенныхъ ставкахъ представляла всѣ удобства для наводненія русскихъ рынковъ заграничными товарами. На провозѣ туда заграничныхъ сигаръ изъ Тифлиса въ Россію разница въ таможенной пошлинѣ на долю подобнаго предпринимателя выражалась въ 70 р.; перевозка пуда ладана черезъ Закавказскій край сокращала пошлину на 4 р. 75 к., и т. д. Слѣдовательно, пониженныя тарифныя

ставки давали закавказскимъ купцамъ возможность наживаться за счетъ русской торговли, причиняя послѣдней такимъ способомъ весьма существенные убытки, размѣръ которыхъ не можетъ поддаваться опредѣленію.

При такомъ положеніи дѣла, кн. Барятинскій возбудилъ вопросъ о снятіи таможенныхъ заставъ на сѣверномъ Кавказѣ, но это ходатайство не было уважено; 7-го іюля 1857 г., высочайше повелѣно: „Всѣ лица, желающія отправить изъ Тифлиса товары или вещи сухопутно въ Россію, транспортомъ или по почтѣ, могутъ предъявлять оные къ досмотру въ тифлисскую таможню, которая обязана удостовѣряться, что предметы, ей предъявленные, по существующимъ правиламъ, къ провозу въ имперію изъ Закавказскаго края не запрещены, и потомъ прикладывать къ товарнымъ мѣстамъ таможенныя пломбы, съ выдачею провозителямъ свидѣтельствъ на безпрепятственный провозъ посылокъ и товаровъ. За симъ на кавказской линіи товары и посылки не подлежатъ уже вторичному досмотру, но таможенный на линіи надзоръ обязанъ повѣрять сходство товарныхъ мѣстъ со свидѣтельствами и удостовѣряться въ цѣлости пломбъ, наложенныхъ въ Тифлисѣ, по снятіи коихъ и отобраніи отъ провозителей означенныхъ свидѣтельствъ, допускать товары и посылки къ дальнѣйшему слѣдованію".

Не трудно видѣть, что подобной обособленностью въ таможенномъ отношеніи Закавказскаго края отъ остальныхъ областей Россіи причинялась публикѣ масса неудобствъ, сопряженныхъ вообще съ отжившими давно свой вѣкъ всевозможными внутренними заставами, что, однако, при возможной недобросовѣстности со стороны нѣкоторыхъ таможенныхъ чиновниковъ, нисколько не препятствовало контрабандной торговлѣ. Наложенныя въ Тифлисѣ на товарныя мѣста таможенныя пломбы исключали дальнѣйшій надзоръ за отправленнымъ товаромъ. Помимо того, пониженныя таможенныя ставки для Закавказскаго края были явно направлены противъ возможнаго водворенія въ краѣ русской торговли, такъ какъ Москва не могла продавать свои товары по цѣнамъ ниже тѣхъ, какія существовали на остальныхъ рынкахъ Россіи, а въ Закавказьѣ эти товары, вслѣдствіе пониженныхъ таможенныхъ ставокъ, обходились купцамъ дешевле.

За русскими купцами, благодаря Волгѣ и Каспійскому морю, еще оставалась нѣкоторая возможность отправлять въ Закавказье тяжелые товары, къ числу которыхъ относились желѣзо и чугунъ. Но 17-го декабря 1859 г. (35.248), по ходатайству кавказскаго начальства, послѣдовало высочайшее повелѣніе о пониженіи

таможенныхъ пошлинъ на привозимые изъ-за-границы въ край чугунъ и желѣзо. Чугунъ, вмѣсто 15, по 5 к. съ пуда, и сортовое желѣзо, вмѣсто 50, по 45 коп.

Торговля въ Закавказьѣ, какъ уже было сказано выше, находилась исключительно въ рукахъ мѣстныхъ армянъ. Они ревниво оберегали свое исключительное положеніе, желая сохранить въ своихъ рукахъ всѣ выгоды этой торговли, что̀ видно изъ того, что всѣ тифлисскіе купцы подали кн. Воронцову прошеніе о воспрещеніи московскому депо производить розничный торгъ въ Тифлисѣ. Обороты торговли съ Европой и Россіей достигали, въ среднемъ, до 10 милл. рублей. Помимо этой внѣшней торговли, мѣстное купечество вело значительный внутренній торгъ, обороты котораго хотя и неизвѣстны, но возможно предполагать, что они были не меньше оборотовъ внѣшнихъ. Но что̀ же приносила эта торговля государству? Изъ доходной смѣты на 1859 г. главнаго управленія намѣстника кавказскаго видно, что отъ торговли казна не получала ни единой копѣйки дохода. Многочисленный классъ купечества велъ торговлю совершенно безпошлинно. 19-го августа 1858 г. (33.033), кавказскій комитетъ положилъ: „статью 115 Уст. Торг., Св. Зак. т. XI, измѣнить въ томъ смыслѣ, что въ Закавказскомъ краѣ гильдейское положеніе еще не введено; статью 1358 т. X Св. Зак. о сост. замѣнить другою, сказавъ въ оной, что въ Закавказскомъ краѣ иностранцамъ, которые будутъ признаны благонадежными, даруется, съ разрѣшенія намѣстника, но не болѣе какъ 10-ти человѣкамъ вдругъ, десятилѣтняя льгота отъ платежа городскихъ и земскихъ повинностей, и разсмотрѣніе вопроса о введеніи За-Кавказомъ гильдейскаго положенія отложить, согласно мнѣнію намѣстника кавказскаго, впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, составляемаго особою при министерствѣ финансовъ коммиссіею, проекта новаго положенія объ устройствѣ гильдій". Изъ этого общаго правила кн. Барятинскій нашелъ возможнымъ сдѣлать исключеніе для русскихъ и заграничныхъ евреевъ, которымъ, 23-го іюля 1860 г. (36.043), дозволено было производить въ краѣ торговлю и открывать банкирскія конторы, но съ платежомъ гильдейскихъ пошлинъ по первой гильдіи, а также городскихъ и земскихъ повинностей.

Этимъ исчерпываются въ области торговли всѣ существѣнныя мѣропріятія со стороны кн. Барятинскаго. Въ области же сельскаго хозяйства и промышленности кн. Барятинскій не раздѣлялъ безусловно взглядовъ кн. Воронцова. 7 апрѣля 1857 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ упраздненіи въ краѣ все-

возможныхъ сельскохозяйственныхъ фермъ, а изъ „казенныхъ садовыхъ заведеній въ Закавказскомъ краѣ оставить только существующія въ гор. Тифлисѣ и Кутаисѣ. Въ первомъ—ферму и ботаническій садъ, а во второмъ—общественный садъ, наименовавъ тифлисскую ферму и кутаисскій садъ училищами садоводства второго разряда". 9-го іюня 1860 года, измѣненъ уставъ кавказскаго общества сельскаго хозяйства, причемъ субсидія этому обществу отъ казны увеличена до 6.000 рублей. Вообще, кн. Барятинскій сельскимъ хозяйствомъ и садоводствомъ почти не занимался.

Незначительность доходовъ, приносимыхъ Закавказскимъ краемъ, ставила кн. Барятинскаго въ необходимость изыскивать эти доходы на сторонѣ. Каспійское побережье Закавказья, кромѣ бакинской гавани, не представляло удобствъ для причала парусныхъ судовъ и пароходовъ. Возникла мысль о постройкѣ гавани на дербентскомъ рейдѣ, что вызывало расходъ въ суммѣ 450 т. руб. Взять эту сумму изъ доходовъ края Барятинскому казалось невозможнымъ, и потому, 13 марта 1860 г., государь императоръ, вслѣдствіе представленія намѣстника кавказскаго, согласно положенію кавказскаго комитета, высочайше соизволилъ повелѣть: „для устройства гавани на дербентскомъ рейдѣ и возведенія другихъ подобныхъ сооруженій на кавказскихъ берегахъ Каспійскаго моря установить съ вывозимой изъ предѣловъ Закавказскаго края въ Россію марены сборъ по 10 к. съ пуда, предоставивъ намѣстнику кавказскому опредѣлить, по его усмотрѣнію, такой порядокъ взиманія этого сбора, который представлялъ бы наименѣе для мареноводовъ въ Закавказскомъ краѣ затрудненій". Марены въ то время изъ Дербента вывозилось въ Россію около 150 т. пудовъ. Слѣдовательно, производство это только начинало нарождаться, а потому ради добычи сравнительно незначительной суммы денегъ изобрѣтена мѣра въ равной степени невыгодная, какъ для мареноводовъ, такъ и для русскихъ потребителей этого товара.

25-го декабря 1860 г., высочайше утверждено положеніе кавказскаго комитета о порядкѣ водворенія, самовольно, во время послѣдней войны съ Турціей, отлучившихся въ Закавказскій край крестьянъ изъ внутреннихъ губерній имперіи. Это законоположеніе воспослѣдовало въ силу отношенія намѣстника кавказскаго къ предсѣдателю кавказскаго комитета, отъ 5-го ноября 1860 г. Вотъ подлинная выписка этого отношенія: „Во время послѣдней войны съ Турціей прибыло въ Закавказскій край изъ внутреннихъ губерній имперіи, вмѣстѣ съ войсками и слѣдовавшими за

ними тяжестями, значительное число крестьянъ разныхъ вѣдомствъ, большая часть которыхъ, отлучаясь изъ мѣста своего жительства, имѣла законные виды; но между ними, пользуясь большимъ скопленіемъ людей и тревожностью военнаго времени, успѣло пробраться много бродягъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и скрывавшихся до того на Дону и въ степныхъ малонаселенныхъ губерніяхъ. Во время войны число такихъ бродягъ все болѣе и болѣе увеличивалось прибавленіемъ новыхъ, между тѣмъ какъ прибывшіе въ край съ видами, по просрочкѣ ихъ—другихъ не требовали, и тѣмъ увеличивали число безпаспортныхъ. Военное положеніе края, поглотившее все вниманіе мѣстныхъ властей и населенія Закавказскаго края и обратившее всю дѣятельность полицейскихъ властей исключительно на нужды войны, особенно благопріятствовало этимъ бродягамъ и много способствовало къ сокрытію ихъ здѣсь. По окончаніи войны, небольшая часть этихъ людей удалилась въ Турцію, гдѣ имъ дали землю для поселенія, а остальные разсыпались по краю и, занимаясь поденными работами, переходили съ мѣста на мѣсто, и тѣмъ поддерживали свое существованіе, часть же ихъ причислилась въ краѣ подъ подложными именами. Узнавъ объ этомъ, я, въ апрѣлѣ 1858 г., учредилъ особую коммиссію для подробнаго разсмотрѣнія этого дѣла"... „Коммиссія эта нашла, что всѣ участвующіе въ этомъ дѣлѣ люди, за исключеніемъ дезертировъ, ново-ивановскаго старшины Якова Таносова и тифлисскихъ молоканъ: Мазаева, Кубышкина и Кретинина, могутъ быть раздѣлены на двѣ степени: 1) бѣжавшихъ изъ прежняго мѣстожительства въ Россіи безъ письменныхъ видовъ, или оставшихся въ краѣ съ просроченными паспортами, причисленныхъ въ Закавказскомъ краѣ подъ ложными именами. Къ первой категоріи относятся 399 человѣкъ обоего пола. Вторая заключаетъ въ себѣ 705, не считая военныхъ дезертировъ, бродягъ, скрывшихся во время изслѣдованія и ушедшихъ послѣ того"...

„Изъ числа людей, принадлежащихъ ко второй категоріи, нѣкоторые, сверхъ фальшивой приписки себя съ семействами въ Закавказскомъ краѣ, подъ вымышленными именами, обвиняются въ участіи въ слѣдующихъ преступленіяхъ: а) въ фальшивой припискѣ къ своему обществу бродягъ и бѣглыхъ людей разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и военныхъ дезертировъ; б) въ составленіи ложныхъ свидѣтельствъ на отдачу бродягъ и военныхъ дезертировъ въ рекруты и в) фальшивой сдачѣ ихъ въ рекруты, съ условіемъ помогать ихъ бѣгству. Главныхъ руководителей и участниковъ въ этихъ трехъ родахъ преступленій оказывается

23 человѣка, а съ присоединеніемъ къ этому числу Якова Тарносова, Марка Мазаева, Павла Кубышкина и Ивана Кретинина, —всѣхъ обвиняемыхъ въ фальшивой припискѣ, составленіи фальшивыхъ свидѣтельствъ и фальшивой сдачѣ рекрутъ, оказывается 27 человѣкъ, коихъ коммиссія находитъ нужнымъ, какъ обвиняемыхъ въ важныхъ преступленіяхъ, предать суду на общихъ основаніяхъ... Остальныхъ затѣмъ, принимая во вниманіе: а) многочисленность обвиняемыхъ, б) добровольное ихъ признаніе и в) высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣхъ государственныхъ крестьянъ, самовольно переселившихся изъ одной губерніи въ другую, не высылать на прежнее мѣсто жительства, а водворять, гдѣ они проживаютъ, коммиссія полагаетъ—не предавать ихъ суду, а оставить ихъ здѣсь на мѣстахъ жительства, если затребованныя о нихъ справки подтвердятся и не встрѣтятся какія-либо препятствія къ причисленію ихъ здѣсь. Тѣхъ же, о которыхъ справки не подтвердятся, передать губернскому начальству, для поступленія съ ними по закону. Въ возмездіе же за самовольную отлучку, коммиссія полагаетъ всѣхъ зачислить въ краѣ безъ установленныхъ льготъ, а за приписку въ краѣ подъ ложнымъ именемъ съ обвиняемыхъ въ оной 425 человѣкъ взыскать издержки на производство слѣдствій и дознаній, какъ здѣсь, такъ и въ Россіи, по ихъ дѣламъ".

Не повезло бродячей Руси въ Закавказскомъ краѣ... Но эта неугомонная, вѣчно снующая Русь раздвинула предѣлы имперіи отъ Балтійскаго моря до Великаго океана; она заселила сѣверный Кавказъ, выдѣлила изъ себя казачество, по слѣдамъ которыхъ регулярная русская армія заняла Кавказскія горы, казавшіяся неприступной твердыней. Свѣтлѣйшій кн. Потемкинъ этой бродячей Русью въ короткій срокъ населилъ южно-русскія степи, превративъ послѣднія въ исконную русскую землю.

IV.

Е. И. В. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, четвертый кавказскій намѣстникъ.—1862—1881 г.г.

Въ трудное время вступилъ новый кавказскій намѣстникъ въ управленіе Закавказскимъ краемъ. Хотя война съ горцами приходила къ концу, но все же на долю намѣстника кавказскаго выпадало рѣшеніе двухъ важныхъ государственныхъ задачъ.

Главный массивъ Кавказскихъ горъ преграждалъ свободное движеніе русскаго народа на югъ, за эти горы, а потому въ

Закавказскомъ краѣ русское государственное дѣло находилось исключительно въ рукахъ военачальниковъ и чиновниковъ. Работа послѣднихъ, безъ непосредственнаго содѣйствія русской народной массы, оказалась малоуспѣшной: хотя край былъ давно и безусловно подчиненъ Россіи, но по существу своему онъ продолжалъ оставаться не-русскимъ, такъ какъ между аборигенами края и русскимъ народомъ еще не народилось связующее звено въ образѣ общихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Попрежнему грузинъ оставался такимъ же грузиномъ, какимъ онъ былъ при своихъ природныхъ царяхъ; попрежнему татарское населеніе сохраняло свои характерныя и бытовыя особенности, которыя не имѣли ничего общаго съ русскими порядками; въ краѣ не имѣлось достаточнаго, въ численномъ отношеніи, русскаго населенія, на которое, въ случаѣ крайней необходимости, могла бы опереться мѣстная власть. А потому, при подведеніи итоговъ мирнымъ успѣхамъ русскихъ за Кавказскими горами, оказывалось, что труды, заботы и деньги въ теченіе первыхъ 62-хъ лѣтъ Россіей были затрачены безъ очевидныхъ результатовъ; что всякій неблагопріятный поворотъ въ политической жизни Россіи, который могъ побудить насъ оставить Закавказье, послѣднее, послѣ ухода русскихъ войскъ и русскихъ чиновниковъ, немедленно превратилось бы въ свое первобытное состояніе. Слѣдовательно, предстояла работа — умѣло восполнить всѣ недочеты въ прошломъ и мирными путями завоевать для Россіи Закавказскій край. Это была первая трудная задача, выпавшая на долю новаго намѣстника.

Закавказскій край для русской имперіи составлялъ, въ матеріальномъ отношеніи, тяжелое бремя. Это бремя, по заявленію кн. Барятинскаго, могло обратиться „въ невыносимую тяжесть“ при условіи, что дѣла въ краѣ будутъ идти прежнимъ порядкомъ. Кн. Барятинскій указывалъ на то, что въ этомъ ходѣ дѣлъ произошелъ существенный переворотъ къ лучшему, но до 1862 года этотъ переломъ ничѣмъ не обнаружился. Главная тому причина, попрежнему, заключалась въ неправильномъ толкованіи того мѣста манифеста 12 сентября 1801 г., о присоединеніи Грузіи къ предѣламъ имперіи, въ коемъ это присоединеніе выставлено актомъ полнаго безкорыстія. Но это толкованіе манифеста даже по отношенію къ одной Грузіи, добровольно намъ подчинившейся, не согласовалось съ другими повелѣніями императора Александра I-го, и по существу своему не отвѣчало исторической правдѣ, а тѣмъ болѣе не могло распространяться на другія, завоеванныя силою оружія, части Кавказскаго края. Слѣ-

довательно, второю трудной и очень сложной задачей, выпавшей на долю намѣстника, являлась существенная и неотложная необходимость въ радикальномъ исправленіи основныхъ началъ административно-финансовой политики въ краѣ.

Наше правительство всегда возлагало надежду на полученіе существенныхъ матеріальныхъ выгодъ отъ Закавказскаго края. Императоръ Павелъ зналъ о бѣдственномъ положеніи царства Грузинскаго, и свою политику въ Грузіи соединялъ съ надеждами на возможность эксплоатаціи Кавказскихъ горъ, которая должна была обогатить бѣдную въ то время деньгами русскую казну. Александръ I-й раздѣлялъ эти надежды и въ то же время писалъ, что онъ никогда не допускалъ возможности, чтобы тяжесть управленія Грузіей всецѣло падала на русскій народъ. Николай Павловичъ въ свою очередь не терялъ надежды на минеральныя богатства Кавказскихъ горъ.

Надежды этихъ монарховъ при ихъ жизни не оправдались, но за то на историческую сцену выступили личныя мнѣнія главноуправляющихъ Закавказскимъ краемъ. Князь Циціановъ первый началъ обращать вниманіе правительства на естественныя богатства края и на его выгодное географическое положеніе въ интересахъ всемірной торговли. Тѣ и другая долженствовали обогатить край и превратить его въ хорошаго плательщика государственныхъ податей, чего, конечно, можно было достигнуть не вдругъ, а постепенно. Слѣдовательно, отъ Россіи требовались пока расходы, а соотвѣтствующіе доходы обѣщались въ будущемъ. Генералъ Ермоловъ проникся надеждами князя Циціанова и, ради возможности направить черезъ Закавказскій край всемірную торговлю съ центральной Азіей и тѣмъ обогатить жителей Закавказья, забылъ завѣтъ Петра Великаго, чтобы Россія эту торговлю оберегала исключительно для себя. По настояніямъ Ермолова, весь Закавказскій край быдъ на десять лѣтъ обращенъ въ портофранко. Кн. Воронцовъ, являясь рѣшительнымъ сторонникомъ свободной торговли въ предѣлахъ края, надѣялся обогатить послѣдній путемъ развитія въ немъ сельско-хозяйственной промышленности, и ему казалось, что ради достиженія намѣченной цѣли не только позволительно, но безусловно необходимо требовать отъ русскаго народа всевозможныхъ жертвъ въ пользу управляемаго имъ края. И кн. Барятинскій въ оцѣнкѣ края не расходился съ своими предшественниками, но смотрѣлъ на дѣло шире и, въ интересахъ торговли, настаивалъ на необходимости капитальнаго устройства въ краѣ путей сообщенія. Что же касается сельско-хозяйственной промышленности, то двинуть ее

впередъ признавалъ возможнымъ при посредствѣ обширныхъ ирригаціонныхъ работъ.

Словомъ, въ области гражданскаго управленія Закавказскимъ краемъ самую существенную роль играли виды на будущее,— несомнѣнная надежда на естественныя богатства края и на выгодную во всѣхъ отношеніяхъ эксплоатацію послѣднихъ, для чего признавалось возможнымъ дѣлать существенныя жертвы въ настоящемъ.

Рѣшивъ a priori, что Закавказскій край необыкновенно богатъ, наши администраторы пришли къ заключенію, что этотъ край со стороны Россіи требуетъ особой опеки и попечительства.

Желаніе опекать край породило также мысль о необходимости прилагать всѣ заботы о матеріальномъ благосостояніи мѣстнаго населенія: членамъ туземныхъ привилегированныхъ сословій предоставлялись высшія должности въ войскахъ и администраціи, сопряженныя съ большими окладами содержанія, или назначались, подъ разными предлогами, пожизненныя и потомственныя пенсіи; податныя сословія были почти освобождены отъ повинностей въ пользу государства, которое расходы по охранѣ и развитію естественныхъ силъ края приняло полностью на свой счетъ. Эта политико-экономическая ошибка выразилась двояко: казна не дополучила съ края многихъ милліоновъ рублей, а среди мѣстнаго населенія породилось убѣжденіе, что оно является населеніемъ привилегированнымъ, — что исключало необходимость въ самодѣятельности и личной съ его стороны иниціативѣ, такъ какъ заботу о нуждахъ мѣстнаго населенія всецѣло приняла на себя русская администрація.

Но время постоянной войны съ горцами прошло, и вмѣстѣ съ послѣднимъ выстрѣломъ должны были рушиться тѣ дѣйствительныя или воображаемыя причины, въ силу которыхъ Закавказскій край былъ поставленъ въ совершенно исключительное положеніе. Было весьма ясно видно, что главная задача въ управленіи краемъ сводилась къ тому, чтобы уничтожить вредную въ интересахъ государственныхъ исключительность и обособленность, которыми пользовался ввѣренный намѣстничеству край. Въ жизни послѣдняго только теперь совершался рѣшительный переломъ, одинаково необходимый какъ для имперіи, такъ равно и для самаго края. Трудность подобной задачи усложнялась необходимостью совершить этотъ переломъ, не причиняя острой боли тому населенію, которое роковымъ путемъ ставилось въ совершенно новыя условія жизни. Ломать все заразъ было бы слишкомъ неосторожно и несогласно съ характеромъ русскаго

человѣка, и мы увидимъ, что этотъ переломъ былъ совершенъ, если не въ полной мѣрѣ, то въ значительной его части, съ особеннымъ терпѣніемъ и послѣдовательностью.

Пробнымъ камнемъ этой новой системы управленія краемъ были мѣры чисто финансовыя. Изъ финансовой смѣты главнаго управленія намѣстника кавказскаго на 1859 г. видно, что торговля въ краѣ была совершенно свободной и не приносила казнѣ никакихъ денежныхъ доходовъ, такъ какъ уставъ о пошлинахъ за право торговли и промысловъ на Закавказье не былъ распространенъ. Но 20-го декабря 1863 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: „Выдачу на 1864 годъ свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ и билетовъ на годовыя и промысловыя заведенія въ Закавказскомъ краѣ производить, со взысканіемъ пошлинъ, назначенныхъ положеніемъ 1-го января 1863 г. въ Тифлисѣ—по 2-му классу, въ Кутаисѣ, Эривани, Сухумъ-Кале, Баку, Дербентѣ, Ленкорани, Владикавказѣ—по 3-му, а въ остальныхъ мѣстностяхъ сего края по 4-му классу“. Для мѣстныхъ купцовъ и промышленниковъ это было громовымъ ударомъ съ безоблачнаго неба. Мѣстные чиновники въ свою очередь были озадачены такой рѣшительной мѣрой, такъ какъ, согласно этому положенію, купецъ обязанъ былъ платить пошлины — по 1-й гильдіи 265 руб., по 2-й—отъ 35 до 55 руб., помимо приказчичьихъ свидѣтельствъ и билетовъ на право открытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Эта мѣра не была, однако, введена въ дѣйствіе въ 1864 г. Одинъ слухъ о предстоящемъ введеніи въ дѣйствіе положенія о пошлинахъ за право торговли не только смутилъ торговцевъ г. Тифлиса, но дѣло дошло, въ 1865 году, до открытаго бунта, причемъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ этого бунта, какъ выяснено слѣдствіемъ, были слухи о предстоящемъ промысловомъ налогѣ. Пришлось, изъ осторожности, временно ограничиться полумѣрой: 29-го января 1865 г. (П. С. з., ст. 41.744) воспослѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, что „лицамъ, желающимъ записаться по Закавказскому краю въ купечество, слѣдуетъ, не требуя взятія билетовъ на торговыя и промышленныя заведенія, производить выдачу гильдейскихъ свидѣтельствъ со взысканіемъ: со свидѣтельствъ 1-й гильдіи по 265 р., а по второй гильдіи—по 65 р.“. Дѣйствіе положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ окончательно распространено на Закавказскій край лишь въ 1875 г. (Полн. Собр. зак., ст. 54.329).

Незначительность податей, поступившихъ отъ подымнаго обложенія населенія края, объяснялась отчасти чрезмѣрно боль-

шимъ числомъ лицъ разныхъ привилегированныхъ сословій. Къ числу послѣднихъ были причислены сеиды—потомки Магомета. 8-го марта 1865 г., послѣдовалъ законъ (ст. 41.896): „принадлежащіе къ податнымъ сословіямъ сеиды не освобождаются отъ платежа податей и повинностей, но самимъ обществамъ, къ которымъ сеиды приписаны, предоставляется, въ случаѣ собственнаго желанія, принимать на себя уплату причитающихся съ нихъ сборовъ".

6-го февраля 1873 г., на Закавказье распространено дѣйствіе устава объ акцизѣ съ табаку.

13-го февраля 1873 г., на Закавказскій край распространена дѣйствовавшая въ имперіи система взиманія питейныхъ сборовъ.

1-го мая 1873 г., открыто акцизное управленіе въ Закавказскомъ краѣ, а съ 1-го іюля того же года введенъ акцизъ съ питей и табаку.

22-го декабря 1873 г., разрѣшена въ Закавказьѣ безакцизная продажа виноградпаго вина съ возовъ, судовъ и лодокъ, на рынкахъ, площадяхъ и пристаняхъ.

15-го января 1874 г., введенъ въ Закавказскомъ краѣ акцизъ на соль.

17-го апрѣля 1874 г., сила высочайше утвержденнаго устава о гербовомъ сборѣ распространена на Закавказскій край.

30-го мая 1876 г., послѣдовало высочайшее повелѣніе о примѣненіи къ Закавказскому краю общаго европейскаго тарифа на привозимый въ край иностранный сахаръ.

8-го декабря того же года, таможенныя пошлины повелѣно было взыскивать золотою монетою.

Всѣ перечисленныя финансовыя мѣры были приняты мѣстнымъ населеніемъ спокойно, такъ какъ протестъ 1865 г. со стороны тифлисскихъ торговыхъ классовъ, противъ обложенія ихъ торговыми пошлинами, кончившійся не особенно благопріятно для коноводовъ, открылъ населенію глаза на истинное положеніе вещей и на тѣ отношенія, кои безусловно обязательны подданному по отношенію къ коронѣ и государству вообще. Эти мѣры открыли широкую дорогу для водворенія въ предѣлахъ края общеимперской финансовой системы.

Великій князь, пользуясь почти неограниченными полномочіями, какъ намѣстникъ кавказскій, былъ сторонникомъ реформъ Александра II-го, хотя проведеніе ихъ въ жизнь края встрѣчало массу серьезныхъ препятствій въ вѣковыхъ предразсудкахъ и въ совершенной неподготовленности края для усвоенія этихъ крайне

желательныхъ и жизненныхъ реформъ. Осуществленіе послѣднихъ, кромѣ того, требовало отъ края значительныхъ денежныхъ средствъ, которыми Закавказье не располагало. Но, тѣмъ не менѣе, послѣдовалъ цѣлый рядъ законоположеній, измѣнившихъ народную жизнь въ Закавказскомъ краѣ: 22-го ноября 1866 г., явилось высочайшее повелѣніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. къ Закавказскому краю, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, которыя составляли уступку особенностямъ мѣстнаго населенія. 9-го декабря 1867 г., высочайше утвержденъ штатъ тифлисской судебной палаты, подвѣдомственныхъ ей окружныхъ судовъ, мировыхъ отдѣловъ и старшихъ нотаріусовъ, съ ежегоднымъ расходомъ изъ доходовъ края въ 658.950 руб. Одновременно съ этимъ, при судебныхъ учрежденіяхъ устроена межевая часть съ достаточнымъ числомъ служащихъ, съ ежегоднымъ расходомъ въ 95.000 руб. Затѣмъ было рѣшено полное размежеваніе земель Закавказскаго края, а 10-го февраля 1868 г. сдѣлано распоряженіе объ открытіи окружныхъ судовъ и подчиненныхъ имъ судебныхъ мѣстъ.

Одновременно съ судебной реформой шло освобожденіе мѣстныхъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, на что, въ свою очередь, требовались значительные со стороны казны расходы. Въ тифлисской губерніи крестьяне освобождены, при всенародныхъ повсемѣстныхъ благодарственныхъ молебнахъ, 8-го ноября 1864 г.; въ кутаисской губерніи — 13-го октября 1865 г., въ Мингреліи — 1-го декабря 1866 г.

Съ учрежденіемъ въ краѣ независимаго суда по уставамъ 1864 г., возникла необходимость преобразовать мѣстные административные органы, которые соединили въ себѣ власти — распорядительную и судебную. Это преобразованіе совершилось, по высочайшему повелѣнію, 9-го декабря 1867 г.

Всѣ эти реформы и административныя мѣры требовали, однако, большихъ денежныхъ расходовъ, безъ которыхъ онѣ, несмотря на ихъ громадное общественное и государственное значеніе, не могли быть осуществлены, а явились бы прекраснымъ по идеѣ намѣреніемъ и, пожалуй, цѣннымъ литературнымъ памятникомъ, но — и только. Слѣдовательно, для всѣхъ этихъ реформъ требовался прочный и незыблемый фундаментъ, требовалось полное и совершенно вѣрное матеріальное обезпеченіе; необходимо было, чтобы финансовая жизнь края начала правильно функціонировать.

Все это было каждому совершенно ясно, и потому, рѣшивъ дать краю новый гласный судъ, новую болѣе совершенную адми-

нистрацію, а населенію личную независимость, правительство вынуждено было подумать о полной финансовой реформѣ въ предѣлахъ края; эта реформа значительно суживала просторъ распорядителя кредита и не оставляла мѣста для произвольныхъ дѣйствій со стороны второстепенныхъ распорядителей тѣмъ же кредитомъ. Согласно представленіямъ намѣстника кавказскаго, 4-го ноября 1867 г. (45.125), послѣдовало высочайшее повелѣніе о распространеніи на Закавказскій край новыхъ смѣтныхъ, кассовыхъ и ревизіонныхъ правилъ. Въ силу этого закона, 23-го декабря того же года былъ изданъ новый штатъ закавказской казенной палаты и росписаніе должностей и окладовъ содержанія по казначействамъ и расходнымъ отдѣленіямъ Закавказскаго края, на что потребовался ежегодный расходъ въ суммѣ 160.997 р. Въ томъ же мѣсяцѣ, 23-го числа (П. С. зак., ст. 45.318), послѣдовало высочайшее повелѣніе объ образованіи закавказской контрольной палаты.

До учрежденія закавказской контрольной палаты, государственный контроль въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ не могъ давать никакихъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ денежныхъ оборотахъ въ предѣлахъ Закавказскаго края, а потому ограничивался перечисленіемъ суммъ, кои были назначены по доходной и расходной смѣтамъ гражданскаго управленія намѣстника кавказскаго. Ни контрольный департаментъ главнаго управленія, ни контрольное отдѣленіе, состоявшее при мѣстной казенной палатѣ и кавказскомъ интендантскомъ управленіи, въ свою очередь, не могли давать свѣдѣній о дѣйствительныхъ расходахъ по гражданскому и военному вѣдомствамъ, такъ какъ кассовые дореформенные порядки исключали подобную возможность, а потому въ отчетахъ государственнаго контроля за 1866 и 1867 гг. показаны только смѣтныя назначенія, а именно:

за 1866 годъ ожидалось доходовъ	3.693.122 р. 80 к.
" " " предполагалось расходовъ . . .	4.184.212 р. 77 к.
за 1867 годъ ожидалось доходовъ	3.938.292 р. 25 к.
" " " предполагалось расходовъ . . .	4.890.550 р. 50 к.

Эти цифры въ сущности ничего опредѣленнаго не говорятъ: — можетъ быть, смѣтные дефициты были покрыты доходами случайными или за счетъ усиленнаго поступленія обыкновенныхъ доходовъ, а можетъ быть дѣйствительный дефицитъ далеко превосходилъ смѣтный. Такимъ образомъ, получалась финансовая картина совершенно неясная и неопредѣленная.

Съ учрежденіемъ закавказской контрольной палаты, финансовое дѣло въ краѣ принимаетъ другой оборотъ. Въ отчетѣ го-

сударственнаго контроля за 1868 г. уже стоятъ цифры дѣйствительныхъ доходовъ и расходовъ, но не приблизительные, а именно:

Поступило доходовъ	5.228.309 р. 68 к.
Израсходовано	6.195.103 р. 42 к.
Дефицитъ	966.793 р. 74 к.

Изъ цифровыхъ данныхъ, начиная съ 1869 г. и по 1881 г., когда было упразднено кавказское намѣстничество, можно заключить, что доходы края въ этотъ періодъ значительно поднялись и выражались въ цифрѣ 8,5 милліоновъ рублей, тогда какъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ эти доходы опредѣлялись по смѣтамъ въ 2,8 милліоновъ руб. Такой ростъ доходовъ объясняется: а) распространеніемъ на край дѣйствія положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ; б) введеніемъ въ край русской системы взиманія акциза съ хлѣбнаго вина и фруктово-водочнаго производства; в) введеніемъ акциза съ табаку; г) введеніемъ устава о гербовыхъ пошлинахъ, и д) повышеніемъ нѣкоторыхъ тарифныхъ ставокъ на привозимые въ край иностранные товары. Помимо этихъ указаній частнаго характера, ростъ казенныхъ доходовъ,—ростъ скачками отъ 2,8 до 8,5 милл. руб.—доказываетъ то положеніе, что населеніе Закавказскаго края давно могло являться хорошимъ плательщикомъ казенныхъ податей и повинностей, но послѣднія не взыскивались съ населенія въ силу разныхъ со стороны мѣстной администраціи политическихъ и экономическихъ соображеній.

Несмотря на значительный ростъ казенныхъ доходовъ съ 1862 по 1881 г., нельзя не обратить вниманія, что параллельно росли расходы исключительно на гражданскую администрацію края. Это явленіе объясняется—разнаго рода нововведеніями и реформами, кои были проведены въ жизнь края, а также тѣмъ вѣковымъ убѣжденіемъ, отъ котораго въ то время еще не отказались, что Закавказье и его населеніе не могутъ обходиться безъ административной опеки и попечительства. А эта опека не могла не вліять на размѣръ административныхъ расходовъ.

Въ теченіе тринадцати лѣтъ доходы края покрыли расходы казны на мѣстную гражданскую администрацію, но рядомъ съ этимъ, за тѣ же тринадцать лѣтъ, казна истратила въ предѣлахъ края, сверхъ доходовъ, болѣе 400.000.000 р. Эта громадная сумма была израсходована на содержаніе въ предѣлахъ края войскъ и войсковыхъ управленій, на послѣднюю русско-турецкую войну, на постройку въ краѣ дорогъ, дорожныхъ сооруженій и портовъ и на разныя улучшенія въ томъ же краѣ. Эти расходы полностью не могутъ быть отнесены за счетъ края, такъ какъ

большинство изъ нихъ составляло потребность общегосударственную, а потому эти расходы подлежатъ отнесенію за счетъ всѣхъ вообще русскихъ подданныхъ въ равной мѣрѣ. Но, какъ видно изъ тѣхъ же цифровыхъ данныхъ, населеніе Закавказья, во-первыхъ, оплачивало только стоимость своей гражданской администраціи и не принимало никакого участія въ расходахъ на другія нужды края и не участвовало въ расходахъ общегосударственныхъ. Это являлось для населенія громаднымъ преимуществомъ по сравненію съ другими плательщиками государственныхъ повинностей, и во-вторыхъ, указанные выше 400 милл. были израсходованы казной въ предѣлахъ Закавказья; итакъ, казна, расходуя принадлежащія ей средства, является для населенія тѣхъ районовъ, гдѣ производятся эти расходы, самымъ надежнымъ работодателемъ, а потому очевидно, что населеніе Закавказскаго края было поставлено, въ экономическомъ отношеніи, несравненно выгоднѣе населенія тѣхъ коренныхъ русскихъ губерній, гдѣ казна производитъ минимальные расходы.

Финансовыя выгоды, кои выпадали на долю населенія Закавказскаго края за счетъ казны, на этомъ не оканчивались.

Въ краѣ была построена поти-тифлисская желѣзная дорога, протяженіемъ въ 297 верстъ. Работы по постройкѣ этой дороги начаты за счетъ казны, а въ 1870 г. онѣ были переданы въ распоряженіе иностраннаго акціонернаго общества, которое, какъ видно изъ его отчета за 1879 г., израсходовало на постройку этой дороги 28.240.000 р. Правительство гарантировало обществу чистую доходность дороги въ размѣрѣ 5% на затраченный капиталъ и 1/10% на его погашеніе. Общій размѣръ этой гарантіи въ теченіе года выражался въ суммѣ 2.442.240 рублей. Расходы общества по постройкѣ этой дороги и расходы по эксплоатаціи ея въ значительной степени оживили денежные обороты края.

За первые четыре года (1876—1879) поти-тифлисская желѣзная дорога работала слабо,—частныхъ грузовъ перевозилось въ оба пути, со включеніемъ въ общій счетъ такихъ громоздкихъ товаровъ, какъ камень и известь для постройки потійскаго порта, отъ 6,5 до 9,5 милл. пудовъ, что доказываетъ слабую производительность того края, которому служила эта дорога. Возить изъ бывшей Грузіи и бывшей Имеретіи къ Черному морю было нечего. Не было также большой потребности въ товарахъ, которые доставлялись изъ-за предѣловъ края.

Эта слабая сторона дороги, какъ видно изъ отчетовъ государственнаго контроля, въ свою очередь ложилась значительнымъ

бременемъ на государственное казначейство. За счетъ кредитовъ смѣты министерства путей сообщенія, обществу поти-тифлисской желѣзной дороги доплачивалась гарантія, съ 1870 г. по 1875 г., свыше милліона рублей.

Приплаты правительства увеличивали на соотвѣтствующія суммы общіе расходы казны по Закавказскому краю.

Слабая работа дороги объяснялась тѣмъ, что въ г. Поти, при впаденіи р. Ріона въ Черное море, не имѣлось удобной гавани для приходящихъ морскихъ судовъ. Послѣднія должны были останавливаться, выгружаться и нагружаться далеко отъ берега на потійскомъ рейдѣ, который у моряковъ пользовался незавидной славой, такъ какъ даже незначительное волненіе съ моря прекращало возможность сообщенія съ берегомъ. Чтобы хотя отчасти парализовать эти неудобства потійскаго рейда, англійская компанія предложила построить желѣзное жетэ, которое, выходя далеко въ море, давало бы возможность морскимъ судамъ выгружаться и нагружаться, причаливая къ этому жетэ. Послѣднее, на винтовыхъ сваяхъ, обошлось казнѣ въ 1 милл. р., но очень скоро совершенно было разрушено однимъ изъ частыхъ на Черномъ морѣ штормовъ. Пришлось отказаться отъ мысли улучшить потійскій рейдъ относительно дешевымъ жетэ, и потому рѣшено было построить въ Поти солидный коммерческій портъ. Исторія этой постройки не послужила къ чести инженеровъ. По первому проекту стоимость постройки порта была опредѣлена въ 1,5 милл. руб., по второму—въ 2,5 милл. руб.; въ дѣйствительности портъ строился съ 1868 по 1882 г., причемъ израсходовано около 12 милл. рублей. Къ сожалѣнію, этотъ портъ и до настоящаго времени не можетъ считаться вполнѣ законченнымъ, такъ какъ бываютъ случаи, что во время сильныхъ волненій суда терпятъ аваріи въ самомъ портѣ. Съ присоединеніемъ, по берлинскому трактату, къ предѣламъ Россіи Батума съ его прекрасной и довольно обширной гаванью, всѣ болѣе цѣнные грузы, какъ привозимые въ край, такъ и вывозимые изъ края, направляются исключительно на Батумъ. Въ потійскій портъ коммерческія суда заходятъ только при благопріятной погодѣ.

Нефтяная промышленность въ Баку, въ этотъ періодъ, получила сильный толчокъ, благодаря тому обстоятельству, что въ 1873 г. казна отказалась отъ добычи нефти и ея переработки въ керосинъ собственными средствами или при посредствѣ подрядной системы. Бакинскія нефтяныя земли были уступлены частнымъ лицамъ за 2.975.027 р., чѣмъ, между прочимъ, объ-

ясняется значительная цифра доходовъ, поступившихъ по смѣтѣ гражданскаго управленія края за означенный годъ. Съ 1874 г. главнымъ дѣятелемъ по добычѣ и переработкѣ нефти въ керосинъ является Нобель и компанія. Благодаря настойчивости и энергіи со стороны представителя этой фирмы, а также способу перевозки керосина по Каспійскому морю и Волгѣ въ наливныхъ судахъ—бакинскій керосинъ на русскихъ рынкахъ началъ вытѣснять керосинъ американскій.

Будучи дешевымъ и во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ, этотъ керосинъ одновременно объявилъ войну на русскихъ рынкахъ американскому керосину и традиціонной русской лучинѣ, что начало привлекать въ Баку какъ сторонніе значительные капиталы, такъ равно и разнаго рода рабочія средства. Благодаря бакинской нефти, постройка сквозной закавказской желѣзной дороги отъ моря до моря пріобрѣтала громадный практическій смыслъ.

Въ то же время добыча нефти доказала, что разъ въ странѣ имѣются минеральныя или естественныя богатства, которыя сулятъ барыши предпринимателю, то охотники найдутся для ихъ эксплоатаціи. Въ лѣсахъ Закавказья имѣлись значительные запасы самшита и орѣховаго наплыва, и, несмотря на нѣкоторыя запретительныя мѣры со стороны правительства и отсутствіе въ краѣ удобныхъ дорогъ, этотъ цѣнный лѣсъ постоянно вывозится на рынки западной Европы.

Наше правительство расходовало въ краѣ, какъ видно изъ приведенныхъ выше цифровыхъ данныхъ, десятки милліоновъ рублей ежегодно безвозвратно. Общество поти-тифлисской дороги, затративъ въ томъ же краѣ единовременно около 30 милліоновъ, ежегодно расходовало въ томъ же краѣ около 1,5 милліоновъ на эксплоатацію дороги. Нефть, въ свою очередь, вызывала необходимость со стороны предпринимателей большихъ денежныхъ расходовъ въ томъ же краѣ. Въ общемъ казна, желѣзная дорога и бакинская нефть давали населенію края источники для всевозможныхъ заработковъ ежегодно, въ среднемъ, не менѣе 35 милліоновъ руб. сер.

Несмотря на улучшившееся финансовое положеніе Закавказскаго края, соединеніе Тифлиса съ моремъ желѣзной дорогой и проведеніе въ краѣ удобныхъ шоссейныхъ дорогъ, соединившихъ Тифлисъ съ сѣвернымъ Кавказомъ и съ Эриванью и хорошей проселочной дорогой на Баку,—внѣшняя торговля края развивалась слабо.

Закавказье въ 1880 г. вывозило въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ одну овечью шерсть, шолкъ-сырецъ и шолкъ въ коконахъ, а Имеретія отпускала заграницу кукурузу. Слѣдовательно, отпускная торговля края ограничивалась исключительно сырьемъ. Страна, богатая виноградниками, вина вовсе не отпускала, что доказываетъ, что это вино, по своимъ качествамъ, не было годно для внѣшней торговли.

Что касается торговли съ Турціей и Персіей товарами русскаго или заграничнаго происхожденія, то эта торговля могла способствовать обогащенію населенія Закавказскаго края.

Въ 1872 г., въ Тифлисѣ открыло свои дѣйствія „Общество взаимнаго кредита". Въ распоряженіи нашемъ нѣтъ отчета о дѣйствіи этого общества за первый годъ его учрежденія. Въ 1880 г., общій оборотъ этого общества выражался:

	По дебету:	По кредиту:
Касса	41.809.024 р. 63 к.	41.795.146 р. 72 к.
Счета	61.988.138 р. 30 к.	62.002.016 р. 21 к.
Итого	103.791.162 р. 93 к.	103.797.162 р. 93 к.
Чистая прибыль		126.413 р. 19 к.

Это было время расцвѣта банковыхъ операцій только въ Тифлисѣ. Тогдашніе банковые обороты доказываютъ, что населеніе этого города въ указанное девятилѣтіе располагало большими денежными капиталами, но эти капиталы искали себѣ помѣщенія отчасти въ торговлѣ, въ банковыхъ операціяхъ, въ процентныхъ государственныхъ бумагахъ, въ недвижимыхъ городскихъ имуществахъ, но нѣтъ никакихъ указаній на то, что эти капиталы искали приложенія въ предпріятіяхъ, направленныхъ къ подъему естественныхъ силъ края, что безспорно вытекаетъ изъ сопоставленія этихъ банковыхъ оборотовъ съ торговымъ балансомъ. Слѣдовательно, идея кн. Воронцова,—построенная на томъ, что стоитъ дать матеріальныя средства мѣстному населенію, и экономическія силы края начнутъ прогрессировать, — не оправдала себя въ данномъ случаѣ. Тѣ милліоны, которыми въ 1880 г. располагало только населеніе Тифлиса, хотя такіе же милліоны имѣлись и въ карманахъ остальнаго населенія края, не подвинули послѣднее къ предпріимчивости, а окончательно превратили это населеніе въ аккуратныхъ поставщиковъ казны и всѣхъ тѣхъ классовъ, которые жили за счетъ послѣдней. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить тотъ безспорный фактъ, что казенными деньгами, кои были израсходованы въ краѣ, въ наименьшей степени воспользовались грузины и татары;—они довольствовались тѣмъ, что

русская администрація облагала ихъ уменьшенными повинностями въ пользу казны,—что давало имъ полную возможность жить по примѣру ихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

По даннымъ кавказскаго статистическаго комитета, въ 1880 г. населеніе Закавказскаго края выражалось въ цифрѣ 3.555.050 душъ обоего пола; оно платило казнѣ разныхъ повинностей около 8 милліоновъ, т.-е. по 2 р. 23 к. съ человѣка. Но въ числѣ доходовъ края заключались доходы нефтяной, отъ соли и квасцовъ, горные доходы, отъ тюленьихъ и рыбныхъ промысловъ, пособія изъ постороннихъ источниковъ и таможенный доходъ,— всего 2.070.910 р. 23 к. Внося эту поправку, окажется, что мѣстное населеніе уплачивало разнаго рода государственныхъ повинностей около 6 милліоновъ, — что составляло на душу по 1 р. 65 к.

Если сравнить доходность Закавказскаго края съ доходностью десяти губерній разныхъ полосъ Европейской Россіи [1]), то окажется, что въ 1880 г. населеніе богатаго всевозможными дарами природы и богатаго деньгами края платило казнѣ повинностей въ три-пять разъ меньше, чѣмъ сколько было взыскано съ населенія перечисленныхъ выше губерній, которыя не отличались ни природными богатствами, ни запасными денежными капиталами.

Государственный контролеръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1880 г. такъ характеризуетъ финансовую жизнь Закавказскаго края: „Закавказскій край пользуется обособленнымъ бюджетомъ, балансъ коего по доходамъ и расходамъ превышаетъ 17 милліоновъ рублей. Но бюджетныя величины не изображаютъ собою ни дѣйствительныхъ доходовъ, ни тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя затрачиваются ежегодно въ Закавказскомъ краѣ. Такъ, одну изъ капитальныхъ статей представляетъ таможенный доходъ. Сумма валового сбора его, по отчету за 1879 г., составляла 1.385.000 р.,—что, при 413 тыс. издержекъ взиманія по смѣтѣ Закавказскаго края, показываетъ около милліона рублей чистаго дохода. Но такой выводъ не можетъ быть признанъ правильнымъ потому, что въ счетъ издержекъ взиманія не включается стоимость содержанія кордонной стражи, посты которой занимаютъ казачьи полки, содержимые на счетъ общихъ доходовъ имперіи, по смѣтѣ военнаго министерства, на что расходуется ежегодно до милліона рублей. Та-

---

[1]) Владимірская, волынская, кіевская, нижегородская, орловская, рязанская, харьковская, тамбовская, саратовская, тульская.

кимъ образомъ, таможенный доходъ въ имперіи, при валовомъ сборѣ въ 93 милліона, дающій рессурса 86 милліоновъ руб., въ Закавказьѣ не приноситъ почти ничего, а между тѣмъ обособленный бюджетъ представляетъ мѣстной администраціи возможность пользоваться расходами въ размѣрѣ милліона рублей на счетъ дохода, въ дѣйствительности не получаемаго. Несоотвѣтствіе расходовъ съ доходами края обнаруживается еще болѣе при разсмотрѣніи платежей, производимыхъ кассами Закавказскаго края. Тутъ встрѣчаются цѣлыя учрежденія, существующія для нуждъ края, но содержимыя на счетъ доходовъ имперіи. Такъ, управленіе путей сообщенія расходуетъ ежегодно около 1.400.000 руб.; содержаніе мѣстныхъ войскъ и жандармеріи, составляющихъ, отчасти, внутреннюю стражу, ложится всецѣло на бюджетъ имперіи въ почтенной цифрѣ 900 тыс. руб.; изъ платежныхъ же средствъ русскаго народа общество поти-тифлисской дороги, служащей исключительно мѣстнымъ интересамъ, получаетъ гарантію около 1.300.000 руб. Такимъ образомъ, оказывается, что, не касаясь содержанія войскъ, расположенныхъ въ краѣ, въ видахъ общей государственной потребности, до настоящаго времени ежегодно затрачивается изъ общихъ доходовъ государства болѣе 4½ милл. рублей на мѣстныя нужды и потребности такого края, какъ Закавказье, климатическія и почвенныя условія котораго неизмѣримо выше самыхъ лучшихъ мѣстностей Россіи“.

Такая ненормальная финансовая жизнь Закавказскаго края, нѣсколько исправленная путемъ распространенія на него перечисленныхъ выше общегосударственныхъ повинностей, является результатомъ историческаго хода вещей, результатомъ ошибочной кабинетной оцѣнки Закавказскаго края и того пагубнаго расширенія предѣловъ государственной власти, въ силу котораго наши кавказскіе администраторы приняли на себя, помимо управленія краемъ, роль опекуновъ и попечителей надъ послѣднимъ, что совершенно исключало нормальный ходъ въ развитіи народныхъ экономическихъ силъ и средствъ опекаемаго края.

Все высказанное нами до сихъ поръ должно служить отвѣтомъ на поставленный нами выше вопросъ: удобно ли нынѣ возвращаться къ этимъ отжившимъ уже свой вѣкъ административнымъ формамъ. Намѣстники независимо управляли краемъ въ гражданскомъ отношеніи. Они насаждали—каждый по своему—культуру въ краѣ, и потому дѣятельность каждаго изъ нихъ

была самобытна и крайне разнообразна. Но изъ сказаннаго выше невозможно заключить, что въ рукахъ этихъ администраторовъ государственное хозяйство шло удовлетворительно; напротивъ, это хозяйство являлось очень убыточнымъ для русскаго государственнаго казначейства. И хотя кавказскіе намѣстники доказывали, что денежныя пожертвованія со стороны русскаго народа въ пользу Закавказья были безусловно необходимы, какъ чисто временная экономическая мѣра, и что послѣднія скоро прекратятся, но эти ожиданія, къ сожалѣнію, не оправдывались до настоящаго времени: съ увеличеніемъ доходовъ края, пропорціонально росли расходы на содержаніе гражданской администраціи, на разныя мелочныя потребности, и этому росту расходовъ, повидимому, не предвидѣлось конца. Расходы по гражданскому управленію выражались, въ 1862 г., въ суммѣ $2^1/_2$ милліоновъ рублей, а къ 1882 г. цифра этихъ расходовъ достигла $8^1/_2$ милліоновъ; т.-е., въ 20 лѣтъ расходы на администрацію края почти учетверились.

Ясно поэтому, что главныя причины невозможности поставить хозяйство края въ точно опредѣленныя нормы заключались въ томъ, что каждый намѣстникъ, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, не стремился къ цѣли путемъ строго выработанной систематической работы.

Западная Европа живетъ въ значительной мѣрѣ за счетъ своихъ колоній, а нашъ, какъ утверждаетъ громадное большинство, богатый естественными дарами природы Закавказскій край въ теченіе 82 лѣтъ,—періодъ времени очень достаточный,—кромѣ громадныхъ убытковъ государству, не приносилъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Почему?

Всматриваясь въ историческій ходъ событій ближе и внимательнѣе, невольно останавливаешься на томъ поразительномъ и безспорномъ фактѣ, что о самостоятельной жизни края кавказскіе намѣстники говорили только вскользь, и ни одинъ изъ нихъ не прилагалъ стараній о возможности раздобыть деньги для покрытія нуждъ края въ самомъ краѣ. Напротивъ, всѣ были увѣрены, что какъ бы ни велики были финансовые дефициты въ бюджетахъ края, они полностью будутъ всегда покрыты за счетъ государственнаго казначейства. Въ глазахъ намѣстниковъ вопросъ о доходахъ, собираемыхъ въ краѣ, являлся всегда вопросомъ второстепеннымъ и совершенно излишнимъ. Такъ смотрѣли на дѣло всѣ намѣстники, и этотъ безспорный фактъ пріобрѣтаетъ значеніе исторической загадки. Чтобы съ наибольшей удовлетворительностью разгадать послѣднюю, не-

обходимо искать руководящую нить въ духовныхъ особенностяхъ всѣхъ вообще русскихъ интеллигентныхъ людей первой половины девятнадцатаго столѣтія. Мы не должны забывать, что въ это, относительно недалекое, время всѣ лучшіе люди были заражены крайнимъ романтизмомъ. Императоръ Александръ I шелъ впереди всѣхъ по этому пути. Въ этомъ отношеніи наши генералы, администраторы, поэты и романисты того времени являлись людьми одного лагеря. Это былъ въ общемъ продуктъ крѣпостного права: они выросли на государственной нивѣ безъ особенно острыхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, а потому и не обладали той практической цѣпкостью, какая свойственна народамъ Азіи и западной Европы. И это духовное состояніе русскихъ интеллигентныхъ людей того времени являлось первой общей причиной, обусловливавшей неудовлетворительное веденіе государственнаго хозяйства въ Закавказскомъ краѣ.

Мы шли въ далекую, намъ совершенно неизвѣстную Азію, причемъ въ этомъ походѣ безвременно погибли тысячи русскихъ, бодрыхъ духомъ и тѣломъ людей. Но мы шли и не отдавали себѣ яснаго отчета, зачѣмъ мы это дѣлаемъ, для чего намъ понадобилась Азія, и какъ мы предполагаемъ использовать послѣднюю. Точно выработаннаго и строго опредѣленнаго плана этому движенію на югъ, мы не находили въ нашихъ архивахъ, и потому это движеніе и его границы, въ большинствѣ случаевъ, зависѣли отъ личной иниціативы и усмотрѣнія нашихъ генераловъ. Кромѣ того, всѣ эти движенія пріобрѣтали смыслъ чисто стихійный, который не укладывается въ строго опредѣленныя рамки и можетъ быть объясняемъ народной энергіей и свѣжими естественными силами быстро растущаго государственнаго организма. Въ такой періодъ государственнаго роста дѣйствія руководителей, стоящихъ во главѣ народныхъ движеній, новымъ поколѣніямъ кажутся почти безцѣльными или, по крайней мѣрѣ, малопонятными. Часто возбуждается вопросъ, — почему наши генералы не слѣдовали и не слѣдуютъ примѣру англичанъ, нашихъ постоянныхъ противниковъ и соперниковъ въ предѣлахъ Азіи. Англійскій генералъ и администраторъ всегда внимательно прислушиваются къ голосу своего купца-піонера, который освѣщаетъ своими показаніями лежащій впереди путь. Отъ того же купца англійскій государственный человѣкъ знаетъ, чего требуетъ англійскій народъ отъ своего оффиціальнаго представителя. И, дѣлая теоретическую оцѣнку подобнымъ дѣйствіямъ, мы сознаемъ, что англичане поступаютъ прекрасно, но мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ слѣдовать этому отличному при-

мѣру, такъ какъ у англичанъ имѣется ясно опредѣленная цѣль при всѣхъ ихъ движеніяхъ,—имъ нужны матеріальныя выгоды и только,—что исключаетъ возможность со стороны ихъ военачальниковъ и администраторовъ какихъ бы то ни было мысленныхъ блужданій. Наоборотъ, при нашихъ историческихъ движеніяхъ мы говоримъ о матеріальныхъ интересахъ, какъ о чемъ-то побочномъ и совершенно второстепенномъ, а потому наши генералы, не сознавая ясно цѣли этихъ движеній, и при томъ предоставленные самимъ себѣ, въ большинствѣ случаевъ, при углубленіи въ предѣлы Азіи преслѣдуютъ только тѣ цѣли, которыя не котируются на денежной биржѣ. Эта важная особенность нашихъ завоеваній составляла вторую существенную причину нашихъ неудачъ и въ Закавказскомъ краѣ.

Закавказье до 1863 г., по отношенію къ коренной Россіи, было въ полномъ смыслѣ слова отдаленнымъ краемъ, что исключало практическую возможность со стороны центральной государственной власти въ достаточной мѣрѣ руководить дѣйствіями кавказской администраціи и контролировать ходъ того хозяйства, которымъ распоряжалась послѣдняя. При такихъ условіяхъ русскій народъ не могъ принять участія въ этомъ хозяйствѣ, такъ какъ край для послѣдняго оставался интереснымъ незнакомцемъ: наша интеллигенція составляла о немъ представленіе по романамъ Марлинскаго и по безсмертнымъ твореніямъ Пушкина и Лермонтова, которые въ своихъ произведеніяхъ отдали дань тому общему увлеченію краемъ, какое испытываетъ сѣверянинъ, случайно попавшій въ далекія Кавказскія горы. Дѣйствуя совершенно самостоятельно, намѣстники исключительно руководствовались въ своей политикѣ чисто внѣшними побужденіями. Они занимались этимъ дѣломъ съ нѣкоторымъ даже увлеченіемъ, и потому какъ-то совершенно забывали, что ихъ мечты тяжело отзываются на русскомъ, въ сущности бѣдномъ, народѣ. Это была третья и самая важная причина нашихъ неудачъ въ Закавказскомъ краѣ. Отсутствіе строго опредѣленной цѣли завоеваній, отсутствіе контроля со стороны центральной власти за дѣйствіями нашихъ кавказскихъ администраторовъ, въ связи съ ошибочнымъ представленіемъ о естественныхъ богатствахъ края, составляли тѣ общія причины, въ силу которыхъ Закавказье составляло и составляетъ тяжелое бремя для общеимперскихъ податныхъ силъ Россіи.

Съ 12 іюня 1863 г., темное, въ экономическомъ отношеніи, время начало отступать въ область исторіи. Въ этотъ памятный день было открыто прямое телеграфное сообщеніе Петербурга

съ Тифлисомъ, и Кавказъ началъ терять значенie отдаленнаго края, а центральныя власти имперiи получили возможность изо дня въ день слѣдить за всѣми перипетiями жизни въ этомъ, такъ недавно бывшемъ отдаленнымъ краѣ. Телеграфная проволока, если не въ полной, то въ значительной мѣрѣ, упразднила всѣ тѣ резоны, въ силу которыхъ признавалось необходимымъ существованie почти совершенно обособленнаго кавказскаго намѣстничества. За телеграфомъ, въ скоромъ времени, на историческую сцену выступили русскiя желѣзныя дороги, которыя въ семидесятыхъ годахъ соединили въ одно нераздѣльное цѣлое сѣверъ и югъ обширнаго русскаго государства. Къ 1880 году уже была окончена постройкою ростово-владикавказская желѣзная дорога, и пространство между Петербургомъ и Кавказомъ потеряло значенie трудно преодолимой преграды. Въ настоящее время Закавказье составляетъ съ остальной Россiей единое цѣлое, и потому обособлять его тѣмъ или другимъ способомъ нѣтъ ни моральныхъ, ни практическихъ основанiй.

Н. Г. Макiевскiй-Зубокъ.

Баку.

РАЗБИТОЕ СЧАСТЬЕ

ПОВѢСТЬ.

I.

Музыкально-танцовальный вечеръ въ кафе-шантанѣ „Фоли-Бержеръ" въ полномъ разгарѣ.

Огромный залъ для танцевъ и нѣсколько просторныхъ гостиныхъ переполнены самой разнообразной публикой.

Тутъ и молодящіеся старички въ завитыхъ парикахъ, и безусая учащаяся молодежь, франты-приказчики въ ярко-пестрыхъ галстукахъ, офицеры, модистки, горничныя изъ барскихъ домовъ, люди неопредѣленныхъ профессій и неизбѣжныя дамы полусвѣта.

Двѣнадцать часовъ ночи, а публика все еще прибываетъ.

Вотъ изъ уставленной вѣшалками прихожей показались два молодыхъ человѣка. Одинъ—высокій, стройный брюнетъ, лѣтъ девятнадцати, съ тонкими, но уже сильно помятыми чертами лица, другой—лѣтъ на пять постарше, шатэнъ, съ нѣжнымъ, чисто-женскимъ румянцемъ во всю щеку и голубыми, ярко-блестящими глазами.

Брюнетъ шелъ впереди и, судя по низкимъ поклонамъ высыпавшей навстрѣчу прислуги, былъ здѣсь гостемъ частымъ и желаннымъ.

Не обращая вниманія на посѣтителей, шедшихъ сзади, юноша безцеремонно остановился въ дверяхъ и, лѣниво растягивая слова, спросилъ:

— Кабинетъ для меня готовъ?

— Такъ точно, ваше сіятельство!—подобострастно согнулся

предъ нимъ одинъ изъ лакеевъ съ мѣдной цифрой на лацканѣ фрака:—ко мнѣ пожалуйте-съ, въ третій номерокъ!

— Въ третій?!—капризно надулъ губки молодой человѣкъ,—а почему же не въ первый? Я тотъ кабинетъ больше люблю.

— Извините-съ, ваше сіятельство! Въ первомъ номерѣ каминъ поиспортился, такъ тамъ теперь починка.

— А! Ну, это дѣло другое! Въ такомъ случаѣ и въ третьемъ можно вечерокъ провести.

— Прикажете открыть?—суетливо повернулся лакей.

— Нѣтъ, нѣтъ, погоди! Концертъ кончился?

— Никакъ нѣтъ-съ! Второе отдѣленіе только еще началось.

— Не знаешь, Понсэ уже пѣла?

— Сію минуту вышли-съ.

Брюнетъ оживился.

— Константинъ Александровичъ! Идемте, голубчикъ, скорѣе! — окликнулъ онъ своего спутника, брезгливо посматривавшаго по сторонамъ.—Обидно будетъ, если вы не увидите этой артистки. Вотъ, доложу вамъ, женщина: кому угодно, голову вскружитъ. Даже и вамъ, хоть вы и собираетесь въ монахи.

— Съ чего вы взяли, что я собираюсь въ монахи?—слабо улыбнулся окликнутый.

— Ну, въ священники. Не все ли это равно?

— Положимъ, разница громадная. Но знаете ли, что̀ скажу я вамъ, дорогой князь: не будемъ вспоминать ни тѣхъ, ни другихъ! Право, въ такихъ мѣстахъ, какъ здѣшнее, и говорить-то о нихъ неприлично.

— Pardon!—извинился князь:—я и забылъ, что вы совсѣмъ еще „невинный Пруденцій“, какъ называетъ васъ papa. Не станемъ, однако, пускаться въ отвлеченности, а то какъ-разъ прозѣваемъ Понсэ. И будетъ послѣднее горше перваго. Такъ, кажется, у васъ говорится?

Молодые люди быстро зашагали къ концертному залу, откуда слышались музыка и визгливый женскій голосъ, пѣвшій французскую шансонетку.

— Ваши билетики позвольте-съ! — почтительно остановилъ ихъ у входа распорядитель.

— Послѣ, послѣ! — досадливо отмахнулся князь и, взявъ своего спутника подъ-руку, направился въ первый рядъ креселъ.

II.

На крошечной сценѣ, у ярко-освѣщенной рампы, вертѣлась и подпрыгивала сухопарая, не первой молодости француженка, сильно накрашенная и декольтированная.

Подъ аккомпаниментъ небольшого оркестра, она пѣла или, вѣрнѣе, выкрикивала скабрёзную нормандскую пѣсенку, подчеркивая наиболѣе двусмысленныя мѣста соотвѣтственными тѣлодвиженіями.

Замѣтивъ вошедшаго князька, она стрѣльнула въ него подведенными глазками и послала воздушный поцѣлуй.

— Какова?—спросилъ князь Константина Александровича, когда Понсэ, закончивъ „нумеръ", граціозно присѣла и упорхнула за кулисы.

— Какъ вамъ сказать? — отвѣчалъ тотъ, видимо подбирая выраженія:—во-первыхъ, у нея—ни слуха, ни голоса, а во-вторыхъ,—она старше насъ съ вами, я думаю, вдвое.

— Ахъ, Боже мой!—недовольно поморщился князь:—какая у васъ, бурсаковъ, ужасная привычка все дѣлить на рубрики! „Во-первыхъ"!.. „Во-вторыхъ"!.. Словъ нѣтъ: Понсэ—не молода, поетъ, въ смыслѣ музыкальномъ, премерзко, но взгляните вы, ради Бога, сколько въ ней этого чисто французскаго шика, граціи! А еслибъ вы знали, сколько въ ней огня! Она мертваго можетъ оживить.

— Ну, въ этомъ, князь, я плохой судья и спорить не буду. Давайте-ка лучше слушать: судя по приготовленіямъ, намъ предложатъ что-то особенное.

Въ оркестрѣ, дѣйствительно, спѣшно перемѣняли ноты, и юркій, черноволосый капельмейстеръ, склонившись съ высоты своего табурета, сдавленнымъ шопотомъ отдавалъ музыкантамъ какія-то приказанія.

Но, вотъ, онъ наконецъ выпрямился, взмахнулъ жезломъ—и полились нѣжные, ласкающіе звуки Оффенбаховской „Периколы".

При первомъ же ударѣ смычковъ, изъ боковыхъ кулисъ робко вышла молоденькая дѣвушка въ традиціонномъ костюмѣ уличной испанской пѣвицы.

На видъ ей было не болѣе двадцати, двадцати-двухъ лѣтъ. Пышно сложенная, слегка рыжеватая блондинка, съ огромными черными глазами и тонкими чертами лица, она производила чарующее впечатлѣніе своей дѣвственной свѣжестью и рѣдкой, изящной красотой.

Кое-гдѣ зааплодировали.

Дѣвушка конфузливо поклонилась и сдѣлала чуть замѣтный знакъ оркестру.

Капельмейстеръ еще выше поднялъ свою палочку, и небольшой концертный залъ „Фоли-Бержеръ“ наполнился звуками сильнаго, прекрасно обработаннаго голоса:

„О, другъ мой, тебя до могилы
Я буду любить всей душой“,

—пѣла артистка:

„Но, право же, больше нѣтъ силы
Бороться всю жизнь съ нищетой“.

— Кто это?—спросилъ тихо князя Константинъ Александровичъ.

Тотъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Ей-Богу, не знаю, совсѣмъ новенькая. Должно быть, на дняхъ приглашена.

А полная грусти пѣснь Периколы развивалась и крѣпла. Въ мастерской передачѣ неизвѣстной пѣвицы ясно слышались и безысходная тоска о покинутомъ другѣ, и страстная любовь, и тяжкій, все побѣждающій голодъ...

Раздались, наконецъ, заключительные аккорды:

„Навѣки твоя Перикола,
Навѣки твоя всей душой!“...

—не пропѣла, а скорѣе прорыдала артистка, и маленькій театрикъ, буквально, задрожалъ отъ рукоплесканій.

Болѣе всѣхъ неистовствовалъ на этотъ разъ Константинъ Александровичъ.

— Бисъ! браво! бисъ!—кричалъ онъ.

— Послушайте, дорогой мой! — остановилъ его князь: — вы положительно меня оглушили. Позвольте немножко напомнить вамъ объ Александрѣ Македонскомъ и стульяхъ.

— Ахъ, князь! Да вѣдь это такой талантъ...—началъ-было оправдываться молодой человѣкъ, но въ это время вновь заигралъ оркестръ, и онъ замолкъ на полусловѣ.

Уступая настойчивымъ требованіямъ публики, молодая дѣвушка запѣла русскую пѣсню.

Большой любитель этого рода музыки, Константинъ Александровичъ весь обратился въ слухъ.

„Вдоль по улицѣ метелица мететъ,
За метелицей мой миленькій идетъ“,

—послышались нѣжные переливы простой, безыскусственной мелодіи, и въ конецъ очарованному Константину Александровичу ка-

залось, что онъ не выдержитъ и вмѣстѣ съ этимъ добрымъ молодцемъ крикнетъ:

„Ты постой, постой, красавица моя!
Дай мнѣ, радость, наглядѣться на тебя!"

Пѣсня кончилась. Послышались опять бурные апплодисменты и бисы. Пѣвица, однако, наотрѣзъ отказалась пѣть, и на смѣну ей вышелъ разсказчикъ въ лаптяхъ и посконной рубахѣ.

— Пойдемте въ кабинетъ!—шепнулъ князекъ товарищу, поднимаясь съ мѣста.—Довольно съ насъ этой дребедени. Надоѣло!

У входа ихъ опять встрѣтилъ распорядитель.

— Ваше сіятельство!—сказалъ онъ:—мадамъ Понсэ просила передать, что она ждетъ васъ въ вашемъ кабинетѣ.

— И прекрасно! А скажите-ка, любезнѣйшій, что это у васъ за новенькая пѣвичка?

— А это, ваше сіятельство, госпожа Панина. Третьяго дня только приглашена. Въ консерваторіи-съ училась.

— Да?! Ну, попросите къ намъ и ее! Мой товарищъ хочетъ съ ней познакомиться.

— Что вы, князь? — испуганно дернулъ его за руку Константинъ Александровичъ: — вѣдь это же дерзость!

Тотъ засмѣялся.

— Э, милый другъ! сразу видно, что вы здѣсь въ первый разъ. Развѣ вы не знаете, что во всѣхъ кафе-шантанахъ артистки обязаны контрактомъ не отказываться отъ приглашеній выпить или поужинать?

— Фу, какая гадость!

— Гадость-то, гадость, но довольно пріятная. Не будь, напримѣръ, ея, вы и не могли бы познакомиться съ госпожей Паниной, которая такъ васъ плѣнила.

— Полно выдумывать, князь! Откуда вы это взяли?

— Э, дорогой! Неужели я не вижу? Вы были моимъ наставникомъ въ математикѣ, исторіи, въ русскомъ языкѣ, а ужъ въ „наукѣ страсти нѣжной" я, простите, болѣе васъ свѣдущъ.

— Ну, и что же?

— А то, что я отлично замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвела на васъ эта блондиночка, по правдѣ сказать, дѣйствительно, интересная, хоть и не въ моемъ вкусѣ.

— Ну, довольно, довольно, князь! Будетъ вамъ сочинять небылицы!

— Небылицы?! А хотите пари, что это правда?

— Ничего я не хочу. Перестанемъ объ этомъ говорить, и ведите меня въ кабинетъ!

Князь молча поклонился и лѣнивой походкой направился по длинному, полутемному корридору, въ концѣ котораго виднѣлась огромная бѣлая дверь съ черной металлической цифрой „3“ по срединѣ.

III.

Кабинетъ „№ 3“ представлялъ собой обширную, квадратную комнату съ темнозеленой бархатной мебелью и такими же занавѣсами на дверяхъ и окнахъ.

Въ одномъ углу стояло довольно приличное піанино, въ другомъ—низенькая плюшевая оттоманка, совершенно скрытая широколиственными латаніями и кентіями. Междуоконные простѣнки заняты были громадными зеркалами въ золоченыхъ рамахъ, сплошь исчерченными бриллiантовыми перстнями богатыхъ шалопаевъ. Со стѣнъ и потолка свѣтили причудливой формы электрическія лампочки въ роскошной бронзовой отдѣлкѣ. По срединѣ кабинета красовался огромный обѣденный столъ, накрытый бѣлоснѣжной скатертью и заставленный всевозможными закусками, винами, фруктами и цвѣтами въ вазахъ. Кругомъ него стояли тяжелые дубовые стулья съ высокими рѣзными спинками.

Когда князь съ Константиномъ Александровичемъ вошли въ кабинетъ, у стола уже сидѣла мадамъ Понсэ, въ черномъ шолковомъ платьѣ, съ пунцовой розой на груди.

Князь подвелъ къ ней своего товарища и, шутовски расшаркавшись, произнесъ:

— Madame, j'ai l'honneur de vous présenter mon ami et maître. Константинъ Александровичъ Покровскій.

И прежде чѣмъ француженка успѣла что-либо отвѣтить, онъ быстро схватилъ ее за талію и звонко поцѣловалъ въ накрашенныя губы.

— Calmez-vous, polisson! —отстранилась та и кокетливо ударила его по подбородку.

Потомъ протянула руку Покровскому и, жеманясь и играя глазами, сказала:

— Monsieur, je suis heureuse de faire votre connaissance.

— Ну, Адель, ты лучше говори съ нимъ по-русски,—остановилъ ее князь.

— Mais потшему? — удивилась Понсэ, страшно коверкая русскія слова и мѣшая ихъ съ французскими:—развѣ monsieur не понимаетъ français?

— Какъ не понимать! Онъ, душа моя, такія книги читалъ на твоемъ діалектѣ, о которыхъ ты, я думаю, и не слыхивала. А объясняться, все-таки, не можетъ.

— Mais pourquoi? mais pourquoi? — приставала пѣвичка.

— Ахъ, Боже мой! да не все ли тебѣ равно? Давай-ка лучше пить! — оборвалъ ее князекъ, и сталъ разсматривать бутылки.

Черезъ минуту онъ вынулъ длинную зеленоватую бутылочку съ иностранной этикеткой и налилъ двѣ большихъ рюмки, себѣ и Адели.

— А вамъ, Константинъ Александровичъ, что позволите предложить? — обратился онъ къ Покровскому.

— Вы вѣдь знаете, князь, что я не пью ничего! — уклонился молодой человѣкъ.

— Знаю, знаю, дорогой мой! Но вѣдь и вы знаете, какой для меня сегодня день. Благодаря вашей помощи, я выдержалъ наконецъ экзаменъ, на которомъ дважды проваливался. Не откажитесь же выпить за нашъ общій успѣхъ! Иначе вы меня кровно обидите.

— Ну, хорошо, извольте! Налейте мнѣ полстакана краснаго вина!

Князь наполнилъ небольшой стаканчикъ лафитомъ и осторожно подвинулъ его къ Покровскому. Потомъ высоко поднялъ свою рюмку и торжественно произнесъ:

— Пью здоровье моего наставника и друга! Адель, пей!

— Qu'est-ce que c'est que ça? — спросила француженка.

— C'est de l'absinthe.

— Oh, je ne puis pas boire ça.

— Адель, не лги!

— Parole d'honneur!.

— Адель! прошу тебя, не корчи невинность! Какъ ни неопытенъ мой другъ, но онъ все-таки тебѣ не повѣритъ.

Понсэ съ обиженнымъ видомъ взяла рюмку за ножку, посмотрѣла на свѣтъ и разомъ опрокинула въ ротъ.

— Вотъ это ловко! — засмѣялся князь, и хлопнулъ ее по плечу.

Онъ медленно, чуть не по каплямъ, выпилъ свой бокалъ, потомъ, не спѣша, выбралъ ломтикъ бѣлаго хлѣба, намазалъ икрой и принялся лѣниво жевать.

— Константинъ Александровичъ! Закусите же, пожалуйста, что-нибудь! — предложилъ онъ Покровскому, уныло сидѣвшему надъ своимъ стаканомъ.

— Благодарю,—отвѣчалъ тотъ:—мы съ вами такъ недавно обѣдали, что, право, еще не хочется ѣсть.

— Помилуйте! какъ недавно? Ужъ шесть часовъ прошло.

— И все-таки у меня ни малѣйшаго аппетита.

— Ну, въ этомъ, я думаю, больше mademoiselle Панина виновата.

Француженка насторожилась.

— Panine? Quelle Panine? La nôtre?

— Разумѣется, ваша. Совсѣмъ очаровала Константина Александровича.

Понсэ сдѣлала презрительную гримаску.

— Тебѣ она не нравится? — усмѣхнулся князь, незамѣтно подмигивая товарищу.

— Oui, молода, свѣжа, но нѣтъ этого... du chic, — прищелкнула она пальцами, — и съ мужчинами холодна.

— Слышите, Константинъ Александровичъ? Это вѣдь, пожалуй, вамъ не на руку?

— Полноте, князь!—началъ-было возражать Покровскій, но въ это время раздался легкій стукъ, и въ дверяхъ кабинета показалась сама молодая пѣвичка.

Панина шла, замѣтно конфузясь.

Ея скромная фигурка дышала такой невинностью и дѣвственной чистотой, что даже развязный князекъ подобрался, и сталъ сдержаннѣе.

Онъ встрѣтилъ гостью съ самой изысканной вѣжливостью, какъ даму своего великосвѣтскаго круга.

— Позвольте представиться,—сказалъ онъ, почтительно наклоняя голову: — князь Маметъ-Чильдѣевъ, Вячеславъ Васильевичъ; Покровскій, Константинъ Александровичъ. Съ мадамъ Понсэ вы, вѣроятно, уже знакомы.

Дѣвушка молча протянула всѣмъ руку.

— Мы очень благодарны вамъ, mademoiselle, за любезное согласіе провести съ нами вечерокъ,—продолжалъ князь;—будьте же, пожалуйста, какъ дома! Нашъ девизъ—не стѣснять другъ друга.

— Ваше сіятельство!—перебилъ Чильдѣева вошедшій лакей:—рожечники просятъ позволенія сыграть вамъ пѣсенку.

— Зови!—махнулъ рукой князекъ:—да скажи распорядителю, чтобы за цыганами послалъ. Сегодня я кучу.

IV.

Начался, дѣйствительно, безшабашный кутежъ.

Въ кабинетъ мало-по-малу натискалась масса народа.

Пришли рожечники въ пестрядинныхъ рубашкахъ, съ длинными берестовыми трубами въ рукахъ, дамскій оркестръ въ бальныхъ платьяхъ сомнительной чистоты, „русскія“ хористки изъ Риги, гармонисты, разсказчики, танцоры и, по обычаю, никому неизвѣстныя лица изъ прогорѣвшей золотой молодежи.

Все это пѣло, плясало, играло и въ то же время жадно поглощало кушанья и напитки, предусмотрительно заготовленные прислугой на отдѣльномъ „актерскомъ“ столѣ.

Непривычный къ подобнымъ оргіямъ, Константинъ Александровичъ понуро сидѣлъ въ концѣ стола и никакъ не могъ понять, какое удовольствіе можно находить въ этомъ пьяномъ шумѣ и гамѣ, въ этихъ недвусмысленныхъ пѣсняхъ, въ этомъ цинично-откровенномъ канканѣ.

При всякой черезчуръ вольной выходкѣ лицо его заливалось краской стыда, и онъ виновато взглядывалъ на помѣщавшуюся насупротивъ его Панину, какъ бы прося у нея извиненія.

Молодая дѣвушка сидѣла тоже какъ на иголкахъ. При плоскихъ шуточкахъ товарищей она не краснѣла, но чудные черные глаза ея наполнялись слезами, и она съ большими усиліями удерживалась отъ рыданій.

Покровскій отлично видѣлъ все это, и ему до боли было жаль эту чистую, скромную дѣвушку.

„Бѣдное, несчастное существо!—думалъ онъ:—что занесло тебя на службу въ этотъ ужасный вертепъ?“

Ему хотѣлось подойти къ ней поближе, разспросить ее, поговорить съ ней по душѣ, но природная робость и непривычка къ женскому обществу сковывали его по рукамъ и по ногамъ. Нѣсколько разъ онъ уже поднимался со стула, открывалъ ротъ, но чрезъ мгновенье опять опускался на мѣсто, не сказавъ ничего.

А пирушка шла своимъ чередомъ.

Послѣ ужина, обильно политаго шампанскимъ и ликерами, явились наконецъ и цыгане.

Неслышно ступая мягкими подошвами, они прошли въ уголокъ къ піанино и построились полукругомъ. Женщины сѣли впереди на стульяхъ, мужчины стали сзади.

Послышалось слабое треньканье настроиваемыхъ гитаръ. По-

томъ на минуту все стихло, и, по знаку толстаго цыгана-дирижера, въ обшитомъ позументами кафтанѣ, полились мелодичные звуки стариннаго „Цыганскаго вальса"...

Не успѣли смолкнуть послѣдніе аккорды вальса, какъ на средину кабинета выпорхнула стройная, молодая цыганка, въ красной шолковой шали черезъ плечо, и, взвизгивая и подергивая всѣмъ тѣломъ, исполнила бойкую, но безсмысленную „акадяку".

Пѣвицу опять смѣнилъ хоръ. Раздалась классическая „Береза", въ концѣ которой два маленькихъ цыганенка пустились въ неистовый плясъ.

Когда затихли рукоплесканія, вызванныя пляской молодыхъ „фараоновъ", выступилъ пожилой, плѣшивый цыганъ и, подъ аккомпаниментъ гитаръ, запѣлъ одинъ изъ безсмертныхъ Варламовскихъ романсовъ.

Видимо скучавшій Константинъ Александровичъ мгновенно оживился. Онъ зналъ и любилъ эту вещицу и всегда готовъ былъ спѣть ее или послушать.

Къ несчастію, пьеса оказалась не по силамъ пѣвца.

Его голосъ, когда-то сильный и красивый, давно уже утратилъ половину своихъ качествъ, и теперь ему приходилось поминутно прибѣгать къ „фистулѣ".

Это страшно коробило Покровскаго, и онъ потихоньку сталъ помогать цыгану.

Сначала онъ подпѣвалъ вполголоса, потомъ, увлекаясь, сталъ пѣть громче и громче и закончилъ романсъ уже полнымъ голосомъ.

— Эге!—вскричалъ князь:—да у васъ, Константинъ Александровичъ, открывается еще одинъ талантъ. Вотъ ужъ никогда не предполагалъ, что вы такой мастеръ пѣть романсы. Сдѣлайте же намъ удовольствіе, спойте еще что-нибудь!

— Что вы, князь, помилуйте! какой я пѣвецъ?—сконфуженно залепеталъ молодой человѣкъ.—Здѣсь есть настоящіе артисты. Вы лучше ихъ попросите.

И онъ указалъ рукой на Панину и Понсэ.

— Ну, онѣ, я думаю, и сами не прочь васъ послушать. Не правда ли, mesdames?

— Oui, oui,—томно протянула француженка, закатывая глазки:—monsieur chante à ravir.

— Слышите? Критика отзывается о васъ одобрительно,—усмѣхнулся Чильдѣевъ.—Доставьте же ей еще маленькое удовольствіе!

— Въ самомъ дѣлѣ, Константинъ Александровичъ, если васъ не затруднитъ, спойте еще что-нибудь!—просто сказала Панина.

— Но что же вамъ спѣть?—развелъ руками Покровскій.— Репертуаръ у меня маленькій и не новый.

— Выберите сами! Мы полагаемся на вашъ вкусъ.

Покровскій молча поклонился, взялъ у ближайшаго цыгана гитару, попробовалъ ея строй и слегка призадумался.

Черезъ минуту онъ энергично встряхнулъ головой и, тихо перебирая струны, запѣлъ высокимъ, звучнымъ тѣноромъ одинъ изъ мелодичнѣйшихъ романсовъ Соколова:

„Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря:
Оно къ землѣ воротится, любя.
Не вѣрь, мой другъ, когда въ избыткѣ горя
Я говорю, что разлюбилъ тебя“.

Съ первыхъ же нотъ всѣмъ стало ясно, что Константинъ Александровичъ знатокъ и мастеръ своего дѣла.

Онъ пѣлъ съ большимъ чувствомъ и, какъ истинный художникъ, заставлялъ и слушателей раздѣлять его чувства.

Когда онъ кончилъ, Маметъ-Чильдѣевъ сидѣлъ пригорюнившись на краю оттоманки, а на длинныхъ рѣсницахъ Паниной искрились двѣ крупныя слезинки.

Нѣкоторое время всѣ молчали. Потомъ князекъ всталъ, провелъ рукою по лицу, какъ бы отгоняя страшный сонъ, и, подойдя къ Покровскому, сказалъ:

— Эхъ, Константинъ Александровичъ, Константинъ Александровичъ! Не въ священники бы вамъ идти, а на сцену.

— Какъ въ священники? Развѣ вы изъ духовныхъ?—живо спросила Панина.

— Да, я кандидатъ духовной академіи,—отвѣчалъ Покровскій.—А по рожденію—сынъ сельскаго дьячка.

— Ахъ, какъ это пріятно!—весело вскричала дѣвушка.— Я вѣдь тоже изъ вашей среды: мой отецъ былъ здѣсь въ городѣ священникомъ. Позвольте же познакомиться съ вами по настоящему! Мое имя—Вѣра Васильевна Смирнова. Я по театру только Панина.

Константинъ Александровичъ крѣпко пожалъ протянутую ему ручку, и молодые люди разговорились.

Черезъ полчаса Покровскій зналъ уже всю невеселую исторію своей новой знакомой.

V.

Вѣра Васильевна была пріемною дочерью отца Василія Смирнова, бывшаго священникомъ при одной изъ богатѣйшихъ городскихъ церквей.

Своихъ настоящихъ родителей она не знала. Ей не было еще недѣли, когда ее подкинули престарѣлому, бездѣтному Смирнову.

Дѣтство и юность Вѣрочки были годами неизмѣннаго, безпрерывнаго счастья.

Старики Смирновы горячо привязались къ своей воспитанницѣ и, какъ говорится, души въ ней не чаяли.

Проживъ лѣтъ сорокъ въ полномъ мирѣ и согласіи, они въ послѣднее время стали даже ссориться „изъ-за Вѣруньки“.

Впрочемъ, ссоры ихъ носили характеръ довольно миролюбивый.

Начнетъ, бывало, отецъ Василій подтрунивать надъ своей названной дочкой.

Шутитъ онъ добродушно, беззлобно, но дѣвочкѣ покажется въ его словахъ что-нибудь обиднымъ, и она начнетъ надувать губки.

— Ну, что ты къ ней присталъ?—выступаетъ тогда на ея защиту Надежда Ѳедоровна:—нашелъ тоже, надъ кѣмъ смѣяться: надъ младенцемъ!

— Да вѣдь я, маточка, такъ просто, въ шутку,—оправдывается старикъ, и размолвка прекращается.

Зато въ другой разъ доставалось и матушкѣ.

Воспитанная по-старинному, Надежда Ѳедоровна не любила, чтобы „дитя безъ дѣла болталось“.

— Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку“,—говаривала она:—научишься въ пеленкахъ баклуши бить и всю жизнь лѣнтяемъ будешь.

Поэтому она стала пріучать Вѣрочку чуть-ли не съ пяти лѣтъ шить и вязать.

Конечно, уроки ея были очень непродолжительны, но изрѣдка, когда дѣвочка не могла, напримѣръ, сразу понять, какъ „запускать пятку“ или дѣлать „двойной шовъ“, они и затягивались на полчаса и болѣе.

Увидѣвъ это, отецъ Василій вскакивалъ обыкновенно со своего мѣста и съ сердцемъ говорилъ женѣ:

— Скоро ты оставишь ее мучить? Что тебѣ чулки что-ли нужны? Тогда пошли лучше въ магазинъ.

— Ну, ладно, ладно! Не суйся не въ свое дѣло!—отвѣчала матушка и отпускала дѣвочку гулять.

Когда дѣвочкѣ исполнилось шесть лѣтъ, Смирновы, посовѣтовавшись между собою, взяли къ ней француженку-гувернантку.

— Отецъ Василій, должно быть, хочетъ изъ своей Вѣрки принцессу сдѣлать,—подсмѣивались надъ старикомъ сослуживцы, воспитывавшіе своихъ дочерей въ дешевенькихъ епархіальныхъ училищахъ.

„Ладно, смѣйтесь!—мысленно возражалъ имъ Смирновъ:—вы-то можете своихъ дочекъ и совсѣмъ ничему не учить: задумаете сдать мѣсто зятю, такъ отъ жениховъ отбою не будетъ. Ну, а я своей Вѣрунѣ мужа покупать не желаю“.

Девяти лѣтъ Вѣрочку отдали въ гимназію.

Дѣвочка оказалась очень способной и по всѣмъ предметамъ училась прекрасно.

Но особенно усердно занималась она музыкой.

Уроки пѣнія или игры на роялѣ были для нея праздникомъ.

И дома, исполнивъ заданныя работы, она тотчасъ же бѣжала къ старенькому фортепіано, приданому Надежды Ѳедоровны, и просиживала за нимъ цѣлые часы.

Года за два до окончанія курса, у Вѣрочки стали обнаруживаться задатки чуднаго голоса.

— Вы, батюшка, обратите вниманіе на вашу дочку,—говорилъ ему гимназическій регентъ и учитель пѣнія, тоже изъ бывшихъ семинаристовъ:—у нея въ горлѣ золотыя горы сидятъ.

Отецъ Василій отнесся къ этимъ словамъ съ полнымъ вниманіемъ, и когда Вѣрочка сдала выпускные экзамены въ гимназіи и получила золотую медаль, самъ предложилъ ей поступить въ консерваторію.

Молодая дѣвушка страшно обрадовалась: это была ея завѣтная мечта.

Консерваторскіе годы были для Вѣрочки рядомъ сплошныхъ тріумфовъ.

Подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ ея талантъ быстро росъ и развивался, и чуть ли не чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на нее уже смотрѣли какъ на восходящую „звѣзду“.

Все обѣщало Вѣрочкѣ широкую и блестящую будущность, какъ вдругъ произошло одно событіе, которое сразу перевернуло вверхъ дномъ всѣ ея планы и надежды.

VI.

Церковь, при которой служилъ отецъ Василій Смирновъ, была очень величественной и богатой архитектуры.

Драгоцѣннѣйшій мраморъ, порфиръ, золото и бронза украшали ее внутри; рѣдчайшій черный гранитъ, дорогіе разноцвѣтные кирпичи и художественное, ручной ковки желѣзо составляли внѣшнюю отдѣлку.

Изящный храмъ увѣнчивался пятью громадными куполами, покрытыми густо-раззолоченной мѣдью.

Яркая, блестящая крыша мало соотвѣтствовала строгому, выдержанному стилю зданія и, по преданію, была одною изъ причудъ мѣстнаго прихожанина-милліонера.

Этотъ богатый самодуръ, выигравъ однажды въ клубѣ около двадцати тысячъ червонцевъ, распорядился употребить ихъ на позолоту крыши своего приходскаго храма.

Было это лѣтъ шестьдесятъ назадъ.

Самодуръ вскорѣ умеръ, а крыша, постоявъ года четыре, стала тускнѣть, ржавѣть, и приняла наконецъ очень непривлекательный видъ.

Новаго охотника истратить цѣлое состояніе на приданіе блеска кровлѣ не находилось. Волей-неволей пришлось принять ремонтъ на счетъ церкви, и съ тѣхъ поръ каждыя десять лѣтъ „на возобновленіе позолоты“ тратились внушительныя суммы.

Къ этому расходу всѣ уже давно привыкли и считали его чѣмъ-то неизбѣжнымъ и необходимымъ.

Поэтому всѣ были крайне поражены, когда, при обсужденіи послѣдняго ремонта, отецъ Василій высказалъ мысль, что лучше бы на эти деньги воспитывать сотню-другую сиротъ, чѣмъ тратить ихъ такъ непроизводительно.

Настоятель—низенькій, шарообразный протоіерей, съ золотымъ магистерскимъ крестомъ,—мнившій себя великимъ археологомъ, возразилъ на это, что храмы должны возобновляться безъ измѣненій, „дабы могли сохранить характеръ своей эпохи“.

Длинный и тощій протодіаконъ громоподобнымъ басомъ „почтительно доложилъ“, что „благолѣпіе располагаетъ сердца“.

А церковный староста, статскій совѣтникъ „по благотворительности“, привелъ даже евангельскій текстъ насчетъ того, что „нищія всегда имате съ собою, Мене же не всегда имате“.

Остальные члены причта поддакнули, и крыша вновь была раззолочена.

Но тутъ произошло нѣчто удивительное: не успѣли снять „лѣса“, какъ на куполахъ уже появились характерныя ржавыя пятна, и мѣсяца черезъ два все снова потемнѣло.

Заговорили сначала шопотомъ, а потомъ громче и громче, о низкой пробѣ золота, о стачкѣ старосты съ подрядчикомъ, о недостаточномъ надзорѣ со стороны настоятеля.

Молва достигла наконецъ до ушей архіерея, и тотъ предписалъ консисторіи „произвести строжайшее слѣдствіе“.

Чиновникъ пробирной палатки залѣзъ на крышу, поскоблилъ остатки позолоты и далъ заключеніе, что золото употреблялось ниже тридцать-второй пробы, а на мѣстахъ наиболѣе возвышенныхъ его даже и вовсе не было, а былъ такъ-называемый „двойникъ“ или „поталь“.

Тогда взялись за подрядчика.

Спасая свою шкуру, послѣдній представилъ письмо старосты, которымъ тотъ за крупную „скидку“ разрѣшалъ золотить „чѣмъ угодно“.

Оставалось привлечь къ отвѣтственности старосту.

Но, чувствуя, что дѣла принимаютъ оборотъ очень скверный, и не желая знакомиться съ краями отдаленными, „благотворительный генералъ“ благоразумно скрылся куда-то, а домъ и прочія его недвижимости и капиталы оказались давно уже принадлежащими „законной супругѣ“.

Отдѣлываться за все пришлось однимъ членамъ причта.

Консисторія возложила на нихъ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ церковью, и объявила всѣмъ строгій выговоръ за нерадѣніе къ дѣламъ церковнымъ, „съ занесеніемъ онаго въ послужные списки виновныхъ“.

На долю отца Василья приходилось заплатить около восьми тысячъ.

Старикъ хоть и получалъ хорошее содержаніе, но не имѣлъ въ рукахъ такихъ денегъ.

Онъ и самъ жилъ не скупо, да кромѣ того около него постоянно кормилась куча разныхъ „родственниковъ“, и изъ крупныхъ ежегодныхъ доходовъ онъ, за сорокъ лѣтъ службы, еле-еле скопилъ шесть тысченокъ.

Чтобы покрыть недостающую сумму, онъ продалъ всѣ свои шолковыя рясы, шубу, квартирную обстановку, кое-у-кого призанялъ и безропотно отнесъ толстую пачку кредитокъ новому церковному старостѣ.

Потеря послѣднихъ крохъ отозвалась, однако, на отцѣ Васильѣ очень тяжело.

Эти деньги давали ему возможность не бояться „чернаго дня“. Онъ зналъ, что въ трудную минуту у него всегда найдется нѣсколько десятковъ рублей, и это придавало ему силы смѣло дѣлать свое дѣло, не заглядывая боязливо впередъ.

Лишившись этой увѣренности на склонѣ дней, когда сколотить новый капиталецъ не представлялось уже возможнымъ, а нужда въ немъ могла явиться съ минуты на минуту, отецъ Василій сильно загрустилъ.

Но еще болѣе удручающимъ образомъ подѣйствовалъ на него консисторскій выговоръ.

Старикъ былъ нечестолюбивъ и не гнался за наградами.

Онъ гордился единственно лишь тѣмъ, что за всю продолжительную службу на его честномъ имени не было ни малѣйшаго пятна.

— Съ этой стороны я чище солнца,—шутилъ отецъ Василій:—на томъ все-таки пятнышки есть.

И вдругъ, ужъ на краю могилы, его ошельмовали!

Горько было старику! Онъ сталъ задумываться, какъ-то сразу опустился, одряхлѣлъ, и мѣсяца черезъ два тихо отдалъ Богу душу.

Рыхлая, сырая Надежда Ѳедоровна не перенесла всѣхъ этихъ несчастій.

Воротясь съ похоронъ своего „дѣдки“, она начала готовиться къ переѣзду на другую квартиру—и вдругъ упала, какъ подкошенная.

Съ большими усиліями ее привели въ чувство, но она потеряла способность владѣть ногами и съ трудомъ могла говорить.

Ее разбилъ параличъ.

Вѣрочкѣ пришлось оставить свои занятія въ консерваторіи и искать себѣ кусокъ хлѣба.

Сначала ей дали мѣсто въ оперномъ хорѣ.

Въ одиннадцать часовъ утра молодая дѣвушка уходила на репетицію, въ четыре возвращалась домой и, наскоро перекусивъ, спѣшила къ спектаклю, который оканчивался въ двѣнадцать, часъ ночи.

За все это ей платили пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Прожить на такую сумму съ больной старухой-матерью было невозможно, и Вѣрочка была очень обрадована, когда къ ней подошелъ однажды щеголеватый театральный агентъ Пляссъ, всегда вертѣвшійся за кулисами, и предложилъ мѣсто пѣвицы въ кафе-шантанѣ „Фоли-Бержеръ“.

Двѣсти рублей мѣсячнаго жалованья, отсутствіе репетицій и два свободныхъ дня въ недѣлю соблазнили молоденькую консерваторку, и она, не задумываясь, подписала контрактъ, которымъ, между прочимъ, обязывалась „посѣщать кабинеты по приглашенію гостей“.

— Я никакъ не предполагала, что это такъ тяжело,—глубоко вздохнувъ, сказала она Покровскому.—Вы, вотъ, съ княземъ—спасибо!—отнеслись ко мнѣ снисходительно. А вчера пріѣхалъ сюда съ компаніей какой-то инженеръ, толстый, противный, грязный. Пригласили меня и стали угощать коньякомъ и ликерами. Я, конечно, отказалась. Они принялись шумѣть, потребовали хозяина. Тотъ, низко кланяясь, началъ извиняться, что я еще новенькая, не успѣла осмотрѣться, и просилъ на этотъ разъ отпустить. А когда мы вышли за дверь, онъ сердито посмотрѣлъ на меня и грубо сказалъ, чтобы я „не ломалась“, если не хочу „вылетѣть“. Можете себѣ представить, какъ я возмутилась! Не будь на моихъ рукахъ бѣдной больной мамы, я больше не заглянула бы сюда. Но ради этой несчастной старушки я все должна стерпѣть. И кто знаетъ, какія еще униженія ждутъ меня здѣсь?!

„Вотъ она, оборотная сторона медали, — подумалъ Покровскій, и ему стало не по себѣ. — Вонъ, скорѣе вонъ изъ этого ужаснаго вертепа, гдѣ богатый, пьяный развратъ покупаетъ себѣ любовь и веселье, гдѣ за деньги оскверняются лучшія чувства души!“

Онъ быстро всталъ и подошелъ къ Чильдѣеву, сидѣвшему на низенькомъ пуфѣ у ногъ Понсэ.

— Князь, простите! Уже четыре часа! Я долженъ ѣхать: у меня завтра утромъ урокъ.

— Какъ, дорогой мой?! А развѣ мы не заѣдемъ еще куданибудь? — взглянулъ на него Чильдѣевъ помутнѣвшими глазками.

— Извините, не могу. Въ другой разъ когда-нибудь.

— Въ такомъ случаѣ и я сейчасъ уѣду къ Адели. Эй, кто тамъ? Подать мнѣ счетъ!

Князь вынулъ туго набитый бумажникъ и началъ одѣлять жадно бросившихся къ нему „артистовъ“.

Увидѣвъ новенькую сторублевку, Понсэ ловко выхватила ее изъ рукъ князя и спрятала за корсажъ.

— C'est à moi,—томно произнесла она.

Маметъ-Чильдѣевъ усмѣхнулся и крѣпко щипнулъ ее за шею.

Простившись съ княземъ, Вѣра Васильевна вышла вмѣстѣ съ Покровскимъ.

— Вамъ куда?—спросилъ ее Константинъ Александровичъ, останавливаясь на подъѣздѣ.

Молодая дѣвушка назвала одну изъ отдаленныхъ улицъ.

— А мнѣ рядомъ. Позвольте же васъ подвезти!

Покровскій крикнулъ извозчика и, усадивъ спутницу, крѣпко обнялъ ее за талію.

Они ѣхали молча, изрѣдка перебрасываясь незначительными фразами.

Минутъ черезъ двадцать, Смирнова попросила спустить ее у скромнаго одноэтажнаго домика.

— Вотъ и наша квартира,—указала она на четыре небольшихъ окна, въ которыхъ слабо мерцалъ свѣтъ лампады:—можетъ быть, соберетесь когда заглянуть къ намъ? Милости просимъ! Насъ теперь почти никто не посѣщаетъ, и мама будетъ очень рада свѣжему человѣку. А я по средамъ и субботамъ всегда дома.

— Почту за счастіе,—отвѣчалъ Константинъ Александровичъ, вѣжливо приподнимая шляпу.

Вѣрочка радостно улыбнулась, кивнула головкой и скрылась за потемнѣвшей отъ времени дверью.

VII.

Въ первую же субботу, часовъ около семи вечера, Покровскій позвонилъ въ квартиру Смирновыхъ.

Ему открыла хорошенькая горничная, просто, но опрятно одѣтая.

— Вѣру Васильевну можно видѣть?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Барышня у всенощной, — отвѣчала дѣвушка:—потрудитесь обождать; онѣ сейчасъ придутъ.

Снявъ съ гостя пальто, она провела его въ небольшую комнату, скромно обставленную.

Это было что-то среднее между столовой и гостиной.

Когда Покровскій вошелъ въ комнату, на столѣ уже кипѣлъ крошечный ярко-вычищенный самоваръ, стояла корзиночка съ печеньемъ, сахарница и два чайныхъ прибора.

У самовара сидѣла въ высокомъ креслѣ съ колесами пухленькая старушка, съ сѣдой, трясущейся головой...

— Надежда Өедоровна! къ вамъ гость! — доложила горничная.

Старушка вздрогнула и торопливо стала оправлять накинутую на плечи косыночку.

— Простите! я — безногая калѣка и встрѣтить васъ не могу,—довольно невнятнымъ голосомъ сказала она.

— Помилуйте! Да это совсѣмъ и не нужно, — поспѣшилъ успокоить ее молодой человѣкъ, почтительно цѣлуя ея сморщенную ручку.

— Вы, вѣроятно, Константинъ Александровичъ Покровскій?—спросила старушка, внимательно оглядывая гостя.

— Да, я – Покровскій.

— Очень рада познакомиться съ вами. Вѣруня столько мнѣ о васъ наговорила, что я просто съ нетерпѣніемъ ожидала вашего прихода.

— Вѣра Васильевна очень снисходительна...

— Ну, не скажите! Вѣрунька — дѣвочка чистосердечная, льстить не умѣетъ. Вся въ покойнаго моего „дѣдку". Тотъ, бывало, тоже никогда не покривитъ душой. Помню, разъ вызвали его къ преосвященному. Владыка былъ человѣкъ негордый, ласковый, и съ тѣми, кто былъ ему по душѣ, любилъ поговорить попросту. „Дѣдку" моего онъ очень уважалъ и звалъ всегда „хрустальнымъ старцемъ". Вотъ разговорился онъ съ нимъ и спрашиваетъ: „А что, хрустальный старецъ, каковъ нашъ новый секретарь консисторскій?" А „дѣдка" ему—ни гугу. Что жъ ты,—говоритъ, молчишь?—Боишься, что-ли?" А старикъ мой ему и отвѣчаетъ: — „Что мнѣ сказать-то, владыка? Бранить людей не люблю, а хвалить не за что".—Такъ прямо и отпалилъ. Вотъ онъ былъ какой, „дѣдка"-то мой!

— И Вѣра Васильевна—говорите—очень похожа характеромъ на своего нареченнаго папашу?

— Какъ двѣ капли воды. Покойничекъ такъ ее и воспитывалъ. „Тѣло,—скажетъ,—не мое, а душу всю свою въ нее вложу". И, дѣйствительно, добился своего: вся-то, вся она въ него, моего голубчика. И правдивая такая же, и до другихъ жалостливая да ласковая, а о себѣ незаботливая, такъ просто до ужасти! Кажется, замѣть она, что кому-нибудь ея жизнь надобна,—сейчасъ отдастъ, не задумается. Вѣдь какъ вотъ она обо мнѣ заботится! Этакую службу несетъ тяжелую, ночи напролетъ не спитъ, мучится. А много ли ей самой-то нужно? Все на меня, калѣку убогую, старается. Эхъ, хоть бы прибралъ меня Господь поскорѣе!

Надежда Өедоровна умолкла и кончикомъ косынки смахнула набѣжавшую слезу.

— Что это вы, мамочка, никакъ опять плачете?—раздался звучный, молодой голосъ, и въ дверяхъ показалась Вѣрочка.

— Прости, прости, голубка! — смущенно залепетала старушка:—вспомнила старину и не удержалась.

— Ну, Богъ васъ проститъ для праздника,—шутливо отвѣчала дѣвушка и, крѣпко поцѣловавъ мать, подошла къ вставшему ей навстрѣчу Покровскому.

— А! Константинъ Александровичъ! И вы собрались заглянуть къ намъ? Ну, спасибо!

— Помилуйте, я долженъ благодарить васъ за честь...

— Э!—перебила его Вѣрочка:—за что благодарить? За право поскучать съ нами вечеръ? Прежде, когда мы жили открыто, я приняла бы вашу благодарность, какъ нѣчто должное. А теперь...

Вѣрочка горько вздохнула и махнула рукой.

Черезъ минуту она, однако, опять повеселѣла и захлопотала съ чаемъ.

Въ скромномъ домашнемъ платьѣ, съ гладко причесанными волосами, она показалась Покровскому еще лучше, чѣмъ при первомъ знакомствѣ, и онъ залюбовался ею.

Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ быстро перемывала она посуду своими изящными пальчиками, клала сахаръ, наливала чай и все время весело щебетала.

Чѣмъ-то мирнымъ, успокоивающимъ вѣяло отъ нея.

„Какимъ украшеніемъ дома будетъ такая жена! — подумалъ Константинъ Александровичъ: — и какому-то счастливцу достанется она?“

— А вы давно уже пришли? — спросила его Вѣрочка, подавая стаканъ.

— Съ полчаса, или немножко больше. Я не зналъ, что вы—у всенощной, и поторопился.

— Она у насъ богомольная, ни одной службы въ праздникъ не пропуститъ,—замѣтила Надежда Ѳедоровна.

— Ну, неправда, мамочка!—сконфузилась дѣвушка:—пропускаю, и очень часто. Но вообще ходить въ церковь люблю, особенно ко всенощной. Станешь это гдѣ-нибудь въ уголкѣ; кругомъ полумракъ, дымъ кадильный; никто тебя не видитъ, и ты никого; и стоишь ты одинъ передъ Богомъ и возвѣщаешь ему печали свои. Послѣ этого всегда бываетъ какъ-то особенно легко и тепло на душѣ.

Послѣ чая Надежда Ѳедоровна простилась съ гостемъ и попросила отвезти ее въ спальню.

— Ну, какъ, привыкаете ли къ „Фоли-Бержеру?“—спросилъ Покровскій Вѣрочку, когда они остались одни.

— Ахъ, Константинъ Александровичъ! Развѣ можно чистоплотному человѣку привыкнуть къ грязи? А вы вѣдь видѣли, что такое „Фоли-Бержеръ“.

— Да, я былъ тамъ въ первый и послѣдній разъ. Это даже не грязь, а прямо смрадное болото. И я прямо недоумѣваю, какъ вы можете тамъ оставаться?

— Что̀ дѣлать, Константинъ Александровичъ! Нужда всему научитъ. Имѣй я хоть маленькую возможность, я, конечно, сразу бы ушла...

— Но развѣ нельзя найти какое-нибудь другое занятіе? Вы прекрасно образованы, хорошая музыкантша, владѣете языками. Ну, поискали бы уроковъ, переводовъ.

— А вы думаете, я не искала? Давно уже обиты всѣ пороги. Но вы представить себѣ не можете, какъ низки нынче цѣны на интеллигентный женскій трудъ. За часовые уроки мнѣ предлагали шестьдесятъ, пятьдесятъ копѣекъ, а иногда и того меньше. А за переводы—два рубля съ листа. А вѣдь мнѣ нужно содержать старуху-мать. Вы видите, въ какомъ она положеніи. Ей нуженъ покой, хорошій столъ, лекарства и уходъ. А все это стоитъ не дешево. Вотъ поневолѣ и приходится держаться за „Фоли-Бержеръ“.

Поговоривъ еще немного, Константинъ Александровичъ сталъ прощаться.

— Не забывайте же насъ!—сказала Вѣра Васильевна, провожая его въ переднюю: — если не боитесь тоски, приходите, вмѣстѣ поскучаемъ.

— Погодите, я еще вамъ надоѣмъ,—въ тонъ ей отвѣчалъ Покровскій и робко прикоснулся губами къ хорошенькой ручкѣ молодой хозяйки.

VIII.

Константинъ Александровичъ сдержалъ свое слово и сталъ посѣщать Смирновыхъ каждую среду и субботу.

Потомъ онъ началъ появляться у нихъ и въ другіе дни, заходя, какъ бы случайно, мимоходомъ.

Онъ приходилъ обыкновенно въ то время, когда Вѣра Васильевна собиралась въ „Фоли-Бержеръ“, и провожалъ ее до ярко-освѣщеннаго подъѣзда кафе-шантана.

Скромный, вѣжливый, предупредительный, Покровскій, всегда

веселый и привѣтливый, пришелся, какъ говорится, ко двору у своихъ новыхъ знакомыхъ.

Въ домѣ Смирновыхъ его приходу всѣ искренно радовались. Даже хорошенькая горничная Аннушка, открывая Константину Александровичу дверь, радостно улыбалась и съ особымъ оттѣнкомъ удовольствія въ голосѣ говорила:

— Здрасти-съ.

Мѣсяца черезъ два Покровскій былъ у нихъ уже „своимъ человѣкомъ“, и Надежда Ѳедоровна, любившая прежде устраивать чужіе браки, заботливо хлопотала о его „судьбѣ“.

— Женить, женить васъ, батюшка, надо!—съ усиліями выговаривала она своимъ непокорнымъ языкомъ:—долго ли вамъ холостякомъ-то мыкаться?

— Что-жъ, я не прочь! Сватайте невѣсту! — полушутя, полусерьезно откликался молодой человѣкъ.

— Охъ, родной мой! Ужъ какая я теперь сваха!—съ грустью отвѣчала старушка:—вотъ при покойничкѣ „дѣдкѣ“—такъ у меня невѣсты никогда не переводились. Бывало, живёхонько молодежь познакомимъ, сосватаемъ, да иногда и на свадьбу дадимъ, кто побѣднѣе.

— Да, можетъ быть, мамочка, у Константина Александровича уже и есть кто-нибудь на примѣтѣ,—замѣтила однажды Вѣра Васильевна, пытливо взглянувъ на гостя.

По лицу Покровскаго пробѣжала легкая тѣнь.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—никого у меня нѣтъ.—Не скрою: по сердцу мнѣ одна дѣвушка, но она за меня не пойдетъ.

— Почему?—спросили разомъ мать и дочь.

— Слишкомъ разныя у насъ дороги. Она—талантъ, съ блестящей будущностью, а я — человѣкъ самый заурядный. А вы вѣдь знаете: въ одну повозку—

„Впрячь не можно
Коня и трепетную лань“.

— Э, родной мой! Да какого же ей, прости Господи, рожна еще надо?—разсердилась Надежда Ѳедоровна:—молодой, здоровый, свѣжій, собой видный, образованный. Да еслибы моей Вѣрунѣ Господь такого муженька послалъ, такъ я бы и днемъ, и ночью Его, милосердаго, благодарила.

Вѣрочка вспыхнула до корней волосъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Константинъ Александровичъ, неужели вы убѣждены, что даровитая дѣвушка непремѣнно ищетъ въ своемъ женихѣ талантливости?—живо спросила она.

— Да, мнѣ такъ кажется.

— Плохо же вы знаете насъ, женщинъ. Мы чаще всего руководимся сердцемъ, а не умомъ. Вспомните только, какое въ большинствѣ случаевъ ничтожество всѣ эти „мужья знаменитостей“, и сами согласитесь, что вы не правы. Почему же вамъ не попытать счастья у вашей избранницы? Даже и съ вашей точки зрѣнія вы, по моему, вполнѣ ея достойны: вѣдь у васъ недюжинный талантъ. Я до сихъ поръ не могу забыть, какъ художественно исполнили вы романсъ „Море и сердце“ при первой нашей встрѣчѣ.

Въ такихъ задушевныхъ разговорахъ проводились вечера въ этомъ крошечномъ дружескомъ кружкѣ.

Бесѣды часто смѣнялись пѣніемъ.

Вѣрочка садилась за фортепіано и исполняла какую-нибудь новенькую пьеску.

— Ну, теперь ваша очередь, Константинъ Александровичъ!— говорила она и начинала аккомпанировать.

Иногда они пѣли дуэтомъ, и не одну крупную слезу вызвали ихъ чистые, звучные голоса на помутившихся глазахъ престарѣлой Надежды Ѳедоровны.

А чувствительная Аннушка, стоя за дверью въ передней, прямо рѣкой разливалась и шептала толстой кухаркѣ Анисьѣ:

— Вотъ поютъ-то! Ангелы Божіи! Всю-то душеньку по частямъ разнимаютъ.

Недолго, однако, продолжались эти мирныя собранія въ квартиркѣ Смирновыхъ.

Придя къ нимъ однажды, въ концѣ третьяго мѣсяца знакомства, Покровскій замѣтилъ, что глаза у Вѣры Васильевны какъ будто бы наплаканы.

Его это сильно заинтересовало, но, по врожденной деликатности, онъ не считалъ удобнымъ приставать съ разспросами.

„Если пожелаютъ, чтобы я зналъ ихъ горе, сами скажутъ“,— подумалъ онъ.

И онъ не ошибся.

Обмѣнявшись нѣсколькими незначительными фразами, Вѣрочка порывисто поднялась съ мѣста и подошла къ матери.

— Мамочка, — сказала она, нѣжно цѣлуя старушку: — ты ничего не будешь имѣть, если мы съ Константиномъ Александровичемъ немножко пройдемся до чая? У меня сегодня что-то болитъ голова, и мнѣ хочется на воздухъ.

— Идите, идите со Христомъ, — добродушно отвѣчала Надежда Ѳедоровна:—погуляйте! А мы тутъ съ Аннушкой все приготовимъ.

Молодые люди вышли.

— Константинъ Александровичъ! У меня большая непріятность,—сразу же заговорила Вѣрочка, какъ только они вышли на улицу:—я никому еще о ней не говорила, даже мамѣ. Мнѣ хотѣлось сначала посовѣтоваться съ вами. Вы вѣдь—другъ мнѣ, не правда ли?

— Вѣра Васильевна! Я весь вашъ, всей душой! — горячо отозвался Покровскій.

— Ну, спасибо вамъ! — радостно протянула ему руку Вѣрочка.—Я, признаться, надѣялась на васъ, но боялась ошибиться. Слушайте же! Помните вы того толстаго инженера, на котораго я жаловалась вамъ въ первый день нашего знакомства?

— Какъ же, помню. Онъ, кажется, хотѣлъ тогда насильно напоить васъ и даже жаловался на васъ содержателю „Фоли-Бержера“?

— Вотъ именно. Представьте же себѣ, что этотъ господинъ положительно меня преслѣдуетъ. Ѣздитъ онъ къ намъ чуть ли не каждый день и постоянно требуетъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Я, конечно, употребляла всѣ мѣры, чтобы избѣжать встрѣчъ съ нимъ. Нарочно принимала приглашенія другихъ, а иногда даже прямо напрашивалась въ какую-нибудь болѣе скромную компанію. Но онъ не отстаетъ и начинаетъ дѣйствовать на хозяина, который прямо благоговѣетъ передъ нимъ, какъ самымъ выгоднымъ гостемъ. Вчера мой патронъ настойчиво потребовалъ, чтобы я „хоть на полчаса зашла къ господину инженеру“. Я вынуждена была подчиниться, но тотъ такъ дерзко себя повелъ, что черезъ минуту я плюнула ему въ лицо и ушла изъ кабинета. Сейчасъ же позвали хозяина. Что̀ ему тамъ говорили, я не знаю, только онъ выбѣжалъ красный, какъ ракъ, разсерженный, и предложилъ мнѣ на выборъ: или поѣхать къ „оскорбленному“ мною инженеру на квартиру и извиниться, или считать себя уволенной отъ службы въ его „заведеніи“. Онъ далъ мнѣ день на размышленіе, и „на всякій случай“ сунулъ въ руку карточку этого негодяя. Вотъ она!

Вѣра Васильевна вынула изъ кармана довольно большой кусокъ дорогого бристольскаго картона, на которомъ было отлитографировано жирными буквами: „Анатолій Александровичъ Маловъ“. А внизу помельче—крупный чинъ и мѣсто службы.

— Вотъ это кто!—вскричалъ Покровскій, пробѣжавъ глазами карточку.

— Вы его знаете?—съ удивленіемъ спросила Вѣрочка.

— Лично незнакомъ, но слышалъ о немъ достаточно.

Этотъ баринъ считается спеціалистомъ по устройству всякихъ коммерческихъ обществъ и товариществъ. Въ годъ зарабатываетъ тысячъ триста и спускаетъ ихъ самымъ безпутнымъ образомъ. Онъ ужъ нѣсколько разъ обвинялся въ разныхъ некрасивыхъ продѣлкахъ съ женщинами, но какъ-то постоянно ускользалъ отъ суда.

— Я такъ и думала. Значитъ, идти къ нему мнѣ не слѣдуетъ?

— Боже васъ сохрани!

— Но что же мнѣ дѣлать? Научите меня! Вы видите,— мнѣ вопросъ поставленъ ребромъ: или къ нему, или вонъ со службы.

Покровскій задумчиво молчалъ.

— О, будь я одна,—волнуясь, продолжала дѣвушка,—я минуты бы не раздумывала. Но теперь на моихъ рукахъ несчастная, больная старуха. Развѣ я могу ее бросить? развѣ я не обязана окружить ее въ старости такимъ же довольствомъ, какимъ въ дѣтствѣ она окружала меня?

— Но, можетъ быть, вы пристроитесь къ какому-нибудь другому театру?

— А вы думаете, это такъ легко? Да, когда нуждаются въ тебѣ, за тобой ухаживаютъ, просятъ, молятъ твоего согласія. А когда ты начинаешь искать мѣста,—приходится кланяться даже всякимъ Пляссамъ и покупать ихъ содѣйствіе дорогою цѣной. Нѣтъ, противъ судьбы, видно, не пойдешь: надо завтра ѣхать на поклонъ къ Малову.

Вѣрочка закрыла лицо платкомъ и глухо зарыдала.

— Ради Бога, повремените одинъ день!—заволновался въ свою очередь Покровскій:—только одинъ день! Сегодня я разстроенъ и ничего не могу сообразить. Но завтра къ вечеру я что-нибудь придумаю. Какой-либо выходъ найдемъ, обѣщаю вамъ это.

— Я вѣрю вамъ, и завтра, въ эти же часы, буду ждать васъ здѣсь же. А теперь идите домой! Вы, я вижу, встревожились не меньше меня. Вамъ не до гостей!—теплымъ тономъ закончила молодая дѣвушка.

— А какъ же Надежда Θедоровна?

— Ну, я скажу ей, что за вами прислали. Прощайте! Не провожайте меня.

Молодые люди разстались.

IX.

Слѣдующую ночь Покровскій почти всю провелъ безъ сна.

Онъ то-и-дѣло ворочался съ боку на бокъ на своемъ тощенькомъ, жесткомъ тюфячкѣ, и въ пылавшей головѣ его вертѣлась все одна неотступная мысль:

„Вѣрочка гибнетъ! Дорогая моя Вѣрочка, которую я такъ горячо, такъ страстно люблю! Что же дѣлать теперь? Какъ спасти, какъ поддержать ее?“

Планы, одинъ другого несбыточнѣе, роились въ его мозгу.

Сначала онъ хотѣлъ пойти къ содержателю „Фоли-Бержеръ“ и объясниться съ нимъ на чистоту.

„Но что же изъ этого выйдетъ?—мысленно возражалъ онъ самъ себѣ:—развѣ эти люди понимаютъ человѣческія чувства? Развѣ у нихъ есть что-либо святое? Для нихъ одинъ кумиръ—нажива. И ради нея они, конечно, всегда будутъ на сторонѣ выгоднаго гостя, а не Вѣрочки“.

Потомъ онъ надумалъ переговорить съ Маловымъ, но рѣшилъ, что изъ этого толку не будетъ.

— У этихъ господъ слишкомъ толстая шкура.—Чѣмъ ихъ проймешь, если они давно уже забыли все „разумное, доброе, вѣчное“, которое и имъ когда-то внушали?

Мелькнула у него мысль обратиться къ полиціи, къ закону, но онъ тотчасъ же откинулъ ее.

„Судъ да дѣло, чтобъ его собака съѣла“,—вспомнилась ему народная пословица, и онъ горько усмѣхнулся.

Наконецъ, уже подъ утро, его осѣнила одна идея, которая разомъ заставила его вскочить съ постели.

— Да, это было бы хорошо, даже черезчуръ хорошо!—прошепталъ онъ, зажигая свѣчу:—Какъ счастлива была бы Надежда Өедоровна! И Вѣрочка, вѣроятно, была бы довольна! А ужъ о себѣ я и не говорю. Но развѣ я могу, развѣ я вправѣ это сдѣлать?

Онъ быстро подошелъ къ простенькой этажеркѣ, стоявшей у стѣны, и, немного порывшись, вытащилъ толстую книгу въ желтомъ кожаномъ переплетѣ, на которомъ золотыми буквами было вытиснено:

„Книга правилъ святыхъ апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отецъ“.

Перевернувъ нѣсколько листовъ, Константинъ Александро-

вичъ отыскалъ глазами нужныя строчки и медленно, съ разстановками прочелъ:

„Правило святыхъ апостоловъ осмоенадесять гласитъ тако: „вземшій въ супружество вдову, или отверженную отъ супружества, или блудницу, или рабыню, или позорищную, не можетъ быть епископъ, ни пресвитеръ, ни діаконъ, ниже вообще въ спискѣ священнаго чина“.

— Вотъ что стоитъ поперекъ пути къ моему счастью!— съ отчаяніемъ простоналъ молодой человѣкъ.—Я съ радостью бы женился на Вѣрочкѣ и взялъ на себя всѣ заботы объ ея милой старушкѣ, но это правило связываетъ меня по рукамъ и по ногамъ. Жениться на позорищной, на актрисѣ—значитъ навѣки отказаться отъ священнаго сана. Конечно, ради дорогой моей дѣвочки я готовъ и на это; но зачѣмъ же тогда я четырнадцать лѣтъ приготовлялся къ священству, изучалъ ни на что ненужныя въ обыденной жизни гомилетики и литургики, жилъ и питался на церковныя деньги?

Покровскій сжалъ ладонями виски и долго ходилъ молча по комнатѣ.

— Нѣтъ, ничего мнѣ, кажется, не придумать,—со вздохомъ сказалъ онъ:—голова разболѣлась и совсѣмъ отказывается работать. А придумать что-нибудь надо: бѣдная Вѣрочка вполнѣ увѣрена, что я дамъ ей завтра добрый совѣтъ. Эхъ, самому бы мнѣ посовѣтоваться съ умнымъ, опытнымъ человѣкомъ! Но гдѣ такого найти?

Константинъ Александровичъ сталъ перебирать въ умѣ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Изъ близкихъ людей была у него одна лишь восьмидесятилѣтняя бабка, жившая въ епархіальной богадѣльнѣ и отъ старости уже впадавшая въ младенчество.

Знакомые были все молодежь,—товарищи по академіи и сослуживцы по городскимъ школамъ, въ которыхъ Покровскій преподавалъ Законъ Божій, — и врядъ ли были въ жизни опытнѣе его.

Ждать отъ этихъ лицъ серьезнаго совѣта было трудно, и Константинъ Александровичъ сталъ уже съ горестью представлять себѣ, какъ завтра придетъ онъ ни съ чѣмъ къ своей милой, дорогой Вѣрочкѣ,—какъ вдругъ пришелъ ему на память одинъ человѣкъ, который могъ, пожалуй, вывести его изъ затруднительнаго положенія.

— Господи! — радостно вскричалъ молодой богословъ:—да какъ же это я раньше-то не вспомнилъ объ Андреѣ Андреичѣ? Ну, теперь Вѣрочка спасена!

Онъ торопливо одѣлся, разбудилъ квартирную хозяйку и, попросивъ ее закрыть за нимъ дверь, быстро выскочилъ на улицу и скрылся въ предразсвѣтной утренней мглѣ.

X.

Андрей Андреичъ Грузинскій былъ когда-то дьякономъ въ томъ самомъ селѣ Покровскомъ, гдѣ родился и провелъ свое дѣтство Константинъ Александровичъ.

Высокій и худой, какъ жердь, съ огромной сѣдой бородой и причудливымъ завиткомъ волосъ на передней части совершенно голой головы, онъ поражалъ своей оригинальной наружностью всякаго, кто видѣлъ его впервые.

Вызывая общее удивленье своей странной внѣшностью, Грузинскій еще болѣе изумлялъ всѣхъ своимъ умомъ.

Достаточно было поговорить съ нимъ одинъ разъ, чтобы увидѣть, что для этого человѣка жизнь прошла не даромъ: каждое событіе, всякій пустой случай онъ обдумалъ и вывелъ изъ нихъ тотъ или другой урокъ.

Но эти выводы и заключенія были такъ своеобразны, такъ не подходили къ установившимся взглядамъ и понятіямъ, что большинство знакомыхъ Андрея Андреича считали его немножко „повихнувшимся".

Грузинскій зналъ объ этомъ, но не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, и своими поступками еще сильнѣе укрѣплялъ за собою репутацію человѣка „не въ полномъ умѣ".

Такъ, однажды, онъ заявилъ своимъ сослуживцамъ, что не желаетъ больше получать доходы за требоисполненіе.

— Это отчего же?—удивился молоденькій настоятель, только-что почти сошедшій со школьной скамьи.

— А Христосъ-то что сказалъ? „Туне пріясте, туне и подаваете",—отвѣчалъ Грузинскій:—ну, и я за свой санъ ничего не платилъ. За что же и брать-то?

— Да вѣдь такъ съ голоду умрешь, — засмѣялись прочіе члены причта.

— Э, пустяки!—беззаботно махнулъ рукою Андрей Андреичъ:—Господь обязался всѣхъ кормить до самой смерти.

Настоятель посмотрѣлъ на него съ соболѣзнованіемъ, какъ смотрятъ обыкновенно на помѣшанныхъ, покачалъ головой и потихоньку распорядился, чтобы впредь относили долю дьякона его женѣ.

Въ другой разъ Грузинскій отличился еще лучше.

Въ селѣ Петровскомъ былъ какъ-то престольный праздникъ.

Отслуживъ молебны въ домахъ своихъ прихожанъ, духовенство отправилось къ мѣстному помѣщику Ивану Ивановичу Пузыревскому, у котораго ежегодно въ этотъ день готовился для нихъ званый обѣдъ.

Пузыревскій былъ уже очень преклонныхъ лѣтъ, но еще достаточно бодръ и подвиженъ. Онъ прекрасно помнилъ прежнюю, дореформенную, помѣщичью жизнь, и въ душѣ глубоко сожалѣлъ о ней. Однако, какъ человѣкъ политичный, онъ тщательно скрывалъ это и даже сердился, когда его называли „помѣщикомъ".

— Съ приснопамятнаго девятнадцатаго февраля тысячавосемьсотъ-шестьдесятъ-перваго года у насъ нѣтъ помѣщиковъ, а есть одни только землевладѣльцы,—внушительно говорилъ онъ, и только легкое сокращеніе мускуловъ лица выдавало иногда, какъ непріятно ему это новое имя.

По старой памяти, какъ бывшій „господинъ" Петровскаго прихода,—Иванъ Ивановичъ считался благотворителемъ церковнымъ, хотя въ сущности не давалъ храму ничего, кромѣ нѣсколькихъ саженъ гнилыхъ, сухоподстойныхъ дровъ, за сборку которыхъ взыскивалъ довольно крупную сумму.

Пузыревскій считалъ себя нравственно-обязаннымъ подавать простому народу примѣръ религіозности и уваженія къ духовенству, и потому старался не пропускать ни одной службы церковной, и любилъ принимать у себя окрестныхъ батюшекъ и дьячковъ.

Въ близкомъ, домашнемъ кружкѣ онъ подсмѣивался надъ этими пріемами и называлъ ихъ „поповскими вечерами" и „soirée съ попами", но батюшки, конечно, этого не знали, и были въ восторгѣ отъ гостепріимнаго и хлѣбосольнаго Ивана Ивановича.

Они считали за высокую честь посидѣть въ богатой гостиной Пузыревскаго, съ роскошной мебелью и дорогими обоями, и потому глубоко изумились, когда въ одинъ изъ праздниковъ дьяконъ Грузинскій наотрѣзъ отказался идти съ ними туда, и остался отдыхать въ покривившейся избушкѣ бобыля Агапа, пользовавшагося не совсѣмъ лестной репутаціей отъявленнаго пьяницы и вора.

— Что это ты задумалъ, Андрей Андреичъ? — недовольнымъ голосомъ сказалъ настоятель о. Дмитрій: — человѣка уважаемаго, высокой нравственности, мѣняешь на какого-то пропойцу.

— „Не требуютъ здравіи врача, но болящіи", — словами

Евангелія отвѣчалъ Грузинскій,—и Учитель нашъ Христосъ съ мытарями и грѣшниками ѣлъ и пилъ. Почему же и мнѣ не пообѣдать съ Агапкой? „Егда ученикъ болій есть учителя своего“?

Опять покачалъ головой настоятель и пошелъ къ Пузыревскому безъ дьякона.

Но самую удивительную штуку выкинулъ Андрей Андреичъ при увольненіи своемъ за штатъ.

Въ тотъ самый день, когда исполнилось тридцатипятилѣтіе службы Грузинскаго въ священномъ санѣ, въ село Покровское пріѣхалъ мѣстный архіерей, обозрѣвавшій свою епархію.

Владыку встрѣтили, „какъ подобаетъ“, въ церкви, съ колокольнымъ звономъ и пѣніемъ „Достойно“.

Андрей Андреичъ понатужился и такъ отхватилъ многолѣтіе, что даже самъ удивился.

Преосвященный осмотрѣлъ храмъ, всѣмъ остался доволенъ и милостиво принялъ приглашеніе отца-настоятеля „откушать у него чайку“.

Хозяинъ тотчасъ же побѣжалъ впередъ „распорядиться“. Владыка пошелъ слѣдомъ за нимъ, осторожно поддерживаемый съ одной стороны благочиннымъ, а съ другой—своимъ спутникомъ-архимандритомъ; сзади потянулась „свита“ и остальные члены мѣстнаго причта.

Когда гости пришли къ батюшкѣ и разсѣлись „по чинамъ“, завязалась бесѣда.

Архіерей оказался человѣкомъ очень благодушнымъ и разговорчивымъ. Онъ сталъ разспрашивать, кто изъ причта сколько лѣтъ служитъ, велика ли семья, доволенъ ли своимъ положеніемъ, не нуждается ли въ чемъ, и отвѣты выслушивалъ весьма внимательно.

— Вотъ, владыка святый, самый старшій у насъ служака!—сказалъ отецъ Дмитрій, указывая на нескладную фигуру Грузинскаго, понуро стоявшаго у двери:—сегодня какъ разъ тридцать-пять лѣтъ его священнослуженія.

— А-а!—протянулъ владыка и, обращаясь къ дьякону, спросилъ:—Ну, что-жъ, старина, до полстолѣтія-то послужишь?

— Никакъ нѣтъ, ваше преосвященство, не могу; я васъ только и ожидалъ, чтобы увольненія попросить,—по-солдатски отрубилъ Андрей Андреичъ.

— Отчего же? Ты, кажется, здоровъ, голосокъ у тебя еще есть.

— Такъ-то такъ, владыка, да вѣдь мнѣ ужъ шестьдесятъ-шесть лѣтъ: пора и о грѣхахъ помолиться, и о душѣ подумать.

— Ну, такъ что же? Ты въ церкви за каждой службой бываешь, вотъ и молись поусерднѣй!

— Ну, когда же мнѣ тамъ молиться? — простодушно отвѣчалъ Грузинскій:—я за службой-то только кадить да ектеніи говорить поспѣвай!

Архіерей въ изумленіи поднялъ на него широко-раскрытые глаза.

Благочинный сорвался съ мѣста, подбѣжалъ къ владыкѣ и, придерживая лѣвой ладонью многочисленныя регаліи, а правой прикрывая ротъ, быстро началъ шептать:

— Простите, ваше преосвященство, я забылъ васъ предупредить: онъ немножко повихнувшись въ умѣ.

— Я такъ и подумалъ, — тоже шопотомъ отозвался архіерей;—но онъ тихъ? безвреденъ?

— О, безусловно!

Во время этой бесѣды Андрей Андреичъ безучастно стоялъ передъ владыкой, какъ будто и не подозрѣвая, что рѣчь касается его.

— Какъ же, владыка?—началъ онъ опять, когда благочинный отошелъ: — благоизволите вы меня уволить за штатъ?

— Хорошо, хорошо! Подавайте прошеніе! — поспѣшилъ успокоить его преосвященный.

— Да зачѣмъ же, ваше преосвященство, бумагу марать?— не отставалъ неугомонный дьяконъ:—я васъ прошу при свидѣтеляхъ, — значитъ, отъ слова своего не отопрусь. А вамъ, осмѣлюсь замѣтить, не все ли равно уволить меня—на словахъ или письменно?

Епископъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на своеобразнаго просителя и съ видимымъ участіемъ произнесъ:

— Экой вы чудакъ, право! Вѣдь я о васъ же хлопочу. Если я уволю васъ безъ прошенія, вамъ пенсіи не дадутъ. Поняли?

— Да зачѣмъ мнѣ пенсія, владыка?—изумился старикъ: —я еще, слава Богу, работать могу. Мнѣ дарового хлѣба не надо. Нѣтъ ужъ, ваше преосвященство, если только за этимъ дѣло, то, ради Христа, увольте меня!

— Ну, хорошо! — пожалъ плечами преосвященный. — Отецъ архимандритъ, — запишите, чтобы ему выслать увольнительный указъ сегодняшнимъ числомъ!

Архимандритъ молча поклонился.

— Значитъ, я теперь свободенъ? — спросилъ дьяконъ, какъ бы еще не вѣря своему увольненію.

— Совершенно!

— И могу идти, куда хочу?

— Можете, конечно!

Старикъ размашисто перекрестился, поклонился архіерею въ ноги и громко началъ читать:

— „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“...

XI.

Константинъ Александровичъ зналъ и любилъ Грузинскаго съ дѣтства. Это былъ первый другъ, пріобрѣтенный Покровскимъ еще при самомъ вступленіи въ сознательную жизнь.

Дружба ихъ завязалась какъ-то совсѣмъ неожиданно.

У Андрея Андреича была чудная китайская чашечка, доставшаяся ему по наслѣдству еще отъ дѣда.

Долго попивалъ изъ нея чаекъ старый дьяконъ, но въ одинъ прекрасный день блудливый котенокъ „Франтикъ“ вскочилъ на столъ и разбилъ ее вдребезги.

Старикъ, конечно, прежде всего поймалъ проказника и основательно выпоролъ его; потомъ подобралъ осколки, посмотрѣлъ на нихъ съ сожалѣніемъ и выбросилъ за окно.

Но чашечка, оказалось, и въ разбитомъ видѣ не для всѣхъ еще потеряла свою прелесть.

На другое же утро Андрей Андреичъ замѣтилъ подъ своимъ окномъ шестилѣтняго сиротку Костю, который долго стоялъ, держа во рту пальчикъ, и умильно смотрѣлъ на пестрые черепки.

Осторожно, стараясь не испугать малютку, вышелъ дьяконъ па крыльцо и ласково спросилъ:

— Ты что, карапузъ?

— Бобочки!—указалъ рукой мальчикъ, не отрывая глазъ отъ красивыхъ осколковъ.

— Что же, они тебѣ нравятся?—добродушно улыбнулся старикъ.

— Да,—еле слышно прошепталъ Костя.

— Ну, такъ тащи ихъ домой!

Ребенокъ спачала не повѣрилъ своему счастью, потомъ подбѣжалъ и торопливо, какъ маленькій звѣрекъ, сталъ сгребать черепки въ подолъ поношенной рубашонки.

Дьяконъ съ веселымъ смѣхомъ помогалъ ему, и тутъ они впервые разговорились „по душамъ“.

— Что жъ ты будешь съ этимъ дѣлать?—спрашивалъ Грузинскій.

— Играть буду,—отвѣчалъ Костя.—У меня еще бобочки есть, много, много. Только тѣ некрасивыя, эти лучше.

— А еще у тебя есть какія игрушки!

— Нѣтъ, больше нѣту. Папочка обѣщалъ мнѣ сдѣлать деревянный топорикъ, да умеръ.

— Кхм!—сердито кашлянулъ дьяконъ, у котораго что-то защекотало въ носу:—а тебѣ топорика-то хочется?

— Хочется,—простодушно отвѣчало дитя.

— Ну, приходи завтра!.. Я поищу... У меня гдѣ-то есть... старенькій.

На другой день Андрей Андреичъ поднесъ Костѣ совершенно новый топорикъ, артистически сдѣланный изъ дерева.

Грузинскій былъ превосходный столяръ и отдѣлалъ игрушку на диво: топорище онъ покрылъ желтымъ лакомъ „подъ натуральное дерево", а обухъ и остріе отполировалъ и очень ловко подвелъ голландской сажей подъ цвѣтъ стали.

Получивъ такую чудесную „бобочку", Костя бросился безъ оглядки домой, позабывъ даже сказать спасибо ласковому старичку.

Вскорѣ онъ, однако, возвратился и до тѣхъ поръ цѣловалъ „милаго дѣдушку", пока не запутался въ длинной бородѣ его.

Съ той минуты у Андрея Андреича завелась самая нѣжная дружба съ маленькимъ Костей.

Ребенокъ, не имѣвшій ни братьевъ, ни сестеръ, прильнулъ всѣмъ своимъ любвеобильнымъ сердечкомъ къ старому дѣду. Старикъ, выростившій трехъ сыновей, давно уже жившихъ отдѣльно, въ сущности тоже былъ одинокъ и привязался къ малюткѣ.

Эта не совсѣмъ обыкновенная дружба стараго съ малымъ была тѣмъ болѣе удивительна, что въ ней какъ-то вовсе не замѣчалось огромной разницы въ лѣтахъ новыхъ друзей.

Голубино-чистый Андрей Андреичъ былъ въ душѣ еще совершеннымъ дитятей, и для него вполнѣ были понятны всѣ печали и радости дѣтства.

— Эй, Костюшка! пойдемъ ко мнѣ горохъ воровать!—кричалъ иногда старикъ своему любимцу.

— Пойдемъ!—откликался мальчикъ, и они потихоньку пробирались на задворки, гдѣ у Грузинскаго посѣяна была цѣлая полоса гороху, ревниво оберегаемаго скуповатой дьяконицей.

Забравшись въ самую середину, пріятели ложились животами на землю и принимались лущить сладкій зеленый горошекъ.

Впрочемъ, ѣлъ больше Костя; Грузинскій же, „поклевавъ" немножко, снималъ съ головы огромную плюшевую шляпу, въ которую, по увѣреніямъ его, входило полмѣры овса, и начиналъ

набирать въ нее стручковъ, чтобы было чѣмъ „позабавиться" дома.

Они возвращались домой одинаково довольные и совершенно однимъ и тѣмъ же боязливымъ взглядомъ посматривали на дьяконицу, ожидая „проборки".

Престарѣлому Андрею Андреичу суждено было заронить въ маленькаго Костю и первую мысль.

Произошло это лѣтъ пять спустя, послѣ начала ихъ знакомства.

Костя былъ уже въ духовномъ училищѣ и пріѣхалъ къ матери на лѣтнія вакаціи.

Къ дьякону Грузинскому тоже должна была собраться вся его семья.

Старшій сынъ, Григорій Андреичъ, видный и небезталантливый архитекторъ, гостилъ уже съ недѣлю; средній—Егоръ Андреичъ, по профессіи инженеръ-технологъ, прибылъ вмѣстѣ съ Костей; младшаго, Якова, ждали дня черезъ два.

Костя какъ разъ былъ у стараго дьякона, когда прикатилъ, наконецъ, на тройкѣ почтовыхъ и Яковъ Андреичъ.

Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, очень стройный и недурненькій, въ свѣжей офицерской формѣ.

Не видавшись съ нимъ нѣсколько лѣтъ, мальчикъ сначала даже и не призналъ его. Да трудно было и узнать въ этомъ вылощенномъ, бойкомъ офицерикѣ того скромнаго семинариста-замухрышку, который не такъ еще давно цѣлыми днями игралъ съ нимъ въ городки.

Костѣ никогда еще не приходилось такъ близко видѣть офицеровъ, и онъ разсматривалъ молодого Грузинскаго съ большимъ вниманіемъ.

Ему нравилось въ немъ все безъ исключенія: и бѣлоснѣжный съ накрахмаленнымъ воротникомъ китель, и высокіе лакированные сапоги, и золотые погоны съ двумя блестящими звѣздочками, и яркая фуражка какого-то совершенно необыкновеннаго цвѣта.

Въ простотѣ сердечной мальчикъ былъ глубоко убѣжденъ, что и всѣ остальные также любуются Яшей, и потому крайне дивился, когда, послѣ первыхъ привѣтствій, старый дьяконъ вздохнулъ и сказалъ съ грустью младшему сыну:

— Эхъ, сынокъ, сынокъ! Не въ такомъ нарядѣ чаялъ я тебя видѣть.

Напускная бойкость Якова Андреича разомъ слетѣла, и онъ сконфуженно прошепталъ:

— Что же дѣлать, папенька? Я не виноватъ, что мнѣ въ семинаріи не повезло. Ну, да и отечество надо же кому-нибудь защищать.

— Что говорить!—отозвался старикъ:—защита отечества—дѣло святое. Но вѣдь оно, дружокъ, не каждый день въ опасности бываетъ. Ну, лѣтъ въ двадцать-тридцать тебѣ придется, можетъ быть, разъ постоять за родину. А въ остальное-то время что же ты будешь дѣлать?

Костю поразили эти слова, и онъ впервые задумался надъ тѣмъ, что лично его совсѣмъ не касалось.

Приходя въ возрастъ, Покровскій все чаще и чаще сталъ забѣгать „побесѣдовать“ къ дѣду, и не одну лѣтнюю ночь просидѣли они на крыльцѣ до разсвѣта, толкуя о „проклятыхъ“ вопросахъ, которые гнетутъ и давятъ мыслящихъ людей.

И въ этихъ полуночныхъ бесѣдахъ молодой богословъ вполнѣ уяснилъ себѣ тотъ своеобразный, но вполнѣ логичный складъ мыслей Андрея Андреича, который укрѣпилъ за ними репутацію „повихнувшагося“.

Онъ понялъ, что этотъ „повихнувшійся“ старикъ смотритъ на вещи со своей собственной точки зрѣнія, что для него нѣтъ готовыхъ, прописныхъ истинъ, и что поэтому-то онъ часто и находитъ выходы тамъ, гдѣ для обыкновенныхъ смертныхъ ихъ нѣтъ.

XII.

Выйдя въ отставку, Грузинскій перебрался въ городъ и нанялъ крошечную лачужку въ одной изъ самыхъ глухихъ окраинъ.

Сыновья наперерывъ звали его къ себѣ, но онъ наотрѣзъ отказался.

— Мать пріютите, а я, пока въ силахъ, чужого хлѣба ѣсть не стану,—твердо сказалъ онъ имъ, и просилъ больше не заводить объ этомъ и рѣчи.

Зная его настойчивость, его оставили въ покоѣ.

Дьяконица поплакалась немножко на свою горькую долю и переѣхала къ старшему сыну; Андрей же Андреичъ сталъ прилаживаться на новосельѣ.

Устроился онъ очень оригинально.

Онъ нанялъ маленькій домикъ, бывшій прежде птичникомъ у какого-то богатаго купца, большого любителя пѣтушиныхъ боевъ. Снявъ рѣшетки, за которыми когда-то сидѣли пернатые бойцы, онъ получилъ довольно просторную комнату въ два окошка.

Къ одному изъ нихъ онъ поставилъ прочный березовый верстакъ; къ другому—токарный станокъ. По стѣнамъ развѣсилъ пилы, стамески, рубанки. Подоконники заставилъ лакомъ, клеемъ и политурой. Въ узенькое пространство за печкой натаскалъ стружекъ, покрылъ ихъ старымъ распоротымъ мѣшкомъ и получилъ сравнительно мягкую постель. Тутъ же, за печкой, онъ развѣсилъ на гвоздяхъ поношенный барашковый тулупчикъ, ватный подрясникъ, знаменитую своею вмѣстительностью шляпу и теплую бѣличью шапку. Въ переднемъ углу онъ помѣстилъ маленькую темную икону; подъ нею, на самодѣльной полочкѣ—истрепанный и закапанный воскомъ Новый Завѣтъ, и квартира была готова. Ни столовъ, ни стульевъ, ни шкафовъ у Андрея Андреича не было. Обѣдалъ онъ, сидя на толстомъ сосновомъ обрубкѣ, за широкимъ верстакомъ, въ которомъ хранилась и вся его немудреная утварь.

Жизнь свою Андрей Андреичъ распредѣлилъ тоже не совсѣмъ обыкновенно.

Осенью, зимой и ранней весной онъ точилъ и стругалъ цѣлые дни. Но какъ только устанавливалась теплая погода, онъ запиралъ свой „птичникъ“ и шелъ странствовать по святой Руси.

И въ этихъ странствованіяхъ онъ оставался все тѣмъ же оригинальнымъ старикомъ.

Онъ не ходилъ, подобно другимъ паломникамъ, исключительно по монастырямъ и пустынямъ, но забирался часто и туда, гдѣ не было и вовсе никакихъ обителей.

Побывалъ онъ и въ безмолвномъ Полѣсьѣ, и въ шумной Варшавѣ, и на цвѣтущихъ берегахъ Чернаго моря, и на дикомъ и мрачномъ Мурманѣ.

Съ наступленіемъ первыхъ холодовъ онъ возвращался домой, загорѣлый, усталый, но освѣженный духомъ, и вновь становился къ своему верстаку.

М. Лубинскій.

АНТИЧНАЯ ЛЕНОРА

ОЧЕРКЪ.

I.

Скоро исполнится сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда на страницахъ „Вѣстника Европы“ появилась русская баллада, впервые познакомившая русскую публику съ романтическимъ мотивомъ Бюргеровской невѣсты смерти, Леноры—знаменитая въ свое время „Людмила“ Жуковскаго (1808). Какъ извѣстно, этимъ почином поэта-романтика и русская интеллигенція была пріобщена къ тому спору за народническій романтизмъ, который загорѣлся много раньше въ Германіи по поводу оригинальной баллады-знаменосицы Бюргера. Съ тѣхъ поръ много воды утекло: романтизмъ отшумѣлъ, но народничество осталось, и именно у насъ, въ Россіи, оно наиболѣе окрѣпло и дало міру свои самыя могучія и прекрасныя произведенія. Безспорно, много жемчужинъ вынесло оно на поверхность изъ глубины народнаго сознанія, но и много ила и тины; часто горькое разочарованіе постигало тѣхъ энтузіастовъ, которые смѣло бросались въ пучину народнаго моря, надѣясь найти на его днѣ прочные и вѣчные устои тѣхъ коралловыхъ островов добра и красоты, которые такъ заманчиво разнообразятъ его поверхность. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивается у насъ число тѣхъ, чье „злобою сердце питаться устало“; чѣмъ далѣе, тѣмъ напряженнѣе прислушиваются они къ новымъ голосамъ, раздающимся опять-таки

съ Запада, и къ нарождающейся новой пѣснѣ, которой только наши потомки сумѣютъ дать имя.

Но пока народническій романтизмъ переживалъ фазисы своей естественной эволюціи въ литературѣ, его значеніе въ наукѣ, какъ важнаго культурно-историческаго фактора, оставалось непоколебимымъ: „мотивъ Леноры"—понынѣ одна изъ любимѣйшихъ темъ для фольклористовъ и историковъ литературы, причемъ первые собираютъ варіанты этого мотива въ народной поэзіи всѣхъ временъ и странъ, а вторые изучаютъ движеніе, вызванное въ европейской литературѣ балладой Бюргера. И та, и другая тема оказалась очень благодарной, и „литература о Ленорѣ" росла съ каждымъ десятилѣтіемъ; спеціально русская наука обладаетъ старательнымъ руководствомъ въ этой области въ трудѣ проф. Созоновича, подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію" (Варшава, 1898).

Былъ ли „мотивъ Леноры" созданъ народной поэзіей новой Европы, или же перешелъ онъ къ ней отъ народовъ древности, т.-е., черезъ посредство Рима, отъ Греціи? Вопросъ этотъ, разумѣется, независимъ отъ вопроса о томъ, имѣлся ли у древнихъ нашъ мотивъ: объ этомъ послѣднемъ и спорить нечего, такъ какъ факты на лицо и они достаточно извѣстны изслѣдователямъ. Нѣтъ; но можно, признавая наличность этихъ фактовъ, тѣмъ не менѣе отрицать прямую преемственность между античной и романтической Ленорой. Я долженъ, однако, замѣтить, что проф. Созоновичъ, говоря на стран. 99—104 своего труда объ античныхъ сказаніяхъ, родственныхъ сказаніямъ о Ленорѣ, склоненъ признать эту преемственность; я полагаю, что онъ правъ, и надѣюсь, что настоящій очеркъ еще болѣе подтвердитъ вѣроятность этого мнѣнія. Все же не въ этомъ состоитъ его главная задача: составляя его, я хотѣлъ, прежде всего, представить въ болѣе полныхъ и наглядныхъ чертахъ, чѣмъ это дѣлалось доселѣ, исторію развитія античной Леноры, а затѣмъ—предложить читателю возможно удобочитаемый стихотворный переводъ единственнаго поэтическаго памятника, который намъ сохранился изъ древности по интересующему насъ мотиву — баллады-посланія Овидія о Лаодаміи.

II.

При всемъ томъ мы, чтобы отнестись сознательно къ историко-литературному значенію античной родоначальницы романтической Леноры, должны взять за точку исхода эту послѣднюю,

и я прошу позволенія напомнить читателю вкратцѣ содержаніе Бюргеровской баллады—ея точный переводъ Жуковскій, какъ извѣстно, далъ русской публикѣ черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ своего вольнаго подражанія въ „Людмилѣ" („Ленора", баллада изъ Бюргера, 1831—Стихотворенія подъ ред. Ефремова, 9-е изд., т. II, стр. 468 и сл.).

Встревоженная страшными сновидѣніями, молодая Ленора ждетъ съ душевнымъ трепетомъ возвращенія своего жениха, отправившагося съ войскомъ Фридриха въ силезійскую войну. Ея предчувствія оправдываются: среди возвращающихся воиновъ ея милаго нѣтъ. Тогда она проклинаетъ и свою жизнь, и Бога, и святыя тайны, и надежду на вѣчное блаженство; тщетно ея мать старается ее успокоить,—въ отчаянныхъ воплях и жалобахъ проходитъ весь день, наступаетъ ночь. Слышится топотъ коня, дверь отворяется: въ вошедшемъ она узнаетъ жениха. Тотъ ее торопитъ въ путь, на новоселье, устраняя ея сомнѣнія зловѣще-двусмысленными успокоеніями. Не долго думая, она садится на его коня; они ѣдутъ. „Мѣсяцъ свѣтитъ намъ, гладка дорога мертвецамъ". Поля и луга, села и рощи летятъ мимо нихъ; чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе: вотъ погребальное шествіе, вотъ рой привидѣній у висѣлицы. Наконецъ, они прискакали: кругомъ могилы, сама она въ объятіяхъ мертвеца, и духи поютъ ей предсмертную пѣснь: „Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь, Творцу въ бѣдахъ покорна будь!"

Эти послѣднія слова особенно ярко оттѣняютъ нравоучительный характеръ баллады, который, впрочемъ, и безъ нихъ очевиденъ. Свиданіе съ милымъ понимается не какъ награда Ленорѣ за ея любовь и вѣрность, а какъ кара. Радость совершенно отсутствуетъ; не успѣла невѣста, при появленіи жениха, стряхнуть бремя долгаго горя, какъ его странное требованіе отъѣзда въ ненастную ночь ввергаетъ ее въ новую тревогу. Описаніе страшной ночной скачки съ мертвецомъ занимаетъ въ балладѣ преобладающее положеніе; рядомъ съ этимъ впечатлѣніемъ меркнутъ всѣ остальныя.

Повторяю, участь Леноры представлена сплошнымъ ужасомъ, представлена карой; а причину кары благочестивый поэтъ-христіанинъ усмотрѣлъ въ богохульственномъ отчаяніи, которымъ она отвѣтила на ниспосланное ей Господомъ испытаніе.

Конечно, религіозная мотивировка кары остается собственностью поэта; въ народной легендѣ мотивировка могла быть иная или отсутствовать совсѣмъ. Зато одно несомнѣнно: вездѣ тамъ, гдѣ ночная скачка съ мертвецомъ стоитъ въ центрѣ бал-

лады, представленіе о свиданіи какъ о карѣ напрашивается само собою, и представленіе о немъ какъ о наградѣ исключается. Съ этой точки зрѣнія прямой противоположностью къ Бюргеровской Ленорѣ и ея народнымъ первообразамъ является другая, тоже народная, обработка мотива; она записана въ нѣскольких варіантахъ въ разныхъ областяхъ Германіи (одинъ изъ этихъ варіантовъ, нѣмецко-моравскій, приведенъ проф. Созоновичемъ, стр. 138). Въ виду ея важности для нашего вопроса я позволю себѣ привести ее въ переводѣ, синтетически примиряющемъ отдѣльные варіанты; оговариваюсь, что мой переводъ точно приноровленъ къ напѣву, но не къ размѣру нѣмецкой народной пѣсни:

Тихо другъ бредетъ къ подругѣ
И въ окно стучится къ ней:
„—Дома ль ты, моя зазноба?
Встань, впусти меня скорѣй!"

„—Нѣтъ съ тобой для насъ бесѣды,
Не могу тебя впустить:
Я давно люблю другого,
За тобою мнѣ не быть".

„—Тотъ, кого давно ты любишь,
Милый другъ мой, это я;
Ручку дай; меня узнаетъ
Ручка бѣлая твоя".

„—Отъ тебя землею пахнетъ,
Самъ ты смерти холоднѣй".
„—Какъ не пахнуть мнѣ землею?
Восемь лѣтъ лежу я въ ней!"

Разбуди отца родного,
Разбуди родную ты:
Данъ вѣнокъ тебѣ зеленый
До небесной высоты"!

Первый благовѣстъ раздался—
Помертвѣлъ невѣсты ликъ;
Благовѣстъ второй раздался—
Смертный хладъ ее проникъ;

Третій благовѣстъ раздался—
Испустила духъ она;
Такъ-то ночь двоихъ влюбленныхъ
Упокоила одна.

Въ ночь одну для двухъ влюбленныхъ
Вѣчной жизни часъ насталъ;
Самъ Господь съ небесной выси
Другъ ихъ съ другомъ обвѣнчалъ.

Нельзя сказать, чтобы страхъ вовсе отсутствовалъ въ этой обработкѣ: онъ ясно слышится въ четвертой строфѣ. Но дальше ея онъ не проникаетъ; затѣмъ идетъ описаніе свиданія влюбленныхъ и медленнаго счастливаго умиранія невѣсты въ объятіяхъ жениха подъ торжественный звонъ утренняго благовѣста, которымъ самъ Богъ какъ бы освящаетъ ихъ бракъ. О ночной скачкѣ не только не говорится—она прямо исключается всей обстановкой разсказа. Итакъ, мотивъ кары отсутствуетъ; его замѣняетъ мотивъ награды, звучащій особенно сильно въ послѣднихъ словахъ жениха съ ихъ красивой загадочностью: „данъ вѣнокъ тебѣ зеленый до небесной высоты" (Grün Kränzlein sollst du tragen—Bis in den Himmel' nein). Награды—за что? И въ этомъ пѣсня не оставляетъ никакого сомнѣнія: за вѣрность, съ которой невѣста хранила свою любовь для жениха за все время его долгаго отсутствія, вѣрность, о которой свидѣтельствуетъ ея отказъ вступить даже въ бесѣду съ чужимъ человѣкомъ въ ночное время. Именно ею она заслужила зеленый вѣнокъ.

Я ограничиваюсь этими двумя обработками, такъ какъ онѣ знаменуютъ собою оба полюса въ нравственной оцѣнкѣ мотива Леноры. А теперь переходимъ къ ея античной родоначальницѣ—Лаодаміи.

III.

Упоминается она впервые — хотя и безыменно — въ томъ мѣстѣ Иліады, гдѣ перечисляются по городамъ дружины ахейцевъ, выступившія въ походъ противъ Трои. Среди прочихъ называются и жители нѣкоторыхъ ѳессалійскихъ городовъ, между прочимъ и Филаки (II, 698).

Всѣхъ ихъ при жизни своей велъ въ поле питомецъ Ареса
Протесилай; но тогда онъ въ землѣ ужъ покоился черной.
Тамъ онъ, въ Филакѣ, жену неутѣшной вдовою оставилъ
И полуконченный домъ; уложилъ же дарданецъ героя
Въ мигъ, когда первымъ изъ всѣхъ съ корабля соскочилъ онъ на берегъ.

И только. Зналъ ли Протесилай, что, соскакивая первымъ на берегъ, онъ обрекалъ себя смерти? Это, собственно, не сказано; но понятно, что еслибы позднѣйшій поэтъ позанялся спеціально его участью, то такое предположеніе было бы для него очень заманчиво. Простая случайность превратилась бы въ обдуманный планъ, несчастье—въ самоотверженіе. Такое развитіе, повторяю, было бы вполнѣ естественно. Но зато для вдовы Протесилая краткое упоминаніе Иліады никакихъ зачатковъ дальнѣйшаго

развитія не заключало; ея неутѣшная скорбь—общій удѣлъ всѣхъ вдовъ.

Но мы давно отказались отъ мысли видѣть въ Гомерѣ первичную ячейку всей греческой миѳологіи; были мѣстныя традиціи, память о которыхъ поддерживалась мѣстными культами. Будучи значительно древнѣе Гомера, онѣ, тѣмъ не менѣе, могли значительно позже его попасть въ литературу. Въ литературу—т.-е., прежде всего, въ послѣ-гомеровскій эпосъ. Дѣйствительно, тотъ эпосъ, въ которомъ были описаны первыя событія троянской войны—такъ называемыя „Кипріи",—долженъ былъ поневолѣ заняться и подвигомъ Протесилая. Но мы объ этомъ знаемъ очень мало. Знаемъ, что въ немъ самоотверженный герой палъ отъ руки Гектора; очевидно, авторъ хотѣлъ почтить Протесилая, давая ему въ противники лучшаго троянскаго героя, но онъ этимъ противорѣчилъ Гомеру, который строго отличалъ дарданцевъ отъ троянцевъ, съ Гекторомъ во главѣ. Знаемъ, далѣе, что здѣсь жена Протесилая была названа „Полидорой", но былъ ли къ ней пріуроченъ „мотивъ Леноры"—неизвѣстно. Скорѣе—нѣтъ: этотъ мотивъ неразрывно связанъ съ именемъ Лаодаміи.

Итакъ, гдѣ впервые встрѣчается Лаодамія? Для насъ—въ трагедіи Эврипида, подъ заглавіемъ „Протесилай", но именно только для насъ. Хотя эта трагедія и потеряна, но ея фабула можетъ быть до нѣкоторой степени возстановлена по литературнымъ и археологическимъ свидѣтельствамъ; и вотъ тутъ-то оказывается, что Эврипидъ, ради разнообразія дѣйствія, соединилъ два параллельныхъ мотива, которые раньше существовали отдѣльно. Существовали; но гдѣ? Промежуточное мѣсто между эпосомъ и трагедіей занимала лирика; и дѣйствительно, мы увидимъ, что ей придется поставить въ счетъ если не оба параллельныхъ мотива, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ.

Но что же это за параллельные мотивы? Они извѣстны намъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ я—ради ясности—возьму самое позднее, византійскаго грамматика Цециса (Хиліады II, 52). Конечно, Цецисъ въ оригинальные источники не заглядывалъ; но такъ какъ александрійская и римская ученость, изъ которыхъ онъ черпалъ свою эрудицію, намъ не сохранена, то приходится поневолѣ имъ пользоваться. Итакъ, вотъ его свидѣтельство; переведемъ откровенной прозой его прозаическую поэзію: „Этотъ Протесилай былъ сыномъ Ификла. Оставивъ свою молодую жену Лаодамію, онъ вмѣстѣ съ прочими эллинами отправился въ походъ противъ троянцевъ и, первымъ соскочивъ на берегъ, первымъ изо всѣхъ былъ убитъ. А затѣмъ миѳографы

говорятъ, что Персефона, увидѣвъ его красоту и его скорбь о разлукѣ съ Лаодаміей, упросила Плутона вернуть ему жизнь и отправила его изъ обители Аида къ женѣ. Такъ говорятъ миѳы; правдивая же исторія разсказывается вотъ какъ. Когда вышеназванная супруга Протесилая узнала о случившемся съ мужемъ несчастіи, а именно объ его смерти, она изготовила себѣ деревянное подобіе Протесилая, и изъ тоски по супругу ложилась спать съ нимъ, не будучи въ состояніи вынести его отсутствіе. А другіе тогда стали говорить, что ночью его призракъ всегда является его женѣ; такъ-то и было сочинено то сказаніе".

Здѣсь дѣло ясно: мы имѣемъ, повторяю, два параллельныхъ мотива. Согласно первому, убитый Протесилай, съ соизволенія подземныхъ боговъ, возвращается къ нѣжно любимой женѣ; это и есть то, что мы называемъ „мотивомъ Леноры". Согласно второму, Лаодамія, по смерти мужа, изготовляетъ его изваяніе, съ которымъ и ночуетъ, точно съ живымъ человѣкомъ. Это подсмотрѣли, и люди, не зная, въ чемъ дѣло, пустили въ ходъ басню, что ее по ночамъ навѣщаетъ призракъ ея мужа. Что это такое? Въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ: раціоналистическая обработка мотива Леноры. Ея авторъ плохо вѣрилъ въ чудеса, но относился довѣрчиво къ миѳологической традиціи; тамъ, гдѣ она была непріемлема, онъ старался объяснить ее путемъ недоразумѣнія: „дѣло обстояло слѣдующимъ естественнымъ образомъ; но люди, по ошибкѣ и невѣжеству, пустили въ ходъ слѣдующую басню, которая и удержалась". Повторяю: „мотивъ статуи"—мотивъ искусственный, книжный; но онъ имѣетъ своимъ основаніемъ „мотивъ призрака", т.-е. мотивъ Леноры, являясь его раціоналистическимъ толкованіемъ.

Можно ли приписать этотъ книжный мотивъ, это толкованіе народнаго миѳа индивидуальной фикціей,—эпохѣ, которая насъ здѣсь интересуетъ, эпохѣ греческой лирики, около 500 г. до Р. Х.? Я думаю, вполнѣ; но пусть читатель посудитъ самъ. Пиндаръ въ первой олимпійской одѣ предлагалъ новую форму преданія о Пелопѣ: „сынъ Тантала, — говоритъ онъ, — о тебѣ я скажу иначе, чѣмъ мои предшественники". Тѣ давали старую, грубую, каннибалистическую версію, согласно которой Танталъ, чтобы испытать боговъ, пригласилъ ихъ на пиръ и угостилъ мясомъ собственнаго сына Пелопа; но Пиндару противна мысль о такомъ „обжорствѣ боговъ". Нѣтъ, дѣло произошло вотъ какъ. Пиръ, дѣйствительно, состоялся; на немъ Посидонъ, плѣнившись красотой отрока-Пелопа, похитилъ его. „А когда ты исчезъ, тогда кто-то изъ завистливыхъ сосѣдей распустилъ молву,

что ты былъ съѣденъ богами". Это—не единственный примѣръ; но мы удовольствуемся имъ.

Да, рефлексія дала знать о себѣ въ лирическую эпоху греческой миѳологіи; мы ей смѣло можемъ приписать и „мотивъ статуи", придуманный для объясненія „мотива призрака". Мало того: мы должны это сдѣлать, такъ какъ трагедія Эврипида—мы это увидимъ тотчасъ — предполагаетъ оба мотива не только существующими, но и достаточно вкоренившимися въ народномъ сознаніи. Но объ этомъ будетъ сказано тотчасъ; теперь же остановлю вниманіе читателей на самой идеѣ параллелизаціи призрака и статуи. Она у грековъ была тѣмъ болѣе естественна, что у нихъ одно и то же слово (eidôlon) означало и то, и другое; но я могу подтвердить ее интереснымъ, незамѣченнымъ до сихъ поръ примѣромъ. Спасая честь Елены, лирическій поэтъ Стесихоръ допускаетъ идею, что не она сама, а ея призракъ былъ увезенъ Парисомъ въ Трою. Послѣдователемъ Стесихора былъ Эсхилъ. Идея предшественника была для него данной, съ которой слѣдовало считаться; съ другой стороны онъ, не чувствуя надобности спасать честь Елены, держался исконной традиціи, согласно которой она сама дала себя увезти троянскому похитителю. А если такъ, то, значитъ, ея призракъ остался у Менелая. Съ этимъ онъ считается; но, находя эту идею въ этой формѣ непріемлемой, онъ толкуетъ ее по своему—и притомъ точь-въ-точь такъ же, какъ и тотъ нашъ анонимъ идею о призракѣ Протесилая. Менелай искалъ утѣшенія въ созерцаніи статуи Елены, но тщетно: „ненавистна мужу ласка прекраснаго изваянія: въ его пустыхъ глазахъ нѣтъ мѣста Афродитѣ" („Агамемнонъ", ст. 416). Но и это будетъ превратно понято, „и люди скажутъ, что ея призракъ властвуетъ въ домѣ". Сходство полное: статуя замѣняетъ призракъ. И дальше, и дальше тянется параллелизація: она переходитъ къ народамъ новой Европы, и, много столѣтій спустя, статуя—этотъ разъ уже самого новаго Менелая — вернется съ кладбища въ опозоренный домъ, чтобы увлечь съ собой въ царство мертвыхъ дерзновеннаго обольстителя его молодой жены.

IV.

Возвращаемся къ нашимъ параллельнымъ мотивамъ: отъ вниманія читателя не ускользнуло, что въ нихъ пока нѣтъ развязки. По одному—самъ Протесилай изъ преисподней возвращается къ

женѣ; по другому—она нѣжится съ его изваяніемъ. Прекрасно; но какова же, въ концѣ концовъ, ея участь? Цецисъ намъ на этотъ вопросъ отвѣта не даетъ: онъ придумываетъ — какъ онъ заявляетъ самъ—свою собственную развязку, которая именно поэтому для насъ неинтересна. Просмотрѣвъ, однако, внимательно прочіе разрозненные отрывки миѳографической традиціи, мы находимъ искомую развязку, или, вѣрнѣе, двѣ, по одной для каждаго мотива—а это, въ свою очередь, доказываетъ ихъ первоначальную самостоятельность.

Развязку перваго мотива даетъ намъ древній комментаторъ Виргилія, Сервій; комментируя то мѣсто своего автора, гдѣ тотъ, въ числѣ прочихъ тѣней преисподней, упоминаетъ и Лаодамію („Энеида", II, 447), онъ поясняетъ: „Лаодамія была женой Протесилая; получивъ извѣстіе, что ея мужъ погибъ первымъ въ троянской войнѣ, она возымѣла желаніе увидѣть его призракъ; когда ей это было дозволено, она уже не могла оторваться отъ него и погибла въ его объятіяхъ". Стоитъ сравнить этотъ краткій разсказъ съ той народной пѣсенкой, переводъ которой я помѣстилъ выше (гл. II). Сходство прямо поразительное: то же блаженное умираніе въ объятіяхъ милаго, явившагося на кратковременное свиданіе изъ могилы. Здѣсь все понятно: царство умершихъ прочно держитъ того, кто разъ въ него вступилъ, и если даетъ ему отпускъ, то не надолго: съ исчезновеніемъ ночного мрака — „при звукѣ утренняго благовѣста", какъ сказалъ бы поэтъ-христіанинъ,—долженъ исчезнуть и тотъ, кто отнынѣ принадлежитъ ночи. Но эта вторая разлука еще тяжелѣе первой; ее влюбленная уже не можетъ пережить. Таковъ нашъ мотивъ, общій разсказу Сервія и нѣмецкой народной пѣсенкѣ; какъ объяснить это сходство? Хотѣлось бы думать, что и въ древности существовала такая пѣсня о Лаодаміи, что она, перейдя въ средніе вѣка, вызвала появленіе той нѣмецкой... А впрочемъ, нужна ли тутъ пѣсня? Виргилій былъ самымъ популярнымъ и любимымъ поэтомъ средневѣковья, а вмѣстѣ съ нимъ жилъ и его толкователь Сервій; то мѣсто, гдѣ упоминается Лаодамія, стоитъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ эпизодовъ всей „Энеиды"—свиданіемъ Энея съ Дидоной въ царствѣ тѣней. Нѣтъ сомнѣнія, что молодые „схолары", насущнымъ хлѣбомъ которыхъ былъ Виргилій, знали это мѣсто особенно хорошо, а эти схолары были, въ свою очередь, создателями средневѣковой поэзіи западной Европы. Я думаю, если вообще признать прямую зависимость новѣйшей Леноры отъ античной, то предположенный нами здѣсь переходъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Еще одна частность. По свидѣтельству Сервія, тоска Лаодаміи заставляетъ боговъ преисподней отпустить къ ней ея мужа; по вышеприведенному свидѣтельству Цециса, напротивъ, починъ принадлежитъ Протесилаю—эту сцену, просьбу Протесилая и заступничество Персефоны, изображаетъ Лукіанъ въ одной изъ своихъ знаменитыхъ „бесѣдъ мертвыхъ“ (23). Понятно, что по этому побочному вопросу прочной традиціи быть не могло; была и примирительная версія, согласно которой совпаденіе желаній обѣихъ сторонъ склонило Плутона дать Протесилаю отпускъ.

Переходимъ, однако, отъ „мотива призрака“ ко второму варіанту, къ „мотиву статуи“. Узнавъ о смерти Протесилая—или, по другимъ, тотчасъ по его отправленіи подъ Трою—Лаодамія изготовляетъ его деревянное (или восковое) изображеніе и проводитъ съ нимъ ночи, точно съ живымъ. Развязка пока не предвидится: статуя не связана, подобно призраку, кратковременностью отпуска. Чтобы сдѣлать развязку возможной, нужно предположить, что кто-нибудь отнялъ у Лаодаміи то, что составляло ея единственное утѣшеніе; но кто могъ это сдѣлать? Отвѣтъ одинъ: тотъ, въ чьей власти она была послѣ ухода и смерти мужа, ея отецъ Акастъ. Но чѣмъ объяснить эту жестокость Акаста? Отвѣтить можно было различно. При скудости фантазіи, ее можно было мотивировать просто желаніемъ стараго царя, чтобы его дочь не убивалась понапрасну; такова традиція, сохраненная намъ въ краткомъ пересказѣ миѳографа Гигина (гл. 104): „Лаодамія, потерявъ мужа, велѣла изготовить восковое изображеніе его, поставила его, точно святой кумиръ, въ своей спальнѣ и стала ему воздавать почести. Однажды служитель, въ утреннее время, принося ей плоды для жертвоприношенія, заглянулъ въ щель и увидѣлъ, что она держитъ въ объятіяхъ статую Протесилая и цѣлуетъ ее. Вообразивъ, что у нея любовникъ, онъ разсказалъ увидѣнное ея отцу Акасту. Тотъ пришелъ, внезапно отворилъ дверь спальни и узналъ статую Протесилая. Не желая, чтобы его дочь долѣе мучилась, онъ приказалъ воздвигнуть костеръ и сжечь на немъ и статую, и священную утварь; тогда Лаодамія, не будучи въ состояніи вынести горе, сама бросилась въ огонь и погибла“.

Это, повторяю, при скудости фантазіи; при нѣсколько большей ея плодовитости и мотивировка могла быть найдена болѣе богатая и убѣдительная. Отчего не хочетъ Акастъ, чтобы его дочь отдавалась воспоминаніямъ о своей прежней любви? Оттого, что у него насчетъ ея особые планы. Дѣтей у Лаодаміи не было; она ничѣмъ не была привязана къ дому и семьѣ своего покой-

наго мужа. Если даже Пенелопу, мать почти взрослаго Телемаха, ея отецъ Икарій, отчаявшись въ возвращеніи Одиссея, торопилъ въ новый бракъ, то это тѣмъ болѣе простительно для отца совсѣмъ молоденькой Лаодаміи. Итакъ, его дочь, юная вдова, опять невѣста: женихъ найденъ, день свадьбы назначенъ. Но Лаодамія упорно отказывается промѣнять покойнаго на живого. Откуда такая настойчивость? Служитель сообщаетъ ему свое открытіе: Лаодамію по ночамъ навѣщаетъ любовникъ. Теперь все ясно: разгнѣванный отецъ вламывается въ теремъ мнимой грѣшницы—и находитъ въ ея объятіяхъ статую. Она оправдана; но вмѣстѣ съ тѣмъ найденъ и предметъ, приковывающій ее къ памяти Протесилая; теперь развязка Гигина понятна.

Кто былъ авторомъ этого мотива новаго брака, столь эффектно обогатившаго мотивъ статуи? Отвѣта на этотъ вопросъ мы дать не можемъ; самый мотивъ мы находимъ тамъ и сямъ въ позднѣйшей миѳографической традиціи, и я думаю, что его происхожденіе естественнѣе всего объяснить такъ, какъ это сдѣлано здѣсь. А теперь пора перейти къ тому, у кого сюжетъ античной Леноры получилъ свою классическую обработку—къ *Эврипиду* и его „Протесилаю“.

V.

Поставимъ, однако, еще одинъ вопросъ—тотъ самый, который мы поставили выше по поводу новѣйшей Леноры. Слѣдуетъ ли видѣть въ ея развязкѣ награду или кару? И если послѣднее, то за что?

Относительно „мотива призрака“ отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ: умершаго Протесилая отпускаютъ изъ преисподней для того, чтобы утѣшить вѣрную вдову — здѣсь идея награды подчеркнута даже еще сильнѣе, чѣмъ въ новѣйшей народной пѣсенкѣ. Другое дѣло—мотивъ статуи; божьей милости нѣтъ никакой, и если собрать воедино всѣ черты варіанта — безвременную смерть молодого мужа, скорбь вдовы, жалкое утѣшеніе, которое она находитъ въ своей любви къ статуѣ, ея гибель— то героиня представится несомнѣнно несчастной и, стало быть, наказанной. Кѣмъ и за что? Что касается перваго вопроса, то если кому угодно было видѣть въ привязанности героини къ статуѣ извращеніе половой чувственности, подъ вліяніемъ утраты прямого предмета любви, то онъ виновницей кары долженъ былъ признать Афродиту. Что же касается второго вопроса, то

мы прямого отвѣта дать не можемъ, но у древнихъ поэтовъ имѣлось въ такихъ случаяхъ нѣсколько трафаретное объясненіе: герой наказанъ за то, что не воздалъ божеству при такомъ-то случаѣ такой-то почести. Возможно, что оно было пущено въ ходъ и здѣсь.

Какъ бы то ни было, вотъ содержаніе трагедіи Эврипида, насколько его можно возстановить на основаніи отрывковъ и всей позднѣйшей традиціи.

Въ прологѣ выступаетъ, какъ это часто бываетъ у нашего поэта, божество—а именно Афродита. Она разгнѣвана на Лаодамію; жертвой ея гнѣва палъ—быть можетъ, отъ руки ея сына Энея—молодой мужъ виновной, разставшійся съ нею въ первый же день послѣ брачной ночи. Теперь царь Акастъ готовитъ для нея новую свадьбу, но ей не бывать: она внушила невѣстѣ-вдовѣ неестественную любовь, которая будетъ причиной ея гибели.

Сходятся филакійскія жены, подруги Лаодаміи (это—хоръ трагедіи); онѣ хотятъ уговорить ее, въ виду предстоящей свадьбы, отказаться отъ траура и надѣть приличествующій случаю нарядъ. Лаодамія выходитъ къ нимъ; къ ихъ утѣшеніямъ и совѣтамъ она нѣма; видно, что ея мысли гдѣ-то далеко и всего менѣе со своимъ новымъ женихомъ. Иногда странная, загадочная улыбка скользитъ по ея устамъ; съ нетерпѣніемъ ждетъ она наступленія ночи. Подругамъ она говоритъ, что хочетъ очиститься вакхическими обрядами, которые должны быть недоступны непосвященнымъ; удаляясь, она проситъ ихъ спѣть вакхическую пѣсню въ честь бога, что онѣ и дѣлаютъ.

Слѣдующее происходитъ за сценой, въ терему Лаодаміи, и дѣлается извѣстнымъ зрителю позднѣе, черезъ очевидца — какъ это принято въ греческой трагедіи. Съ немногими наперсницами Лаодамія вошла въ заповѣдную комнату своего терема; здѣсь, въ крытой зеленью бесѣдкѣ, увѣнчанный плющомъ, стоитъ восковой кумиръ Протесилая, преобразованный въ Діониса. Флейты играютъ, кимвалы гудятъ; подъ звуки этой оглушительной музыки вдова-вакханка справляетъ свою мистическую свадьбу съ новымъ Діонисомъ—подобіе той, которую ежегодно справляла въ древнѣйшемъ аѳинскомъ святилищѣ на Лимнахъ супруга архонта-царя съ тѣмъ же Діонисомъ, въ память аѳинской царицы Аріадны...

Знала ла Лаодамія, что она дѣлала, воздавая такія почести восковому кумиру? знала ли она о таинственной магической связи между восковымъ изображеніемъ и изображаемымъ? Страстные, восторженные призывы, обращенные къ бездушному подобію Протесилая, проникли къ нему самому; врата смерти сла-

бѣютъ передъ силою чаръ; царь подземныхъ отпускаетъ вызванную душу; Гермесъ провожаетъ ее обратно въ міръ живыхъ. Въ изступленіи діонисовой пляски Лаодамія упала, изнуренная, къ подножію своего кумира; внезапно предъ нею предсталъ самъ Протесилай, молодой и прекрасный, — какимъ онъ былъ, когда прощался съ нею, отправлясь въ роковой походъ. — Этотъ моментъ трагедіи изображенъ на знаменитомъ саркофагѣ, хранящемся въ церкви св. Клары въ Неаполѣ.

Ночь прошла; стало свѣтать. Къ терему Лаодаміи приближается служитель съ плодами для жертвоприношенія. Обыкновенно она бываетъ готова въ это время; теперь же все тихо, домъ молчитъ. Что бы это могло значить? Онъ смотритъ сквозь щель—и въ ужасѣ отшатывается. Такъ вотъ она значитъ, эта прославленная вѣрность его молодой госпожи! вотъ зачѣмъ она такъ упорно отказывается отъ новаго брака! А впрочемъ, развѣ не всѣ женщины таковы? Съ проклятіями по адресу слабаго пола идетъ онъ разсказать царю Акасту о своемъ открытіи.

Приходитъ, въ изступленіи гнѣва, Акастъ. Онъ хочетъ вломиться въ спальню дочери, захватить на мѣстѣ преступленія ея любовника — но, прежде чѣмъ онъ могъ исполнить свою угрозу, дверь сама отворяется, изъ терема выходитъ, вмѣсто незнакомаго прелюбодѣя, его зять, Протесилай. Гнѣвъ смѣняется ужасомъ, ужасъ—новымъ гнѣвомъ. Зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ простираетъ изъ мрака преисподней свои ненасытныя руки на ту, которой мѣсто еще долго среди живыхъ? Начинается споръ—странный, тягостный споръ: о правахъ жизни и правахъ смерти, о любви, побѣждающей адъ, и объ убогихъ разсчетахъ земного благополучія. На этотъ разъ побѣждаетъ жизнь: является вторично Гермесъ и напоминаетъ Протесилаю, что дарованное ему время прошло, что преисподняя ждетъ своего жителя. Протесилай исчезаетъ; Акастъ входитъ въ покои своей дочери.

Онъ застаетъ ее въ забытьи, обнимающей кумиръ мнимаго Діониса. Теперь причина происшедшаго для Акаста очевидна: эти притворныя вакхическія таинства, которыя, якобы для очищенія, справляла его дочь — это были чары, преступныя, нечестивыя чары, направленныя къ разрушенію преграды между жизнью и смертью, къ распространенію власти смерти надъ міромъ живыхъ. И этотъ восковой кумиръ Протесилая—главное орудіе этихъ чаръ, главное звено между его домомъ и обителью мертвыхъ. Но онъ разрушитъ это звено, онъ вернетъ свою дочь тому міру, который имѣетъ всѣ права на нее. По его приказанію сооружаютъ костеръ; онъ хватаетъ кумиръ. Тщетно сопро-

тивляется Лаодамія, обвивъ руками единственный залогъ возвращенія своего мужа: „не выдамъ, хоть онъ и бездушенъ, моего друга!“ Его вырываютъ, съ нимъ—вѣнки и кимвалы и всѣ символы притворныхъ діонисій. Вотъ уже все охвачено пламенемъ; вторично смерть осѣняетъ Протесилая, и на этотъ разъ окончательно и безъ возврата. Да, Акастъ былъ правъ: восковой кумиръ былъ звеномъ между царствомъ смерти и его дочерью; теперь, охваченный смертью, онъ и ее увлекаетъ съ собою. Лаодамія, „еще украшенная символами вакхическихъ таинствъ“ [1]), бросается въ пламя, поглотившее ея друга; теперь они вновь соединились,—соединились навсегда.

VI.

Такова эта странная трагедія—одно изъ самыхъ безумныхъ твореній прихотливой музы Эврипида. Какъ видно съ перваго взгляда, поэтъ достигъ разнообразія и обилія дѣйствія тѣмъ, что соединилъ оба параллельныхъ мотива миѳа о Лаодаміи—исконный „мотивъ призрака“ и придуманный для его раціоналистическаго истолкованія „мотивъ статуи“. Отъ ихъ соединенія получился, путемъ своего рода творческаго синтеза, новый благодарный мотивъ—мотивъ чаръ. Магическое значеніе восковаго изображенія извѣстно изъ символическихъ обрядовъ греческаго любовнаго колдовства: такъ, Симета топитъ въ огнѣ восковое подобіе своего невѣрнаго жениха, чтобы заставить его испытать муки любви. Фикція вышла очень убѣдительной и еще болѣе эффектной.

Эффектной, да; но для кого? Насколько мы можемъ судить, современники Эврипида отнеслись холодно къ этой его трагедіи съ ея смѣсью небывалаго эротизма и романтической эсхатологіи; по крайней мѣрѣ, Аристофанъ, столь усердно высмѣивавшій всѣ сколько-нибудь замѣчательныя драмы этого антипатичнаго ему поэта, совершенно обходитъ своимъ вниманіемъ его „Протесилая“. Повидимому, Эврипидъ, создавая его, опередилъ настроеніе своихъ соотечественниковъ на добрыя полтора столѣтія: когда наступила эпоха александрійскаго романтизма, тогда только народилась публика, способная понять и оцѣнить эту трагедію.

Зато этой публикѣ она пришлась по вкусу цѣликомъ, какова она была. Мы знаемъ, что александрійскіе поэты подвергли миѳы старинной родины новой переоцѣнкѣ и переработкѣ, всюду вы-

---

[1]) Эту черту сохранилъ Филостратъ въ своихъ „Портретахъ“, II, 9.

двигая или вводя тѣ элементы, которые мы нынѣ называемъ романтическими; Лаодамію они быстро пріобщили къ каталогу своихъ любимицъ, но, сколько ни перерабатывали ее, ничего существенно новаго къ ея Эврипидовской фабулѣ прибавить не могли. Мы судимъ объ этомъ не столько по оригинальной александрійской поэзіи—отъ нея намъ ничего сюда относящагося не сохранилось,— сколько по ея подражательницѣ, римской поэзіи перваго вѣка до Р. Х.

Начнемъ съ *Катулла*. Говоря объ услугѣ, оказанной ему другомъ, —этотъ другъ предложилъ ему свой домъ для свиданій съ Лезбіей,—онъ вспоминаетъ схожую сцену изъ миѳологіи, а именно тайныя свиданія, до брака, Лаодаміи съ Протесилаемъ (68, 73 и сл.):

Такъ въ отдаленные дни, нетерпѣніемъ страсти пылая,
Въ Протесилая чертогъ Лаодамія вошла
Тщетно основанный, прежде чѣмъ кровью священной своею
Жертва могла обагрить вышнихъ владыкъ алтари.
Да не полюбится мнѣ, Немезида, суровая дѣва,
Дѣло, что нашихъ господъ волѣ перечитъ святой!
Жаждетъ голодный алтарь благочестія дани кровавой!
Это признать и ее опытъ лихой научилъ.
Вырвалъ несчастную рокъ изъ объятій желаннаго мужа
Прежде, чѣмъ въ сладкой цѣпи идя, зима за зимой
Нѣгою долгихъ ночей утолила любовную жажду,
И одинокая жизнь стала возможна для ней.

Роль Лаодаміи здѣсь чисто эпизодическая, а это, въ свою очередь, исключаетъ всякую возможность новаторства въ области миѳа о ней; врядъ-ли можно сомнѣваться, что Катуллъ слѣдуетъ здѣсь своему образцу, александрійской поэзіи. Даетъ ли она что-либо новое въ сравненіи съ Эврипидомъ? Одну маленькую, но интересную подробность. Очевидно, и нашъ неизвѣстный авторъ представлялъ себѣ участь Лаодаміи какъ кару: кара предполагаетъ прегрѣшеніе, но противъ кого? Эврипидъ, поставившій себѣ тотъ же вопросъ, отвѣчалъ на него: противъ Афродиты; вотъ въ этомъ отношеніи нашъ поэтъ и разошелся съ нимъ... Позволю себѣ замѣтить—если бы кто нашелъ неяснымъ въ моемъ переводѣ отношеніе оборота: „прежде чѣмъ и т. д.", — что я тутъ воспроизвожу намѣренную туманность самого подлинника: александрійскіе поэты, а съ ними и ихъ римскіе подражатели, требовали очень внимательнаго и вдумчиваго къ себѣ отношенія. Все же, при болѣе тщательномъ размышленіи, становится несомнѣннымъ, что поэтъ хотѣлъ сказать слѣдующее: вина Лаодаміи заключалась въ томъ, что она, не дожидаясь свадьбы съ

ея жертвоприношеніями, ускорила свое счастье тайными свиданіями съ Протесилаемъ въ его неоконченномъ домѣ. Этимъ она возбудила противъ себя гнѣвъ—не Афродиты, конечно, которую бракъ, какъ таковой, не интересовалъ, а строгой покровительницы этого учрежденія, Геры. Свадебныя жертвоприношенія имѣютъ цѣлью расположить эту богиню въ пользу брачущихся; въ нашемъ случаѣ Гера, почувствовавъ себя оскорбленной, отомстила Лаодаміи тѣмъ, что разорвала ея бракъ тотчасъ послѣ его заключенія и предоставила молодую жену всѣмъ пыткамъ возбужденной, но неутоленной страсти... Въ этомъ послѣднемъ заключается, къ слову сказать, характерная особенность Катулловой версіи; мы не называемъ ее, однако, новшествомъ, такъ какъ считаемъ очень вѣроятнымъ, что она имѣлась уже у Эврипида.

Но причемъ здѣсь „тщетно основанный" (inceptam frustra) чертогъ Протесилая? Александрійскіе поэты любили намеки и писали для читателей, умѣющихъ ихъ понимать. Въ данномъ случаѣ намекъ обнаруживаетъ намъ и происхожденіе всей идеи оскорбленія Геры. Авторъ постарался вдуматься въ смыслъ Гомеровскихъ стиховъ о Протесилаѣ (выше, гл. III):

Тамъ онъ въ Филакѣ жену неутѣшной вдовою оставилъ
И полуконченный домъ...

Почему „полуконченный" (hêmitelês)? Конечно, отвѣтимъ мы, не въ томъ смыслѣ, что самое зданіе не было достроено, а либо въ болѣе широкомъ (младожены не успѣли вполнѣ устроиться), либо въ символическомъ (домъ, какъ семья, завершается рожденіемъ дѣтей). Но мы знаемъ въ то же время, что древніе иногда—напр. Лукіанъ—понимали нашъ оборотъ именно въ его прямомъ смыслѣ; и вотъ рождался дальнѣйшій вопросъ: какимъ образомъ домъ Протесилая могъ оказаться недостроеннымъ? Невѣсту вводили, разумѣется, въ готовый домъ жениха; итакъ, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ фактическое ускореніе или предвареніе свадьбы... Отсюда—дальнѣйшее.

Современникомъ Катулла былъ малоизвѣстный поэтъ *Левій*, отъ поэмъ котораго намъ сохранились только заглавія да отрывки; среди нихъ была также посвященная нашему сюжету баллада подъ вычурнымъ заглавіемъ „Протесилаодамія". Это была, судя по отрывкамъ, настоящая баллада въ нашемъ смыслѣ слова, написанная короткими ямбическими стихами, точь-въ-точь какъ и сама „Ленора" или „Людмила"; переводя ея отрывки, я только риѳму прибавилъ отъ себя. Лаодамія тоскуетъ по пропавшемъ безъ вѣсти супругѣ; что онъ умеръ, этого она не знаетъ, и въ

ея душѣ со страхомъ за жизнь милаго борются и другія заботы:

„Затмилъ, боюсь, въ краю богатомъ
Красавицъ Иліона рой,
Сверкая жемчугомъ и златомъ,
Подруги память дорогой;
Его плѣнила чужестранка—
О, еслибъ ложенъ былъ мой страхъ!—
Краса Востока, сардіянка
Съ лидійской нѣгою въ очахъ!“

Съ этимъ мотивомъ мы до сихъ поръ еще не встрѣчались— и не встрѣтимся даже въ подробной психологической картинѣ, которую начертало перо Овидія; какъ это ни странно, но римскій поэтъ предварилъ имъ мысль новѣйшей баллады, и даже не столько „Леноры“, сколько „Людмилы“, которая именно съ нея и начинается:

„Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою,
Знать, въ далекой сторонѣ,
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ?“

Вѣроятно, и у Левіевой Лаодаміи ревнивыя опасенія уступили мѣсто болѣе реальному страху; мы этого не знаемъ. Какъ бы то ни было, но реальный страхъ оправдывается: получено извѣстіе о смерти Протесилая, и ея отецъ не намѣренъ долѣе ждать. Онъ пріискалъ для дочери новаго жениха; ея сопротивленія напрасны, справляется свадьба. Эта свадьба описывается подробно: тутъ и священнодѣйствія, и пиръ, и чествованіе боговъ, и веселіе смертныхъ:

И вдругъ смятенье, стукъ и грохотъ:
То ворвалась толпа шутовъ,
И льется пѣснь, и слышенъ хохотъ.
Шумитъ потокъ нескромныхъ словъ—

обычная приправа греческой и римской свадьбы, Fescennina jocatio. Наконецъ торжество кончилось, молодые уходятъ къ себѣ;

Вотъ надо всей землею сонной
Ужъ Ночь покровъ сомкнула свой,
И по природѣ утомленной
Разлился сладостный покой...

Чѣмъ-то зловѣщимъ вѣетъ отъ этой ночной тишины, смѣнившей шумный день; мы знаемъ этотъ мотивъ изъ „Леноры“:

До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами...

И вотъ какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался...

Повидимому, и у римскаго поэта здѣсь слѣдовало появленіе призрака. Вопли уведенной насильно невѣсты достигли слуха ея любимаго, перваго мужа, нарушили его чуткій сонъ подъ покровомъ земли: онъ приходитъ къ ней—приходитъ за ней.

Вотъ какъ мы, руководясь отрывками и общими чертами фабулы, можемъ возстановить балладу Левія. Конечно, этихъ отрывковъ слишкомъ мало для того, чтобы мы могли ручаться за полноту нашей реконструкціи. О статуѣ Протесилая въ нихъ не упоминается вовсе; конечно, это могло быть дѣломъ случая, но, съ другой стороны, можно сослаться на то, что версія, очень схожая съ только-что возстановленной, предполагается въ краткомъ резюме Евстаѳія въ его комментаріи къ Иліадѣ (II, 315, 41 и сл.): „А другіе говорятъ, что Лаодамія, вслѣдствіе гнѣва Афродиты, и послѣ смерти Протесилая пылала любовью къ нему; по полученіи извѣстія о его гибели, она не только стала горевать о немъ, но и будучи заставляема отцомъ вступить во второй бракъ, не отказалась отъ своей любви; насильно заключенная, она все-таки проводила ночи съ мужемъ, предпочитая союзъ съ мертвымъ общенію съ живымъ, пока не умерла отъ тоски".

О популярности нашего миѳа въ александрійскую и римскую эпоху свидѣтельствуетъ и краткій намекъ у *Проперція* (I, 19); но такъ какъ онъ никакой новой черты не прибавляетъ къ тому, что намъ уже извѣстно, то мы, не останавливаясь на немъ, прямо переходимъ къ тому поэту, отъ котораго намъ осталось единственное цѣльное произведеніе, посвященное сюжету античной Леноры—къ *Овидію*.

VII.

„Лаодамія" Овидія—не просто баллада: это баллада-посланіе. Она принадлежитъ къ циклу любовныхъ посланій миѳическихъ героинь, сохраненному намъ подъ двойнымъ заглавіемъ „epistulae" или „heroides", и занимаетъ въ немъ тринадцатое мѣсто. Общая всѣмъ поэмамъ этого цикла форма такова: героиня, по какой бы то ни было причинѣ разлученная со своимъ милымъ, пишетъ ему письмо. Понятно, что самый фактъ такого письма былъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ вымысломъ самого поэта; а потому и выборъ момента для него всецѣло зависѣлъ отъ него. Онъ выбиралъ его съ такимъ разсчетомъ, чтобы ему можно было ввести въ сочиняемое письмо какъ можно болѣе эффектнаго балладическаго матеріала; но иногда при этомъ встрѣчались особаго рода трудности, и между прочимъ въ нашемъ случаѣ. Соб-

ственно балладическій характеръ участь Лаодаміи принимаетъ лишь послѣ полученія извѣстія о смерти Протесилая; но именно тогда не было уже никакого основанія написать ему письмо. Онъ долженъ былъ, поэтому, избрать болѣе ранній моментъ; а если такъ, то трагедія Лаодаміи могла быть затронута лишь въ формѣ невольныхъ намековъ или предчувствій. Разумѣется, поэзія отъ этого ничуть не потеряла — совершенно напротивъ; исполненная зловѣщихъ чаяній, „Лаодамія" принадлежитъ къ лучшимъ поэмамъ всего цикла „Героинь".

Попытаемся, прежде всего, возстановить эпическую фабулу, предполагаемую нашимъ поэтомъ: зная объ его стремленьи съ возможной полнотой исчерпать эпическій матеріалъ, мы будемъ имѣть полное право исключить изъ этой фабулы все то, на что въ нашей балладѣ не встрѣтится никакого намека. А потому мы заключаемъ: ничего такого, что могло бы вызвать гнѣвъ боговъ, въ Овидіевой „Лаодаміи" не предполагается: ни упущеннаго жертвоприношенія, ни предваренной свадьбы въ полуготовомъ домѣ. Лаодамія вышла за Протесилая по всѣмъ правиламъ греческой обрядности; она живетъ царицей въ его домѣ — теперь, въ его отсутствіе, подъ властью его стараго отца, а своего свекраИфикла, въ ближайшемъ общеніи со своимъ отцомъ Акастомъ и своей матерью и почетно навѣщаемая женами филакійскихъ вельможъ. Правда, ея медовый мѣсяцъ съ молодымъ мужемъ былъ прерванъ въ самомъ началѣ: этотъ Эврипидовскій мотивъ мы должны предположить и у Овидія, хотя опредѣленнаго указанія на это нѣтъ. Этимъ объясняется та своеобразная чувственность, которою баллада проникнута; такъ и видно, что брачная жизнь еще не успѣла, говоря словами Катулла, —

Нѣгою долгихъ ночей утолить ея жажды любовной.

Она еще молода: этимъ объясняется наивность совѣтовъ, которые она даетъ своему мужу, наивность, усугубляемую въ нашемъ случаѣ контрастомъ. Вѣдь тотъ человѣкъ, которому она такъ настоятельно совѣтуетъ всячески беречь свою жизнь и видѣть свою единственную цѣль въ томъ, чтобы, уйдя отъ смерти, какъ можно скорѣе вернуться въ ея объятія—его знало преданіе какъ самаго храбраго и самоотверженнаго въ ахейскомъ войскѣ, какъ того, который не задумался идти на встрѣчу вѣрной смерти, чтобы, принеся себя въ жертву, обезпечить своей родинѣ успѣхъ на войнѣ.

Итакъ, Протесилай уплылъ отъ своей молодой жены послѣ первыхъ же дней ихъ брачной жизни; по уговору, онъ соединилъ свои силы съ прочимъ греческимъ флотомъ въ беотійской гавани

Авлидѣ, и здѣсь его съ прочими задержали неблагопріятные вѣтры. Объ этой задержкѣ узнала Лаодамія; и вотъ она пишетъ ему туда же, въ Авлиду. Это — избранный поэтомъ моментъ; все дальнѣйшее могло быть сообщено лишь въ видѣ чаяній и вѣщаній.

Протесилаю суждено погибнуть; въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Уже при его уходѣ изъ дому произошла пустая, но зловѣщая случайность: переступая черезъ порогъ, онъ задѣлъ его ногой. Лаодамія замѣтила это тревожное знаменье и поспѣшила, въ тихой молитвѣ, дать ему хорошее толкованіе. Но ея душа неспокойна, и она все-таки рѣшается написать мужу объ этой нехорошей примѣтѣ, чтобы онъ былъ остороженъ въ бою. Но это не все. Ее безпокоятъ сновидѣнія: она видитъ своего мужа по ночамъ съ грустнымъ выраженіемъ лица и слышитъ отъ него, вмѣсто ожидаемыхъ нѣжностей, однѣ только печальныя, зловѣщія слова. Да, онъ, несомнѣнно, погибнетъ, и мы знаемъ даже, какъ онъ погибнетъ: онъ будетъ убитъ, первымъ спрыгнувъ на троянскій берегъ. Вѣщаніе о томъ, что первый гость вражьей земли будетъ первой жертвой войны, уже распространилось въ греческомъ войскѣ; оно дошло и до Лаодаміи, и ей страшно, какъ бы оно не сбылось на ея мужѣ: съ наивной настойчивостью проситъ она его не гоняться за призракомъ пустой славы. Мы знаемъ также, отъ кого онъ погибнетъ: имя Гектора запало въ сердце его жены и наполняетъ ее безотчетнымъ страхомъ. Какъ она узнала о немъ? Это вполнѣ естественно: похищеніе Елены, ближайшій поводъ войны, было темой повсемѣстныхъ разговоровъ, всѣ интересовались личностью искусителя и его рѣчами; такъ и Лаодаміи было извѣстно, что онъ, въ виду предстоящей войны, особенно разсчитывалъ на помощь своего доблестнаго брата, перваго изъ троянскихъ богатырей.

Итакъ, Протесилаю суждено пасть отъ руки Гектора въ первой же схваткѣ на троянскомъ побережьи; какова же будетъ участь Лаодаміи? Какому мотиву отдастъ Овидій предпочтеніе — „мотиву статуи“ или „мотиву призрака“? Или, быть можетъ, онъ, подобно Эврипиду, комбинируетъ оба? — Несомнѣнно послѣднее; въ этомъ насъ убѣждаетъ конецъ посланія. Лаодамія говоритъ о восковомъ изображеніи, замѣняющемъ ей Протесилая; она описываетъ его въ странныхъ, загадочныхъ выраженіяхъ; видно, что душа обреченнаго уже наполовину переселилась въ его изваяніе. Правда, въ одномъ онъ расходится съ Эврипидомъ: у того Лаодамія велитъ изготовить себѣ изображеніе мужа уже послѣ того, какъ она узнала о его смерти. Но это уклоненіе было необходимо, если вообще Овидій дорожилъ этой чертой и

хотѣлъ упомянуть о ней. А съ другой стороны и „мотивъ призрака" затронутъ въ послѣднихъ стихахъ, въ торжественномъ обѣтѣ молодой жены „послѣдовать спутницей за мужемъ, куда бы онъ ее ни позвалъ, случится ли то, чего она, увы, боится, или же онъ останется невредимъ". Очевидно, сбудется первое: убитый, онъ придетъ за нею, и она вмѣстѣ съ нимъ покинетъ этотъ міръ. О возможности новой свадьбы не упоминается вовсе, изъ чего можно заключить, что источникъ Овидія ея не зналъ; повидимому, этимъ источникомъ былъ александрійскій поэтъ, который, слѣдуя вообще Эврипиду, упростилъ его фабулу, пожертвовавъ нѣкоторыми ея чертами.

Такова эпическая канва Овидіевой баллады; но читателя интересуетъ не столько она, сколько лирическіе узоры, которыми поэтъ ее разукрасилъ. Въ нихъ онъ и здѣсь проявилъ свое обычное мастерство. Передъ нами совершенно опредѣленный женскій типъ, отличный отъ другихъ, соединенныя характеристики которыхъ составляютъ нашъ сборникъ. Его формула можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: это— влюбленная молодая жена, счастье которой было прервано въ самомъ началѣ. Всѣ ея мечты направлены къ его возстановленію, всѣ ея чувства — волнующееся море между послѣднимъ поцѣлуемъ разлуки и первымъ поцѣлуемъ свиданія. Интересно прослѣдить, какъ во всѣ ея мысли вплетается алой лентой это представленіе любовной ласки. Она слышитъ о задержкѣ флота въ Авлидѣ — ей досадно, что даромъ пропадаютъ дни, отнятые у ея поцѣлуевъ; она завидуетъ троянкамъ, что онѣ, снаряжая мужей въ бой, будутъ и провожать, и встрѣчать ихъ лобзаніями; она со жгучей страстностью представляетъ себѣ сцену возвращенія своего мужа и заранѣе вкушаетъ тѣ ласки, которыми она намѣрена прерывать его разсказы о своихъ подвигахъ. Эти подвиги для нея ничуть не интересны,—она желаетъ, чтобы ихъ было меньше. Изъ всѣхъ ахейцевъ подъ Иліономъ только Менелай имѣетъ основаніе быть храбрымъ, такъ какъ только его въ осажденномъ городѣ ждетъ ласка уведенной жены. У другихъ нѣтъ повода совершать отважные подвиги, и менѣе всего у Протесилая. Ей больно при одной мысли, что любимый ею человѣкъ терпитъ невзгоды отъ жесткаго шлема или брони; совершенно отожествляя себя съ нимъ, она хочетъ по мѣрѣ возможности раздѣлить эти невзгоды. Представленіе же, что онъ можетъ получить рану, для нея прямо невыносимо: она чувствуетъ, въ силу того же отожествленія, что изъ этой его раны ея собственная кровь брызнетъ навстрѣчу обидчику.

Но эти цвѣты любовнаго счастья преждевременно поблекли и завяли; до нихъ заранѣе дотронулась холодная рука смерти, и мы вездѣ чувствуемъ ея леденящее прикосновеніе. Я уже говорилъ о тѣхъ предчувствіяхъ, которыми наполнена наша баллада; но я указалъ только на объективныя между ними, а между тѣмъ Лаодамія сама, точно влекомая роковой силой, ихъ увеличиваетъ своей неосторожностью. Тогда, когда съ ея мужемъ при его уходѣ случилось то маленькое несчастье, она хотѣла отозвать его, но во-время удержалась, зная, что отзываніе уходящаго какъ бы заранѣе обрекаетъ его путь на неудачу; и все-таки она, увлекаясь своими страхами вслѣдствіе задержки въ Авлидѣ, настоятельно проситъ мужа вернуться домой и слишкомъ поздно замѣчаетъ, что этимъ страстнымъ отзываніемъ она увеличиваетъ число дурныхъ примѣтъ. Любовь Менелая къ женѣ она съ его точки зрѣнія одобряетъ, но со своей—осуждаетъ: ей страшно при мысли объ ея послѣдствіяхъ; страхъ и здѣсь увлекаетъ ее, и она заранѣе скорбитъ о тѣхъ многихъ вдовахъ, которымъ придется оплакать его месть,—забывая, что говорить заранѣе объ этомъ вдовствѣ значитъ способствовать его осуществленію, и что вызванная ею злая сила скорѣе всего можетъ осуществить его на ней самой. Въ обоихъ случаяхъ она спохватывается—и этимъ лишь усиливаетъ тяжелое впечатлѣніе, производимое ея увлеченіемъ.

Таковы специальныя черты Овидіевой Лаодаміи; не останавливаясь на общихъ, свойственныхъ всему поэтическому стилю Овидія, позволю себѣ предложить читателю русскій переводъ его баллады—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяю это, единственной дошедшей до насъ въ цѣльности поэтической обработки „античной Леноры“.

VIII.

Протесилаю привѣтъ шлетъ за море Лаодамія,
　　Сыну Ѳессаліи—дочь, милому мужу—жена.
Вѣтромъ лихимъ, говорятъ, ты задержанъ, въ Авлидѣ туманной;
　　Ахъ, какъ меня ты бросалъ, гдѣ былъ тотъ вѣтеръ лихой?
Вотъ бы когда разыграться вѣтровъ непокорныхъ потѣхѣ,
　　Вотъ бы когда бурунамъ веселъ осилить напоръ!
Больше бъ тебѣ поцѣлуевъ, завѣтовъ дала я прощальныхъ...
　　Сколько тебѣ досказать я не успѣла тогда.

Разомъ не стало тебя, и умчалъ тебя вѣтеръ попутный,
　　Столь же желанный пловцамъ, сколь роковой для меня.
Во-время имъ онъ подулъ, но не во-время сердцу влюбленной;
　　Вмигъ изъ объятій моихъ мой былъ исторгнутъ супругъ.

Я просыпаюсь въ испугѣ, молюсь привидѣніямъ ночи,
 Всѣхъ ѳессалійскихъ боговъ ладаномъ чту алтари.
Ладанъ дымится, и слезы текутъ, и отъ влаги горючей
 Свѣтится какъ отъ вина вспышкой внезапной огонь...

Скоро ль прижмусь я къ тебѣ? Безконечно—пока сама радость
 Сладкой истомой любви узъ не развяжетъ моихъ?
Скоро ль въ объятіяхъ друга, покоясь на ложѣ веселомъ,
 Повѣсти буду внимать подвиговъ бранныхъ его?
Чудная будетъ то повѣсть!.. а все же пріятно намъ будетъ
 И поцѣлуемъ прервать воспоминаній потокъ;
Это законный отдѣловъ конецъ, и живѣе польется,
 Послѣ задержки такой, рѣчь о троянскихъ бояхъ...

Троя! Лишь вспомню о ней, мнѣ чудятся бури и волны,
 Гаснетъ въ туманѣ заботъ свѣточъ надежды моей.
Что бъ это значить могло, что вѣтрами походъ вашъ задержанъ?
 О, я боюсь, что ему сила противится водъ.
Даже домой противъ воли вѣтровъ не рѣшаемся плыть мы;
 Вы жъ противъ воли вѣтровъ изъ дому плыть собрались!
Самъ Посидонъ преграждаетъ вамъ путь въ свой излюбленный городъ;
 Что же васъ гонитъ? Домой каждый вернитесь скорѣй!
Что же васъ гонитъ, данайцы? Вѣтровъ повинуйтесь запрету!
 Это не прихоть судьбы—гнѣвъ это бога на васъ.
Ради блудницы презрѣнной походъ вы такой снарядили!
 Есть еще время: назадъ бѣгъ поверните, ладьи!..
Что я? Назадъ васъ зову? Отвратите вы знаменье, боги!
 Пусть ихъ по ровнымъ волнамъ ласковый вѣтеръ несетъ!

Счастливъ троянокъ удѣлъ. И своихъ многослезная гибель
 Будетъ у нихъ на глазахъ, будетъ и врагъ недалекъ.
Тамъ на супруга лихого своею рукой молодая
 Латы надѣнетъ, чело шлемомъ покроетъ его...
Латы надѣнетъ, свой трудъ облегчая лобзаніемъ нѣжнымъ;
 Будетъ и ей, и ему служба такая сладка.
Въ бой провожая супруга, совѣтъ ему дастъ на прощанье:
 „Помни доспѣхи свои Зевсу родному вернуть!“
Онъ же, въ душѣ затаивъ своей милой прощальное слово,
 Будетъ сражаться умно съ мыслью о домѣ своемъ.
Та, по возвратѣ героя, и шлемъ съ него сниметъ, и латы...
 Бѣлою грудью своей сниметъ усталость съ него...
Да, ея сладокъ удѣлъ. А насъ неизвѣстность замучитъ,
 Всякой возможной бѣдѣ вѣрить заставитъ насъ страхъ.

Все же пока на чужбинѣ ты въ бранной работѣ томишься,
 Образъ изъ воска твои мнѣ сохраняетъ черты.
Онъ моей ласки предметъ: онъ къ тебѣ обращенныя рѣчи
 Слышитъ, объятья мои онъ получаетъ пока.
Вѣрь, не простой это воскъ. Въ немъ я тайную чувствую силу:
 Даръ бы былъ слова—нашла бъ Протесилая я въ немъ.
Все на него я смотрю; точно къ мужу къ нему прислоняюсь;
 Плачусь ему, точно рѣчь онъ понимаетъ мою...

Я же возвратомъ твоимъ и священною жизнью клянуся,
Пламенемъ общимъ сердецъ, брачныхъ святыней огней,
Друга главой, что сѣдою я нѣкогда видѣть желаю,
Друга главой, что обнять я съ нетерпѣніемъ жду—
Всюду, куда бъ ни позвалъ ты, на томъ ли, на этомъ ли свѣтѣ,
Я за тобой, мой супругъ, спутницей вѣрной пойду..
Нынѣ же краткимъ завѣтомъ свое я закончу посланье:
Если меня ты сберечь хочешь, себя береги!

IX.

Память о Протесилаѣ и Лаодаміи хранилась не только въ литературѣ: она была связана и съ культами, которые правились въ честь перваго изъ нихъ, какъ „героя" въ сакральномъ значеніи слова. Культъ героевъ, представляющій столько сходства съ культомъ святыхъ въ христіанской церкви, получилъ особое развитіе, благодаря религіи дельфійскаго Аполлона; благодаря ей вся Греція покрылась могилами героевъ, чествованіе которыхъ было религіознымъ долгомъ соотвѣтственныхъ общинъ; возникли и преданія о явленіи людямъ героевъ и совершаемыхъ ими чудесахъ. Ихъ представляли себѣ исполинскаго роста — десяти локтей и болѣе — и столь же сверхчеловѣческой красоты; они карали тѣхъ, кто имъ отказывалъ въ уваженіи, но и помогали вѣрующимъ, даруя имъ исцѣленія отъ болѣзней и вѣщанія объ ожидающей ихъ въ будущемъ судьбѣ.

Всѣ славные участники троянской войны имѣли свои культы, какъ герои, въ различныхъ частяхъ греческаго міра; имѣлъ таковой и Протесилай. Онъ имѣлъ даже два: одинъ на своей родинѣ, въ ѳессалійской Филакѣ, другой—въ ѳракійскомъ городѣ Элеунтѣ на Геллеспонтѣ, противъ троянскаго побережья. О первомъ упоминаетъ Пиндаръ: тамъ въ честь героя происходили конныя ристанія съ призами для побѣдителей. Въ Элеунтѣ находилась его могила, окруженная вязами; объ этихъ вязахъ ходило преданіе, что тѣ ихъ вѣтви, которыя были обращены къ Троѣ, рано теряли свои листья,—символъ безвременной смерти героя. Тамъ же находился и его храмъ съ прорицалищемъ, настолько богатый, что онъ соблазнилъ персидскаго намѣстника во время ухода персидскихъ войскъ послѣ платейскаго пораженія и былъ имъ разграбленъ. Это разсказываетъ Геродотъ; но еще болѣе, чѣмъ шесть вѣковъ спустя, поздній греческій писатель Филостратъ подробно говоритъ объ элеунтскомъ культѣ Протесилая въ своемъ діалогѣ подъ заглавіемъ „Heroicus". Одинъ финикіянинъ, высадившись въ Элеунтѣ, вступаетъ въ разговоръ

съ тамошнимъ виноградаремъ; послѣднiй пользуется особымъ покровительствомъ героя Протесилая—„того ѳессалiйскаго", какъ онъ поясняетъ, „мужа Лаодамiи,—это обозначенiе онъ особенно любитъ". Обо многомъ разспрашиваетъ его финикiянинъ, касающемся чудесной посмертной жизни его покровителя,—и мы съ удовольствiемъ читаемъ эту интересную религiозную идиллiю, напоминающую помпеянскiе ландшафты, въ которыхъ прислоненный къ дереву тирсъ и привѣшенный кимвалъ напоминаютъ о присутствiи божества въ охраняемой имъ природѣ; съ тѣмъ бо́льшимъ интересомъ читаемъ мы ее, что она написана уже въ эпоху борьбы язычества съ христiанствомъ, и то одухотворенiе и обоготворенiе прекрасной природы, которымъ она дышитъ, уже запечатлѣно печатью смерти. И вотъ, между прочимъ, гость виноградаря спрашиваетъ его о любви его героя къ Лаодамiи: какова она теперь? „Онъ любитъ ее, чужестранецъ,—отвѣчаетъ винограадарь, — и ею любимъ, и они живутъ другъ съ другомъ, какъ самые нѣжные молодые супруги".

Это—послѣднее, что мы слышимъ изъ древности о Протесилаѣ и Лаодамiи и объ ихъ любви, поборовшей смерть.

Ѳ. Зѣлинскiй.

СВЯТОЙ

РОМАНЪ.

Antonio Fogazzaro. Il Santo. Romanzo. Milano, 1906.

VIII *).

Хозяинъ гостинницы въ Дженнэ, степенный человѣкъ въ очкахъ, почтительный, но безъ заискивающаго тона, знающій свѣтъ и людей, такъ какъ онъ побывалъ въ Америкѣ, но не зараженный испорченностью свѣта, говорилъ новоприбывшимъ о Бенедетто благосклонно, но съ дипломатической сдержанностью. Онъ не называлъ его святымъ, а просто „фра-Бенедетто", и разсказалъ, что онъ живетъ въ принадлежащемъ ему, хозяину гостинницы, домикѣ, и за это обрабатываетъ маленькое поле, прилегающее къ домику. Желающіе видѣть его должны ждать до одиннадцати часовъ, такъ какъ теперь онъ коситъ траву. День свой онъ проводитъ слѣдующимъ образомъ: на зарѣ онъ ходитъ на раннюю службу въ церковь, затѣмъ работаетъ до одиннадцати. Ѣстъ онъ хлѣбъ, овощи, плоды и пьетъ только воду. Послѣ полудня онъ безвозмездно обрабатываетъ землю вдовъ и сиротъ. По вечерамъ, сидя у дверей, говоритъ о Богѣ.

Въ половинѣ одиннадцатаго, Сельва съ женой и Ноэми отправились осматривать мѣстную церковь святого Андрея, въ сопровожденіи жены хозяина, красивой, здоровой, очень опрятной, простой и веселой женщины. Выйдя на площадь изъ лабиринта переулковъ, окружавшихъ гостинницу, они увидѣли тамъ цѣлую толпу женщинъ—по словамъ хозяйки, все пришедшихъ изъ раз-

*) См. выше: февраль, стр. 654.

ныхъ окрестныхъ деревень. Она различала ихъ по юбкамъ и корсажамъ, по обуви.—Вотъ эти изъ Треви, эти изъ Филетино, тѣ изъ Валепіетро.—Хозяйка вошла въ булочную направо отъ церкви, куда дженнэнскія хозяйки отдавали печь свои пироги.

— Всѣ онѣ пришли къ нашему святому, — сказала она Маріи. Она говорила не „фра-Бенедетто“, какъ ея мужъ, а „святой“, но прибавила, покраснѣвъ, что зоветъ его такъ только въ его отсутствіе, потому что онъ сердится, когда его называютъ святымъ въ глаза.—Нельзя, конечно, сказать, что онъ дѣйствительно сердится — онъ святой и не знаетъ гнѣва, но скорбно проситъ, чтобъ его такъ не называли.

Они вошли въ большую, ветхую церковь, которая, по словамъ хозяйки, навѣрное рушится какъ-нибудь въ воскресенье и раздавитъ всѣхъ, какъ мышей. Въ церкви были только двое больныхъ и сопровождавшіе ихъ родные. Больныхъ положили на полъ, на самую середину церкви, подложивъ подушки подъ головы. Ихъ провожатые бормотали молитвы, стоя на колѣняхъ, и продолжали молиться, не поднимая глазъ на вошедшихъ.

— Они, вѣрно, ихъ привели для того, чтобы святой благословилъ ихъ,—сказала хозяйка тихимъ голосомъ,—но это очень огорчаетъ святого. Онъ не хочетъ исцѣлять. Они, быть можетъ, постараются коснуться тайкомъ его платья, но и это теперь трудно сдѣлать.

Стоявшіе на колѣняхъ прервали молитву, и одна изъ женщинъ подошла къ вошедшимъ и спросила: пробило ли уже одиннадцать часовъ? Марія сказала, что теперь три-четверти одиннадцатаго, и стала ее разспрашивать о больныхъ. Женщина ей отвѣтила, что молодой человѣкъ страдаетъ уже два года лихорадкой, а у его сестры—болѣзнь сердца. Они живутъ за нѣсколько часовъ отсюда, въ Арцинацо, и ихъ привезли на излеченіе къ святому. Одна женщина изъ Арцинацо, тоже страдающая болѣзнью сердца, излечилась нѣсколько дней тому назадъ только тѣмъ, что коснулась одежды святого. Марія и Ноэми вступили въ разговоръ съ больными. Дѣвушка говорила, что надѣется на исцѣленіе, но ея братъ, измученный лихорадкой, видимо согласился пріѣхать сюда только ради своей семьи и чтобъ испытать еще и это послѣднее средство. Онъ сильно страдалъ дорогой.

— По такой дорогѣ прямо угодишь въ загробный міръ,— говорилъ онъ.—Въ этомъ-то, вѣрно, и состоитъ исцѣленіе.

Женщина, стоявшая подлѣ него, вѣроятно его мать, разрыдалась, и стала его умолять, чтобъ онъ молился и взывалъ къ заступничеству Іисуса и Маріи. Ноэми съ сестрой отошли. Ихъ

позвалъ Джіованни на площадь, гдѣ начиналась стычка между женщинами и студентами, которые обогнали Сельва и двухъ сестеръ по дорогѣ въ Дженнэ. Студенты, вѣроятно, вздумали подшучивать надъ преклоненіемъ женщинъ передъ святымъ. Онѣ разозлились. На помощь къ нимъ вышли изъ булочной мѣстныя обывательницы. Съ другой стороны на площади показались два полицейскихъ. Ноэми и Марія подошли къ женщинамъ и стали ихъ успокаивать. Джіованни усовѣщивалъ студентовъ, которые смѣялись изъ озорства. Изъ церкви раздалось пѣніе, сначала тихое, потомъ, когда раскрылась дверь, болѣе громкое:

— Sancta Maria, ora pro nobis!

Изъ дверей церкви показались оба больныхъ. Дѣвушка шла выпрямившись, а брата ея несли на рукахъ; руки у него свисали, какъ у мертваго. Носившіе его тоже пѣли съ просвѣтленными лицами: „Sancta virgo virginum, ora pro nobis!“ На площади женщины опустились всѣ сразу на колѣни, подлѣ растерявшихся полицейскихъ. Студенты замолчали. Кавалькада мужчинъ и дамъ, выѣхавшая на площадь по дорогѣ для муловъ изъ Валь д'Аніена, остановилась. Марія сначала, а потомъ Ноэми, охваченныя общимъ порывомъ религіознаго возбужденія, тоже опустились на колѣни. Джіованни колебался. Онъ не раздѣлялъ вѣры этихъ людей. Ему казалось, что возить издалека на мулахъ больныхъ для того, чтобы какая-нибудь реликвія или какой-нибудь человѣкъ ихъ исцѣлялъ чудомъ, значитъ оскорблять Творца, одарившаго человѣка разумомъ. Но они поступали по внушенію искренней вѣры. Подъ грубой оболочкой невѣжества въ нихъ таилось то, чего лишены гордые умы—чутье къ скрытой истинѣ, которая и есть жизнь—таинственный лучъ, скрытый въ грудѣ неочищенныхъ минераловъ. Это была вѣра, безвинное заблужденіе, любовь, скорбь, видимая тайна среди болѣе высокихъ, недоступныхъ тайнъ вселенной. Казалось, что сама земля и большой печальный фасадъ церкви, и маленькіе грустные домики, окружавшіе площадь, чувствовали это и проникались благоговѣніемъ. Въ памяти Джіованни мелькнулъ образъ умершей женщины, близкой его сердцу; она тоже вѣрила во все это. Онъ почувствовалъ, какъ пробѣжалъ холодъ по его жиламъ, и невольно опустился на колѣни. Родные двухъ больныхъ прошли мимо него, громко взывая къ Мадоннѣ съ поднятыми вверхъ лицами. Стоявшія на колѣняхъ женщины поднялись и послѣдовали за шествіемъ. Въ это время нѣсколько женщинъ изъ Дженнэ громко повторяли: — Онъ этого не хочетъ, не хочетъ!

Одна изъ женщинъ объяснила Маріи, что святой проситъ

не приводить къ нему больныхъ. Но ихъ не слушали, и онѣ тоже пошли за другими изъ любопытства. Сельва съ женой, послѣ нѣкотораго колебанія, послѣдовали за Ноэми, возбужденной ожиданіемъ. За ними, на нѣкоторомъ разстояніи, чтобы показать, что они зрители, а не участники, шли студенты. Издали шествіе провожали два полицейскихъ, идя въ хвостѣ толпы, извивавшейся, какъ змѣя, промежъ старыхъ домовъ противъ церкви, то скрываясь за углами, то вновь показываясь между домами.

Шествіе направилось по темнымъ маленькимъ улицамъ, носящимъ громкія названія, и пришло въ другую часть деревни, самую бѣдную и жалкую. Тамъ, на каменистомъ скатѣ горы, прилѣпляясь къ утесамъ, стояла, какъ бы скользя внизъ между камнями, кучка лачугъ. Черныя маленькія окна глядѣли какъ глаза скелетовъ въ тишину глубокой, замкнутой среди горъ долины. Изъ дверей вели внизъ на камни разрушенныя лѣстницы—иногда только съ тремя-четырьмя ступеньками; нѣкоторыя совсѣмъ уже не имѣли ступенекъ. А внутренность домиковъ, куда можно было попасть только съ величайшими трудностями, представляла собой пещеры безъ свѣта и воздуха.

Въ одной изъ такихъ недоступныхъ пещеръ жилъ Бенедетто. Два потока толпы, разъединившейся во время спуска, сошлись у его открытой двери. Изъ пекарни, рядомъ, вышли женщины и сказали, что Бенедетто нѣтъ дома. Толпа, слѣдовавшая за больными, заволновалась; послышались громкія жалобы. Въ другомъ концѣ шествія, гдѣ не понимали причины раздавшихся сѣтованій, всѣ старались пробраться впередъ, узнать, въ чемъ дѣло. Не случилось ли несчастія съ больными? Три студента проталкивались впередъ, вызывая сердитые окрики женщинъ. Одна женщина изъ Дженнэ подала новую мысль:

— Несите несчастныхъ къ нему въ домъ!

— Да, да, въ домъ святого!—Люди ждали чудесъ отъ самыхъ стѣнъ, въ которыхъ жилъ святой, отъ пола, на который онъ ступалъ, отъ предметовъ, которыхъ онъ касался, пропитанныхъ его святостью. — На постель святого! На постель святого! — Больныхъ внесли въ домикъ и положили поперекъ постели святого. Волна людей хлынула въ пещеру, и всѣ стали молиться, опустившись на колѣни.

Это была настоящая пещера, съ высѣченными въ скалѣ стѣнами, съ землянымъ поломъ. Оконъ не было, но лучъ солнца, вошедшій сверху черезъ трубу, озарилъ небеснымъ пламенемъ камни очага, даже не покрытые золой. Постель была устлана коричневымъ одѣяломъ; у входа, на выступѣ скалы, высѣчено

было Распятіе. Въ одномъ углу стояло большое ведро воды — единственная роскошь въ пещерѣ, — глиняная зеленая чашка, графинъ и стаканъ. Нѣсколько книгъ лежали кучкой на продавленномъ соломенномъ стулѣ. На другомъ стулѣ стояла тарелка съ хлѣбомъ и бобами. Все свидѣтельствовало о крайней бѣдности, но на всемъ видна была забота о чистотѣ и порядкѣ.

Больной метался въ лихорадкѣ, жалуясь на холодъ, сырость и мракъ. Онъ говорилъ, что ему хуже и что его привезли сюда умирать. Родные умоляли его успокоиться и не терять надежды. Молоденькая сестра его, съ больнымъ сердцемъ, напротивъ того, почувствовала облегченіе черезъ минуту послѣ того, какъ ее уложили въ постель. Она вдругъ заявила, что совершенно здорова. Всѣ вокругъ нея стали плакать и смѣяться отъ радости и славить Господа. Ей цѣловали платье, какъ будто бы она сама стала святой; кто-то выбѣжалъ изъ пещеры и громко возвѣстилъ объ ея исцѣленіи стоявшимъ у входа. Раздались радостные голоса въ отвѣтъ; люди съ возбужденными лицами и жадными глазами старались проникнуть въ пещеру. Въ эту минуту кто-то спустившійся дальше внизъ, въ поискахъ за святымъ, крикнулъ издали: — Святой идетъ! Святой идетъ! — Тогда толпа снова хлынула изъ пещеры наружу; раздался гулъ шаговъ и голосовъ, и въ одну минуту все опустѣло вокругъ Джіованни и его дамъ и нѣсколькихъ студентовъ, остановившихся у порога хижины. Часть женщинъ изъ Дженнэ пошла обратно на работу въ пекарню, а часть осталась стоять у дверей. Марія стала ихъ разспрашивать: — Неужели все это пріѣзжіе? — спросила она про толпу, устремившуюся на встрѣчу святому. — „Да, почти всѣ они изъ Валепіетро. Лучше бы оттуда вмѣсто нихъ вода пришла“.—Чего же они хотятъ? Заманить къ себѣ святого?—„Да, объ этомъ поговариваютъ“.—Ну, а вы?—„Мы-то знаемъ, что онъ не уйдетъ. И кромѣ того“...—Но женщина не докончила фразы; ее позвали изнутри, и тамъ начался споръ. Джіованни и Марія вошли въ пещеру, взглянуть на чудесно исцѣленную. Ноэми осталась передъ дверью. Ей хотѣлось поскорѣе увидать Бенедетто. Сама не понимая, почему она такъ волнуется, она внутренно бранила себя за глупость, но не трогалась съ мѣста.

Внизу показались идущіе полемъ два человѣка въ одеждахъ бенедиктинцевъ. У одного изъ нихъ сверкалъ въ рукѣ желѣзный серпъ.

Услышавъ шумъ шаговъ и голосовъ сверху, Бенедетто съ улыбкой сказалъ своему спутнику: — Вы слышите, падре?

Донъ Клементій, придя въ Дженнэ, тотчасъ же пошелъ на

лугъ, гдѣ Бенедетто косилъ траву, и съ глубокой печалью передалъ ему требованіе настоятеля Св. Схоластики. Послѣ долгой бесѣды съ нимъ, онъ обѣщалъ ему поговорить съ тѣми, которые называютъ его святымъ. Онъ тоже слышалъ, какъ толпа, спускаясь внизъ съ горы, кричала: — „Святой! Святой!“ — Когда Бенедетто съ улыбкой сказалъ ему: „Вы слышите, падре“? — онъ поблѣднѣлъ, сдѣлалъ утвердительный знакъ головой и прошелъ впередъ. Бенедетто положилъ серпъ, отошелъ нѣсколько въ сторону отъ дорожки и сѣлъ за большимъ камнемъ, подъ цвѣтущей яблонью, скрывавшей его отъ взоровъ приближающейся толпы. Донъ Клементій одинъ пошелъ ей навстрѣчу.

При видѣ его всѣ остановились. Потомъ раздались голоса: — „Это не онъ!“ — Другіе добавляли: — „Онъ позади“.

Изъ заднихъ рядовъ кричали: — „Идите впередъ, не останавливайтесь!“ — И шествіе двинулось дальше.

Тогда донъ Клементій поднялъ руку и сказалъ: — Слушайте!

Обыкновенно онъ не могъ, не краснѣя, сказать два слова незнакомымъ людямъ; но на этотъ разъ онъ, напротивъ того, сильно поблѣднѣлъ. Его кроткій, тихій голосъ былъ едва слышенъ, но всѣмъ виденъ былъ его жестъ. Красивое, ясное лицо его и высокая фигура внушали почтеніе.

— Вы ищете Бенедетто, — началъ онъ, — и называете его святымъ. Этимъ вы глубоко огорчаете его. Онъ самъ сказалъ вамъ всѣмъ въ первый же день, когда пришелъ въ Дженнэ, что онъ грѣшникъ, которому Господь въ своей великой благости дозволилъ искупить свою вину покаяніемъ. Онъ хочетъ, чтобы я вамъ это подтвердилъ, и я вамъ говорю, что это — истина. Грѣхи его велики. Завтра онъ бы могъ снова пасть, — если бы на минуту повѣрилъ вамъ, когда вы его называете святымъ. Господь отвернулся бы тогда отъ него. Не зовите же его больше святымъ и, главное, не требуйте отъ него чудесъ.

— Падре! — прервалъ его торжественнымъ голосомъ высокій, худой старикъ съ орлинымъ профилемъ; онъ выступилъ впередъ и распростеръ руки. — Падре, — сказалъ онъ, — мы не просимъ чудесъ, ибо чудо уже совершилось. Больная женщина исцѣлилась, едва войдя въ домъ его. Мы громко утверждаемъ, что человѣкъ этотъ — святой, и тотъ, кто это отрицаетъ, заслуживаетъ быть вверженнымъ въ геенну огненную. Мы цѣлуемъ вамъ руки, падре, но не откажемся отъ нашихъ словъ.

— У него въ домѣ еще одинъ больной! — закричали десять-двадцать голосовъ. — Позовите святого! Приведите святого!

Позади, изъ группы студентовъ, тоже раздались возгласы: —

Подайте намъ сюда святого! Пусть онъ поговоритъ съ нами! Ихъ непочтительный тонъ вызвалъ протесты благочестиво настроенной толпы. Началась перебранка. Студенты все громче кричали: — Пусть говоритъ святой, долой патера! — Женщины въ отвѣтъ на это кричали студентамъ, чтобы они сами убирались поскорѣе, и сверху уже спѣшили полицейскіе на шумъ расходившейся толпы. Тогда Бенедетто поднялся и выступилъ впередъ.

При видѣ его раздался громкій крикъ радости. Сельва съ женой смотрѣли на него сверху, стоя у двери его хижины. Ноэми стремительно побѣжала внизъ. Толпа окружила Бенедетто, цѣловала его одежды. Многіе плакали, стоя на колѣняхъ. Ноэми, очутившаяся за студентами, рванулась впередъ и наконецъ взглянула въ лицо человѣку, котораго такъ жаждала видѣть.

Жанна показывала ей нѣсколько портретовъ его, говоря, что ни одинъ не удовлетворяетъ ее вполнѣ. На привлекательномъ лицѣ Пьеро Майрони Ноэми видѣла тѣнь скрытой печали; лицо Бенедетто, напротивъ того, сіяло внутренней радостью и силой. За два дня до того онъ сбрилъ себѣ бороду и остригъ волосы, услыхавъ, что какая-то женщина шопотомъ сказала: „Онъ прекрасенъ какъ Христосъ“. Выраженіе духовной силы еще сильнѣе подчеркивалось рѣзкой линіей носа на похудѣвшемъ лицѣ и свѣтилось въ большихъ темныхъ глазахъ. Глаза его были полны неотразимаго обаянія. Они и теперь были грустные, но грусть эта была нѣжная, полная силы, спокойствія и мистической глубины. Стоя среди толпы, подъ бѣлой сѣнью цвѣтущей яблони, озаренный солнцемъ, окруженный движущимися тѣнями, онъ казался сошедшимъ съ картины стариннаго мастера. Ноэми застыла на мѣстѣ и чувствовала, что рыданія подступаютъ ей къ горлу. Около нея нѣсколько женщинъ плакали, потрясенныя однимъ его видомъ. Одна изъ нихъ, больная, уставшая, сидѣла на краю дороги и даже не могла видѣть съ своего мѣста святого; но и она плакала отъ волненія, сама не понимая причины своихъ слезъ. Пришли еще запоздалые странники, старикъ и три женщины изъ Валепьетро. Женщины, принявъ дона Клементія за Бенедетто, стали рыдать и кричать: — Какъ онъ прекрасенъ, какъ онъ прекрасенъ!

Тѣмъ временемъ подъ бѣлой сѣнью цвѣтущей яблони Бенедетто удалось грустными словами и мольбами дать отпоръ натиску возбужденной толпы и заставить ее подняться на ноги... Изъ группы студентовъ раздался крикъ: — Говорите! — Въ эту самую минуту съ высоты раздался звонъ колоколовъ въ Дженнэ,

возвѣщавшихъ наступленіе торжественнаго полуденнаго часа деревнѣ, пустынѣ, всѣмъ горамъ и облакамъ, тянувшимся на западъ. Бенедетто приложилъ палецъ къ губамъ, и все затихло— звучали только голоса колоколовъ. Онъ взглянулъ на дона Клементія, прося его о чемъ-то безъ словъ. Донъ Клементій выступилъ впередъ и сталъ читать „Agnus Domini". Бенедетто, сложивъ руки, повторялъ за нимъ каждое слово, и все время, пока звонили колокола, смотрѣлъ, не сводя глазъ, на юношу, который крикнулъ ему, чтобы онъ говорилъ. Глаза его были полны грусти и мистической кротости. Этотъ неописуемый взглядъ, торжественные звуки колоколовъ, дрожь травы, легкое движеніе цвѣтущихъ вѣтвей, колеблемыхъ вѣтромъ, выраженіе экстаза на стольких заплаканныхъ лицахъ—все это сливалось для Ноэми въ единое слово, которое волновало ее, не прорываясь наружу, какъ влечетъ къ себѣ душу слово, скрытое и подъ торжественными музыкальными аккордами. Колокола замолкли, и Бенедетто кротко сказалъ, обращаясь къ стоявшимъ передъ нимъ:

— Кто вы и что произошло? Почему вы пришли ко мнѣ— точно я тотъ, кѣмъ не могу быть?

Ему отвѣтило нѣсколько голосовъ сразу, говоря о совершившемся чудѣ и о томъ, что его ждутъ въ такой-то и такой-то деревнѣ.

— Вы меня славите,—сказалъ онъ,—только потому, что вы слѣпы. Если эта дѣвушка исцѣлилась, то не я исцѣлилъ ее, а ея вѣра. Сила вѣры, которая подняла ее, лежащую, разлита въ мірѣ; она находится вездѣ и всегда—какъ сила страха, который вызываетъ дрожь и сваливаетъ съ ногъ. Это такая же сила души, какъ есть сила воды и сила огня. И поэтому, если больная исцѣлилась, возносите хвалу не мнѣ, а Богу, который создалъ въ своемъ мірѣ такую великую силу. Но слушайте дальше. Вы оскорбляете могущество Бога, если полагаете, что сила и доброта Его ярче видны въ чудесахъ. Во всемъ и всегда проявляется безконечная благость Господня. Трудно понять, какъ можетъ исцѣлить вѣра, но столь же непостижимо, какъ живутъ вотъ эти цвѣты. Могущество и доброта Господня не были бы менѣе велики, если бы больная не исцѣлилась. Молитесь объ исцѣленіи, но еще болѣе молитесь о томъ, чтобы постичь истину, о которой я вамъ говорю,—молитесь о томъ, чтобы вамъ дано было восхвалять волю Господню и тогда, когда она приноситъ вамъ смерть, а не только когда она приноситъ вамъ жизнь. Есть люди, которые полагаютъ, что не вѣрятъ въ Бога; но когда въ дома ихъ входятъ болѣзнь и смерть, они говорятъ: „это законъ при-

роды, и мы преклоняемъ передъ нимъ головы и принимаемъ его безропотно и продолжаемъ исполнять наши обязанности". Быть можетъ, эти люди пройдутъ въ царствіе небесное раньше васъ. Подумайте также о томъ, какихъ чудесъ вы требуете. Вы приходите, чтобы исцѣлиться отъ недуговъ тѣла, и хотите, чтобы я ради этого поѣхалъ въ ваши деревни. Но если у васъ будетъ вѣра, вы исцѣлитесь и безъ меня. Но вспомните, что вѣра ваша можетъ послужить вамъ для того, чтобы лучше слѣдовать волѣ Господней. Развѣ вы всѣ совершенно здоровы духомъ? Нѣтъ. Но безполезно имѣть здоровый мѣхъ, когда вино испорчено. Вы любите себя и свои семьи больше, чѣмъ истину, чѣмъ справедливость, чѣмъ законъ божескій. Вы всегда помните о томъ, что нужно вамъ и вашимъ, но рѣдко думаете о томъ, въ чемъ нуждаются другіе. Вы думаете спастись, умножая молитвы,—но даже не умѣете молиться. Вы не думаете о томъ, что Господу нужно не изобиліе словъ, а тихая вѣра, направленная на исполненіе Его воли. И вы не знаете сами своихъ недуговъ,—какъ умирающій, который говоритъ: „я здоровъ". Быть можетъ, вы полагаете, что Господь не осудитъ за зло, сотворенное безъ умысла. Но Господь судитъ не такъ, какъ земные судьи. Человѣкъ, нечаянно принявшій ядъ, также погибнетъ отъ него, какъ тотъ, кто хотѣлъ отравиться. Безъ бѣлой одежды нельзя войти на пиръ Господень даже тому, кто не зналъ, что она нужна. Тотъ, кто любитъ себя превыше всего—все равно, знаетъ ли онъ, или не знаетъ свой грѣхъ—не войдетъ въ царствіе небесное, также какъ палецъ невѣсты, если онъ согнутъ въ суставѣ, не войдетъ въ кольцо жениха. Познайте недуги души вашей и молитесь объ исцѣленіи отъ нихъ. Обѣщаю вамъ именемъ Христа, что вы исцѣлитесь. Ваше тѣлесное исцѣленіе послужитъ на пользу вамъ, вашимъ домашнимъ, животнымъ и растеніямъ, о которыхъ вы печетесь. Исцѣленіе же души—вѣрьте мнѣ, даже если вы не понимаете этого—принесетъ пользу всѣмъ живымъ душамъ, колеблющимся между добромъ и зломъ, а также мертвымъ, которыя цѣной тяжкихъ страданій очищаются отъ грѣховъ,—также какъ побѣда одного солдата служитъ на пользу всему народу. Ваше духовное исцѣленіе послужитъ также на пользу ангеламъ, которые радуются исцѣленію каждой души. Радость укрѣпляетъ ихъ силу,—а какъ вы думаете, служитъ ли ихъ сила на пользу мраку или свѣту, смерти или жизни? Молитесь же съ вѣрой сначала объ исцѣленіи души, а потомъ объ исцѣленіи тѣла.

Съ крутого ската къ Бенедетто тянулись люди съ возбу-

жденными лицами. Тѣ, которые стояли выше, жадно глядѣли на него, потому что до нихъ доходили только звуки голоса, а не слова; лица ихъ были омочены слезами; болѣе близко стоявшіе были видимо поражены его рѣчью; нѣкоторые пришли въ экстазъ, другіе сомнѣвались. И у Ноэми текли слезы по блѣдному лицу. Студенты прекратили свои насмѣшки. Когда Бенедетто кончилъ, одинъ изъ студентовъ приблизился къ нему съ рѣшительнымъ серьезнымъ видомъ и собрался что-то сказать. Но въ это время старикъ воскликнулъ:

— Такъ исцѣли же наши души!

Этотъ крикъ подхватило нѣсколько взволнованныхъ голосовъ, а затѣмъ всѣ стоявшіе впереди, охваченные однимъ общимъ порывомъ, упали на колѣни и, протягивая руки съ мольбой, стали кричать:

— Исцѣли намъ душу!

Бенедетто бросился впередъ, хватаясь руками за голову, и воскликнулъ:

— Что̀ вы опять дѣлаете? Что̀ вы дѣлаете?

Вдругъ сверху раздался крикъ:

— Вотъ исцѣленная!

Дѣвушка, которая почувствовала себя здоровой, когда ее положили на постель святого, спускалась сверху, опираясь на руку своей старшей сестры; она искала Бенедетто. Толпа разступилась, пропуская обѣихъ женщинъ. Бенедетто, отчаявшись въ возможности заставить толпу подняться, опустился и самъ на колѣни. Тогда стоявшіе вокругъ него поднялись; присоединяясь къ взволнованнымъ крикамъ: „исцѣленная! исцѣленная!“—они заставили подняться того, кто, казалось, не слышалъ крика. „Вотъ исцѣленная!“—кричали ему всѣ, и глядѣли на него, думая, что онъ радъ совершившемуся чуду, и что это отразится на его лицѣ. Взоры всѣхъ кричали ему: „она ищетъ васъ—это вы ее исцѣлили!“ Все, что̀ онъ только-что говорилъ, было какъ бы забыто тотчасъ же.

Молодая дѣвушка спускалась, блѣдная и желтая въ лицѣ, какъ каменистая дорога, спаленная солнцемъ; она склонила грустное личико на плечо сестры. И у сестры было тоже печальное лицо. Толпа разступилась передъ ними. Бенедетто отошелъ въ сторону и сталъ за спиной дона Клементія; онъ сдѣлалъ это инстинктивно, но движеніе его показалось намѣреннымъ. Всѣ улыбались и заволновались въ ожиданіи новаго чуда. Сестры не стали на колѣни, но прошли мимо дона Клементія, даже не взглянувъ на него, затѣмъ обернулись къ Бенедетто, и старшая сказала ему увѣреннымъ тономъ:

— Святой человѣкъ, ты исцѣлилъ ее,—исцѣли же и другого больного!

Бенедетто отвѣтилъ тихимъ голосомъ, весь дрожа:

— Я не святой, я эту дѣвушку не исцѣлялъ, а за того, о комъ вы говорите, я могу только молиться.

Узнавъ, что другой больной, о которомъ онѣ говорили, былъ ихъ братъ, и что онъ лежитъ у него въ домикѣ, на его кровати, и сильно страдаетъ, Бенедетто сказалъ, обращаясь къ дону Клементію:

— Пойдемъ помочь ему, чѣмъ возможно.

И онъ направился къ дому вмѣстѣ со своимъ учителемъ. За ними шумно слились два потока раздѣлившейся толпы. Бенедетто обернулся, чтобы запретить слѣдовать за собой, и сказалъ женщинамъ, чтобы онѣ лучше позаботились о больной дѣвушкѣ. Ей не слѣдовало подниматься вверхъ на гору въ такую жару. Онъ велѣлъ отвести ее въ гостинницу, уложить въ постель, дать ей поѣсть и выпить вина. Слѣдовавшіе за нимъ остановились; стоявшіе впереди разступились, чтобы пропустить его. Студентъ, который уже раньше пытался заговорить съ нимъ, теперь почтительно подошелъ къ нему и спросилъ, могли ли бы онъ и нѣсколько друзей его поговорить потомъ съ нимъ наединѣ?

— Конечно,—отвѣтилъ Бенедетто очень рѣшительно и горячо. Ноэми, стоявшая тутъ же, тоже собралась съ духомъ и подошла къ нему.

— И я хотѣла попросить позволенія поговорить съ вами пять минутъ,—сказала она, краснѣя, по-французски. И вдругъ ей показалось, что не нужно было обращаться къ нему, какъ къ завѣдомо образованному человѣку, на чужомъ языкѣ. Этимъ она давала понять, что знаетъ его. Она повторила свою просьбу по-итальянски.

Донъ Клементій слегка пожалъ руку Бенедетто, который отвѣтилъ Ноэми вѣжливо, но нѣсколько сухо:

— Если хотите сдѣлать доброе дѣло, займитесь этой бѣдной дѣвушкой.

Сказавъ это, онъ прошелъ дальше.

Онъ вошелъ въ свою хижину одинъ съ дономъ Клементіемъ. Никто не пошелъ за нимъ туда. Старая женщина, мать больного, увидѣвъ его, бросилась ему въ ноги съ плачемъ, повторяя слова своей дочери:

— Это вы святой? Вы? Одну вы мнѣ спасли,—спасите и другого!

Въ первую минуту Бенедетто, при переходѣ отъ солнечнаго свѣта къ темнотѣ пещеры, ничего не могъ различить. Потомъ онъ увидѣлъ лежащаго на его постели человѣка, который съ трудомъ дышалъ, стоналъ, плакалъ, проклиналъ святыхъ, женщинъ, Дженнэ, свою злополучную долю. Стоя на колѣняхъ подлѣ него, Марія Сельва утирала ему платкомъ потъ со лба. Больше никого въ пещерѣ не было. Около ярко озареннаго входа— большое Распятіе, высѣченное въ желтоватой скалистой стѣнѣ, внушало въ эту минуту мысли о чемъ-то важномъ и таинственномъ.

— Надѣйтесь на милость Божію,—отвѣтилъ Бенедетто старухѣ кроткимъ голосомъ. Онъ подошелъ къ постели, наклонился надъ больнымъ и сталъ щупать его пульсъ. Старуха перестала рыдать, больной прекратилъ свои проклятія и стоны. Слышно было жужжаніе мошекъ на потухшемъ очагѣ.

— Послали вы за врачомъ?—тихо спросилъ Бенедетто.

Старуха опять стала рыдать.

— Исцѣлите вы его во имя Іисуса и Маріи!—умоляла она.

Больной опять застоналъ. Марія Сельва сказала вполголоса Бенедетто:

— Докторъ въ Субіакѣ. Синьоръ Сельва, котораго вы, быть можетъ, знаете, пошелъ въ аптеку. Я—его жена.

Въ эту минуту вернулся Джіованни, запыхавшись отъ быстрой ходьбы, и съ грустью сообщилъ о своей неудачѣ. Аптека была закрыта, аптекарь уѣхалъ. Онъ досталъ только у священника немного марсалы, и два господина, пріѣхавшіе изъ Рима съ большимъ запасомъ провизіи, дали ему коньяку и кофе. Бенедетто подозвалъ къ себѣ знакомъ дона Клементія и сказалъ ему на ухо, чтобы онъ послалъ за священникомъ, такъ какъ этотъ человѣкъ умираетъ. Онъ бы могъ самъ пойти позвать его, но ему было жалко бѣдной матери и не хотѣлось оставить ее одну. Донъ Клементій тихо вышелъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины стояла компанія—три элегантныя дамы и четыре господина, пріѣхавшіе изъ Рима посмотрѣть на знаменитаго дженнэнскаго святого. Ихъ привелъ тотъ господинъ изъ Дженнэ, котораго Сельва видѣли по дорогѣ. Они о чемъ-то совѣтовались между собою. При видѣ бенедиктинца они стали быстро шептаться, и одинъ изъ нихъ, въ высшей степени изящный молодой человѣкъ, всунулъ монокль въ глазъ и направился къ дону Клементію. Дамы глядѣли на бенедиктинца съ восхищеніемъ, видимо жалѣя, что—какъ онѣ узнали отъ своего проводника—не онъ святой.

Молодой человѣкъ заявилъ, что всѣ они, въ особенности

дамы, желали бы поговорить со святымъ. Онъ прибавилъ съ самодовольной улыбкой, что себя самого не считаетъ достойнымъ принять участіе въ бесѣдѣ. Донъ Клементій торопливо отвѣтилъ имъ, что теперь невозможно видѣть Бенедетто, и пошелъ дальше. Молодой человѣкъ заявилъ дамамъ, что святого заперли теперь на ключъ, и не показываютъ никому.

Тѣмъ временемъ Бенедетто, котораго несчастная мать все умоляла, чтобы онъ не лечилъ сына ея лекарствами, а совершилъ чудо, старался поднять силы больного принесенными Джіованни Сельва укрѣпляющими средствами, и ободрялъ его ласковыми словами и обѣщаніями, что сейчасъ къ нему придутъ съ другими истинными словами утѣшенія. Его твердый, нѣжный и внушительный голосъ возымѣлъ чудодѣйственную силу. Больной продолжалъ тяжело дышать, еще стоналъ, но гнѣвъ его улегся. Мать, обезумѣвъ отъ надежды, шептала, сложивъ руки и заливаясь слезами:

— Чудо, чудо, чудо!

— Дорогой мой,—говорилъ Бенедетто,—ты теперь въ рукѣ Божіей, и она тебѣ кажется грозной. Но отдайся Его волѣ, и тебѣ станетъ легко и радостно. Рука Господня будетъ поддерживать тебя на волнахъ земной жизни, перенесетъ тебя на небо, перенесетъ, куда сама разсудитъ. Отдайся безъ размышленій. Когда ты былъ ребенкомъ и твоя мать носила тебя на рукахъ, ты не спрашивалъ, куда и зачѣмъ она тебя несетъ. Ты былъ у нея на рукахъ, тебя окружала ея любовь—и этого было достаточно тебѣ. Теперь то же самое. Я, который говорю съ тобой, совершилъ много дурного; можетъ быть, и ты сотворилъ злое въ своей жизни, и вспоминаешь объ этомъ? Плачь же на груди Отца, Который зоветъ тебя, Который готовъ простить тебя и забыть обо всемъ. Сейчасъ придетъ служитель Господень, и ты ему скажешь про все дурное, что ты, быть можетъ, совершилъ; говори, какъ помнишь, безъ страха. А знаешь ли ты, что будетъ съ тобой потомъ въ тайнѣ, которая откроется тебѣ? Знаешь ли, сколько любви, милости, радости—какая жизнь ожидаетъ тебя?

Борясь противъ призрака смерти, юноша устремилъ на Бенедетто взоръ, сверкавшій страстнымъ порывомъ и страхомъ, что онъ не сможетъ выразить, что у него на душѣ. Онъ не понялъ словъ Бенедетто, думалъ, что долженъ исповѣдываться передъ нимъ, и началъ говорить о своихъ грѣхахъ. Мать, которая во время рѣчи Бенедетто бросилась на колѣни передъ скалистой стѣной и прижала губы къ Распятію въ ожиданіи чуда, вскочила при странномъ звукѣ голоса сына, бросилась къ постели,

все поняла и, воздѣвъ руки къ небу, громко крикнула въ порывѣ отчаянія. Бенедетто, въ ужасѣ отъ заблужденія больного, воскликнулъ:

— Нѣтъ, дорогой мой, не я—твой исповѣдникъ!

Но больной его не слышалъ, обвилъ его шею руками, привлекъ его къ себѣ и продолжалъ свою исповѣдь, въ то время, какъ Бенедетто повторялъ:

— Боже мой, Боже мой!

Онъ старался не слушать, но не имѣлъ жестокости оттолкнуть умирающаго. Онъ, дѣйствительно, ничего не слышалъ, да и трудно было различить что-нибудь—до того отрывисто, то съ большими промежутками, то захлебываясь отъ быстроты рѣчи, говорилъ больной. А священникъ все не приходилъ, и донъ Клементій тоже не возвращался! Извнѣ слышались шаги и голоса; отъ времени до времени разные люди съ любопытствомъ заглядывали во внутрь, но никто не входилъ. Рѣчь умирающаго превратилась въ безсвязный, тихій лепетъ, и наконецъ онъ совсѣмъ замолкъ.

— Есть тамъ кто-нибудь у входа?—кликнулъ Бенедетто.— Пойдите, пожалуйста, къ священнику, скажите, чтобы онъ поторопился.

Джіованни и Марія стояли около матери умирающаго; она была теперь внѣ себя. Скорбь смѣнилась у нея гнѣвомъ. Повѣривъ въ возможность чуда, она не хотѣла вѣрить теперь, что сынъ ея умираетъ совершенно естественно; она рыдала и кричала, что всему виной лекарства, которыя давалъ ему Бенедетто. Сельва объясняли ей, что больному не давали никакихъ лекарствъ. Марія обняла ее, стараясь утѣшить и обуздать ея неистовство. Она сдѣлала знакъ Джіованни, чтобъ онъ пошелъ къ священнику, и Джіованни быстро выбѣжалъ изъ хижины. Въ глазахъ умирающаго блеснула какая-то мольба. Бенедетто спросилъ его:

— Сынъ мой, ты хочешь причаститься?

Несчастный утвердительно кивнулъ головой и тихо, скорбно застоналъ. Бенедетто нѣсколько разъ нѣжно его обнялъ и поцѣловалъ.

— Христосъ мнѣ говоритъ,—сказалъ онъ,—что грѣхи твои тебѣ прощены, и что ты можешь уснуть съ миромъ.

Въ глазахъ юноши сверкнула радость.

Бенедетто подозвалъ мать, которая бросилась къ сыну. Въ эту минуту вошелъ, запыхаясь, донъ Клементій съ Джіованни и священникомъ.

Донъ Клементій засталъ священника въ ожесточенномъ спорѣ съ какимъ-то незнакомымъ ему патеромъ. По словамъ патера, фанатически возбужденная толпа собиралась понести на рукахъ въ церковь св. Андрея мнимо-исцѣленную, для того, чтобы отслужить благодарственный молебенъ. Долгъ священника, настоятеля церкви—по словамъ патера—воспрепятствовать такому святотатству. Исцѣленіе дѣвушки — если не обманъ, то, во всякомъ случаѣ, не дѣйствительный фактъ. Мнимый чудодѣй наговорилъ, къ тому же, кучу еретическихъ словъ о чудесахъ и о вѣчномъ спасеніи, говорилъ о вѣрѣ, какъ о силѣ природы, и критиковалъ Христа за исцѣленіе страждущихъ. Теперь онъ устраиваетъ второе чудо съ другимъ больнымъ. Необходимо положить этому конецъ.

„Легко сказать: положить конецъ! — подумалъ бѣдный священникъ, уже мысленно представляя себѣ кары, которыя посыплются на него изъ Рима.—Но какъ же положить этому конецъ?“

Появленіе дона Клементія, который вошелъ какъ-разъ на этомъ мѣстѣ разговора, обрадовало его.

„Онъ мнѣ поможетъ выпутаться“, — подумалъ священникъ. Но оказалось, что донъ Клементій еще ухудшилъ положеніе дѣлъ. Услышавъ печальную вѣсть, которую онъ принесъ, патеръ воскликнулъ:

— Ну, что̀ я говорилъ? Вотъ чѣмъ кончаются чудеса. Но вы не можете войти со святыми дарами въ домъ этого еретика, прежде чѣмъ онъ не выйдетъ оттуда,—чтобы уже больше не возвращаться.

Донъ Клементій вспыхнулъ отъ гнѣва.

— Бенедетто не еретикъ,—сказалъ онъ,—а вѣрный слуга Господа.

— Такъ вы полагаете!—воскликнулъ патеръ.—И вы также?—прибавилъ онъ, обращаясь къ священнику.—Я знаю, что вы на его сторонѣ. Ну, такъ поступайте, какъ хотите. Я, во всякомъ случаѣ, не войду туда. Прощайте...

Онъ поклонился дону Клементію и, не прибавивъ больше ни слова, быстро вышелъ изъ комнаты.

— Что̀ же будетъ теперь? — воскликнулъ въ отчаяніи бѣдный священникъ.—Онъ ужасный человѣкъ, и, навѣрное, будетъ вредить мнѣ. Но я не хочу ослушаться воли Господней. Скажи ты, что̀ мнѣ дѣлать?

Священникъ, дѣйствительно, благоговѣлъ передъ волей Божіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ испытывалъ и болѣе земной страхъ

передъ дономъ Клементіемъ, который, навѣрное, осудилъ бы его своей строгой совѣстью. Дона Клементія осѣнило внезапное рѣшеніе.

— Возьми святые дары,—сказалъ онъ,—и идемъ сейчасъ же со мной исповѣдывать бѣднаго юношу. Ты увидишь—еретикъ ли Бенедетто, или покорный слуга Господа.

Вошла служанка и сказала, что какой-то господинъ проситъ священника поторопиться, потому что больной умираетъ.

Донъ Клементій вошелъ, запыхавшись, въ хижину съ Джіованни и священникомъ. Онъ подозвалъ къ себѣ Бенедетто и сталъ говорить съ нимъ вполголоса у входа. Больной хрипѣлъ. Бенедетто слушалъ, опустивъ голову, печальный призывъ учителя къ подвигу святого смиренія. Ничего не отвѣтивъ, онъ опустился на колѣни передъ Распятіемъ, высѣченнымъ имъ самимъ въ скалѣ, жадно цѣловалъ Его страдальческія руки, чтобы вдохнуть въ себя духъ жертвы, любовь и силу жизни. Поднявшись, онъ ушелъ изъ своей хижины навсегда.

Солнце исчезло среди облаковъ, поднявшихся цѣлой стаей на сѣверной части неба, за деревней. Тамъ, гдѣ еще такъ недавно тѣснилась толпа людей, теперь было совсѣмъ пустынно. Изъ-за закрытыхъ дверей, однако, изъ-за угловъ домовъ выглядывали женщины. При появленіи Бенедетто, онѣ всѣ скрылись. Онъ почувствовалъ, что въ Дженнэ всѣ знали о томъ, что умираетъ человѣкъ, который пришелъ къ нему за исцѣленіемъ, и что теперь восторжествуютъ его противники. Донъ Клементій, его учитель и другъ, сказалъ ему, чтобы онъ сначала снялъ монашескую одежду, а затѣмъ ушелъ изъ своего дома и изъ Дженнэ. Съ грустью и съ любовью потребовалъ онъ этого у него.

Бенедетто почувствовалъ, что силы его слабѣютъ и отъ горечи нахлынувшихъ на него чувствъ, и отъ голода: онъ не успѣлъ съѣсть свою полуденную порцію хлѣба и бобовъ. У него потемнѣло въ глазахъ. Онъ сѣлъ на разрушенное крыльцо передъ закрытой дверью у входа въ узкій переулокъ. Глухой раскатъ грома раздался надъ его головой.

Немного отдохнувъ, онъ пришелъ въ себя. Онъ сталъ думать о человѣкѣ, который умиралъ съ любовью ко Христу, и опять сердце его наполнилось смиреніемъ. Онъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти оттого, что забылъ на нѣсколько минутъ великій даръ Господень, что разлюбилъ крестъ, едва успѣвъ отвѣдать

радость, которую онъ приноситъ. Онъ закрылъ лицо руками и тихо заплакалъ... Вдругъ надъ его головой послышался легкій стукъ открывающагося окна, и что-то мягкое коснулось его головы. Онъ отнялъ руки отъ глазъ; у ногъ его лежалъ цвѣтокъ шиповника. Онъ вздрогнулъ. Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ находилъ или вечеромъ, возвращаясь въ свою хижину, или утромъ, выходя изъ нея, цвѣты на порогѣ. Онъ ихъ никогда не бралъ себѣ, а только клалъ на камень, чтобы ихъ не растоптали, и не старался узнать, кто ихъ приносилъ. Цвѣтокъ шиповника, навѣрное, брошенъ былъ ему той же рукой. Онъ не поднялъ головы, не взялъ цвѣтка и не подалъ даже вида, что хочетъ его взять. Но онъ понималъ, что долженъ уйти послѣ этого, попытался встать, однако не могъ еще держаться на ногахъ—и медлилъ. Снова раздались раскаты грома, еще болѣе оглушительные. Тогда открылась дверь, и изъ нея вышла дѣвушка въ черномъ платьѣ, съ свѣтлыми волосами, бѣлая, какъ воскъ, въ лицѣ; ея голубые глаза были полны слезъ и выражали отчаяніе. Бенедетто невольно повернулъ голову и взглянулъ на дѣвушку. Онъ узналъ въ ней сельскую учительницу, которую видалъ въ домѣ священника, поклонился ей и хотѣлъ пройти мимо; но она бросилась къ нему съ крикомъ: — Выслушайте меня! — затѣмъ, отступивъ на шагъ, упала на колѣни и протянула къ нему съ мольбой руки, опустивъ голову на грудь.

Бенедетто остановился. Послѣ краткаго колебанія, онъ сказалъ строгимъ голосомъ:

— Что вамъ отъ меня нужно?

Сдѣлалось почти темно. Только молнія отъ времени до времени слѣпила глаза, и раскаты грома наполняли гуломъ маленькій переулокъ и мѣшали говорить и слушать. Бенедетто прислонился къ стѣнѣ.

— Мнѣ сказали,—отвѣтила дѣвушка, не поднимая лица,— что вамъ, можетъ быть, придется уѣхать изъ Дженнэ. Одно ваше слово вернуло меня къ жизни, а съ вашимъ уходомъ жизнь кончится для меня. Повторите еще разъ это слово, скажите его только для меня.

— Какое слово?

— Вы стояли со священникомъ, а я была въ слѣдующей комнатѣ со служанкой, и дверь была открыта. Вы говорили, что человѣкъ, отрицающій Бога, вовсе тѣмъ самымъ не безбожникъ, заслуживающій вѣчной смерти, — если онъ отказывается признать Бога въ формѣ, не пріемлемой для его разума, и если

онъ любитъ истину, добро, любитъ людей и проявляетъ это на дѣлѣ.

Бенедетто молчалъ. Онъ это, конечно, сказалъ, но — обращаясь къ священнику и не зная, что его слушаютъ люди, быть можетъ не способные понять его. Она поняла причину его молчанія.

— Дѣло идетъ не обо мнѣ,—сказала она.—Я католичка. Я говорю о моемъ отцѣ, который такъ жилъ и такъ умеръ и... подумайте!—мою мать убѣдили теперь, что для души его нѣтъ спасенія.

Въ то время, какъ она говорила, начали капать крупныя капли дождя среди молніи и раскатовъ грома, образуя крупныя пятна на пыльной дорогѣ; поднялся сильный вѣтеръ. Но Бенедетто не вошелъ въ дверь, и она его не позвала, и это было съ ея стороны единственнымъ признаніемъ глубокаго чувства, скрывавшагося за мистической вѣрой и за любовью къ отцу.

— Скажите мнѣ, скажите мнѣ,—молила она, поднявъ, наконецъ, лицо,—что отецъ мой спасенъ, что я снова увижу его въ раю!

— Молитесь!—отвѣтилъ Бенедетто.

— Боже! больше вы ничего мнѣ не скажете?

— Развѣ можно обращаться за прощеніемъ къ тому, кто самъ не прощенъ? Молитесь.

— О, благодарю васъ. Вамъ нехорошо?

Послѣднія слова она проговорила такъ тихо, что Бенедетто могъ ихъ не услыхать. Онъ попрощался, сдѣлавъ ей знакъ рукой, и ушелъ подъ дождемъ, который смочилъ и толкнулъ въ грязь цвѣтокъ шиповника.

Изъ окна или, быть можетъ, изъ дверей гостинницы Ноэми, которая стояла тамъ съ дѣвушкой изъ Арцинацо, увидѣла проходившаго мимо Бенедетто. Она попросила у хозяина зонтикъ и пошла за нимъ, не обращая вниманія на дождь и вѣтеръ.

Она не могла смотрѣть безъ ужаса, какъ онъ идетъ съ непокрытой головой, безъ зонтика, и подумала, что не будь онъ „святой“, его бы можно было принять за сумасшедшаго. Выйдя на церковную площадь, она увидѣла, какъ справа открылась дверь въ одномъ домѣ и оттуда выглянулъ высокій, худой священникъ. Она думала, что онъ позоветъ Бенедетто къ себѣ, но ошиблась; напротивъ того, когда Бенедетто приблизился, онъ шумно и демонстративно захлопнулъ дверь.

Бенедетто вошелъ въ церковь, и Ноэми послѣдовала туда за нимъ. Онъ опустился на колѣни передъ большимъ алтаремъ; она остановилась около входа. Сакристанъ, который дремалъ, сидя на ступенькахъ одного изъ алтарей, услышалъ ихъ шаги, поднялся и направился навстрѣчу Бенедетто. Но онъ былъ сторонникъ церковныхъ властей и, узнавъ еретика, отвернулся отъ него; подойдя къ Ноэми, онъ спросилъ, не знаетъ ли она что-нибудь о больномъ юношѣ изъ Арцинацо, котораго утромъ носили въ церковь, гдѣ и она была среди другихъ. Онъ прибавилъ, что спрашиваетъ объ этомъ потому, что ему приказано ждать священника, который долженъ пойти со святыми дарами къ больному. Ноэми могла только сообщить, что больной умираетъ; больше она ничего не знала.

— Понимаю,—сказалъ сакристанъ, намѣренно возвысивъ голосъ.—Онъ, вѣрно, не хотѣлъ причащаться. Вотъ чѣмъ кончилось чудесное исцѣленіе! Хорошо еще, что Господь грозу послалъ, а то бы они понесли дѣвушку сюда въ церковь.

И онъ опять сѣлъ дремать на ступенькахъ алтаря.

Ноэми не рѣшалась поднять глаза на Бенедетто, охваченная страннымъ чувствомъ къ нему. Это не было ни увлеченіе, ни страстное чувство молодой учительницы. Она видѣла, какъ онъ пошатнулся, видимо не будучи въ силахъ подняться, ухватился рукой за ступеньку и потомъ съ трудомъ сѣлъ, и ей показалось, что онъ сильно страдаетъ. Она глядѣла на него, но занятая больше самой собой, чѣмъ имъ. Она была поражена наростающей внутренней перемѣной въ себѣ. Она чувствовала, что становилась другой, неузнаваемой для себя въ своемъ смутномъ и безсознательномъ пониманіи величайшей истины, которая сообщалась ей таинственными путями и вызывала страданія въ глубочайшихъ тайникахъ ея души. Религіозныя разсужденія ея шурина могли смутить ей умъ, но никогда не трогали ея сердца. Что̀ же случилось теперь? Что̀ онъ сказалъ въ концѣ концовъ, этотъ тощій человѣкъ? Но его взглядъ, его голосъ... и что-то еще другое, неизъяснимое... Можетъ быть, ее взволновало теперь какое-то предчувствіе. Но какое? Какъ знать? Предчувствіе будущей близости между нею и этимъ человѣкомъ? Она пошла за нимъ, вошла въ церковь, чтобы воспользоваться случаемъ и поговорить съ нимъ, а теперь ее вдругъ обуялъ страхъ. Говорить съ нимъ о Жаннѣ? А понимала ли его сама Жанна? Какъ она могла, любя его, не поддаться вліянію его духовной силы,—быть можетъ, тогда еще не проявлявшейся, но которую такая женщина, какъ Жанна, должна была чувствовать? Что̀ же

она въ немъ любила? Его менѣе высокія качества? Ноэми рѣшила, что если будетъ съ нимъ говорить, то не только о Жаннѣ, но и о религіи. Она спроситъ у него, въ чемъ заключается его личная вѣра. Но что, если онъ отвѣтитъ ей что-нибудь глупое, вульгарное? Это была главная причина, почему она боялась заговорить съ нимъ.

Сквозь разбитое стекло одного изъ оконъ хлынулъ дождь на полъ. Ноэми подумала, что никогда не забудетъ этотъ часъ, большую пустую церковь, потемнѣвшее небо, дождь, хлынувшій какъ слезы, Бенедетто, упавшаго на ступеньки алтаря и погруженнаго въ свои сокровенныя мысли, и даже его врага-сакристана, дремавшаго на ступенькахъ другого алтаря съ такой безцеремонностью, точно онъ мнилъ себя товарищемъ Господа Бога.

Прошло много времени, можетъ быть часъ, можетъ быть больше. Въ церкви стало свѣтлѣе; дождь прошелъ. Пробило четыре часа. Въ церковь вошелъ донъ Клементій, а за нимъ—Марія и Джіованни. Они обрадовались, увидавъ Ноэми, такъ какъ не знали, куда она дѣвалась. Поднялся съ мѣста и сакристанъ, который зналъ дона Клементія.

— Вы за святыми дарами?

— Нѣтъ. Больной умеръ. Слишкомъ поздно вспомнили о томъ, чтобы причастить его.

Донъ Клементій спросилъ, гдѣ Бенедетто, и Ноэми указала ему его. Сельва сказали, что Ноэми хотѣла бы побесѣдовать съ Бенедетто. Донъ Клементій покраснѣлъ, смутился, но не зналъ, какъ отказать, и пошелъ позвать Бенедетто.

Пока они говорили вдвоемъ, Джіованни и Марія разсказали Ноэми обо всемъ, что произошло. Съ той минуты, какъ вошелъ священникъ, больной уже не произнесъ ни слова. Не было возможности исповѣдывать его. Тѣмъ временемъ буря поднялась съ такой силой, такіе потоки дождя вливались въ хижину, что священникъ не могъ пойти за святымъ елеемъ. Думали, что больной проживетъ еще нѣсколько часовъ, но онъ умеръ уже въ три часа. Донъ Клементій и священникъ ушли, какъ только стихла гроза. Джіованни и Марія остались съ совершенно обезумѣвшей матерью умершаго, до прихода старшей дочери. Тогда и они ушли—искать Ноэми. Не найдя ее въ гостинницѣ, они направились въ церковь. На площади они встрѣтили дона Клементія. Марія была въ восторгѣ отъ Бенедетто, отъ его напутствія умиравшему юношѣ. Она возмущалась, какъ и ея мужъ, травлей, устроенной его врагами, которымъ теперь легко было возбудить противъ него весь народъ. Они осуждали безхарактер-

ность священника и были недовольны даже дономъ Клементіемъ. Не слѣдовало ему участвовать въ изгнаніи своего ученика. Вѣдь это онъ приказалъ ему уйти, когда явился священникъ. Первой ошибкой съ его стороны было то, что онъ взялъ на себя передать требованіе настоятеля.—Какое требованіе?—спросила Ноэми. —Услыхавъ, что у Бенедетто хотѣли отнять его монашеское платье, она гнѣвно воскликнула:—Онъ не долженъ повиноваться!

Тѣмъ временемъ Бенедетто и донъ Клементій направились къ выходу. Бенедетто остановился поодаль, а донъ Клементій подошелъ сказать Сельва и дамамъ, что съ Бенедетто хотятъ побесѣдовать еще и другіе, и они рѣшили назначить всѣмъ свиданіе въ домѣ одного знакомаго. Нужно было пойти предупредить его, и донъ Клементій сказалъ, что сходитъ туда съ Бенедетто и сейчасъ же вернется въ церковь за Сельва.

Знакомымъ Бенедетто оказался тотъ господинъ, котораго Сельва встрѣтили по дорогѣ въ Дженнэ, гдѣ онъ ждалъ герцогиню ди-Чивителла. Герцогиня пріѣхала съ двумя другими дамами и нѣсколькими кавалерами,—въ ихъ числѣ былъ одинъ журналистъ, тотъ изящный молодой человѣкъ съ моноклемъ, который хотѣлъ заговорить съ Бенедетто. Господинъ изъ Дженнэ былъ въ самомъ праздничномъ настроеніи, осчастливленный пріѣздомъ герцогини, и проявилъ герцогскую доброту и щедрость, обѣщавъ, въ отвѣтъ на просьбу дона Клементія, дать Бенедетто подержанный черный сюртукъ, черный галстухъ и шляпу.

Придя въ комнату, гдѣ для него была приготовлена одежда, Бенедетто снялъ монашеское платье и молча сталъ переодѣваться. Донъ Клементій, стоявшій у окна, не могъ удержать рыданій. Черезъ минуту Бенедетто тихо позвалъ его:

— Падре,—сказалъ онъ,—взгляните на меня!

Одѣтый въ новое платье, слишкомъ длинное и широкое, онъ улыбался со спокойнымъ лицомъ. Донъ Клементій схватилъ его руку и хотѣлъ поцѣловать ее; но Бенедетто быстро выдернулъ руку, широко раскрылъ объятія и прижалъ къ груди того, кто въ эту минуту казался младшимъ изъ нихъ двухъ, ученикомъ, кающимся носителемъ человѣческой власти, безсильной надъ этой божественно-свѣтлой душой. Они долго стояли обнявшись, не произнося ни слова.

— Я это сдѣлалъ ради тебя,—проговорилъ наконецъ донъ Клементій.—Я взялъ на себя позорное порученіе, чтобы увидѣть, какъ благость Господня еще ярче возсіяетъ въ этомъ твоемъ жалкомъ платьѣ, чѣмъ въ монашеской одеждѣ.

Бенедетто прервалъ его:

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ,—не искушайте меня. Поблагодаримъ, напротивъ того, Господа, который караетъ меня за мою самонадѣянность, за то, что когда вы мнѣ дали платье послушника въ монастырѣ Св. Схоластики, я вспомнилъ, что въ моемъ видѣніи я видѣлъ себя умирающимъ въ этомъ платьѣ и подумалъ съ гордостью, что я дѣйствительно избранникъ Господень. А теперь...

— Однако...—воскликнулъ донъ Клементій и остановился, весь вспыхнувъ въ лицѣ. Бенедетто понялъ его мысли: „вовсе не сказано, что ты не одѣнешь снова отнятое у тебя платье, что видѣніе не подтвердится"—вотъ что онъ подумалъ, но не хотѣлъ, вѣроятно, высказать свои мысли—отчасти изъ осторожности, отчасти потому, что ему тяжело было говорить о смерти своего ученика. Бенедетто улыбнулся и обнялъ его. Донъ Клементій поспѣшилъ заговорить о другомъ, сталъ извинять священника, который очень сожалѣлъ обо всемъ, что произошло. Ему очень не хотѣлось удалять Бенедетто, но онъ боялся высшаго духовенства.

— Я ему прощаю,—сказалъ Бенедетто,—и молю Господа, чтобы Онъ его простилъ. Но это малодушіе—зло нашей церкви. Служители ея готовы скорѣе нарушить волю Господню, чѣмъ идти противъ высшихъ церковныхъ властей. И они думаютъ разрѣшить конфликтъ тѣмъ, что ставятъ на мѣсто собственной совѣсти, т.-е. голоса Господня,—совѣсть своего начальства. Они не понимаютъ, что, дѣйствуя противъ добра, или воздерживаясь отъ борьбы со зломъ въ угоду высшему духовенству, они вредятъ церкви, пятнаютъ передъ всѣмъ свѣтомъ авторитетъ христіанской морали. Они не понимаютъ, что можно одновременно исполнять свой долгъ и передъ Богомъ, и передъ своимъ іерархическимъ начальствомъ, не поступая наперекоръ добру, не воздерживаясь отъ борьбы со зломъ, а только не судя высшее духовенство, повинуясь ему во всемъ, что не вредитъ добру и не служитъ злу, отдавая свою жизнь, но не свою совѣсть. Совѣстью никогда нельзя поступаться. Дѣйствуя такъ, какъ я говорю, низшій служитель церкви, отдавшій все, кромѣ своей совѣсти, становится чистымъ зерномъ соли земли, и тамъ, гдѣ соединятся много такихъ зеренъ, то, къ чему они пристанутъ, будетъ незыблемымъ, а къ чему они не пристанутъ,—падетъ испорченнымъ и сгнившимъ.

По мѣрѣ того, какъ Бенедетто говорилъ, онъ весь преображался. Произнеся послѣднія слова, онъ поднялся. Глаза его свер-

кали, на лбу его было сіяніе духа истины. Онъ положилъ руки на плечи дона Клементія.

— Учитель мой,—сказалъ онъ, и выраженіе лица его стало болѣе мягкимъ,—я оставляю хлѣбъ, кровъ и платье, которые мнѣ были даны церковью, но пока буду живъ, не перестану говорить объ истинѣ Христовой. Я ухожу—но не для того, чтобы молчать. Вы помните, что дали мнѣ читать письмо святого Петра Даміана проповѣднику-мірянину? Онъ проповѣдывалъ въ церкви. Я не буду проповѣдывать въ церквахъ, но если Христосъ захочетъ, чтобы я говорилъ въ лачугахъ,—буду говорить въ лачугахъ; если захочетъ, чтобы я говорилъ во дворцахъ,—буду говорить во дворцахъ; если захочетъ, чтобы я говорилъ на крышахъ,—буду говорить на крышахъ. Вспомните о человѣкѣ, который дѣйствовалъ во имя Христа. Ученики Христа хотѣли воспрепятствовать ему, а Христосъ сказалъ: „Пусть продолжаетъ свое дѣло". Такъ кому же повиноваться, ученикамъ или Христу?

— Для человѣка, о которомъ говорится въ евангеліи, выборъ былъ ясенъ, милый мой,—отвѣтилъ донъ Клементій.—Ты же можешь ошибиться относительно воли Христовой. Подумай объ этомъ.

Въ глубинѣ сердца донъ Клементій думалъ не то, но онъ сдерживалъ мятежный внутренній голосъ.

— Кромѣ того,—возразилъ Бенедетто,—я, кажется, изгнанъ не потому, что проповѣдывалъ народу. Я долженъ вамъ еще сказать кое о чемъ, чего вы не знаете. Во-первыхъ, что мнѣ было предложено здѣсь, въ Дженнэ, кѣмъ-то, кого я послѣ того ни разу больше не видѣлъ, вступить въ церковь и сдѣлаться миссіонеромъ. Я отвѣтилъ, что не чувствую къ этому призванія. А во-вторыхъ, вотъ что̀: въ первые дни послѣ пріѣзда въ Дженнэ, разсуждая о религіозныхъ вопросахъ со священникомъ, я ему говорилъ о жизненной силѣ католическаго ученія, о власти католическаго духа, который можетъ непрерывно измѣнять самое тѣло, безгранично увеличивая его силу и красоту. Вы знаете, отецъ мой, кто внушилъ мнѣ эти мысли черезъ ваше посредство. Священникъ, вѣроятно, говорилъ другимъ о моихъ разсужденіяхъ, которыя его очень заинтересовали. Черезъ день онъ меня спросилъ, не былъ ли я знакомъ въ Субіакѣ съ Сельва, и не читалъ ли я его книгъ. Онъ мнѣ сказалъ, что самъ ихъ не читалъ, но знаетъ, что читать ихъ не слѣдуетъ. Теперь, падре, вы все понимаете. Меня изгоняютъ изъ Дженнэ изъ-за синьора Сельва и изъ-за дружбы съ вами. Но я васъ люблю теперь еще сильнѣе. Я не знаю, куда теперь пойду, но куда бы меня ни

послалъ Господь, близко или далеко, — не забывайте меня, сохраните въ душѣ любовь ко мнѣ!

Говоря это взволнованнымъ отъ скорби и любви голосомъ, Бенедетто еще разъ обнялъ учителя, который тоже чувствовалъ наплывъ самыхъ различныхъ чувствъ, и не зналъ, просить ли прощенія у своего ученика, или предрекать ему истинную славу. Онъ только могъ сказать ему, задыхаясь:

— И я тебя прошу хранить въ душѣ память обо мнѣ.

Донъ Клементій собралъ въ узелъ скинутое ученикомъ платье, складывая его бережно и почти благоговѣйно. Онъ сказалъ Бенедетто, что не можетъ позвать его къ себѣ въ монастырь Св. Схоластики, что онъ думалъ просить Сельва взять его къ себѣ, но теперь не знаетъ, слѣдуетъ ли Бенедетто, въ интересахъ его апостольства, открыто становиться подъ покровительство синьора Сельва.

Бенедетто улыбнулся.

— Это все равно, — сказалъ онъ. — Неужели же слѣдуетъ больше бояться мрака, чѣмъ любить свѣтъ? Но я долженъ помолиться Господу, чтобы постичь, если смогу, Его волю. Можетъ быть, Онъ повелитъ одно, а можетъ быть — другое. А теперь я попросилъ бы прислать мнѣ немного пищи и вина. Я подкрѣплюсь, и тогда смогу принять желающихъ бесѣдовать со мной.

Донъ Клементій внутренно удивился тому, что Бенедетто попросилъ вина, но скрылъ свое удивленіе. Онъ сказалъ, что пошлетъ къ нему молодую дѣвушку, которая пришла съ Сельва. Бенедетто вопросительно взглянулъ на него. Онъ вспомнилъ, что когда эта дѣвушка, которую онъ снова увидѣлъ въ церкви, попросила у него удѣлить ей время для бесѣды, донъ Клементій незамѣтно стиснулъ ему руку, видимо предостерегая его. Донъ Клементій, сильно покраснѣвъ, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ видѣлъ эту молодую дѣвушку въ монастырѣ Св. Схоластики вмѣстѣ съ другой особой, и хотѣлъ поэтому предупредить Бенедетто при встрѣчѣ въ церкви. Но та особа была далеко.

— Мы больше не увидимся, — прибавилъ донъ Клементій. — Я пошлю тебѣ поѣсть и сообщу ожидающимъ тебя, что ты ихъ скоро примешь, а затѣмъ долженъ скорѣе вернуться въ монастырь.

Бенедетто такъ многозначительно сказалъ, что направится отсюда въ Субіакъ—или „въ другое мѣсто“, что донъ Клементій, прощаясь съ нимъ, шепнулъ:

— Ты думаешь о Римѣ?

Вмѣсто отвѣта, Бенедетто тихо взялъ у него изъ рукъ узелокъ съ монашескимъ платьемъ, которое ему дали, а потомъ отняли, прижалъ его дрожащими руками къ губамъ и долго не выпускалъ его изъ рукъ. Жалѣлъ ли онъ дни мирнаго труда, молитвъ и евангельской проповѣди? Или, быть можетъ, предвкушалъ часъ свѣтлаго торжества въ грядущемъ?

Онъ отдалъ узелокъ учителю.

— Прощайте!—сказалъ онъ.

Донъ Клементій быстро вышелъ изъ комнаты.

Въ комнатѣ, которую хозяинъ дома предоставилъ Бенедетто для пріема гостей, стоялъ большой диванъ, четырехугольный столъ, покрытый желтой скатертью съ голубыми разводами, неуклюжіе стулья, кресла, обитыя потрескавшейся черной кожею, изъ которой вылѣзала наружу набивка, два портрета предковъ въ парикахъ, въ почернѣвшихъ рамахъ, два окна; противъ одного была высокая сѣрая стѣна, а другое — открывалось на далекіе луга, на красивыя горы и небо. Бенедетто, прежде чѣмъ начать пріемъ, подошелъ къ окну и выглянулъ изъ него, чтобы попрощаться съ лугами, горами и всей этой бѣдной страной. Онъ почувствовалъ страшную усталость и прислонился къ подоконнику. Усталость эта была пріятная. Бенедетто не ощущалъ тяжести тѣла, и сердце его расплывалось отъ какого-то внутренняго счастья. Постепенно его мысли утрачивали опредѣленность. Его проникало чувство этой спокойной, невинной жизни вокругъ, капель, падающихъ съ крышъ, благоуханнаго воздуха, вѣющаго съ горъ. Въ памяти его воскресали далекіе часы его первой молодости, когда онъ еще былъ далекъ отъ мысли о женитьбѣ. Онъ вспомнилъ разсѣивающуюся грозу на высотахъ Вальсольды, на скатахъ Пьянъ-Бисканьо. Какая разница между его судьбой и жизнью его родителей двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ! Онъ вспомнилъ про нихъ, мысленно увидѣлъ передъ собою могилу отца съ надписью на могильной плитѣ, и глаза его наполнились слезами. Но тотчасъ же слабость смѣнилась приливомъ воли, протестующей противъ соблазна чувствительности.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ онъ почти громко.

И чей-то голосъ за его спиной отвѣтилъ:

— Не хотите выслушать насъ?

Бенедетто съ удивленіемъ оглянулся. Передъ нимъ стояли три молодыхъ человѣка. Онъ не слышалъ, какъ они вошли.

Тотъ изъ нихъ, который казался старшимъ, красивый юноша высокаго роста, съ глазами, въ которыхъ виденъ былъ большой жизненный опытъ, смѣло спросилъ его, почему онъ снялъ монашеское платье? Бенедетто не отвѣтилъ.

— Вы не хотите сказать?—сказалъ онъ. — Все равно, послушайте. Мы — студенты римскаго университета, невѣрующіе. Это я вамъ говорю сейчасъ же совершенно откровенно. Каждый изъ насъ болѣе или менѣе пользуется своей молодостью; это я тоже сразу вамъ говорю.

Одинъ изъ товарищей дернулъ оратора за полу сюртука.

— Оставь меня! — сказалъ первый. — Да, одинъ изъ насъ мало вѣритъ въ святыхъ, но самъ—чистѣйшая душа. Здѣсь его нѣтъ передъ вами, какъ нѣтъ и другихъ, которые остались въ гостинницѣ и играютъ тамъ въ карты. Чистѣйшій не хотѣлъ идти съ нами. Онъ говоритъ, что найдетъ случай поговорить съ вами съ глазу на глазъ. Мы же таковы, какъ я вамъ сказалъ. Мы пріѣхали изъ Рима для того, чтобы проѣхаться и, если возможно, видѣть чудо. Но главная наша цѣль—повеселиться.

Товарищи прервали его и стали протестовать.

— Я говорю правду,—настаивалъ онъ. — Для того, чтобы веселиться. Простите, я искреннѣе другихъ. А между тѣмъ, наше веселье чуть не кончилось бѣдой. Мы сначала шутили, а потомъ чуть не подрались серьезно въ вашу честь. Но мы услышали вашу рѣчь, обращенную къ толпѣ. Чортъ возьми, сказали мы, это новыя слова въ устахъ священника или полусвященника; это какъ будто святой совсѣмъ другого сорта,—простите за откровенность. Мы тогда рѣшили поговорить съ вами. Вѣдь хотя мы скептики и любимъ веселиться, но все же живемъ духовной жизнью и религіозная истина насъ очень интересуетъ. Я, напримѣръ, собираюсь перейти въ нео-буддизмъ.

Товарищи его разсмѣялись; онъ обернулся къ нимъ и сердито сказалъ:

— Ну, да; конечно я не стану исполнять обряды буддистовъ, но буддизмъ интересуетъ меня больше, чѣмъ христіанство.

Начался споръ между тремя товарищами изъ-за этой неумѣстной выходки; перваго оратора оттѣснили, и его мѣсто занялъ второй, высокій, худощавый молодой человѣкъ въ очкахъ. Онъ говорилъ нервно, часто потряхивая головой и сильно жестикулируя. Онъ сказалъ, что между нимъ и его товарищами происходили частые споры о жизненности католицизма. Всѣ соглашались, что сила католицизма изсякла, и что конецъ его власти скоро наступитъ, если не произойдетъ радикальной реформы.

Въ возможность этой реформы нѣкоторые вѣрили, нѣкоторые не вѣрили. Имъ желательно было бы поэтому узнать мнѣніе столь выдающагося по уму и близкаго духу времени католика, какъ Бенедетто. Они ждали отъ него отвѣта на много вопросовъ.

Тутъ третій депутатъ студенческой группы счелъ, что пора выступить и ему, и оглушилъ Бенедетто цѣлымъ рядомъ несвязныхъ вопросовъ:

— Собирается ли онъ бороться за осуществленіе реформъ въ церкви? Вѣритъ ли онъ въ непогрѣшимость папы и соборовъ? Одобряетъ ли культъ Маріи и святыхъ въ той формѣ, какъ онъ теперь существуетъ? Принадлежитъ ли онъ къ христіанско-демократической партіи? Какую реформу онъ считаетъ желательной? Они видѣли въ Дженнэ Джіованни Сельва—такъ читалъ ли онъ его книги? Одобряетъ ли его ученіе? Согласенъ ли онъ съ тѣмъ, что кардиналамъ запрещается ходить пѣшкомъ, а священникамъ—ѣздить на велосипедѣ? Что онъ думаетъ о Библіи и о вдохновеніи?

Прежде, чѣмъ отвѣтить, Бенедетто долго и строго поглядѣлъ въ лицо допрашивавшему его юношѣ.

— Одинъ врачъ,—сказалъ онъ наконецъ,— славился тѣмъ, что умѣетъ лечить отъ всѣхъ болѣзней. Кто-то, не вѣрившій въ медицину, пошелъ къ нему изъ любопытства, и сталъ его разспрашивать о его способахъ леченія, о его работахъ, взглядахъ. Врачъ далъ ему говорить довольно долго, а потомъ взялъ его за руку и сталъ щупать пульсъ—вотъ такъ.

Бенедетто сталъ щупать пульсъ у перваго изъ говорившихъ съ нимъ студентовъ и продолжалъ:

— Врачъ молча подержалъ его пульсъ и потомъ сказалъ: „Другъ мой, у васъ болѣзнь сердца. Я это прочелъ на вашемъ лицѣ, а теперь слышу стукъ молотка, которымъ столяръ мастеритъ вамъ гробъ".

Молодой студентъ, руку котораго Бенедетто держалъ въ своей, невольно вздрогнулъ.

— Это я не вамъ говорю,—сказалъ Бенедетто.—Такъ сказалъ врачъ тому, кто говорилъ, что не вѣритъ въ медицину. И врачъ этотъ продолжалъ, обращаясь къ вопрошавшему его: „Если вы пришли ко мнѣ для того, чтобы я вернулъ вамъ здоровье и жизнь, то я могу обѣщать вамъ и то, и другое. Но если не это цѣль вашего прихода, то у меня нѣтъ для васъ времени". Тогда тотъ, который считалъ себя всегда здоровымъ, смутился, испугался и сказалъ: „Я отдаюсь вамъ въ руки,—дѣлайте, что хотите, чтобы только сохранить мнѣ жизнь".

Студенты, пораженные неожиданнымъ отвѣтомъ Бенедетто, стояли въ смущеніи, а когда они пришли въ себя и хотѣли отвѣтить, Бенедетто продолжалъ:

— Если три слѣпыхъ будутъ просить, чтобы я далъ имъ мой свѣтильникъ истины,—что мнѣ имъ отвѣтить? Я отвѣчу имъ: научитесь сначала смотрѣть, а то если я вамъ теперь дамъ мой свѣтильникъ, вы не получите отъ него никакого свѣта и только испортите его.

— Неужели же, — сказалъ высокій студентъ въ очкахъ,— для того, чтобы видѣть вашъ свѣтильникъ истины, нужно закрыть окна и не пропускать свѣта солнца? Но я понимаю: вы просто не хотите бесѣдовать съ нами, принимая насъ за репортеровъ. Сегодня мы или, во всякомъ случаѣ, я не въ такихъ настроеніяхъ, какія были бы желательны вамъ. Можетъ быть, я слѣпъ, но я не хочу обращаться за свѣтомъ ни къ папѣ,— ни къ новому Лютеру. Но если вы пріѣдете въ Римъ, вы найдете молодежь, болѣе расположенную къ воспріятію вашихъ истинъ, чѣмъ я, чѣмъ мы всѣ. Пріѣзжайте, говорите и позвольте также и намъ послушать васъ. Теперь вы возбуждаете въ насъ только любопытство, а завтра—какъ знать? — можетъ быть, мы проникнемся и желаніями, которыя будутъ вамъ по душѣ. Пріѣзжайте къ намъ въ Римъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, ваше имя и адресъ,—сказалъ Бенедетто.

Студентъ далъ ему свою визитную карточку. Его звали Эліасъ Витербо. Бенедетто съ любопытствомъ взглянулъ на него.

— Да,—сказалъ онъ,—я еврей, но мои два товарища-католики—не болѣе христіане, чѣмъ я. У меня, впрочемъ, нѣтъ никакихъ религіозныхъ предразсудковъ.

Бесѣда кончилась. Уходя, самый молодой изъ трехъ студентовъ, тотъ, который закидалъ Бенедетто вопросами, попробовалъ еще разъ аттаковать его:

— Скажите, по крайней мѣрѣ, какъ по вашему, слѣдуетъ ли католикамъ участвовать въ политическихъ выборахъ?

Бенедетто молчалъ. Студентъ сталъ настаивать:

— Неужели вы не хотите отвѣтить хоть на это?

— „Non expedit“,—сказалъ Бенедетто и улыбнулся.

Въ передней раздались шаги, затѣмъ два легкихъ стука въ дверь; вошли Сельва и Ноэми. Марія Сельва вошла первая и, увидавъ Бенедетто, ужаснулась—до того онъ показался ей жал-

кимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшнымъ въ своей неуклюжей одеждѣ. Она покраснѣла, хотѣла выразить свое возмущеніе, но не находила словъ. У Ноэми выступили слезы на глазахъ. Всѣ четверо помолчали съ минуту, понимая другъ друга безъ словъ. Потомъ Джіованни крѣпко пожалъ руку Бенедетто, который казался ему возвышенно-прекраснымъ и въ своемъ смѣшномъ платьѣ.

— А все таки не носите этого платья!—воскликнула Марія, не столь мистически настроенная, какъ ея мужъ.

Бенедетто сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы прося не говорить объ этомъ, и взглянулъ на учителя, дона Клементія, съ выраженіемъ искренняго и глубокаго преклоненія.

— Знаете ли вы,—сказалъ онъ,— сколько истины и добра я обрѣлъ благодаря вамъ?

Джіованни не зналъ, что онъ оказалъ на Бенедетто такое сильное вліяніе черезъ посредство дона Клементія. Оказалось, что онъ читалъ всѣ его книги. Джіованни былъ тронутъ, и благодарилъ въ душѣ Бога за то, что ему дано было убѣдиться воочію въ принесенной имъ хоть отчасти пользѣ живой человѣческой душѣ.

— Какъ бы я былъ счастливъ,— продолжалъ Бенедетто,— если бы привелось тогда работать у васъ въ саду, видѣть и иногда слушать васъ.

При напоминаніи о томъ вечерѣ у Ноэми вырвался тоже невольный тихій возгласъ: она вспомнила въ свою очередь многое, о чемъ нельзя было теперь говорить. Джіованни воспользовался словами Бенедетто, чтобы предложить ему жить у нихъ въ домѣ, такъ какъ, по словамъ дона Клементія, онъ намѣревался покинуть Дженнэ въ тотъ же вечеръ. Они могли бы отправиться вмѣстѣ въ какое ему угодно время послѣ разговора, обѣщаннаго имъ невѣсткѣ Джіованни. Ноэми поблѣднѣла и устремила пристальный взоръ на Бенедетто, ожидая его отвѣта.

— Благодарю васъ,— сказалъ онъ послѣ короткаго размышленія.— Когда я постучусь въ вашу дверь, откройте мнѣ. Теперь я ничего больше не могу сказать.

Джіованни и Марія поднялись, чтобы уйти. Бенедетто попросилъ ихъ остаться, говоря, что у синьорины, навѣрное, нѣтъ секретовъ отъ нихъ обоихъ — или, во всякомъ случаѣ, отъ ея сестры. Но и эта попытка удержать Марію не удалась, такъ какъ Ноэми сказала, сильно при этомъ смущаясь, что рѣчь идетъ о чужой тайнѣ. Сельва ушли.

Бенедетто продолжалъ стоять и не попросилъ Ноэми сѣсть. Онъ зналъ, что передъ нимъ подруга Жанны, и предвидѣлъ, что разговоръ будетъ заключать въ себѣ порученіе отъ Жанны.

— Я слушаю васъ, синьорина,—сказалъ онъ.

Тонъ его былъ учтивый, но онъ ясно говорилъ: чѣмъ скорѣе все будетъ сказано, тѣмъ лучше.

Ноэми это ясно поняла. Если бы кто-нибудь другой такъ обошелся съ ней, она бы обидѣлась. Но отъ Бенедетто она готова была все перенести; въ его присутствіи на нее находило глубокое смиреніе.

— Мнѣ поручили спросить васъ,—сказала она,—извѣстно ли вамъ что-нибудь объ одномъ лицѣ, которое вы близко знали— и, кажется, очень любили. Имя его — не знаю, хорошо ли я его произношу, такъ какъ я не итальянка, а француженка,— донъ Джузеппе Флоресъ.

Бенедетто вздрогнулъ. Этого онъ не ожидалъ.

— Нѣтъ,—взволнованно отвѣтилъ онъ.—Я не имѣю никакихъ извѣстій о немъ.

Ноэми поглядѣла на него молча. Прежде чѣмъ продолжать говорить, ей хотѣлось попросить у него прощенія за боль, которую она ему причинитъ. Она тихо сказала грустнымъ голосомъ:

— Мнѣ поручили сообщить вамъ, что его уже нѣтъ въ живыхъ.

Бенедетто наклонилъ голову и закрылъ лицо руками. Донъ Джузеппе, великая, чистая душа, дорогое свѣтлое чело, дорогой добрый голосъ! Онъ тихо заплакалъ, но вдругъ ему показалось, что онъ слышитъ въ себѣ голосъ дона Джузеппе, который говоритъ ему: „развѣ ты не чувствуешь, что я здѣсь съ тобой, что я въ твоемъ сердцѣ?“

Ноэми, послѣ долгаго молчанія, проговорила:

— Простите меня. Мнѣ больно, что я причинила вамъ такую скорбь.

Бенедетто открылъ лицо.

— И скорбь, и не скорбь,—отвѣтилъ онъ.

Ноэми замолчала, преклоняясь передъ глубиной его чувствъ. Бенедетто спросилъ, — знаетъ ли она, когда произошла катастрофа? — Ноэми сказала, что, кажется, въ концѣ апрѣля. Она тогда была не въ Италіи, а въ Бельгіи, въ Брюгге, со своей подругой, которая получила тамъ это извѣстіе. Насколько она слышала отъ своей подруги, смерть этого человѣка—Ноэми изъ деликатности не повторила его имени, чтобы не усиливать скорбь Бенедетто,— была святая. Его бумаги, какъ ей поручено передать ему, ввѣрены мѣстному епископу.—Бенедетто сдѣлалъ знакъ одобренія, который могъ также означать конецъ ихъ бесѣды. Но Ноэми не двинулась съ мѣста.

— Я еще не кончила, — сказала она, и тотчасъ же заговорила дальше:

— У меня есть подруга католичка, — сказала она, — я не католичка, а протестантка. Она утратила вѣру въ Бога. Ей посовѣтовали заняться благотворительностью. Она живетъ съ братомъ, который относится враждебно къ религіи. Ему непріятно, что сестра вдругъ увлеклась благотворительностью и вошла въ сношенія съ людьми, занимающимися добрыми дѣлами изъ религіозныхъ побужденій. Теперь онъ боленъ, раздражителенъ, возмущается ханжествомъ благотворительницъ, не хочетъ, чтобы сестра его посѣщала дома бѣдняковъ, покровительствовала несчастнымъ дѣвушкамъ, заботилась о брошенныхъ дѣтяхъ. Онъ говоритъ, что все это затѣи клерикаловъ, утопическія мечты, что все происходитъ, какъ должно происходить, что нужно предоставить всему естественный ходъ, не вмѣшиваться въ жизнь низшихъ классовъ, такъ какъ этимъ только вбиваешь имъ въ голову ложныя и опасныя мысли. Такимъ образомъ, подругѣ моей приходится или лгать своему брату и дѣлать тайно то, что дѣлала прежде открыто, или же разстаться съ нимъ. Ей очень нуженъ авторитетный совѣтъ, и она проситъ меня обратиться за нимъ къ вамъ. Она читала въ газетахъ, что вы помогаете совѣтомъ и дѣломъ здѣшнимъ горцамъ, и надѣется, что вы не отвѣтите отказомъ и ей.

— Если ея братъ, — отвѣтилъ Бенедетто, — боленъ тѣломъ и духомъ, то этимъ ей представляется случай творить добро у себя же въ домѣ. Неужели же ей сдѣлаться дурной сестрой, чтобы познать Бога? Пусть она прекратитъ занятія благотворительностью, пусть посвятитъ себя брату и исцѣлитъ его отъ недуговъ тѣлесныхъ и недуговъ духовныхъ, ухаживая за нимъ со всей любовью, какую...—Онъ хотѣлъ сказать—„какую питаетъ къ нему“,—но этими словами онъ далъ бы ясно понять, что знаетъ, о комъ идетъ рѣчь, и потому поправился: — на какую она способна; пусть привяжетъ его къ себѣ и побѣдитъ его постепенно, ничего не проповѣдуя, одной только добротой. И для нея самой будетъ хорошо, если она постарается воплотить въ себѣ идеалъ доброты, активную неутомимую и терпѣливую любовь. Она его навѣрное убѣдитъ постепенно, безъ всякихъ споровъ, что все, что она дѣлаетъ — хорошо. Тогда она сможетъ снова вернуться къ дѣламъ благотворительности и будетъ въ нихъ болѣе самостоятельна. Теперь она работаетъ, исполняя данный ей совѣтъ, и, можетъ быть, не всегда дѣлаетъ именно то, что слѣдуетъ. А тогда она будетъ дѣйствовать изъ привычки къ

добру, пріобрѣтенной ухаживаніемъ за больнымъ братомъ. И все будетъ ей лучше удаваться.

— Благодарю васъ,—сказала Ноэми,—благодарю отъ имени моей подруги, а также и отъ моего, такъ какъ я глубоко согласна со всѣмъ, что вы сказали. Могу я передать ваши совѣты отъ вашего имени?

Вопросъ этотъ казался излишнимъ, потому что за этими совѣтами она обратилась къ Бенедетто именно по порученію подруги. Но Бенедетто смутился. Ноэми просила у него теперь прямого порученія къ Жаннѣ.

— Что я такое? — сказалъ онъ. — Какой я авторитетъ? Скажите ей, что я буду молиться за нее.

Ноэми вся дрожала внутренно. Теперь такъ легко было бы заговорить о религіи,—а она не рѣшалась. Какъ упустить такой случай! Она чувствовала, что должна заговорить, но уже не было времени обдумать свои слова. Она сказала поэтому первое, что ей пришло въ голову.

— Простите, вы сказали, что будете молиться. Скажите—мнѣ такъ важно это знать,—раздѣляете вы религіозныя убѣжденія моего шурина?

Едва она предложила этотъ вопросъ, какъ онъ ей показался дерзкимъ и смѣшнымъ, и ей сдѣлалось страшно стыдно. Она поспѣшила прибавить, чувствуя, что говоритъ нѣчто еще болѣе глупое, и все-таки говоря это:

— Мой шуринъ католикъ, а я протестантка, и не знаю, слѣдовать ли мнѣ его ученію.

— Синьорина,—отвѣтилъ Бенедетто,—придетъ день, когда всѣ будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, на вершинахъ. Теперь же еще нужно молиться Ему въ тѣни, въ глубинѣ долинъ. Многіе могутъ подняться, одни больше, другіе меньше, ввысь, къ истинѣ духа; многіе же не могутъ. Есть растенія, которыя за опредѣленной чертой уже не приносятъ плодовъ, и если ихъ перемѣстить еще выше, то погибаютъ. Было бы безуміемъ лишить ихъ благопріятныхъ для нихъ климатическихъ условій. Я васъ не знаю и не могу сказать, принесетъ ли ученіе синьора Сельва, если вы его воспримете безъ подготовки, хорошіе плоды. Я вамъ только совѣтую изучать католицизмъ при помощи вашего шурина, потому что нѣтъ ни одного убѣжденнаго протестанта, который бы хорошо его зналъ.

— Вы не пріѣдете въ Субіакъ?—робко спросила Ноэми.

Какая-то скрытая грусть прозвучала въ ея голосѣ и пробу-

дила въ сердцѣ Бенедетто странную сладостную боль, которая даже испугала его своей неожиданностью.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—не думаю.

Ноэми хотѣлось выразить сожалѣніе по этому поводу, и она произнесла нѣсколько несвязныхъ словъ.

Въ передней раздались голоса. Ноэми опустила голову, и Бенедетто тоже. Ихъ бесѣда кончилась.

Герцогиня тоже хотѣла поговорить съ Бенедетто. Она привела съ собой пріѣхавшихъ съ нею мужчинъ и дамъ. Уже немолодая, но очень изящная, полу-суевѣрная и полу-невѣрующая, эгоистка, но не безсердечная, она привязалась къ чахоточной дочери своего стараго кучера. Услыхавъ о дженнэнскомъ святомъ и его чудесахъ, она предприняла поѣздку къ нему отчасти для развлеченія, отчасти же изъ любопытства и чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли призвать святого въ Римъ, или же только послать къ нему больную дѣвушку. Она была кузиной одного кардинала и знала одного изъ священниковъ, живущихъ въ Дженнэ. Но тотъ, встрѣтивъ ее, разсказалъ ей про святого по-своему и сообщилъ ей о крушеніи его славы. Герцогиня, однако, не довѣрилась его словамъ. Ей интересно было повидать человѣка со столь романтичнымъ прошлымъ. Любопытство ея раздѣляло все пріѣхавшее съ нею общество,—въ особенности одна изъ дамъ, которая рѣшила во что бы то ни стало познакомиться съ святымъ.

Съ герцогиней пріѣхала старая англійская аристократка, знаменитая своимъ богатствомъ, своими эксцентричными туалетами, своими теософскими убѣжденіями, платонически влюбленная въ папу и обожавшая также герцогиню, которая смѣялась надъ нею съ друзьями. Друзья эти, увидавъ Бенедетто въ его неуклюжей одеждѣ, стали перемигиваться и улыбаться и чуть не громко хохотать; старая англичанка заговорила раньше всѣхъ. Она сказала Бенедетто, на скверномъ французскомъ языкѣ, что обращается къ нему, зная, что онъ образованный человѣкъ; заявила, что она и ея друзья во всѣхъ странахъ Европы стремятся объединить всѣ христіанскія церкви подъ властью папы, устранивъ въ католицизмѣ то, что въ немъ слишкомъ нелѣпо и что всѣ внутренно считаютъ никуда негоднымъ, какъ, напримѣръ, безбрачіе духовенства и ученіе объ адѣ. Она сказала, что для достиженія этого нуженъ святой, и что этотъ святой именно онъ, такъ какъ нѣкій духъ—духъ Блаватской—возвѣстилъ объ этомъ ея пріятельницѣ-спиритке. Поэтому необходимо ему отправиться

въ Римъ. Тамъ онъ своею святостью окажетъ также большую услугу герцогинѣ ди-Чивителла, здѣсь присутствующей. Заканчивая свою рѣчь, она сказала:

— Мы васъ ждемъ всенепремѣнно. Бросьте эту жалкую дыру. Уходите отсюда скорѣе. Уходите!

Бенедетто быстро оглянулъ строгимъ взглядомъ всѣ лица вокругъ, насмѣшливыя или просто глупыя, начиная отъ герцогини съ ея лорнеткой и до журналиста съ моноклемъ, и отвѣтилъ:

— Я ухожу, сударыня.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Онъ вышелъ изъ комнаты и изъ дома, прошелъ черезъ площадь, двигаясь съ трудомъ въ непривычномъ платьѣ, и вышелъ на дорогу, не глядя по сторонамъ, движимый силой духа болѣе, чѣмъ ослабѣвшими силами тѣла. Онъ думалъ провести ночь гдѣ-нибудь подъ деревомъ, а на слѣдующій день отправиться въ Субіакъ и оттуда, при помощи дона Клементія, въ Тиволи, гдѣ у него былъ знакомый старый священникъ, пріѣзжавшій иногда въ Св. Схоластику. О гостепріимномъ предложеніи Сельва, которое ему было бы очень пріятно принять, онъ рѣшилъ и не думать. Сердце его было чисто и спокойно, но онъ не могъ забыть, что грустный вопросъ чужой дѣвушки: „вы не пріѣдете въ Субіакъ?“—странно отозвался въ его сердцѣ, и что на минуту у него мелькнула мысль о Жаннѣ. Теперь онъ это чувство побѣдилъ, но у него осталось ощущеніе нѣкоторой неустойчивости, боязни, что его побѣда—не окончательная.

Вокругъ него было пустынно. Когда гроза разсѣялась, прибывшіе изъ Треви, Филетино, Валепіетро, отправились по домамъ, обсуждая событія утра, исцѣленіе дѣвушки, неудавшееся второе чудо и быстро распространившуюся въ народѣ вѣсть о томъ, что Бенедетто—еретикъ, злой искуситель, котораго слѣдуетъ остерегаться. Когда онъ выходилъ изъ деревни, нѣсколько женщинъ изъ Дженнэ увидали его, но, смущенныя его одеждой, подумали, что онъ отлученъ отъ церкви, и ни словомъ не остановили его.

Пройдя нѣсколько шаговъ дальше, онъ услышалъ, что его кто-то нагоняетъ. Онъ остановился, и къ нему подошелъ свѣтловолосый, худощавый юноша съ очень умными голубыми глазами.

— Вы направляетесь въ Римъ, синьоръ Майрони?—спросилъ онъ.

— Я попрошу васъ не называть меня такъ,—отвѣтилъ Бенедетто, очень недовольный тѣмъ, что узнали, кто онъ.—Не знаю, иду ли я въ Римъ.

— Я слѣдую за вами,—горячо сказалъ юноша.

— Слѣдуете за мной? Почему?

Юноша, вмѣсто отвѣта, взялъ его за руку и поднесъ ее къ губамъ, несмотря на сопротивленіе Бенедетто.

— Почему?—повторилъ онъ.—Потому что мнѣ все опротивѣло, и я нигдѣ не находилъ до сихъ поръ Бога, а сегодня, благодаря вамъ, я возродился для радости. Позвольте же мнѣ послѣдовать за вами.

— Дорогой мой,—отвѣтилъ Бенедетто, тронутый его словами,—я самъ не знаю, куда пойду.

Юноша сталъ его умолять, чтобы онъ сказалъ, гдѣ онъ его можетъ снова увидѣть; а такъ какъ Бенедетто, дѣйствительно, не зналъ, что отвѣтить, то онъ воскликнулъ:

— Я увижу васъ въ Римѣ. Вы будете навѣрное въ Римѣ.

Бенедетто улыбнулся.

— Въ Римѣ? А гдѣ же вы найдете меня въ Римѣ, если я тамъ буду?

Юноша отвѣтилъ, что въ Римѣ навѣрное будутъ о немъ говорить, и что всѣ будутъ знать, гдѣ онъ.

— На все воля Господня,—отвѣтилъ Бенедетто, ласково кивая головой на прощанье. Юноша еще на минуту удержалъ его за руку.

— Я тоже родомъ изъ Ломбардіи,—сказалъ онъ.—Я изъ Милана; фамилія моя Альберти. Не забудьте меня.

И онъ слѣдилъ за Бенедетто напряженнымъ взглядомъ, пока тотъ не исчезъ на поворотѣ дороги.

Дойдя до большого Распятія на краю спуска, Бенедетто долженъ былъ остановиться отъ охватившаго его внезапно волненія. Когда онъ опять пустился въ путь, у него закружилась голова. Онъ, шатаясь, сошелъ съ дороги, чтобы не заграждать путь прохожимъ, и, вступивъ на лугъ, упалъ на траву. Онъ закрылъ глаза и почувствовалъ, что это не проходящее недомоганіе, а нѣчто болѣе серьезное. Онъ не потерялъ всецѣло сознанія, но утратилъ слухъ, осязаніе, память и сознаніе времени.

Когда онъ пришелъ въ себя, то ощущеніе непривычной одежды сопровождалось у него страннымъ, не мучительнымъ, а скорѣе почти пріятнымъ любопытствомъ относительно себя самого. Онъ продолжалъ ощупывать себѣ грудь, пуговицы, и ничего не понималъ. Онъ сталъ припоминать, что собственно произошло. Въ это время мимо него прошелъ мальчикъ изъ Дженнэ

и помчался, сломя голову, домой, чтобы сказать, что святой лежитъ мертвымъ на травѣ подлѣ Распятія.

Бенедетто сталъ думать съ тѣмъ смутнымъ сознаніемъ, которое является во снѣ въ моментъ пробужденія. На немъ было не его платье, а платье Пьеро Майрони. Значитъ, онъ еще Пьеро Майрони? Это его привело въ ужасъ, и онъ пришелъ въ себя. Онъ приподнялся и оглянулся на зелень луга, на горы, подернутыя вечерними тѣнями. При видѣ большого Распятія, къ нему окончательно вернулось сознаніе. Онъ чувствовалъ себя очень плохо, попытался встать на ноги, но это ему стоило большого труда. Онъ вышелъ на дорогу, спрашивая себя, что ему дѣлать въ такомъ состояніи. Въ эту минуту онъ увидѣлъ, что по дорогѣ бѣжитъ изъ Дженнэ женщина; она остановилась передъ нимъ и воскликнула: „Боже, это онъ!“ Бенедетто узналъ голосъ дѣвушки, говорившей съ нимъ такъ взволнованно среди блеска молній и раскатовъ грома. Изъ всѣхъ слышавшихъ въ Дженнэ разсказъ мальчика она одна пришла къ нему. Другіе не повѣрили, или не хотѣли вѣрить. Она же прибѣжала, обезумѣвъ отъ тревоги. Она остановилась въ двухъ шагахъ отъ него и не могла выговорить ни слова. Онъ не подозрѣвалъ, что она пришла ради него, и, поклонившись ей, прошелъ мимо. Она даже не отвѣтила на поклонъ, встревоженная послѣ первой минуты радости его видомъ, тѣмъ, что онъ еле ходитъ, и не рѣшаясь слѣдовать за нимъ. Увидавъ, какъ онъ заговорилъ съ ѣхавшимъ въ гору человѣкомъ верхомъ на мулѣ, она бросилась, чтобы услышать, что онъ скажетъ. Человѣкъ этотъ былъ погонщикъ муловъ, посланный Сельва за Бенедетто. Сельва уѣхали изъ Дженнэ очень скоро послѣ него, съ двумя мулами для двухъ дамъ, и думали, что нагонятъ его дорогой. Доѣхавъ до рѣки и не встрѣтивъ его, они стали разспрашивать путника, шедшаго изъ Субіака. Тотъ не могъ имъ ничего сообщить. Ноэми, которая спѣшила къ послѣднему поѣзду въ Тиволи, уѣхала съ Джіованни, скрывая свое огорченіе. Погонщика муловъ послали обратно въ Дженнэ за Бенедетто, а также чтобы онъ взялъ въ гостинницѣ забытый тамъ зонтикъ. Марія осталась ждать его на берегу рѣки. Молодая учительница услышала, какъ Бенедетто попросилъ у погонщика принести ему изъ Дженнэ воды. Они продолжали говорить, но она уже больше не слушала и скрылась.

Бенедетто согласился, поговоривъ съ погонщикомъ, поѣхать верхомъ навстрѣчу синьорѣ Сельва. Оставшись одинъ, онъ сѣлъ у подножія креста, ожидая возвращенія погонщика съ зон-

тикомъ и водой. Серпъ луны выступилъ на ясномъ небѣ надъ горами Арцинацо; вечеръ былъ теплый и тихій. Бенедетто чувствовалъ жаръ во всемъ тѣлѣ, дыханіе его становилось прерывистымъ. Боли онъ нигдѣ не чувствовалъ. Благоуханная трава на лугу, деревья, большія тѣнистыя горы—все это казалось ему теперь живымъ, радовало его, во всемъ онъ чувствовалъ тайну молитвенной любви, которая царитъ въ природѣ, наклоняя даже серпъ луны къ тихимъ вершинамъ на блѣдно-опаловомъ небѣ. Онъ слышалъ въ сердцѣ голосъ дона Джузеппе Флореса, который шепталъ ему, что было бы радостно умереть вмѣстѣ съ умирающимъ днемъ, сочетаясь въ молитвѣ съ чистотой окружающей его природы.

Послышались торопливые шаги по дорогѣ изъ Дженнэ; они остановились немного поодаль. Затѣмъ къ Бенедетто подошла дѣвочка, робко дала ему графинъ съ водой и стаканъ и отбѣжала назадъ. Бенедетто, изумленный, позвалъ ее обратно; она подошла медленно и смущаясь. На вопросъ, какъ ее зовутъ и кто ея родители, она ничего не отвѣтила, но чей-то голосъ сказалъ за нее:

— Это дѣвочка хозяевъ гостинницы.

Бенедетто узналъ голосъ и при блѣдномъ свѣтѣ луны узналъ и лицо молчаливой дѣвушки, которая не подходила къ нему изъ того же чувства деликатности, которое побудило ее взять съ собой ребенка.

— Благодарю,—сказалъ онъ.

Она немного приблизилась, держа за руку дѣвочку, и сказала шопотомъ:

— Вы знаете, что священники говорили съ матерью умершаго? Знаете, что теперь она васъ обвиняетъ въ его смерти?

Бенедетто отвѣтилъ ей съ нѣкоторой суровостью:

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите?

Она поняла, что своими обвиненіями другихъ огорчила его, и воскликнула съ отчаяніемъ:

— Простите меня!.. Могу я вамъ предложить одинъ вопросъ?—спросила она.

— Спрашивайте.

— Вы вернетесь когда-нибудь въ Дженнэ?

— Нѣтъ.

Она замолчала. Издали послышался звукъ копытъ; погонщикъ муловъ возвращался изъ Дженнэ.

Она сказала еще болѣе тихимъ голосомъ:

— Ради Бога, отвѣтьте еще на одинъ вопросъ. Какъ вы

себѣ представляете будущую жизнь? Думаете ли, что мы встрѣтимъ тамъ тѣхъ, кого знали на землѣ?

Еслибы свѣтъ луны не былъ такимъ блѣднымъ, Бенедетто увидѣлъ бы, какъ двѣ крупныя слезы скатились по лицу молодой дѣвушки.

— Я вѣрю,—твердо сказалъ онъ,—что до конца существованія нашей планеты будущая жизнь будетъ для насъ продолженіемъ земного труда, и что всѣ стремящіеся къ единенію будутъ тамъ вмѣстѣ трудиться.

Погонщикъ муловъ уже подъѣзжалъ къ нимъ.

— Прощайте,—сказала дѣвушка.

На этотъ разъ въ ея голосѣ слышны были слезы. Бенедетто отвѣтилъ:

— Господь да благословитъ васъ!

Онъ спускался верхомъ на мулѣ въ долину съ пылающей головой. Значитъ, онъ все-таки ѣдетъ къ Сельва. Онъ знаетъ — ему это сказалъ погонщикъ муловъ, — что не застанетъ тамъ Ноэми; но ему это безразлично. Онъ не боится ея, и даже забылъ о легкомъ волненіи, испытанномъ въ ея присутствіи. Другая мысль волнуетъ его душу. Въ его воспаленномъ мозгу вертятся слова дона Клементія, слова юноши Альберти, слова старой англичанки и мелькаютъ обрывки его видѣнія. Онъ ѣдетъ къ Сельва, но не надолго. Онъ спускается въ долину, и въ бурномъ ревѣ рѣки ему слышится все громче и громче:

— Римъ! Римъ! Римъ!

IX.

Три письма.

Жанна — къ Ноэми.

Вена.

„Прости, что я пишу тебѣ карандашомъ. Я перечитала твое письмо здѣсь, въ получасѣ разстоянія отъ гостинницы, сидя у бассейна, куда приходятъ на водопой стада. Тихій плескъ воды, которая падаетъ изъ деревяннаго маленькаго канала, напоминаетъ мнѣ что-то, отъ чего у меня болитъ сердце: прогулку съ нимъ по полямъ и рощамъ, въ туманѣ, отдыхъ около этого бассейна, грустныя слова, скатившуюся слезу, что-то написанное на водѣ въ счастливую минуту—послѣднюю. Я принесла большую жертву Карлино тѣмъ, что вернулась въ Вену послѣ трехъ лѣтъ. Я всегда любила брата, но совѣтъ изъ Дженнэ заставилъ

бы меня принести ему еще гораздо бо̀льшія жертвы совершенно легко и зная, что въ этомъ нѣтъ никакой заслуги.

„Я недовольна твоимъ письмомъ и скажу тебѣ, почему, только не теперь. Здѣсь неудобно писать, и начинаетъ спускаться туманъ съ горныхъ пастбищъ; дуетъ холодный вѣтеръ. Я должна заботиться о своемъ здоровьи ради Карлино. Это тоже жертва съ моей стороны, потому что я ненавижу мое здоровье".

Позже.

„Ноэми, не можешь ли ты сдѣлать такъ, чтобы листокъ бумаги съ началомъ письма, написаннымъ карандашомъ, попался ему на глаза? Ты не рѣшаешься сказать ему, до какой степени я слушаюсь его во всемъ,—такъ сдѣлай, чтобы онъ узналъ объ этомъ изъ моего письма.

„Я недовольна твоими письмами, главнымъ образомъ, потому, что они слишкомъ коротки. Ты знаешь, какъ я жажду извѣстій о немъ; онъ гоститъ въ домѣ, гдѣ живешь и ты, въ Субіакѣ тебѣ навѣрное нечего дѣлать, а ты ограничиваешься нѣсколькими словами: „Ему лучше; много читаетъ; работалъ въ саду. Можетъ быть, проведетъ лѣто съ нами. Пишетъ". Ты мнѣ даже не написала толкомъ, чѣмъ онъ собственно боленъ, что̀ читаетъ, куда поѣдетъ, если не проведетъ лѣто съ вами; пишетъ ли письма, или книгу; о чемъ вы разговариваете. Невозможно, чтобы вы не разговаривали иногда. Не повторяй мнѣ, что чѣмъ меньше говорить мнѣ о немъ, тѣмъ лучше. Ты это выдумала для своего удобства, но это, право же, глупо. Будешь ли ты мнѣ говорить о немъ, или нѣтъ, не все ли равно? Моя надежда и такъ умерла и не возродится. Поэтому пиши подробно. Я увѣрена, что онъ хочетъ обратить тебя, что вы ведете интимныя бесѣды, и что именно поэтому ты такъ мало пишешь мнѣ о немъ. Но, знаешь ли, обратить тебя—не большая заслуга. Ты вѣдь сентиментальна, и нѣтъ у тебя яснаго, холоднаго и твердаго сознанія истины, которое у меня, напротивъ того, слишкомъ обострено—даже больше, чѣмъ я бы хотѣла.

„Когда ты думаешь вернуться въ Бельгію? Развѣ твои дѣла не требуютъ твоего присутствія тамъ? Ты мнѣ говорила какъ-то, что твой управляющій не внушаетъ тебѣ большого довѣрія. Мы, кажется, отправимся путешествовать въ августѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Карлино теперь; но онъ легко мѣняетъ свои рѣшенія. Мнѣ хотѣлось бы побывать въ Голландіи, въ сентябрѣ, вмѣстѣ съ тобой. Прощай. Такъ пиши же. Если онъ много читаетъ, то ты легко могла бы взять у него книгу и оставить въ ней мой листокъ между страницами. Словомъ, найди какой-ни-

будь способъ. Постарайся. Устрой это, если любишь меня. Впрочемъ, я думаю, что твоя дружба ко мнѣ остыла. Если это такъ, то скажи правду. Вотъ, зато, здѣсь, въ отелѣ, есть одна дама, которая совсѣмъ влюбилась въ меня. Смѣйся, но это правда. Мужъ ея—помощникъ статсъ-секретаря. Она непремѣнно хочетъ, чтобы я провела будущую зиму въ Римѣ. Это будетъ зависѣть отъ Карлино. Она осаждаетъ его просьбами, и онъ не отказываетъ, хотя и не даетъ согласія. Прощай, пиши, пиши и пиши!"

Ноэми—къ Жаннѣ (съ французскаго).

Субіакъ, 8 іюля.

„Я еще лучше устроила. Джіованни въ моемъ присутствіи сказалъ ему на память латинскую цитату, которая его поразила—что-то о древнихъ монахахъ до Христа. Онъ попросилъ Джіованни записать ему эту цитату. Мы были въ оливковой рощѣ за домомъ и сидѣли на травѣ. Я быстро дала Джіованни карандашъ и полъ-листка, показывая его съ ненаписанной стороны. Онъ написалъ; Майрони взялъ листокъ, прочелъ латинскую фразу и положилъ бумажку въ карманъ, не посмотрѣвъ, что на другой сторонѣ... Это—истинное предательство, и я его совершила изъ любви къ тебѣ. Неужели ты еще во мнѣ сомнѣваешься?

„Что тебѣ сказать о его болѣзни, кромѣ того, что я уже писала тебѣ? Около двухъ недѣль у него была жестокая лихорадка. Докторъ то говорилъ, что это тифъ, то говорилъ, что—нѣтъ. Теперь онъ поправляется, но все еще очень слабъ и сильно похудѣлъ. Кажется, что болѣзнь еще не совсѣмъ прошла; докторъ очень строгъ относительно режима, и онъ теперь ѣстъ мясо и пьетъ много вина. Вчера пріѣхалъ изъ Рима одинъ другъ Джіованни, знаменитый профессоръ Майда. Джіованни просилъ его осмотрѣть Майрони и дать какой-нибудь совѣтъ. Профессоръ прописалъ водолеченіе. Но Майрони навѣрное не послушается его. Я достаточно его знаю, и почти совершенно въ этомъ увѣрена. Впрочемъ, за послѣднюю недѣлю онъ сильно поправился. Онъ работаетъ въ саду по утрамъ, а иногда и вечеромъ. Сегодня онъ страшно рано всталъ, и представь себѣ, что онъ выдумалъ: мыть лѣстницу. Марія вчера сдѣлала выговоръ старой служанкѣ за то, что она не вымыла лѣстницы. Служанка, которая уходитъ на ночь въ Субіакъ, пришла въ семь часовъ утра и нашла свою работу сдѣланною Майрони. Моя сестра и шуринъ очень бранили его за безразсудство,—въ особенности Джіованни; онъ-то вѣдь полная противоположность Майрони, и

не взялъ бы въ руки метлы, еслибы даже былъ окруженъ цѣлымъ облакомъ паутины. Что читаетъ Майрони? Со мной онъ только одинъ разъ говорилъ объ этомъ и очень недолго. Я тебѣ писала, что онъ, можетъ быть, проведетъ съ нами лѣто, потому что знаю, до чего Марія и Джіованни этого желаютъ. Но я предчувствую, что онъ не захочетъ остаться и уѣдетъ въ Римъ. Впрочемъ, это мнѣ только кажется, и ничего положительнаго я не знаю.

Что касается моего обращенія, то не знаю, такъ ли оно возможно, какъ тебѣ кажется, и думаетъ ли объ этомъ Майрони. Замѣть, что я его такъ называю только когда пишу тебѣ. Говоря съ нимъ, я его зову Бенедетто, согласно его желанію. Джіованни, я знаю, думалъ обращать меня,—но нашелъ это до того легкимъ, что пересталъ говорить мнѣ объ этомъ. Про Майрони я этого не думаю. Мнѣ кажется, что для него христіанство—прежде всего жизнь согласная духу Христа—воскресшаго Христа, который всегда живетъ въ насъ, и котораго мы, какъ онъ говоритъ, всегда внутренно ощущаемъ въ себѣ. Мнѣ кажется, что его религіозная проповѣдь не строго догматична, хотя несомнѣнно, что по святости жизни онъ—убѣжденный католикъ. Когда онъ говоритъ о догматахъ съ Джіованни, то, насколько я слышала, никогда не сравниваетъ различныя вѣроученія, а старается раскрыть смыслъ догматовъ вѣры и показать, какъ великъ таящійся въ нихъ свѣтъ, если умѣть его открыть. Въ этомъ отношеніи и Джіованни мастеръ; но когда онъ говоритъ, то прежде всего чувствуется его огромная ученость, а когда говоритъ Майрони, то видно, что въ сердцѣ его живой Христосъ, воскресшій и пламенѣющій въ его вѣрѣ. Говоря совершенно искренно, я должна сказать тебѣ, что хотя не вѣрю въ его желаніе обратить меня, но не могу также быть увѣренной въ противномъ. Были мы однажды всѣ вмѣстѣ въ оливковой рощѣ. Онъ и Джіованни говорили про одну нѣмецкую книгу о духѣ христіанства; она, кажется, надѣлала много шума, и авторъ ея—протестантскій богословъ. Майрони замѣтилъ, до чего этотъ протестантъ, говоря о католицизмѣ съ искреннимъ намѣреніемъ быть безпристрастнымъ, обнаруживаетъ въ сущности свое незнаніе католическаго ученія... По словамъ Майрони, протестанты и понятія не имѣютъ о католичествѣ, судятъ о немъ съ пренебреженіемъ, полагая, что нѣкоторыя искаженія католическаго культа, совершенно внѣшнія и исправимыя, составляютъ самую сущность его. Подлѣ него, когда онъ это говорилъ, стояла корзинка съ абрикосами; онъ вынулъ изъ нея пре-

красный, но слегка попорченный абрикосъ. „Вотъ, — сказалъ онъ, — испорченный плодъ. Если я его дамъ кому-нибудь, кто этого не знаетъ, но хочетъ быть любезнымъ, онъ мнѣ скажетъ, что въ плодѣ есть здоровое и хорошее, но есть и порченное, больное, и что поэтому, къ сожалѣнію, онъ не можетъ принять его. Такъ говоритъ о католичествѣ этотъ весьма почтенный протестантъ. Но если я дамъ этотъ плодъ тому, кто его знаетъ, тотъ приметъ его, хотя бы онъ былъ совсѣмъ сгнившій, и посадитъ здоровое ядро его въ свою землю, въ надеждѣ получить впослѣдствіи прекрасные, здоровые абрикосы. Эти слова Майрони обратилъ къ Джіованни, но все время не отрывалъ глазъ отъ меня. Я должна также прибавить, что въ Дженнэ онъ совѣтовалъ мнѣ изучать католичество. Во всякомъ случаѣ, если я остаюсь протестанткой, то не потому, что я знаю или не знаю достаточно догматы, а потому, что этого требуютъ мои самыя священныя чувства.

„Дорогая моя Жанна, есть еще нѣчто, о чемъ я хотѣла бы совершенно откровенно съ тобой говорить. Я подозрѣваю, что ты ревнуешь его ко мнѣ. Боюсь, что ты не представляешь себѣ сама, какую глубокую печаль ты бы мнѣ этимъ причинила. Боюсь также, что ты не можешь понять, какое глубокое оскорбленіе ты наносишь сначала ему, а потомъ и мнѣ. Я открою тебѣ теперь мое сердце. У меня были бы угрызенія совѣсти, если бы я этого не сдѣлала, дорогая моя, — угрызенія совѣсти по отношенію къ тебѣ, къ нему и ко мнѣ самой. Что касается его, то онъ добръ и милъ со всѣми окружающими, и въ особенности съ самыми ничтожными. Ты могла бы поэтому ревновать къ старухѣ изъ Субіака, которая приходитъ исполнять черную работу. Относительно Маріи и меня, его доброта и мягкость сказываются скорѣе безмолвно, чѣмъ на словахъ. Съ нами онъ всегда ровенъ, кротокъ, любезенъ, никогда не избѣгаетъ нашего общества, но еще ни разу не случалось, чтобы онъ разговаривалъ наединѣ съ той или другой. Я въ его глазахъ—живая душа, а душа для него то, что для моего отца были малѣйшія растенія его большого сада; онъ готовъ былъ защитить ихъ отъ мороза жаромъ своего сердца, взростить ихъ, посвятивъ этому всю свою жизнь. Но я для него такая же душа, какъ другія, — съ той только разницей, быть можетъ, что онъ считаетъ меня болѣе далекой отъ истины и потому болѣе подверженной опасности замерзнуть; въ его обращеніи, впрочемъ, и это незамѣтно.

„Что касается меня, дорогая, то я, несомнѣнно, питаю къ

нему глубокое чувство, но было бы возмутительно съ твоей стороны сказать, что чувство мое хотя бы издали напоминаетъ то, которое люди называютъ опредѣленнымъ именемъ. Мое чувство—преклоненіе, даже нѣкоторый благоговѣйный страхъ; у меня такое чувство, какъ будто вокругъ него очерченъ волшебный кругъ, который я не смѣю переступить. Въ его присутствіи сердце мое ничуть не бьется сильнѣе,—я бы сказала скорѣе, что оно бьется нѣсколько медленнѣе. Теперь я тебѣ все сказала, дорогая Жанна, съ той искренностью, дальше которой уже нельзя пойти. Поэтому я прошу, я умоляю тебя не воображать себѣ ничего другого.

„Теперь я не думаю о Бельгіи. Возможно, что я съѣзжу туда позже. Кланяйся своему брату; я хотѣла бы знать, дѣйствительно ли онъ переселилъ своихъ героевъ, стараго священника и молодую дѣвушку, на планету Фомальгутъ? Я иногда думаю объ этой планетѣ. Скажи ему, что если эту зиму вы пріѣдете въ Римъ, то мы опять будемъ вмѣстѣ играть на роялѣ. Прощай; обнимаю тебя.

Бенедетто—дону Клементію (не отправленное).

„Падре, Господь покинулъ мою душу! Я не говорю, что Онъ оставилъ меня во власти грѣха, но Онъ отнялъ у души моей сознаніе своей близости, и минутами во всемъ существѣ моемъ дрожитъ крикъ Христа на крестѣ. Когда я дѣлаю усиліе и сосредоточиваю всѣ мои помыслы на присутствіи Господа, и все мое чувство—на томъ, что предаю себя Божественной волѣ, то это приводитъ только къ страданіямъ и унынію. Я точно вьючное животное, изнемогающее подъ тяжестью, взваленной на него; при первомъ ударѣ хлыста оно дѣлаетъ усиліе, чтобы подняться, но опять падаетъ; а при второмъ ударѣ, при третьемъ и четвертомъ—уже едва только вздрагиваетъ, и даже не пытается подняться. Когда я раскрываю Евангеліе или „Подражаніе Христу“, то не нахожу въ немъ отрады. Когда читаю молитвы, меня одолѣваетъ скука, и я умолкаю. Когда я лежу распростертый на полу, я только чувствую холодъ плитъ; когда жалуюсь Богу на то, что Онъ меня покинулъ, молчаніе Его становится еще болѣе враждебнымъ. Я вспоминаю тогда о великихъ мистикахъ и говорю себѣ, что не слѣдуетъ такъ жаждать духовныхъ радостей и такъ страдать отъ ихъ отсутствія. Но я тотчасъ же отвѣчаю себѣ, что неправы мистики, что въ состояніи видимой благодати ступаешь тверже, а что въ беззвѣздномъ мракѣ душевной ночи не видно пути и приходится

только отступать назадъ, чувствуя подъ ногой траву, а не дорогу. И даже этого недостаточно, и можетъ случиться, что занесешь ногу въ пустоту. Падре, откройте мнѣ ваши объятія, чтобы я почувствовалъ пламень вашей груди, въ которой живетъ Господь! Есть сотни причинъ, по которымъ я не долженъ являться въ Св. Схоластику, и во всякомъ случаѣ, я предпочитаю писать вамъ, нежели говорить. Я чувствую ваше присутствіе здѣсь болѣе, чѣмъ ежели оно было бы дѣйствительнымъ; я въ мысляхъ ближе сливаюсь съ вами, чѣмъ если бы вы были предо мною. И мнѣ необходимо мысленно сливаться съ вами, имѣть общеніе съ вашей душой. Быть можетъ, я пошлю вамъ это письмо, быть можетъ нѣтъ. Падре, мнѣ отраднѣе писать тебѣ, чѣмъ говорить съ тобой; я не могъ бы говорить такъ горячо, какъ пишу. Когда я пишу, то я взываю къ тебѣ, безсмертному, совлекаю съ тебя смертность, которая есть въ душѣ твоей и которая, будь ты предо мной, остудила бы мой пылъ; я бы чувствовалъ преходящее въ твоемъ неполномъ пониманіи окружающаго, въ благоразуміи, которое набрасывало бы покровъ на твою мысль. Нѣтъ, я тебѣ не пошлю этого письма, и все-таки оно будетъ у тебя. Я его сожгу, и все-таки ты будешь имѣть его. Немыслимо, чтобы мой безмолвный крикъ не дошелъ до тебя, — быть можетъ, теперь, среди ночного мрака, когда ты спокойно спишь,—быть можетъ, черезъ два часа, тоже еще среди ночной темноты, въ то время, какъ ты будешь молиться съ братьями въ милой сердцу моему церкви, гдѣ мы такъ часто молились вмѣстѣ.

„Я знаю, почему Господь меня оставилъ. Всегда, когда Господь меня оставляетъ, когда засыхаютъ живые источники души, и сердце мое становится мертвымъ моремъ, — я знаю причину. Я виновенъ въ томъ, что внялъ сладостной музыкѣ позади себя, и обернулся,—или въ томъ, что вѣтеръ донесъ мнѣ благоуханіе луговъ, цвѣтущихъ въ сторонѣ отъ моей дороги, и я остановился и вдыхалъ ароматъ, — или въ томъ, что туманъ заградилъ мнѣ путь и я испугался,—или же еще въ томъ, что терніе ранило мнѣ ногу, и я почувствовалъ гнѣвъ. Это длилось одно мгновеніе, но его было достаточно для того, чтобы раскрылась дверь и вошло пагубное дуновеніе. Такъ бываетъ всегда. Достаточно одного обмѣна взглядами, одной принятой похвалы, одного запечатлѣвшагося въ памяти образа, воспоминанія объ обидѣ—для того, чтобы зло свершилось. А со мной все это было. Спустилась ночь на мой путь, я поставилъ ногу на мягкую траву, почувствовалъ ее подъ ногой и отступилъ—

но не сейчасъ. Но зачѣмъ говорить иносказательно? Пиши, рука моя, голую правду. Пиши, что этотъ домъ—гнѣздо нѣги, и что мнѣ пріятна была мягкая постель, тонкое постельное бѣлье, запахъ лаванды, что еще болѣе пріятенъ былъ разговоръ съ синьоромъ Джіованни и чтеніе, доставлявшее развлеченія уму. Пріятно было общество двухъ молодыхъ женщинъ, чистыхъ, умныхъ, граціозныхъ, пріятно ихъ скрытое поклоненіе и благоуханіе чувства, которое одна изъ нихъ, кажется, таитъ ко мнѣ; отрадна мнѣ была жизнь среди нихъ вдали отъ всего низкаго, нечистаго, гадкаго.

„Я ощущалъ зло жизни съ отвращеніемъ отъ него, а не съ пламенной скорбью, которая побуждаетъ идти навстрѣчу ему, чтобы спасти отъ него другія души. Я искалъ спасенія, обнявъ Распятіе, но вдругъ оно стало въ моихъ объятіяхъ безчувственнымъ, мертвымъ деревомъ. Я сказалъ себѣ: духи несправедливости, злой воли, знающіе и сильные, витающіе въ воздухѣ, ополчились противъ меня и моего дѣла. Но я тотчасъ же отвѣтилъ себѣ: такъ думать—гордыня. А потомъ снова вернулась ко мнѣ прежняя мысль, и каждый день возобновлялся этотъ внутренній споръ. А такъ какъ я не выдавалъ своихъ чувствъ и видѣлъ, до чего синьоръ Джіованни и дамы увѣрены, что я въ душѣ такъ же спокоенъ и ясенъ, какъ и снаружи, то иногда презиралъ себя, какъ лицемѣра. Но черезъ минуту я снова убѣждалъ себя, что мой ясный, спокойный видъ помогаетъ мнѣ жить; что казаться сильнымъ помогаетъ быть сильнымъ на самомъ дѣлѣ. Я сравнивалъ себя съ деревомъ, сердцевина котораго съѣдена червями, а стволъ прогнилъ; оно все-таки можетъ жить, благодаря корѣ, и можетъ приносить листья и цвѣты, можетъ давать благотворную тѣнь. Потомъ я говорилъ себѣ, что все это хорошо передъ людьми,—но какъ же быть передъ лицомъ Господнимъ? А потомъ я говорилъ себѣ, что Богъ можетъ исцѣлить меня: дерево со съѣденной сердцевиной неизлечимо, а человѣкъ исцѣлимъ. И я мучился своимъ безсиліемъ сдѣлать то, что Богъ потребовалъ бы отъ меня какъ содѣйствія моей волей Его волѣ: бѣжать, бѣжать! Голосъ Бога былъ въ шумѣ рѣки, которая настойчиво твердила мнѣ въ тотъ вечеръ, когда я покидалъ Дженнэ:—Въ Римъ, въ Римъ, въ Римъ! Но вѣдь Богъ послалъ и болѣзнь, отнявшую у меня силы. Такъ какъ же это согласовать и какъ быть? Господи, услышь мои стоны, сжалься, будь справедливъ ко мнѣ!

„Я столько разъ говорилъ себѣ, что навѣрное уѣду, какъ только вернутся силы, что тѣмъ, которые удерживаютъ меня

здѣсь, я долженъ былъ бы сказать: друзья мои, вы мнѣ недруги. Но какъ я имъ это скажу? Вотъ гдѣ моя слабость и моя вина; почему не могу имъ этого сказать? Почему не говорю?

„Я прочелъ однажды во взглядѣ молодой протестантки: „Если вы уѣдете, что станется съ моей душой? Развѣ вы не хотите привести меня къ своей вѣрѣ? Я еще не пришла къ ней“. Нѣтъ, не могу я, не долженъ я всего писать. И какъ описать выраженіе глазъ, интонацію фразы, безразличной самой по себѣ! Не такіе это взгляды, какъ тотъ, изъ-за котораго святой Джероламо бросился въ ледяную воду, или, по крайней мѣрѣ, мое волненіе не похоже на испытанное имъ. Ледяная вода не спасетъ отъ обаянія чистаго въ своей нѣжности взгляда. Тутъ нуженъ огонь—огонь высшей любви. О, кто освободитъ меня отъ моего человѣческаго сердца, малѣйшее движеніе котораго приводитъ въ движеніе все мое существо? Кто высвободитъ мое сердце безсмертное, которое скрыто въ глубинѣ, какъ зародышъ въ плодѣ, и кто дастъ ему небесное тѣло? Не могу я и не долженъ писать всего, но вотъ это еще я непремѣнно напишу. Господь разставляетъ мнѣ сѣти и западни. Развѣ я заслуживаю насмѣшекъ, попадаясь въ нихъ? Почему я записалъ латинскую цитату о монахахъ, жившихъ въ пустынѣ у мертваго моря на листкѣ бумаги, гдѣ съ другой стороны были написанныя рукою Ж. Д. слова, еще пламенѣющія моимъ и ея старымъ грѣхомъ и страшными воспоминаніями? Какъ такая робкая дѣвушка отважилась передать мнѣ тайное сообщеніе?

„Вѣтеръ раскрылъ настежъ мое окно. О, Аніене, какъ ты не устанешь повторять мнѣ твой приказъ! Ты требуешь, чтобы я сейчасъ же уѣхалъ? Но это невозможно, потому что двери заперты. И было бы постыдно такъ уйти. Сказали бы: какіе неблагодарные и безумные слуги у Господа! Явись, духъ учителя, явись, говори, я слушаю тебя. Что ты говоришь мнѣ? Мои бури вызываютъ у тебя улыбку, ты говоришь, чтобы я уѣхалъ,—но уѣхалъ съ достоинствомъ, объявивъ, что таково велѣніе Господне. Ты говоришь, чтобы я повиновался голосу Господа, взывавшему ко мнѣ въ ревѣ рѣки. Вотъ вѣтеръ улегся, довольный тѣмъ, что совершилъ... Да, да, со слезами! Завтра, завтра утромъ. Я объявлю это. И я знаю, къ кому направлюсь въ Римѣ. О, свѣтъ! о, спокойствіе! о, вновь раскрывшіеся источники въ душѣ моей! о, мертвое море, на которомъ снова поднялась теплая живая волна! Да, да, со слезами. Благодарю, благодарю. Слава Тебѣ, Господь нашъ, иже еси на небесѣхъ, да прославится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да свершится воля Твоя!“

X.

Въ круговоротѣ свѣта.

Изящная карета остановилась въ сумеркахъ передъ однимъ изъ домовъ на маленькой боковой улицѣ въ Римѣ. Изъ кареты вышли двѣ дамы и торопливо исчезли за темной входной дверью. Карета уѣхала. Черезъ двѣ минуты пріѣхала другая, высадила еще двухъ дамъ у той же двери и уѣхала. Черезъ четверть часа было уже пять каретъ. Въ темную дверь вошло не менѣе двѣнадцати дамъ. Затѣмъ на маленькой улицѣ опять все стихло. Около получаса спустя, стали приходить съ Corso группы мужчинъ. Они останавливались передъ той же дверью, читали нумеръ дома при свѣтѣ фонаря и входили. И темная дверь поглотила такимъ образомъ еще человѣкъ сорокъ. Послѣдними вошли два священника. Тотъ, кто посмотрѣлъ на нумеръ, былъ близорукъ и не могъ ничего разобрать. Второй сказалъ ему со смѣхомъ:

— Входи, входи. Тутъ пахнетъ Лютеромъ; это, навѣрное, здѣсь.

Они вступили въ зловонный мракъ и поднялись по темной, грязной лѣстницѣ, освѣщенной единственной керосиновой лампой, которая горѣла въ четвертомъ этажѣ. Поднявшись въ третій этажъ, они зажгли спички, чтобы прочесть надписи на дощечкахъ у дверей. Сверху ихъ окликнулъ голосъ:

— Сюда, господа, сюда!

Какой-то молодой господинъ, очень любезный, спустился имъ навстрѣчу, встрѣтилъ ихъ поклонами, сказалъ, что только ихъ прихода и ждали, чтобы начать; онъ провелъ ихъ черезъ переднюю и корридоръ, почти такіе же темные, какъ лѣстница, и ввелъ ихъ наконецъ въ большую залу, полную людей, освѣщенную четырьмя свѣчами и двумя старинными масляными лампами. Онъ извинился за темноту,—родители его, по его словамъ, не допускали въ домѣ ни электричества, ни газа, ни даже керосина. Всѣ приходившіе группами были здѣсь. Среди нихъ было три-четыре священника. Остальные, кромѣ старика съ сѣдой бородой, были, повидимому, студенты. Ни одной дамы въ залѣ не было. Всѣ стояли, кромѣ старика, который, повидимому, пользовался большимъ почетомъ. Говорили вполголоса. Въ комнатѣ стоялъ сдержанный шумъ голосовъ. Когда вошли два священника, молодой хозяинъ дома сказалъ:

— Можно начинать.

Стоявшіе въ самой большой группѣ въ комнатѣ разступились, и по срединѣ появился Бенедетто. Для него приготовленъ былъ столикъ и двѣ свѣчи, но онъ попросилъ убрать свѣчи, а потомъ сказалъ, что сидѣть за столикомъ ему неудобно, и попросилъ позволенія говорить, сидя на диванѣ подлѣ старика съ бѣлой бородой. Онъ былъ весь въ черномъ, и лицо у него было еще болѣе блѣдное и худое, чѣмъ въ Дженнэ. Лобъ его, съ откинутыми назадъ волосами, имѣлъ теперь величественный видъ, а голубые глаза стали еще болѣе сіяющими. Лица присутствующихъ, жадно устремленныя на него, казались болѣе завороженными его глазами и лбомъ, чѣмъ жаждущими слушать его. Онъ сталъ говорить просто, безъ всякихъ жестовъ, положивъ руки на колѣни:

— Я долженъ сейчасъ же сказать, къ кому я обращаюсь, потому что не всѣ здѣсь собравшіеся одинаково относятся къ Христу и къ церкви. Я не говорю о присутствующихъ служителяхъ церкви, потому что думаю и надѣюсь, что они не нуждаются въ моихъ словахъ. Я не обращаюсь къ сидящему рядомъ со мной, потому что и онъ, я это знаю, не нуждается въ моихъ словахъ. Я не обращаюсь ни къ кому, кто твердъ въ своей приверженности къ католичеству. Я обращаюсь исключительно къ тѣмъ юношамъ, которые написали мнѣ слѣдующее.

Онъ вынулъ письмо и прочелъ:

„Мы воспитывались въ католической вѣрѣ; ставши взрослыми, мы признали за истину ея самые сокровенные принципы и служили ей на общественномъ поприщѣ. Но передъ нами вдругъ встала новая тайна, и она колеблетъ нашу вѣру. Католическая церковь, которая провозглашаетъ себя источникомъ истины, возстаетъ теперь противъ исканій истины, направленныхъ на изученіе ея основъ, ея священныхъ книгъ и догматовъ; она настаиваетъ на своей непогрѣшимости. Для насъ это равняется признанію, что она утратила вѣру въ самое себя. Католическая церковь, будто бы созидающая жизнь, теперь душитъ, заключаетъ въ цѣпи все, что въ ней живетъ молодой жизнью, и поддерживаетъ все одряхлѣвшее. Для насъ это означаетъ смерть—далекую, но несомнѣнную смерть. Католическая церковь, которая заявляетъ, что хочетъ воскресить все въ духѣ Христа, ополчается теперь на насъ за то, что мы оспариваемъ у враговъ Христа управленіе общественнымъ движеніемъ. Для насъ это значитъ, вмѣстѣ со многими другими фактами—имѣть Христа на устахъ, а не въ сердцѣ. Такой теперь стала католическая церковь,—и неужели Богъ захочетъ, чтобы мы еще по-

виновались ей? Вотъ почему мы явились къ вамъ. Что̀ намъ дѣлать? Вы, который провозглашаете себя католикомъ, проповѣдуете католичество и прославились тѣмъ, что...“

— Остальное неинтересно,—сказалъ Бенедетто, и, кончивъ чтеніе, продолжалъ говорить:

— Вотъ что̀ я отвѣчу тѣмъ, которые писали мнѣ:—Скажите, почему вы обратились ко мнѣ, исповѣдующему католичество? Можетъ быть, вы считаете меня въ церкви старшимъ надъ старшими? И, можетъ быть, поэтому вы хотите слѣдовать моимъ словамъ, если они будутъ разниться отъ обычныхъ словъ церкви? Выслушайте сравненіе: странники, томимые жаждой, пришли къ прославленному источнику воды, но нашли бассейнъ стоячей, непріятной на вкусъ воды. Живой источникъ былъ въ глубинѣ бассейна, и его они не нашли. Тогда они съ грустью обратились къ рудокопу, работавшему по сосѣдству. Онъ имъ далъ напиться хорошей воды. Они спросили его, изъ какого источника эта вода?—„Изъ того же, откуда течетъ вода въ бассейнъ,—сказалъ онъ:—источникъ подъ почвой; нужно его откопать и найти“. Томимые жаждой путники—вы; тотъ, кто откопалъ источникъ—я; а скрытый подъ землей источникъ и есть истина католицизма. Бассейнъ не есть церковь, потому что церковь—все пространство, подъ которымъ течетъ живой источникъ воды. Вы обратились ко мнѣ, зная, хотя и безсознательно, что церковь—не единственная іерархія, что есть вселенскій союзъ вѣрующихъ, что изъ глубины каждаго христіанскаго сердца можетъ бить ключъ живой воды, живой истины. Я говорю о безсознательномъ знаніи, потому что не будь оно безсознательно, вы не говорили бы: церковь возстаетъ противъ того-то, душитъ то-то—у церкви Христосъ на устахъ, а не въ сердцѣ.

— Поймите меня хорошенько. Я не сужу іерархію, я чту ея авторитетъ, но говорю только, что церковь—не единственная іерархія. Выслушайте другое сравненіе. Въ мысляхъ каждаго человѣка есть своего рода іерархія. Возьмите человѣка праведнаго. Нѣкоторыя идеи, нѣкоторые принципы господствуютъ въ немъ надъ другими, управляютъ его жизнью; они сводятся къ исполненію религіознаго, нравственнаго и гражданскаго долга. Обо всѣхъ этихъ обязанностяхъ онъ имѣетъ традиціонныя представленія. Но эта іерархія установленныхъ идей не составляетъ еще всего человѣка. Подъ нею есть множество другихъ идей, множество мыслей, которыя постоянно мѣняются подъ вліяніемъ жизненныхъ впечатлѣній и жизненнаго опыта. И подъ этими мыслями есть еще другая область души, есть безсознательное,

гдѣ скрытыя силы совершаютъ скрытую работу, гдѣ совершается мистическое единеніе съ Богомъ. Господствующія идеи руководятъ волей праведнаго человѣка, но весь остальной міръ его мыслей тоже имѣетъ огромное значеніе, потому что ведетъ къ истинѣ черезъ познаніе внѣшняго міра, черезъ пониманіе божественнаго во внутреннемъ мірѣ, и тѣмъ самымъ исправляетъ высшія, господствующія идеи, поскольку ихъ традиціонные элементы не соотвѣтствуютъ истинѣ. Этимъ постоянно питается источникъ свѣжей жизни, источникъ законнаго авторитета, основаннаго на природѣ вещей, на значеніи идей болѣе, чѣмъ на принципахъ, установленныхъ людьми. Церковь—это весь человѣкъ, а не одна только группа преобладающихъ идей; церковь—іерархія со своими традиціонными понятіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мірское учрежденіе своимъ касательствомъ къ дѣйствительности, своимъ постояннымъ воздѣйствіемъ на традиціи. Церковь не умираетъ, не дряхлѣетъ, имѣетъ Христа въ сердцѣ, а не на устахъ. Церковь—неустанно работающая лабораторія истины, и Господь повелѣваетъ вамъ остаться въ церкви и быть въ ней источникомъ живой воды.

Зала наполнилась гуломъ взволнованныхъ и восторженныхъ привѣтствій. Бенедетто возвысилъ голосъ и, поднявшись съ мѣста, сталъ говорить стоя.

— Но какіе же вы вѣрующіе,—горячо воскликнулъ онъ,—если хотите выйти изъ церкви изъ-за того, что вамъ не по душѣ нѣкоторые устарѣлые взгляды высшихъ церковныхъ властей, нѣкоторыя постановленія римскихъ соборовъ или рѣшенія какого-нибудь одного папы? Какіе вы сыновья, если готовы отречься отъ матери за то, что она одѣта не такъ, какъ вамъ хочется? Развѣ сердце материнское измѣнилось отъ одежды? Когда вы склоняетесь на материнскую грудь, жалуясь Христу на ваши недуги, и Христосъ васъ исцѣляетъ, думаете ли вы въ это время о подлинности какого-нибудь мѣста въ евангеліи отъ Іоанна или объ авторѣ четвертаго евангелія? Когда вы причащаетесь и чувствуете близость къ Христу, развѣ вамъ мѣшаютъ запреты и постановленія Ватикана? Когда, отдаваясь материнскимъ попеченіямъ церкви, вы готовитесь войти въ мракъ смерти, развѣ вамъ менѣе сладостенъ покой, который охватываетъ васъ, только потому, что какой-нибудь изъ папъ—противникъ христіанской демократіи?

— Друзья мои, вы говорите: „мы отдохнули въ тѣни этого дерева, но теперь его кора трескается, она высохла; дерево умретъ, пойдемте же искать другой тѣни“. Нѣтъ, дерево не умретъ. Еслибы

вы имѣли уши, вы бы услышали, какъ образуется новая кора, которая тоже проживетъ свое время, потомъ, въ свою очередь, потрескается и засохнетъ и смѣнится новой корой. Дерево же не умретъ, а будетъ жить и расти.

Бенедетто сѣлъ въ изнеможеніи. Слушатели двинулись волной къ нему. Но онъ остановилъ ихъ, поднявъ руки.

— Друзья, — снова началъ онъ усталымъ и мягкимъ голосомъ,—выслушайте, что я вамъ еще скажу. Фарисеи и ревнители стараго существуютъ во всякое время, а также и въ наше. Мнѣ нечего говорить вамъ о нихъ; пусть ихъ судитъ Господь. Мы только молимся за всѣхъ тѣхъ, которые не знаютъ, что творятъ. Но, быть можетъ, грѣшатъ и въ другомъ лагерѣ—воинствующихъ католиковъ. Тамъ слишкомъ упоены духомъ новизны. Духъ новизны хорошъ, но вѣчное выше и важнѣе. Боюсь, что вѣчное пострадаетъ въ данномъ случаѣ. Ожидаются великія блага для церкви Христовой отъ коллективнаго дѣйствія католиковъ на административномъ и политическомъ поприщѣ, отъ борьбы, которая, однако, возстановляетъ людей противъ Отца. И недостаточно ждутъ пользы отъ добрыхъ дѣлъ каждаго христіанина, т.-е. того, что наиболѣе служитъ на славу Отца. Высшая цѣль человѣческихъ существъ—прославлять Отца, а прославляютъ Его всѣ, въ которыхъ силенъ духъ милосердія, мира, мудрости, отреченія, чистоты, силы, которые помогаютъ братьямъ всѣми своими жизненными силами. Одинъ изъ такихъ праведныхъ, если онъ исповѣдуетъ католичество, больше содѣйствуетъ славѣ Отца и церкви, чѣмъ всякіе соборы и союзы, чѣмъ многія избирательныя побѣды.

— Но я слышалъ, какъ кто-то изъ васъ проговорилъ: „А общественное вліяніе?“... Общественное вліяніе, друзья мои, конечно, благотворно, когда оно заключается въ проповѣди равенства и братства; но когда оно отмѣчено опредѣленными религіозными и политическими убѣжденіями, и когда католики отказываются идти рука-объ-руку съ людьми доброй воли, только потому, что тѣ не раздѣляютъ ихъ убѣжденій, когда они отталкиваютъ добраго самаритянина, то это противно взору Господа. И то, что они подъ флагомъ католичества совершаютъ корыстныя дѣла, тоже отвратительно въ глазахъ Божіихъ. Они проповѣдуютъ справедливое распредѣленіе богатствъ, и это хорошо; но они слишкомъ часто забываютъ проповѣдывать вмѣстѣ съ тѣмъ смиреніе и добровольную бѣдность, и если они это дѣлаютъ намѣренно, изъ практическихъ соображеній, то это гнусно въ глазахъ Божіихъ. Очистите дѣйствія ваши отъ такихъ гнусностей. Призывайте къ

дѣламъ справедливости и любви всѣхъ людей, выказывающихъ добрую волю, и ограничьтесь сами ролью глашатаевъ. Проповѣдуйте богатымъ и бѣднымъ словомъ и примѣромъ смиреніе духа.

Среди слушателей началось движеніе; образовывались маленькія группы. Бенедетто помолчалъ съ минуту, закрывъ лицо руками.

— Вы спрашивали меня, что вамъ дѣлать,—сказалъ онъ, открывая лицо, и продолжалъ:

— Я вижу въ будущемъ католиковъ-мірянъ, ревнителей Христа и истины, которымъ удастся образовать союзы, совершенно не похожіе на теперешніе. Придетъ день, когда вооружатся рыцари св. Духа для защиты Бога и христіанской морали въ области научной, въ области искусства, государственныхъ и общественныхъ интересовъ и для общей защиты законной свободы въ области религіи. Они установятъ нѣкоторыя обязательства— не безбрачія, не обязательнаго сожитія въ монастырѣ,—т. е. не вступая въ католическое духовенство, а независимо отъ него будутъ исполнять завѣты католичества въ своей личной жизни. Молитесь, чтобы воля Господня проявилась, открылась душамъ, задумавшимъ это. Молитесь также, чтобы души эти добровольно отказались отъ своихъ помысловъ и отъ надежды на ихъ осуществленіе, если Господь обнаружитъ несогласіе. Если же Господь благословитъ ихъ, молитесь, чтобы они могли осуществить свое дѣло на славу Бога и церкви. Аминь.

Онъ кончилъ, и никто не тронулся съ мѣста. Всѣ взоры были устремлены на него, выражая жадное желаніе слушать, что онъ скажетъ еще послѣ неожиданнаго заключенія, произнесеннаго торжественнымъ и таинственнымъ тономъ. Многіе хотѣли бы, но не рѣшались нарушить это молчаніе. Но когда Бенедетто всталъ и всѣ окружили его, то поднялся и старый господинъ съ бѣлыми волосами и сказалъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Вы будете терпѣть оскорбленія и удары, васъ увѣнчаютъ терніемъ и напоятъ желчью, вы будете предметомъ насмѣшекъ для фарисеевъ и язычниковъ, вы не увидите того грядущаго, къ которому стремитесь,—но будущее принадлежитъ вамъ, и его увидятъ ученики вашихъ учениковъ.

Онъ обнялъ Бенедетто и поцѣловалъ его въ лобъ. Двое или трое стоящихъ рядомъ робко зааплодировали, и вслѣдъ за ними раздался гулъ аплодисментовъ по всей залѣ. Бенедетто, очень взволнованный, кивнулъ головой свѣтловолосому юношѣ, который его сопровождалъ, и тотъ подбѣжалъ къ нему, весь сіяя отъ радостнаго волненія. Кто-то прошепталъ:

— Это ученикъ,—и другіе прибавили тихимъ голосомъ:— Да, любимый.

Хозяинъ дома сталъ разсыпаться передъ Бенедетто въ комплиментахъ и выраженіяхъ благодарности. Тогда одинъ изъ священниковъ тоже отважился пройти впередъ и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— А для насъ, учитель, у васъ нѣтъ совѣта?

— Не зовите меня учителемъ, — отвѣтилъ Бенедетто, еще не оправившись отъ волненія. — Молитесь, чтобы Господь просвѣтилъ этихъ юношей, нашихъ пастырей, а также и меня.

Когда онъ вышелъ, въ залѣ поднялся шумъ прерывающихся голосовъ; слушатели еще не оправились отъ волненія. Оно стало еще усиливаться и перешло въ неописуемый восторгъ. Повторяли отдѣльныя его слова, вспоминали выраженіе и взглядъ оратора, выраженіе святости на его лицѣ, во всѣхъ его жестахъ. Но хозяинъ дома быстро сталъ прощаться съ своими гостями. Онъ извинялся, говорилъ любезности, но выпроваживалъ ихъ съ торопливостью, доходившей до невѣжливости.

Оставшись одинъ, онъ открылъ дверь, запертую на ключъ, и наклонился, стоя въ дверяхъ.

— Пожалуйте, сударыни!—сказалъ онъ и, широко раскрывъ дверь, впустилъ въ залу цѣлый рой дамъ. Одна немолодая дама быстро направилась къ нему и воскликнула, складывая руки:

— Какъ мы вамъ благодарны! Какой это святой человѣкъ! И какъ это мы удержались, чтобы не выбѣжать и не обнять его.

— Дорогая моя, — сказала другая дама, улыбаясь большими, прекрасными глазами, съ ироническимъ спокойствіемъ венеціанки,—къ счастью для него, дверь была заперта на ключъ.

Въ залѣ собралось двѣнадцать дамъ. Хозяинъ дома, профессоръ Гварначчи, сынъ управляющаго одной изъ этихъ дамъ, маркизы Ферми, разсказалъ ей о собраніи, которое должно было состояться у него въ домѣ, о рѣчи, которую тамъ намѣревался произнести прославившійся въ Римѣ религіозный агитаторъ, и маркиза рѣшила, что она непремѣнно услышитъ его невидимкой. Она устроила заговоръ съ Гварначчи и привлекла къ нему нѣсколькихъ пріятельницъ, которыя въ свою очередь попросили позволенія привести своихъ знакомыхъ.

Небольшое дамское общество оказалось очень смѣшаннымъ. Нѣкоторыя были въ вечернихъ открытыхъ туалетахъ, двѣ одѣты были квакершами, одна была вся въ черномъ. Двѣ квакерши, иностранки, совершенно обезумѣли отъ восторга и возмущались

маркизой, атеисткой, которая отнеслась ко всему нѣсколько саркастически и спокойно говорила:

— Да, онъ хорошо говорилъ, но я хотѣла бы видѣть его лицо во время его рѣчи.

Заявивъ, что она лучше можетъ судить о людяхъ по ихъ лицу, чѣмъ по ихъ словамъ, старая маркиза упрекнула Гварначчи за то, что онъ не продѣлалъ отверстія въ двери, или, по крайней мѣрѣ, не вынулъ ключа изъ замочной скважины.

— Ты слишкомъ возвышенъ,—сказала она,—и не знаешь женщинъ.

Гварначчи засмѣялся и почтительно извинился передъ маркизой, знавшей его съ дѣтства и обращавшейся съ нимъ какъ съ молодымъ родственникомъ. Онъ сказалъ, что Бенедетто красивъ какъ ангелъ. Но одна молодая дама, которая, по мнѣнію квакершъ, неизвѣстно зачѣмъ пришла, спокойно возразила, что видѣла его два раза, и что онъ, напротивъ того, очень некрасивъ. Квакерши ядовито замѣтили, что слѣдуетъ еще знать, каковъ у нея идеалъ красоты, и она, слегка покраснѣвъ отъ ихъ ироническаго замѣчанія, отвѣтила, что онъ слишкомъ блѣденъ и худъ. Квакерши презрительно переглянулись.

— Гдѣ же она видѣла его? — стали всѣ спрашивать молодую даму.

— Въ саду у моей невѣстки,—сказала она.

— Онъ всегда въ саду?—спросила маркиза.—Что же это— ангелъ, посаженный прямо въ землю, или растущій въ кадкѣ?

Молодая дама разсмѣялась, а квакерши бросили на маркизу взбѣшенный взглядъ.

Внесли чай, который тоже входилъ въ програму вечера.

— Хорошъ разговоръ! — тихо сказала синьора Альбаччино, жена товарища министра иностранныхъ дѣлъ, на ухо дамѣ въ черномъ, которая сидѣла, не раскрывая рта. Та грустно улыбнулась и ничего не отвѣтила.

Чай, который разносили профессоръ и его сестра, остановилъ на минуту разговоръ, который потомъ снова разгорѣлся, когда заговорили о рѣчи Бенедетто, и превратился въ такую безсодержательную и безтолковую болтовню, что дама въ черномъ предложила синьорѣ Альбаччино, пріѣхавшей вмѣстѣ съ нею, оставить собраніе и уѣхать. Но въ эту минуту маркиза Ферми, найдя колокольчикъ на каминѣ, стала звонить въ него, требуя общаго молчанія.

— Я хотѣла бы узнать что-нибудь объ этомъ садѣ,—сказала она.

Квакерши и пожилая дама, увлеченныя споромъ о католической правовѣрности Бенедетто, не замолчали бы, еслибы даже звонили въ десять колокольчиковъ; но любопытство зрѣлой дамы при словѣ „садъ" загорѣлось, и она стала настаивать, чтобы профессоръ разсказалъ имъ все, что зналъ о Бенедетто. Дамы стали говорить, что имъ некогда; одна уѣхала, узнавъ, что ее уже ждетъ карета; другія попросили, чтобы профессоръ какъ можно скорѣе разсказалъ то, что знаетъ.

— Хорошо, — началъ профессоръ. — Вы, маркиза, и другія дамы, которыя торопятся, знаете, вѣроятно, какъ и я, обо всемъ, что съ нимъ происходило до отъѣзда изъ Дженнэ. Потому я уже не буду объ этомъ говорить. Такъ вотъ, мѣсяцъ тому назадъ, въ октябрѣ—а читалъ я раньше въ газетахъ, въ іюнѣ или въ іюлѣ, объ этомъ Бенедетто, который проповѣдуетъ и творитъ чудеса въ Дженнэ, — я встрѣтилъ на улицѣ нѣкоего Поретти; онъ прежде писалъ въ „Osservatore", а теперь пересталъ писать. Этотъ Поретти пошелъ меня проводить, и мы говорили о запретѣ, наложенномъ папой на книги Джіованни Сельва, котораго ждутъ въ Римъ. Поретти мнѣ сказалъ тогда, что въ Римѣ находится теперь другъ Сельва, о которомъ скоро будутъ говорить гораздо больше, чѣмъ о самомъ Сельва. — „Кто же это?" — спросилъ я. — „Дженнэнскій святой". И вотъ что онъ мнѣ разсказалъ: „Этого человѣка выгнали изъ Дженнэ по проискамъ двухъ священниковъ, извѣстныхъ въ Римѣ фарисеевъ. Онъ укрылся въ Субіакѣ въ домѣ Сельва и тамъ серьезно заболѣлъ. Выздоровѣвъ, онъ пріѣхалъ въ Римъ, такъ, въ половинѣ іюля. Профессоръ Майда, тоже другъ Сельва, взялъ его въ младшіе садовники въ свою виллу, которую построилъ два года тому назадъ въ Авентинѣ. Новый садовникъ, который требуетъ, чтобъ его звали просто Бенедетто, какъ въ Дженнэ, сдѣлался популярнымъ во всемъ кварталѣ Тестаччіо. Онъ дѣлилъ хлѣбъ съ бѣдняками, ухаживалъ за больными, даже, какъ говорятъ, многихъ вылечивалъ только тѣмъ, что клалъ имъ руки на голову и молился. Онъ пріобрѣлъ такую популярность, что невѣстка профессора Майда, хотя она сама ревностная католичка, охотно бы отказалась держать его въ домѣ, — до того ей надоѣли приходившіе къ нему люди. Но профессоръ, совершенно невѣрующій человѣкъ, не хочетъ его отпускать. Онъ относится къ нему съ величайшимъ почтеніемъ. Онъ мирится съ тѣмъ, что Бенедетто расчищаетъ дорожки и поливаетъ цвѣты, только изъ уваженія къ убѣжденіямъ святого, и то позволяетъ ему заниматься этимъ только самое короткое время. Онъ хочетъ, чтобы Бенедетто совершенно свободно выполнялъ свою религіоз-

ную миссію. Онъ самъ часто спускается въ садъ и бесѣдуетъ съ нимъ о религіи. Бенедетто, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, отказался отъ своего прежняго режима, состоявшаго изъ хлѣба, овощей и воды; онъ ѣстъ мясо и пьетъ вино. Надъ нимъ многіе смѣются, иные оскорбляютъ его, но народъ преклоняется передъ нимъ, какъ въ Дженнэ. И онъ заботится болѣе всего о душахъ людей. Онъ поднялъ нравственность во многихъ семьяхъ,—за что его чуть не убила одна порочная женщина,—вернулъ въ лоно церкви людей, которые съ дѣтства никогда не молились. По вечерамъ, три-четыре раза въ недѣлю, онъ говоритъ въ катакомбахъ.

— Въ катакомбахъ? — воскликнула зрѣлая дама, и другія подхватили:—Боже мой, почему въ катакомбахъ?

Молодой профессоръ улыбнулся:—Поретти сказалъ: „въ катакомбахъ",—пояснилъ онъ,—понимая подъ этимъ словомъ скрытое мѣсто, о которомъ немногіе знаютъ. Теперь его знаю и я.

— Мы тоже узнаемъ, — сказала маркиза. — Но послушай, сынъ мой, этотъ твой святой, съ его тайной проповѣдью, — не ересіархъ ли онъ? Что говорятъ священники?

— Сегодня,—отвѣтилъ профессоръ Гварначчи,—здѣсь было три-четыре священника, и они ушли очень довольные.

— Но это, можетъ быть, какіе-нибудь захудалые, недовольные священники. А что говорятъ другіе? Вотъ увидишь, что рано или поздно ему достанется за это.

Съ этими словами маркиза ушла, и за ней послѣдовали всѣ свѣтскія дамы въ декольтированныхъ туалетахъ.

Пожилая дама и квакерши, очень довольныя уходомъ свѣтскихъ насмѣшницъ, стали осаждать профессора вопросами. Нельзя ли имъ узнать, гдѣ эти новыя катакомбы? сколько людей тамъ собирается? есть ли женщины? о чемъ тамъ говорятъ? Что извѣстно о прошломъ Бенедетто? Профессоръ отдѣлался отъ вопросовъ, какъ могъ, повторивъ слова одного знакомаго католическаго священника, который говорилъ, что еслибы въ каждомъ римскомъ приходѣ былъ такой Бенедетто, то Римъ дѣйствительно превратился бы въ святой городъ. Но когда, послѣ ухода другихъ дамъ, остались только синьора Альбаччино и молчаливая дама въ черномъ, которыя дожидались своей кареты, онъ далъ понять, что охотно разсказалъ бы все синьорѣ Альбаччино, своей давнишней знакомой, но что его смущаетъ присутствіе незнакомой дамы. Онъ попросилъ представить его ей. Синьора Альбаччино извинилась, что не сдѣлала этого раньше, и познакомила ихъ:

— Профессоръ Гварначчи,—сказала она,—синьора Десаль, моя пріятельница.

Такъ-называемыми „катакомбами“ была какъ разъ та зала, въ которой они теперь находились. Вначалѣ, собранія происходили въ квартирѣ Сельва, но это оказалось неудобнымъ по многимъ причинамъ. Гварначчи, вступивъ въ число послѣдователей Бенедетто, предложилъ свою квартиру, и тамъ стали собираться по два раза въ недѣлю. Туда приходили Сельва, сестра синьоры Сельва, нѣсколько священниковъ, венеціанка, которая только-что уѣхала, нѣсколько юношей и въ томъ числѣ нѣкій Альберти, любимый ученикъ Бенедетто, который въ этотъ вечеръ съ нимъ пріѣхалъ и уѣхалъ; затѣмъ одинъ еврей, нѣкій Витербо, уже готовый перейти въ католичество и на котораго учитель возлагаетъ большія надежды; затѣмъ одинъ рабочій, наборщикъ, нѣсколько художниковъ и даже два члена парламента. Цѣль этихъ собраній заключалась въ томъ, чтобы ознакомить людей, приверженныхъ ко Христу, но враждебныхъ католицизму, съ истинной сущностью католичества и указать на то, что въ немъ можетъ измѣниться при взаимодѣйствіи божественнаго элемента души и внѣшнихъ вліяній науки и общественной совѣсти. Бенедетто, по словамъ профессора, умѣлъ, какъ никто, управлять душами, понимать ихъ слабости, опускаться къ слабымъ, возвышаться до сильныхъ, говорить съ робкими языкомъ, который поучаетъ, но не смущаетъ.

— Маркиза,—продолжалъ профессоръ,—говоритъ, что онъ, можетъ быть, ересіархъ, и что священники, слѣдующіе за нимъ, еретики. Нѣтъ, Бенедетто—не еретикъ. Онъ самъ на послѣднемъ собраніи объяснилъ, что ереси пагубны для церкви, не только потому, что отнимаютъ у нея души, но, главнымъ образомъ, потому, что отнимаютъ у нея элементы прогресса, потому что еслибы новаторы остались въ церкви, они содѣйствовали бы торжеству истины надъ заблужденіями и внесли бы жизнь въ церковь.

Синьора Альбаччино замѣтила, что хорошо бы, еслибы, дѣйствительно, дѣло такъ обстояло, потому что мрачное пророчество маркизы тогда бы не оправдалось.

— Пророчество о томъ, что ему достанется и что ему слѣдуетъ остерегаться? — со смѣхомъ сказалъ профессоръ.— Нѣтъ, это пустяки, никакой опасности нѣтъ, и нужно быть маркизой, чтобы выражать такія опасенія. Одинъ римскій священникъ вздумалъ даже предупреждать Бенедетто, но получилъ такой отпоръ, что въ другой разъ закается дѣлать это. Но его, конечно, ожидаютъ преслѣдованія. Тѣ два римскихъ священника, которые преслѣдовали его въ Дженнэ, не дремлютъ. Они слѣдятъ за каждымъ шагомъ Бенедетто, вошли въ сношенія съ невѣсткой про-

фессора Майда через посредство ея духовника, чтобы узнать что-нибудь о его рѣчахъ и о нашихъ собраніяхъ. Одно участіе въ нихъ Сельва дѣлаетъ эти собранія ненавистными для нихъ. Но такъ какъ Бенедетто—мірянинъ, и они противъ него ничего не могутъ подѣлать, то они, кажется ищутъ содѣйствія свѣтскихъ властей, полиціи и суда. Вы удивляетесь? Однако это такъ. Теперь они еще ничего опредѣленнаго не добились, но многое готовится. Мы предупреждены однимъ иностраннымъ католикомъ. Противъ Бенедетто готовится уголовное преслѣдованіе.

Молчаливая дама въ черномъ прервала наконецъ свое молчаніе.

— Неужели это возможно? — сказала она.

— Синьора,— сказалъ профессоръ,— вы не знаете, на что способны непримиримые члены церкви. Непримиримые міряне— кроткія овцы въ сравненіи съ ними. Враги Бенедетто хотятъ воспользоваться несчастнымъ случаемъ, происшедшимъ въ Дженнэ. Но теперь случилось нѣчто новое, очень важное, воскрешающее въ насъ надежду,—только это еще тайна. Вамъ я ее, конечно, могу сообщить, съ тѣмъ, чтобы вы никому не говорили.

Профессоръ на минуту замолчалъ, наслаждаясь выраженіемъ остраго любопытства на лицахъ двухъ дамъ.

— На дняхъ,—сказалъ онъ,—секретарь одного кардинала, молодой нѣмецкій патеръ, отправился въ монастырь св. Ансельма и говорилъ тамъ съ братьями. Послѣ того Бенедетто былъ призванъ въ этотъ бенедиктинскій монастырь, гдѣ къ нему очень хорошо относятся. Тамъ его спросили, не имѣетъ ли онъ намѣренія просить аудіенціи у святого отца, чтобы засвидѣтельствовать ему свою приверженность. Онъ отвѣтилъ, что явился въ Римъ съ этимъ желаніемъ въ сердцѣ, но ждалъ знака отъ Провидѣнія, — и что теперь этотъ знакъ ему данъ. Тогда ему сказали, что его святѣйшество, навѣрное, охотно приметъ ето, и онъ попросилъ аудіенціи. Это было разсказано Джіованни Сельва однимъ нѣмецкимъ бенедиктинцемъ.

— Когда же онъ идетъ къ папѣ? — спросила синьора Альбаччино.

— Послѣ завтра, вечеромъ.

Профессоръ прибавилъ, что въ Ватиканѣ это держится подъ величайшимъ секретомъ, что съ Бенедетто тоже взяли слово никому не говорить объ этомъ, и что никто не зналъ бы ничего, еслибы не нѣмецкій монахъ. Друзья Бенедетто, по словамъ профессора, ждутъ многаго отъ этой аудіенціи. Синьора Альбаччино спросила, что̀ предполагаетъ Бенедетто сказать папѣ? Профес-

соръ улыбнулся, говоря, что Бенедетто никому этого не сообщалъ, и что никто не осмѣлился бы спрашивать у него. По предположенію профессора, Бенедетто будетъ заступаться за Сельва и просить, чтобы книги его не подвергались запрещенію.

— Этого еще мало!— сказала синьора Альбаччино тихимъ голосомъ, и Жанна вздрогнула, выражая свое согласіе съ нею.

— Слишкомъ мало!—воскликнула она, удививъ профессора этимъ внезапнымъ порывомъ, послѣ долгаго молчанія. Профессоръ извинился: вѣдь онъ вовсе не сказалъ, что Бенедетто не будетъ говорить и о другомъ съ папой. Онъ хотѣлъ сказать, что, по его мнѣнію, объ этомъ-то ужъ онъ, навѣрное, будетъ говорить. Синьора Альбаччино не могла понять желаніе папы видѣть Бенедетто. Какъ это себѣ объясняли друзья его? Что говорилъ Сельва? Никто, по словамъ профессора, не зналъ, въ чемъ дѣло.

— А я знаю,— сказала Жанна, гордясь тѣмъ, что понимаетъ непонятное для другихъ.— Вѣдь папа, кажется, былъ епископомъ въ Бресчіи?

Гварначчи улыбнулся съ легкой ироніей.— Синьора, видимо, хорошо освѣдомлена о прошломъ Бенедетто,— сказалъ онъ;— синьора утверждаетъ то, о чемъ въ Римѣ поговариваютъ, но чему не всѣ вѣрятъ. Но, все-таки, одного она, повидимому, не знаетъ: папа никогда не былъ епископомъ въ Бресчіи; онъ былъ епископомъ въ двухъ городахъ на югѣ.—Жанна, раздраженная противъ себя самой, стыдясь того, что выдала себя, ничего не отвѣтила. Синьора Альбаччино спросила, какого мнѣнія Бенедетто о папѣ?

— Онъ преклоняется только передъ идеей папской власти. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется. Я никогда не слышалъ, чтобы онъ говорилъ о личности папы. О папской власти онъ говорилъ. Онъ произнесъ по этому поводу цѣлую рѣчь, противополагая католичество протестантству, развивая свой идеалъ управленія церковью на основахъ справедливости и свободы. Къ тому же, о новомъ папѣ еще ничего не извѣстно. Говорятъ, что онъ святой, умный, больной и слабый человѣкъ.

Провожая дамъ по темной лѣстницѣ внизъ, профессоръ сказалъ со вздохомъ:

— Очень опасаются, что Бенедетто не будетъ долго жить. Даже Майда считаетъ его очень серьезно больнымъ.

Синьора Альбаччино, которая спускалась съ лѣстницы подъ-руку съ профессоромъ, воскликнула, не останавливаясь:

— Бѣдняга! чѣмъ же онъ боленъ?

— Кажется, его болѣзнь—слѣдствіе тифа, которымъ онъ заболѣлъ въ Субіакѣ, а главнымъ образомъ—слѣдствіе долгихъ лишеній, которымъ онъ себя подвергалъ.

Они молча продолжали спускаться по лѣстницѣ, и только въ самомъ низу замѣтили, что вторая дама отстала отъ нихъ. Профессоръ быстро поднялся обратно и увидѣлъ Жанну этажемъ выше; она стояла прислонившись къ периламъ. Сначала она не двигалась и не говорила, а потомъ прошептала:

— Здѣсь очень темно.

Гварначчи не замѣтилъ, что она сказала это очень тихо, и предложилъ ей руку, извиняясь за темноту, которую объяснялъ скупостью домохозяина. Жанна сѣла въ коляску синьоры Альбаччино, которая отвезла ее въ „Grand Hôtel“.

По дорогѣ, синьора Альбаччино стала жалѣть бѣднаго больного Бенедетто. Жанна не открывала рта, и молчаніе ея непріятно поразило ея подругу.

— Вамъ не понравилась его рѣчь?—спросила она. Она не знала, каковы религіозныя убѣжденія Жанны.

— Понравилась,—отвѣтила она.—Почему вы спрашиваете?

— Такъ. Мнѣ показалось, что вы недовольны. Такъ вы не жалѣете, что пріѣхали?

Къ изумленію синьоры Альбаччино, Жанна взволнованно взяла ее за руку и сказала:—Я вамъ очень, очень благодарна!

— „Однако,—подумала она,—это, кажется, будущая послѣдовательница Святого Духа“.

— Что касается меня,—проговорила она вслухъ,—то я, конечно, останусь въ лагерѣ непримиримыхъ. Пусть они фарисеи, пусть они все, что угодно, но я боюсь, что отъ всѣхъ этихъ перемѣнъ только погибнетъ старая вѣра, и уже ничего не останется. Кромѣ того, если слѣдовать за Бенедетто, то пришлось бы мѣнять слишкомъ многое. На это я не согласна. Но все-таки онъ меня сильно интересуетъ. Непремѣнно нужно его повидать,—въ особенности если онъ осужденъ на скорую смерть. Какъ вамъ кажется? И какъ это сдѣлать? Подумаемте.

— Я не желаю его видѣть,—поспѣшила сказать Жанна.

— Неужели?—воскликнула ея подруга.—Но почему? Объясните мнѣ эту загадку.

— Не хочу, вотъ и все.

„Какая она странная!“—подумала синьора Альбаччино.

Коляска остановилась у подъѣзда отеля. У входа Жанна встрѣтила Ноэми и ея шурина, которые какъ разъ выходили.

— Наконецъ-то!—сказала Ноэми. — Иди скорѣе къ твоему брату. Онъ взбѣшенъ тѣмъ, что тебя нѣтъ. Мы ушли потому, что пришелъ докторъ.

Десали были въ Римѣ уже двѣ недѣли. Холодное и сырое начало ноября, заботы о здоровьи, планы изученія Бернини для задуманнаго романа,—все это побудило Карлино скорѣе сдаться на просьбы синьоры Альбаччино, покинуть виллу въ Діедо и переѣхать въ Римъ,—къ тайной радости его сестры. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда, у него сдѣлался легкій бронхитъ. Онъ уже вообразилъ себя чахоточнымъ, заперся въ комнатѣ съ намѣреніемъ не выходить всю зиму, требовалъ доктора два раза въ день и не отпускалъ отъ себя Жанну почти ни на минуту. Она превратилась въ его рабыню и съ особой радостью, самоотверженно исполняла всѣ его капризы. Она совершала этотъ подвигъ любви, думая о Бенедетто. Она часто видалась съ Сельва и Ноэми, но не у нихъ въ домѣ, а у себя въ отелѣ. Сельва тоже поддались обаянію этой прекрасной, милой и печальной женщины. Все, что Гварначчи говорилъ о Бенедетто, она уже знала отъ Ноэми. Не знала она только про опасенія Майда,—Ноэми не передала ей этого, чтобы не огорчить ее и чтобы не выдать также и своего собственнаго волненія.

Карлино встрѣтилъ ее очень сердито. Докторъ сразу понялъ, что его учащенный пульсъ—слѣдствіе раздраженія, сказалъ, что болѣзнь его не серьезная, и ушелъ. Карлино сталъ сердито спрашивать Жанну, гдѣ она пропадала такъ долго, и Жанна ему все разсказала,—умалчивая только о дѣйствительномъ имени Бенедетто.

— И тебѣ не стыдно,—сказалъ онъ,—подслушивать у дверей?

Не давая ей времени отвѣтить, онъ сталъ возмущаться ея новыми вкусами.

— Завтра ты пойдешь исповѣдываться, а послѣ-завтра будешь молиться съ четками въ рукахъ!

Карлино чувствовалъ истинную вражду къ религіи и былъ совершенно внѣ себя, думая, что сестра его когда-нибудь станетъ вѣрующей и будетъ исполнять религіозные обряды, возиться съ патерами.

Жанна ничего не отвѣтила и кротко предложила почитать ему вслухъ. Карлино отказался, потомъ сталъ жаловаться на сквозняки, заставилъ ее осмотрѣть всѣ окна и двери, и тогда только отослалъ ее спать. Жанна пошла къ себѣ въ комнату, но ей вовсе не хотѣлось спать. Она потушила свѣчу и сѣла на постель.

Съ улицы доносился стукъ проѣзжающихъ экипажей, въ коридорѣ раздавались шаги и шелестъ женскихъ платьевъ, но она ничего не слышала, безмолвно сидя въ темнотѣ. Она затушила свѣтъ, чтобы сосредоточиться на своихъ мысляхъ. Слова профессора Гварначчи объ опасной болѣзни Бенедетто затемнили ея разумъ. Сидя въ коляскѣ съ подругой, потомъ въ комнатѣ своего брата, говоря съ ними о разныхъ вещахъ, она все время чувствовала въ глубинѣ души одно пламенное желаніе. Теперь оно еще сильнѣе разгоралось въ ней. Въ фигурѣ, сидѣвшей на постели во мракѣ, были какъ бы двѣ Жанны, стоявшія лицомъ къ лицу: одна—смиренная, пламенная, готовая принести все на алтарь любви, а другая—безсознательно гордая, увѣренная въ томъ, что владѣетъ строгой и холодной истиной. Шумъ колесъ на улицѣ затихалъ, все рѣже раздавались шаги въ корридорѣ— и обѣ Жанны объединились въ одну, которая подумала:

„Когда мнѣ сообщатъ о его смерти, я смогу сказать себѣ, что хоть это я сдѣлала".

Она поднялась, зажгла свѣчку, сѣла къ письменному столу и написала:

„Пьеру Майрони, ночью 29 ноября...

„Я вѣрю.—Жанна Десаль".

Она написала и потомъ долго глядѣла на написанное сю торжественное слово. И чѣмъ больше она на него смотрѣла, тѣмъ болѣе стали постепенно оживать въ ней обѣ Жанны. Безсознательно гордая Жанна одержала верхъ, почти безъ борьбы, надъ другой. Преисполненная земной горечи, она разорвала листокъ, запятнанный словомъ, которое ей такъ хотѣлось сказать— но которое она не могла произнести съ полной искренностью. Она опять потушила свѣчку, стала обвинять въ жестокости Бога, если Онъ существуетъ, и потомъ долго, долго плакала...

Съ итальян. З. В.

ИЗЪ
ДНЕВНИКА
НА ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ *)

1878-ой годъ

1-ОЕ ЯНВАРЯ — 17-ОЕ АПРѢЛЯ.

I.

1—8 января.

1 января.—Первый день новаго года мы провели въ Казанлыкѣ, куда переѣхали изъ Габрова, прослѣдовавъ мимо деревни Шипки, отстоящей отъ Казанлыка въ 12 верстахъ. Только среди дня была получена слѣдующая телеграмма Государя отъ $8^1/_2$ ч. вечера, 31 декабря, Великому Князю Николаю Николаевичу:

„Два дня не имѣю отъ тебя никакихъ извѣстій. Шифрованный отвѣтъ отправленъ тебѣ 29 декабря. Между тѣмъ, необходимо движеніе впередъ, безъ всякаго замедленія. Благодарю за письмо, полученное вчера вечеромъ. Клейгельсъ прибылъ сегодня: назначилъ его флигель-адъютантомъ. Ожидаю твоихъ отвѣ-

[1]) Та часть „Дневника", гдѣ описываются событія 1877-го года, отъ 18 апрѣля по 31 декабря, была помѣщена въ журналѣ 1905 года: апрѣль—сентябрь. Въ 1878-мъ году „Дневникъ" останавливается на 17-мъ апрѣля, днѣ увольненія Великаго Князя Николая Николаевича отъ командованія дѣйствующею арміею и отъѣзда его въ Петербургъ.— *Ред.*

товъ на мои вопросы и подробности дѣла 28 числа. Я поправился и силы возвращаются".

Ночью (вѣрнѣе, вчера вечеромъ, къ 12-ти ч. ночи) Великій Князь самъ составилъ и послалъ Государю слѣдующія телеграммы:

1) „Вся ввѣренная мнѣ армія, со мною во главѣ, повергаетъ свое поздравленіе съ новымъ годомъ Вашему Величеству. Всѣ мы готовы и стремимся довести святое дѣло, начатое Вашимъ Величествомъ, до конца, повергая всѣ наши силы и нашу жизнь къ Вашимъ стопамъ. Сегодня на вершинахъ Балканскихъ горъ и у подножія ихъ прокричали Вашему Величеству „ура!". Казанлыкъ, 12 часовъ ночи, 1878 г.".

2) „Отъ всего сердца благодарю тебя за золотую саблю. Награда эта доставила мнѣ огромное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что получилъ ее сегодня въ Казанлыкѣ, послѣ того что перешелъ лично Балканы. Завтра двигается пѣхота на Эски-Загру, и часть по долинѣ Тунджи—въ Хаскіой. Кавалерія уже сегодня пошла на Эски-Загру. Войска, видѣнныя мною сегодня, а именно: 9, 14, 16 и 30-ая пѣхотныя дивизіи, 3-ья и 4-ая стрѣлковыя бригады, храбрѣйшія болгарскія дружины и 1-я кавалерійская дивизія глядятъ, въ полномъ смыслѣ слова, молодцами, чистые герои. Твое „спасибо" было принято съ восторгомъ. Только теперь, видя своими глазами и испытавъ переходъ черезъ горы самъ, только поймешь всѣ трудности этого громаднаго, гигантскаго дѣла. Затрудненія и препятствія—невообразимыя и немыслимыя. Просто становишься въ тупикъ, какъ все это можно было сдѣлать. Положительно одному русскому войску это возможно. Описать и разсказать невозможно: все будетъ блѣдно передъ истиной. Отъ всей души обнимаю тебя и императрицу. Да хранитъ васъ Богъ и подастъ тебѣ кончить дѣло во славу матушки Россіи".

У меня бережно хранится черновой подлинникъ этой телеграммы, собственноручно имъ написанный карандашомъ. Телеграмма эта особенно дорога, какъ безыскусственное личное изліяніе чувствъ, волновавшихъ Великаго Князя въ этотъ знаменательный день.

Въ теченіе сегодняшняго дня Великій Князь послалъ Государю еще одну телеграмму, слѣдующаго содержанія:

„Счастливъ, что ты такъ доволенъ нашими чудо-богатырями. Дѣйствительно, для русскаго войска нѣтъ ничего невозможнаго. Душевно благодарю за поздравленіе съ новымъ годомъ и за добрыя пожеланія. Прошу пожаловать слѣдующія награды: за проходъ черезъ Траянскій перевалъ по статуту параграфа 365, статьѣ 40, для генеральнаго штаба Георгія 4-й степени подпол-

ковникамъ Сухомлинову и Сосновскому, и по той же статьѣ подполковнику графу Келлеру, за переходъ у Шипки на Иметли, и полковнику Соболеву у Шипки же, отъ Травны на Сельцо; князю Святополкъ-Мирскому—Георгія 3-й степени; командиру углицкаго полка полковнику Панютину—Георгія 4-й степени; во главѣ полка, со знаменемъ въ рукахъ, первому вскочившему на турецкій редутъ у деревни Шейново, генералу Скобелеву 2-му—брилліантовую шпагу съ надписью: „За переходъ черезъ Балканы".

Очевидно, это—отвѣтъ на телеграмму Государя, сегодня полученную, но я этой телеграммы не видѣлъ, и содержанія ея не знаю.

Сегодня Великій Князь со всею свитою обѣдалъ у Радецкаго. За отсутствіемъ вина, пришлось пить тосты за здоровье Государя, Императрицы, Великаго Князя и русской арміи—водою. За обѣдомъ Великій Князь, какъ новопожалованный кавалеръ золотого оружія, попросилъ Радецкаго подарить ему свой георгіевскій темлякъ.

Послѣ обѣда всѣ разошлись, и остались бесѣдовать только М. Д. Скобелевъ, Дмитровскій, Столѣтовъ, Левицкій и я. Скобелевъ, волнуясь, горячо доказывалъ, что турецкая армія сдалась благодаря ему, а князь Мирскій не только этого не признаетъ, но еще взводитъ на него разныя напраслины. Дмитровскій защищалъ князя Мирскаго и доказывалъ Скобелеву, что онъ самъ во многомъ виноватъ, и не ему обвинять другихъ. Мы трое (Столѣтовъ, Левицкій и я) только слушали. Изъ хода преній я однако понялъ, что пререканія между Скобелевымъ и княземъ Мирскимъ начались еще во время сраженія, и что, кажется, виноваты оба.

Когда окончательно разошлись, то, по пути домой, я напомнилъ Скобелеву, что онъ еще 29-го ноября [1]) обѣщалъ мнѣ дать кинжалъ или шашку изъ Плевны—на память. Онъ тотчасъ же снялъ съ себя и передалъ мнѣ турецкую саблю, прося взять ее на память. „Это,—сказалъ онъ,—сабля того турецкаго полковника, который командовалъ войсками на Зеленыхъ горахъ, противъ меня. 29 ноября я его разыскалъ, взялъ къ себѣ въ палатку и просилъ не отбирать отъ него оружіе. Когда ему пришлось отправляться въ Россію, онъ отдалъ эту саблю мнѣ на память, и я съ тѣхъ поръ не снималъ ее, а теперь—дарю на память вамъ".

---

[1]) По взятіи Плевны, ему было поручено наблюдать за отобраніемъ оружія у плѣнныхъ турокъ.

Я было-посовѣстился брать такую достопамятную вещь, сталъ отказываться, но Скобелевъ настоялъ: „Я—азіатъ: что разъ подарилъ, назадъ не возьму“.—Оставалось лишь горячо поблагодарить и принять.

Вечеромъ, уже около 9 часовъ, пришелъ нашъ обозъ. Всѣ очень обрадовались, ибо ничего у насъ не было. Самому Великому Князю два дня пришлось заимствоваться отъ Радецкаго не только чаемъ и сахаромъ, но даже полотенцами и мыломъ.

Кибитки наши однако не пришли. Ихъ перевозили, конечно, въ разобранномъ видѣ, на нѣсколькихъ подводахъ. Когда подводы эти застряли на Шипкинскомъ перевалѣ, солдатики живо разобрали войлочныя кошмы себѣ на подстилки и одѣяла, а камышевый переплетъ и деревянный приборъ — на растопки. Вѣроятно, конвоиры обоза были въ разбродѣ и во-время не досмотрѣли, а когда спохватились — ничего ни у кого доискаться не могли. Доложили объ этомъ, съ разными предосторожностями, Великому Князю, но онъ только разсмѣялся: „Вотъ ловкія шельмы! Ну, Богъ съ ними,—пусть погрѣются, довольно назяблись. Мнѣ вѣдь эти кибитки больше не нужны“.

2 января.—Сегодня Сухомлиновъ привезъ турецкаго парламентера, котораго однако Великій Князь не принялъ и велѣлъ отправить обратно съ отвѣтомъ, что перемирія не будетъ, пока не будутъ подписаны предварительныя условія мира.

Исторія этого парламентера такая. Послалъ его филиппопольскій губернаторъ, по приказанію военнаго министра, Реуфапаши, съ просьбою пріостановить военныя дѣйствія. Поѣхалъ онъ на Карлово съ тѣмъ, чтобы ѣхать къ Великому Князю въ Ловчу, и наткнулся въ Карловѣ на отрядъ Карцова, къ которому и обратился съ просьбою доставить его къ Великому Князю. Карцовъ, не зная еще, что Великій Князь перевалилъ Балканы, велѣлъ Сухомлинову везти парламентера въ Габрово. По пути Сухомлиновъ узналъ отъ встрѣтившагося казачьяго разъѣзда о плѣненіи шипкинской арміи и о томъ, что Великій Князь уже долженъ быть въ Казанлыкѣ, и сообразно съ этимъ измѣнилъ маршрутъ. Когда парламентеръ спросилъ: „Гдѣ же мы перевалимъ черезъ Балканы?“ — Сухомлиновъ отвѣтилъ: „Совсѣмъ не перевалимъ“.—„Какъ такъ?“—„Не нужно: главная квартира Великаго Князя въ Казанлыкѣ, а ваша шипкинская армія—въ плѣну“. Бѣдный турокъ поблѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Alors — nous sommes perdus!“ Оправившись, онъ самъ разсказалъ Сухомлинову, что, значитъ, правъ былъ Сулейманъ-

паша, который, получивъ 27-го декабря предписаніе Порты заключить перемиріе и, конечно, ничего еще не зная о томъ, что происходитъ на Шипкѣ, съ раздраженіемъ сказалъ: „Въ Константинополѣ, должно быть, считаютъ русскихъ дураками. Развѣ они для того только-что совершили переходъ черезъ Балканы, чтобы перемиріе заключать? Если наши не хотятъ больше воевать, такъ ужъ надо прямо просить мира, а не перемирія".

Сегодня же Великій Князь отправилъ слѣдующую телеграмму, составленную Нелидовымъ по-французски:

„Переговоры о перемиріи въ настоящее время въ слѣдующемъ положеніи:

„31-го, отвѣчая Реуфу-пашѣ на просьбу сообщить основанія мира, которыми я обусловливаю заключеніе перемирія, — я заявилъ, что сообщу эти основанія тому лицу, которое будетъ прислано ко мнѣ со всѣми полномочіями для принятія ихъ. Въ виду успѣховъ, достигнутыхъ нами по полученіи указаній Вашего Величества и въ виду занятія съ тѣхъ поръ сербами турецкой территоріи, — я позволяю себѣ спросить: не благоугодно ли разрѣшить замѣну, въ основаніяхъ мира, словъ: „кромѣ нѣкоторыхъ проектовъ, подлежащихъ опредѣленію и т. д." — упоминаніемъ объ одной только Шумлѣ. Кромѣ того, въ третьемъ пунктѣ, касающемся Сербіи, сказать: вмѣсто „исправленіе границъ" — „увеличеніе территоріи".

Сегодня и отъ Государя получена слѣдующая шифрованная телеграмма:

„Вслѣдствіе твоего отвѣта насчетъ назначенія Обручева, котораго считаю вполнѣ способнымъ и достойнымъ того мѣста, о которомъ просилъ Саша, желаю, чтобы и Саша, и Владиміръ оставались при настоящемъ ихъ командованіи".

Такимъ образомъ покончено столь неожиданно возникшій и сразу обострившійся вопросъ о замѣщеніи Гурко Цесаревичемъ и о назначеніи къ нему начальникомъ штаба Обручева. Но очевидно, что Государь недоволенъ неуступчивостью Великаго Князя. Что касается Цесаревича, то онъ уже давно и вполнѣ опредѣленно выразилъ свое неудовольствіе. Дай Богъ, чтобъ этотъ инцидентъ не повредилъ Великому Князю. Хотя, съ другой стороны, еслибы онъ покорился, то его же всѣ обвинили бы въ смѣщеніи Гурко, и оправдываться было бы невозможно. По крайней мѣрѣ, онъ поступилъ по совѣсти и по убѣжденію.

Самъ Великій Князь, по беззаботности характера, вполнѣ доволенъ и считаетъ инцидентъ исчерпаннымъ.

3 января.— Получена телеграмма Реуфа-паши отъ 1-го января, что уполномоченными Порты назначены Серверъ-паша и Намыкъ-паша, которые выѣзжаютъ изъ Константинополя сегодня. Государю послана сегодня масса телеграммъ, такъ что работы было много. Вотъ эти телеграммы:

1) „Здѣсь полная зима. Санитарное состояніе войскъ очень удовлетворительно. Орудій взято болѣе 70. Командующій на Шипкѣ турецкимъ корпусомъ былъ Вессель-паша. Кромѣ него, взято трое пашей, офицеровъ 280, нижнихъ чиновъ 25.000. Знаменъ—7. Потери наши: ранены генералы Гренквистъ и Домбровскій, полковникъ Громанъ, подполковникъ Хоменко, флигель-адъютантъ графъ Толстой (въ руку легко, остался во фронтѣ). Офицеровъ у Мирскаго убито 19, ранено 116; нижнихъ чиновъ убито 1.083, ранено 4.246; всего до 5.464 человѣкъ. Отличились особенно 3 и 4-ая стрѣлковыя бригады, полки сѣвскій, елецкій, орловскій, углицкій, казанскій и болгарское ополченіе, подольскій и житомирскій. Мое здоровье удовлетворительно; вчера былъ сильно утомленъ, Богъ дастъ дотяну до конца. Сегодня получилъ телеграмму Реуфа-паши съ увѣдомленіемъ, что Серверъ-паша и Намыкъ-паша ѣдутъ ко мнѣ уполномоченными для переговоровъ о перемиріи. Ожидаю ихъ сюда 5-го января". (Составлена Великимъ Княземъ собственноручно.)

2) „Ожидаю отвѣта на вопросы о назначеніи и обязанностяхъ коммиссара, изложенные въ запискѣ, подписанной княземъ Черкасскимъ и черезъ адъютанта моего Андреева препровожденной къ военному министру. Въ настоящую минуту рѣшеніе вопросовъ этихъ становится самымъ неотложнымъ, а потому Вашему Величеству не благоугодно ли будетъ разрѣшить князю Черкасскому теперь же прибыть въ Петербургъ для личнаго полученія указаній и представленія соображеній по возникающимъ вновь обстоятельствамъ. Отъѣздъ его теперь облегчается введеніемъ на югѣ отъ Балканъ временнаго военно-полицейскаго управленія. На время его отсутствія генералъ Анучинъ можетъ исправлять его должность".

Телеграмму эту тоже составлялъ самъ Великій Князь.

3) „Вчера, 2-го января, нашъ передовой отрядъ занялъ Іени-Загру, которая очищена войсками, оставлена жителями и зажжена. Войска продолжаютъ быстро двигаться впередъ. Отъ Гурко новыхъ свѣдѣній еще нѣтъ. О распредѣленіи войскъ по отрядамъ и о направленіи колоннъ донесу шифромъ".

4) „Наступаю на Адріанополь такъ: Правая колонна Гурко, если займетъ Филиппополь, то въ обходъ Адріанополя черезъ

Хаскіой. Карцовъ со своей дивизіей, двумя донскими полками, казанскими драгунами — отъ Карлова на перерѣзъ туркамъ на Филиппополь или Чирпанъ, а далѣе—какъ промежуточный отрядъ между Гурко и центромъ. Центръ: въ авангардѣ Скобелевъ съ шестнадцатью и тридцатью дивизіями, обѣими стрѣлковыми бригадами, тремя полками первой кавалерійской дивизіи и девятымъ донскимъ полкомъ, черезъ Эски-Загру и Гютерли на Херманли. За нимъ—я съ гренадерами. Лѣвая колонна Радецкаго на Сливно и Ямболи и далѣе на Адріанополь съ сѣверной стороны. Три полка девятой дивизіи 2-го января пошли уже на Эски-Загру и Ямболи. Двадцать-шестая дивизія съ двумя полками тринадцатой кавалерійской дивизіи спустится съ горъ черезъ Хаинкіой и Твардицу и пойдетъ на Сливно. Самъ Радецкій съ четырнадцатою дивизіей и двадцать-третьимъ донскимъ полкомъ пойдетъ въ резервѣ, за ямбольскимъ отрядомъ. Движеніе начинаютъ: Скобелевъ—третьяго января; двадцать-шестая дивизія и Радецкій—около шестого января; я надѣюсь тронуться седьмого января съ головнымъ эшелономъ гренадеръ. Прочіе уже идутъ".

5) „Счетъ взятыхъ на Шипкѣ трофеевъ продолжается. Плѣнныхъ оказалось не 25, а 32 тысячи; всѣ они уже отправлены. Орудій насчитано теперь 93, знаменъ 10.

„Турки очистили Котелъ, Старорѣку, Сливно и стягиваются къ Ямболи, предавая пламени всѣ запасы на пути. Твардица занята авангардомъ отряда генерала Малахова. Орденскіе драгуны пошли къ Сливнѣ и Эски-Загрѣ. Генералъ Струковъ съ московскими драгунами вечеромъ 2-го января дошелъ до Аладага, верстахъ въ пяти отъ Трнова-Сейменли и сегодня намѣревался идти далѣе. Войска наши быстро и безостановочно идутъ вездѣ впередъ. Турки отовсюду бѣжали. Небольшія партіи башибузуковъ взяты Струковымъ въ плѣнъ. Колонна генерала Карцова изъ Чукурли дошла, 2-го января, пѣхотою до Каратопрака на Карлово-Филиппопольскомъ шоссе, а казаки его вступили въ Карамустафляръ для связи съ отрядомъ генерала Гурко".

Начальство надъ передовою кавалеріею авангарда Скобелева Великій Князь поручилъ своему любимцу, Струкову, какъ лихому и неутомимому кавалеристу. Подъ его команду отданы 1-й лейбъ-драгунскій московскій и 1-й уланскій с.-петербургскій полки, безъ артиллеріи, такъ какъ ея вообще нѣтъ: ее еще спускаютъ съ Балканъ съ невѣроятными усиліями. При авангардѣ Скобелева, составляющемъ цѣлый сводный корпусъ, всего только 12 орудій разныхъ батарей: это вся артиллерія, какая оказалась вчера

подъ рукою. Зарядныхъ ящиковъ—ни одного: наступаемъ только съ передковымъ запасомъ. Запаса патроновъ нѣтъ вовсе. Словомъ, это не наступленіе, а бѣгство впередъ, на удалую.

Съ точки зрѣнія военнаго искусства—это, конечно, преступленіе, но принимая въ соображеніе обстоятельства — вполнѣ правильно. Ждать, пока все подойдетъ и подтянется—значило бы уступить драгоцѣнное время и дать туркамъ опомниться. Теперь они объяты паникой, и надо этимъ пользоваться. Этотъ способъ дѣйствій какъ разъ по душѣ Великому Князю; повелѣніе же Государя въ телеграммѣ отъ 31 декабря—„необходимо движеніе впередъ безъ всякаго замедленія“—пришло 1 января какъ нельзя болѣе кстати. Опираясь на Высочайшее повелѣніе, Великій Князь не опасается укора въ легкомысленномъ, неподготовленномъ наступленіи, который былъ ему сдѣланъ послѣ неудачи перваго забалканскаго похода. Да впрочемъ теперь и мудрено ожидать неудачи, ибо обстановка совсѣмъ другая: тогда вся турецкая армія была цѣла и нетронута, а теперь—частью плѣнена, частью разбита и, конечно, остатки ея деморализованы, иначе Порта не просила бы такъ настойчиво о перемиріи.

Еслибы Великій Князь не поспѣшилъ за Балканы лично—наступательное движеніе началось бы нескоро. Радищевъ съ Дмитровскимъ вовсе не были расположены трогаться съ мѣста. Дмитровскій спорилъ противъ немедленнаго наступленія такъ же горячо, какъ мѣсяцъ тому назадъ, противъ идеи обхода Шипки. И теперь продолжаетъ ворчать и каркать. Это—прирожденный пессимистъ: ему все и всегда представляется въ мрачномъ свѣтѣ. Будучи храбръ, распорядителенъ и невозмутимо-спокоенъ въ опасности—только и говоритъ о неизбѣжности пораженій и предвидитъ однѣ неудачи. Ненавидитъ письменную часть, въ чемъ вполнѣ сходится со своимъ начальникомъ Радецкимъ, съ которымъ вообще живетъ душа въ душу. Реляціи у Дмитровскаго надо вымогать силою: онъ считаетъ подробныя описанія военныхъ дѣйствій глупымъ хвастовствомъ. Ругаетъ Шипку, какъ напрасную (!) могилу множества людей, и все твердитъ, что какъ только кончится война—уйдетъ изъ строя въ губернскіе воинскіе начальники. Съ осени мучится нажитымъ на Шипкѣ кашлемъ, ни на минуту не оставляетъ своего труднаго поста и при этомъ все твердитъ и до сихъ поръ обиженно повторяетъ, что онъ дѣйствительно совсѣмъ боленъ, а никто не вѣритъ и всѣ думаютъ, что онъ притворяется. Разувѣрять его въ этомъ—напрасный трудъ. Будучи правою рукою Радецкаго съ самаго начала войны—все твердитъ, что онъ неспособенъ быть начальникомъ штаба, что постоянно

просился въ бригадные командиры. Будучи благороднѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и добродушнѣйшимъ человѣкомъ — постоянно ворчитъ, бранится, азартно и безтолково споритъ. И чѣмъ кротче и терпѣливѣе съ нимъ говоришь, тѣмъ больше онъ выходитъ изъ себя. Хорошъ его костюмъ теперь: въ день послѣдняго шипкинскаго боя у него пропало все имущество, и онъ остался въ одномъ омерзительно-засаленномъ черномъ полушубкѣ со свернувшимися въ трубочки генеральскими погонами и при дрянной черкесской шашкѣ, взятой имъ съ убитаго черкеса еще при переправѣ черезъ Дунай. Радецкій представилъ его, какъ своего ближайшаго сотрудника, прямо къ Георгію 3-й степени, но это едва ли пройдетъ, такъ какъ кавалерская дума не можетъ присуждать высшую степень, минуя низшую. Это можетъ только Государь, а на это нельзя надѣяться, ибо Дмитровскій не только избѣгалъ выставляться на видъ, но никогда не допускалъ, чтобъ его имя попадало въ реляцію. А Радецкій, этотъ чисто-русскій герой-простецъ, никогда не придавалъ содержанію реляцій никакого значенія.

4 января.—Телеграммы начали сильно запаздывать. Сегодня получены двѣ отъ Государя:

1) „Всѣ твои телеграммы до 31-го декабря включительно получилъ и прочелъ ихъ съ величайшимъ интересомъ. Горжусь нашими славными войсками, доказавшими, что для нихъ невозможнаго нѣтъ. Поздравляю съ новымъ годомъ; да поможетъ тебѣ Богъ довершить святое дѣло, за которое уже пролито столько дорогой крови. За славныя дѣла Гурко назначаю: Георгія третьей степени генералъ-маіору Рауху и генералъ-адъютанту графу Шувалову; Георгія четвертой степени принцу Александру Ольденбургскому, генералъ-маіорамъ Нагловскому и Дандевилю. Отвѣтъ твой Реуфъ-пашѣ вполнѣ одобряю“.

2) „Князь Горчаковъ сообщаетъ тебѣ телеграмму, полученную мною вчера прямо отъ султана, и мой отвѣтъ. Онъ ни въ чемъ не измѣняетъ данныхъ тебѣ инструкцій. До окончательнаго заключенія перемирія, военныя дѣйствія должны продолжаться съ величайшею энергіей“.

Великій Князь чрезвычайно доволенъ этою телеграммою, и уже заговорилъ о томъ, что надо и ему ускорить свой выѣздъ изъ Казанлыка.

Сегодня было засѣданіе Георгіевской кавалерской думы, по окончаніи котораго была послана Государю слѣдующая телеграмма:

„За неутомимую и успѣшную распорядительность морскими

командами и средствами съ 14-го іюня до настоящаго времени по устройству и поддержанію мостовъ и переправъ у Зимницы, Петрошанъ и Никополя, даже при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, и за успѣшное принятіе всѣхъ мѣръ не допустить непріятеля нанести вредъ нашимъ переправамъ, чѣмъ обезпечилось довольствіе арміи и доставилась возможность вести военныя дѣйствія спокойно и безостановочно, Дума, по статьямъ 376 и 377 и примѣняясь къ статьѣ 380 статута ордена св. Георгія, постановила: удостоить Его Императорское Высочество Великаго Князя Алексѣя Александровича орденомъ св. Георгія 4-й степени. Казанлыкъ, 4 января 1878".

Судя по слогу, думаю, что составлялъ телеграмму самъ Великій Князь; сохранившаяся черновая писана рукою его адъютанта Скалона.

На основаніи полученныхъ сегодня свѣдѣній были посланы Государю сегодня вечеромъ еще двѣ телеграммы:

1) „Московскіе Вашего Величества драгуны въ ночь со 2-го на 3-е января сняли рельсы на филиппопольской и ямбольской линіяхъ. Поѣзда больше не ходятъ. Турецкія войска идутъ въ Адріанополь грунтовою дорогою. По собраннымъ драгунами свѣдѣніямъ, Сулейманъ-паша, находящійся въ Филиппополѣ, будто бы приказалъ все жечь и рѣзать. Базарджикъ и Филиппополь будто бы горятъ. Казаки 1-го донского полка заняли Чирпанъ. Села между Эски-Загрой и Чирпаномъ всѣ цѣлы. Болгары всѣ остались на мѣстахъ. Въ ту же ночь, со 2-го на 3-е января, 2-й эскадронъ драгунъ Вашего Величества совершилъ набѣгъ на станцію Трново, разрушилъ желѣзную дорогу и телеграфъ, затѣмъ отошелъ подъ огнемъ пѣхоты и шести орудій. 3-го января утромъ генералъ Струковъ, съ эскадрономъ Вашего Величества московскаго драгунскаго полка, имѣя за собой второй дивизіонъ того же полка, вновь атаковалъ станцію Трново. Занимавшіе ее 300 чел. низама и 5.000 вооруженныхъ жителей бѣжали въ паническомъ страхѣ, бросивъ всѣ шесть орудій, которыя и были взяты эскадрономъ Вашего Величества. Желѣзнодорожный мостъ, зажженный бѣжавшимъ непріятелемъ, драгуны успѣли потушить. На станціи захвачены всѣ документы и телеграфный аппаратъ. 3-й эскадронъ драгунъ преслѣдуетъ бѣгущихъ турокъ по направленію на Адріанополь. Наша потеря—всего одинъ раненый драгунъ. 1-й донской полкъ, нагнавъ близъ Чирпана три транспорта подъ прикрытіемъ пѣхоты и кавалеріи, атаковалъ и разсѣялъ прикрытіе, а обозъ изъ 200 повозокъ, 1.000 штукъ рогатаго скота и 300 барановъ захватилъ. Восемь турокъ взялъ въ плѣнъ. У насъ одинъ казакъ

убитъ, одинъ раненъ. Петербургскаго уланскаго полка поручикъ Пятницкій съ разъѣздомъ нагналъ на ямбольской желѣзной дорогѣ небольшой пѣхотный отрядъ, атаковалъ его и взялъ 9 чел. въ плѣнъ. Разъѣзды, посланные на Сливно, встрѣтили у д. Генджели около полусотни конныхъ черкесовъ, которые при нашемъ появленіи бѣжали".

Грѣшный человѣкъ, я думаю, что всѣ эти побѣдоносныя стычки были не съ войсками, а съ бѣгущими отъ страха жителями. Одни только шесть орудій на станціи Трново возбуждаютъ сомнѣніе: откуда они взялись? Низама, т.-е. регулярныхъ войскъ, всего 300 чел., а орудій при нихъ шесть. Такой пропорціи между пѣхотою и артиллеріей не бываетъ. Не были ли эти орудія просто брошены? Впрочемъ, не стоитъ и гадать: все равно это никогда не разъяснится.

2) „Получилъ увѣдомленіе, что доблестныя сербскія войска при взятіи Ниша овладѣли массою артиллеріи всякаго калибра, большими складами ружей Мартини, патроновъ и всякихъ боевыхъ запасовъ. Отъ нашихъ отрядовъ новыхъ свѣдѣній нѣтъ. Запасы продовольствія всякаго рода захвачены вездѣ громадные. Ледоходъ на Дунаѣ продолжается, сообщеніе крайне затруднительно. Казанлыкъ, 4-го января, 9 ч. вечера".

Струкову послано приказаніе распорядиться, чтобы ѣдущіе къ намъ для мирныхъ переговоровъ паши Серверъ и Намыкъ были встрѣчены и доставлены въ главную квартиру съ почетомъ. Когда они пріѣдутъ—никто не знаетъ и не можетъ знать, ибо они могутъ воспользоваться желѣзною дорогою только до Адріанополя, а какъ доберутся оттуда до Казанлыка—неизвѣстно.

О томъ, что дѣлается на свѣтѣ, мы давно уже ничего не знаемъ. Даже въ Боготѣ газеты сильно запаздывали изъ-за ледохода на Дунаѣ, а съ тѣхъ поръ, какъ мы изъ Богота выѣхали— ни газетъ, ни писемъ никто не получалъ. Единому Богу извѣстно, когда будетъ устроено правильное почтовое сообщеніе черезъ Балканы. Шипкинскій перевалъ теперь такъ запруженъ, что обоза Великаго Князя до сихъ поръ нѣтъ. Продовольствуемся со дня на день, чѣмъ придется. Не говоря уже о полномъ отсутствіи водки и вина, даже сахару нѣтъ. Къ сегодняшнему утру у Великаго Князя оставалось ровно 8 кусковъ. Чай пили вчера съ медомъ, а сегодня съ турецкимъ сливовымъ вареньемъ, котораго хватило, впрочемъ, только на 5 чел.

Между тѣмъ, всѣ могли бы прекрасно довольствоваться, если бы у насъ былъ хоть какой-нибудь порядокъ и система.

Изобиліе запасовъ всякаго рода въ Казанлыкѣ и окрестно-

стяхъ (да и вообще вездѣ)—поразительное: рису и зерна—горы; фуража—сколько угодно; скота—вволю. Но такъ какъ интендантства у насъ все равно что не существуетъ, то некому и заняться собираніемъ и правильнымъ распредѣленіемъ богатѣйшихъ мѣстныхъ запасовъ. Да никто объ этомъ и не думаетъ, никакихъ распоряженій по обезпеченію продовольственной части никто не дѣлаетъ. Какъ части войскъ, такъ и отдѣльныя лица вполнѣ предоставлены самимъ себѣ въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого все расхищается и расходуется совершенно зря.

Сегодня, напримѣръ, случайно найдены здѣсь неистощимые запасы разнаго варенья и несчетное число мѣшковъ съ грецкими орѣхами. Все это будетъ растащено и исчезнетъ безъ толку.

Кстати, курьезный случай вышелъ вчера. Одинъ солдатикъ, обшаривая пустой домъ, нашелъ огромную бутыль съ розовымъ масломъ, стоющую, по крайней мѣрѣ, рублей 400. Понюхалъ и сперва смазалъ себѣ волосы, усы и бороду, а въ заключеніе—сапоги. Эта операція была замѣчена случайно лишь тогда, когда бутыль съ драгоцѣннымъ масломъ совсѣмъ опустѣла. Солдатикъ, впрочемъ, нисколько не смутился; когда ему разъяснили, что онъ извелъ 400 рублей на свои сапоги, онъ не повѣрилъ.

Все собираюсь пойти осмотрѣть весь городъ, да некогда. Здѣсь интересно, главнымъ образомъ, производить внутренній осмотръ домовъ, вѣрнѣе—внутреннихъ дворовъ. По восточному обыкновенію, самыя лучшія зданія скрыты въ глубинѣ дворовъ, а на улицы выходятъ хотя также хорошіе каменные дома, но далеко не такіе, какъ во дворахъ, гдѣ они устроены изящно и окружены садами, цвѣтниками и фонтанами. Сосѣдніе дворы часто сообщаются внутренними узенькими калитками въ каменныхъ стѣнахъ, такъ что можно пройти не только въ сосѣдній, но черезъ цѣлый рядъ сосѣднихъ дворовъ, совсѣмъ не выходя на улицу.

Мы живемъ въ турецкой части города, такъ какъ болгарская частью разрушена, частью занята госпиталями „красной луны“. Впрочемъ, и въ турецкой части города заняты этими госпиталями всѣ лучшіе дома. Нашъ домъ—на небольшой площади—каменный двухэтажный: въ нижнемъ этажѣ конюшни. Противъ насъ—мечеть и передъ нею фонтанъ. На другой сторонѣ площади—домикъ Великаго Князя, во дворѣ и въ саду. Домикъ всего изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ переднею: въ одной комнатѣ—самъ Великій Князь, въ другой—оба его камердинера. Снаружи, во всю ширину домика, крытый балконъ.

Изъ садика Великаго Князя калитка и ходъ между двухъ ка-

менныхъ стѣнъ въ другой садикъ, также окруженный со всѣхъ сторонъ каменною стѣною. Въ садикѣ длинный одноэтажный домъ, съ крытымъ балкономъ во весь фасадъ и съ двумя входами въ двѣ отдѣльныя квартиры, каждая изъ одной комнаты съ переднею. Въ одной живетъ Непокойчицкій, а другая была предназначена для Левицкаго и меня. Узнавъ объ этомъ лишь 1-го января, мы было туда перешли, но черезъ полчаса вернулись на прежнюю квартиру—такой тамъ былъ невыносимый воздухъ. Вмѣсто насъ туда, однако, въѣхали Чингисханъ со Скалономъ и очень скоро открыли причину удушливаго зловонія: топившаяся печка была завалена разною дрянью, отъ сгоранія которой и шелъ невыносимый запахъ. Тѣмъ не менѣе, я не жалѣю, что мы вернулись на первоначальную квартиру: комната просторнѣе, выше и свѣтлѣе и полъ деревянный (а тамъ—глинобитный), да и для прислуги есть просторная комната, чего тамъ вовсе нѣтъ.

5 января.—Сегодня съ утра и до обѣда, а послѣ обѣда до 12-ти часовъ ночи,—безвыходно просидѣлъ у Великаго Князя, читая ему вслухъ полученныя телеграммы и реляціи, составляя по его указаніямъ и отправляя исходящія телеграммы. Измучился ужасно, не отъ работы, а отъ жары: онъ любитъ тепло и натоплено у него до духоты. Выбѣгалъ, съ его разрѣшенія, нѣсколько разъ на дворъ, чтобы отдышаться, когда становилось совсѣмъ темно.

Первое извѣстіе, изъ-за котораго Великій Князь послалъ за мной сегодня утромъ, была крайне обрадовавшая его записка (не помню, отъ кого, но только не отъ Гурко,—кажется, изъ отряда Карцова), что Филиппополь занятъ. На основаніи этой записки онъ продиктовалъ мнѣ слѣдующую телеграмму Государю:

„Филиппополь вчера занятъ гвардейскою кавалеріею и кавалеріей Карцова, съ которою послалъ Скобелева-отца. Самъ Гурко, говорятъ, въ Татаръ-Базарджикѣ. Посылаю ему приказаніе идти прямо къ Адріанополю. Скобелевъ 2-й сегодня подойдетъ къ Гютерли и Сейменли. Да поможетъ Богъ. Паши изъ Константинополя еще не прибыли. Часть гренадеръ уже спустилась съ перевала. Мой обозъ все еще не пришелъ. Какъ твое здоровье?—Николай“.

Несмотря на то, что отъ самого Гурко еще нѣтъ никакихъ извѣстій и неизвѣстно, гдѣ онъ, что сталось съ отступавшими передъ нимъ турецкими войсками Шакира-паши—Великій Князь такъ воодушевился занятіемъ Филиппополя, что тотчасъ послалъ за Непокойчицкимъ и объявилъ, что намъ надо тоже идти впе-

редъ и завтра же переѣхать въ Эски-Загру, 7-го въ Гютерли, а 8-го въ Херманли, чтобы встрѣтиться съ турецкими уполномоченными не здѣсь, а возможно ближе къ Адріанополю. Непокойчицкій выразилъ полное сочувствіе этому рѣшенію. Тогда Великій Князь сказалъ: „А не потребовать ли по этому случаю сдачи Рущука?"—и когда Непокойчицкій и съ этою мыслью согласился—обратился ко мнѣ: „Пиши телеграмму".

„Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу.

„Немедленно пошли парламентера въ Рущукъ потребовать сдачи крѣпости, для чего сдѣлать наступленіе, не ввязываясь въ упорный бой. Вообще, полезно сдѣлать наступленіе къ Разграду, и если онъ брошенъ или слабо занятъ, то овладѣть имъ, потребовавъ предварительно сдачи. Филиппополь занятъ вчера въ полдень. Скобелевъ съ авангардомъ будетъ завтра на филиппопольско-адріанопольской дорогѣ. Самъ перехожу завтра въ Эски-Загру. Казанлыкъ, 5 января, 11 час. утра".

Великій Князь послалъ за Нелидовымъ и сообщилъ ему о своемъ рѣшеніи ѣхать навстрѣчу уполномоченнымъ. Нелидовъ пришелъ въ отчаяніе и доложилъ, что, во-первыхъ, неудобно, назначивъ уже Казанлыкъ мѣстомъ переговоровъ, не выждать явки уполномоченныхъ здѣсь; во-вторыхъ, уполномоченные могутъ придраться къ этому и заявить Портѣ, что съ нами невозможно вести переговоры; Порта же получитъ предлогъ заявить всей Европѣ, что мы, согласившись на веденіе переговоровъ, на самомъ дѣлѣ стремимся къ полному разрушенію турецкой имперіи, а это неизбѣжно вызоветъ англійское и, быть можетъ, австрійское вмѣшательство.

Доводы эти, однако, не поколебали Великаго Князя, и онъ отмѣнилъ свое рѣшеніе только поздно вечеромъ.

Тѣмъ временемъ пришли двѣ телеграммы—отъ Государя и отъ князя Горчакова: первая отъ 2-го, вторая отъ 3-го января.

Телеграмма Государя, отъ 2 час. 58 мин. дня 2-го января, гласила:

„Благодарю сердечно за вчерашнюю телеграмму. Радъ, что могъ доставить тебѣ удовольствіе послѣ всей радости, которую я испыталъ, узнавъ послѣдніе подвиги нашихъ молодцовъ при переходѣ черезъ Балканы и плѣненіи шипкинской арміи. Объявилъ ли ты Радецкому его производство и что я жалую ему Георгія 2-й степени? Получилъ ли ты инструкцію, отправленную отсюда 21-го декабря?"

На эту телеграмму Великій Князь тотчасъ же отвѣтилъ слѣдующею:

„Еще 31-го числа, когда я былъ встрѣченъ Радецкимъ при спускѣ въ долину съ перевала, мы всѣ прокричали „ура“ храброму защитнику шипкинскаго прохода. Тутъ же ему сказалъ, что онъ произведенъ, и лично надѣлъ на него Георгія 2-й степени; былъ тронутъ до слезъ. Прошу, какъ милости, наградить его начальника штаба генерала Дмитровскаго, храбраго его пятимѣсячнаго сподвижника при достославной шипкинской оборонѣ, отличнѣйшаго офицера во всѣхъ отношеніяхъ, Георгіемъ 4-й степени“.

Телеграмма князя Горчакова отъ 3-го января:

„Султанъ телеграфировалъ 1-го января Государю: „Глубоко оплакивая несчастныя обстоятельства, повлекшія за собою эту злополучную войну между двумя имперіями, призванными къ постоянной жизни въ добромъ согласіи, и пламенно желая возможно скорѣе покончить съ безполезнымъ кровопролитіемъ, противнымъ также и столь извѣстнымъ человѣколюбивымъ чувствамъ Е. И. В.,—я, по соглашенію моего правительства съ е. и. в. Великимъ Княземъ Николаемъ, назначилъ моего министра иностранныхъ дѣлъ Сервера-пашу и высокаго сановника имперіи Намыка-пашу уполномоченными, поручивъ имъ условиться съ Великимъ Княземъ объ основаніяхъ мира и объ условіяхъ перемирія. Уполномоченные выѣдутъ въ Казанлыкъ послѣ-завтра, во вторникъ 15-го января. Я надѣюсь, что Ваше Величество, въ ожиданіи результата этихъ переговоровъ, соизволите дать соотвѣтствующія повелѣнія о прекращеніи военныхъ дѣйствій на всемъ театрѣ войны.

„Государь отвѣчалъ, что онъ желаетъ мира и возстановленія хорошихъ отношеній съ Портою, но что не можетъ согласиться на заключеніе перемирія иначе, какъ по принятіи Портою условій, уже препровожденныхъ главнокомандующимъ“.

Вечеромъ было получено отъ Гурко радостное извѣстіе о взятіи Филиппополя, на основаніи котораго была составлена мною и въ 11 час. вечера подписана Великимъ Княземъ слѣдующая телеграмма Государю:

„Войска генерала Гурко, послѣ упорнаго боя у Айранли и Филиппополя, овладѣли этимъ городомъ 3-го января поздно вечеромъ. Первымъ ворвался въ городъ эскадронъ охотниковъ л.-гв. драгунскаго полка, подъ командою капитана Бураго, послѣ жаркаго боя, причемъ прапорщикъ графъ Ребиндеръ взялъ два орудія. Такъ какъ бой происходилъ въ темнотѣ, то турки не замѣтили малочисленности нашихъ и бѣжали изъ города въ паническомъ страхѣ. Дѣло 3-го января происходило слѣдующимъ

образомъ: графъ Шуваловъ, съ лейбъ-гренадерами, павловцами, тремя батальонами московцевъ и гвардейскою стрѣлковою бригадою, двинулся отъ Адакіоя, перешелъ Марицу по поясъ вбродъ при ледоходѣ и атаковалъ съ фронта турецкую позицію у Кадыкіоя. Баронъ Криденеръ съ 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею и воронежскимъ полкомъ двинулся отъ Челопца, овладѣлъ частью Филиппополя сѣвернѣе Марицы послѣ недолгаго боя, но, найдя мостъ разрушеннымъ, могъ занять лишь небольшими частями южную часть города уже поздно ночью. Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ съ 1-ю бригадою 5-й пѣх. див., л.-гв. финляндскимъ полкомъ и баталіономъ московцевъ двинулся отъ Дуванкіоя къ Айранли. Часть этой колонны перешла Марицу вбродъ, но большая часть перевезена лейбъ-драгунскимъ эскадрономъ охотниковъ и бугскими уланами на лошадяхъ. Позднимъ вечеромъ колонна эта обошла правый флангъ турокъ.

„Турки, въ числѣ около 40 таборовъ, отступили отъ Кадыкіоя и Айранли къ Дермендере, къ горамъ. Такимъ образомъ, благодаря дѣлу графа Шувалова 3-го января, турецкая армія разрѣзана пополамъ и половина ея отброшена отъ прямого пути отступленія. Это та половина, которая отступала отъ Саманова. Другая половина, также около 40 таборовъ, отступавшая отъ Отлукіоя и Петричева, подъ начальствомъ самого Сулеймана, успѣла пройти Филиппополь раньше 3-го января и отступаетъ на Адріанополь, оставивъ въ Филиппополѣ только аріергардъ, который также отброшенъ оттуда къ горамъ.

„4-го января, утромъ, генералъ Гурко послалъ 3-ю гвард. пѣх. дивизію, астраханскій и екатеринославскій драгунскіе полки и прибывшую въ Филиппополь около полудня кавалерію генерала Скобелева I-го на Станимаки, чтобы отрѣзать туркамъ прямой путь отступленія. Прочія войска направилъ съ фронта и въ обхватъ обоихъ фланговъ на Дермендере. Всю гвардейскую кавалерію—вслѣдъ за тою частью арміи, которая отступаетъ на Адріанополь. Самъ Гурко въ 11 часовъ утра 4-го января въѣхалъ въ Филиппополь, приказалъ поднять надъ бывшимъ домомъ нашего консула русскій флагъ и отслужилъ въ соборѣ благодарственный молебенъ о здравіи Вашего Величества. Потеря въ бою 3-го января еще неизвѣстна, но невелика. Изъ офицеровъ убитъ адъютантъ л.-гв. 2-й артиллер. бригады прапорщикъ Бартлимановъ; ранены: командующій л.-гв. преображенскимъ полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій легко и полковникъ того же полка фонъ-Стрезовъ—тяжело. Полкъ этотъ, вмѣстѣ съ семеновскимъ, подъ начальствомъ генерала Рауха, наступалъ

въ резервѣ за колонною графа Шувалова и вступилъ въ боевую линію къ концу дѣла.

„Вчера 4-го января занятъ городъ Сливно. Второй дивизіонъ орденскихъ драгунъ маіора Кардашевскаго вступилъ туда отъ Твардицы и, въ то же время, донской Бакланова полкъ— отъ Іени-Загры. Турки очистили Котелъ, Сливно, Ямболи и стягиваются къ Адріанополю. Нашъ разъѣздъ вчера же посланъ на Карнабадъ.

„Извѣстіе, что Сулейманъ-паша приказалъ все жечь, уничтожать и рѣзать при отступленіи—подтверждается. Татаръ-Базарджикъ совершенно разоренъ, разграбленъ и на половину сожженъ. Въ Сливнѣ болгарскій кварталъ—также. Филиппополь наши успѣли спасти, но села между Базарджикомъ и Филиппополемъ почти всѣ разрушены".

Полученіе отъ Гурко этого донесенія помогло намъ [1]) уговорить сперва Непокойчицкаго, а потомъ, уже при его поддержкѣ, самого Великаго Князя отмѣнить назначенный на завтра переѣздъ въ Эски-Загру. Слава Богу! До сихъ поръ нѣтъ даже телеграфа дальше Шипкинскаго перевала: телеграммы присылаются оттуда съ нарочнымъ. Уходя еще дальше впередъ, мы еще болѣе замедлимъ телеграфное сообщеніе въ такое время, когда дорогъ каждый часъ. Полевое управленіе арміи до сихъ поръ еще не собралось даже въ Казанлыкъ, а частью еще за Балканами, частью разсыпано по дорогѣ отъ Габрова до Шипки. Артиллерія и обозы—тоже. На Шипкинскомъ перевалѣ—настоящее столпотвореніе. Однимъ словомъ, мы, грозные побѣдители, находимся въ столь же полной дезорганизаціи, какъ и бѣгущіе побѣжденные. Послѣдніе бѣгутъ, потерявъ голову, отъ насъ, а мы бѣжимъ, очертя голову, за ними. Если главнокомандующій будетъ неотступно слѣдовать за авангардомъ, то общее руководство военными дѣйствіями исчезнетъ окончательно. Наконецъ, мы совершенно не знаемъ, что насъ ждетъ у Адріанополя: намъ извѣстно только, что онъ хорошо укрѣпленъ и вооруженъ. Что, если тамъ найдется такой же энергическій паша, какъ Османъ? Тогда поневолѣ придется остановиться: вѣдь мы идемъ впередъ безъ артиллеріи и почти безъ зарядовъ и патроновъ. Ни у насъ, ни у Гурко ничего съ собой нѣтъ: все оставлено за Балканами.

Сегодня вечеромъ, отпуская меня, Великій Князь предупредилъ, что дня черезъ два-три хочетъ послать курьера, такъ чтобы былъ готовъ отчетъ Государю. Кромѣ того: какъ только будетъ

---

[1]) Нелидову, Скалону и мнѣ.

заключено перемиріе, надо составить для Государя же общій обзоръ военныхъ дѣйствій отъ паденія Плевны до перемирія. Работы будетъ немало.

6 января.—Сегодня опять просидѣлъ весь день у Великаго Князя почти безвыходно, читая ему реляціи, входящія телеграммы и иностранныя газеты (которыя сегодня впервые до насъ дошли по выступленіи изъ Богота) и составляя телеграммы Государю о другихъ лицахъ.

Отъ Государя получена только одна телеграмма, отъ 5 ч. 10 м. пополудни 5-го января:

„Въ дополненіе вчерашней твоей телеграммы желаю знать, какія мѣры приняты при наступательномъ движеніи къ Адріанополю для обезпеченія тыла и лѣваго фланга со стороны восточныхъ балканскихъ проходовъ, и какія приказанія даны восточному отряду".

Эта телеграмма, очевидно, вызвана шифрованною телеграммою Великаго Князя отъ 3-го января, въ которой говорится о наступленіи на Адріанополь, но ничего не упоминается о восточномъ (рущукскомъ) отрядѣ Цесаревича. Когда я спросилъ, что приказано будетъ отвѣчать Государю на эту телеграмму, Великій Князь ничего не отвѣтилъ. Зная, что онъ иногда телеграфируетъ Государю самъ, ничего не говоря о содержаніи телеграммъ мнѣ, я, конечно, замолчалъ, тѣмъ болѣе, что почувствовалъ, какъ непріятенъ былъ ему вопросъ Государя. Дѣйствительно, вопросъ этотъ заключаетъ въ себѣ напоминаніе и предостереженіе: наступать хорошо, но надо обезпечить свой тылъ и лѣвый флангъ, чтобы не повторилась Плевна. А говоря по совѣсти, опасеніе Государя вполнѣ основательно: и теперь, какъ и тогда, мы ни о тылѣ, ни о флангахъ не думаемъ, а лишь неудержимо стремимся впередъ.

Такъ я и не знаю, что Великій Князь отвѣтилъ Государю. Можетъ быть, даже вовсе не отвѣчалъ.

Получено донесеніе, что вчера, 5-го января, прибыли въ Херманли турецкіе уполномоченные со свитою. Тамъ они были встрѣчены сперва Струковымъ, затѣмъ Скобелевымъ 2-мъ, который просилъ задержать ихъ подъ какимъ-то предлогомъ, чтобы дать ему время стянуть и устроить свои войска. Когда все было подготовлено, Скобелевъ послалъ имъ „проводника", который и провелъ ихъ черезъ бивакъ всѣхъ 32 баталіоновъ Скобелевскаго авангарда. У въѣзда на бивакъ былъ выставленъ почетный караулъ съ музыкою и лихая уральская сотня со значкомъ: по-

слѣдняя была назначена въ почетный конвой. На бивакѣ вездѣ гремѣла музыка, заливались пѣсенники и отхватывали трепака плясуны. Ординарцемъ къ уполномоченнымъ явился молоденькій и хорошенькій Галлъ, корнетъ л.-гв. коннаго полка. Однимъ словомъ, Скобелевъ, какъ знатокъ восточныхъ людей, устроилъ для уполномоченныхъ эффектную декорацію, которая, несомнѣнно, произвела надлежащее впечатлѣніе, хотя турки свой обычай тоже выдержали: и виду не подали, что это на нихъ подѣйствовало.

Немедленно по полученіи этого донесенія, были посланы Великимъ Княземъ имъ навстрѣчу дипломатическій чиновникъ М. А. Хитрово и адъютантъ полковникъ Орловъ.

На основаніи полученныхъ сегодня донесеній, были посланы Государю слѣдующія двѣ телеграммы:

1) „Московскіе Вашего Величества драгуны продолжаютъ отличаться. Взявъ 3-го января Трново, они, 4-го января, послѣ упорнаго ружейнаго и рукопашнаго боя съ вооруженными жителями, продолжавшагося всю ночь, взяли Херманли. Первымъ ворвался въ городъ третій эскадронъ маіора Чулкова. Убито 2, ранено 8 драгунъ. Быстрое занятіе двухъ столь важныхъ пунктовъ совершилось благодаря смѣлости, энергіи и разумной распорядительности генерала Струкова. Генералъ Скобелевъ 2-й поручилъ ему теперь командованіе всѣмъ авангардомъ своего отряда, который 5-го января подошелъ къ Трнову, а сегодня, 6-го января, весь стягивается къ Херманли. Авангардъ генерала Струкова идетъ сегодня далѣе: драгуны Вашего Величества попрежнему въ головѣ. Поведеніе ихъ выше всякой похвалы: всѣ, отъ полкового командира до послѣдняго рядового, молодцы.

„По свѣдѣніямъ отъ 5-го января, Сулейманъ-паша съ частью арміи, отступающею отъ Филиппополя, находится у Папазли".

2) Въ другой телеграммѣ сообщаются малозначащія подробности о занятіи Сейменли на основаніи донесеній Струкова, а въ заключеніе—доносится о прибытіи въ Херманли 5-го января турецкихъ уполномоченныхъ Сервера и Намыка-пашей со свитою, въ составѣ которой еще двое пашей: Наджибъ и Османъ, первый въ чинѣ ферика (генералъ-лейтенантъ), второй—лива (генералъ-маіоръ). Отрядъ Скобелева 2-го прошелъ до Херманли 82 версты въ 40 часовъ, переваливъ при этомъ Малые Балканы, почти безъ отсталыхъ.

9 января.—Сегодня третій день почти безвыходно сижу у Великаго Князя за непрерывною работой.

Два крупныхъ событія: донесеніе Гурко объ окончательномъ

разгромѣ арміи Сулеймана-паши и прибытіе турецкихъ уполномоченныхъ.

Донесеніе Гурко было получено въ первомъ часу дня, и тотчасъ же послана Государю слѣдующая телеграмма:

„Поздравляю Ваше Величество съ новою блестящею побѣдою. Генералъ Гурко, отбросивъ 3-го января часть турецкой арміи отъ Кадыкіоя и Айранли къ Дермендере, настойчиво продолжалъ атаку 4-го января у Дермендере, 5-го января у Бѣластицы и Карагача и кончилъ тѣмъ, что окончательно отбросилъ турокъ въ горы Деспотодагъ, за Еникіой и Ласкову. Турки потеряли 49 орудій, взятыхъ нами съ бою, и одними убитыми, по крайней мѣрѣ, 4.000. Плѣнныхъ забрано и забирается масса: число опредѣлить пока трудно, но значительно болѣе 3.000. Турки бѣжали горными тропинками въ разсыпную. Путь къ Адріанополю черезъ Хаскіой отрѣзанъ имъ окончательно. Генералъ Гурко доноситъ, что столь блестящимъ результатомъ трехдневнаго боя обязанъ храбрости, энергіи, неутомимости и находчивости графа Шувалова, а также храбрости и распорядительности генераловъ Дандевиля и Краснова. Не находитъ словъ для оцѣнки заслугъ этихъ генераловъ; не можетъ нахвалиться самоотверженіемъ, изумительною выносливостью и геройскимъ поведеніемъ доблестныхъ войскъ. Въ шесть дней войска сдѣлали безъ передышки 150 верстъ, пройдя при этомъ два весьма трудныхъ перевала: Вакарель и Траяновы Ворота. Послѣ этого немедленно вступили въ бой и дрались безъ отдыха три дня съ ранняго утра до поздняго вечера, ночуя каждый разъ на полѣ сраженія. Потери наши еще не приведены въ извѣстность, но— около 500 чел. Офицеровъ убито 5, ранено 15, контужено 3.

„6-го января пѣхота продолжаетъ настойчиво преслѣдовать непріятеля: одна колонна отъ Бѣластицы на Еникіой, другая—отъ Станимаки ущельемъ рѣки Нарѣчинъ. Гвардейская кавалерія ночевала на 6-е января въ Чатанѣ, а 6-го двинулась дальше по шоссе къ Хаскіою. 5-го января вошла въ связь съ разъѣздами Скобелева 2-го у Чирпана. Кавалерія Скобелева 1-го направлена 6-го января отъ Станимаки къ востоку, на Кетенликъ. Подробности дополнительно. Казанлыкъ, 7-го января, 1 ч. дня“.

Турецкіе уполномоченные, со свитою и 80-ю человѣками прислуги, прибыли сегодня, къ 4-мъ часамъ пополудни, и были встрѣчены съ почетомъ. Прежде всего ихъ накормили, потому что они со вчерашняго дня ничего не ѣли: ихъ огромный обозъ,

съ походною кухнею и султанскимъ поваромъ, сильно отсталъ, а по пути—отъ Херманли сюда—все разрушено и ничего достать нельзя. Угощалъ ихъ походный гофмаршалъ Великаго Князя, генералъ Галлъ, со свойственными ему радушіемъ и любезностью. Торжественная аудіенція у Великаго Князя назначена завтра въ 11 час. утра. Сегодня, вечеромъ, былъ у нихъ съ визитомъ Нелидовъ и, вернувшись, доложилъ Великому Князю, что настроеніе уполномоченныхъ угнетенное, что они готовы на все наихудшее, и полагаются лишь на милосердіе и великодушіе нашего Государя. Этотъ отвѣтъ какъ бы доказываетъ, что турки перестали уже надѣяться на фактическую помощь подзадорившей ихъ Англіи. Добрый знакъ!

Отъ Государя получено сегодня двѣ телеграммы:

1) Подана въ Петербургѣ 5-го января, въ 2 ч. 50 м. дня.

„Съ 1-го января до вчерашняго вечера не получалъ отъ тебя ни одной телеграммы: онѣ дошли до меня разомъ до 4-го января включительно. Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда полковника Соболева [1]). Письмо отправилъ къ тебѣ вчера съ Николашею [2]). Здѣсь также довольно сильные морозы: завтра никакого парада не будетъ, и я на Іордань не пойду, хотя и чувствую себя хорошо".

2) Подана въ Петербургѣ 5-го января, въ 9 ч. 10 м. вечера:

„Очень счастливъ за Алексѣя [3]) и утверждаю награды и всѣхъ прочихъ, о которыхъ упомянуто въ телеграммѣ твоей отъ 2-го января, за Траянъ и Шипку. Обращаю твое особенное вниманіе на шифрованную депешу князя Горчакова, отправленную отсюда сегодня".

Эта телеграмма получена одновременно съ Государевою и мною была расшифрована. Вотъ она:

„Государь Императоръ желаетъ, что если ваше императорское высочество еще не сообщили туркамъ условія мира, долженствующія предшествовать заключенію мира, чтобы вы ихъ спросили, какія предлагаются Портою условія для остановки военныхъ дѣйствій. Когда они вамъ будутъ предъявлены, теле-

---

[1]) Генеральнаго штаба полковникъ Соболевъ былъ отправленъ курьеромъ съ подробною реляціею о послѣднемъ шипкинскомъ боѣ. Великій Князь хотѣлъ послать подполковника графа Келлера, но этому воспротивился Дмитровскій, указавшій на то, что тогда М. Д. Скобелевъ останется безъ начальника штаба; графъ Келлеръ заступилъ мѣсто раненнаго Куропаткина.

[2]) Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій.

[3]) Рѣчь идетъ о присужденіи Думою Георгія 4-й степени великому князю Алексѣю Александровичу.

графируйте въ Петербургъ. Намъ важно выиграть время, чтобы придти къ соглашенію съ Австріей, которая въ разныхъ пунктахъ съ нами несогласна, и, если можно, получить отвѣты на собственноручныя письма Государя Императора въ Вѣну и Берлинъ, сегодня (т.-е. 5-го января) отправленныя. Имѣемъ причины предполагать, что Порта просила переговоровъ для умноженія своихъ военныхъ силъ и воспользованія нашими политическими условіями, дабы укрѣпить враждебное намъ положеніе Биконсфильда и, сколь возможно, разрознить насъ съ нашими союзниками. Во всякомъ случаѣ, военныя дѣйствія не должны быть останавливаемы".

Отвѣтъ на эту телеграмму отложенъ Великимъ Княземъ до завтра, послѣ пріема турецкихъ уполномоченныхъ. Онъ недоволенъ этою телеграммою, ибо находитъ, что выраженное въ ней желаніе затянуть переговоры для выигрыша времени несогласно съ прежними указаніями Государя и состоялось теперь лишь подъ впечатлѣніями непрерывно измѣняющейся обстановки. Великій Князь думаетъ, что было бы всего лучше оглушить Биконсфильда заключеніемъ перемирія на тѣхъ основахъ, которыя были зрѣло обдуманы заранѣе, а съ Австріей вообще не стоитъ много разговаривать. Наконецъ, Великій Князь высказалъ предположеніе (объ основательности коего судить совсѣмъ не могу), что Государя теперь начнутъ сбивать съ толку и князь Горчаковъ, и графъ Игнатьевъ: первый изъ ревности, чтобы дѣло принятія турками главныхъ основаній мира не обошлось безъ него, а второй—изъ опасенія, чтобы не успѣли сойтись съ турками безъ его прямого участія. Онъ такъ старался довести до войны, что ему будетъ крайне обидно, если онъ не будетъ играть никакой роли въ ея окончаніи.

Въ 9 ч. вечера, на основаніи полученныхъ отъ Гурко и Скобелева донесеній, были посланы Государю слѣдующія телеграммы:

1) „Подробности боя 4-го и 5-го января: турецкія войска, отброшенныя 3-го января къ Дермендере, состояли изъ 35 таборовъ, подъ начальствомъ Фуада-паши. Изъ нихъ 24 табора приведены Фуадомъ изъ-подъ Шумлы. На 4-е января Гурко приказалъ:

„Графу Шувалову съ его колонною и колоннами Шильдеръ-Шульднера и Вельяминова, атаковать Дермендере, охватывая турецкій правый флангъ.

„Дандевилю съ 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, сводною бригадою екатеринославскихъ и астраханскихъ драгунъ Крас-

нова и сотнями казачьей бригады Курнакова идти на Станимаки, на перерѣзъ. Гвардейской кавалеріи перейти на правый берегъ Марицы къ Ени-Магале и стать на пути отступленія турокъ.

„Графъ Шуваловъ, сдѣлавъ отъ Кадыкіоя и Айранли захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, къ ночи сталъ фронтомъ къ горамъ, правымъ флангомъ противъ Дермендере, лѣвымъ—противъ Маркова. Весь день его правый флангъ, служившій осью тзхожденія, велъ демонстративный бой у Дермендере, удержавъ аамъ значительную часть турецкихъ силъ. Остальныя пробирались, между тѣмъ, черезъ Марково, Беластицу и Карагачъ на Станимаки, но на пути наткнулись на колонну Дандевиля. Этой колоннѣ выпала главная честь боя 4-го января. Генералъ Красновъ, командовавшій авангардомъ изъ сводной драгунской бригады и 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, найдя мостъ черезъ Марицу уничтоженнымъ, а броды—по грудь, перевезъ всю пѣхоту на лодкахъ, паромахъ и драгунскихъ лошадяхъ. Къ 3 ч. пополудни подошелъ къ Карагачу, замѣтилъ близко идущую турецкую колонну съ артиллеріей и немедленно атаковалъ. 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, ударомъ въ штыки, отбросила турокъ въ горы, сразу взявъ 18 орудій. Турки, выждавъ приближавшееся подкрѣпленіе, перешли въ наступленіе и, несмотря на нашъ огонь, бросились въ рукопашную отбивать свою артиллерію. Будучи отбиты, отошли въ горы, опять выждали вновь подходившія подкрѣпленія, вторично ударили въ штыки, но, несмотря на отчаянную храбрость атаки, снова и окончательно отброшены въ горы молодцами-литовцами и австрійцами. Одинъ паша, окруженный, не хотѣлъ сдаваться, дрался какъ левъ, изрубилъ и переранилъ болѣе 15-ти человѣкъ, прежде чѣмъ былъ заколотъ. Ночью турки бросили Дермендере и Марково и сосредоточились всѣ у Беластицы. Наши войска ночевали на своихъ позиціяхъ. Вся колонна Дандевиля подтянулась къ авангарду Краснова.

„Съ утра 5-го января графъ Шуваловъ рокировалъ свои войска влѣво и примкнулъ къ правому флангу Дандевиля. Въ то же время, съ фронта велась канонада и перестрѣлка. Турки два раза переходили въ наступленіе противъ Дандевиля и разъ—противъ лейбъ-гренадеръ, но были отбиты. Сомкнувъ боевую линію, графъ Шуваловъ двинулъ въ атаку: колонну Вельяминова—въ обхватъ лѣваго фланга, горами; дивизію Дандевиля—съ фронта. Послѣдняя взяла въ штыки Беластицу, и въ ней, послѣ упорнаго рукопашнаго боя — 11 орудій. Войска графа Шувалова, охвативъ турокъ, взяли 17 орудій. Побѣда была полная. Непрія-

тель вразбродъ бѣжалъ въ горы, за Еникіой и Ласкову. Преслѣдованіе прекращено съ наступленіемъ темноты, и возобновлено 6-го января, утромъ, какъ я уже сообщалъ.—Казанлыкъ, 7-го января, 9 ч. вечера".

2) „Генералъ Скобелевъ 2-й, прочно занявъ Сейменли, Трновъ, Гютерли и Херманли, послалъ во всѣ стороны разъѣзды, которые, 6-го января, уже появились въ Мустафа-Паша, близъ Адріанополя. Голова турецкихъ войскъ, отброшенныхъ отъ Филиппополя, показалась, 6-го января, у Хаскіоя. Дальнѣйшихъ свѣдѣній еще нѣтъ. Турецкіе уполномоченные прибыли сегодня, вечеромъ, сюда. Казанлыкъ, 7-го января, 9 ч. вечера.—Николай".

8-го января.—Сегодня утромъ, въ 11 ч., Великій Князь принималъ турецкихъ уполномоченныхъ въ оффиціальной аудіенціи, а затѣмъ они имѣли предварительное частное совѣщаніе съ Нелидовымъ, который якобы частнымъ же образомъ сообщилъ имъ главныя основанія мира на размышленіе, съ предупрежденіемъ, что завтра будетъ оффиціальная бесѣда объ этомъ съ Великимъ Княземъ, и надо имъ обдумать свой отвѣтъ.

Государю же послана слѣдующая шифрованная телеграмма, самимъ Великимъ Княземъ составленная:

„Депешу твою и шифрованную канцлера, отъ 5-го, получилъ вчера, когда турецкіе уполномоченные уже прибыли. Сейчасъ имѣлъ съ ними свиданіе. Согласно твоему желанію, настаивалъ неоднократно на выраженіи ихъ предложеній. Они отвѣчали, что предложеній никакихъ не имѣютъ, а по полученіи султаномъ твоего отвѣта посланы выслушать отъ меня предлагаемыя нами условія мира. Такъ какъ они, съ своей стороны, упрашивали остановить скорѣе военныя дѣйствія, то я, согласно заявленному Портѣ тобою и мною, вынужденъ былъ сообщить имъ условія, по принятіи коихъ мы можемъ прекратить военныя дѣйствія. Они взяли ихъ на разсмотрѣніе. Съ другой стороны, съ 3-го января, послѣ телеграммъ моихъ, на которыя получилъ отвѣтъ только сегодня [1]), военныя событія до того измѣнились, что, послѣ новаго разбитія арміи Сулеймана у Филиппополя, стою у воротъ Адріанополя. Затягивать переговоры и продолжать военныя дѣйствія имѣло бы послѣдствіемъ занятіе Адріанополя и движеніе далѣе, на Константинополь, влекущее за собой неизбѣжное въ военномъ отношеніи занятіе Галлиполи, что, согласно

1) Что это за отвѣтъ—мнѣ неизвѣстно. Вѣроятно, онъ расшифрованъ Нелидовымъ и хранится въ секретѣ.

твоимъ указаніямъ, было бы лишь усложненіемъ дѣлъ политическихъ. Посему, какъ выше сказано, я не могъ не объявить уполномоченнымъ Порты условій мира въ томъ видѣ, какъ я ихъ получилъ, дабы можно было, если они будутъ приняты, заключить перемиріе. Наконецъ, изъ перваго свиданія съ турками я вынесъ убѣжденіе, что всякая искусственная затяжка переговоровъ, при быстротѣ нашего наступленія, можетъ только произвести въ Турціи, а быть можетъ и въ Европѣ, неблаговидное впечатлѣніе, какъ будто мы желаемъ выиграть время для большаго захвата непріятельской страны".

Я не знаю, что телеграфировалъ Великому Князю Государь, но недоумѣваю по поводу общаго тона великокняжескаго отвѣта. Точно самъ не радъ, что предстоитъ занятіе Адріанополя, точно опасается этого. И какое ему дѣло до того, что подумаютъ Турція и Европа? Чѣмъ больше захватимъ, тѣмъ лучше для насъ: тѣмъ податливѣе будутъ турецкіе уполномоченные.

Сегодня вечеромъ сидѣлъ у Великаго Князя за чаемъ (были еще Непокойчицкій, Нелидовъ, Кладищевъ, Чингисханъ и Скалонъ), когда онъ получилъ записку отъ Струкова изъ Мустафа-Паши, отъ 8½ ч. вечера 7-го января, что паника среди турокъ дошла до апогея. Губернаторъ и войска бѣжали изъ Адріанополя, взорвавъ пороховые и артиллерійскіе склады. Въ городѣ—пожаръ и хаосъ. Пять человѣкъ иностранцевъ пріѣхали къ Струкову съ просьбою поскорѣе занять Адріанополь для возстановленія порядка.

Записка эта произвела ошеломляющее впечатлѣніе. Если до этого дошло, то, быть можетъ, и въ Константинополѣ въ настоящую минуту уже царитъ анархія, исчезло правительство, разваливается Оттоманская имперія. Не даромъ мусульманское населеніе, съ самаго начала войны, поголовно уходитъ отовсюду, гдѣ появляются наши войска. Точно инстинктивно предчувствуетъ, что гдѣ мы утверждались, тамъ мусульманамъ больше не жить. Не даромъ же ими овладѣлъ суевѣрный страхъ и роковое убѣжденіе, что пришелъ конецъ господству турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Скобелевъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ донесеній, писалъ, что турки, убѣгая въ совершенномъ ужасѣ, вспоминали о явившейся 24-го декабря на небѣ яркой звѣздѣ подъ полумѣсяцемъ, и говорили, что это небесное знаменіе не къ добру для нихъ. Дѣйствительно, мы всѣ любовались въ Боготѣ этимъ чуднымъ явленіемъ: помнится, это былъ „Юпитеръ", блиставшій какъ разъ подъ полумѣсяцемъ въ видѣ подвѣска къ нему.

Можно себѣ представить, что̀ дѣлается теперь по пути отъ Адріанополя къ Царьграду и въ самомъ Царьградѣ, куда стремятся всѣ бѣглецы-мусульмане! Что̀, если мы въ самомъ дѣлѣ, сами того не желая, уже разрушили Оттоманскую имперію и, оканчивая войну съ нею, кладемъ начало европейской войнѣ за турецкое наслѣдство? Оно, конечно, хорошо, если проклятый восточный вопросъ разрѣшится теперь же, хотя бы цѣною трехлѣтней европейской войны. Но сознаюсь: во мнѣ нѣтъ настолько величія души, чтобы не бояться этого грознаго вопроса. Если бы во мнѣ была увѣренность, что вопросъ этотъ разрѣшится въ нашу пользу, я готовъ былъ бы даже пожертвовать собою для всероссійскаго блага. Но этой увѣренности нѣтъ: не нашимъ слабымъ силамъ вывозить на своихъ плечахъ міровыя событія. Намъ не справиться со всею Европою, которая, несомнѣнно, ополчится противъ насъ и ни за что не позволитъ намъ рѣшить восточный вопросъ согласно съ нашими выгодами. Россія и теперь уже пугало, а тогда сдѣлается кошмаромъ всей Европы.

Впрочемъ, лучше всего отдаться на волю Провидѣнія. Событія идутъ быстро и складываются для насъ благопріятно: остается плыть по теченію и воспользоваться всѣмъ, чѣмъ можно. Это война роковая съ самаго начала: не мы ее ведемъ, а она насъ ведетъ, и неизвѣстно, куда приведетъ.

Немедленно по полученіи записки Струкова, Великій Князь приказалъ мнѣ составить цѣлый рядъ телеграммъ. Вотъ онѣ:

1) Государю (эта телеграмма была уже отправлена до полученія записки Струкова).

„При занятіи Сливна командиръ 4-го эскадрона орденскихъ драгунъ нашелъ тамъ наши зарядные ящики и лафетъ, взятые турками подъ Еленой. Кромѣ того — запасъ шанцоваго инструмента на 1.600 чел., громадный складъ сукна и денежный ящикъ.

„Мустафа-Паша, близъ Адріанополя, занятъ 6-го января дивизіономъ московскихъ лейбъ-драгунъ, послѣ небольшой стычки съ башибузуками, которые отброшены. Наши потери въ этомъ дѣлѣ еще неизвѣстны. Станція, городъ и мостъ заняты 7-го января. Генералъ Струковъ съ остальными эскадронами московскихъ драгунъ и петербургскими уланами двинулся отъ Херманли къ Чермену. Ночью съ 6-го на 7-ое января маіоръ Искандербегъ съ 4-мъ эскадрономъ петербургскихъ уланъ открылъ на дорогѣ изъ Хаскіоя въ Херманли огромный турецкій обозъ, растянувшійся на десять верстъ, и замѣтилъ много костровъ у д. Деврали. 7-го января, съ разсвѣтомъ, Скобелевъ 2-й двинулъ туда полковника Панютина съ отрядомъ изъ четырехъ баталіо-

новъ съ артиллеріей и сотнею казаковъ. Казанлыкъ, 8-го января, 8³/₄ ч. вечера".

2) Генералъ-лейтенанту Скобелеву (съ ординардцемъ).

„Сейчасъ получилъ записку Струкова отъ 8¹/₂ вечера 7-го января. Поспѣши занять Адріанополь, если возможно, немедленно, хотя небольшимъ самостоятельнымъ отрядомъ. Поздравляю тебя съ бриллiантовою шпагою съ надписью: „За переходъ черезъ Балканы". Казанлыкъ, 8-го января, 9 ч. вечера" [1]).

3) Генералу-отъ-инфантеріи Радецкому (съ ординардцемъ):

„Струковъ доноситъ отъ 8¹/₂ вечера 7-го января изъ Мустафа-Паши: въ Адріанополѣ паника, губернаторъ и войска бѣжали, начался пожаръ и безпорядки. Склады пороха и снарядовъ взорваны на воздухъ. Пять лицъ разныхъ націй выѣхали къ Струкову, прося занять городъ и возстановить порядокъ. Спѣшите, насколько возможно, въ Адріанополь, руководствуясь отношеніемъ начальника полевого штаба, посланнымъ вамъ вчера. Скобелеву я приказалъ возможно скорѣе двинуть въ Адріанополь хотя небольшой самостоятельный отрядъ. О времени вступленія вашего въ Адріанополь донесите мнѣ съ тѣмъ же ординарцемъ, который привезетъ эту записку. Казанлыкъ, 8-го января, 9 ч. вечера".

4) Государю:

„Струковъ доноситъ отъ 8¹/₂ ч. вечера 7-го января изъ Мустафа-Паши: въ Адріанополѣ паника, начавшаяся еще со времени моего перехода черезъ Балканы, усилившаяся по занятіи Трнова и Херманли и дошедшая теперь до того, что губернаторъ и войска бѣжали, склады пороха и зарядовъ взорваны. Струковъ самъ слышалъ взрывъ. Начался пожаръ и безпорядки. Пять лицъ разныхъ націй выѣхали къ Струкову съ просьбою поспѣшить въ Адріанополь, для водворенія порядка. Я сейчасъ послалъ Скобелеву 2-му приказаніе занять немедленно Адріанополь самостоятельнымъ отрядомъ, если это извѣстіе вѣрно. Радецкому тоже приказалъ поспѣшить въ Адріанополь отъ Ямболи. Казанлыкъ, 8-го января, 9 ч. вечера".

М. ГАЗЕНКАМПФЪ.

---

[1]) Депеша эта оказалась запоздавшею; въ это время Адріанополь уже былъ занятъ Струковымъ.

НЕПОКОРНЫЙ

„L'indocile“, par Edouard Rod. Paris. 1905.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Валентинъ одѣлся, не спѣша; онъ смотрѣлъ въ окно, чтобы запечатлѣть въ памяти знакомый видъ, съ которымъ онъ разставался: вытянувшіяся кверху деревья съ потемнѣвшими стволами, словно истощенныя ихъ стремленіемъ къ солнцу, обвитыя плющомъ стѣны, составлявшія границы прямоугольныхъ садиковъ, кусты букса и верескледа, тощія лужайки, задворки домовъ улицы Grands-Augustins, гдѣ служанки съ засученными рукавами выколачивали ковры.

Онъ любилъ этотъ уголокъ Парижа, свою комнату-мансарду, съ выходившимъ на крыши балкономъ-окномъ, старый домъ улицы Séguier, откуда Валентинъ спускался почти прямымъ путемъ на набережную, гдѣ всѣ букинисты хорошо его знали.

Онъ былъ маленькаго роста, хрупкаго сложенія, съ выпуклымъ лбомъ подъ каштановыми негустыми волосами, съ тонкимъ сжатымъ ртомъ, чуть-чуть оттѣненнымъ рыжеватымъ пушкомъ. Близорукость, освободившая его отъ военной службы, заставляла его носить pince-nez, отъ чего его сѣрые глаза казались больше. Руки у него были худощавыя, блѣдныя, всегда горячія и чрезвычайно неловкія. Обычнымъ выраженіемъ его очень подвижного лица было изумленіе, легко принимавшее оттѣнокъ негодованія или возмущенія. Въ такихъ случаяхъ оно отражало собою внутреннюю бурю, вызванную сложными и сильными ощу-

щеніями, постоянно сдерживаемыми и постоянно рвущимися наружу.

Грусть одиночества, горькое сознаніе своей зависимости и бѣдности, язва нелегальнаго рожденія,—все это обострялось черезчуръ живымъ воображеніемъ, негодованіемъ противъ общественной несправедливости, усиливающей зло закоренѣлою строгостью своихъ предразсудковъ. Въ немъ тлѣлъ сдержанный гнѣвъ противъ жестокости людей, эксплоатирующихъ людскія бѣдствія въ силу своего тщеславія, выгоды или самовластія.

Валентинъ два раза срѣзался на пріемныхъ экзаменахъ въ „Ecole Normale", къ соблазну дяди своего, Альсида Делемона, фабриканта бутылокъ, на иждивеніи котораго онъ состоялъ.

— Милый другъ, — объявилъ ему при первой неудачѣ фабрикантъ,—когда человѣку предстоитъ пробить себѣ дорогу въ жизни, нельзя проваливаться на экзаменахъ. При твоихъ способностяхъ это прямо непростительно.

Дѣйствительно, Валентину стоило только захотѣть. Но что ему было дѣлать, если интересъ къ тому, чего не преподавали въ школѣ, толкалъ его за предѣлы программы, въ сторону отъ проторенныхъ дорогъ? Онъ занимался, обладалъ большими свѣдѣніями, чѣмъ его товарищи, имѣлъ свои собственныя мысли, но пренебрегалъ систематическою подготовкой, этой ходячею монетою успѣха на конкурсахъ и экзаменахъ.

Уже въ лицеѣ на его бюллетеняхъ значилось: „Способный ученикъ, мало занимается. Склонный къ фантазіямъ, непокорный умъ"—и другія помѣтки въ томъ же родѣ. Получая ихъ, дядя Делемонъ ворчалъ. При второй неудачѣ онъ прямо разсердился.

— Почему ты настаиваешь, чортъ возьми, на ученьи, если оно тебѣ не дается? Я говорилъ тебѣ: лучше сдѣлаться хорошимъ рабочимъ, чѣмъ неудачникомъ-студентомъ.

Но, помня о привязанности къ сиротѣ - племяннику дочери своей Алисы, умершей трагическою смертью, дядя ограничился этими упреками, и, несмотря на тяжелыя времена, онъ въ память ея строго выполнилъ свое обѣщаніе помогать Валентину до дня его совершеннолѣтія, совпавшаго съ проваломъ юноши на экзаменѣ. Съ этого дня помощь прекратилась; Делемонъ и самъ едва сводилъ концы съ концами и, съ грустью думая о конкурренціи, о требованіяхъ рабочихъ, объ уменьшеніи барышей, предвидѣлъ, что карьера его сведется къ тому первоначальному нулю, съ котораго она началась и которымъ онъ такъ гордился.

У Валентина оставался капиталецъ его матери, очень скоро растаявшій въ его рукахъ, и онъ уже начиналъ тревожиться о

завтрашнемъ днѣ, когда другой его дядя—Романешъ—предложилъ ему мѣсто наставника у г. Фрюмзеля, главы знаменитой фирмы шампанскихъ винъ „Фрюмзель и К°". Фрюмзель удесятерилъ ея обороты, пустивъ въ продажу, на ряду съ дорогими винами,—„шампанское для всѣхъ".

Валентинъ предпочелъ бы сотрудничество въ газетахъ; онъ находилъ, что дядя его, только-что принявшій на себя редактированіе „Равенства", могъ бы открыть ему страницы этого органа, борца за право всѣхъ, ставшихъ со дня рожденія жертвами соціальной несправедливости и предразсудковъ.

Но неподкупный и осторожный депутатъ не желалъ вторженія семьи въ свою карьеру. Его четыре сына шли своимъ путемъ, вдали отъ политики, благосклонной къ своимъ избранникамъ. Его преслѣдовали призраки сыновей, зятьевъ, жадныхъ или расточительныхъ племянниковъ, вовлекающихъ отцовъ и дядей въ опасныя „панамы". Жена упрекала его за безкорыстіе, превратившееся у него въ манію, но онъ, выставивъ впередъ бороду, отвѣчалъ ей съ увѣренностью, придававшей его малѣйшимъ словамъ торжественность изреченій оракула:

— Непотизмъ—бичъ современной демократіи. Первый долгъ общественнаго дѣятеля—отрѣшеніе отъ него. Я не смѣшиваю интересовъ моей семьи съ интересами государства.

Эта независимость пріобрѣла Романешу уваженіе всѣхъ, считающихъ честолюбіе безкорыстнымъ, если оно отказывается отъ денежныхъ выгодъ, и ненависть тѣхъ, кому сосѣдство неподкупнаго человѣка мѣшало обдѣлывать дѣла. Подъ вліяніемъ дяди Валентинъ скоро согласился. Романешъ совѣтовалъ ему воспользоваться пребываніемъ у г. Фрюмзеля для того, чтобы подготовить диссертацію. Когда онъ сдастъ экзаменъ, будущность его обезпечена. Валентинъ попробовалъ-было заикнуться относительно журналистики.

Дядя, нахмуривъ брови, отвѣтилъ самымъ сухимъ тономъ:

— Въ твои годы не о чемъ писать. Если у тебя есть талантъ, ты въ подходящую минуту выйдешь на должный путь.

Въ комнатѣ уже вѣяло грустью отъѣзда: съ бѣлыхъ полокъ исчезли книги; въ стѣнѣ блестѣли головки гвоздей, на которыхъ еще вчера висѣли фотографіи любимыхъ картинъ Валентина: Пюви-де-Шаванна, Родэна, Эжена Каррьера. Несмотря на свѣжесть сентябрьскаго утра, Валентинъ въ одномъ жилетѣ вышелъ на балконъ—родъ садика съ вьющимися вокругъ перилъ растеніями, горшками хризантемъ съ массою бутоновъ, зеленѣющими и цвѣтущими растеніями. Тутъ же находилась клѣтка со сквор-

цомъ. Садикъ содержался въ порядкѣ и аккуратно поливался, не взирая на презрительное отношеніе Урбэна Луртье, каждый разъ восклицавшаго при входѣ:

— Когда же ты наконецъ перестанешь быть красной дѣвушкой?

Валентинъ посмотрѣлъ на свои цвѣты и улыбнулся имъ. Сейчасъ за ними пришлютъ. Онъ предложилъ ихъ г-жѣ Луртье, родственницѣ Урбэна, и ранѣе, чѣмъ мать ея успѣла отвѣтить, Паула-Андреа обѣщала заботиться о нихъ. Угадала ли она, что онъ оставляетъ ихъ ей, ей одной? Не думала ли она, также какъ и онъ, что это послужитъ нѣкоторою связью между ними? Быть можетъ, сейчасъ, во время прощальнаго визита, ему посчастливится застать ее одну — въ квартиркѣ улицы Tâcherie, сообщающейся съ лавкою, гдѣ въ клѣткахъ щебечутъ птицы.

Валентинъ обернулся къ скворцу.

— А что съ тобою будетъ, бѣдняжка?

Невозможно подарить его г-жѣ Луртье; притомъ Паула-Андреа, любившая цвѣты, терпѣть не могла животныхъ. Казалось, что скворецъ подозрѣваетъ о перемѣнѣ въ своей судьбѣ: онъ прыгалъ съ перекладины на перекладину, поднималъ кверху клювъ, щебеталъ, охорашивался. Сколько разъ у молодого человѣка являлось желаніе вернуть ему свободу. Но узникъ былъ такъ милъ, такъ веселъ порою въ своей тюрьмѣ, легкомысленно утѣшившись въ потерѣ подруги, у которой онъ однажды выщипалъ всѣ перья, что у Валентина не хватило духу съ нимъ разстаться. Если скворецъ надоѣдалъ ему своимъ пѣніемъ, онъ безцеремонно прерывалъ его, накидывая на клѣтку платокъ, и сравнивалъ себя съ „вершителями судебъ“, столь же самовластно распоряжающимися чужою участью.

— Вѣдь онъ — птица, — говорилъ онъ въ свое извиненіе, хотя логика отвѣчала: — Это еще не причина, чтобы держать его въ тюрьмѣ! — Теперь у него явилась возможность очистить свою совѣсть. Онъ откроетъ клѣтку, скворецъ взлетитъ высоко-высоко; онъ совьетъ себѣ гнѣздо на старомъ деревѣ или улетитъ въ лѣса.

— Ты будешь свободенъ, — обратился онъ къ птичкѣ, — а я — никогда. Для насъ цѣлый міръ — клѣтка. У тебя есть крылья, у насъ — только желанія. Ты будешь свободенъ, какъ звукъ, свѣтъ и вѣтеръ, а я стану ѣсть хлѣбъ г. Фрюмзеля, спать подъ его кровомъ, учить уму-разуму его сына. Не улетѣть мнѣ туда, куда захочется. И такъ будетъ всегда, всегда...

Онъ просунулъ руку въ клѣтку. Птичка далась ему въ руки

безъ труда; онъ нѣжно поцѣловалъ ее въ спинку и головку, между тѣмъ какъ она поглядывала на него живыми, блестящими глазками.

— Ты улетишь, крошка... Ты будешь свободенъ. Понимаешь ли ты это?

Онъ открылъ руку. Птица взмахнула крылышками и полетѣла, сначала—все прямо, словно опьяненная воздухомъ и полетомъ, затѣмъ она повернула назадъ, описывая зигзаги и испуская тревожные крики; казалось, она не узнавала дороги. Наконецъ она опустилась на акацію, но тутъ послышалось сердитое чириканье: цѣлая стая воробьевъ накинулась на пришельца, обратившагося, подобно злоумышленнику, въ бѣгство.

„На деревѣ было достаточно мѣста для всѣхъ, — подумалъ Валентинъ:—чѣмъ онъ помѣшалъ этимъ буржуа?"

Скворецъ продолжалъ летать; онъ то опускался, то поднимался, усталый, встревоженный: казалось, что и на свободѣ онъ продолжалъ чувствовать себя плѣнникомъ. На секунду онъ присѣлъ на перекладину балкона, но когда Валентинъ протянулъ къ нему руку, онъ вспорхнулъ и, слетѣвъ на дорожку, принялся что-то клевать. Но тутъ скрывавшійся въ кустахъ котъ кинулся на него: крики, прыжокъ, ловкій ударъ лапою—и котъ исчезъ со своей добычей...

Валентину, потрясенному жестокостью столь быстро разыгравшейся на его глазахъ драмы, казалось, что онъ былъ свидѣтелемъ убійства. „Какъ!—думалъ онъ:—передъ нимъ лежалъ открытымъ безграничный просторъ, но таинственная сила невидимыми нитями удерживала его по близости отъ его клѣтки, и онъ кончилъ бы тѣмъ, что вернулся въ нее, если бы не оказался въ когтяхъ у кошки! Неужели такъ трудно быть свободнымъ? Неужели одна лишь смерть можетъ порвать узы рабства, жертвою которыхъ является все живущее?"

II.

Самымъ удобнымъ временемъ для посѣщенія семьи Луртье былъ вечеръ: послѣ закрытія лавки, всѣ собирались въ комнатѣ на антресоляхъ, служившей гостиною и столовою. Отецъ дремалъ; будучи лакомкой, онъ съѣдалъ лишнее, и его начинало клонить ко сну. Служанка Анжелика, непомѣрно толстая, несмотря на свою молодость, краснощекая, съ бѣлыми зубами и плутовскими глазками, шумно убирала со стола и стучала по-

судою на кухнѣ; г-жа Луртье помогала ей по хозяйству, и Паулѣ-Андреа приходилось занимать гостя. Это были чудныя минуты, и мнѣнія молодыхъ людей почти всегда сходились. Послѣ ухода Анжелики съ ея мужемъ, городскимъ сержантомъ, г-жа Луртье присоединялась къ нимъ; Луртье просыпался, потягивался, и интересный разговоръ прерывался, такъ какъ хозяинъ говорилъ только о своей торговлѣ, о болѣзни своихъ попугаевъ, о какой-нибудь рѣдкой ихъ породѣ — сюжеты мало привлекательные для двадцатилѣтняго студента, для котораго „не было чуждо ничто человѣческое“. Паула-Андреа, не терпѣвшая торговли, занималась какимъ-нибудь изящнымъ вышиваньемъ или играла подъ сурдинку ноктюрны Шопена, которымъ отецъ ея предпочиталъ веселый вальсъ.

Валентину хотѣлось бы провести такимъ образомъ и послѣдній вечеръ, но, къ сожалѣнію, оба друга его, Клодъ и Урбэнъ, рѣшили, что они обѣдаютъ втроемъ, а дружба имѣетъ свои тиранническія права.

Валентинъ засталъ семью за кофе. Когда онъ заявилъ, что пришелъ проститься, ему показалось, что ручка молодой дѣвушки слегка дрогнула въ его рукѣ.

Г-жа Луртье сказала: — „Уже?“ — Торговецъ птицами что-то промычалъ, и наступило краткое молчаніе.

У Аженора Луртье было широкое, кирпичнаго цвѣта лицо, отвислыя щеки, толстый животъ, короткая шея и узкій лобъ; усы его еще не посѣдѣли и въ волосахъ лишь кое-гдѣ пробивалась сѣдина. Торговлю свою онъ получилъ въ приданое за женою, и его единственнымъ честолюбіемъ было — скопить для дочери сумму денегъ, двойную противъ той, которую принесла въ приданое ея мать. Самъ онъ мечталъ пріобрѣсти на старости лѣтъ клочокъ земли гдѣ-нибудь въ предмѣстьѣ и скромную пожизненную ренту. Сообразно съ этою программою складывались всѣ его политическія убѣжденія и общественные взгляды. Жена во всемъ раздѣляла ее. Несмотря на болѣзнь печени, отъ которой она не лечилась, она вела конторскія книги и отлично готовила, управляясь съ домашнимъ хозяйствомъ при помощи Анжелики.

Они сдѣлали ошибку, давъ своей дочери хорошее воспитаніе. Молодая дѣвушка почувствовала отвращеніе къ отцовской лавкѣ, но старалась скрывать его, боясь огорчить родителей и опасаясь также, что они вздумаютъ помѣшать ея планамъ. Она вела замкнутую жизнь, никого не допуская въ свой внутренній міръ. Отецъ ея, любившій поговорить, жаловался порою:

— Голоса ея не услышишь, — не знаешь, о чемъ она думаетъ?

Съ перваго же взгляда, несмотря на неловко сшитыя платья, ее можно было назвать хорошенькой. Густые свѣтлые, съ рыжеватыми отливами, волосы увѣнчивали ея головку изящною короною; цвѣтъ лица у нея былъ очень бѣлый, почти прозрачный; красивый лобъ, тонко очерченный ротъ и глаза—почти того же оттѣнка, какъ и волосы—съ золотистыми искорками. Дружба ея съ подругами по пансіону оказалась недолговѣчною, въ виду рѣзкаго различія въ ихъ общественномъ положеніи. Это были дочери врачей, профессоровъ, членовъ суда, представителей либеральныхъ профессій, и, побывавъ въ ихъ изящной домашней обстановкѣ, молодая дѣвушка выносила оттуда стремленіе къ комфорту, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ отцовской лавкѣ и твердымъ намѣреніемъ вырваться оттуда. Она поняла, что единственнымъ исходомъ является для нея бракъ съ однимъ изъ двухъ молодыхъ людей, посѣщавшихъ ихъ домъ. Валентинъ былъ ей симпатичнѣе, но желаніе уйти изъ этой обстановки было такъ велико, что оно предохранило ее даже отъ молодого увлеченія; не будучи кокеткою, она вела двойную игру, поощряя обоихъ претендентовъ. Отецъ, понявшій, что его собственная комбинація—выдать ее за приказчика — неосуществима, отказалъ ему, но Валентинъ, по его мнѣнію, годился только „про запасъ“, и онъ не особенно сожалѣлъ объ его отъѣздѣ.

Принимая изъ рукъ г-жи Луртье чашку кофе, Валентинъ, стараясь уловить взглядъ дѣвушки, сказалъ со вздохомъ:

— Это уже послѣдняя—надолго, по крайней мѣрѣ.

— Само собою, если вы завтра уѣзжаете, — философски отвѣтилъ торговецъ птицами, и прибавилъ, помолчавъ:—А куда же вы ѣдете?

Г-жа Луртье отвѣтила за Валентина:

— Въ Реймсъ, мой другъ, развѣ ты не помнишь?

— Вѣрно, вѣрно... Вылетѣло у меня изъ головы... Столько дѣла—всего не упомнишь...

Обиженному Валентину пришлось повторить исторію его учительства. Луртье, откинувшійся на спинку кресла со сложенными на животѣ руками, счелъ нужнымъ сказать нѣсколько одобрительныхъ словъ. Въ сущности онъ не совсѣмъ понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло? Вотъ тоже и Урбэнъ: задумалъ для чего-то ѣхать въ Римъ, даромъ тратить время. На мѣстѣ молодежи онъ поспѣшилъ бы закончить свое образованіе для того, чтобы устроиться... вѣдь для этого, ради устройства своей судьбы, люди учатся?

Устроиться на хорошемъ правительственномъ мѣстечкѣ и—дѣло въ шляпѣ.

— Я не спѣшу съ поступленіемъ на службу!—воскликнулъ Валентинъ.

— А почему бы нѣтъ? Чѣмъ раньше начнешь, тѣмъ лучше. Все равно что раннее вставанье.

Не смѣя ему противорѣчить, Валентинъ сослался на желаніе дяди Романеша, и передъ этимъ авторитетомъ Луртье немедленно преклонился. Конечно, если имѣешь такого дядю, остается только слушаться его. Борясь съ дремотою, онъ продолжалъ:

— Умный человѣкъ; знаетъ, чего хочетъ. Одинъ изъ вожаковъ. Куда собственно онъ насъ ведетъ — не знаю, да онъ пожалуй и самъ не знаетъ, а все-таки ведетъ... Современемъ онъ и васъ пристроитъ къ дѣлу.

Валентинъ, беззаботный относительно своей карьеры, отвѣтилъ:

— Надо посмотрѣть свѣтъ. Будь я такимъ блестящимъ ученикомъ, какъ Урбэнъ, я путешествовалъ бы на казенный счетъ;—теперь приходится ѣхать на свой собственный.

Онъ сказалъ это безъ всякой горечи; онъ не презиралъ себя за малоуспѣшность,—въ дѣйствительности онъ даже гордился тѣмъ, что не прибѣгаетъ къ щедротамъ министерства, но, боясь произвести дурное впечатлѣніе, онъ не рѣшался высказывать подобныя мысли въ этой черезчуръ буржуазной средѣ.

— И безъ капитала и стипендій можно сдѣлаться человѣкомъ,—снисходительно замѣтила г-жа Луртье, и тотчасъ же сама испугалась своихъ революціонныхъ словъ.

Паула-Андреа взялась за вышиванье, Луртье закрылъ глаза; мать продолжала:

— Урбэнъ остался очень доволенъ своей первой поѣздкой въ Римъ; онъ много тамъ работалъ, и теперь снова туда ѣдетъ. Намъ будетъ недоставать его.

— Никто теперь не станетъ вамъ надоѣдать,—сказалъ Валентинъ съ дѣланною безпечностью, и Паула-Андреа отвѣтила ему быстрымъ протестующимъ взглядомъ. Раздался храпъ: Луртье спалъ, свѣсивъ голову на бокъ.

— Папа уѣхалъ,—сказала дѣвушка съ улыбкой, и въ ту же секунду задребезжалъ, не разбудившій однако спящаго, электрическій звонокъ. Г-жа Луртье сошла въ магазинъ.

Храпѣніе Луртье смущало Валентина, упускавшаго желанныя минуты; у него стучало сердце, захватывало духъ, но эти безжалостные, пошлые звуки парализовали его порывъ. Паула-Андреа

склонялась надъ вышиваньемъ, и лишь чуть замѣтная дрожь вѣкъ выдавала ея волненіе.

Случайно, съ разсчетомъ ли, но клубокъ синей бумаги скатился подъ столъ. Валентинъ кинулся поднять его. Она проговорила церемонно:

— Благодарю васъ.

Валентинъ, стоя возлѣ нея, разсматривалъ работу.

— Это русское вышиванье, не такъ ли?

— Да, полоса для скатерти.

— Я уѣзжаю, — сказалъ Валентинъ, — уѣзжаю потому, что тамъ лучше, какъ я уже объяснилъ вашему отцу, но, но...

Иголка задвигалась быстрѣе, нитка порвалась, Паула-Андреа перестала шить.

— Если бы вы знали, какъ я сожалѣю, какъ грущу... Мнѣ кажется, что я все теряю...

Дѣвушка бросила на него быстрый взглядъ и слегка покраснѣла.

— Парижъ такъ дорогъ вамъ?

— Не Парижъ; можно жить гдѣ угодно! — воскликнулъ онъ, ободренный, — но если бы я только могъ надѣяться, что не буду совсѣмъ забытъ... Есть дурная пословица: „съ глазъ вонъ — изъ сердца"...

Онъ не докончилъ: въ комнату поспѣшно входила г-жа Луртье.

— Нужно разбудить Луртье: крупные заказчики изъ провинціи...

Она принялась будить мужа, который мычалъ и не хотѣлъ просыпаться. Валентинъ понялъ, что разговору конецъ.

— До свиданія, m-me Луртье; до свиданія, mademoiselle.

Мать отвѣтила безъ особаго увлеченія:

— Прощайте, мосьё Валентинъ, счастливаго пути и успѣха!

Дочь прибавила:

— Но вѣдь вы будете пріѣзжать въ Парижъ? Не забывайте насъ.

Валентинъ страстно воскликнулъ:

— О, да, я буду часто пріѣзжать!

Обѣ онѣ проводили его до лѣстницы. Въ магазинѣ, гдѣ Луртье разговаривалъ уже съ покупателемъ, хозяинъ разсѣянно сунулъ ему руку, проговоривъ:

— Прощайте, мосьё Валентинъ, счастливаго пути.

III.

Осуществивъ свою мечту, молодой человѣкъ рѣшилъ посвятить остатокъ дня родственнымъ визитамъ, и потому отправился съ пароходомъ-ласточкой въ Сенъ-Жерменъ, къ дядѣ Делемону. Паула-Андреа не выходила у него изъ головы, но по мѣрѣ того, какъ исчезали изъ виду башни Notre-Dame и куполъ Института, одушевленіе его падало и разумъ вступалъ въ свои права. Никогда Луртье не отдастъ ему, бѣдняку и незаконнорожденному, своей дочери.

Какъ ни былъ онъ озабоченъ, онъ не могъ не замѣтить, что дѣла на стеклянномъ заводѣ пришли въ упадокъ, о чемъ свидѣтельствовали облупившійся фасадъ жилого дома, небрежное отношеніе рабочихъ къ дѣлу, озабоченность дяди Делемона, сидѣвшаго въ конторѣ за счетами, отъ которыхъ онъ оторвался лишь для того, чтобы разсѣянно пожелать ему счастливаго пути.

Во дворѣ Валентину встрѣтился гигантъ Сутръ, мужъ его кузины Эстеллы; онъ заявилъ, что ея, „какъ всегда", нѣтъ дома, и обѣщалъ передать ей его прощальный привѣтъ. Валентину вспомнился его первый пріѣздъ сюда послѣ смерти его матери, побѣдоносный видъ дяди, цвѣтущее состояніе фабрики, его собственныя опасенія сдѣлаться рабочимъ, доброта Алисы, на которую онъ перенесъ всю свою нѣжность. Вспомнилась ему и трагическая смерть Алисы на свадьбѣ Эстеллы и Сутра. Когда-то его глубоко возмущалъ, какъ величайшая несправедливость судьбы, этотъ безсмысленный, предназначавшійся не ей выстрѣлъ, но теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, ему впервые пришло въ голову, что для бѣдной Алисы лучше было умереть, нежели терзаться страданіями живыхъ людей. Мало надѣясь на будущее, онъ повторилъ самое безнадежное слово, когда-либо вырванное наукою жизни у людского страданія: „тѣ, кого любятъ боги— умираютъ молодыми".

У Романешей ему отворила дверь сама тетка, проведшая его въ столовую, такъ какъ въ гостиной уже сидѣло трое избирателей. Добрая и простая, не получившая почти никакого образованія, она, тѣмъ не менѣе, была прекрасною помощницею мужу. Ея вѣра въ него, ея благоговѣніе предъ нимъ были безграничны и не знали преградъ. Говорилъ ли кто-нибудь о грозящихъ республикѣ опасностяхъ, она отвѣчала: „Максимильенъ сумѣетъ ее защитить!" Подвергалась ли критикѣ умственная ограниченность или неспособность членовъ парламента, она вос-

клицала: „Но вѣдь среди нихъ Максъ!“—И это произносилось съ такою наивною увѣренностью, что производило впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, оно служило доказательствомъ, что, неуязвимый въ качествѣ общественнаго дѣятеля, Романешъ и въ своей частной жизни былъ образцомъ добродѣтели.

По уходѣ посѣтителей, Романешъ вышелъ къ племяннику въ своемъ обычномъ широкомъ черномъ сюртукѣ. Его высокій, лысѣющій лобъ съ впалыми висками и хмурое лицо пріобрѣли съ годами властный характеръ. Онъ держалъ голову кверху, такъ что его сѣдая жесткая бородка заканчивалась почти прямымъ угломъ. Ротъ его подъ коротко остриженными усами имѣлъ сварливое выраженіе, которое еще болѣе подчеркивалось двумя прямоугольными морщинами. Во взорѣ теплился властный огонекъ, оживлявшій это холодно-рѣшительное лицо.

Онъ разсѣянно поздоровался съ племянникомъ и выразилъ надежду, что тотъ не станетъ терять даромъ время. При вступленіи въ жизнь надо дорожить каждымъ часомъ. Принадлежитъ ли онъ къ какому-нибудь изъ кружковъ сознательной молодежи?

— Я знакомъ съ нѣкоторыми изъ нихъ и посѣщалъ ихъ собранія. Но ихъ воззрѣнія не сходятся съ моими.

Романешъ разсердился. Какія у него могутъ быть воззрѣнія? Въ его годы полагается быть солидарнымъ съ товарищами.

Валентинъ счелъ слова дяди вторженіемъ въ ту область, которую онъ считалъ своею собственной, ревниво оберегая ее отъ посторонняго вмѣшательства.

— У меня есть пріятель чартистъ, Урбэнъ Луртье, который думаетъ то же, что и вы, дядя. Онъ состоитъ членомъ всѣхъ анти-клерикальныхъ, соціалистическихъ, радикальныхъ и другихъ существующихъ въ университетѣ комитетовъ.

— Это прекрасно; не мѣшаетъ и тебѣ послѣдовать его примѣру,—прервалъ Романешъ.

— Но у меня есть другой пріятель, по имени Клодъ Бреванъ, такой же демократъ и республиканецъ, какъ и Луртье. Онъ также вѣритъ въ плодотворность общей работы. Но онъ—католикъ, и состоитъ членомъ „Борозды“.

— Страннаго друга выбралъ ты себѣ!

— Оба мои пріятеля далеко стоятъ другъ отъ друга,—отвѣтилъ Валентинъ съ хладнокровіемъ, въ которомъ чувствовался проблескъ ироніи,—такъ какъ одинъ желаетъ прогнать поповъ, а другой на нихъ надѣется. И тѣмъ не менѣе, каждый изъ нихъ опредѣляетъ свои воззрѣнія однимъ и тѣмъ же словомъ

„дѣло", говоритъ о немъ съ одинаковымъ жаромъ, желаетъ посвятить ему всю жизнь...

— А ты?

— Я стою одинаково далеко отъ обоихъ.

По мѣрѣ того какъ подвигался допросъ, Романешъ дѣлался внимательнѣе. Въ отвѣтахъ племянника онъ находилъ оттѣнокъ анархизма, въ которомъ ищутъ убѣжища черезчуръ свободолюбивые люди, не выносящіе деспотическаго партійнаго гнета. Онъ не рѣшился, однако, высказать вслухъ этого опредѣленія: ярлыкъ казался ему не менѣе опаснымъ, чѣмъ самый ядъ.

— Это плохо,—сказалъ онъ рѣзко:—молодой человѣкъ не долженъ быть индивидуалистомъ. Склонись ты въ сторону твоего друга-клерикала, я просто бы отрекся отъ тебя. Къ счастью, это не такъ, и потому я говорю тебѣ: въ антирелигіозномъ юношествѣ есть нѣчто, тебѣ неправящееся? Пускай! Все-таки, лишь тамъ зрѣетъ и слагается демократія будущаго.

Валентинъ не возражалъ, и дядя, думая, что убѣдилъ его, сталъ говорить о предстоящей ему въ провинціи плодотворной работѣ. Какую массу предразсудковъ нужно тамъ вырвать съ корнемъ! Они стоятъ на пути прогресса, подобно воздвигнутымъ рутиною баррикадамъ. Фрюмзель—человѣкъ передовой, но онъ слишкомъ богатъ, а легче верблюду... Образъ этотъ, хотя и библейскій, очень вѣренъ. Валентинъ можетъ на него повліять, несмотря на свою молодость,—именно она творитъ порою чудеса. Взоры всей страны устремлены на учащуюся молодежь, питомцевъ демократіи, носителей ея принциповъ.

— Оглядись вокругъ себя, мой другъ,—перешелъ онъ на болѣе дружескій тонъ:—намъ, вождямъ движенія, необходимо знать нашихъ друзей и враговъ. Армія, идя въ бой, не можетъ обойтись безъ развѣдчиковъ. Тебѣ предстоитъ выполнить благородную, щекотливую, правда, но важную задачу... По возвращеніи, ты кое-что сообщишь мнѣ...

Голосъ его возвышался, глаза загорались страстнымъ одушевленіемъ фанатика, неуклонно идущаго къ своей цѣли. Но жена прервала его, доложивъ о приходѣ г. Годесберга, извѣстнаго финансиста.

Валентину вспомнилось, что еще въ Римѣ богачи ссужали своими деньгами демагоговъ.

IV.

Трое друзей условились встрѣтиться въ новомъ ресторанѣ улицы Ecole de Médecine, чистомъ и просторномъ, не похожемъ на старинные трактирчики. Если бы не извѣстная свобода обращенія, можно было бы счесть его за обыкновенный „буржуазный“ ресторанчикъ.

Валентинъ немного запоздалъ; Урбэнъ, аккуратность котораго доходила до маніи, ожидалъ его за однимъ изъ ближайшихъ столовъ, погруженный въ чтеніе „Равенства“.

Это былъ коренастый, широкоплечій здоровякъ, съ лицомъ, окаймленнымъ черною вѣерообразною бородою; подъ негустыми волосами того же цвѣта можно было разсмотрѣть странныя очертанія черепа съ острыми краями, въ которомъ мысли должны были накопляться, подобно пыли въ углахъ. Крупныя черты, низкій лобъ, тяжелая челюсть—гармонировали съ упорнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ. Онъ говорилъ отрывисто, категорическимъ тономъ, и глаза его загорались, въ голосѣ слышались раскаты,—словомъ, онъ уже готовился возражать противнику. Будучи сыномъ плотника изъ Клермонъ-Феррана, онъ пошелъ бы по стопамъ отца, если бы неожиданное наслѣдство не позволило ему поступить въ высшую школу. Располагая средствами, онъ жилъ скромно, много жертвовалъ на „дѣло“, которому былъ истинно преданъ; но, мечтая содѣйствовать паденію капитализма съ одной стороны, онъ съ другой стороны помѣщалъ свои деньги въ солидныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, и вообще умѣлъ постоять за свои интересы. Недостатокъ образованія нѣсколько стѣснялъ его,—поэтому онъ предпочиталъ дружить съ младшими товарищами, вродѣ Валентина, по отношенію къ которому онъ порою принималъ покровительственный тонъ.

Урбэнъ встрѣтилъ пріятеля выговоромъ за опозданіе, но и тутъ имя Романеша возымѣло обычное свое магическое дѣйствіе; лицо Урбэна выразило благоговѣйное вниманіе.

— Ты видѣлъ его? Онъ говорилъ съ тобою? О чемъ?

— Онъ давалъ мнѣ довольно странные совѣты,—отвѣтилъ Валентинъ, которому, по мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ о нихъ, они все менѣе и менѣе нравились,—тебѣ извѣстны мои взгляды: больше всего я ненавижу тираннію, откуда бы она ни исходила, принужденіе, насильственныя мѣры..

Подбородокъ Урбэна дрогнулъ.

— Когда дѣло идетъ о соціальномъ переустройствѣ,—всѣ средства хороши. Вѣдь наши противники пользуются ими.

— Если мы станемъ подражать имъ,—мы окажемся ничуть не лучше ихъ. Соціальное переустройство не зависитъ ни отъ партійныхъ программъ, ни отъ громкихъ рѣчей на митингахъ, но отъ общаго дружнаго усилія людей, требующихъ его.

— Прежде всего нужно уничтожить вредныя растенія, препятствующія ходу прогресса. Прочти-ка вотъ эту статью.

Урбэнъ протягивалъ ему № „Равенства", гдѣ былъ помѣщенъ отчетъ объ отчужденіи имущества въ какомъ-то монастырѣ. Валентинъ пробѣжалъ ее и собирался отвѣчать, когда въ залу вошелъ запыхавшійся Клодъ Бреванъ.

Клодъ былъ стройный блондинъ, маленькаго роста, съ вьющимися волосами, тонкими усиками, нѣжными чертами и бѣлорозовымъ, напоминавшимъ молодую дѣвушку, лицомъ. Подъ этою хрупкою, почти женственною внѣшностью таились, однако, удивительная выносливость, работоспособность и упорная энергія. Будучи старшимъ сыномъ бѣднаго и обремененнаго семьею ліонскаго врача, онъ существовалъ уроками, и въ то же время готовился къ экзамену. Посвящая много времени „Бороздѣ", онъ медленно преуспѣвалъ въ наукахъ, ставя интересы „дѣла" на первый планъ. Цѣлью жизни его было: исполнять свой долгъ, помогать ближнимъ и проводить въ жизнь евангельскіе принципы. Рознь между нимъ и Луртье была слишкомъ глубока, но Валентинъ служилъ имъ соединительнымъ звеномъ. Оба они, столь различные по характеру, убѣжденіямъ и роду дѣятельности, были одинаково привязаны къ этому юношѣ, привлекавшему ихъ своею непосредственностью и живымъ воображеніемъ, причемъ каждый изъ нихъ мечталъ завоевать его для своего „дѣла".

— Едва мнѣ удалось вырваться!—воскликнулъ Клодъ.—Пришлось пропустить засѣданіе, но я вспомнилъ, что ты уѣзжаешь завтра...

— Удивительно, что ты вспомнилъ нѣчто случайное,—замѣтилъ Урбэнъ.

Гарсонъ подалъ карту,—они заказали обѣдъ; Валентинъ спросилъ вина, за что его обозвали сибаритомъ и расточителемъ. Заговорили о близкомъ отъѣздѣ Урбэна въ Римъ, гдѣ онъ, конечно, будетъ не любоваться музеями и церквами, но „готовиться къ борьбѣ". Клодъ уже собирался возразить ему, но Валентинъ поспѣшилъ замять разговоръ, спросивъ Урбэна: давно ли онъ видѣлъ Луизу? Оказалось, что они уже не видятся; это—дѣло конченное, но, разумѣется, онъ поступилъ относи-

тельно ея какъ „порядочный человѣкъ“. Вѣдь онъ ничего ей не обѣщалъ.

Валентину вдругъ сдѣлалось жаль хорошенькую бѣлокурую сентиментальную модисточку. Клодъ, переставшій ѣсть, внутренно возмущался безпринципностью ихъ взаимнаго друга. Урбэнъ, громившій буржуазную мораль, проводилъ, тѣмъ не менѣе, въ жизни ея общепринятые компромиссы не хуже любого буржуа, не желающаго ни портить своей карьеры, ни обуздывать своихъ страстей. Когда подали дессертъ, Клодъ заговорилъ своимъ яснымъ голосомъ:

— Все, что мы видимъ вокругъ себя и въ насъ самихъ— убѣждаетъ меня, что не исправленіемъ существующихъ законовъ, но лишь путемъ самоусовершенствованія мы поднимемъ общественную нравственность.

Это былъ одинъ изъ основныхъ пунктовъ въ программѣ „Борозды“, и онъ всегда приводилъ его въ спорахъ съ друзьями. Каждый изъ нихъ черпалъ изъ извѣстнаго источника тѣ мысли, которыя онъ искренно считалъ своими собственными. Клодъ руководствовался сочиненіями Марка Санье и другихъ христіанъ-демократовъ, а также—собесѣдованіями въ „Бороздѣ“; Урбэнъ— соціалистическими газетами, рѣчами Жорèса и Романѣша, „Капиталомъ“, критическими статьями и комментаріями къ нему. Наиболѣе независимый въ сужденіяхъ, Валентинъ вдохновлялся книгами Штирнера, Бакунина, Крапоткина, Жана Грава.

Урбэнъ, игнорируя намекъ Клода, отвѣтилъ съ улыбкою:

— Странно, что мы оба стоимъ на той же точкѣ отправленія. Совершенно съ тобою согласенъ: нашъ край нуждается именно въ объединеніи.

— Почему это?—возразилъ Валентинъ:—почему необходимы одинаковыя вѣрованія и убѣжденія въ странѣ, состоящей изъ разнородныхъ элементовъ: протестантовъ, католиковъ, евреевъ, кельтовъ, галловъ и еще не знаю изъ кого?

— Послѣ стольких лѣтъ совмѣстнаго существованія, эти элементы должны слиться съ націей; твой федерализмъ неосуществимъ при теперешнемъ соперничествѣ народовъ!—воскликнулъ Урбэнъ.

Бреванъ прибавилъ:

— Единство столь же необходимо для народнаго духа, какъ и для совѣсти людской.

— Я въ восторгѣ отъ того, что вы разъ въ жизни сошлись, хотя, къ сожалѣнію, въ вопросѣ второстепенномъ. Важнѣе всего, чтобы человѣкъ могъ свободно развиваться, а это возможно лишь

при полной, исключающей всякую возможность принужденія, свободѣ,—проговорилъ Валентинъ.

— Ты впадаешь въ идеологію,—прервалъ Урбэнъ;—мы—не утописты à la Бакунинъ, мы чувствуемъ потребность въ объединеніи, мы хотимъ его создать... Ты утверждаешь, Клодъ, что оно существовало въ прошедшемъ? Но такъ какъ отъ старыхъ устоевъ ничего не осталось, мы ищемъ новыхъ, а вы зовете насъ въ развалины. Отсюда—наше разногласіе.

Клодъ отвѣтилъ:

— Мы не можемъ выбирать своихъ устоевъ, какъ не можемъ выбирать родителей, предковъ, родной домъ, отечество. Они—въ нашемъ прошломъ, въ нашей исторіи.

— А откуда они ведутъ свое начало—это наше прошлое, наша исторія?—съ живостью возразилъ Луртье:—отъ Хлодвига, отъ Хильперика, что-ли? Для тебя, такъ какъ ты католикъ, они начинаются съ Карла Великаго, по случаю „Пѣсни о Роландѣ", или—съ крестовыхъ походовъ. Не будь ты вѣрующимъ, ты считалъ бы ихъ началомъ эпоху Возрожденія. А для меня они начинаются съ Революціи, мы—на зарѣ ея второго вѣка. Да здравствуетъ республиканскій календарь!

— Революція все уничтожила и ничего не создала,—сказалъ, разгорячаясь, Клодъ: — мы получили отъ нея въ наслѣдство пустыя фразы, кровавыя воспоминанія, плохую риторику, дурные законы, преступленія...

— Побѣды... Декларацію правъ человѣка...

— Мы уже сто лѣтъ искупаемъ ихъ муками пораженій...

Подбородокъ Урбэна дрожалъ; Клодъ былъ красенъ; къ ихъ спору начинали прислушиваться со стороны. Валентинъ спокойно проговорилъ:

— Я предвижу зарю новой религіи, новыхъ кумировъ, новаго фанатизма. Нѣтъ, вы стóите другъ друга.

— Однако, нужно же во что-нибудь вѣрить! — воскликнулъ Луртье.

И тѣмъ же спокойнымъ голосомъ Валентинъ проговорилъ:

— Не вижу въ этомъ необходимости.

Тутъ Клодъ въ свою очередь вышелъ изъ себя, и двое старшихъ, всегда враждовавшихъ другъ съ другомъ, сообща накинулись на младшаго, возмущавшаго ихъ своимъ нигилизмомъ.

— Несчастный! Ты желаешь, чтобы человѣчество бродило во мракѣ! Вѣра необходима для дѣла, солнце — растеніямъ. И Урбэнъ это признаётъ; онъ только упорствуетъ въ своемъ еван-

геліи ненависти, между тѣмъ какъ мы предлагаемъ ему евангеліе кротости и любви.

— Ты хочешь сказать: покорности? — прибавилъ Валентинъ.—Вотъ добродѣтель, которая меня возмущаетъ!

Его худощавое лицо приняло почти дикое выраженіе, словно онъ намѣревался излить въ спорѣ весь накопившійся въ душѣ его пылъ гнѣва.

— Я не отрицаю величія христіанства,—вмѣшался Луртье, бросивъ тревожный взглядъ въ сторону публики:—оно подготовило индивидуальную свободу совѣсти, создало демократическій идеалъ, и наша партія это признаетъ. Но оно пало, роль его свелась на нѣтъ, отъ него уже нечего ждать.

— И все же оно одно силою любви можетъ разрѣшить столкновеніе личныхъ интересовъ съ общественными...

— Такова ваша формула?

— Нѣтъ, въ ней—рѣшеніе проблемы.

— До чего близко стоите вы другъ къ другу!—воскликнулъ Валентинъ:—вы оба только и думаете о томъ, чтобы обуздать индивидуализмъ, въ которомъ — единственное оправданіе существованія рода человѣческаго. Монархія или республика, аристократія или демократія—не все ли равно, что у насъ будетъ? Я требую, чтобы отдѣльная личность — клѣточка человѣчества, средоточіе вселенной—могла достигнуть высшей точки своего развитія... Знаете ли вы, что всѣ вы—не болѣе какъ рабы, желающіе стать тиранами? Говоря о деспотизмѣ, вы жаждете замѣнить его новымъ насиліемъ, и ваша пресловутая потребность единенія — въ сущности жажда произвола. Я одинъ желаю видѣть человѣчество свободнымъ, побѣдоноснымъ. У васъ есть „дѣло“, у меня его нѣтъ. Я—„единственный“, какъ говоритъ Штирнеръ, и таковымъ я останусь. За мое здоровье!

Онъ вылилъ остатокъ вина изъ полубутылки въ свой стаканъ и залпомъ осушилъ его.

— Ахъ, дружокъ мой, — грустно сказалъ Клодъ, называвшій его этимъ уменьшительнымъ,—почему не можешь ты полюбить своего ближняго?

Онъ всталъ изъ-за стола. Валентинъ тоже поднялся, взоръ его блеснулъ вызовомъ, и онъ почти крикнулъ:

— Нѣтъ у меня ближняго!

На улицѣ молодые люди остановились въ нерѣшимости, не зная, какъ закончить вечеръ. Послѣ каждаго спора они ощущали непріятное чувство отчужденности, предчувствуя, что настанетъ часъ, когда дружба ихъ погибнетъ при столкновеніи ихъ воззрѣній.

Луртье, не устававшій бѣгать по собраніямъ, предложилъ зайти на митингъ соціалистовъ,— вѣдь пріятели никогда не желали послушать „его" ораторовъ. Свѣтлая, расположенная въ видѣ театра зала, залитая электрическимъ свѣтомъ, была уже полна. Если не считать нѣсколькихъ рабочихъ, публика была буржуазная, состоявшая изъ приказчиковъ, чиновниковъ, студентовъ, женщинъ. Назначенный часъ давно уже прошелъ; они ожидали съ изумительнымъ терпѣніемъ, свойственнымъ парижанамъ, которые находятъ удовольствіе въ самомъ сборищѣ, зачастую забывая о цѣли его. Публику постигло, однако, нѣкоторое разочарованіе: изъ двоихъ ораторовъ—„гвоздей" вечера— одинъ не пріѣхалъ по причинѣ гриппа, а другой — вслѣдствіе массы работы. Ихъ замѣнили сенаторъ и депутатъ—ораторы второго разряда. У сенатора—краснолицаго лысаго толстяка—тоже былъ гриппъ, но онъ все же пріѣхалъ, чтобы поощрить своимъ присутствіемъ прогрессивную молодежь, съ чѣмъ онъ себя и поздравилъ. Затѣмъ онъ поздравилъ себя съ услугами, оказанными имъ дѣлу демократіи, поздравилъ свою партію съ ея будущими побѣдами, поздравилъ депутата, согласившагося замѣнить своего товарища, и публику — съ тѣмъ, что она имѣетъ возможность слышать подобнаго оратора. Лекторъ въ свою очередь поздравилъ партію, имѣющую въ своихъ рядахъ подобныхъ людей, и себя самого—съ принадлежностью къ этой партіи. Затѣмъ онъ принялся обличать реакцію, попробовалъ изложить теорію борьбы классовъ, но запутался въ терминахъ, значеніе которыхъ онъ, очевидно, плохо понималъ: „соціальная структура", „комплексъ экономическихъ знаній", „процессъ техники", „идеологія консерваторовъ". Публика апплодировала безъ увлеченія. Луртье страдалъ, замѣчая неуловимую улыбку Клода. Валентинъ, давно уже выказывавшій признаки нетерпѣнія, предложилъ уйти.

Когда они усѣлись въ кофейной за чашкою кофе, Луртье, послѣ нѣкоторой борьбы съ собою, признался, что на этотъ разъ „вышло неудачно".

— Помилуй, чего же тебѣ еще?—воскликнулъ Клодъ:—положимъ, депутатъ—не очень знаменитъ, но сенаторъ уже двадцать лѣтъ засѣдаетъ въ палатѣ и, по всей вѣроятности, будетъ министромъ. Это—наши законодатели, они направляютъ насъ, управляютъ нами, словомъ—царствуютъ.

Урбэнъ возразилъ, что во всѣхъ партіяхъ есть балластъ, и затѣмъ, сообразивъ, что всякая уступка является тактическою ошибкою, онъ принялся защищать сенатора: пусть онъ не обла-

даетъ даромъ слова, но человѣкъ онъ честный и можетъ быть хорошимъ законодателемъ.

— Ты хочешь обмануть самого себя, — сказалъ Клодъ:— этотъ человѣкъ можетъ быть только дуракомъ, ограниченнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ фанатикомъ.

— И тщеславнымъ хвастуномъ,—заключилъ Валентинъ.

Луртье разсердился. Неужели недостатокъ краснорѣчія—преступленіе? Онъ говорилъ справедливыя, хорошія слова, достойныя...

— Осла! И ты понимаешь это не хуже насъ, — прервалъ Клодъ.

Луртье окончательно вышелъ изъ себя. По какому праву они говорятъ ему: „Ты самъ этому не вѣришь?“ Обычный партійный ихъ пріемъ. Тенденціозныя обвиненія.

Клодъ обозлился въ свою очередь.

— Нашъ пріемъ? Вы употребляете его не хуже насъ. Тенденціозныя обвиненія? Вотъ уже десять лѣтъ, какъ вы боретесь противъ насъ этимъ оружіемъ. Мы говоримъ, что мы—католики, а вы кричите:—они не демократы! Мы говоримъ, что мы христіане, а вы кричите: — они не республиканцы! Мы говоримъ, что вѣруемъ въ Бога, а вы кричите:—они хотятъ возстановить монархію!

— Продолжай! — крикнулъ побагровѣвшій Урбэнъ:—пускай въ ходъ единеніе, согласіе, любовь къ ближнему и прочія побрякушки... Я въ первый разъ вижу всю глубину пропасти, которая насъ раздѣляетъ. Ты самъ указалъ мнѣ ее. Сбрось же маску... Продолжай!

— Тише, перестаньте!—прервалъ Валентинъ.—Неужели вы поссоритесь въ нашъ послѣдній вечеръ? Пусть каждый останется при своемъ мнѣніи, и да спасетъ насъ дружба!

Они смолкли, какъ борцы, которыхъ насильно розняли, борцы, еще трепещущіе отъ гнѣва и не могущіе успокоиться. Затѣмъ они заговорили беззвучными голосами, слѣдя за каждымъ своимъ словомъ, и не безъ труда перешли на прежній дружескій тонъ. Но духъ раздора уже пронесся надъ ними. Когда Валентинъ сказалъ на прощанье: „Что бы ни случилось—мы всѣ трое останемся друзьями! До сихъ поръ мы сумѣли сохранить цвѣтъ нашей дружбы, не дадимъ же ему погибнуть!“—оба старшихъ товарища переглянулись подъ вліяніемъ одной и той же мысли: скоро проклятый вѣтеръ засушитъ его — нѣжный цвѣтъ ихъ юности!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Когда Валентинъ занялъ мѣсто въ вагонѣ второго класса, къ пріятной мысли объ отъѣздѣ примѣшалось чувство легкой грусти. Чуть не къ послѣднему звонку прибѣжалъ Клодъ. Они едва успѣли обмѣняться нѣсколькими словами.

— Мнѣ столько нужно было бы сказать тебѣ!

— Ты будешь пріѣзжать? Мы увидимся?

— Надѣюсь. Кланяйся Урбэну. Не слишкомъ ссорьтесь.

— Нѣтъ, нѣтъ... До свиданія.

Въ воздухѣ замахали платки. Изящный силуэтъ Клода слился съ далью. Потянулись большіе дома, трубы съ клубами дыма, пыльныя деревья, участки земли, уже застроенные, и другіе—съ надписью: „продается“, что напомнило Валентину о мечтѣ старика Луртье — зажить на покоѣ. Перемѣнить одну клѣтку на другую... О, еслибы можно было жить день за днемъ, безъ низменныхъ заботъ, распускаться какъ цвѣтокъ въ солнечныхъ лучахъ, бросать мысли, какъ уносимыя вѣтромъ сѣмена, сливаться въ мечтахъ съ цѣлымъ міромъ!

Но вотъ передъ Валентиномъ открылся настоящій загородный просторъ. Потянулись черныя, изрѣзанныя бороздами поля, огороды, и рядомъ съ садиками и домиками—парки и виллы съ вѣковыми деревьями и прудами, деревенскія жилища, тѣснившіяся вокругъ церкви. Далѣе пошли красивые и разнообразные виды, и Валентинъ замечтался о прошедшемъ и будущемъ. Всѣ люди, которыхъ онъ до сихъ поръ зналъ, несмотря на узы родства, были для него въ сущности чужими — добрыми людьми, протягивавшими ему руку помощи и шедшими затѣмъ своею дорогой. Исключеніе составляла одна лишь покойная Алиса. Романешъ—герой его полудѣтскихъ лѣтъ? Фразеръ, нечувствительный ко всему, исключая своего честолюбія. А Паула-Андреа? Нѣтъ, она чужая ему; онъ желалъ бы пріобщить ее къ своей жизни, но вѣдь она — первая встрѣченная имъ женщина. Любовь ли это, или просто — мимолетный ея отблескъ? Какъ знать?

Сосѣдъ-пассажиръ сталъ доставать свой саквояжъ изъ сѣтки. Валентинъ понялъ, что они пріѣхали, и стряхнулъ съ себя полудремоту. Поѣздъ замедлилъ ходъ. Позади завѣсы изъ деревьевъ,

росшихъ по берегу канала, Валентинъ увидѣлъ высокія трубы. На дебаркадерѣ ожидалъ его самъ Фрюмзель.

Это былъ высокій, красивый мужчина съ нѣсколько отяжелѣвшими щеками и сѣдѣющими усами. Въ своемъ элегантномъ черномъ пальто-рединготѣ съ красной ленточкой въ петличкѣ, онъ имѣлъ бодрый энергичный видъ, внушавшій къ нему симпатію.

Онъ запросто протянулъ руку Валентину, церемонно ему поклонившемуся, и подозвалъ ливрейнаго лакея, взявшаго вещи пріѣзжаго.

— Дайте ему и квитанцію отъ багажа.

Они вмѣстѣ двинулись къ выходу. Фрюмзель обмѣнивался по пути поклонами и рукопожатіями. Изящный автомобиль промчалъ ихъ мимо памятника Кольберу, нимфъ и фонтана Бартольди, мимо трехъ аркъ римскихъ воротъ. Дорогою Фрюмзель разспрашивалъ Валентина о томъ, какъ ему нравится ихъ городъ, о здоровьи Романеша. Очень занятъ? Я думаю! Съ его газетою, со всѣми его коммиссіями, засѣданіями въ палатѣ, съ митингами, съ посѣтителями...

И этотъ человѣкъ, самолично завѣдывавшій и управлявшій огромнымъ торговымъ предпріятіемъ, созданнымъ его трудами, наивно преклонялся передъ безплодною, пустозвонною агитаціей знаменитаго политика.

— Удивляюсь, какъ у него голова не пойдетъ кругомъ!

— Она у него крѣпкая,—отвѣтилъ Валентинъ съ оттѣнкомъ ироніи, незамѣченнымъ его собесѣдникомъ.

Автомобиль остановился передъ рѣшеткою двухъ-этажной бѣлой виллы въ style moderne. Фрюмзель принялъ любопытство, съ которымъ Валентинъ разглядывалъ изломы и излучины декоративныхъ мотивовъ, за восхищеніе ими. Молодой человѣкъ выразилъ свое чувство двусмысленнымъ восклицаніемъ:

— Очень любопытно!

— Оригинально, не правда ли?

Валентинъ отвѣтилъ безъ убѣжденія:

— Да, дѣйствительно оригинально.

И тутъ же онъ упрекнулъ себя за эту уступку. Вотъ оно— рабство!

— Васъ проведутъ въ вашу комнату,—сказалъ Фрюмзель,— вы устроитесь съ дороги, а если около двѣнадцати вамъ будетъ угодно пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, я дамъ вамъ необходимыя разъясненія. Завтракъ—въ двѣнадцать съ половиной.

Комнаты наставника находились во второмъ этажѣ, куда

Валентина подняли на лифтѣ. Свѣтъ, чистота, свѣжесть отдѣлки очень понравились Валентину; портили дѣло одни лишь декадентскіе обои. Валентинъ подошелъ къ окну, выходившему на незнакомую улицу, и опять назойливое слово „чужой“—молніей пронизало его мозгъ.

Совершивъ свой туалетъ, онъ отправился къ Фрюмзелю, который сидѣлъ въ своемъ просторномъ кабинетѣ, передъ заваленнымъ бумагами американскимъ бюро. Дописавъ письмо, Фрюмзель повернулся къ нему и сказалъ:

— Я хотѣлъ поговорить съ вами ранѣе, чѣмъ вы увидитесь съ моимъ сыномъ. Первая встрѣча имѣетъ иногда рѣшающій характеръ.

Онъ говорилъ яснымъ голосомъ, отчасти прислушиваясь къ своимъ словамъ, какъ всѣ люди, знающіе себѣ цѣну. Онъ сидѣлъ, положивъ ногу на ногу и играя тяжелымъ разрѣзательнымъ ножомъ слоновой кости.

— У каждой семьи есть своя исторія, и я намѣренъ разсказать вамъ нашу. Нашъ торговый домъ существуетъ съ восемнадцатаго вѣка; вначалѣ это была весьма скромная фирма, но мнѣ посчастливилось изобрѣсти „общедоступное шампанское“, доставившее мнѣ богатство.

Фрюмзель разсказалъ, что онъ женился по любви на своей кузинѣ, дѣвушкѣ безъ всякихъ средствъ, но два обстоятельства помѣшали имъ быть счастливыми: они потеряли двоихъ первыхъ дѣтей, что̀ онъ приписываетъ близкому родству, всегда пагубному для брачущихся, и затѣмъ его младшій сынъ остался въ живыхъ только чудомъ. Здоровье его ненадежно и до сихъ поръ требуетъ большихъ заботъ. Но это еще не все. Покойная жена его была религіозна; онъ, какъ это извѣстно, человѣкъ свободомыслящій, и тѣмъ не менѣе онъ принужденъ былъ уступить ей и дозволилъ окрестить сына по католическому обряду. Впослѣдствіи онъ надѣялся перевоспитать его, но когда мальчику исполнилось десять лѣтъ, мать его умерла. Началась исторія съ гувернантками. Ребенка, по слабости здоровья, нельзя было отдать ни въ какое училище,—пришлось давать ему домашнее воспитаніе. А тутъ еще – постоянныя болѣзни. Онъ три раза былъ при смерти.

Валентинъ что-то пробормоталъ о „тяжелыхъ испытаніяхъ“, и Фрюмзель продолжалъ свой монологъ. Онъ обожаетъ своего сына, но не имѣлъ возможности близко слѣдить за его воспитаніемъ. Къ сожалѣнію, посѣянныя въ дѣтствѣ сѣмена, кажется, уже принесли плоды. Этому способствовалъ предшественникъ Валентина—реакціонеръ, клерикалъ, іезуитъ.

Онъ взглянулъ на Валентина, снова пробормотавшаго:

— *Они* на все способны.

— На всякія измѣны, не такъ ли? Я прогналъ его, но было уже поздно. Теперь дѣло въ томъ, чтобы исправить зло. Сынъ мой станетъ современемъ во главѣ крупнаго предпріятія. Въ наше время хозяинъ не можетъ относиться безучастно къ духовной жизни своихъ рабочихъ; онъ обязанъ быть ихъ другомъ, ихъ совѣтникомъ, не дозволяющимъ имъ подпасть подъ иго отжившихъ суевѣрій. Подготовить моего сына къ полученію степени баккалавра—важная задача, конечно, но не она стоитъ у васъ на первомъ планѣ. Вы понимаете меня?

— Безъ сомнѣнія, — отвѣтилъ Валентинъ, — боюсь только, что я молодъ для подобной роли: вѣдь я всего на три года старше моего ученика.

— Вотъ именно на это я и разсчитываю! — воскликнулъ Фрюмзель.—Мнѣ извѣстны ваши убѣжденія. Развивайте ихъ, высказывайте передъ Дезире, стараясь не оскорблять его чувствъ. Вамъ придется много гулять съ нимъ: его здоровье этого требуетъ. Старайтесь уяснить ему—въ чемъ истина. Держитесь строго научнаго метода. Вѣдь наука несовмѣстима съ религіей, не такъ ли?

— Постараюсь,—отвѣтилъ Валентинъ, и чувствуя, что послѣ такого откровеннаго разговора Фрюмзель въ свою очередь ждетъ отъ него рѣшительнаго заявленія, онъ прибавилъ искреннимъ тономъ, въ которомъ слышалась горечь его наболѣвшаго и возмущеннаго съ дѣтскихъ лѣтъ сердца:

— Какъ я ни молодъ, я много перестрадалъ изъ-за предразсудковъ, и измѣрилъ всю несправедливость современнаго общественнаго строя. Поэтому я ненавижу всякій гнетъ, всякое насиліе, всякій обманъ. Я страстно люблю свободу; она—моя единственная религія.

— Это—самая лучшая,—сказалъ Фрюмзель;—я вижу, что мы поймемъ другъ друга.

Онъ взялъ его подъ-руку и повелъ въ столовую, такъ какъ раздался звонокъ къ завтраку.

II.

Фрюмзель познакомилъ Валентина со своею семьей и занялъ хозяйское мѣсто.

— Вотъ, Дезире, твой наставникъ, г. Делемонъ. Дочь моя—Луиза. M-me Оберглаттъ, завѣдующая нашимъ домомъ.

Слуга уже подавалъ закуски. Столъ былъ уставленъ серебромъ; въ хрустальныхъ вазахъ красовались чудные фрукты; легкое, свѣтлое, золотистое шампанское пѣнилось въ бокалахъ. Стѣны были обтянуты имитаціей кордовской кожи съ мѣдными украшеніями; дорогая электрическая люстра спускалась съ потолка. Обстановка столовой показалась черезчуръ роскошной Валентину, привыкшему къ скромному образу жизни мелкихъ буржуа.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Дезире—высокій, блѣдный, бѣлокурый, черезчуръ худощавый юноша; его удлиненныя черты напоминали черты отца, но были тоньше; онъ постоянно опускалъ свои кроткіе прозрачные глаза, какъ будто опасаясь, что въ нихъ слишкомъ легко прочесть его мысли. Его медленныя, неувѣренныя движенія и весь его обликъ обличали робость и скрытность.

Сестра совсѣмъ не походила на него; это была маленькая, откровенно некрасивая дѣвушка. M-me Оберглаттъ—вся въ черномъ, съ бѣлымъ воротничкомъ—казалась стройною и моложавою со своимъ пріятнымъ, но безхарактернымъ лицомъ. Всѣ трое наблюдали украдкою за Валентиномъ и, очевидно, ожидали перваго его слова. Слуга наполнилъ его стаканъ.

— Вы пьете вино? — воскликнулъ Фрюмзель. — Очень радъ! Вашъ предшественникъ пилъ только минеральную воду. До чего это меня злило!

— Вино теперь не въ модѣ,—сказалъ Валентинъ, поднося къ губамъ пѣнящійся напитокъ.

— Быть можетъ, вы предпочитаете бордо?

— Нѣтъ, благодарю васъ, это—чудное вино.

— Я тридцать лѣтъ не пью ничего другого, и какъ видите—результатъ недуренъ. Вѣдь это—чистый сокъ изъ нашихъ виноградниковъ.

Завтракъ былъ обильный и изысканный. Фрюмзель ѣлъ быстро и много говорилъ — короткими, опредѣленными фразами, „безъ всякаго тумана". Онъ „отдѣлывалъ" поповъ, военныхъ, судейскихъ, эксплоататоровъ-хозяевъ, реакціонеровъ всѣхъ сортовъ, восхищаясь въ то же время передовыми людьми, извѣстными писателями, боевыми депутатами, „у которыхъ въ жилахъ течетъ не вода".

Луиза не слушала; она, какъ любопытный котенокъ, искоса разглядывала Валентина. M-me Оберглаттъ вставляла подходящія къ случаю реплики. Дезире упорно молчалъ; при нѣкоторыхъ словахъ отца лицо его передергивалось, какъ отъ физической боли. Однажды, когда Фрюмзель обратился прямо къ нему, онъ

покраснѣлъ до корней волосъ и пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ.

— Клещами изъ него слова не вытянешь! — воскликнулъ Фрюмзель: — потому ли онъ молчитъ, что не желаетъ сказать то, что думаетъ, или—оттого, что ему нечего сказать? Боюсь, что вамъ предстоитъ нелегкая задача, г. Делемонъ!

Валентину было не по себѣ, и онъ не могъ объяснить себѣ, въ чемъ причина этого стѣсненія? Она уяснилась ему, когда онъ остался наединѣ со своимъ ученикомъ. Разспрашивая Дезире о его занятіяхъ, онъ тщетно пытался проникнуть въ его душу. Юноша отвѣчалъ вѣжливо, сознаваясь безъ ложнаго стыда въ своей отсталости, но его духовный міръ оставался для учителя закрытымъ. Результаты экзамена оказались весьма плачевными.

— Вамъ придется много поработать, если вы пожелаете экзаменоваться въ будущемъ году, — сказалъ Валентинъ. — Вы, кажется, часто болѣли?

— Увѣряю васъ, что я очень желаю серьезно работать,— сказалъ, краснѣя, Дезире.

Валентинъ, послѣ разговора съ Фрюмзелемъ, готовился къ отпору, къ настойчивости, но съ первыхъ же словъ юноши онъ ощутилъ любопытство, смѣшанное съ симпатіей, и рѣшилъ, что для него будетъ вопросомъ чести—проникнуть въ эту закрытую для него душу, пріобрѣсти привязанность и уваженіе своего ученика.

Однако, дни проходили, а положеніе вещей не измѣнялось. Дезире выказывалъ большое прилежаніе, напрягая свою память, но онъ ускользалъ отъ Валентина, и это упорство, разсердившее бы всякаго другого педагога, было почти пріятно молодому человѣку. Порою онъ даже какъ бы желалъ неудачи. Ежедневныя прогулки пѣшкомъ или поѣздки на велосипедахъ не сближали ихъ. Однажды Валентинъ, любуясь осеннимъ пейзажемъ, заговорилъ съ красивымъ увлеченіемъ о красотахъ природы. Осень—удивительный художникъ. Неужели Дезире не восхищается этою прелестью увяданія, задумчивою грустью небесъ?

Юноша холодно отвѣтилъ:

— Да, это очень красиво.

— Ну, какъ вы ладите съ вашимъ ученикомъ? — спросилъ Фрюмзель, бывшій нѣсколько дней въ отсутствіи.

— Онъ очень старается, — отвѣтилъ съ замѣшательствомъ Валентинъ,—но ученье не легко ему дается.

Раздосадованный отецъ возразилъ:

— Не легко? Что вы мнѣ говорите? Онъ очень способный мальчикъ. Лѣнится, быть можетъ?

Валентинъ съ отличающей его откровеностью стоялъ на своемъ:

— Нѣтъ, г. Фрюмзель, онъ не лѣнивъ и очень старается. Но онъ медленно усвоиваетъ понятія, память у него слабо развита; это еще не значитъ, что у него нѣтъ способностей. Онъ, просто, не привыкъ къ работѣ.

— Ну, да, всему виною его здоровье, какъ я уже говорилъ вамъ,—сказалъ Фрюмзель не безъ досады.

Валентинъ выразилъ надежду, что все обойдется, но тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ полу-обѣщаніи. Порою ему хотѣлось сказать отцу: „Вашъ сынъ не довѣряетъ мнѣ, обратитесь къ кому-нибудь другому,—быть можетъ, онъ будетъ счастливѣе“. Но ему становилось стыдно за свое собственное безсиліе.

Останавливало его также и чувство эгоизма: онъ хорошо себя чувствовалъ въ этомъ богатомъ домѣ; уроки очень утомляли его, и это мѣшало его собственнымъ занятіямъ, но зато онъ съ наслажденіемъ предавался, въ рѣдкіе свободные часы, чтенію философовъ и соціалистовъ, начиная съ благожелательнаго Сенъ-Симона и кончая Марксомъ съ его грандіознымъ Апокалипсисомъ пролетаріата, призваннаго къ покоренію міра. Валентинъ, откладывая работу по диссертаціи, зачитывался имъ до разсвѣта; иногда въ головѣ его шумѣло отъ шампанскаго, которымъ Фрюмзель усердно угощалъ его.

Въ этой обстановкѣ Валентину все рѣже вспоминалась Паула-Андреа и жалкій антресоль съ птичьими клѣтками; образъ дѣвушки стушевывался, и наоборотъ, его преслѣдовалъ по временамъ образъ m-me Оберглаттъ во всей роскоши ея тридцатипяти лѣтъ, бѣлой и таинственно-соблазнительной. Она дружески на него поглядывала, и въ ея обращеніи замѣчался оттѣнокъ кокетства. Луизѣ онъ тоже нравился; извѣстная привлекательность обращенія и быстрота ума отчасти вознаграждали ее за недостатокъ красоты. Иногда, при видѣ Луизы, странное искушеніе овладѣвало Валентиномъ. Какъ знать? При его передовыхъ воззрѣніяхъ, Фрюмзель, быть можетъ, не отказалъ бы въ рукѣ своей дочери интеллигентному молодому человѣку, каково бы ни было его происхожденіе? Онъ уже видѣлъ себя богатымъ, счастливымъ, достигшимъ первыхъ ступеней общественной лѣстницы, но затѣмъ ему сейчасъ же становилось стыдно самого себя за такія мысли.

III.

Общество, собиравшееся у Фрюмзеля, было далеко не такъ многочисленно, какъ это можно было бы предположить, судя по размѣрамъ его столовой. Его собратья упрекали его въ томъ, что онъ понизилъ ихъ промышленность, пустивъ въ ходъ дешевое шампанское; притомъ они не сочувствовали его крайнимъ взглядамъ. У него бывали нѣкоторые изъ представителей административной власти, учителя медицинской школы и лицея, адвокаты— изъ второстепенныхъ. У Луизы почти не было подругъ, а холодность Дезире отдаляла отъ него юношей его лѣтъ, съ которыми желалъ бы его сблизить его отецъ.

Случайный разговоръ съ M-me Оберглаттъ помогъ Валентину напасть на слѣдъ. Однажды имъ случилось завтракать вдвоемъ, и послѣ ухода слуги, подавшаго имъ кофе, молодой человѣкъ, чувствуя непреодолимую потребность высказаться, проговорилъ:

— Положительно, Луиза привязана къ вамъ! Какъ бы я желалъ въ свою очередь пріобрѣсти довѣріе Дезире, но онъ — закрытая книга. Я знаю о немъ не больше, чѣмъ въ первый день.

— И я знаю его не болѣе, чѣмъ вы,—отвѣтила гувернантка,—онъ изъ скрытныхъ.

— Что же ему скрывать?

— Мысли, чувства...—осторожно отвѣтила m-me Оберглаттъ, не поднимая глазъ.

— Какое-нибудь увлеченіе?

Она отрицательно покачала головою.—Нѣтъ, просто, надо заставить его разговориться. Онъ имѣлъ большое довѣріе къ предшественнику Валентина, очень интеллигентному человѣку.

— Почему же онъ уѣхалъ?

M-me Оберглаттъ опять-таки изъ осторожности не рѣшилась разсказать сцену изгнанія, вызванную открытіемъ, что учитель говѣетъ. Она сказала только, что учитель имѣлъ большое вліяніе на Дезире, очень его любившаго. Поэтому онъ и питаетъ антипатію къ замѣстителю своего друга. Впрочемъ, они даже не переписываются. А знаетъ ли г. Делемонъ, что въ субботу у нихъ въ домѣ большой обѣдъ?

За этимъ обѣдомъ Валентину пришлось очутиться лицомъ къ лицу со многими противорѣчіями, а также—видѣть впечатлѣніе, производимое ими на юный умъ, склонный къ самостоятельной работѣ.

За роскошнымъ, убраннымъ рѣдкими цвѣтами столомъ, уста-

вленнымъ привезенными изъ дальнихъ странъ лакомствами и произведеніями серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, стекольщиковъ, эмальировщиковъ и др., собрались исключительно представители буржуазіи: богатый адвокатъ, врачъ съ большою практикой, залитыя брилліантами ихъ жены, молодой, щеголявшій цитатами профессоръ лицея, двое муниципальныхъ совѣтниковъ съ засаленными воротниками, богатый негоціантъ съ дочерью, управляющій торговымъ домомъ Фрюмзеля, страховой агентъ съ семьею, аптекарь, пользовавшійся славою оратора на митингахъ. Всѣ эти люди принадлежали къ капиталистическому классу; большинство изъ нихъ жило на счетъ эксплоатируемыхъ имъ бѣдняковъ.

Тѣмъ не менѣе, они говорили только о равенствѣ, о справедливомъ распредѣленіи богатствъ, осуждали источники роскоши, которою сами пользовались, одобряли возмущеніе, ведшее ихъ къ разоренію, разглагольствовали о теоріяхъ, плохо ими усвоенныхъ: истинный смыслъ ихъ понималъ одинъ лишь молодой профессоръ. Объѣдаясь дичью, трюфелями, упиваясь дорогимъ виномъ, они громили на словахъ общественный строй, дававшій такое славное удовлетвореніе ихъ аппетитамъ. Можно было подумать, что это злоумышленники насыщаются въ отсутствіи блюстителей правосудія припасами, пріобрѣтенными неправымъ путемъ.

Молодой профессоръ доказывалъ искренность своихъ убѣжденій, заявляя, что при новомъ режимѣ имъ, представителямъ культуры, придется принести себя въ жертву.

— Наше мѣсто будетъ самое скромное. Но, все равно, станемъ работать надъ водвореніемъ неизбѣжной революціи, которая въ общественной гегемоніи замѣнитъ буржуазію — пролетаріатомъ, какъ въ 93-мъ году буржуазія замѣнила собою аристократію.

Одинъ изъ муниципальныхъ совѣтниковъ добавилъ хриплымъ голосомъ:

— Кончено! Кончается царство бѣлоручекъ... Поставимъ на первомъ планѣ физическій трудъ. Хозяева будутъ приказчиками своихъ рабочихъ, да, именно приказчиками...

Финансистъ покорно склонилъ свою облѣзлую голову, но Фрюмзель возразилъ:

— Вы заходите слишкомъ далеко. Для управленія массою нужны люди. Пусть не будетъ хозяевъ, но руководители необходимы.

— Что-жъ? И это — ремесло, какъ и всякое другое, — отозвался совѣтникъ, осушая стаканчикъ марго.

— Нѣчто вродѣ надсмотрщика на жалованьи, или старшаго мастера.

— Конечно, — одобрилъ страховой агентъ, — и жалованье генерала нужно уравнять съ капитанскимъ.

— А капитанское—съ солдатскимъ,—подхватилъ аптекарь.

Невѣжество собесѣдниковъ возмутило молодого профессора, поспѣшившаго объяснить:

— При соціалистическомъ режимѣ не будетъ ни жалованья, ни заработка въ прямомъ смыслѣ слова.

— И арміи не будетъ, — добавилъ совѣтникъ, — такъ какъ къ тому времени всѣ народы станутъ жить въ мирѣ.

Адвокатъ продолжалъ:

— Подобныя перспективы пугаютъ тѣхъ, кто живетъ только настоящимъ режимомъ. Онѣ выяснятся по мѣрѣ осуществленія нашей программы...

— Которая никогда не осуществится,—неосторожно сорвалось у фабриканта, хитро подмигнувшаго глазомъ.

— Вы полагаете, что мы пойдемъ на частичныя уступки?— подхватилъ адвокатъ, сдѣлавъ широкій ораторскій жестъ рукою.

— Не будемъ слишкомъ радикальны,—вмѣшался агентъ,— безъ маленькихъ компромиссовъ не обойтись.

Молодой профессоръ снова навелъ ихъ на путь истинный.

— Дѣло не въ избирательной программѣ, которую можно, ради успѣха дѣла, удлиннить или укоротить. Тутъ идетъ рѣчь о полномъ преобразованіи всего общественнаго строя. Господство пролетаріата является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ историческаго развитія; а такъ какъ его нужды несовмѣстимы съ нашею системою частной собственности, соціалистическое движеніе можетъ закончиться лишь окончательною побѣдою, которая замѣнитъ частную собственность — общественною.

Фабрикантъ испустилъ глубокій вздохъ и принялся за свой стаканчикъ шамбертэна съ такимъ видомъ, словно онъ былъ послѣднимъ.

— Не будемъ заглядывать такъ далеко,—сказалъ Фрюмзель, —эти грандіозныя обобщенія всегда опасны. Мы еще не знаемъ, какъ сложится новое общество. Человѣкъ всегда тяготѣлъ къ собственности; мнѣ трудно повѣрить, чтобы онъ окончательно отказался отъ этого удовольствія, служащаго ему наградою за его трудъ.

— И все-таки придется это сдѣлать,— спокойно возразилъ профессоръ.

— Увидимъ,—согласился Фрюмзель,—или не увидимъ, такъ

какъ подобный переворотъ не совершится въ одинъ день,—не правда ли?

— Жоржъ Сорель утверждаетъ, что кучка отважныхъ людей можетъ захватить въ свои руки власть, ускорить событія, уничтожить нашъ индивидуалистическій строй, и тогда...

— Ну, это еще вопросъ. И притомъ — дѣло не въ этомъ. Преобразованія въ дѣлѣ собственности мы предоставимъ нашимъ дѣтямъ. Наша задача—изгнать черныхъ людей, освободить умы отъ гнета, тяготѣющаго надъ ними восемнадцать вѣковъ, покончить съ предразсудками...

Въ этомъ пунктѣ всѣ гости сошлись, и молодой профессоръ, торжественно поднявъ руку, провозгласилъ:

— Религія была краеугольнымъ камнемъ общественнаго зданія. Энгельсъ доказалъ, что англійская буржуазія поддерживала ее ради упроченія своего господства, тратя на это громадныя суммы. Она съ лихвою вознаграждала себя за эти затраты, такъ какъ, обѣщая рабочему классу небесныя блага, она безнаказанно эксплоатировала его въ этомъ мірѣ.

— Если такъ поступаютъ протестанты,—что же сказать о католицизмѣ? — воскликнулъ совѣтникъ.

— Я уважаю всякое искреннее вѣрованіе,—сказалъ Фрюмзель,—но католицизмъ былъ всегда исключительно эксплоатаціей бѣдняковъ, невѣждъ, довѣрчивыхъ людей. Онъ отжилъ свой вѣкъ, и мы въ свою очередь отлучаемъ отъ себя церковь...

Эти слова вызвали громкій смѣхъ, шумныя восклицанія.

— Да, да... Мы въ свою очередь отлучаемъ папу, монаховъ, скуфейниковъ...

Въ эту минуту Валентинъ обернулся къ сидѣвшему съ нимъ рядомъ Дезире. Мрачное, искаженное лицо юноши выражало глубокое страданіе, словно каждое изъ этихъ словъ поражало его въ больное мѣсто. Валентинъ взглянулъ на m-me Оберглаттъ, поймалъ ея взглядъ, остановившійся на лицѣ Дезире и словно говорившій ему:

— Смотрите и поймите.

На другой день учитель съ ученикомъ вяло принялись за работу, утомленные вчерашнимъ обѣдомъ. Зимнее солнце заливало бульваръ своимъ холоднымъ свѣтомъ. Обнаженныя, осыпанныя инеемъ деревья стояли словно въ пушистомъ бѣломъ облакѣ. Валентинъ предложилъ замѣнить не шедшую на ладъ работу прогулкою на свѣжемъ воздухѣ. Молодые люди вышли на эс-

планаду, окаймленную съ двухъ сторонъ роскошными домами богатыхъ промышленниковъ. Они прошли по улицѣ Saint-Jean-Césarée до бульвара Dieu-Lumière, мимо знаменитыхъ заведеній и погребовъ Поммри, Ж. Гулэ, Дуайенъ, Редереръ. Передъ ними возвышались два бѣлыхъ холма, поросшихъ жидкимъ кустарникомъ.

— Поднимемся туда?—предложилъ Валентинъ.—Ну, скорѣе: разъ, два, три!

Онъ поднялся бѣгомъ, а за нимъ — менѣе проворный Дезире. У ногъ ихъ разстилался городъ. Почти прямо передъ ними возвышался колоссальною громадою соборъ Богоматери. Надъ крышами выдѣлялся его профиль, поражавшій правильностью очертаній, одна изъ башенъ и рѣзное кружево его живописнаго фасада. Налѣво виднѣлась церковь Saint-Rémy, приземистая, строгая, болѣе фантастическая, съ широкими аркадами. Она возвышалась надъ лабиринтомъ старинныхъ неправильныхъ улицъ, старыхъ домовъ на сваяхъ. Гораздо далѣе, за полями, среди деревьевъ, виднѣлось Saint-Lyé, цѣль паломничества, между тѣмъ какъ направо разстилался окутанный дымомъ промышленный городъ.

Видя, что Валентинъ созерцаетъ пейзажъ, Дезире прошепталъ какъ бы про себя:

— Тутъ былъ по близости храмъ во имя св. Никеза и св. Агриколя.

Валентинъ услышалъ и спросилъ:

— Что это былъ за храмъ?

Бываютъ минуты, когда наглухо закрытыя сердца полураскрываются подъ вліяніемъ переполняющаго ихъ чувства. Дезире не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія повѣдать свое сокровенное чувство учителю, но контрастъ между дорогими ему воспоминаніями и вчерашними разговорами такъ взволновалъ его, что голосъ у него дрогнулъ:

— Это былъ великолѣпный храмъ! На ступеняхъ портала сохранился слѣдъ ногъ св. Реми, который во время страшнаго пожара ходилъ въ церковь молиться о спасеніи города.

Онъ украдкою взглянулъ на Валентина, но, видя, что тотъ внимательно, безъ всякихъ признаковъ ироніи слушаетъ его, продолжалъ:

— Въ этомъ храмѣ покоились многіе сражавшіеся съ язычниками вожди, св. Никезъ, замученный варварами, и другіе святые. Здѣсь сохранялись священныя реликвіи; съ этимъ храмомъ было связано столько историческихъ воспоминаній, столько прекраснаго...

— Почему же его не стало?

Голосъ Дезире дрогнулъ.

— Его вмѣстѣ съ аббатствомъ разрушили во время революціи. Сантерръ купилъ его за 45 т. франковъ. Онъ оцѣнилъ камень въ эту сумму. Этотъ палачъ былъ ловкимъ дѣльцомъ.

Валентинъ пожалѣлъ о своемъ неумѣстномъ вопросѣ. Нужно было что-нибудь отвѣтить, но фраза: „прогрессъ важнѣе памятниковъ старины“ — мгновенно лишила бы его того довѣрія, которое онъ начиналъ пріобрѣтать. Вмѣсто отвѣта, онъ сказалъ:

— Поднимемся на другой холмъ.

Разстояніе между двумя холмами было незначительное, но разница въ видѣ — громадная. Отсюда старый городъ казался уменьшеннымъ, почти исчезающимъ, между тѣмъ какъ новый городъ развертывался широкою панорамой. Господствовали не башни собора и колокольня Saint-Rémy, казавшіяся приниженными, уходящими въ даль, но цѣлый лѣсъ фабричныхъ трубъ, возвышавшихся среди населенныхъ кварталовъ. Молодые люди не отрывались отъ него взглядомъ. Они принадлежали къ одной національности, были почти однихъ лѣтъ, ихъ предки исповѣдывали одну и ту же вѣру, болѣли однѣми и тѣми же скорбями, сражались за одно и то же дѣло. Они вмѣстѣ созерцали эту символическую картину двухъ міровъ, одинъ изъ которыхъ, вооруженный машинами, извергающій дымъ, какъ бы возникалъ изъ перваго, уходившаго героическою и религіозною мечтою въ небеса. И тѣмъ не менѣе, оба они мыслили и чувствовали различно, словно они были чужими по крови.

Въ своемъ опьяненіи очевидною побѣдою новаго міра Валентинъ воскликнулъ:

— Видите, Дезире, прошедшее умираетъ, будущее ростетъ. Изумительное развитіе промышленности обновитъ міръ.

Дезире молча взглянулъ на него, и въ его взглядѣ было столько грусти, что Валентинъ почувствовалъ потребность загладить свою неловкость.

— Я оскорбилъ васъ... Простите.—Я вижу, что мы придерживаемся различныхъ воззрѣній. Вы—здѣсь. Я—тамъ.

Онъ перевелъ взоръ со стараго города на новый и договорилъ:

— Но вы должны знать, что я буду уважать ваши взгляды и желалъ бы пріобрѣсть вашу дружбу.

Онъ произнесъ эти искреннія слова отъ всей души.

— Правда ли это?—прошепталъ Дезире.—Если бы я только могъ говорить съ вами! Я такъ одинокъ, г. Делемонъ, меня такъ

утомило мое одиночество! Я таюсь отъ отца именно потому, что я слишкомъ его люблю. Вы слышали вчера, какъ мыслятъ эти люди?

— Не все ли вамъ равно, какъ они думаютъ, если я понимаю ваши мысли?

Онъ забылъ свое положеніе, свои обязательства передъ Фрюмзелемъ; онъ уже не былъ стражемъ юной души, желающимъ направлять по своему усмотрѣнію ея ростъ,—его просто влекло къ этой душѣ. Онъ весь отдался порыву симпатіи.

— Въ сущности, я расхожусь съ *ними* въ одномъ: я люблю свободу, полную свободу. Вамъ нечего меня бояться. Говорите со мною откровенно о вашихъ убѣжденіяхъ. Я стану съ вами спорить.

— Нѣтъ, не надо споровъ!—умолялъ Дезире.

Они спустились съ холма; идя вдоль канала, по которому скользила тяжелая баржа, они, не касаясь опасной области идей, разговорились съ необычнымъ оживленіемъ, обмѣниваясь впечатлѣніями по поводу вчерашняго вечера. Они вышучивали широковѣщательное краснорѣчіе адвоката, аппетитъ муниципальныхъ совѣтниковъ. Дезире неожиданно обнаружилъ комическій талантъ. Онъ надувалъ щеки, округлялъ глаза и забавно представлялъ тайный ужасъ фабриканта, плохо прикрытый личиною добродушія. Затѣмъ, заложивъ руку за жилетъ, онъ копировалъ позы адвоката, и оба они по-товарищески хохотали, со свойственною ихъ годамъ шаловливостью.

Но, по мѣрѣ приближенія къ собору, веселость ихъ уступала мѣсто сосредоточенности. Онъ высился передъ ними со своимъ рѣзкимъ фасадомъ, тремя папертями, барельефами на контрфорсахъ, галлереею королей, отъ которой поднимаются двѣ его башни, построенныя въ видѣ стрѣльчатыхъ дугъ.

Они смолкли, глубоко взволнованные. Статуя Жанны д'Аркъ, работы Поля Дюбуа, издали сливавшаяся съ памятникомъ, теперь отдѣлялась отъ него, оживала и словно двигалась къ нимъ навстрѣчу, привлекая ихъ взоры, завладѣвая ихъ мыслями. Дезире не могъ долѣе сдерживаться; онъ прошепталъ:

— Какое чудное, достойное этого мѣста, достойное ея исторіи произведеніе!

Валентинъ не сразу отвѣтилъ;—ему припомнились его убѣжденія, право критики, принятая имъ на себя обязанность. Образъ великой дочери народа плѣнялъ его воображеніе, но она все же принадлежала къ тому старому міру, съ которымъ ему предстояло бороться въ душѣ Дезире. Онъ замѣтилъ, что все же

его интересуетъ будущая книга Анатоля Франса, посвященная Жаннѣ д'Аркъ.

— А меня—нисколько,—невольно вырвалось у Дезире.

— Вы неправы — даже съ вашей точки зрѣнія, — сказалъ Валентинъ:—нужно знать своихъ враговъ, если они достойны того, чтобы вступать съ ними въ споръ.

И чтобы дать Дезире урокъ терпимости, онъ предложилъ войти въ соборъ: вѣдь церковь — тоже книга, которую онъ не боится прочесть.

Сквозь бѣлыя стекла струился дневной, почти слишкомъ яркій свѣтъ, наполнявшій всю внутренность зданія; онъ дозволялъ разсмотрѣть колонны, капители, обвитыя рѣзкими гирляндами, и отчасти разсѣивалъ дремавшую подъ высокими сводами тайну, но зато увеличивалъ пролеты, которые, казалось, уходили въ безграничную высь. Размѣры зданія казались такими громадными, что въ немъ можно было затеряться.

Отдаленный гулъ голосовъ — въ какомъ-то придѣлѣ шла служба—примѣшивался къ торжественному молчанію.

Валентинъ обратилъ вниманіе на старинныя вышитыя картины, представлявшія жизнь Пресвятой Дѣвы, и Дезире принялся тихимъ голосомъ давать ему разъясненія; онъ говорилъ объ этихъ изображеніяхъ, какъ о старыхъ знакомыхъ. Вотъ св. Іоакимъ и Анна приближаются къ храму, но первосвященникъ не хочетъ ихъ впустить...

— Священники уже и въ тѣ времена...—началъ-было Валентинъ, но Дезире продолжалъ:

— Вотъ здѣсь ее привѣтствуетъ архангелъ Гавріилъ. А это—плотникъ Іосифъ, простой труженикъ; онъ занятъ своимъ скромнымъ дѣломъ и не подозрѣваетъ, что въ его хижинѣ готовится спасеніе міра...

— Какъ вы всѣхъ ихъ знаете!—воскликнулъ Валентинъ.— Если бы вы такъ же были тверды во всѣхъ предметахъ, по которымъ вамъ предстоитъ экзаменоваться! Часто заходите вы сюда?

— Когда могу... Я смотрю, читаю, наконецъ... То немногое, что̀ я знаю—я вычиталъ изъ книгъ каноника Серфа и Проспера Шарбе́... Революція, разрушавшая церкви, уничтожила многія изъ этихъ диковинъ. Делегаты комитета общественной безопасности отирали о нихъ свои ноги... Между прочимъ, здѣсь была картина, изображавшая самый замѣчательный эпизодъ мѣстной исторіи: вступленіе Карла VII въ Реймсъ. Король, дворъ его, вельможи, полководцы, Жанна—во всей ея славѣ, а въ глубинѣ виднѣлись шедшіе полями, усталые, запыленные муж-

чина и женщина—родители Жанны, явившіеся принять участіе въ торжествѣ. Они представляли собою французскій народъ, геройски боровшійся за свободу, и каждый стежокъ въ этой картинѣ не былъ ли данью его вѣрности, его мужеству, его любви къ родинѣ? И что же? Эта картина также исчезла. Развѣ не правда, что этихъ несчастныхъ обуялъ духъ разрушенія?

— Безъ разрушенія невозможно и созиданіе,—философски отвѣтилъ Валентинъ;—еще Гомеръ замѣтилъ, что листья опадаютъ для того, чтобы уступить мѣсто молодымъ побѣгамъ.

Лицо Дезире приняло замкнутое, почти враждебное выраженіе.

— Да, но что же они создали взамѣнъ разрушеннаго?—спросилъ онъ глухо.

— Какъ что?—воскликнулъ Валентинъ:—а все наше современное общество, нашу трудящуюся демократію, которая организуется, борется, работаетъ для общаго блага, нашу промышленность, покоряющую самыя стихіи, нашу науку, орудія прогресса, ту зарю правды и свободы, которую мы носимъ въ сердцахъ?..

Дезире обвелъ взглядомъ всю церковь съ ея величіемъ, красотою, съ ея молчаніемъ и благолѣпіемъ.

— Почему хотите вы уничтожить все это? Вотъ чего я никогда не пойму...

И прежде чѣмъ Валентинъ отвѣтилъ, онъ прибавилъ тревожно:

— Быть можетъ, мнѣ не слѣдовало говорить объ этомъ съ вами. Если бы мой отецъ узналъ... Могу себѣ представить его огорченіе. И все же... все же онъ долженъ будетъ современемъ узнать...

— Не бойтесь,—мягко сказалъ Валентинъ,—вы можете мнѣ довѣриться. Если вы не желаете, я ничего ему не скажу. Но вашъ отецъ добръ, и притомъ съ теченіемъ времени все измѣняется...

— О, нѣтъ,—заключилъ Дезире съ безконечною грустью,—онъ не измѣнится... И я—тоже.

IV.

На Рождествѣ Валентинъ взялъ трехдневный отпускъ и отправился въ Парижъ. Онъ повидался съ Клодомъ, нѣсколькими товарищами, дядями, букинистами на набережной. Посѣщеніе семьи Луртье онъ отложилъ до вечера второго дня; его зарождающаяся любовь колебалась въ его сердцѣ, подобно огоньку, который можно разжечь или загасить однимъ дуновеніемъ.

Онъ засталъ семью, погруженную въ подведеніе годовыхъ отчетовъ; даже Паула-Андреа считала накладныя.

— Намъ очень васъ недоставало, обоихъ васъ съ Урбэномъ,—заявилъ торговецъ птицами.

Покуда мать и дочь, отложивъ въ сторону счетныя книги, брались за рукодѣлье, онъ завелъ разговоръ о своихъ дѣлахъ, которыя шли, по его словамъ, неважно. Самые солидные, повидимому, кліенты задерживаютъ уплату. Только люди, получающіе опредѣленное содержаніе, могутъ жить спокойно и сводить концы съ концами, особенно въ томъ случаѣ, если жена принесетъ имъ маленькое приданое.

— Теперь я уже не желаю выдать дочь за негоціанта. Чиновникъ, даже учитель—вотъ на комъ бы я остановился; они, конечно, не сдѣлаются милліонерами, но зато и не умрутъ съ голоду. Получай себѣ жалованье въ опредѣленный срокъ, а затѣмъ—по одёжкѣ протягивай ножки.

Валентинъ спросилъ себя: не было ли это намекомъ? Паула-Андреа вся ушла въ свое вышиванье, г-жа Луртье улыбалась, а торговецъ птицами, помолчавъ, спросилъ:

— Кстати: имѣете ли вы письма отъ Урбэна?

— Онъ не писалъ мнѣ со времени своего отъѣзда.

— Гмъ! Что же это онъ всѣхъ забываетъ? Въ прошломъ году онъ писалъ намъ каждый мѣсяцъ, а теперь и къ Рождеству—ничего.

— Онъ не думаетъ о насъ,—спокойно отозвалась дочь въ отвѣтъ на его взглядъ.

— Ему слишкомъ хорошо живется,—сказалъ Луртье:—живетъ себѣ во дворцѣ, какъ принцъ, да переписываетъ бумажонки...

Валентинъ вступился за друга. Въ „Ecole de Rome“ много работаютъ; доказательствомъ тому служитъ количество диссертацій. Притомъ Урбэнъ — человѣкъ убѣжденный и намѣренъ отстаивать свои взгляды...

— Въ газетахъ? — прервалъ Луртье: — но развѣ это — ремесло?

Валентинъ съ жаромъ принялся объяснять роль, которую сыграли въ ходѣ прогресса люди, не имѣвшіе иного орудія, кромѣ пера, но заслужившіе, тѣмъ не менѣе, почетъ и уваженіе.

— А что это принесло имъ?—спросилъ Луртье.

Паула-Андреа нахмурила брови, возмущенная вульгарностью подобнаго вопроса. Валентинъ назвалъ имена нѣкоторыхъ журналистовъ, имѣвшихъ собственные отели, затѣмъ онъ снова коснулся принципіальной стороны, и все его маленькое нервное су-

щество трепетало отъ возбужденія, когда онъ говорилъ о свободномъ умственномъ трудѣ, направленномъ къ высокимъ цѣлямъ.

Онъ почувствовалъ себя вознагражденнымъ, встрѣтивъ взглядъ молодой дѣвушки: въ немъ свѣтилась гордость. Нѣтъ, положительно, она не была создана для прозябанія въ мелкой торгашеской средѣ.

— Итакъ, вы думаете, что Урбэнъ пробьетъ себѣ дорогу?— спросилъ Луртье.

— Почему же нѣтъ? Онъ много учился, онъ талантливъ и можетъ сдѣлать блестящую карьеру.

— И притомъ онъ—ловкачъ... съ хорошей стороны, разумѣется... Только вотъ его убѣжденія... Не находите ли вы ихъ слишкомъ крайними?

Валентинъ, заходившій въ „крайностяхъ“ дальше Урбэна, пріискивалъ отвѣтъ, но его выручило появленіе толстой Анжелики, а затѣмъ г-жа Луртье стала разспрашивать о томъ, какъ ему живется въ Реймсѣ?

Валентинъ описалъ домъ Фрюмзеля, погреба, цвѣтущее состояніе его фирмы, роскошь домашней обстановки. Луртье наставительно прервалъ его:

— Смотрите только: не избалуйтесь. Для людей бѣдныхъ роскошь—дѣло неподходящее.

Валентинъ сразу омрачился,—ему почудился намекъ на его происхожденіе.

— Будьте увѣрены, г. Луртье, что я не заблуждаюсь относительно того, что ожидаетъ меня въ будущемъ.

Паула-Андреа подняла на него свои хорошенькіе глазки, которые словно извинялись за безтактность отца.

— Всѣ имѣютъ право наслаждаться прекраснымъ,—проговорила она.

Луртье пригласилъ Валентина на слѣдующій день къ завтраку: но когда тотъ явился, хозяинъ оказался менѣе любезнымъ, чему причиною было письмо изъ Рима, пришедшее съ опозданіемъ на четыре дня. Урбэнъ извинялся множествомъ работы; онъ готовилъ два изслѣдованія: „О фискальствѣ папы Іоанна XXII-го“ и о Марсиліи Падуанскомъ, анти-клерикалѣ среднихъ вѣковъ, мысли котораго кажутся современными, истинномъ предвозвѣстникѣ точнаго мышленія“.

— Ученый малый!—съ восхищеніемъ говорилъ торговецъ:— видать, что этотъ не теряетъ времени даромъ.

Луртье подчеркнулъ слово *этотъ*:—въ средніе вѣка былъ какой-то анти-клерикалъ, и онъ уже все о немъ знаетъ!

Луртье продолжалъ читать, иллюстрируя своими примѣчаніями, отрывки изъ письма Урбэна:

„Вотъ гдѣ видать, что католицизмъ идетъ къ концу! Правда, на площади св. Петра, вдоль Via Appia и повсюду встрѣчаются рясы всѣхъ цвѣтовъ. На мосту Ангела можно увидѣть карету какого-нибудь кардинала; швейцарцы въ ихъ устарѣлыхъ мундирахъ еще разгуливаютъ передъ бронзовыми вратами...“ (Къ чему эти маскарады, я васъ спрашиваю?) „Порою у одного изъ оконъ стараго желтаго дворца—только изъ нихъ онъ и видитъ нашъ новый міръ—появляется бѣлая тѣнь, тѣнь папы, смотрящая на городъ, въ которомъ онъ уже не рѣшается появляться...“ (Ловко сказано!) „Вотъ все, что осталось отъ вѣкового ужасающаго гнета. Римъ! Какой урокъ для всѣхъ, цѣпляющихся за отжившее! Они увѣряютъ, что здѣсь укрѣпляется ихъ вѣра. Что за вздоръ! Если бы у меня еще оставались какія-нибудь сомнѣнія, они разсѣялись бы именно здѣсь“. (Слышите?) „Изучая архивы, я узнаю, какъ они выжимали сокъ изъ христіанъ; входя въ церкви, я вижу, какъ они расточали эти сокровища. Нѣтъ, Римъ никого уже не вернетъ въ лоно вѣры, онъ—отличное противоядіе отъ религіозной заразы“. (Отъ религіозной заразы! Ни болѣе, ни менѣе!)

— Урбэнъ ненавидитъ религію, а я отношусь къ ней равнодушно,—замѣтилъ Валентинъ.

— Однако вы болѣе, чѣмъ онъ, имѣли бы причинъ ее ненавидѣть.

Отъ этого злосчастнаго замѣчанія у молодого человѣка пропалъ аппетитъ. Во время кофе онъ на минуту остался наединѣ съ Паулою, которая первая съ нимъ заговорила:

— Вы обѣщали часто пріѣзжать въ Парижъ, мосьё Валентинъ?

Мягкость тона подчеркивала дружескій смыслъ упрека. Онъ пробормоталъ что-то о своемъ ученикѣ, о занятіяхъ, и вдругъ добавилъ глухо:

— А въ сущности для чего мнѣ пріѣзжать? Никто не желаетъ меня видѣть.

Она заговорила, и видно было, какъ подъ плохо сшитымъ корсажемъ приподнимается отъ волненія ея грудь:

— Вы полагаете?

Боясь, что выдала себя, она поспѣшила прибавить:

— Развѣ у васъ нѣтъ друзей?

Неосторожное слово оживило надежду въ его сердцѣ, страстно тяготившемся своимъ одиночествомъ и совсѣмъ не созданномъ для ненависти.

— Мой лучшій другъ — Клодъ Бреванъ — слишкомъ занятъ своею „Бороздой“; остальные—не болѣе какъ товарищи. Что же касается до моихъ дядей и кузеновъ, для меня нѣтъ мѣста въ ихъ жизни.

Еще впервые Валентинъ обнаруживалъ язву, отъ которой жестоко страдалъ: свое одиночество.

— Вы знаете, что я—внѣ жизни. Вашъ отецъ только-что напомнилъ мнѣ объ этомъ.

— Онъ не хотѣлъ васъ обидѣть,—съ живостью воскликнула молодая дѣвушка,—вы дурно его поняли.

Еще ни разу, съ тѣхъ поръ какъ Алиса Делемонъ провела рукою по его дѣтскимъ волосамъ, Валентинъ не ощущалъ въ сердцѣ такого прилива теплоты. Глаза его были полны слезъ, щеки пылали; онъ ощущалъ непреодолимое желаніе громко крикнуть о томъ, какъ онъ одинокъ и покинутъ, молить о крупицѣ нѣжности взамѣнъ той, которая переполняла его сердце.

— Я не сержусь. Меня часто оскорбляютъ безъ намѣренія.

И онъ добавилъ съ пылкимъ взглядомъ:

— Но не всегда дружескій голосъ заставляетъ меня забывать о моихъ страданіяхъ.

Паула-Андреа была тронута. Она еще не знала себя:—помимо ея разсчетовъ, въ ней таились, какъ и во всякой женщинѣ, инстинкты сестры милосердія, молодой романтизмъ, потребность жертвы, вмѣстѣ съ любовнымъ любопытствомъ и смутнымъ пробужденіемъ инстинкта, — всѣ эти разнородныя ощущенія, уживающіяся въ душѣ молодой дѣвушки и влекущія ее къ страсти. Тѣмъ не менѣе, она овладѣла собою и сказала спокойно:

— Отецъ мой очень васъ уважаетъ, и мы съ мамою—также. Мы всѣ васъ любимъ...

Возрастающее волненіе Валентина заставило его позабыть о множественномъ числѣ.

— Вы тоже, mademoiselle,—воскликнулъ онъ,—вы тоже?..

Она очень покраснѣла и молчала.

— Если бы я могъ этому повѣрить... Если бы я смѣлъ...

Она прошептала чуть слышно:

— Вѣрьте.

— Но если я завтра уѣду, я ничего не буду знать о васъ?

— Возвращайтесь скорѣе.

Въ эту минуту толстая Анжелика влетѣла съ грудою тарелокъ въ комнату. Она замѣтила румянецъ молодой дѣвушки, волненіе Валентина и поспѣшила на цыпочкахъ отретироваться,

но за нею вошла г-жа Луртье, и нѣжный разговоръ уже не могъ возобновиться.

На этотъ разъ Валентинъ ѣхалъ въ Реймсъ въ ликующемъ настроеніи, съ твердою рѣшимостью приняться за работу, сдать экзаменъ, получить мѣсто. Онъ уже не былъ „свободенъ“, но эти узы не тяготили его.

Онъ поспѣлъ на виллу къ завтраку, и встрѣтившая его m-me Оберглаттъ прошептала, приложивъ палецъ къ губамъ:

— Гроза разразилась!

Она не успѣла объясниться, такъ какъ вошелъ нахмуренный, ни на кого не глядящій Фрюмзель. Всегда словоохотливый и любезный, онъ ѣлъ молча, едва отвѣчая m-me Оберглаттъ, и стучалъ приборами. Луиза вздрагивала, Дезире былъ блѣденъ, а Валентинъ, бывшій въ хорошемъ настроеніи, независимый по характеру и не лишенный юмора, готовъ былъ улыбаться, вспоминая Юпитера и его перуны.

Вставъ изъ-за-стола, Фрюмзель сухо сказалъ:

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, г. Делемонъ.

Луиза поблѣднѣла и проводила его полнымъ состраданія взоромъ, словно онъ шелъ на казнь. Невольно Валентинъ отвѣтилъ на него успокоительнымъ движеніемъ, взволновавшимъ молодую дѣвушку: еще впервые онъ откликнулся на выраженіе симпатіи съ ея стороны.

Въ кабинетѣ Фрюмзель далъ волю своему гнѣву.

— Неужели вы были слѣпы, г. Делемонъ? Въ карманѣ у васъ, что-ли, глаза? Я былъ лучшаго мнѣнія о вашей проницательности.

Еще въ первый разъ онъ заговорилъ съ нимъ какъ съ однимъ изъ своихъ мастеровъ. Валентинъ отвѣтилъ хладнокровно:

— Я вижу, что вы сердитесь, г. Фрюмзель, но не знаю, почему?

— Почему?.. Потому что... этотъ мальчикъ, вашъ ученикъ... Дезире на дурной дорогѣ. Худшія мои опасенія осуществились... Уроки вашего предшественника принесли плоды. И наконецъ я подозрѣваю васъ или въ слѣпотѣ, или... въ попустительствѣ. Вотъ прочтите.

Онъ досталъ синюю тетрадку, исписанную почеркомъ Дезире.

— Я случайно нашелъ ее раскрытою на столѣ въ библіотекѣ.

Это были отрывочныя замѣтки, набросанныя въ видѣ дневника: мысли, мольбы, вырывавшіяся изъ глубины этой одинокой, потрясенной и мятущейся души. Валентинъ остановился на двухъ отрывкахъ.

„Долго ли свѣтильнику оставатьси подъ спудомъ? Къ чему свѣтъ, если онъ никому не свѣтитъ? О, еслибы можно было разорвать покровъ мрака!

„Еслибы мой добрый отецъ могъ читать въ моемъ сердцѣ, какъ бы это было тяжело для него!

„И все же необходимо, чтобы онъ узналъ правду. Я не могу дольше лгать передъ моею совѣстью.

„Какъ облегчить для него горечь этой минуты? А быть можетъ, мнѣ суждено стать орудіемъ его спасенія?"

— Я не подозрѣвалъ о существованіи этой тетради,—сказалъ Валентинъ.

— Надѣюсь. Иначе вы не потерпѣли бы ее. Но читайте дальше.

„Г. Д.—не врагъ мой, напрасно я этого опасался. Онъ не вѣрующій, но онъ обѣщалъ мнѣ уважать мои вѣрованія. Это—неожиданное поощреніе. Я уже не такъ одинокъ. Вмѣсто новаго врага я нахожу почти поддержку".

— Объясните мнѣ, что это значитъ? Вы дали мнѣ обѣщаніе.

Валентинъ сохранилъ достаточно хладнокровія, чтобы понять, что эти строки дѣйствительно нуждаются въ поясненіи. Онъ разсказалъ о своихъ стараніямъ пріобрѣсти довѣріе Дезире, о ихъ прогулкѣ и разговорахъ, вызвавшихъ Дезире на откровенность.

— Я увидѣлъ, что чувства его гораздо глубже, чѣмъ вы предполагали...

— Вы видѣли и не предупредили меня!—воскликнулъ Фрюмзель;—вы не вырвали его вѣрованій съ корнемъ!

Валентинъ вздрогнулъ; помимо повелительнаго тона, онъ почувствовалъ въ этихъ словахъ деспотическую волю, съ которой его независимость должна была считаться.

— Я не инквизиторъ въ обратномъ смыслѣ,—сухо отвѣтилъ онъ:—мысли нельзя вырывать, какъ сорныя травы, особенно если онѣ такъ глубоко пустили корни. Ихъ нужно честно оспаривать, бороться съ ними силою доводовъ. Такъ я и поступалъ.

Твердость отвѣта подѣйствовала на Фрюмзеля, который смягчился.

— Конечно, рѣчь идетъ не о наказаніяхъ, но эта фраза: „почти поддержка"...

— Неужели я долженъ былъ обращаться съ вашимъ сыномъ какъ съ врагомъ? Я давалъ ему книги, объяснялъ научныя теоріи, ниспровергающія религіозныя основы, старался ему доказать, насколько недопустимы его вѣрованія съ точки зрѣнія положительной науки...

Фрюмзель грубо похлопалъ по тетради.

— И вотъ чего вы добились!

Валентинъ возмутился.

— Быть можетъ, вамъ угодно, чтобы я ушелъ? Другой сумѣетъ лучше взяться за дѣло.

Эта угроза смирила Фрюмзеля, не привыкшаго къ подобной обидчивости.

— Что за мысль! Не въ этомъ суть, мой милый Делемонъ, я васъ не упрекаю. Вы меня дурно поняли.

Онъ зашагалъ въ волненіи.

— Но войдите въ мое положеніе. У меня тоже есть убѣжденія и очень твердыя, укрѣпленныя всѣмъ моимъ жизненнымъ опытомъ. Я ненавижу эту религію, проливавшую въ теченіе девятнадцати столѣтій людскую кровь, сѣявшую ложь, замедлявшую прогрессъ. Когда завязалась борьба противъ нея, я вступилъ въ ряды борцовъ за свободу и разумъ. Сознаюсь вамъ: я надѣялся сыграть въ ней не послѣднюю роль. И вдругъ мой сынъ переходитъ на сторону моего врага! Сынъ мой, для котораго я работалъ всю мою жизнь, онъ—мой преемникъ. Вѣдь это—почти то же, что потерять его, милый Делемонъ!

Въ его жалобахъ слышалось такое страданіе, что Валентинъ былъ почти растроганъ, и позабылъ о своемъ уязвленномъ самолюбіи.

— Я понимаю ваше огорченіе, г. Фрюмзель,—сказалъ онъ.

— А если вы понимаете,—помогите мнѣ. Теперь вы знаете моего сына лучше, чѣмъ я самъ. Поищемъ какого-нибудь средства.

Средство? Уроки философіи, еще свѣжіе въ умѣ Валентина, были къ его услугамъ. Неужели, зная происхожденіе болѣзни, такъ трудно выбрать методъ леченія?

— Не знаю: коренятся ли убѣжденія Дезире въ самой его натурѣ, или они привиты ему извнѣ? Во всякомъ случаѣ, можно ясно опредѣлить одно вліяніе: вліяніе среды, самого города, хочу я сказать. Надъ Дезире тяготѣетъ прошлое. Онъ не можетъ сдѣлать ни шагу безъ того, чтобы не натолкнуться на воспоминанія, болѣе убѣдительныя, нежели всѣ доводы. Вы не подозрѣваете, до какой степени онъ изучилъ исторію города: это—единственное, что онъ хорошо знаетъ. Ему говорятъ самые камни. Онъ волнуется при мысли о памятникахъ, уже несуществующихъ...

Фрюмзель слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ не привыкъ утруждать свой умъ подобными проблемами, и дивился

ясности его выводовъ, вѣрности анализа, изумлявшихъ его въ такомъ молодомъ человѣкѣ.

— Я вижу, что вы хорошо изучили, хорошо поняли его,— проговорилъ онъ.

Въ качествѣ дѣлового человѣка, Фрюмзель былъ склоненъ къ быстрымъ рѣшеніямъ.

— Такъ что же дѣлать? Удалить его отсюда? Но его здоровье, его слабое здоровье, милый Делемонъ!

Въ этомъ восклицаніи было столько нѣжности, почти материнской, что Валентинъ былъ побѣжденъ, и предложилъ испробовать сначала другія средства, не ожесточая его, разумѣется...

Но Фрюмзель уже раскаялся въ своей слабости.

— Нѣтъ, нѣтъ! Если ему лучше уѣхать—пусть уѣзжаетъ; я не стану его удерживать при себѣ. Вы правы: уроки окружающаго—самые дѣйствительные. Необходимы противоположныя впечатлѣнія. Куда же вы думаете его отвезти?

Валентинъ едва не предложилъ Парижъ, но устыдился этого эгоистическаго побужденія. Вспомнивъ о письмѣ Урбэна, онъ сказалъ:

— У меня, въ „Ecole de Rome", есть другъ. Недавно онъ писалъ роднымъ, что еслибы у него сохранилась хотя частица вѣры, онъ утратилъ бы ее именно въ Римѣ. Письмо его навело меня на мысль: какое впечатлѣніе можетъ произвести зрѣлище упадка католицизма на прямой и ясный умъ. Быть можетъ, поѣздка въ Римъ...

— Поѣзжайте, когда хотите!—воскликнулъ Фрюмзель:—то-есть, съ наступленіемъ теплой погоды. Стоитъ только открыть глаза,—и все становится яснымъ.

Эта неожиданная задержка могла помѣшать Валентину въ его собственныхъ занятіяхъ, но онъ ощущалъ такой приливъ бодрости, что не сталъ объ этомъ и думать.

Съ франц. О. Ч.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1906.

Назначеніе дня открытія Государственной Думы. — Условія, при которыхъ начинается предвыборный періодъ.—Еще разъ вопросъ о „бойкотѣ“ Думы. — Запрещеніе партійныхъ собраній.—Возможность отмѣны чрезвычайныхъ законовъ.—„Требованія“ аграріевъ и допускаемые ими четыре способа рѣшенія аграрнаго вопроса. — Московскій съѣздъ делегатовъ „союза 17-го октября“.—Нѣсколько словъ о партіяхъ и о партійныхъ „блокахъ“.

Объявленъ, наконецъ, день созыва Государственной Думы. Выборы въ Думу должны состояться въ концѣ марта или началѣ апрѣля. Невольно возникаетъ вопросъ, въ какой обстановкѣ они произойдутъ? До крайности ненормально *открывать* избирательный періодъ при дѣйствіи, во многихъ мѣстахъ, военнаго положенія, при широкомъ распространеніи усиленной и чрезвычайной охраны; но что, если онъ и *закончится* при наличности тѣхъ же условій? Что если во время выборовъ въ средѣ избирателей окажутся многочисленные пробѣлы, вызванные такъ называемыми „независящими обстоятельствами“? Что если лишенными свободы или сосланными, безъ всякой доказанной вины, исключительно въ силу неопредѣленныхъ догадокъ и административнаго произвола, окажутся и къ тому времени многіе изъ тѣхъ, кто имѣлъ всего больше правъ на довѣріе избирателей, всего больше шансовъ на избраніе въ выборщики или въ члены Государственной Думы? Вѣроятенъ ли правильный ходъ выборовъ, разъ что имъ не предшествовала ничѣмъ не стѣсненная предвыборная агитація? Что, кромѣ устраненія вопіющихъ аномалій, можетъ ободрить запуганныхъ, примирить озлобленныхъ избирателей? Не ясно ли, что настало время не только для востановленія дѣйствія закона, но и для осуществленія элементарныхъ гражданскихъ правъ, безъ которыхъ невозможна свободная политическая жизнь? Мы рѣшительно отказываемся понять,

и оттого, что заставляетъ всѣ желѣзныя дороги строить все изъ русскихъ матеріаловъ, которые, какъ всѣмъ извѣстно, и дороже, и хуже заграничныхъ. Сколько по всѣмъ такимъ расходамъ можно сдѣлать сокращеній, сказать трудно; очевидно только то, что сокращенія могутъ быть очень велики и, во всякомъ случаѣ, должны исчисляться десятками милліоновъ.

Такимъ образомъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что государство, не прибѣгая къ новымъ налогамъ и не измѣняя существеннымъ образомъ системы обложенія, можетъ имѣть достаточно денегъ для удовлетворенія не всѣхъ, конечно, но, во всякомъ случаѣ, очень многихъ насущныхъ нуждъ, которыя такъ громко заставляютъ говорить о себѣ въ послѣднее время.

А. Амафтунскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1906 г.

Вопросъ о войнѣ и мирѣ, въ связи съ особенностями военно-политическаго строя.— Международный кризисъ изъ-за Марокко.—Конференція въ Алжесирасѣ.—Французскія дѣла.—Энциклика папы Пія X. — Волненія въ Австро-Венгріи. — Новая парламентская сессія въ Англіи.

Существуютъ общіе политическіе вопросы, которые, можно сказать, лежатъ въ основѣ всѣхъ другихъ вопросовъ государственной и международной жизни,—но они почему-то забываются при обсужденіи задачъ и потребностей текущей политики и рѣзко напоминаютъ о себѣ только въ такіе моменты, когда почти безполезно говорить о нихъ. Двѣ великія культурныя націи внезапно почувствовали, что судьба ихъ зависитъ отъ доброй воли или отъ случайнаго каприза императора Вильгельма II: серьезныя опасенія войны возникли въ Европѣ изъ-за такихъ поводовъ и мотивовъ, которые остаются совершенно чуждыми и даже непонятными огромной массѣ заинтересованныхъ народовъ. Когда въ печати впервые поднятъ былъ споръ о Марокко, всѣ отнеслись къ нему какъ къ любопытному эпизоду международной дипломатіи, или какъ къ характерному симптому совершившейся перемѣны въ группировкѣ державъ послѣ русско-японской войны; предполагалось, что германское правительство имѣетъ въ виду наглядно доказать французамъ необходимость такого же положительнаго соглашенія съ Германіею, какъ заключенная ими сдѣлка съ Англіею,—но никто не думалъ, что разногласія изъ-за Марокко могутъ служить предметомъ самостоятельнаго политическаго кризиса, угрожающаго войною. Однако, практическая оцѣнка важности или неважности даннаго вопроса для Европы опредѣляется не общественнымъ мнѣніемъ, не экспертизою свѣдущихъ лицъ, не разсужденіями и рѣшеніями парламентовъ, а единственно лишь отдѣльными правителями, имѣющими въ своемъ исключительномъ распоряженіи одновременно и дипломатію, и вооруженныя силы государствъ; если же правитель олицетворяетъ собою старинныя права и традиціи могущественной феодальной династіи и держитъ въ своихъ рукахъ верховную власть надъ милліонною арміею, то онъ одинъ можетъ въ каждую данную минуту превратить любой международный споръ въ роковой вопросъ войны и мира. Въ такомъ именно положеніи находится императоръ

Германіи, и его личные взгляды, иногда совершенно не совпадающіе съ идеями и интересами наиболѣе образованныхъ и передовыхъ классовъ нѣмецкой націи, имѣютъ безусловно рѣшающую силу въ области международно-военныхъ отношеній и предпріятій. Императоръ Вильгельмъ II по неизвѣстнымъ причинамъ заинтересовался судьбою Марокко въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ ожидали и желали бы его подданные, не исключая и его министровъ; онъ въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ прямо намекаетъ на возможность войны, и всѣ усилія нѣмецкой печати умалить значеніе принятаго имъ воинственнаго тона встрѣчаютъ постоянный противовѣсъ въ оффиціальныхъ дѣйствіяхъ германской дипломатіи. Отсюда понятное чувство тревоги, котораго не могутъ ни объяснить, ни оправдать нѣмецкіе патріоты; тщетно стараются они свалить отвѣтственность на иностранную и особенно французскую публику, которая будто бы преувеличиваетъ возникшія недоразумѣнія и относится къ нимъ съ чрезмѣрною нервозностью; напротивъ, французы на этотъ разъ обнаружили замѣчательное хладнокровіе и выдержку, и упреки извѣстной части нѣмецкой печати должны быть признаны вполнѣ несправедливыми. Вѣроятно, въ концѣ концовъ благоразуміе одержитъ верхъ въ придворныхъ военныхъ кружкахъ Берлина; но можно ли считать нормальнымъ такое положеніе вещей, при которомъ великіе культурные народы не ограждены отъ внезапнаго военнаго взрыва, готоваго обрушиться на нихъ по мановенію руки одного человѣка? Къ чему всѣ краснорѣчивые доводы лучшихъ умовъ, всѣ возвышенныя постановленія и воззванія международныхъ обществъ мира, всѣ проекты новыхъ Гаагскихъ конференцій, когда на практикѣ рѣшеніе вопроса о войнѣ предоставлено всецѣло такому полновластному вождю военной касты, какъ Вильгельмъ II?

Современныя конституціи почти ни въ чемъ не измѣнили прежней традиціонной роли монарховъ въ дѣлахъ международныхъ и военныхъ; попрежнему внѣшняя политика остается какъ бы внѣ общественнаго и національнаго контроля, подчиняясь личному руководству безотвѣтственнаго правителя; попрежнему національная армія, хотя и организованная на новой демократической основѣ по принципу всеобщей воинской повинности, служитъ пассивнымъ орудіемъ анти-народныхъ сословныхъ интересовъ и влеченій, воплощенныхъ въ привилегированномъ офицерствѣ. Германскій народъ имѣетъ свои конституціонныя гарантіи, но императоръ Вильгельмъ II безконтрольно направляетъ внѣшними дѣлами Германіи и является неограниченнымъ повелителемъ ея вооруженныхъ силъ, а потому безусловное миролюбіе народовъ не избавляетъ ихъ отъ грозныхъ опасностей войны. Необходимы были бы коренныя преобразованія въ этой области отношеній, чтобы имѣть право говорить о гарантіяхъ международнаго и внутренняго

мира государствъ. Не только внѣшній миръ, но и всѣ политическія и гражданскія права народовъ остаются лишь обманчивою безпочвенною фикціею, пока армія составляетъ исключительную принадлежность короны и, будучи національною по характеру и составу, является еще преторіанскою по своей организаціи и по проникающему ее духу. Поучительнымъ примѣромъ можетъ служить Венгрія, гдѣ до сихъ поръ безпрепятственно распоряжается слабая по существу монархическая власть, вопреки автономной конституціи и парламенту страны: устроители новой венгерской государственности все предусмотрѣли въ своихъ конституціонныхъ опредѣленіяхъ и соглашеніяхъ, но сохранили исключительную зависимость венгерской арміи отъ династіи, пребывающей въ Вѣнѣ, и мадьярскія парламентскія вольности легко упраздняются вооруженною силою, обязанною повиноваться вѣнскимъ приказамъ.

Нельзя не замѣтить, что и у насъ неправильная организація арміи, при существованіи всенародной воинской повинности, возбуждаетъ слишкомъ мало вниманія, даже когда она приводитъ къ явнымъ злоупотребленіямъ военными средствами и силами государства при борьбѣ неудачныхъ министровъ съ обществомъ и народомъ; и у насъ вопросъ о постановкѣ военнаго дѣла не затронутъ ни въ одной изъ партійныхъ программъ, хотя въ нихъ много говорится о разныхъ отвлеченныхъ правахъ и фиктивныхъ гарантіяхъ. Реальныя силы и отношенія, которыми опредѣляется весь ходъ государственной жизни, остаются какъ бы внѣ кругозора реформаторовъ и прогрессистовъ, озабоченныхъ обсужденіемъ и разработкою симпатичныхъ и безцѣльныхъ доктринерскихъ формулъ. Въ Пруссіи и Германіи антагонизмъ между арміею и народомъ, или, вѣрнѣе, между одностороннимъ сословно-военнымъ строемъ и общими интересами народныхъ массъ, отчасти парализуется служебно-государственными традиціями Гогенцоллерновъ и столь же традиціонною добросовѣстностью и корректностью правительственныхъ властей; но этотъ антагонизмъ всегда выступаетъ наружу, когда дѣло идетъ о международныхъ отношеніяхъ и предпріятіяхъ. Мы видимъ это и въ настоящемъ случаѣ, по поводу Марокской конференціи: вожди германской арміи начинаютъ откровенно бряцать оружіемъ и усердно готовятся къ исполненію своей кровавой миссіи во имя мнимыхъ интересовъ національнаго могущества и престижа, въ то время какъ сама нѣмецкая нація обнаруживаетъ лишь недоумѣніе, растерянность и безпокойство.

Марокскій кризисъ, волнующій теперь общественное мнѣніе Европы, самъ по себѣ вовсе не даетъ матеріала для крупныхъ международныхъ вопросовъ и обсужденій, такъ какъ съ одной стороны Франція отказалась отъ мысли о протекторатѣ, а съ другой—Германія признала преимущественныя права и интересы Франціи относи-

тельно Марокко, въ виду сосѣдства этой страны съ Алжиромъ. Англо-французская конвенція, предоставившая Франціи свободу дѣйствій по отношенію къ Марокко, потеряла свою силу подъ вліяніемъ неожиданныхъ протестовъ Германіи; министръ Делькассе, строившій свою политику на тѣсномъ союзѣ съ Россіею, вышелъ въ отставку, и французское правительство вступило въ непосредственные переговоры съ берлинскимъ кабинетомъ, чтобы достигнуть обоюднаго соглашенія. Но Германія отказалась вести отдѣльные переговоры съ Франціею о предметѣ, имѣющемъ общій международный характеръ и касающемся всѣхъ другихъ державъ; она настаивала на созывѣ международной конференціи для рѣшенія спорныхъ вопросовъ и не пожелала также предварительно условиться съ Франціей относительно главнѣйшихъ пунктовъ программы предстоящихъ дипломатическихъ совѣщаній. Французское правительство должно было уступить; оно согласилось отдать свои мароккскіе интересы на судъ международной конференціи, надѣясь добиться извѣстнаго компромисса безъ ущерба для національнаго достоинства Франціи. Конференція собралась въ небольшомъ испанскомъ городкѣ, Алжесирасѣ, близъ Гибралтара, и открыла свои засѣданія 16-го (3-го) января. Предсѣдателемъ избранъ представитель Испаніи, герцогъ Альмодоваръ; въ составъ конференціи входятъ опытные дипломаты, особенно компетентные въ мароккскомъ вопросѣ: отъ Германіи—посланникъ въ Мадридѣ, фонъ-Радовицъ, и представитель въ Лиссабонѣ, графъ Таттенбахъ; отъ Франціи—бывшій алжирскій генералъ-губернаторъ Ревуаль, съ нѣсколькими дипломатическими совѣтниками; отъ Англіи—посланникъ въ Мадридѣ, сэръ Никольсонъ; отъ Соединенныхъ Штатовъ—Генри Уайтъ, посланникъ въ Римѣ; отъ Италіи—маркизъ Висконти-Веноста; отъ Россіи—графъ Кассини, посланникъ въ Мадридѣ, и т. д. Съ самаго начала было замѣтно, что Германія занимаетъ особую позицію, опираясь на представителей мароккскаго султана и на уполномоченныхъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ державъ; французы имѣютъ на своей сторонѣ Испанію, Англію и отчасти Соединенные-Штаты,—не говоря уже о Россіи, голосъ которой едва принимается теперь въ разсчетъ въ Европѣ. Существенныя разногласія еще устранялись благополучно, пока предметомъ обсужденія служили предположенныя правила объ урегулированіи привоза оружія въ Марокко и о мѣрахъ противъ военной контрабанды; нетрудно было также достигнуть соглашенія по вопросамъ о свободѣ иностранной торговли, о равноправности различныхъ націй и вообще о политикѣ „открытыхъ дверей“; но непримиримый антагонизмъ тотчасъ же вступилъ въ свои права, когда конференція занялась вопросами и проектами, въ которыхъ выразились особые преимущественные интересы Франціи. Французы предполагали,

совмѣстно съ Испаніею, ввести правильное устройство полиціи въ Марокко, для огражденія безопасности сосѣднихъ французскихъ и испанскихъ владѣній; германскіе уполномоченные требуютъ, чтобы марокская полиція находилась въ завѣдываніи иностранныхъ офицеровъ вообще, безъ какихъ-либо преимуществъ въ пользу французовъ и испанцевъ, и чтобы верховная власть султана не подвергалась притомъ никакимъ ограниченіямъ. Французы предлагаютъ устроить въ Марокко государственный банкъ, съ участіемъ французскихъ и другихъ иноземныхъ капиталистовъ; германскіе дипломаты вносятъ свой контръ-проектъ, построенный на противоположныхъ началахъ, съ устраненіемъ преобладанія французскаго элемента. Въ принципѣ Германія допускаетъ нѣкоторыя притязанія Франціи, какъ основанныя на естественныхъ и договорныхъ отношеніяхъ съ Марокко; но на практикѣ она рѣшительно отвергаетъ все то, что имѣетъ какую-либо связь съ этими спеціальными правами и интересами французской націи.

Императоръ Вильгельмъ II твердо стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что, во-первыхъ, марокскій султанъ есть вполнѣ самостоятельный и независимый монархъ, и во-вторыхъ, что всѣ иностранныя державы должны пользоваться одинаковыми правами въ Марокко; между тѣмъ, само населеніе Марокко не считаетъ султана монархомъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова, и начальники туземныхъ племенъ и областей сохраняютъ свое особое положеніе, которое довольно ярко характеризуется исторіею Райсулы, занимавшагося прежде разбойничествомъ и получившаго титулъ губернатора въ знакъ примиренія съ султаномъ. Новая роль полноправнаго и независимаго монарха, предложенная марокскому султану Германіею, конечно, очень понравилась ему и всѣмъ его приближеннымъ, и представители Марокко на конференціи постоянно ссылаются уже на верховныя права своего султана, разсуждая объ этомъ предметѣ не иначе какъ въ высокопарныхъ выраженіяхъ, въ восточномъ вкусѣ. Просвѣщенные европейцы, имѣющіе коммерческія дѣла съ Марокко, ничего не выиграютъ отъ такой перемѣны въ идеяхъ и настроеніи султана, возвеличеннаго Европою по почину Вильгельма II, и самая роль европейской дипломатіи въ данномъ случаѣ является не особенно почетною: подъ прикрытіемъ подобныхъ фальшивыхъ формулъ заграждается не только французамъ, но и представителямъ другихъ державъ, законный путь къ обезпеченію прочнаго порядка и мирнаго культурнаго развитія въ предѣлахъ Марокко. Эта политика заранѣе уничтожаетъ или обезсиливаетъ всякія французскія притязанія, открывая возможность для Германіи пріобрѣсть широкія спеціальныя концессіи, льготы и преимущества посредствомъ особыхъ соглашеній съ независимымъ и самостоятельнымъ султаномъ,—такъ что предположенное французское пре-

обладаніе, вытекающее изъ естественныхъ географическихъ и экономическихъ условій, можетъ легко быть вытѣснено германскимъ владычествомъ.

Французы не сомнѣваются, что это безцеремонное вторженіе Германіи въ такую область интересовъ, гдѣ господство должно по праву принадлежать французамъ и испанцамъ, составляетъ сознательный враждебный актъ противъ Франціи; но въ то же время они чувствуютъ свое безсиліе въ дипломатической борьбѣ противъ этой настойчивой и упорной вражды, за которою стоитъ рѣшимость оффиціальной Германіи не отступать отъ перспективы военныхъ дѣйствій. Вильгельмъ II, въ публичномъ обращеніи къ своимъ генераламъ, выражаетъ увѣренность, что, въ случаѣ войны, германскія войска окажутся столь же побѣдоносными, какъ и тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, и это напоминаніе о побѣдахъ 1870—71 годовъ было крайне горькимъ и незаслуженнымъ уколомъ для французскаго національнаго патріотизма. Чѣмъ руководствуется германскій императоръ, возбуждая старыя чувства непріязни между сосѣдними націями,—понять трудно; но эти вызывающія слова и дѣйствія находятся въ странномъ противорѣчіи съ тѣми любезностями, которыя часто расточаются самимъ Вильгельмомъ II и его канцлеромъ въ бесѣдахъ съ оффиціальными представителями Франціи. Очевидно, воинственный тонъ предназначается для арміи и для самодовольныхъ нѣмецкихъ патріотовъ, а дипломатическая вѣжливость должна отчасти смягчать впечатлѣніе оффиціальнаго недоброжелательства и соперничества; въ результатѣ же получается нѣчто чрезвычайно тягостное, возрождающее худшія традиціи Бисмарковской эпохи. Франція, какъ великая держава, не можетъ равнодушно принимать угрозы, къ которымъ она не даетъ ни малѣйшаго повода, и если она готова была бы даже совершенно отречься отъ своихъ правъ и интересовъ въ Марокко, то это добровольное отреченіе становится почти немыслимымъ въ виду непріязненной тактики берлинскаго кабинета. Въ худшемъ случаѣ, когда конференція въ Алжесирасѣ разойдется, не достигнувъ цѣли, вопросъ о Марокко останется въ томъ положеніи, въ какомъ онъ былъ раньше, а такъ какъ Франція не станетъ дѣйствовать противъ воли другихъ державъ, и особенно противъ Германіи, то предстояла бы только отсрочка спорныхъ марокккскихъ дѣлъ на неопредѣленное время, и открылась бы возможность отдѣльныхъ соглашеній и взаимныхъ уступокъ, безъ всякаго ущерба для общаго мира. При такихъ обстоятельствахъ и при несомнѣнной сдержанности французскаго общественнаго мнѣнія, одностороннія военныя угрозы, исходящія изъ Берлина, должны быть признаны, по меньшей мѣрѣ, преждевременными, и все поведеніе оффи-

ціальной Германіи въ марокскомъ вопросѣ составляетъ пока какую-то политическую загадку.

Вновь избранный президентъ французской республики, Арманъ Фалліеръ, вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, обратился къ палатамъ съ посланіемъ, которое было прочитано 20-го февраля главою кабинета, Морисомъ Рувье, и министромъ юстиціи Шомье. Въ этомъ посланіи не содержится ничего новаго или оригинальнаго, но всѣми было замѣчено нѣсколько краснорѣчивыхъ фразъ объ арміи: „Ничто не должно отвлекать ее отъ исполненія самой священной изъ ея обязанностей—приготовленія къ защитѣ территоріи и знамени. Не будучи угрозою для кого бы то ни было, ея могущество есть, напротивъ, вѣрнѣйшій залогъ сохраненія мира". Эти скромныя слова должны были служить отвѣтомъ на грозныя напоминанія Вильгельма II, и въ тонѣ обоихъ заявленій отражается коренное различіе двухъ противоположныхъ міросозерцаній. Для германскаго императора армія есть истинная основа его власти и авторитета, близкая, родственная сила, съ которою его неразрывно связываютъ всевозможныя историческія и фамильныя преданія, личныя привычки и симпатіи; для французскаго президента армія есть только одно изъ необходимыхъ національныхъ учрежденій, обязанныхъ служить отечеству и ограждать внѣшнюю безопасность страны. Когда Вильгельмъ II говоритъ объ арміи, онъ неизбѣжно думаетъ о сокрушительной силѣ меча, о блестящихъ побѣдахъ, о возможности нанести ошеломляющій ударъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ,—хотя бы въ дѣйствительности онъ вовсе и не предполагалъ затѣвать какую-нибудь войну. Французскій президентъ, уже въ силу своего личнаго положенія, весьма далекаго отъ военныхъ интересовъ и традицій, можетъ только умомъ сознавать великое значеніе національной арміи; онъ съ нею связанъ и солидаренъ оффиціально, какъ глава государства, но остается свободнымъ отъ ея сословнаго и профессіональнаго духа, сохранившагося и при республикѣ. Тѣсная связь съ привилегированнымъ военнымъ сословіемъ есть жизненный нервъ для личнаго монархическаго режима, тогда какъ при республиканскомъ строѣ армія получаетъ значеніе вооруженнаго народа и не можетъ и не должна противопоставлять себя массѣ гражданъ.

Отношенія правительства къ арміи составляютъ для французской республики больное мѣсто только потому, что военный классъ сохранилъ отчасти прежнюю организацію и старыя сословно-аристократическія тенденціи. Борьба съ этими тенденціями велась систематически въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, но не приводила къ замѣтнымъ результатамъ; скрытая оппозиція высшаго офицерства питалась и под-

держивалась вліятельными клерикальными элементами французскаго общества, и клерикализмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо въ арміи. Правительство ограничивается чисто внѣшними мѣрами воздѣйствія съ цѣлью обузданія и ограниченія дѣятельности монашескихъ орденовъ и ихъ союзниковъ; примѣненіе этихъ мѣръ требуетъ иногда содѣйствія войскъ, и крайне тягостные конфликты возникаютъ между властью и народомъ при формальномъ господствѣ народовластія. Въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Франціи происходятъ какія-то странныя военно-полицейскія экзекуціи, направленныя, повидимому, противъ католическихъ церквей; многимъ кажется, что тутъ дѣло идетъ о грубомъ посягательствѣ на свободу религіи, и это впечатлѣніе подкрѣпляется извѣстіями о шумныхъ протестахъ и демонстраціяхъ, въ которыхъ участвуютъ представители различныхъ классовъ населенія. Въ дѣйствительности здѣсь не можетъ быть и рѣчи о произволѣ и насиліи; должностныя лица республики стараются въ точности исполнить постановленія закона, а вѣрующіе католики и духовенство протестуютъ, чтобы создать иллюзію несправедливаго религіознаго гоненія. Новый законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства предписываетъ передать всѣ церковныя имущества и зданія соотвѣтственнымъ религіознымъ ассоціаціямъ, которыя должны организоваться для этой цѣли; для передачи же церковныхъ имуществъ нужно предварительно составить имъ инвентарь, а для этого необходимо, чтобы чиновники имѣли доступъ къ осмотру вещей, священныхъ сосудовъ и всякаго рода сокровищъ, хранящихся въ церковныхъ зданіяхъ. Для производства описи назначается такое время, когда нѣтъ богослуженія, о чемъ заранѣе сообщаютъ мѣстному духовному начальству; но къ назначенному времени церковь оказывается занятою молящимися или просто толпою обывателей, подъ предводительствомъ священниковъ; всѣ наружные входы закрыты и забаррикадированы, и проникнуть внутрь можно не иначе какъ путемъ насилія; чиновники или удаляются ни съ чѣмъ, или же прибѣгаютъ къ содѣйствію полиціи и войскъ, чтобы получить возможность заняться своимъ скромнымъ бухгалтерскимъ дѣломъ. Вѣрующіе прихожане волнуются, вступаютъ въ драку съ полицейскими чинами и обыкновенно терпятъ пораженіе; съ обѣихъ сторонъ бываютъ жертвы—раненые болѣе или менѣе серьезно, а иногда даже и убитые; многіе подвергаются аресту и суду, и въ числѣ участниковъ этихъ уличныхъ сценъ приходится газетамъ называть самыя громкія имена французской аристократіи. Съ изящными кавалерами, молодыми и старыми, соперничаютъ свѣтскія дамы и дѣвицы, и устройство этихъ оригинальныхъ безпорядковъ сдѣлалось какъ будто предметомъ особаго религіознаго спорта. Въ Парижѣ, въ церкви св. Ѳомы Аквинскаго, послѣ первой неудавшейся попытки коммиссара присту-

пить къ составленію инвентаря, прихожане дежурили днемъ и ночью, чтобы не допустить вторженія правительственныхъ агентовъ; въ манифестаціи участвовали генералы Рекамье и Алларъ, адмиралъ де-Ла-Желль, графъ де-Люппе и другіе. Отряду полиціи удалось внезапно открыть одну изъ церковныхъ дверей; полицейскіе встрѣчены были палочными ударами и въ свою очередь не замедлили воспользоваться законнымъ правомъ обороны; между задержанными виновниками буйства оказался и семидесятилѣтній генералъ Рекамье, который потомъ былъ присужденъ къ заключенію въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ. Въ церкви Notre-Dame дѣйствовали такимъ же образомъ князь Сикстъ де-Бурбонъ, Прово де-Лонэ, баронъ Тель, аббатъ Фонсагривъ, маркиза Макъ-Магонъ, виконтесса дю-Барраль, баронесса Рейль и др. Подобныя столкновенія, стычки и судебные процессы повторяются въ разныхъ мѣстахъ, въ столицѣ и въ провинціи; при недостаткѣ полицейскихъ силъ привлекаются войска, и бывали случаи, когда отдѣльные офицеры отказывали въ повиновеніи, ссылаясь на свои религіозныя убѣжденія. Непокорные навлекали на себя дисциплинарныя взысканія; колеблющіеся подчинялись авторитету генераловъ, имѣвшихъ мужество категорически высказаться по данному вопросу. Престарѣлый генералъ Галиффе въ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ, напоминаетъ офицерамъ, что первая обязанность ихъ—повиноваться законамъ, и что самый суровый законъ есть все-таки законъ: dura lex, sed lex. Собственно говоря, протесты католиковъ противъ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства не имѣютъ разумнаго смысла, а противодѣйствіе чиновникамъ, призваннымъ осуществить это отдѣленіе, является лишь способомъ активной клерикальной пропаганды. Почему католики возстаютъ противъ самостоятельнаго устройства церковныхъ дѣлъ при участіи вѣрующихъ прихожанъ? Логично ли требовать отъ анти-клерикальнаго правительства, чтобы оно непремѣнно сохраняло за собою попеченіе объ интересахъ религіи и чтобы оно уплачивало ея служителямъ жалованье изъ государственнаго казначейства? Казалось бы, наоборотъ, что конкордатъ съ нынѣшнею французскою республикою былъ постыднымъ абсурдомъ съ точки зрѣнія римской церкви и долженъ былъ давно подлежать отмѣнѣ ради достоинства и чести католическаго духовенства. Негодовать на то, что служители церкви лишаются денежныхъ окладовъ и субсидій отъ республиканской казны,—значило бы откровенно ставить матеріальные интересы выше нравственныхъ и религіозныхъ; между тѣмъ именно такъ разсуждаютъ высшіе органы католичества во Франціи.

Въ папской энцикликѣ отъ 11 февраля, посвященной разбору и осужденію новаго французскаго закона, высказываются поразительные взгляды относительно взаимныхъ обязанностей церкви и государства:

церковь имѣетъ право получать казенныя деньги на свое содержаніе, такъ какъ за это она приближаетъ людей къ Богу и заступается за нихъ передъ престоломъ Всевышняго; никакая государственная власть не можетъ отмѣнить или измѣнить установленныя когда-то обязательства въ пользу духовенства, и конкордатъ, разъ заключенный въ началѣ девятнадцатаго вѣка, долженъ сохраняться на вѣчныя времена, если онъ выгоденъ для церкви. Папа Пій X долго и обстоятельно доказываетъ, что Франція не имѣла права уничтожить свой договоръ съ Ватиканомъ и создать для французскаго духовенства новое положеніе взамѣнъ прежняго, установленнаго Бонапартомъ; она этимъ нарушила будто бы должное уваженіе къ авторитету верховнаго главы церкви, между тѣмъ какъ „она обязана была считать его державу выше всѣхъ другихъ политическихъ державъ, ибо его власть имѣетъ отношеніе къ вѣчному благу душъ и распространяется повсюду". Другими словами, французское правительство обязано вѣрить въ божественную миссію римской церкви, и своимъ невѣріемъ оно отступило будто бы отъ общихъ началъ международнаго права. Самое содержаніе новаго закона, по мнѣнію Пія X, противорѣчитъ тѣмъ основамъ, на которыхъ Іисусъ Христосъ устроилъ свою христіанскую церковь. По евангелію, церковь состоитъ изъ пастырей и стада,—т. е. „изъ лицъ, облеченныхъ неограниченными полномочіями для управленія, поученія и суда, и занимающихъ мѣста на различныхъ ступеняхъ духовной іерархіи, и изъ множества вѣрующихъ". Эти двѣ категоріи совершенно различны: всѣ права и весь авторитетъ принадлежатъ пастырямъ, а остальное общество „имѣетъ только одну обязанность—давать себя вести и, въ качествѣ послушнаго стада, слѣдовать за своими пастухами". Такъ разъяснилъ святой Кипріанъ, и его толкованіе основано на божественномъ законѣ; но французскій законъ объ отдѣленіи церкви, въ противоположность этимъ принципамъ, „предоставляетъ управленіе и заботы публичнаго культа не іерархіи, божественно установленной Спасителемъ, а союзу или ассоціаціи свѣтскихъ лицъ"; къ этой ассоціаціи „переходитъ пользованіе храмами и священными зданіями; она будетъ владѣть всѣми церковными имуществами, движимыми и недвижимыми; она будетъ распоряжаться, хотя и временно, епархіями, пресвитеріями и семинаріями; она, наконецъ, будетъ завѣдывать имѣніями, регулировать сборы и получать лепты и завѣщательные дары, предназначенные для религіознаго культа. Что же касается іерархіи пастырей, то о ней не говорится въ законѣ ни слова". Съ точки зрѣнія римскаго папы, нельзя умолчать о духовной іерархіи, когда дѣло идетъ о завѣдываніи церковными имуществами и о распредѣленіи доходовъ, ибо въ этомъ заключается важнѣйшая задача пастырей; ради заботъ объ имѣніяхъ боже-

ственный Спаситель отличилъ пастырей отъ стада, и о доходахъ думалъ святой Кипріанъ въ своихъ благочестивыхъ размышленіяхъ. Духовные пастыри, по словамъ папы Пія X, лишаются всякаго значенія и авторитета, если управленіе церковными имѣніями и доходами переходитъ къ „обществу свѣтскихъ людей", къ ассоціаціямъ мѣстныхъ приходовъ. Руководствуясь этими идеями, „въ силу своей обязанности защищать священныя и неприкосновенныя права церкви, въ силу высшаго авторитета, полученнаго отъ Бога", папа Пій X торжественно осуждаетъ и предаетъ проклятію изданный во Франціи законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, какъ „глубоко-оскорбительный для Господа Бога", „нарушающій естественное право, международные обычаи и вѣрность заключеннымъ договорамъ; противный божественному устройству церкви, ея существеннымъ правамъ и ея свободѣ; ниспровергающій справедливость и уничтожающій права собственности, пріобрѣтенныя церковью по многочисленнымъ основаніямъ и, между прочимъ, въ силу конкордата". Разумѣется само собою, что, по твердому убѣжденію папы Пія X, эти права собственности будутъ сохранены божественнымъ Провидѣніемъ и никогда Іисусъ Христосъ не оставитъ ихъ безъ своей спасительной охраны. Въ заключеніе папа рекомендуетъ французскимъ прелатамъ, „пока будетъ продолжаться преслѣдованіе и угнетеніе", бороться всѣми силами за истину и справедливость и „вести эту борьбу съ тѣмъ неутомимымъ усердіемъ, какимъ издревле отличались католическіе іерархи во Франціи".

Очевидно, сами руководители римской церкви уже не чувствуютъ, какъ странно и дико звучатъ ссылки на Іисуса Христа и на евангеліе въ подтвержденіе имущественныхъ правъ духовенства, въ защиту ихъ притязаній на денежные доходы и на жалованье отъ казны. Всякій видитъ, что взглядъ республиканскаго правительства несравненно ближе къ духу евангелія и даже къ комментаріямъ святого Кипріана, чѣмъ беззастѣнчиво-матеріальная точка зрѣнія папской энциклики. Внутренняя автономія религіозныхъ общинъ съ ихъ пастырями и пасомыми предполагаетъ свободу дѣйствій и въ способахъ завѣдыванія матеріальными церковными дѣлами и интересами, и нѣтъ разумнаго повода утверждать, что выборные представители приходовъ перестали бы смотрѣть на іерарховъ какъ на своихъ духовныхъ наставниковъ и вождей, еслибы послѣдніе сочли нужнымъ предоставить управленіе церковными имуществами самимъ прихожанамъ; можно думать даже, что религіозный авторитетъ духовенства повысился бы, съ избавленіемъ служителей церкви отъ постороннихъ и неподходящихъ для нихъ функцій. Предоставивъ вѣрующимъ католикамъ свободно устраивать свои церковныя дѣла, республика не только не нарушаетъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, какъ говоритъ папа Пій X, но напротивъ, облегчаетъ практиче-

ское осуществленіе тѣхъ высшихъ нравственныхъ началъ, безъ которыхъ организація церкви есть тѣло безъ души. Именемъ Христа спеціально завладѣли люди, проникнутые духомъ гордости и корыстолюбія, и это отсутствіе реальнаго христіанства въ его оффиціальныхъ носителяхъ стало уже общимъ фактомъ, одинаково свойственнымъ какъ Западу, такъ и Востоку. Объ этой родственной близости церквей недавно еще напомнило воззваніе нашего синода, обращенное спеціально къ неимущимъ и доказывающее имъ неприкосновенность права собственности богатыхъ: голодающимъ предлагается то утѣшеніе, что „не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ", а потому они не должны соблазняться чужими избытками, хотя бы неправедно пріобрѣтенными, ибо богатымъ, кромѣ хлѣба, нужно еще многое другое. Аргументація на эту тему, испещренная текстами священнаго писанія, производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и новѣйшая энциклика папы Пія X. Возвышенные тексты давно уже превратились въ орудіе разсчетливаго фарисейства и сухого канцелярскаго формализма, а между тѣмъ даже во Франціи значительная часть населенія слѣпо идетъ за фарисеями, выдающими себя за выразителей подлиннаго христіанства. Дать другое, болѣе плодотворное направленіе умамъ французской народной массы могла бы только широкая система общаго народнаго образованія, которая обнимала бы и женскую половину націи, и въ этомъ отношеніи пріемы поверхностной борьбы съ клерикализмомъ только отдаляютъ республику отъ единственнаго правильнаго пути...

Сохранившіеся остатки личнаго режима съ каждымъ годомъ даютъ себя все сильнѣе чувствовать въ Австро-Венгріи, и чѣмъ старше становится императоръ Францъ-Іосифъ, тѣмъ упорнѣе и настойчивѣе пользуется онъ своими формальными монархическими правами для безплодной борьбы противъ парламентской оппозиціи въ обѣихъ половинахъ имперіи. Въ Венгріи кризисъ настолько обострился, что внѣшняя связь ея съ Австріею подвергается уже серьезной опасности, и только замѣчательная сдержанность мадьярскаго народа и его популярныхъ вождей избавила до сихъ поръ страну отъ крупныхъ и непоправимыхъ увлеченій. Такъ какъ большинство венгерскаго парламента не подчиняется личнымъ желаніямъ и требованіямъ монарха, особенно въ вопросѣ объ арміи, то правительство прибѣгаетъ къ распущенію и къ новымъ выборамъ, которые опять приводятъ къ тому же результату, и Венгрія не выходитъ изъ этого заколдованнаго круга въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. На этотъ разъ не нашлось министровъ, готовыхъ взять на свою отвѣтственность распущеніе непокорной палаты, недавно только выбранной, и императоръ долженъ былъ назна-

чить чрезвычайнаго военнаго коммиссара съ исключительными полномочіями, чтобы осуществить свое рѣшеніе при помощи вооруженной силы. Утромъ 19 (6) февраля зданіе парламента было окружено войсками; тѣмъ не менѣе, депутаты безпрепятственно собрались къ назначенному часу, и засѣданіе открылось среди лихорадочнаго общаго возбужденія. Предсѣдательствовавшій вице-президентъ Раковскій прочелъ сначала королевское посланіе о созывѣ палаты, а затѣмъ письмо генерала Нііри, въ которомъ послѣдній сообщаетъ о назначеніи его чрезвычайнымъ коммиссаромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаетъ президенту прочесть приложенное королевское посланіе о распущеніи палаты, послѣ чего закрыть засѣданіе; въ противномъ случаѣ предстояло бы употребленіе силы. Президентъ заявилъ палатѣ, что королевское собственноручное посланіе должно быть возвращено генералу Нііри, такъ какъ согласно конституціи палата сносится съ королемъ только черезъ посредство министра-президента. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось и собраніе, послѣ чего депутаты разошлись, назначивъ день слѣдующаго засѣданія; но, нѣсколько минутъ спустя, помѣщеніе палаты было занято военнымъ отрядомъ; полковникъ Фабрици взошелъ на президентскую трибуну и, по порученію чрезвычайнаго коммиссара, прочелъ королевское посланіе о распущеніи палаты и о предстоящемъ назначеніи срока для производства новыхъ выборовъ. Присутствовавшая на галереяхъ публика встрѣтила это чтеніе шумными протестами, и полковникъ Фабрици распорядился очистить залъ и занять все зданіе полиціей и войсками. Никакихъ серьезныхъ столкновеній при этомъ не произошло, и въ городѣ сохранилось внѣшнее спокойствіе; но самые миролюбивые патріоты Венгріи сознаютъ, что эта неустанно вызывающая и раздражающая политика вѣнскаго двора приведетъ въ концѣ концовъ къ катастрофѣ. О династіяхъ можно сказать, какъ и о книгахъ,—что онѣ также habent sua fata, какъ и lebelli.

Новая парламентская сессія въ Англіи была открыта лично королемъ Эдуардомъ 19 (6) февраля, при обычной торжественной обстановкѣ. Въ тронной рѣчи высказана, между прочимъ, „серьезная надежда", что мароккская конференція окончитъ свои занятія безъ ущерба для сохраненія общаго мира; относительно Трансвааля и Оранжевой колоніи отмѣнены распоряженія о временномъ переходномъ порядкѣ самоуправленія и объявлено о немедленной выработкѣ надлежащихъ конституціонныхъ актовъ, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и желаніямъ. „Эти свободныя учрежденія, — какъ сказано въ тронной рѣчи, — должны имѣть своимъ послѣдствіемъ, какъ и въ другихъ частяхъ имперіи, усиленный ростъ благосостоянія и укрѣп-

леніе связи съ метрополіею". Цѣлый рядъ крупныхъ реформъ намѣченъ въ области внутреннихъ дѣлъ, особенно по отношенію къ Ирландіи и по рабочему вопросу; во всемъ выражается твердая рѣшимость дѣйствовать въ духѣ народныхъ интересовъ, для удовлетворенія политическихъ и экономическихъ потребностей народныхъ массъ. Оппозиціонныя группы консерваторовъ и уніонистовъ начинаютъ вновь организоваться и собираться съ силами; возстановлено внѣшнее единство партіи путемъ формальнаго соглашенія, выразившагося въ обнародованной перепискѣ между Бальфуромъ и Чемберлэномъ по вопросу о тарифной реформѣ,—причемъ роль лидера или вождя осталась номинально за бывшимъ премьеромъ, который даже не попалъ въ члены парламента. Одинъ изъ вѣрныхъ его сторонниковъ, представитель консервативной части лондонскаго Сити, мистеръ Джиббсъ, рѣшился пожертвовать собою и уступить свое мѣсто въ палатѣ Бальфуру; онъ объявилъ о сложеніи съ себя званія члена парламента съ цѣлью производства новыхъ выборовъ въ пользу бывшаго главы кабинета. Разумѣется, Бальфуръ былъ дѣйствительно избранъ въ предоставленномъ ему округѣ Лондона и такимъ образомъ вышелъ изъ неловкаго и отчасти комическаго положенія; но на авторитетъ настоящаго вождя партіи онъ разсчитывать уже не можетъ, и истиннымъ вдохновителемъ консервативно-уніонистской оппозиціи останется, безъ сомнѣнія, Чемберлэнъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1906.

I.

— Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двадцатая. Спб. 1906.

Уже неоднократно въ нашемъ журналѣ отмѣчалось обиліе матеріаловъ и общій характеръ этого изданія, посвященнаго изложенію жизни и трудовъ Погодина въ той атмосферѣ интересовъ, идей и общественныхъ теченій, среди которыхъ прошла дѣятельность этого много въ свое время поработавшаго человѣка. Умѣлымъ и зачастую кропотливымъ подборомъ соотвѣтствующихъ источниковъ г. Барсукову не разъ удавалось чрезвычайно мѣтко очертить тотъ общій фонъ среды, окружавшей Погодина, ту сторону міросозерцанія его современниковъ, на которой развились собственные, общественные и научные взгляды Погодина, и усерднымъ выразителемъ которыхъ онъ являлся на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ своей дѣятельности. На этомъ фонѣ рельефно выдѣляется фигура Погодина, производящая удивительно цѣльное впечатлѣніе, какъ чертами своего умственнаго и нравственнаго склада, такъ и типичнымъ отраженіемъ того общества, въ которомъ онъ жилъ своими общественными интересами и симпатіями. Искусно затушовывая свое личное, весьма уважительное отношеніе къ дѣятелю, надъ изученіемъ котораго такъ много поработалъ г. Барсуковъ, онъ сумѣлъ представить образъ Погодина въ той объективной полнотѣ, которая устраняетъ критическій анализъ со стороны автора уже самымъ методомъ изслѣдованія и расчищаетъ дорогу для той критики, которая, принявъ цѣнный трудъ г. Барсукова, какъ готовый матеріалъ, приступитъ къ новой работѣ — къ всесторонней оцѣнкѣ Погодина съ различныхъ точекъ зрѣнія—исторической, литературной, общественной, моральной и т. д.

Послѣ труда г. Барсукова эта оцѣнка, несомнѣнно, не заставитъ себя долго ждать, и у общественнаго сознанія явится возможность уяснить значеніе жизни и дѣятельности Погодина самымъ точнымъ образомъ. Но рядомъ съ этой работой немалую роль будетъ играть и та историческая обстановка, которую авторъ создалъ изъ разнаго рода извлеченій и документовъ. Конечно, эпоха рисуется здѣсь лишь съ одной стороны, уже отмѣченной выше, и было бы несправедливо упрекать автора въ односторонности освѣщенія или въ тенденціозномъ подборѣ чертъ. Слѣдуетъ помнить, что его задачей является начертаніе жизни Погодина и „того, по выраженію Гончарова, что къ ней приростало“, и не вина автора, если жизнь, имъ изображаемая, не достигала тѣхъ глубинъ общественнаго и народнаго самосознанія, откуда брали свое начало наиболѣе стремительные ключи, сливавшіеся въ вешній потокъ молодой русской жизни. Но неопытный читатель былъ бы горестно обманутъ, еслибы въ исторической обстановкѣ Погодина усмотрѣлъ отраженіе цѣлой эпохи—и еще какой: половины шестидесятыхъ годовъ! Русская жизнь, бившая ключомъ въ борьбѣ противоположныхъ стихій, лишь блѣдно и мертвенно отражается въ той массѣ оффиціальныхъ, въ огромномъ большинствѣ, и полуоффиціальныхъ документовъ, среди которыхъ сама личность Погодина какъ-то теряется и отходитъ на отдаленный планъ. Въ двадцатомъ томѣ г. Барсуковъ сосредоточилъ, какъ и во многихъ прежнихъ, много такихъ матеріаловъ, которые, преобладающимъ образомъ, выражаютъ взгляды и чувства оффиціальной Россіи, далеко не дающія права отожествлять ихъ съ той равнодѣйствующей общественнаго міросозерцанія извѣстной эпохи, которая ложится въ основу исторической оцѣнки. Но при желаніи можно было бы составить по этимъ матеріаламъ не лишенный своеобразнаго интереса очеркъ системы правительственныхъ дѣйствій, предпринимавшихся въ связи съ ходомъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій...

По своему содержанію большинство приводимыхъ г. Барсуковымъ извлеченій и документовъ относится къ исторіи польскаго возстанія. Въ настоящее время, переживъ сложный комплексъ идей, рожденный событіями послѣднихъ лѣтъ нашей жизни, читатели могутъ вполнѣ критически отнестись къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ создалось польское движеніе. Не говоря о цѣломъ рядѣ ошибокъ и увлеченій, допущенныхъ съ той и другой стороны издавна, нельзя не видѣть, какое роковое недоразумѣніе лежало между законнымъ стремленіемъ къ политическому единству имперіи и политикой преградъ національному самоопредѣленію путемъ насильственнаго руссифицированія обширной народной массы, проникнутой сознаніемъ своей національной индивидуальности, своимъ европейски развитымъ языкомъ, своей куль-

турой. Отвергая тотъ неизмѣнный принципъ, по которому добровольный союзъ на началахъ солидарности взаимныхъ интересовъ гораздо надежнѣе и крѣпче насильственнаго покоренія и поддержанія страха и трепета, наше правительство продолжало политику, начатую въ 1831 году и основанную на намѣреніи отнять у покоренной народности самобытный національный обликъ и замѣнить исторически усвоенные навыки культурнаго существованія иными, присущими господствующей народности. Никакая революціонная пропаганда не приводитъ съ такимъ успѣхомъ къ вооруженному возстанію, какъ національная вражда или ненависть угнетаемаго къ угнетателю; эти-то чувства и стали источникомъ величайшихъ затрудненій для русскаго правительства со стороны Польши. Эти затрудненія въ описываемую г. Барсуковымъ эпоху создавали прежде всего ту смуту, которою такъ умѣло пользовались наши зарубежные сосѣди для своихъ цѣлей. Отторженіе польскихъ губерній отъ Россіи было, какъ это видно и изъ матеріаловъ настоящаго тома, по весьма понятнымъ причинамъ, невыгодно Бисмарку—и въ этомъ можно было усматривать и секретъ нашего успѣха въ подавленіи возстанія, успѣха, въ которомъ печальная роль Муравьева заняла далеко не первое мѣсто. Послѣдній былъ расторопнымъ, но и весьма близорукимъ выразителемъ того оффиціальнаго взгляда на Польшу, который сводилъ всѣ задачи государственной политики къ истребленію „крамолы", а проявленія національной вражды и раздраженія объяснялъ исключительно дѣятельностью революціонныхъ агитаторовъ и вообще злоумышленныхъ агентовъ. Висѣлицы были для Муравьева однимъ изъ тѣхъ умиротворяющихъ средствъ, представленіе о которыхъ исключало всякую необходимость изысканія иныхъ, просвѣтительныхъ и культурныхъ способовъ успокоенія страны, поколебленной, благодаря вѣковымъ неурядицамъ, въ самыхъ устояхъ экономической и правовой жизни.

По матеріаламъ г. Барсукова, Муравьевъ рисуется истинно-русскимъ человѣкомъ, неуклоннымъ въ исполненіи служебнаго долга. Онъ трудолюбивъ, прямъ и рѣзокъ въ обращеніи, не знаетъ пощады и своей суровостью возбуждаетъ противъ себя даже ближайшихъ совѣтниковъ государя. Чрезвычайно любопытна та отмѣчаемая г. Барсуковымъ атмосфера разнородныхъ вліяній и интригъ, которая окрашиваетъ отношенія между царемъ и даже такими слѣпыми и открытыми исполнителями его воли, какимъ былъ Муравьевъ. Дѣятельность Муравьева, какъ усмирителя, слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы слѣдовало останавливаться на ней въ данномъ случаѣ, но что были возможны другіе способы умиротворенія, доказываетъ хотя бы приводимый авторомъ эпизодъ съ генераломъ Баклановымъ, который, несмотря на свою репутацію „людоѣда", умѣлъ удержать свои кара-

тельные порывы въ предѣлахъ разума и въ пониманіи долга, возвысился до той идеи, что недостойно творить жестокости надъ людьми, положившими оружіе и молящими о пощадѣ.

По польскому вопросу Погодинъ написалъ много статей, въ которыхъ онъ то останавливался на отдѣльныхъ проявленіяхъ революціонной борьбы, то, инспирируемый Горчаковымъ, выступалъ обличителемъ француза де-Марса, помѣстившаго въ „Revue des deux Mondes“ статью „La Pologne, ses anciennes provinces et ses véritables limites“, „которая привела государя и государыню въ сильное негодованіе“. Погодинъ внимательно слѣдилъ за всѣми перипетіями польскаго вопроса и горячо отзывался на нихъ, но въ позднѣйшихъ взглядахъ его произошла значительная перемѣна сравнительно съ тѣмъ, что онъ высказывалъ раньше. Погодинъ кается въ своихъ „ошибкахъ“. „Я долго думалъ,—пишетъ онъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,—что поляки могутъ отказаться отъ мысли о своихъ старыхъ завоеваніяхъ въ Россіи. Нѣтъ, я теперь удостовѣрился, что не только революціонеры, не только эмигранты, не только завзятые поляки, но даже самые смирные, любезные, добрые не могутъ отстать отъ этой мысли: это выше ихъ натуры. Ну, такъ я теперь и осуждаю свою старую мечту, и говорю, что на ней строить ничего нельзя, что изъ западныхъ русскихъ губерній должны быть выжиты поляки, во что бы то ни стало, выкурены, высланы, выпровожены по казенной надобности, съ деньгами, съ заемными на насъ письмами, съ ксендзами, со всѣмъ скарбомъ и трауромъ, со всѣмъ движимымъ имуществомъ, а недвижимое,—земля, наша, кровная, русская,—и Польшѣ изъ нея ни пяди!“

Наряду съ подобными глубокомысленными соображеніями, Погодинъ самый фактъ измѣненія своихъ взглядовъ разсматривалъ, какъ одинъ изъ аргументовъ ихъ убѣдительности. Исходнымъ пунктомъ его разсужденій было убѣжденіе о необходимости Россіи и Польшѣ быть „подъ одною державою“. Но вѣдь сущность вопроса сводилась не столько къ этому общему принципу, сколько къ тѣмъ частнымъ условіямъ, при которыхъ онъ могъ осуществиться. А въ числѣ ихъ Погодину казалось необходимымъ лишить Польшу мѣстнаго самоуправленія, за которое прежде онъ ратовалъ. Естественно, что при всей этой путаницѣ понятій не могли принести благого результата и тѣ миролюбивыя обращенія Погодина къ полякамъ, которыми онъ заканчивалъ свои „Итоги“. „Братья, братья! Долго ли жъ литься крови! Довольно, довольно! Вы видите, что ничего не выходитъ для васъ, для польскаго дѣла, изъ вашихъ усилій“...

По другому коренному недоразумѣнію нашей внутренней политики—вопросу о малороссійскомъ языкѣ и литературѣ, приведемъ напечатанное у г. Барсукова мнѣніе бывшаго министра народнаго про-

свѣщенія Головнина. Валуевъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, обратился къ нему съ запросомъ о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на малорусскомъ нарѣчіи при обученіи простого народа. Головнинъ отвѣчалъ: „Сущность сочиненія, мысли, изложенныя въ ономъ и вообще ученіе, которое оно распространяетъ, а отнюдь не языкъ или нарѣчіе, на которомъ написано, составляютъ основаніе къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и что стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать, весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія. По сему министерство народнаго просвѣщенія обязано поощрять и содѣйствовать подобному старанію. Затѣмъ, если стараніе это производится нѣкоторыми лицами, какъ личина, прикрывающая преступные замыслы, и если книги, писанныя на малороссійскомъ языкѣ, употребляются какъ орудіе вредной антирелигіозной или политической пропаганды, то цензура обязана запрещать подобныя книги; но запрещать ихъ за мысли, въ нихъ изложенныя, а не за языкъ, на которомъ писаны, и если таковыхъ сочиненій представляется въ кіевскій цензурный комитетъ значительное число, то комитетъ сей могъ бы просить о временномъ усиленіи личнаго состава цензоровъ. Требованіе же комитета, чтобы приняты были мѣры противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ языкѣ, я нахожу совершенно неосновательнымъ. Что же касается до мнѣнія кіевскаго генералъ-губернатора, что опасно и вредно выпустить въ свѣтъ малороссійскій переводъ Новаго Завѣта, разсматриваемый духовною цензурою, то изъ уваженія къ г-ну генералъ-адъютанту Анненкову, я объясняю себѣ подобный отзывъ какою-то непонятною канцелярскою ошибкою“.

Этотъ отзывъ просвѣщеннаго министра затерялся, какъ извѣстно, вскорѣ подъ грудой мертвыхъ канцелярскихъ отношеній и оберъ-прокурорскихъ справокъ и въ оффиціальной политикѣ не получилъ должнаго значенія. По отношенію къ Малороссіи и во взглядахъ Погодина значительно больше безпристрастія и пониманія дѣла.

Нельзя не отмѣтить, что въ количественномъ отношеніи „Русскій Архивъ“ и „Русская Старина“ доставили г. Барсукову наибольшее число матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ авторъ коснулся эпохи, еще почти не затронутой историческимъ изслѣдованіемъ въ цѣломъ, и за нимъ останется заслуга одной изъ первыхъ подготовительныхъ работъ, которая послужитъ введеніемъ въ научное изученіе одного изъ любопытнѣйшихъ историческихъ періодовъ.

II.

— Былое. Книга первая. Подъ ред. В. Я. Богучарскаго и П. Е. Щеголева. Изд. Н. Е. Парамонова. Спб. 1906.

Первая книга этого новаго изданія, посвященнаго исторіи освободительнаго движенія въ Россіи, полна выдающагося общественнаго и историческаго интереса. Это первое изданіе, предназначенное не только служить цѣлямъ сохраненія и опубликованія случайныхъ матеріаловъ, пріобрѣтающихъ архивный отпечатокъ, но и питать живую общественную мысль въ жгучіе моменты политической борьбы, когда справка о недавнемъ прошломъ должна стоять у всѣхъ передъ глазами. Необходимость въ подобномъ изданіи ощущается въ настоящее время тѣмъ сильнѣе, что, благодаря цензурнымъ стѣсненіямъ, не было возможности своевременно опубликовывать документы и изслѣдованія, касающіеся именно освободительнаго движенія, и исторія послѣдняго имѣла наполовину видъ преданія, какъ бы завѣта, передававшагося изъ одного поколѣнія въ другое, и только урывками или сквозь призму условностей и недомолвокъ проникала на страницы печати, оставляя неудовлетвореннымъ чувство законной общественной любознательности и стремленія къ правдѣ. Вотъ какъ опредѣляетъ свои задачи новое изданіе: „Познаніе настоящаго немыслимо безъ познанія прошлаго,— „былого",—а велики ли въ нашемъ обществѣ матеріалы для такого познанія? Развѣ самодержавно-полицейскій строй не напрягалъ всѣхъ своихъ силъ, чтобы лишить общество этого познанія, развѣ доступны и въ настоящее время даже для спеціалистовъ многочисленные правительственные тайники, въ которыхъ хранятся сокровища прошлаго нашего освободительнаго движенія, и развѣ, благодаря все тѣмъ же условіямъ, все тому же отсутствію свободы и неприкосновенности личности, много у насъ найдется лицъ, которыя вели бы дневники и записки о тѣхъ событіяхъ, участниками или свидѣтелями которыхъ сдѣлала ихъ судьба? Да, познаніе прошлаго нашего освободительнаго движенія — дѣло нелегкое. Нелегкое, но не невозможное. Коллективными усиліями можно и должно побѣдить препятствія, и къ этой-то совмѣстной работѣ и зоветъ „Былое" всѣхъ участниковъ движенія, всѣхъ владѣльцевъ цѣнныхъ документовъ, всѣ, посвященныя этому дѣлу, научныя силы, всѣхъ, кому есть о чемъ повѣдать родной странѣ".

Несмотря на то, что въ этой книжкѣ собраны статьи и матеріалы, относящіеся къ различнымъ періодамъ и сторонамъ общественнаго развитія, они во всемъ своемъ объемѣ производятъ довольно цѣло-

стное впечатлѣніе и отмѣчаютъ какъ бы отдѣльные моменты идеи наростанія политическаго самосознанія въ обществѣ. Теоретическимъ введеніемъ служитъ сдѣланная В. И. Семевскимъ сжатая, но мѣткая характеристика основныхъ пунктовъ въ развитіи вопроса о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Здѣсь только часть статьи г. Семевскаго, но и изъ нея читатель выноситъ наглядное впечатлѣніе, съ какимъ трудомъ совершается процессъ освободительной борьбы, начавшейся робкими попытками внушить правительству мысль о необходимости ограничить произволъ единодержавія и противопоставить деспотическимъ наклонностямъ монарха аристократическую олигархію или, позже, безвластные совѣщательные органы. Читатель съ большимъ интересомъ прочтетъ тѣ страницы, гдѣ изложена судьба благороднѣйшихъ стремленій человѣческаго ума, направленныхъ на то, чтобы доказать просвѣщеннѣйшей изъ русскихъ государынь, что—„нѣтъ истиннаго монарха, не можетъ быть истиннаго законодателя, кромѣ народа". Если самъ народъ будетъ составителемъ законовъ, то будетъ почитать ихъ, повиноваться имъ и защищать ихъ. Это говорилъ еще Дидро въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу Екатерининскаго Наказа; это же говорили Екатеринѣ и умнѣйшіе русскіе люди. Но ей, какъ это было и впослѣдствіи, эти благія внушенія представлялись „просто болтовней", тѣми безплодными мечтаніями, въ которыхъ, замѣтимъ, воплотились наиболѣе завѣтныя надежды достойнѣйшихъ сыновъ родины, ихъ пламенная готовность самопожертвованія, ихъ геройскій пылъ патріотическаго экстаза. Императрица Екатерина—прообразъ русскаго самодержавія вообще въ его наиболѣе сознательной формѣ. Она понимала свое положеніе и не долго была на границѣ между „деспотическимъ" произволомъ и признаніемъ законной народной воли. Или государство мнѣ служитъ, или я служу государству—другого выхода быть не могло. „Если бы мой Наказъ былъ составленъ во вкусѣ Дидро,—говорила Екатерина,—онъ могъ бы опрокинуть все вверхъ дномъ". Коренное измѣненіе способовъ управленія государствомъ составило одну изъ задачъ освободительнаго движенія. Одни, какъ извѣстно, пытались разрѣшить ее путемъ мирной эволюціи, путемъ просвѣщенія, культуры, указаніемъ на законы исторической послѣдовательности и логику событій. Другіе не видѣли иного исхода, кромѣ того, который представлялся въ непримиримой ожесточенной борьбѣ. Возвращаясь къ статьѣ г. Семевскаго, замѣтимъ, что въ числѣ преобразовательныхъ проектовъ екатерининской эпохи авторъ останавливается на весьма любопытной запискѣ С. Е. Десницкаго, навѣянной собраніемъ коммиссіи для составленія новаго уложенія (печатается въ „Запискахъ" I-го и III-го Отд. Акад. Наукъ).

Г. Семевскій съ особенной подробностью останавливается на либеральныхъ проектахъ Сперанскаго, отвѣчавшихъ тому образу мыслей, къ которому склонялся, повидимому, въ первую половину своего царствованія императоръ Александръ I, но судьба записки Сперанскаго и постигшая вскорѣ его самого участь показали, насколько поверхностны, непослѣдовательны и неискренни были увлеченія Александра I идеей основать истинное благоденствіе народовъ на милости, справедливости и разумѣ. Записки Мордвинова и Новосильцова были уже значительно блѣднѣе проекта Сперанскаго и соотвѣтствовали тому обнаруженію истиннаго характера государя, который уже открывалъ въ Александрѣ I мрачныя перспективы весьма сомнительной дружбы съ просвѣщеніемъ и аракчеевской диктатуры.

Читатели съ нетерпѣніемъ будутъ ожидать продолженія работы г. Семевскаго.

Первымъ знаменательнымъ актомъ политической борьбы было событіе, связавшееся въ исторіи съ датою 14 декабря. Въ послѣднее время появилось много цѣнныхъ документовъ, относящихся къ этому событію, и уже начинаютъ появляться работы обобщающаго характера. Таковою можетъ почитаться и статья П. Е. Щеголева о П. Г. Каховскомъ, личность котораго сравнительно съ другими декабристами оставалась дѣйствительно мало освѣщенной. Но первостепенный интересъ пріобрѣтаютъ матеріалы, относящіеся къ освободительному движенію ближайшихъ къ намъ десятилѣтій. Помимо чисто-историческаго значенія, сколько въ нихъ истинно-человѣческаго, глубоко-трагическаго, сколько величайшихъ проявленій самоотверженія въ титанической борьбѣ съ желѣзными оковами русской дѣйствительности! Какой сюжетъ для міровой героической эпопеи!

Поистинѣ хочется думать, что это не близкая намъ жизнь, но средневѣковая поэма, созданная демоническимъ воображеніемъ полубезумнаго поэта. Картины, словно нарочно придуманныя для возбужденія трагическаго ужаса, неотступно преслѣдуютъ читателя. Прологъ—русская жизнь второй половины девятнадцатаго вѣка, бурная, мрачная, съ меркнущей полоской зари на горизонтѣ, стихійно нестройная, страждущая и жаждущая свободы. Картина первая—лучшіе представители интеллигенціи, цвѣтъ русской молодежи идетъ добровольно во имя стремленія къ свободѣ и правдѣ на долгіе годы заточенія, на ссылку въ безпросвѣтныя тундры отдаленной Сибири, на смерть; кругомъ раздается зловѣщее шипѣнье доноса и сыска, скрипятъ перья въ канцелярскихъ застѣнкахъ, созданныхъ для уловленія крамолы, и грубая полицейская рука забирается въ завѣтнѣйшіе уголки человѣческой души, циничный полицейскій взоръ пробѣгаетъ по милымъ строкамъ дружескаго письма... Одного упоминанія, одного

имени достаточно, чтобы вырвать общественнаго дѣятеля изъ родной среды, лишить его семьи и близкихъ, а общество—полезнаго работника,—и посадить его въ тюрьму... Такъ было съ Н. Г. Чернышевскимъ, арестованнымъ по упоминанію его имени въ письмѣ Герцена къ Серно-Соловьевичу. Это письмо напечатано М. К. Лемке въ разбираемой книгѣ „Былого". „Изъ отношенія главноуправляющаго III-мъ отдѣленіемъ къ предсѣдателю экстренно высочайше учрежденной слѣдственной коммиссіи, кн. А. Ѳ. Голицыну, отъ 9 іюля видно,—говоритъ г. Лемке,—что упоминаніе имени Чернышевскаго въ письмѣ Герцена и было причиной ареста перваго, а не анонимное письмо, о которомъ говорили потомъ и даже упоминалось въ сенатскомъ опредѣленіи". Забытый нынѣ писатель М. И. Михайловъ привезъ изъ заграницы сочиненное совмѣстно съ Герценомъ обращеніе къ молодежи, гдѣ говорилось о необходимости объединенія и дружной совмѣстной работы во имя спасенія родины,—и вотъ его постигаетъ суровый приговоръ—его ждетъ крѣпость, каторга и преждевременная смерть. Изъ крѣпости Михайловъ шелъ навстрѣчу роковому будущему самоотверженно и бодро. Замѣтка „Былого", посвященная ему, сохранила трогательное стихотвореніе, оставленное Михайловымъ молодежи въ отвѣтъ на ея горячій привѣтъ. Тамъ говорилось:

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ,
И надежды и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.
Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.
Но и тамъ на зло гоненью
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.
Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:
Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!..

Такъ сильна была вѣра въ освободительный идеалъ, которой предстояло двигать горы... А жизни гасли, молодыя, честныя, полныя силъ и самоотверженнаго горячаго порыва, гасли, какъ звѣзды, посылая свои кроткіе, любящіе лучи темной народной массѣ.

Другая картина: пышный дворцовый залъ. Роковое засѣданіе

8 марта 1881 года. О немъ разсказываетъ „Былое“ со словъ одного изъ участниковъ. Можно себѣ представить, какъ напряженно бились сердца подъ блестящими мундирами сановниковъ, призванныхъ дать совѣтъ Государю, идти ли ему по новому пути, уже предначертанному его отцомъ и открывавшему еще отдаленныя, правда, но уже ясныя дали народной свободы, или остаться на прежней дорогѣ угнетенія и народнаго рабства. Отзвучали слова, очевидно, взволнованнаго императора. Рѣчь была за министрами. Обсуждалась конституція, или, вѣрнѣе, тѣнь конституціи по проекту Лорисъ-Меликова. Вялы были рѣчи защитниковъ ея, въ нихъ не было увѣренности въ успѣхѣ своей защиты, можетъ быть чувствовалось, что вопросъ уже предрѣшонъ. Одинъ только голосъ раздался смѣлѣе и убѣжденнѣе другихъ,—это былъ голосъ Д. А. Милютина. Онъ говорилъ о неувѣренности правительства въ проведеніи либеральныхъ реформъ въ прошлое царствованіе, когда великодушныя намѣренія искажались и благія предначертанія царя-освободителя не находили достойныхъ исполнителей и истолковывались въ превратную сторону. Послѣ блестящаго начала—„въ Россіи,—говорилъ Милютинъ,—все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало раздаваться глухое недовольство... Въ самое послѣднее только время общество ожило, всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной императора Александра Николаевича, возникли предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ въ общество, и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникла и заграницу“... Не о широко развитой конституціи ратовалъ Милютинъ, но о скромномъ совѣщательномъ органѣ, при посредствѣ котораго доходило бы до государя слово о нуждахъ и дѣлахъ русскаго народа, необезличенное мертвящимъ бюрократическимъ духомъ, не посягалъ онъ и на полноту самодержавной власти, но, съ другой стороны, только въ прямомъ и честномъ голосѣ народныхъ представителей видѣлъ залогъ спасенія Россіи. Императоръ Александръ III перебилъ Милютина замѣчаніемъ, что императоръ Вильгельмъ предостерегалъ покойнаго государя отъ введенія представительнаго начала въ управленіи государствомъ. Теперь общество знаетъ, какую цѣну имѣли эти лицемѣрные совѣты Вильгельма, бывшаго орудіемъ политики желѣзнаго канцлера, но въ тѣ печальные дни, о которыхъ идетъ рѣчь, на нихъ опиралась вся сила реакціонной аргументаціи. Въ устахъ императора Александра III они обнаруживали и то, на чьей сторонѣ были его личные симпатіи и взгляды. Это почувствовалось сторонниками реакціи, и рѣчи ихъ полились увѣреннѣе и тверже. Особенно выдѣлился Побѣдоносцевъ въ своей рѣчи, ставшей отнынѣ достояніемъ

исторіи. Эта рѣчь замѣчательна своимъ тлетворнымъ духомъ ненависти и злобы ко всему, что пассивно или активно могло бороться съ политикой угнетенія и мрака; она замѣчательна своей лживостью, клеветническимъ извращеніемъ фактовъ, прикрытіемъ іезуитской личиною преданности государю. Онъ предлагалъ—и никто не отмѣтилъ явнаго несоотвѣтствія между его скорбью о почившемъ государѣ и несочувствіемъ всему направленію его дѣятельности—задушить все, чѣмъ красна была освободительная эпоха шестидесятыхъ годовъ, все—земство, новые суды, печать,—все это представлялось ему лишь сплошной „говорильней", только мѣшавшей желѣзной централизованной власти пресѣкать, направлять, опекать и благодѣтельствовать по своему вдохновенію и произволу.

Чашка вѣсовъ склонилась въ его сторону. Внутренняя политика была предуказана.

Картина третья—передъ вами казематы Шлиссельбурга. Унылая сѣверная природа, мрачныя стѣны, узенькія окна камеръ, часовые, жандармы — и все мертво, казенно, молчаливо. Въ узкихъ и темныхъ камерахъ томятся второй десятокъ лѣтъ оторванные отъ всякихъ связей съ міромъ живыхъ людей, дѣятели русской революціи, фанатики идеи, смѣлые идеалисты, мечтатели. Какъ они живутъ, о чемъ думаютъ, чѣмъ спасаютъ себя отъ умственной и моральной смерти, чѣмъ поддерживаютъ себя въ полной безнадежности своего существованія? На страницахъ „Былого" напечатанъ дневникъ одного изъ подобныхъ узниковъ, М. Ю. Ашенбреннера. Читая этотъ эпически-спокойный разсказъ, не хочется вѣрить, чтобы онъ могъ принадлежать человѣку, проведшему въ казематѣ двадцать лѣтъ лучшей поры своей жизни. Кучка людей, долгое время сносившаяся между собой только при посредствѣ толстой крѣпостной стѣны, старалась спасти себя отъ безумія, уже постигшаго многихъ изъ одинокихъ плѣнниковъ, усиленной работой, чтеніемъ, физическимъ трудомъ. Они и въ тюрьмѣ боролись съ правительствомъ въ лицѣ комендантовъ и сторожей, и такъ какъ ихъ гибель не входила въ виды департамента полиціи, то иногда и одерживали побѣды. Имъ удалось завести мастерскія, огороды, парники. О перемѣнахъ въ общественныхъ теченіяхъ и въ правительствѣ они догадывались по обращенію съ ними комендантовъ, руководимыхъ предписаніями свыше, да по посѣщеніямъ начальственныхъ лицъ. Соотвѣтственнымъ образомъ они испытали на себѣ и эпоху довѣрія, и режимъ Сипягина и Плеве. Мѣры администраціи, направлявшіяся къ стѣсненію узниковъ, были по большей части безсмысленны и жестоки. Иногда онѣ принимали видъ заботъ, и тогда на нихъ ложился отпечатокъ своеобразнаго трагическаго курьеза. Такъ, департаментъ заботился о нервахъ заключен-

ныхъ и запрещалъ къ выдачѣ сочиненія Достоевскаго, игнорируя въ то же время присутствіе между ними умалишенныхъ. Къ концу ихъ пребыванія имъ пришлось потѣсниться, извнѣ прибывали новые узники и подъ нихъ отвели мастерскія и помѣщенія, гдѣ прежде можно было сойтись и вести бесѣду. Однажды же ночью спѣшно во дворъ старой тюрьмы притащили бревна и соорудили висѣлицу,—и на слѣдующее утро заключенные догадались, что здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, навсегда перестало биться однозвучно съ ними настроенное сердце—это былъ Балмашевъ... Исторія пишется теперь гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде, и среди матеріаловъ переживаемаго нами времени записки Ашенбреннера займутъ почетное мѣсто. Онѣ будутъ сопричислены къ доказательствамъ той неумолимой логики судьбы, по которой ни одинъ правительственный режимъ съ его тюрьмами, висѣлицами, каторгами не могъ еще сломить геройской непоколебимости незамѣтныхъ работниковъ освобожденія, когда на сторонѣ послѣднихъ правда жизни.

И много еще другихъ картинъ рисуютъ намъ страницы „Былого" въ статьяхъ г-жи Гуревичъ и г. Бурцева, но изображаемые здѣсь факты и событія такъ современны намъ, такъ связаны живыми кровными нитями съ тѣмъ, что мы переживаемъ, что на нихъ тяжело останавливать вниманіе читателя. Пусть и они останутся тѣми же итогами роковой правительственной ошибки—вести народныя массы въ сторону обратную той, куда ведетъ ихъ законъ исторической необходимости, куда призываютъ наиболѣе жизненные интересы, откуда свѣтятъ идеалы общечеловѣческой справедливости, равенства и братства. Въ этихъ итогахъ—вся современная жизнь, въ ея картинахъ и образахъ полныхъ мрака и ужаса. А эпилогъ напишется завтра.

III.

— Исторія города Харькова за 250 лѣтъ его существованія (съ 1655-го по 1905-й годъ). Историческая монографія проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера. Съ планами и рисунками. Изданіе Харьковскаго городского общественнаго управленія. Томъ первый (XVII—XVIII вв.). Харьковъ, 1905.

Этотъ прекрасный трудъ по изученію одной изъ областей нашей родины долженъ остановить на себѣ самое серьезное вниманіе, какъ ученыхъ, такъ и большой читающей публики. Первые признаютъ важность цѣлаго ряда изслѣдованій, произведенныхъ на основаніи многочисленныхъ неизданныхъ источниковъ; вторые найдутъ въ этомъ обширномъ трудѣ много занимательныхъ картинъ частью исчезнувшаго, частью исчезающаго быта и историческихъ событій. Настоя-

щій, первый, томъ обнимаетъ XVII и XVIII вѣкъ и захватываетъ всѣ стороны городской жизни въ старый казацкій періодъ и затѣмъ въ эпоху послѣдовавшей за нимъ реформы, когда древнія бытовыя черты стали, подъ ея вліяніемъ, сглаживаться и нивеллироваться.

Открываясь повѣствованіемъ объ основаніи Харькова, около половины XVII вѣка, легендарнымъ казакомъ Харько (просторѣчивое прозвище отъ Харитона), книга охватываетъ, въ числѣ прочихъ, вопросы о старинной топографіи Харькова, составѣ и движеніи населенія, экономическомъ бытѣ (промыслы, ремесла и торговля), церкви и духовенствѣ, школѣ и образованіи, наукѣ, литературѣ, искусствѣ, наконецъ о бытѣ и правахъ харьковскаго общества. Въ главѣ о наукѣ читатели найдутъ очеркъ жизни и богословско-философскаго міросозерцанія Г. С. Сковороды; его литературныя произведенія разсмотрѣны въ главѣ о литературѣ, въ связи съ разборомъ сочиненій Орновскаго, казака Климовскаго, Филипповича, Витынскаго; въ главѣ объ искусствѣ данъ очеркъ харьковскаго театра XVIII вѣка по воспоминаніямъ Г. Ѳ. Квитки.

Знакомя читателей съ исторіей работы, планомъ и матеріаломъ ея, Д. И. Багалѣй говоритъ: „По самой темѣ, нашъ трудъ долженъ былъ получить описательный характеръ, тѣмъ болѣе, что онъ основывается, главнымъ образомъ, на неизданныхъ матеріалахъ, которые нужно было вводить въ текстъ часто даже, можетъ быть, въ ущербъ легкости изложенія. Но, давая описанія, мы въ то же время заботились о томъ, чтобы не упустить изъ виду общей эволюціи жизни г. Харькова въ различные историческіе моменты—въ казацкій періодъ его существованія, въ эпоху реформъ, въ XIX вѣкѣ. Наша задача и заключалась въ томъ, чтобы дать понятіе о постепенномъ ростѣ города Харькова съ точки зрѣнія матеріальной, умственной и нравственной культуры. Эта задача обусловила и планъ настоящаго труда. Но нерѣдко намъ приходилось вступать въ область чистаго изслѣдованія, въ виду того, что многимъ вопросамъ нужно было давать впервые научную постановку и рѣшеніе. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ представляютъ даже болѣе общій интересъ и рѣшеніе ихъ освѣтитъ кое въ чемъ съ одной стороны исторію Слободской Украйны, а съ другой — исторію русскихъ городовъ XVII, XVIII и XIX вв.". Авторъ справедливо полагаетъ, что его книга, будучи вполнѣ ученымъ трудомъ, по своему изложенію можетъ быть доступна и среднему читателю, особенно изъ лицъ, связанныхъ съ Харьковомъ; имѣя послѣднюю цѣль, составители сохранили—и это послужило только на пользу книги—и такія мелкія черты прошлаго (напримѣръ, имена жителей), которыя могли бы быть опущены въ изданіи, преслѣдующемъ спеціальныя научныя цѣли.

Особое вниманіе удѣляютъ составители вопросу о тѣхъ племенныхъ, бытовыхъ и культурныхъ чертахъ, изъ которыхъ складывалась національная физіономія коренныхъ насельниковъ Харькова. Останавливаясь на этнографическомъ и соціальномъ населеніи Харькова и проводя параллель между великорусскими и малорусскими элементами, авторъ изслѣдуетъ бывшія въ его рукахъ и, по его замѣчанію, „можетъ быть, не совсѣмъ точныя", статистическія данныя о числѣ жителей въ Харьковѣ въ первый періодъ его существованія. „Эти данныя,—говоритъ онъ,—даютъ только подробныя свѣдѣнія о великорусскихъ жителяхъ Харькова, потому что воеводы интересовались главнымъ образомъ ими, а малорусскіе поселенцы находились не въ ихъ вѣдѣніи, а подъ управленіемъ своихъ полковниковъ и имѣли свой особый соціальный строй, непохожій на таковой же строй населенія Московскаго государства. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что и число, и составъ проживавшаго въ Харьковѣ великорусскаго служилаго класса часто, можно даже сказать постоянно, измѣнялся,—слѣдовательно, онъ не являлся въ такой мѣрѣ устойчивымъ, какъ малорусскій; то въ немъ преобладали дѣти боярскія, то казаки полковой службы, то рейтары и солдаты; число ихъ колебалось болѣе чѣмъ на 500%. И это понятно: великорусскіе служилые люди сводились сюда правительствомъ не для заселенія города, а для его обороны и защиты отъ внѣшней опасности, которая была не всегда одинакова. Истинными же „насельниками" считались поселенцы-малороссы, которые пришли сюда на вѣчное жительство, построили дома и крѣпость, распахали пашни и превратились въ полувоенный, полуземледѣльческій и промышленный контингентъ основного, постояннаго, осѣдлаго харьковскаго населенія. Правда, и часть великорусскихъ служилыхъ людей, имѣвшихъ женъ и семьи, остававшихся на мѣстѣ на болѣе или менѣе продолжительное время, должна была обзавестись своими домами и пашнями, но ихъ, повидимому, было, во-первыхъ, немного, а во-вторыхъ, положеніе ихъ не было достаточно устойчиво, потому что, въ виду военныхъ соображеній, этихъ „сведенцевъ" всегда могли перевести (и дѣйствительно переводили) въ другое мѣсто; а такъ какъ колонизація окраинъ въ теченіе XVII-го вѣка продолжалась безостановочно и требовала отъ центральнаго правительства все новыхъ контингентовъ, причемъ прежніе украинскіе города теряли свой чисто военный характеръ, переходили на болѣе мирное положеніе и, слѣдовательно, не нуждались уже въ столь значительныхъ, какъ прежде, военныхъ гарнизонахъ, то контингенты эти отличались большою подвижностью и постоянно передвигались, по распоряженіямъ разряднаго приказа, изъ одного мѣста на другое, изъ одного окраиннаго пункта въ другой. Впрочемъ, нужно сказать, что и малорусское населеніе также отли-

чалось тогда значительною подвижностью, источникъ которой однако былъ иного происхожденія: великорусскіе сведенцы передвигались по распоряженію правительства, а малорусскіе „сходцы", т.-е. добровольные переселенцы, пользовались юридически правомъ вольнаго перехода и примѣняли это право на дѣлѣ въ очень широкихъ размѣрахъ. Быть можетъ, этимъ и объясняются отчасти тѣ колебанія въ численности малорусскаго населенія, которыя отмѣчены приведенными выше документами, хотя весьма вѣроятно, что въ этихъ послѣднихъ есть пробѣлы, которые существеннымъ образомъ вліяютъ на самыя цифры,— на ихъ уменьшеніе за извѣстные годы".

Въ дѣйствительности населеніе Харькова состояло въ описываемый періодъ изъ двухъ основныхъ группъ: казаковъ полковой службы и мѣщанъ, которыхъ московскіе акты называли „черкасами городовой службы"; въ послѣднюю категорію входила и группа ремесленныхъ цеховъ, малороссійскій типъ которыхъ авторъ доказываетъ документальными данными.

Особенно цѣнной представляется намъ глава, рисующая бытъ и нравы стариннаго харьковскаго населенія. Изслѣдуя мелкія бытовыя черты на основаніи инвентарныхъ описаній нѣсколькихъ типичныхъ хозяйствъ, авторъ пытается намѣтить любопытныя, но мало замѣтныя черты перехода изъ формъ жизни рядового казачества и казацкой старшины въ моментъ зарожденія первыхъ проблесковъ сословной наслѣдственности, а также борьбу культурно-бытового преданія съ вліяніями, приходившими извнѣ. Пытаясь установить извѣстный типъ патріархальнаго экономическаго строя въ его по возможности чистомъ и цѣльномъ видѣ, авторъ сопровождаетъ эту попытку необходимой оговоркой: „Въ основѣ быта лежало натуральное хозяйство, которое и доставляло бо̀льшую часть продуктовъ, необходимыхъ для потребленія. Нѣкоторые изъ нихъ фигурируютъ и въ полковничьемъ домашнемъ обиходѣ: таковы—ковры, скатерти, платки, полотенца, чепцы, полотна, попоны, сабли, фурманы малороссійскаго издѣлія; это были предметы, завоевавшіе себѣ почетное мѣсто на харьковскомъ и вообще южнорусскомъ рынкѣ и находившіе себѣ сбытъ даже за предѣлами Слободской Украйны и Малороссіи. Мало того: мы встрѣчаемъ и образа малороссійскаго письма. Все это свидѣтельствуетъ объ устойчивости основного малорусскаго элемента въ харьковской культурѣ конца XVII и начала XVIII в., ибо онъ находилъ себѣ выраженіе и въ другихъ важныхъ сторонахъ тогдашней жизни—какъ матеріальной, такъ и умственной—напримѣръ, въ пищѣ, обычаяхъ (свадебныхъ и другихъ), воззрѣніяхъ и т. п. Но въ эту основную малорусскую стихію проникали и посторонція вліянія, находя отраженіе себѣ, между прочимъ, и въ бытовой обстановкѣ. У тѣхъ же харьковскихъ полковниковъ мы

находимъ русскія (т.-е. великорусскія) сѣдла, въ частности—тульскія пищали, ивановскія полотна, бѣлевскіе ножи, усольскія чарки и коробочки, польскіе ножи и ножики, стаканы, сѣдла, кареты, нѣмецкія сѣдла и пестрядь, и въ частности—шленскіе, т.-е. силезскіе погребцы, полотна, коляски, берлинскіе кортики, швабскія полотна, скатерти, салфетки; шведскіе стаканы; англійскія сукна, шотландскія пищали, голландскія скатерти, рукомойники, пистолеты, греческія сабли, турецкіе и персидскіе ковры, полотенца, сабли, пищали, луки, шлемы, ножи, сѣдла, сафьяны, шатры; китайскіе шолкъ, ножи, завѣсы. Всѣ эти постороннія вліянія распредѣлялись болѣе или менѣе равномѣрно, и мы не можемъ сказать, чтобы одному изъ нихъ принадлежало руководящее значеніе. Въ этомъ мы видимъ наиболѣе характерную особенность жизни высшаго слоя харьковскаго общества въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Впослѣдствіи обстоятельства измѣнились: харьковскія ярмарки, на которыхъ прежде доминировали иностранные товары,—что находилось въ соотвѣтствіи съ отмѣченною мною основною чертою харьковской культуры—сдѣлались проводниками главнымъ образомъ великорусскихъ издѣлій и товаровъ"...

Евг. Л.

IV.

— Мартыновъ, С. В.—Печорскій край. Очерки природы и быта, населеніе, культура, промышленность. Спб. 1905.

Забытая, заброшенная сѣверная окраина, года три-четыре назадъ, въ приснопамятныя времена режима Плеве, неожиданно привлекла къ себѣ вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ удобное и обширное пространство для административной колонизаціи полярныхъ тундръ лицами, не отличавшимися благонадежностью въ образѣ политическаго мышленія. Сотни и тысячи людей по мановенію волшебнаго жезла принуждены были увидѣть мѣста, по истинѣ не столь отдаленныя, но и весьма мало привлекательныя для лицъ, любящихъ совершать путешествія по доброй волѣ и въ добромъ расположеніи духа; тѣмъ не менѣе, не было худа безъ добра и въ этомъ, нѣсколько насильственномъ со стороны правительства, снаряженіи многочисленныхъ образовательныхъ экскурсій для изученія флоры и фауны побережій Ледовитаго океана. Конечно, дѣло не обошлось безъ жертвъ, и далеко не всѣ подневольные интеллигентные и неинтеллигентные посѣтители сѣвера вернулись и возвращаются на родину: одни не перенесли тоски одиночества, другихъ заѣла цынга, третьи пали въ

борьбѣ съ голодомъ и стужей. Но тѣ, кто устояли, не могли не остановить своего критическаго взгляда на своеобразной заброшенной окраинѣ своей родины, которой они никогда не увидѣли бы внѣ влiятельной сферы „независящихъ обстоятельствъ"; многiе изъ нихъ отнеслись съ живымъ и глубокимъ интересомъ къ тѣмъ условiямъ, въ которыхъ можетъ жить человѣкъ въ мрачной, негостепрiимной обстановкѣ безбрежныхъ и холодныхъ равнинъ, полугодовыхъ ночей, вѣчныхъ бурановъ и вьюгъ. Взору просвѣщеннаго и мыслящаго человѣка представилась картина необъятной по своей обширности страны, таящей въ себѣ огромныя сокровища, но лишенной той правительственной заботы, которая замѣнила бы практикующiеся нынѣ первобытные и хищническiе прiемы добыванiя и разработки—культурой и просвѣщенiемъ, мудрымъ закономъ и помощью всякой инициативѣ, направленной на благое, общеполезное дѣло. Вмѣсто этого, передъ объективнымъ изслѣдователемъ встаетъ совершенно иное: полная административная неосвѣдомленность и пренебреженiе къ насущнымъ духовнымъ и матерiальнымъ потребностямъ края, несознанность культурныхъ задачъ, отсутствiе творческаго порыва, не вытекающаго изъ грубаго своекорыстнаго побужденiя, безнаказанность насилiя и произвола, отсутствiе гласности, темнота народной массы, съ значительнымъ инородческимъ элементомъ,—все это кладетъ тяжелую печать на творческую самодѣятельность коренного населенiя сѣвера и еще болѣе усиливаетъ впечатлѣнiе одичалости и запустѣнiя страны, которая, при иныхъ условiяхъ, могла бы сдѣлаться одной изъ привольнѣйшихъ и богатѣйшихъ окраинъ. На такiя мысли наводитъ лежащая передъ нами книга, написанная однимъ изъ бывшихъ административно-ссыльныхъ, извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ С. В. Мартыновымъ, и появившаяся въ свѣтъ такимъ образомъ лишь въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, служащихъ нагляднымъ доказательствомъ серьезныхъ заботъ правительства объ изученiи бытовыхъ и культурныхъ условiй нашихъ отдаленныхъ областей.

Какъ видно изъ предисловiя, авторъ, высланный на сѣверъ за участiе въ воронежскомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, принялъ предложенiе архангельской казенной палаты совершить экспедицiю въ Печорскiй край для изслѣдованiя санитарно-бытового состоянiя этого края. Изъ записей его во время путешествiя и составилась настоящая книга. Но въ ней онъ далеко вышелъ за предѣлы первоначально намѣченной задачи и далъ обстоятельный и обширный очеркъ вообще матерiальнаго и духовнаго состоянiя края. „Дѣятель просвѣщенiя и культуры,—читаемъ мы въ предисловiи,—найдетъ въ книгѣ С. В. Мартынова богатый и разнообразный матерiалъ для указанiя путей и способовъ, при посредствѣ

которыхъ граждане великой обновляющейся Россіи могли бы распространить свою культурную работу и на оторванную пока и несправедливо забытую сѣверную окраину".

По содержанію книга распадается на семь главъ, изъ которыхъ, за „общими свѣдѣніями о Печорскомъ краѣ", отмѣтимъ: „бытъ населенія и его культурный уровень", „экономическія условія жизни населенія", „источники будущей промышленности Печорскаго края" и др. Текстъ иллюстрированъ рядомъ цинкографическихъ отпечатковъ съ путевыхъ фотографій.—W.

V.

— Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. Спб., 1906, стр. XVIII+184+330. Ц. 3 р.

Книга г. Рубакина, представляя „опытъ справочнаго пособія для самообразованія и для систематизаціи и комплектованія общеобразовательныхъ библіотекъ, а также книжныхъ магазиновъ"—не должна, казалось бы, останавливать на себѣ вниманіе общелитературнаго, не-спеціальнаго періодическаго изданія. Мы останавливаемся, однако, на ней, потому что въ основаніе „опыта справочнаго пособія" положены не спеціально библіографическія данныя и соображенія, а общія положенія о задачахъ и принципахъ образованія, о классификаціи явленій міра и науки. Поэтому содержаніе разсматриваемаго труда—и не только разсужденія автора о „теоріи подбора книгъ", но и его „примѣрный каталогъ общеобразовательной библіотеки", если не въ перечнѣ книгъ, то въ расположеніи и системѣ группировки книжнаго матеріала—не можетъ не заинтересовать и подлежитъ критической оцѣнкѣ образованнаго читателя вообще. Въ данной замѣткѣ мы, однако, не имѣемъ намѣренія подвергать капитальный трудъ Н. А. Рубакина критическому разсмотрѣнію. Мы едва найдемъ въ ней мѣсто для того, чтобы въ самыхъ общихъ чертахъ познакомить читателя съ основными принципами каталога автора.

Задача, поставленная себѣ Н. А. Рубакинымъ, состоитъ въ составленіи перечня книгъ, способныхъ удовлетворить по возможности всѣ запросы человѣка, стремящагося къ всестороннему самообразованію или образованію другого, въ расположеніи этого книжнаго матеріала въ каталогѣ такимъ образомъ, чтобы оно всего лучше соотвѣтствовало задачамъ и раціональнымъ пріемамъ образованія, равно какъ и нѣкоторымъ практическимъ запросамъ читателя, и въ подраздѣленіи книгъ на болѣе и менѣе популярныя. Изъ сказаннаго видно, что каталогъ г. Рубакина есть каталогъ рекомендательный, заключающій лишь тѣ книги, которыя заслуживаютъ вниманія читателя, и этимъ проекти-

руемая имъ библіотека отличается отъ библіотеки коммерческой, стремящейся отвѣтить на всякій запросъ читателя, хотя бы онъ исходилъ изъ побужденій анти-образовательнаго, такъ сказать, характера. Въ этотъ каталогъ авторъ нашелъ возможнымъ включить болѣе 7.000 названій въ числѣ 11 тысячъ томовъ. Эти 7.000 литературныхъ произведеній выбраны изъ 60 тысячъ „маломальски выдающихся книгъ", вышедшихъ на русскомъ языкѣ въ теченіе времени отъ 1825 до средины 1905 года и отмѣченныхъ авторомъ по разнообразнымъ библіографическимъ указателямъ. При выборѣ книгъ авторъ руководился какъ собственными соображеніями, такъ и рекомендаціями различныхъ пособій къ самообразованію и каталоговъ. Эта работа потребовала, конечно, большой затраты труда. Тѣмъ не менѣе, главной и оригинальной частью данной работы является расположеніе указанныхъ семи тысячъ книгъ въ каталогѣ, предлагаемомъ для пользованія читателя. Въ обыкновенномъ каталогѣ книги группируются частью по рубрикамъ наукъ, частью по произвольно составляемымъ отдѣламъ, а въ каждомъ отдѣлѣ онѣ слѣдуютъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ или названій. Г. Рубакинъ отвергаетъ и то, и другое начало группировки: второе—совершенно, а первое—какъ главное или основное. Онъ находитъ, что группировка книгъ по общепринятымъ рубрикамъ наукъ очень грубо отвѣчаетъ цѣли классификаціи книгъ, какъ выраженія естественной связи явленій природы, и пытается болѣе систематичнымъ образомъ провести въ своемъ каталогѣ идею взаимозависимости явленій человѣка и внѣшней природы въ прошломъ и настоящемъ вселенной. Правильное систематическое образованіе человѣка должно идти въ извѣстной системѣ, опредѣляемой взаимозависимостью явленій, подлежащихъ изученію. Въ той же системѣ естественно расположить и книжный матеріалъ для такого образованія. Такое расположеніе матеріала, какъ естественное, легко усвоивается читателемъ и представляется, поэтому, весьма удобнымъ для пользованія какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда читатель имѣетъ намѣреніе идти въ чтеніи послѣдовательно по пути, указываемому каталогомъ, такъ и въ случаяхъ, когда изъ естественной цѣпи указанныхъ въ каталогѣ отдѣловъ онъ вырываетъ для изученія одинъ или просто ищетъ ряда книгъ, касающихся частнаго, интересующаго его предмета. Такое расположеніе книгъ въ каталогѣ крайне облегчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣло руководительства чтеніемъ со стороны библіотекарей,—задача, возлагаемая на нихъ авторомъ. Эту мысль о естественной, такъ сказать, группировкѣ книжнаго матеріала авторъ выражаетъ, говоря, что „библіотека должна быть книжнымъ отраженіемъ вселенной. Въ основѣ библіотечнаго состава должна лежать система наукъ, философская схема, распредѣляющая всѣ явленія міровой жизни въ извѣстной послѣдо-

вательности и порядкѣ... На основаніи классификаціи явленій природы должны быть классифицированы науки, а на основаніи этихъ послѣднихъ должны быть классифицированы книги" (стр. VI). Въ основу своей классификаціи книгъ авторъ кладетъ классификацію наукъ Огюста Конта съ позднѣйшими ея исправленіями и дополненіями. „Эта классификація наукъ имѣетъ въ своей основѣ классификацію явленій природы по ихъ внутренней зависимости и связи. Классификація Конта развертываетъ передъ нами стройную и связную картину вселенной" (стр. 61). Зависимость между различными категоріями явленій вселенной такова, что законы міра органическаго нельзя познать, если не изучены законы міра неорганическаго, а законы міра соціальныхъ явленій могутъ быть познаны лишь послѣ того, какъ будутъ констатированы законы органической и неорганической природы. Этотъ порядокъ познанія законовъ вселенной соотвѣтствуетъ порядку расположенія соотвѣтствующихъ явленій природы по степени ихъ простоты или общности; и явленія міра физическаго, какъ состоящія изъ наименьшаго количества элементовъ, могутъ быть изучаемы, такъ сказать, самостоятельно; тогда какъ явленія химическія, совершающіяся въ физической средѣ, сложнѣе явленій этой послѣдней и могутъ быть поняты лишь послѣ того, какъ будутъ познаны главнѣйшіе законы физики. На основаніи такого рода соображеній О. Контъ, какъ извѣстно, намѣтилъ слѣдующій рядъ абстрактныхъ (изучающихъ законы явленій) наукъ, расположенныхъ въ порядкѣ возрастающей сложности и убывающей общности изучаемыхъ имъ явленій: математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія. Н. А. Рубакинъ пополнилъ и расширилъ эту классификацію и составилъ слѣдующую „схему научнаго отдѣла каталога" общеобразовательной библіотеки: 1) Философія, какъ „общій и конечный выводъ изъ всѣхъ существующихъ наукъ"; 2) теорія познанія; 3) логика; 4) математика,—имѣющія „объектомъ своего изученія познающій разумъ, методы и орудія познанія"; 5) науки, изучающія космосъ, какъ единое цѣлое: астрономія; 6) науки, изучающія неорганическую природу: физика, химія; 7) науки, изучающія органическую природу: біологія, психологія; 8) науки, изучающія жизнь общественную въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ: соціологія. Эта схема обнимаетъ не только абстрактныя науки (какъ у Конта), но и конкретныя или описательныя и даже прикладныя (которыя авторъ, впрочемъ, выноситъ въ особый отдѣлъ). Согласно этой схемѣ, авторъ располагаетъ книжный матеріалъ не по общепринятымъ рубрикамъ наукъ, а по категоріямъ явленій, служащихъ предметомъ изученія. Въ рамкахъ этой схемы удобно размѣщаются книги, касающіяся всѣхъ явленій внутренней и внѣшней жизни человѣка и внѣшней природы,

потому что если не всякую книгу легко отнести къ общепринятымъ рубрикамъ наукъ, то всякая изъ нихъ касается того или другого явленія жизни человѣка или природы. При достаточномъ количествѣ подраздѣленій данная система каталога представляетъ большую легкость и для отысканія книгъ, интересныхъ въ томъ или другомъ отношеніи.

„Наша классификація, — говоритъ авторъ, — намѣчаетъ въ сущности рядъ областей мірозданія и около каждой области группируетъ нѣкоторый комплектъ наукъ или, точнѣе говоря, отдѣловъ научной и иной литературы" (стр. 83). Въ каждомъ отдѣлѣ расположеніе книгъ тоже слѣдуетъ опредѣленному порядку. Въ началѣ его указываются книги, дающія общее представленіе о предметѣ, общую картину отдѣла. Затѣмъ слѣдуютъ книги, знакомящія съ фактами данной области, а именно, съ ихъ систематикой и классификаціей, съ распредѣленіемъ ихъ въ пространствѣ, или ихъ географіей, и съ измѣненіемъ ихъ во времени, ихъ исторіей или эволюціей. За этимъ рядомъ книгъ слѣдуютъ книги, посвященныя теоріи или философіи данной отрасли знанія. Изъ сказаннаго видно, что въ системѣ автора „исторія" не играетъ роли отдѣльной отрасли знанія. Особо выдѣлена и поставлена впереди отдѣла о соціальныхъ явленіяхъ, какъ его введеніе, исторія человѣчества и отдѣльныхъ народовъ въ ея цѣломъ. Что же касается исторіи отдѣльныхъ областей жизни человѣка или міра—таковая помѣщается въ отдѣлахъ, посвященныхъ этимъ областямъ. „Исторію формъ не слѣдуетъ отдѣлять отъ изученія самыхъ формъ... Гдѣ есть формы, тамъ должна быть и ихъ исторія. Исторія формъ есть не что иное, какъ ихъ эволюція. Такимъ образомъ, объединяющей идеей всего каталога и связующимъ звеномъ всѣхъ его отдѣловъ является идея эволюціи" (стр. 86). Въ этомъ отношеніи отдѣльныя части каталога какъ бы повторяютъ схему, положенную въ основаніе послѣдняго, какъ цѣлаго, потому что послѣдовательность наукъ въ классификаціи О. Конта воспроизводитъ послѣдовательность въ развитіи міра: органическая природа явилась послѣ неорганической, а соціальная жизнь —позже органической.

Мы не имѣемъ мѣста для того, чтобы входить въ дальнѣйшія подробности составленія каталога общеобразовательной библіотеки и ограничимся нѣсколькими поясненіями относительно послѣдовательности крупныхъ его отдѣловъ. Свой каталогъ Н. А. Рубакинъ начинаетъ не съ самыхъ простыхъ и общихъ, а съ самыхъ сложныхъ явленій—соціальныхъ. И дѣлаетъ онъ это потому, что читатель, говоря вообще, больше интересуется человѣкомъ, чѣмъ внѣшней природой, и больше читаетъ книги, касающіяся перваго, нежели второй. Отдѣлу о человѣкѣ предшествуетъ, какъ его введеніе, исторія человѣчества,

послѣ которой слѣдуетъ детальный разборъ отдѣльныхъ сторонъ соціальной жизни, удовлетворяющихъ потребностямъ духовной и матеріальной жизни человѣка. Въ этой части каталога должны бы быть помѣщены, между прочимъ, книги, касающіяся эстетической и этической стороны человѣка; но по практическимъ же соображеніямъ эти книги указаны раньше всего; онѣ находятся во главѣ всего каталога.

Первый отдѣлъ каталога посвященъ беллетристикѣ (и другимъ изящнымъ искусствамъ) потому, что беллетристика имѣетъ наиболѣе читателей, и черезъ посредство именно беллетристики многіе читатели пріобщаются и къ серьезному чтенію. Беллетристика отдѣляется отъ массы другихъ литературныхъ произведеній еще тѣмъ, что она не только рисуетъ то, что есть, но и то, что должно бы быть; поэтому беллетристика даетъ начало публицистикѣ, гдѣ идея о томъ, что должно быть, получаетъ болѣе ясное выраженіе. О должномъ же трактуютъ и произведенія по этикѣ. Беллетристика (изящныя искусства) съ критикой, публицистика и этика образуютъ поэтому нѣчто единое, отдѣляющее ихъ отъ того, что можно считать объективной наукой, привлекаютъ къ себѣ наибольшее вниманіе читателей и играютъ огромную роль въ дѣлѣ образованія соціальнаго міросозерцанія читателя. На этомъ, между прочимъ, основаніи эти три области выдѣлены особо и поставлены въ началѣ каталога. За ними слѣдуетъ, какъ сказано выше, всемірная исторія, а за нею — книги, касающіяся отдѣльныхъ сторонъ соціальной жизни, въ слѣдующемъ порядкѣ: религія, народное образованіе и воспитаніе, семейный строй, строй политическій, юридическій и экономическій; строй матеріальной культуры и, наконецъ, соціологія, какъ теорія соціальной жизни. Каждый подотдѣлъ построенъ по плану, изложенному нами выше. Слѣдующій отдѣлъ, составляющій какъ бы промежуточную ступень между явленіями соціальнаго и органическаго міра, посвященъ человѣчеству въ его отношеніи къ окружающей природѣ и обнимаетъ книги по географіи человѣка, по этнографіи и антропологіи. Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ органической природы, гдѣ послѣдовательно разсматриваются жизнь психическая, жизнь органическая, человѣкъ, животный міръ, міръ растеній, міръ бактерій и біологія, какъ теорія жизни. Отдѣлъ неорганической природы начинается книгами объ этой природѣ, какъ единомъ цѣломъ, и ея отношеніяхъ къ органическому міру. Затѣмъ слѣдуютъ: физическая географія, геологія, минералогическій составъ земного шара, матерія и ея превращенія (химія), силы природы, энергія и ея превращенія (физика). Затѣмъ идетъ космосъ или вселенная: астрономія и природа, какъ единое цѣлое. Этимъ заканчивается изученіе внѣшней природы, познаваемаго; но въ естественную систему входятъ еще два отдѣла каталога. Одинъ посвященъ

познающему разуму, т.-е. методамъ, орудіямъ и теоріямъ познанія, и обнимаетъ математику, логику и теорію познанія; другой посвященъ философіи, сводящей „къ одному всѣ отдѣлы науки и о познаваемомъ, и о познаваніи, о жизни и разумѣ, объ объектахъ и способахъ изслѣдованія".

Этимъ мы закончимъ, — не исчерпавъ однако предмета, — разсмотрѣніе новаго труда неутомимаго изслѣдователя запросовъ читателей, выступающаго теперь съ грандіозной попыткой вручить каждому читателю ключъ къ всероссійскому хранилищу идей, фактовъ и наукъ, заключающему отвѣты на его вопросы. Попыткой автора, конечно, не разрѣшаются всѣ вопросы даннаго рода. Она подлежитъ дальнѣйшей разработкѣ и со стороны системы группировки книжнаго матеріала, и въ отношеніи измѣненія и пополненія этого послѣдняго, и въ смыслѣ составленія примѣрныхъ каталоговъ библіотекъ для читателей разнаго образованія (такіе каталоги имѣются также въ разсматриваемомъ изданіи). Но первый и, какъ намъ кажется, весьма удачный шагъ сдѣланъ. Что же касается послѣдующаго, то всякій образованный человѣкъ можетъ внести свою лепту въ это дѣло, пользуясь каталогомъ и детально разсмотрѣвъ доступную его сужденію хотя бы мельчайшую частицу подраздѣленій послѣдняго. Слѣдующимъ, дополнительнымъ къ разсмотрѣнному, трудомъ автора явится указатель по всѣмъ книгамъ, вошедшимъ въ каталогъ, въ коемъ эти послѣднія будутъ распредѣлены соотвѣтственно отвѣтамъ на „наиболѣе существенные вопросы по всѣмъ отраслямъ знанія". Это дѣло требуетъ уже личнаго знакомства автора съ содержаніемъ всѣхъ этихъ книгъ, и такой громадный трудъ Н. А. Рубакинъ оказался въ состояніи выполнить благодаря тому, что цѣлыхъ тридцать лѣтъ жизни онъ провелъ около книгъ, въ библіотекѣ его матери, Л. Т. Рубакиной, научившей его „любить книгу и вѣрить въ ея непреоборимую и свѣтлую мощь". Памяти матери авторъ и посвящаетъ свой трудъ. — В. В.

Въ теченіе февраля мѣсяца поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абраамъ, Г. — Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Съ франц. п. р. Б. Вейнберга. Ч. II: Звукъ—Свѣтъ—Электричество—Магнетизмъ. Одесса. 906. Ц. 2 р. 75 к.

Анненскій, И. Ѳ.—Книга отраженій. Спб. 906.

Аріянъ, П. Н. — Первый Женскій Календарь на 1906 годъ. Годъ VIII. Медицинскій отдѣлъ п. р. проф. Н. И. Быстрова, со статьями врачей: В. Волькенштейнъ, Н. Печковской, А. Поповой и Б. Шапиро. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Атлантикусъ.—Государство будущаго. Съ нѣм., п. р. М. Вернацкаго. Спб. 906. Ц. 45 к.

ное голосованіе въ Швейцаріи, съ нѣм. А. Л. Ц. 7 к.—9) Грейлихъ, Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса. Ц. 8 к.—10) Зелламанъ, Эдв., Экономическое пониманіе исторіи. Ц. 17 к. — 11) Менгеръ, Ант., Гражданское право и неимущіе классы населенія. Съ нѣм. Ц. 45 к. Спб. 906.

— „Библіотека юнаго читателя": 1) Н. Березинъ, Страна гранита и озеръ. Финляндія. Съ рис. Ц. 35 к. 2) М. Сабинина, На воздушномъ океанѣ. Ц. 20 к. 3) Н. Березинъ, Черезъ страну карликовъ. Ц. 25 к. 4) Эркманъ-Шатріанъ, Исторія рекрута, перев. Леонтьевой. Ц. 50 к. Спб. 906.

— Дѣвушки и женщины. Шекспиръ. По Гейне. Въ изложеніи И. М. Любомудрова. 2-ое дополненное изданіе съ рисунками и портретомъ Шекспира. Ковровъ, 906. Ц. 20 к.

— Журналы вятской губернской оцѣночной коммиссіи за 1903—1904 г.г.

— Книгоиздательство „Дѣло": 1) Дюпріе, Л., Государство и роль министровъ во Франціи. Съ франц. Е. Овсянникова, ц. 60 к. — 2) Ант. Менгеръ, Новое ученіе нравственности. Съ нѣм. М. Рейснеръ, ц. 30 к.—3) Левицкій, Ал., Выкупная операція, ц. 30 к. — 4) Дюпріе, Л., Государство и роль министровъ въ Пруссіи. Съ франц. Ип. Гельденбергъ, ц. 60 к. Спб. 906.

— Кругъ чтенія. Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день Львомъ Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. Изданіе „Посредника", напечатанное подъ личнымъ наблюденіемъ Л. Н. Толстого. Т. I. М. 906. Ц. 1 р. 60 к.

— Наставленіе для обученія войскъ гимнастикѣ. Полевая гимнастика. 1879 года. Спб. 905. Ц. 40 к.

— Науковий Збірник, присьвячений професорови Михайлови Грушевському учениками й прихильниками (1894—1904). У Львови, 906. Ціна 10 корон.

— Отчетъ Олонецкой Губернской земской Управы за 1903 годъ; — Журналы Олон. губ. зем. собранія сессій XXXVIII-й очередной 10—29 янв. 1905 г. и Чрезвычайной 26—27 мая 1905 г. Петрозав. 905; — Доклады Олон. губ. зем. упр. Очередному губ. зем. собранію сессіи 10—29 янв. 1905 г., и Чрезвычайному 26—27 мая 1905 г.;—Журналъ постоянной ревизіонной Коммиссіи. Петрозаводскъ, 905.

— Посильная помощь. Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. М. 906. Ц. 2 р.

— Рѣчь Робеспьера. Всеобщая подача голосовъ. Съ предисловіемъ С. Южакова. Спб. 906. Ц. 10 к.

— Сборникъ матеріаловъ по оцѣнкѣ земель Вятской губерніи. Т. II: Орловскій уѣздъ. Т. III: Слободской уѣздъ. Вятка, 905.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1904 г. Т.т. I и II. Новг. 905.

— Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. I: Рылѣевъ, Одоевскій, Бестужевъ (Марлинскій), Батенковъ. Съ портретами, біограф. очерками и литерат. указателемъ. М. 906. Ц. 3 р.

— Статистическій Ежегодникъ Тверской губерніи за 1903-4 г.г. Вып. II: Общеэкономическій отдѣлъ. Тв. 906.

— Страхованіе рабочихъ. Отд. I: Страхованіе на случай болѣзни въ Германіи и въ Австріи. Обраб. Е. М. Дементьевъ. Спб. 906.

— Труды съѣзда представителей городскихъ кредитныхъ обществъ. Т. I: Сборникъ матеріаловъ и журналы общихъ собраній съѣзда. Т. II: Стенографическій отчетъ. Обраб. и изд. А. Голубевъ. Спб. 905.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gerhardt Hauptmann. „...Und Pippa tanzt“. Ein Märchen. Berlin, 1906. (S. Fischer Verlag).

Взрослые не любятъ сказокъ, потому что сказки какъ бы насилуютъ нашъ разумъ, заставляютъ отказаться отъ пріобрѣтеній положительной науки во имя чудесъ, въ которыя мы не вѣримъ и не можемъ вѣрить. Природа для насъ вовсе не полна добрыхъ и злыхъ духовъ, высшихъ и низшихъ, властныхъ надъ стихіями и людьми. Мы видимъ, что она управляется законами и силами; ихъ мы изучаемъ, имъ сознательно подчиняемся и гордимся тѣмъ, что знаемъ, знаемъ очень много, будемъ знать еще больше,—а фанатики разума скажутъ пожалуй, что будемъ знать все. Такъ зачѣмъ же намъ сказки съ ихъ наивными чудесами? Онѣ годны лишь для первобытнаго человѣчества и для нашихъ еще незнающихъ дѣтей. А всетаки мы ничего не жаждемъ такъ, какъ сказокъ и чудесъ. Но сказки должны говорить намъ не о томъ, чей голосъ слышенъ въ бурѣ и кто глядитъ на насъ со дна морей и рѣкъ,—а о томъ, что спитъ въ нашихъ душахъ, среди интересовъ, радостей и печалей нашихъ будней, и что просыпается и сознаетъ себя, когда мы начинаемъ слушать наши желанія.

Въ наше время явились новые сказочники, сочетающіе нашу потребность жизненной правды, непримиримаго реализма, съ желаніемъ внутренняго чуда, т.-е. откровенія исключительно въ области духа. Своеобразное творчество этихъ сказочниковъ обаятельно для насъ. Оно не требуетъ никакихъ жертвъ отъ нашего разума, не нарушаетъ условій реальнаго бытія. Напротивъ того, оно избираетъ самыя привычныя, самыя обыденныя внѣшнія рамки жизни. Но оно преображаетъ кажущуюся будничность, раскрываетъ чудо каждой живой души въ ея глубокихъ переживаніяхъ, — и это чудесное, превращающее простую жизнь въ сказку, пріемлемо и отрадно для насъ.

Такія сказки пишетъ Гауптманъ. Мы всѣ знаемъ его „Ганнеле“. Это вполнѣ реальная трагедія забитой дѣвочки, которая ищетъ спасенія въ добровольной смерти. Тутъ и нищета, и пьяный отецъ, и грубость безотрадной, жестокой дѣйствительности. А между тѣмъ „Ганнеле“ по истинѣ волшебная сказка, въ которой совершается

чудо. Это чудо расцвѣтающей во мракѣ души: „Ганнеле“ достигаетъ полноты счастья и воплощаетъ полноту красоты, оставаясь для слѣпого міра самымъ жалкимъ существомъ на свѣтѣ. „Ганнеле“—сказка о торжествѣ духа, и въ художественныхъ поэтичныхъ образахъ Гауптмана вѣетъ дыханіе чудеснаго и сказочно истиннаго такъ же сильно, какъ въ сказкахъ, гдѣ происходятъ сверхъестественныя внѣшнія событія, дѣйствуютъ духи и феи, добрые волшебники и злые колдуны.

И во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ сказочныхъ драмахъ Гауптманъ задается все той же цѣлью: изобразить чудо душевнаго міра среди реальной правды внѣшнихъ событій. Чудесное въ этихъ сказкахъ выростаетъ изъ обыденно реальнаго и постепенно захватываетъ зрителей и слушателей, пріобщая ихъ къ внутренней правотѣ и торжеству—иногда незримому—духовной силы человѣка.

Такой же сказкой изъ міра реальной дѣйствительности является новая драма Гауптмана „А Пиппа пляшетъ“. Въ ней тоже представлены люди, подвластные своимъ инстинктамъ и страстямъ,—и въ ней тоже торжествуетъ идеализмъ творчески-свободной души; онъ торжествуетъ трагически, т.-е. ликуя внутренно, но погибая въ реальной дѣйствительности. Гауптманъ называетъ свою драму „сказкой со стекляннаго завода“ и переноситъ дѣйствіе въ опредѣленную жизненную среду, изображая ее пластично, съ подробностями житейской обстановки, съ діалектическими особенностями дѣйствующихъ лицъ. Но этотъ реализмъ служитъ и ему средствомъ углубить событія до ихъ скрытаго значенія, и драма становится тѣмъ самымъ символической.

Передъ нами, какъ въ „Ганнеле“, развертываются сначала вполнѣ жизненныя событія въ жизненной обстановкѣ, крайне реальной, рисующей грубую жизнь грубыхъ людей,—изъ которыхъ одни несчастны, другіе свирѣпы, а иные изнываютъ отъ будничной скуки. Дѣйствіе происходитъ въ заброшенномъ въ горахъ, на границѣ Силезіи и Богеміи, трактирѣ, гдѣ-то по близости отъ полу-разореннаго стекляннаго завода. Все, что тамъ происходитъ—чисто житейская драма людей, бьющихся въ тискахъ жизненной борьбы и сѣрыхъ будней. Тамъ рабочіе растрачиваютъ свои тяжко заработанные гроши, играя въ карты по ночамъ. Ихъ обыгрываетъ плутоватый итальянецъ; они знаютъ, что онъ мошенникъ, и все-таки отдаются соблазну. Тамъ, въ этой глуши, слышны отзвуки экономической борьбы, роковымъ образомъ связанной съ развитіемъ современной культуры: процвѣтаетъ крупный заводъ и гибнутъ старыя формы производства. Старый рабочій, привыкшій раздувать стекла силой своихъ легкихъ, кажется какимъ-то призракомъ отжившихъ временъ, и надъ его чудачествомъ

смѣются заводскіе рабочіе, когда онъ приходитъ, могучій и дикій, въ трактиръ и богатырски пьетъ, изумляя своихъ культурныхъ товарищей. Онъ самобытенъ въ своей до-культурной дикости; они же прошли черезъ нивеллировку культуры и возстаютъ согласнымъ хоромъ противъ его одинокаго голоса. Борьба двухъ культурныхъ наслоеній, экономическія отношенія въ заводской средѣ, бытъ рабочихъ, жизнь которыхъ состоитъ изъ непосильнаго труда и безудержнаго грубаго разгула, скучающій директоръ завода, который пріѣзжаетъ развлечься въ трактиръ, старикъ-рабочій со своей допотопностью — и „когда глядишь на старика", говоритъ директоръ, „то не вѣрится, что есть на свѣтѣ Парижъ",—все это изображено съ полной жизненностью въ началѣ драмы. Всѣ эти люди—понятные, знакомые до того, что отъ ихъ будничности, казалось бы, уже нечего и ждать. Но вдругъ среди нихъ возникаетъ чудо, которое въ каждомъ изъ нихъ будитъ все, о чемъ онъ до того не зналъ въ себѣ. Символомъ этого откровенія становится маленькая итальянская дѣвочка, Пиппа, дочь итальянскаго гравировальщика на стеклѣ, Тальяцони—того самаго, который обыгрываетъ рабочихъ въ кабачкѣ. Пиппа—такая же, какъ и всѣ. Она страдаетъ еще острѣе, чѣмъ другіе; она боится бури, холода и грубой силы. Она живетъ жизнью людей, но въ ней есть сила откровенія, непонятная для нея самой, сказывающаяся тогда, когда она пляшетъ и своей пляской будитъ людей и влечетъ ихъ за собою.

Всѣ художественные образы въ этой драмѣ сами собой раскрываютъ свой смыслъ. Ихъ не нужно толковать, какъ не нужно толковать самую жизнь, какъ чувствуются глубина и смыслъ всего живого, всего движущагося. Чтобы вполнѣ понять сказку Гауптмана, нужно почувствовать пляску Пиппы—понять, о чемъ она пляшетъ.

Это не загадка, хитро придуманная умомъ и имѣющая одну опредѣленную разгадку. Гауптманъ ясно показываетъ, какъ разно отзывается пляска Пиппы на людяхъ, которыхъ она увлекаетъ за собой, и этимъ онъ поясняетъ широкій смыслъ тайны, воплощенной въ безмолвныхъ движеніяхъ, которыми она славитъ жизнь и открываетъ истинную радость бытія.

По мѣрѣ того, какъ развивается фабула, мы видимъ нѣсколько опредѣленныхъ жизненныхъ типовъ, представленныхъ въ своего рода іерархіи отъ животно-грубаго до небесно-возвышеннаго. Каждый изъ нихъ проявляетъ себя на своемъ отношеніи къ пляшущей дѣвушкѣ. Прежде всего, мы видимъ отца Пиппы, типичнаго итальянскаго плута; онъ напоминаетъ итальянскихъ шарлатановъ изъ старинныхъ фарсовъ. Онъ мастеръ своего дѣла, и директоръ завода чрезвычайно имъ дорожитъ; онъ готовъ простить ему всѣ его плутни за его работу. У Пиппы есть связь съ художественнымъ талантомъ отца; она родомъ

изъ Италіи, страны, гдѣ творчество искусства преображаетъ жизнь въ царство мечты; итальянецъ даже точнѣе опредѣляетъ мѣсто рожденія Пиппы директору завода, говоря, что она родилась на родинѣ Тиціана, близъ Венеціи. Этимъ еще болѣе подчеркивается связь Пиппы съ искусствомъ. Но отношеніе итальянца Тальяцони къ его дочери указываетъ на самое грубое пониманіе счастья и радости жизни. Для своего отца Пиппа прежде всего—источникъ дохода. За ея пляску ему платятъ деньги, и онъ умѣетъ набивать цѣну сообразно со степенью возбуждаемаго ею интереса. Онъ готовъ позвать дочку танцовать среди ночи, когда этого требуетъ директоръ,—но лишь тогда, когда тотъ предлагаетъ очень высокую сумму. Пиппа приноситъ своему отцу счастье въ томъ видѣ, какъ онъ его понимаетъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря ей, онъ вполнѣ проявляетъ себя и гибнетъ такъ же грубо, какъ грубо жилъ и понималъ блага жизни. Онъ пользуется пляской Пиппы, чтобы тѣмъ легче передергивать въ картахъ, но его наконецъ накрываютъ давно обозленные противъ него рабочіе; начинается драка, итальянецъ вынимаетъ ножъ, убѣгаетъ изъ кабачка, рабочіе за нимъ гонятся, и раздающійся изъ лѣсу крикъ убитаго итальянца заканчиваетъ быстро свершающуюся судьбу грубой алчности, воплощенной въ отцѣ Пиппы. Дѣвушка остается одинокой, забываетъ о своемъ прошломъ—и пляшетъ объ иныхъ радостяхъ и иномъ счастьѣ другимъ искателямъ новыхъ жизненныхъ впечатлѣній.

Изъ изображенныхъ въ драмѣ типовъ наиболѣе близокъ къ среднему пониманію, наиболѣе буднично человѣченъ средній типъ житейскаго пессимиста, полу-скучающаго современнаго человѣка, отчасти эстета, но любящаго красоту на той ступени, когда она развлекаетъ, а не жжетъ; его одинаково страшатъ и пропасти, и горныя высоты. Этотъ типъ воплощенъ въ лицѣ директора стеклянного завода. Ему нравится пляска маленькой итальянки, и онъ готовъ заплатить всѣ свои деньги, чтобы любоваться ею. Для него Пиппа—развлеченіе среди его пустого, ничѣмъ не озареннаго, но удовлетворяющаго его своей легкостью существованія. Онъ прозаически стремится къ обладанію Пиппой—и потому ея пляска не можетъ стать откровеніемъ для него. Онъ—пессимистъ и не можетъ удержать для себя то, что ему дорого, именно потому, что у него нѣтъ пламенныхъ желаній. Видя передъ собой людей, окрыленныхъ надеждой, онъ судитъ ихъ судомъ житейскаго благоразумія. Внимая свѣтлымъ грезамъ молодого идеалиста въ кабачкѣ, онъ еще болѣе укрѣпляется въ сознаніи своего превосходства и произноситъ свысока плоскія сентенціи о томъ, что смѣющійся утромъ, быть можетъ, будетъ горько плакать еще ранѣе, чѣмъ наступитъ вечеръ. И главное, чего

боится директоръ, такъ художественно воплощающій въ себѣ пессимизмъ толпы,—это сгорѣть на огнѣ несбыточныхъ желаній. Для того, чтобы жить и сохранить свою серединную, будничную правду жизни, онъ долженъ забыть мелькнувшую передъ нимъ Пиппу—искру непонятнаго для него огня.

Въ концѣ перваго дѣйствія, пользуясь суматохой, наступающей послѣ убійства итальянца, Пиппу похищаетъ старый дикарь рабочій. Директоръ до того огорченъ ея исчезновеніемъ, что ищетъ ее, страдаетъ и приходитъ къ старому мудрецу, живущему въ „божьей хижинѣ" на высотахъ горъ. Старецъ непонятенъ для него тѣмъ, что онъ постоянно витаетъ среди звѣздъ, „лѣтомъ и зимой, при всякой погодѣ, гуляетъ по млечному пути", какъ ему иронически говоритъ директоръ. Онъ съ нѣкоторымъ сарказмомъ говоритъ о завидной долѣ старца, не знающаго мірскихъ заботъ и погруженнаго въ свою заоблачную ученость. Ему искренно кажется, что тутъ должна царить скука, и когда мудрецъ доказываетъ ему, что нельзя понять нѣкоторыхъ красотъ и радостей, если не имѣешь соотвѣтствующихъ органовъ для воспріятія ихъ, то директоръ проситъ избавить его отъ скучныхъ поученій. Но все-таки за исцѣленіемъ отъ своихъ сердечныхъ мукъ онъ обращается къ этому же непонятному чудаку—и дѣйствительно исцѣляется. Старецъ показываетъ ему Пиппу и юношу, съ которымъ ее соединяетъ любовь. Директоръ радъ; онъ уходитъ успокоенный, такъ какъ неспособенъ ни на какое чувство, не сулящее немедленнаго удовлетворенія и осязательныхъ радостей. Онъ говоритъ съ Пиппой, видитъ, что для нея прошлое не существуетъ, что она не помнитъ, какъ онъ всячески оказывалъ ей вниманіе и приносилъ ей подарки, когда она жила съ отцомъ въ горномъ кабачкѣ. Она слишкомъ вся устремлена впередъ, слишкомъ поглощена невидимой далекой цѣлью, чтобы нравиться директору, которому понятенъ и пріятенъ только осязательный, воплощенный настоящій моментъ. Мудрецъ исцѣлилъ его, показавъ ему недосягаемость для его будничной души неуловимо сверкающаго высшаго счастья—и онъ уходитъ исцѣленный. Но то, что ему кажется исцѣленіемъ, есть на самомъ дѣлѣ глубокое погруженіе въ безнадежный и безцѣльный покой.

Два другихъ начала жизни — то, что на днѣ ея и то, что надъ нею,—воплощены въ двухъ сказочныхъ образахъ—сказочныхъ потому, что отдѣльныя реальныя черты сгущены въ нихъ съ одной стороны до чудовищности, съ другой—до надземности. Это два человѣка, борющіеся за обладаніе Пиппой, одинаково завороженные ея пляской; она для нихъ — не развлеченіе, какъ для скучающаго эстета, а то, за что они готовы отдать жизнь и отдаютъ ее. Сказочное чудовище—это старый рабочій Гунъ. Онъ воплощаетъ стихійную жадность, низ-

шую силу человѣка, но уже не торжествующую, а зараженную жаждой претвориться въ человѣческое. Это не слѣпая побѣдная сила земли, а трагически сознательное стремленіе къ богопониманію черезъ побѣду надъ стихійнымъ началомъ плоти. Таковъ сильный образъ жаднаго старика, который мучитъ Пиппу и самъ терпитъ мученія черезъ нее. Дикая жадность влечетъ его къ Пиппѣ. Онъ пляшетъ съ нею въ кабачкѣ, и въ его пляскѣ горитъ желаніе увлечь силой то, что можетъ свѣтиться только издали, завладѣть и уничтожить, взять для себя. „То, чего не имѣешь, нужно брать",—говоритъ онъ въ моментъ минутнаго торжества своей низшей силы; но для него приближеніе къ Пиппѣ и все, что онъ переживаетъ съ нею, изъ-за нея, для нея и для себя, становится трагедіей духовнаго пробужденія цѣной своей гибели. Онъ похищаетъ Пиппу и уноситъ ее къ себѣ. Теперь онъ властенъ надъ нею и оберегаетъ озарившее его счастье отъ бурь и опасностей. Онъ хочетъ схоронить его въ стѣнахъ своей мрачной лачуги, потому что знаетъ, что за стѣнами — смерть. Но это было бы торжествомъ низшей силы, и не для того было ему откровеніе пляски Пиппы, чтобы онъ остался въ безднахъ до-человѣческаго, въ сферѣ животной жадности. Пиппа уходитъ отъ него, легкая и свѣтлая, когда за ней въ хижину Гуна является юноша Михель, тотъ, котораго она уже въ кабачкѣ, увидавъ его въ первый разъ, полюбила какъ брата по духу. Онъ врывается въ мрачную лачугу со своей вѣрой въ торжество свѣта и увлекаетъ Пиппу за собой на путь, конечная цѣль котораго ему самому неясна.

Но старикъ Гунъ еще разъ встрѣчается съ Пиппой, и въ этой послѣдней встрѣчѣ исполняется трагическое предназначеніе Гуна. Ему опять дана власть надъ Пиппой. Гунъ пробрался въ хижину мудреца, гдѣ нашли пріютъ Михель и Пиппа, заблудившіеся въ горахъ. Онъ хочетъ тайкомъ похитить свою добычу, но онъ лишается силы при встрѣчѣ съ мудрымъ старцемъ, который опрокидываетъ его однимъ прикосновеніемъ и говоритъ, что „нѣтъ добычи для дикаго звѣря въ занесенной снѣгомъ божьей хижинѣ". Тогда начинается перерожденіе Гуна и его послѣднее состязаніе съ Пиппой. Онъ лежитъ въ страшныхъ мукахъ, перерождаясь изъ низшаго существа въ человѣка, и становится похожимъ на мудреца, который своимъ прикосновеніемъ властно и жестоко побѣдилъ въ немъ дикаго звѣря. „Онъ теперь нашъ братъ",—говоритъ мудрецъ изумленной Пиппѣ. Но это преображеніе въ человѣка стоитъ Гуну страшныхъ мукъ и ведетъ его къ смерти. До смерти однако проявляется еще разъ его власть надъ Пиппой. Мудрецъ уходитъ—позвать во тьмѣ ночной избавительницу отъ всѣхъ мученій, т.-е. смерть, и, уходя, предостерегаетъ Михеля, чтобы онъ не позволялъ Пиппѣ танцовать со старикомъ. Но предостереженіе на-

прасно и судьба свершается. Пиппа, сжалившись надъ страданіями Гуна, прикладываетъ ему руку къ сердцу, и этимъ утоляетъ его муку. Пиппа переродила его, и онъ идетъ къ своему трагическому назначенію, умираетъ, но тянетъ за собой въ мракъ и Пиппу. Въ этотъ часъ свершенія судьбы онъ понялъ Пиппу. Онъ знаетъ, что она — искра огня въ доменной печи, у которой онъ, старый стекольщикъ, всю жизнь выдувалъ стеклянные сосуды и фигуры самыхъ причудливыхъ формъ. Онъ знаетъ, что эта искра живитъ и вноситъ радость въ міръ. Онъ чувствуетъ себя властнымъ надъ ней, — онъ выдулъ стаканъ и можетъ его разбить, можетъ увлечь искру за собой во мракъ. И онъ это дѣлаетъ, заставляя Пиппу танцовать съ собой. Въ дикомъ танцѣ старикъ разбиваетъ стаканъ; Пиппа умираетъ, падая на руки стараго мудреца, который только-что вернулся въ комнату. При видѣ мертвой Пиппы дикій Гунъ испускаетъ свой неистовый языческій крикъ, который уже срывался съ его устъ и раньше; онъ кричитъ: „Юмаляйи!"—что значитъ: „радость для всѣхъ". Съ этимъ крикомъ онъ умираетъ, и старый мудрецъ говоритъ, что призванная имъ освободительница ошибочно поняла его призывъ,—она обратила свою власть не только на того, для кого она была призвана. Старикъ Гунъ —носитель трагическаго совершенствованія человѣческой души, ищущей отъ мрака животности къ свѣту облагороженнаго сознанія, и въ этомъ образѣ сказался уже идеализмъ Гауптмана. Фигура Гуна—наиболѣе удачная во всей драмѣ по своеобразному воплощенію стихійнаго языческаго начала плоти, жаждущаго единенія съ одухотворяющимъ началомъ міра. Его крикъ о радости для всѣхъ пріобрѣтаетъ трагическій смыслъ: это крикъ всего человѣчества, которое ищетъ исхода изъ мрака будничной сѣрости. Онъ освобождается, соприкасаясь съ искрой живительнаго огня, освобождается трагически, губя въ себѣ искру и губя себя, но радостный и въ этой послѣдней страшной побѣдѣ.

Ярче всего идеализмъ драмы воплощенъ въ центральной фигурѣ молодого ремесленника Михеля. Смыслъ драмы—во внутреннемъ душевномъ переживаніи Михеля. Онъ, по словамъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, „глупецъ изъ породы мудрецовъ", а себя самого онъ коритъ за то, что дѣйствительно вѣритъ душой только тому, чего нѣтъ. Этотъ новый Иванушка-дурачокъ — художественное воплощеніе чистаго искателя истины въ области высочайшаго идеализма; этотъ типъ часто изображался и въ старыхъ сказкахъ, и поэтами, искушенными знаніемъ жизни и потому влюбленными въ простоту, чистоту и правду идеалистическихъ стремленій. Для Михеля Пиппа танцуетъ свои самые сокровенные танцы. Съ перваго момента встрѣчи въ кабачкѣ ихъ влечетъ другъ къ другу. Но Михель ничего не дѣлаетъ для того,

чтобы завладѣть Пиппой, не чувствуя къ ней ни жадной страсти Гуна, ни чувственнаго каприза директора, жаждущаго развлеченій. Михель беззаботно засыпаетъ среди драки и смертоубійства въ кабачкѣ. Онъ погруженъ въ себя, въ свои свѣтлыя мечты, окрыленъ вѣрой въ то, что все свѣтлое придетъ ему навстрѣчу на его пути. Такъ онъ попадаетъ невзначай въ хижину Гуна, и тамъ находитъ свое свѣтлое счастье—Пиппу. Онъ смѣшитъ и радуетъ ее своей блаженной вѣрой въ чудодѣйственность своихъ силъ. Онъ увѣренъ, что въ его маленькомъ ранцѣ есть и волшебный клубокъ нитокъ, который приведетъ его къ желанной цѣли, и столикъ, который накормитъ его и Пиппу. Онъ увлекаетъ ее за собой въ невѣдомую страну свѣта, гдѣ у нихъ будетъ водяной дворецъ и гдѣ ихъ ждетъ безграничное блаженство. Гдѣ этотъ край—онъ не знаетъ, такъ какъ не думаетъ о достиженіи цѣли. Онъ только знаетъ, что есть путь, и идетъ по этому пути, свѣтлый и радостный. Такъ онъ приходитъ съ Пиппой въ хижину стараго мудреца, и ему кажется, что онъ охраняетъ Пиппу отъ всѣхъ опасностей. Онъ не видитъ, что̀ творитъ вокругъ него безпощадная судьба; онъ знаетъ только, что нужно идти, не останавливаясь, и вѣритъ въ себя, т.-е въ то, что̀ влечетъ его въ даль. Когда старый мудрецъ спрашиваетъ его, куда онъ ѣдетъ, Михель совѣтуетъ ему не быть такимъ любопытнымъ; вѣдь и онъ не спрашиваетъ его, зачѣмъ онъ тутъ торчитъ, грѣясь у печи, и ѣстъ печеныя яблоки. „Вѣчно странствовать и не думать о конечной цѣли, потому что, если подумаешь, она покажется или слишкомъ близкой, или слишкомъ далекой",—таковъ девизъ восторженнаго Михеля, который увѣренъ, что нѣтъ для него преградъ. И это „очаровательное божье дитя", какъ его называетъ старый мудрецъ, одерживаетъ побѣду—чисто духовную и глубоко трагичную. Побѣда заключается въ томъ, что онъ не видитъ реальныхъ катастрофъ, становится слѣпымъ къ явленіямъ внѣшняго міра, и тѣмъ ярче чувствуетъ внутренній свѣтъ, и идетъ по своей дорогѣ, ясной для его внутренняго взора. Онъ неразрывно соединяется съ Пиппой силой своей властной воли, и уже не отдѣляетъ себя отъ нея; поэтому смерть безвластна надъ нимъ. Пиппа умерла, но Михель этого не замѣчаетъ; онъ ослѣпъ („яркій снѣгъ горныхъ вершинъ иногда ослѣпляетъ", какъ говорится въ пьесѣ) и играетъ на своей окаринѣ пѣснь о слѣпыхъ—не о себѣ, а о тѣхъ, кого онъ считаетъ слѣпыми, потому что они не видятъ открытыхъ для него чудесъ міра. Мудрецъ вѣнчаетъ Михеля съ тѣнью Пиппы, взявъ его за руку и говоря, что подлѣ него Пиппа; Михель уходитъ блаженный, обѣщая никогда не покидать ввѣренную ему жену и неустанно идти съ ней по пути къ ихъ далекому водяному дворцу, въ край свѣта и красоты. Онъ не знаетъ, что его будетъ вести не Пиппа, а

тѣнь, мечта о ней. Онъ знаетъ только, что они вмѣстѣ пойдутъ, и, по совѣту мудреца, будутъ просить каждаго встрѣчнаго, чтобъ онъ провелъ ихъ хоть немножко дальше, хоть на одну милю ближе къ ихъ цѣли. Такъ онъ уходитъ медленно, наигрывая на окаринѣ, слѣпой, одинъ, но съ тѣнью Пиппы подлѣ себя,—и эта поэтическая картина уходящаго вдаль слѣпого, но по своему зрячаго юноши завершаетъ торжественнымъ аккордомъ всю драму.

Михель торжествуетъ какъ художникъ, потому что міръ для него таковъ, какимъ онъ хочетъ, чтобъ онъ былъ,—потому, что онъ видитъ живое чудо во всемъ, гдѣ для людей — лишь мертвые будни. Его жизнь—путь къ невѣдомому царству свѣта, въ реальность котораго онъ вѣритъ. Когда ему говорятъ, что облачное царство далеко, онъ отвѣчаетъ, что у него достаточно силы и терпѣнія, чтобы идти туда. И когда ему говорятъ, что міръ солнечнаго свѣта, водяныхъ дворцовъ, рай красоты и солнца, недостижимъ обычными путями, то онъ выказываетъ полноту надежды на обрѣтеніе другихъ путей, и не хочетъ медлить ни минуты. Онъ знаетъ одно, что нужно идти, что каждый пройденный шагъ дѣйствительно ведетъ къ еще несознанной имъ, но несомнѣнной цѣли.

Не забудемъ, что драма Гауптмана—сказка, и что поэтому мечты Михеля, мудраго Иванушки-дурачка, наивны въ своей опредѣленности,—также какъ наивно представленіе Ганнеле объ ея вознесеніи на небо. Но въ этомъ сказочно-наивномъ образѣ воплощена движущая сила человѣческой жизни, то сознаніе высшей цѣли, которое вноситъ силу и красоту и значительность во всѣ переживанія людей. Эту силу духа, познающую какъ разъ то, чего не цѣнитъ позитивное человѣчество, тѣ цѣнности, которыя какъ будто не нужны въ практической дѣйствительности,—словомъ, идеализмъ, присущій душѣ человѣка, Гауптманъ и воплотилъ въ своемъ чистомъ юношѣ, который громко, весело и наивно говоритъ: свѣтъ долженъ стать инымъ, все должно измѣниться. Онъ въ это вѣритъ, и въ этой вѣрѣ — его сила.

Въ драмѣ есть еще одно загадочное лицо—старый мудрецъ Ваннъ. Къ нему является „заболѣвшій тоской по идеалу“ директоръ, въ его хижинѣ совершаются чудеса, т.-е. то, что кажется сверхъ-естественнымъ, но на самомъ дѣлѣ составляетъ проявленіе внутренно необходимыхъ судебъ каждаго человѣка. Въ лицѣ старика, который способствуетъ тому, чтобы каждый исполнялъ свое внутреннее призваніе и назначеніе, воплощена божественная мудрость міра,—самое таинственное и столь необходимое, что оно кажется простымъ. У старика Ванна есть странныя красивыя игрушки, маленькія модели венеціанскихъ гондолъ, и ими онъ создаетъ очаровательные сны для своихъ любимцевъ. Онъ погружаетъ Михеля въ сонъ, даетъ ему въ руки игрушечную гон-

долу, говоритъ Пиппѣ, чтобы она позаботилась о попутномъ вѣтрѣ для него,—и въ своемъ волшебномъ снѣ Михель странствуетъ по тѣмъ волшебнымъ краямъ, куда стремится наяву. Не трудно уловить смыслъ этой сцены, въ которой подъ поэтическими образами воплощена власть творческой мечты, и въ „фабрикантѣ игрушекъ“, какъ называетъ Пиппа старика, воплощеніе силы, управляющей міромъ—не по своему произволу, а законами, вложенными въ бытіе каждаго существа.

Уже изъ того, что̀ мы говорили о вліяніи Пиппы на окружающихъ, ясно, что Пиппа воплощаетъ собой весь невысказанный смыслъ жизни, все то, что̀ въ жизнь вноситъ, что̀ создаетъ или, вѣрнѣе, что̀ открываетъ творческая фантазія, все, что̀ улыбается людямъ и кажется имъ счастьемъ, все, что̀ они постигаютъ какъ красоту жизни, все то, безъ чего жизнь, во всей ея матеріальной несомнѣнности, была бы мертвой и темной. Пиппа своей пляской не создаетъ жизнь, а преображаетъ ее, дѣлаетъ ее прозрачной, такъ что сквозь мертвыя плотныя формы просвѣчивается мелькающій, мерцающій тайный смыслъ. Если хотите, Пиппа—счастье, если хотите — Пиппа преображающее искусство. Каждый можетъ понимать ее различно, и въ этомъ—глубина художественнаго образа. Она—все это вмѣстѣ, потому что она—раскрывающійся для каждаго отдѣльно и интимно, по своему, духовный смыслъ жизни. Раскрывается этотъ смыслъ именно въ ея символической пляскѣ, больше чѣмъ въ словахъ. Слова ея реальны; она постоянно повторяетъ, что она—живое существо съ человѣческой плотью, но сквозь ея реальность видно ея высшее назначеніе, откровеніе, съ которымъ она является къ людямъ. Смыслъ ея откровенія—въ томъ, что каждому она даетъ возможность проявить свою силу, свою правду, осуществить себя, понявъ ее, т.-е. понявъ незримую правду, къ которой жизнь есть путь. Пиппа пляшетъ о томъ, что жизнь не ограничена явленіями, что въ явленіяхъ, въ жизни, въ чувствахъ есть цѣль, мелькающая, невоплотимая, но что, только чувствуя ее, человѣкъ поднимается на свою собственную трагическую высоту. Въ этомъ — идея сказки Гауптмана съ ея обаятельными художественными образами.

II.

Tristan Bernard. Amants et voleurs. Стр. 304. Paris, 1905 (E. Fasquelle éditeur).

Тристанъ Бернаръ—тонкій юмористъ, наблюдатель быта средняго класса во Франціи; онъ подмѣчаетъ въ немъ не столько уродливое и возмутительное, сколько и жалкое. Психологія мелкихъ человѣческихъ слабостей, маленькіе уколы и неудачи, мимолетныя удовлетворенія тще-

славія, минуты гордости или умиленія, смѣняющіяся снова моментами досады, маленькихъ непріятностей и маленькихъ обидъ,—вся эта жизненная паутина людей, живущихъ замкнутыми личными интересами, очертившихъ сами себѣ узкія рамки для чувствъ и для дѣйствій, представлена въ повѣстяхъ Тристана Бернара съ большимъ юморомъ и съ большой грустью, а съ художественной стороны—съ большимъ чутьемъ характерныхъ подробностей. Его двѣ повѣсти „Mémoires d'un jeune homme rangé" и „Un mari pacifique" типично изображаютъ среднюю французскую семью, и юморъ автора проявляется въ умѣньи обнажать смѣшное и жалкое въ самыхъ, казалось бы, безразличныхъ чертахъ дѣйствительности.

Въ послѣдней книжкѣ разсказовъ Т. Бернара, „Amants et voleurs", тонъ юмориста мѣняется вслѣдствіе оригинальности и напряженности мотивовъ, разработанныхъ въ отдѣльныхъ разсказахъ. Онъ наблюдаетъ дѣйствительность въ тѣ исключительные моменты, когда всякія нравственныя нормы нарушены, когда совершается нѣчто завѣдомо предосудительное и даже преступное, ужасное. Своеобразный паѳосъ нѣкоторыхъ его разсказовъ заключается въ томъ, чтобы тамъ, не „по ту сторону добра и зла", а въ самомъ царствѣ зла, въ мірѣ преступленій, найти свои законы справедливости, а также изобразить игру судьбы, странныя случайности, приносящія гибель или избавленіе,—словомъ, всю психологію преступленій въ связи съ мотивами, вызывающими ихъ. Въ книгѣ Тристана Бернара всѣ разсказы сводятся къ двумъ темамъ: къ любви и преступленію въ различныхъ градаціяхъ до самыхъ высшихъ напряженій,—до страсти и убійства. Нѣкоторые изъ разсказовъ—юмористическіе;—это тѣ, въ которыхъ идетъ отдѣльно рѣчь или о любви, или о преступленіи, о случаяхъ изъ профессіональной жизни убійцъ съ цѣлью грабежа. Въ разсказахъ такого рода авторъ большей частью отмѣчаетъ иронію судьбы, т.-е. несоотвѣтствіе фактовъ и мотивовъ; онъ изображаетъ маски, которыя вѣчно смѣняются на лицѣ дѣйствительности. Все—не то, чѣмъ кажется. Изображенная на примѣрѣ мелкаго происшествія, эта картина маскарада жизни художественна, мѣтка и забавна. Такъ, напримѣръ, въ „Любовномъ письмѣ" разсказано съ большой легкостью, живостью и юморомъ, какъ скучающій молодой человѣкъ отвѣчаетъ на письмо своей возлюбленной, сидя въ казино приморскаго города, гдѣ онъ проводитъ лѣтнія каникулы. Все въ жизни такого средне-чувствующаго юноши—только маска,—въ томъ числѣ и его любовь къ замужней женщинѣ. Такой романъ полагается имѣть свѣтскому молодому человѣку, и онъ корректно исполняетъ этотъ свѣтскій долгъ. Нужно отвѣтить страстнымъ посланіемъ дамѣ своего сердца, и онъ идетъ въ казино, надѣясь, что видъ моря вдохновитъ его. Но онъ всячески старается

оттянуть скучный моментъ писанія, идетъ медленно по улицѣ, отвлекаясь малѣйшими инцидентами по дорогѣ. Онъ видитъ плачущую дѣвочку, и начинаетъ жалѣть ее. „Онъ готовъ питать состраданіе и всякія высокія чувства, когда это ни къ чему не обязываетъ“. Онъ останавливается передъ всѣми окнами, долго глядитъ на выставленные предметы, вызывая ложныя ожиданія въ торговцахъ глухого нормандскаго городишка. Они уже съ радостной улыбкой выходятъ къ покупателю изъ дверей,—но онъ проходитъ мимо. И тутъ маски дѣйствительности, тщетныя ожиданія. Забавно разсказано, какъ скучающій юноша садится наконецъ писать, выбравъ бумагу съ виньеткой, занимающей много мѣста,—какъ онъ повторяетъ банальныя слова любви, чтобы наполнить страницы, — и какъ наконецъ его выручаетъ пріятель, который приходитъ и разсказываетъ ему о какомъ-то несчастномъ случаѣ съ автомобилемъ. Это даетъ ему матеріалъ для конца письма. Онъ кончаетъ и счастливъ, что отдѣлался. И ни онъ, ни его возлюбленная не подумаютъ о томъ, какъ смѣшно продолжать ихъ тайную любовь, обманывать ея мужа, когда любовь эта—притворство и маска, надѣтая для спасенія отъ скуки жизни.

Иронія судьбы намѣчена въ другомъ разсказѣ, болѣе страшномъ по своему сюжету, но рисующемъ тоже кошмаръ жизни, а не ея трагизмъ. Эти два понятія нужно различать: кошмаръ—это то, что надвигается, и въ чемъ человѣкъ не участвуетъ своимъ сознаніемъ—въ противоположность трагизму жизни, на днѣ котораго человѣкъ чувствуетъ что-то высшее, и чему онъ подчиняется. Кошмаръ, разсказанный подъ невиннымъ заглавіемъ „Осмотръ багажа“, заключается въ слѣдующемъ: два профессіональныхъ грабителя спокойно и съ обычнымъ умѣньемъ забрались къ богатой старухѣ, жившей подъ Парижемъ, задушили ее и взяли деньги. Затѣмъ они положили трупъ въ сундукъ, слѣдуя прописнымъ правиламъ своего ремесла, и сдали его въ багажъ, въ Парижъ. Одинъ изъ нихъ поѣхалъ въ другое мѣсто, а второй долженъ былъ проѣхать въ Парижъ, взять сундукъ и передать для уничтоженія третьему сообщнику. На вокзалѣ въ Парижѣ иногда осматриваютъ багажъ, но убійца надѣялся избѣгнуть этого рокового для него момента, такъ какъ на вокзалѣ у него былъ знакомый служащій. Онъ пріѣзжаетъ, спокойно направляется въ залу для осмотра, но къ ужасу его оказывается, что знакомаго его нѣтъ; на его вопросъ о немъ, ему говорятъ, что онъ боленъ и не пришелъ на службу. Уйти уже поздно, осталось всего нѣсколько недосмотрѣнныхъ штукъ багажа; инспекторъ подходитъ именно къ его сундуку и говоритъ, чтобы тотъ открылъ его. Убійца переживаетъ моментъ смертельнаго страха, и дѣлаетъ видъ, что не можетъ найти ключей. Это вызываетъ нѣкоторое подозрѣніе, и чиновникъ велитъ открыть корзину

безъ ключа. Открываютъ въ присутствіи застывшаго въ ужасѣ убійцы. Но когда крышка откидывается, убійца съ трудомъ удерживается отъ крика безумной радости. Въ корзинѣ оказывается какое-то дѣтское бѣлье и вещи. Багажныя квитанціи спутали—и кто-то уже уѣхалъ, увезя съ собой корзину со страшной поклажей... Убійца никогда уже больше не слыхалъ о судьбѣ своего сундука—и долго носилъ теплый жилетъ, найденный въ доставшемся ему багажѣ.

И скука и кошмаръ жизни образно отражены въ этихъ двухъ разсказахъ. Но лучшіе разсказы въ сборникѣ—тѣ, въ которыхъ основные два мотива страсти и преступленія сплетены между собою, создавая сильный трагическій аккордъ. Преступленіе изъ любви, со всей сложностью облагораживающихъ его мотивовъ, наиболѣе интересно изображено въ разсказѣ „Послѣднее посѣщеніе". Въ этотъ разсказъ художественно вплетена психологія самоотверженной материнской любви. Разсказъ ведется отъ имени матери. Тонъ измученной матери, которая говоритъ о преступленіи и казни своего сына, не называя страшныхъ фактовъ, а только описывая дальнѣйшія подробности, выдержанъ очень художественно и трогаетъ своей простотой. Она вышла замужъ въ двадцать лѣтъ, и когда ея первый ребенокъ родился, она уже была вдовой; мужъ заболѣлъ и умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Вся жизнь ея посвящена любви къ сыну, который хорошо учился и до восемнадцати лѣтъ доставлялъ ей только радости. Потомъ вдругъ онъ влюбился въ замужнюю женщину, жену коммерсанта, и ему понадобились нѣсколько тысячъ франковъ, чтобы спасти отъ банкротства мужа своей возлюбленной. Мать не дала ему этихъ денегъ, хотя имѣла ихъ. Она слишкомъ дорожила состояніемъ,—которое берегла для того же сына,—чтобы такъ легкомысленно отдавать тысячи чужимъ людямъ. Тогда онъ рѣшилъ обратиться къ своему крестному отцу, восьмидесятилѣтнему старику. Мать предупреждаетъ его, что старикъ не дастъ, но Анри все-таки идетъ. Мать ждетъ его до поздней ночи, но онъ не возвращается. На слѣдующее утро, отправившись за покупками на рынокъ, она слышитъ толки о совершенномъ убійствѣ старика, и въ ужасѣ все понимаетъ. Сначала говорятъ, что убійца какой-то солдатъ, что его поймали и посадили,—и у матери Анри на минуту отлегаетъ отъ сердца. Но эта версія сейчасъ же опровергается; оказывается, что заподозрѣннаго солдата уже выпустили. Мать въ ужасѣ идетъ домой и застаетъ тамъ сына, который отмываетъ платье отъ пятенъ крови. Она рыдаетъ, чувствуя къ нему только жалость, видя, какъ онъ безпомощенъ, и даже не думаетъ спасаться отъ преслѣдованій. Она отправляетъ его на велосипедѣ, зарываетъ его смоченное платье въ землю, и при появленіи полиціи держится такъ спокойно, что удаляетъ вся-

кія подозрѣнія. Но Анри самъ себя губитъ своей страстью къ женщинѣ, ради которой совершилъ преступленіе. Онъ тайкомъ пробирается обратно и бродитъ вокругъ ея дома; тамъ его высматриваютъ, выслѣживаютъ и хватаютъ, „какъ птичку, которую можно взять прямо рукой", — говоритъ несчастная мать. Напрасно всѣ въ судѣ доказываютъ, что сынъ ея—страшный злодѣй, настоящее чудовище,—онъ убилъ старика ударами подсвѣчника въ голову. Она все-таки знаетъ, что онъ сдѣлалъ это въ моментъ безумія и что онъ дѣйствовалъ какъ дикарь именно потому, что былъ въ безпамятствѣ. Однако, его все-таки осуждаютъ, и мать, не повторяя, въ чемъ состоялъ приговоръ, говоритъ только о томъ, какъ онъ вышелъ изъ зала засѣданія спокойный, раскланиваясь даже съ солдатами. А ее, мать свою, онъ не видѣлъ, и потому не поклонился ей. Мать ничего не сказала о женщинѣ, изъ-за которой все случилось, потому что Анри запретилъ ей говорить. Она исполняетъ требованіе сына, хотя, какъ сама говоритъ, не питаетъ добрыхъ чувствъ къ женщинѣ, погубившей ея сына, которая, къ тому же, не подавала признаковъ жизни съ той минуты, какъ Анри посадили въ тюрьму. Мать видѣла, что сыну тяжело равнодушіе его подруги и что онъ только о ней и думаетъ; она страдала отъ ревности къ этой Фанни, которая отняла у нея всю любовь сына,—но материнская любовь побѣдила всѣ эгоистическія чувства. Наступилъ страшный день, о которомъ мать тоже разсказываетъ глухо, не называя, въ чемъ ужасъ состоялъ. Просьба о помилованіи отклонена; попытки адвоката спасти голову своего кліента кончились ничѣмъ. Матери остается послѣднее утѣшеніе—постараться увидѣть сына наканунѣ. Это не разрѣшается, но мать добивается своего, уговариваетъ сторожа пустить ее въ тюрьму къ осужденному, и вотъ какъ разыгрывается сцена прощанія:

„— Мы поднимаемся во второй этажъ и останавливаемся передъ дверью...—„Вотъ, здѣсь,—говоритъ сторожъ.—Поцѣлуйте его черезъ форточку въ двери. Гюше!—негромко кликнулъ онъ.—Тутъ пришли... хотятъ васъ поцѣловать".—Тогда я скорѣе догадалась, чѣмъ увидѣла, что онъ стоитъ у форточки, и услышала, какъ онъ тихо сказалъ:— „Это ты, Фанни!"—И въ то же время онъ прижался лицомъ къ моему лицу и такъ меня поцѣловалъ, какъ никто въ жизни не цѣловалъ меня"...

„— Бѣдная вы!—прервала ее та, которой она разсказывала о своемъ горѣ.—Какъ вамъ, вѣрно, было тяжело, что онъ думалъ о другой въ эту минуту!

„— Нѣтъ, я объ этомъ не думала тогда. Я только поняла, какъ онъ счастливъ. Я это почувствовала въ его поцѣлуѣ. И я боялась только того, чтобы онъ не замѣтилъ своей ошибки. Я была рада по-

этому, что сторожъ оттащилъ меня. И въ эту послѣднюю ночь, которой я такъ боялась, думая что не переживу ее, я проспала спокойно до утра. Проснувшись, я въ первую минуту вся похолодѣла, вспомнивъ, что уже конецъ всему. Но я подумала затѣмъ, что онъ умеръ счастливый, и весь день сидѣла за работой, не проговоривъ ни слова".

Драматизмъ этой сцены, въ которой преступленіе искупается любовью и озаряется паѳосомъ материнской любви, производитъ сильное впечатлѣніе.

Изъ другихъ разсказовъ на тему о преступленіяхъ изъ любви слѣдуетъ отмѣтить „En casque et sabre". Въ немъ описывается затемняющая разумъ страсть молодого солдата къ дочери трактирщика. Чтобы спасти свою возлюбленную и достать ей деньги, которыя она растратила и въ которыхъ должна была отдать отчетъ, онъ крадетъ изъ полковой кассы. Когда въ кражѣ подозрѣваютъ другого, невиннаго, онъ, на минуту, чувствуетъ, что долженъ сознаться: на этомъ настаиваетъ и его другъ, отъ лица котораго ведется разсказъ. Но дѣвушка, изъ эгоизма страсти, удерживаетъ его отъ исполненія долга. Невинный все-таки спасенъ, потому что вину беретъ на себя другъ, посвященный въ исторію кражи. Онъ переноситъ позоръ, который навлекаетъ на себя, съ мужествомъ, какъ нѣчто болѣе легкое, чѣмъ сознаніе того, что пострадалъ завѣдомо невинный человѣкъ. Деньги за него вноситъ отецъ, его переводятъ въ другой полкъ, и онъ радъ, что не увидитъ больше своего друга и его возлюбленную, для которыхъ законъ любви оказался грознымъ разрушителемъ душъ. Тристанъ Бернаръ не выступаетъ въ роли моралиста, бичующаго преступниковъ. Онъ только изображаетъ правдиво и сильно контрасты силъ, управляющихъ страстями и дѣйствіями людей въ трагическія минуты столкновеній съ судьбой.

Въ книгѣ Бернара есть еще одинъ разсказъ, въ которомъ иронія судьбы изображена съ жестокимъ юморомъ. Въ немъ описывается удачно совершонное преступленіе. Убійца все предусмотрѣлъ; онъ такъ ловко выбрался изъ своей комнаты, что хозяйка увѣрена, что онъ дома; этимъ онъ устанавливаетъ свое alibi. Въ высмотрѣнномъ имъ заранѣе загородномъ домикѣ намѣченной жертвы онъ тоже никого не засталъ, продѣлалъ все по заранѣе обдуманному плану и вернулся съ раннимъ утреннимъ поѣздомъ въ Парижъ, вполнѣ увѣренный въ удачѣ. Но когда онъ подходилъ къ своему дому, его арестовываютъ, по обвиненію въ убійствѣ женщины, которая жила въ комнатѣ рядомъ съ нимъ. Такъ какъ убитую здѣсь тоже ограбили, то найденныя на убійцѣ деньги служатъ, вмѣстѣ со слѣдами крови—отъ другого преступленія—доказательствами его вины. Своего alibi онъ установить не можетъ; его судятъ и ссылаютъ въ Новую Каледонію. Разсказъ ведется отъ

его имени, въ видѣ письма къ адвокату послѣ одиннадцати лѣтъ каторги. Онъ проситъ заняться пересмотромъ его процесса. Теперь его оправдаютъ, потому что онъ можетъ точно установить свое alibi, а за совершонное имъ дѣйствительно преступленіе онъ, за минованіемъ давности, наказанъ быть не можетъ. Это роковое сцѣпленіе случайностей обрисовано съ мрачнымъ юморомъ.

Въ общемъ, разсказы Тристана Бернара производятъ сильное впечатлѣніе, какъ изображеніе человѣческихъ паденій, въ которыхъ есть свои страшные законы возмездія—помимо правосудія отъ рукъ человѣческихъ. — З. В.

ПО ПОВОДУ „НОВОЙ УТОПІИ".

— H. G. Wells. A Modern Utopia. L., 1905.

I.

Быть можетъ, ничто такъ не свидѣтельствуетъ о ростѣ человѣческаго рода, о безпрестанномъ движеніи его въ сторону высшихъ формъ жизни, какъ тѣ мечты, которымъ время отъ времени предаются его мыслители и писатели. Дѣйствительность исчезаетъ; настоящее таетъ при одномъ приближеніи къ нему и сливается въ одно безбрежное море съ прошлымъ. Остаются лишь, какъ нѣчто реальное, мечты и будущность.

Эта мысль является невольно, когда читаешь самую послѣднюю утопію, не такъ давно появившуюся въ англійской литературѣ. Я говорю о книгѣ Уэллса (H. G. Wells)—„A Modern Utopia".

Какъ извѣстно, первою политической утопіей, т.-е. первою попыткою дать обстоятельный идеалъ устройства человѣческаго общества, считается „Республика" Платона. Но при всемъ возвышенномъ міросозерцаніи греческаго философа, при всемъ благородствѣ его идеаловъ, въ его „Республикѣ" не только допускалось, но и считалось даже благомъ то, что наше поколѣніе отвергло бы съ негодованіемъ, какъ нѣчто дикое и варварское. Достаточно напомнить, что, по законамъ Платоновской республики, каждый гражданинъ, высказывающій „ложное" мнѣніе о Богѣ, подлежалъ изгнанію. Такова была въ ней вѣротерпимость. Рабство было необходимымъ учрежденіемъ, основой республики. Дѣти, имѣвшія несчастье родиться недостаточно развитыми, подлежали смерти. Сообщеніе между „республиканцами" и внѣшнимъ міромъ не признавалось, и ворота города держались на запорѣ. Дѣти убивались и тогда, когда родились „безъ разрѣшенія" закона.

Куда гуманнѣе, либеральнѣе и цѣлесообразнѣе было устройство „Утопіи" Томаса Мора. Видно было, что за тѣ двѣ тысячи лѣтъ, которыя протекли отъ „Республики" Платона, человѣчество сдѣлало огромный шагъ на пути смягченія нравовъ, расширенія умственнаго кругозора и улучшенія жизни. Но и Моръ еще жилъ въ „подлыя времена", когда человѣческая личность сама по себѣ еще не имѣла никакой цѣны, и въ его „Утопіи" имѣется особый, подневольный классъ людей для исполненія черныхъ работъ.

Появившійся, спустя сто лѣтъ послѣ этой „Утопіи“, „Солнечный городъ“ Кампанеллы—уже рабства вовсе не знаетъ. Но все же, въ сравненіи съ утопіями XIX столѣтія, идеалъ итальянскаго монаха начала XVII-го вѣка представляется какой-то душной тюрьмой. Не говоря уже о мистическихъ семи кругахъ, охватывающихъ городъ, все въ немъ такъ налажено, что для свободы личности тамъ не остается никакого поля. Лишь XIX-й вѣкъ начинаетъ давать намъ утопіи, полныя свѣта и свободы. Достигнувъ многаго, человѣчество стало мечтать еще о болѣе лучшемъ и возвышенномъ, о чемъ ни древне-греческимъ философамъ, ни средневѣковымъ писателямъ и мыслителямъ и сниться не могло. Въ XIX вѣкѣ европейское человѣчество уже не знало рабства. Политическая и религіозная свобода была имъ завоевана. Безопасность личности и имущества какъ отъ произвола власть имущихъ, такъ и отъ обыкновенныхъ мародеровъ, была обезпечена. Судъ сдѣлался правымъ, неподкупнымъ, скорымъ и хотя далеко не всегда милостивымъ, но все же не преднамѣренно и грубо-жестокимъ. Но осталось еще много неравенства и невѣжества. И естественно, что мечты людей направились именно въ эту сторону, т.-е. въ сторону возстановленія экономическаго равенства и умственнаго просвѣщенія. Въ новыхъ утопіяхъ общество уже не раздѣляется на массы, разряды или управителей и управляемыхъ, какъ у Платона, Кампанеллы, Мора, Бэкона и другихъ. Наоборотъ, какъ въ прозаической коммунѣ „Икарія“ Этьена Кабе, такъ и въ излишне поэтической анархіи („News from Nowhere“) Вильяма Морриса, или во „Взглядѣ назадъ“ Беллами, равенство во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ главную основу общественнаго устройства. Въ этомъ отношеніи утопія Вильяма Морриса превзошла всѣ другія. Его анархисты въ вышивныхъ платьяхъ всѣ до одного человѣка—художники и искусные мастера, и всякая работа въ его анархіи, даже самая черная и грубая, считается пріятной и красивой. Моррисъ былъ декоративнымъ поэтомъ, и люди и порядки въ его утопіи нарисованы имъ въ томъ же стилѣ, какъ и цвѣты на обояхъ его фабрики: безъ всякаго отношенія къ жизни и природѣ.

Болѣе близка къ жизни утопія Беллами. Но замѣчательно, что всѣ извѣстныя намъ утопіи, начиная съ Платоновской и кончая утопіей Беллами, ограничиваются лишь одной мѣстностью. Мысль о возможности такого общественнаго устройства, которое одинаково распространялось бы на всѣ народы земного шара и соединило бы все человѣчество въ одно всемірное и свободное государство, должно быть, казалась слишкомъ смѣлой даже самымъ необузданнымъ мечтателямъ древняго и новаго міра, когда-либо пытавшимся начертать идеалъ будущаго государства. Даже Контъ, хотя и возводитъ человѣчество въ

„Высшее Существо“, всегда ограничивается, говоря о будущемъ государствѣ, лишь „Западной Республикой“, т.-е. цивилизованной частью человѣчества. „Республика“ же Платона должна была бы быть лишь городомъ, и то очень небольшимъ. „Солнечный городъ“ Кампанеллы—это, сравнительно, небольшая коммуна, гдѣ даже мужья и жены „общи“ Утопія Мора была островомъ; такою же была „Новая Атлантида“ Бэкона. Моррисовская анархія ограничивается только Лондономъ. Гораздо болѣе широкое значеніе имѣетъ романъ Беллами, обнимающій всѣ Соединенные-Штаты. Мы уже не говоримъ о разныхъ другихъ утопіяхъ, имѣющихъ не столько общественно-созидательный, сколько сатирическо-разрушительный характеръ, какъ, напр., „Другой и тотъ же міръ“ („Mundus Alter et idem“) Джозефа Голла [1]), или болѣе новые романы: „Ereuton“ Бутлера, и „Путешественникъ изъ Алтрураріи“ Гоуэлла.

Лишь въ началѣ XX-го столѣтія человѣчество начинаетъ сознавать себя настолько выросшимъ, что позволяетъ себѣ уже мечтать не только о Соединенныхъ-Штатахъ Европы, но и о государствѣ всего міра, о „World State“, въ которомъ нѣтъ ни господъ, ни рабовъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни угнетаемыхъ, ни угнетателей. Такое именно утопическое „World State“ и изобразилъ намъ теперь извѣстный англійскій писатель Уэллсъ.

Очевидно, человѣчество уже пережило идеалъ мелкихъ коммунъ, столь увлекавшій первыхъ христіанъ и не потерявшій еще свою прелесть и нынѣ для немногихъ любителей архаизмовъ. Маленькія, обособленныя, отрѣзанныя отъ всего прочаго міра общины и прѣющія въ своемъ собственномъ соку мелкія республики и самодовлѣющія государства-монастыри имѣли, пожалуй, смыслъ во времена давно минувшія, когда человѣчество еще не знало тѣхъ средствъ сообщеній и того богатства машинъ, какими оно обладаетъ теперь.

Въ наше же время обособленное человѣческое общество просто немыслимо, и если бы оно даже было возможно и осуществилось, то оно было бы не идеаломъ, а нелѣпостью.

Вотъ почему въ „Новой Утопіи“ Уэллса представляется намъ уже грандіозный идеалъ будущаго человѣчества, чуждый всякихъ внутреннихъ національныхъ и политическихъ перегородокъ. Конечно, для полнаго своего осуществленія „единое государство“ требуетъ предварительно федераціи народовъ, и эта федерація опять-таки пока возможна лишь между свободными демократіями. Но колесо эволюціи вертится, ни на мгновенье не останавливаясь, и нынѣшнія деспотіи

---

[1]) Отрывокъ изъ этого сочиненія помѣщенъ въ „Ideals of Commonwealth“, изданныхъ Генри Морлеемъ.

неизбѣжно—и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе—должны будутъ обратиться въ свободныя страны.

Однако, обратимся къ утопіи Уэллса.

II.

„Новая Утопія“ Уэллса является завершеніемъ предшествовавшихъ ей двухъ книгъ того же автора по вопросамъ соціальнымъ: „Въ ожиданіи“ („Anticipations“) и „Выработка человѣчества“ („Mankind in Making“). Первая, печатавшаяся раньше въ „Fortnightly Review“, появилась въ 1902 г., а вторая—въ 1903 г. Обѣ эти книги какъ бы подготовили читателя къ той картинѣ будущаго человѣчества, которую талантливый и вдумчивый писатель преподноситъ намъ въ полу-беллетристической формѣ.

Какъ безграничный поклонникъ Дарвина и Спенсера, Уэллсъ не могъ, конечно, нарисовать намъ утопію въ духѣ Платона или хотя бы Вильяма Морриса. Его утопія не окаменѣлая, разъ навсегда установившаяся форма общественной и индивидуальной жизни, не „конечный“ идеалъ счастья и благополучія, а такая же переходная стадія, какъ и современная наша жизнь. И въ „мірѣ-государствѣ“ люди будутъ заниматься дальнѣйшимъ улучшеніемъ матеріальныхъ средствъ, дальнѣйшимъ развитіемъ личности и исканіемъ большей правды, но все это будетъ происходить при другихъ условіяхъ, болѣе справедливыхъ и человѣчныхъ.

Уэллсъ полагаетъ, что будущее „міровое государство“ явится синтезомъ соціализма и индивидуализма. „Каждый изъ нихъ въ отдѣльности,—говоритъ онъ,—составляетъ абсурдъ. Абсолютный индивидуализмъ сдѣлалъ бы людей рабами сильныхъ и богатыхъ, а абсолютный соціализмъ обратилъ бы ихъ въ рабовъ государственныхъ чиновниковъ. Здравый смыслъ совѣтуетъ избрать средину между ними“.

Чтобы быть прогрессивнымъ, государство не можетъ ограничиваться однимъ только обезпеченіемъ пищи и одежды, порядка и здоровья. Оно должно заботиться и о развитіи иниціативы, которая и можетъ быть результатомъ лишь развитія личности. Кромѣ соотвѣтственнаго воспитанія, личности должна быть предоставлена поэтому и полная свобода дѣятельности, экономической, политической, философской, соціальной, насколько, конечно, эта свобода въ состояніи содѣйствовать духу иниціативы. Вотъ почему, въ утопіи Уэллса, государство хотя и является единственнымъ собственникомъ земли, но оно ничуть не принуждаетъ своихъ гражданъ обрабатывать ее и само не устраиваетъ никакихъ колоній и коммунъ. Государство, само или черезъ муниципа-

литетъ, владѣетъ всѣми источниками энергіи, т.-е. землей, углемъ, производствомъ электричества, силами воды и вѣтра. Примѣненіе же этой энергіи къ добыванію и обработкѣ вещей составляетъ дѣло личнаго почина. Затѣмъ государство будетъ также отвѣтственно за содержаніе дорогъ и за устройство правосудія; оно будетъ содержать дешевое и быстрое передвиженіе—пассажирское и товарное; будетъ даромъ перевозить и распредѣлять рабочихъ соотвѣтственно спросу и предложенію труда; будетъ платить за рожденіе здоровыхъ дѣтей и будетъ поощрять воспитаніе здороваго и дѣятельнаго новаго поколѣнія. Оно будетъ чеканить монеты, контролировать мѣры и вѣсы, субсидировать научныя изысканія и вознаграждать за такія бездоходныя коммерческія предпріятія, которыя имѣютъ общеполезный характеръ. Словомъ, государство будетъ продолжать дѣлать многое изъ того, что оно теперь дѣлаетъ, и многое новое. Но все же огромное поле дѣятельности останется еще и въ распоряженіи личности, для которой новое государство и будетъ существовать.

Коренное, однако, различіе между современнымъ государствомъ и будущимъ, какимъ его рисуетъ Уэллсъ, заключается въ точкѣ зрѣнія людей на роль государства. Въ будущемъ эта точка зрѣнія будетъ не этико-національная, а научно-соціологическая. Цѣлью государства будетъ считаться не охраненіе личности или націи, а улучшеніе человѣческаго рода. Не статика, а динамика государства будетъ дѣломъ законодательства. Вотъ почему главной, если не единственной заботой будущаго государства станетъ ребенокъ, а не отецъ его. Дѣти, какъ матеріалъ для выработки новаго поколѣнія, сосредоточатъ на себѣ все вниманіе общества, и все то, что содѣйствуетъ росту матеріальнаго, нравственнаго и умственнаго дѣтей, будетъ поощряться, а все то, что мѣшаетъ этому росту, будетъ отвергнуто или запрещено. Отсюда и все направленіе жизни и законодательства въ Новой Утопіи.

Выясненію этого динамическаго взгляда на роль государства посвящена вся книга „Mankind in the Making". Въ этой высоко-интересной книгѣ Уэллсъ прослѣживаетъ жизнь ребенка со дня его рожденія до совершеннолѣтія, разбираетъ и описываетъ всѣ стороны, вліяющія на выработку его характера и способностей, предлагаетъ разныя средства улучшенія школьнаго и домашняго воспитанія.

И вотъ, исходя изъ этой динамической точки зрѣнія на роль государства, изъ точки зрѣнія, такъ сказать, человѣководства, нашъ авторъ и устраиваетъ свое міровое государство на соотвѣтственныхъ началахъ.

Было бы излишне передавать здѣсь всѣ подробности новой утопіи. Нѣкоторые изъ описываемыхъ Уэллсомъ порядковъ слишкомъ искусственно придуманы и вовсе не вызываются эволюціей общества. Та-

ково, напримѣръ, существованіе сословія „самураевъ“, рыцарей будущаго человѣчества, напоминающихъ „стражу“ Платоновской республики. Это—сливки человѣчества, самые лучшіе элементы его, обладающіе творческими способностями и энтузіазмомъ. Они соединяются въ одно общество, даютъ обѣтъ воздержной, строгой жизни и общественнаго служенія. Каждый, достойный быть самураемъ по образованію, поведенію и возрасту, можетъ поступить въ это общество. Уэллсъ посвящаетъ этимъ самураямъ свыше 50 страницъ, но, откровенно говоря, его утопія показалась бы намъ куда болѣе веселой и прекрасной безъ этого сословія полу-монаховъ, полу-чиновниковъ.

Неудачна также и его паспортная система, которая хотя и основана на совершенно неудачномъ способѣ удостовѣренія личности, а именно, на отпечаткахъ большого пальца, но она какъ-то пристегнута къ утопіи ни къ селу, ни къ городу. Впрочемъ, эти паспортныя новшества даютъ Уэллсу случай написать нѣсколько забавныхъ сценокъ, значительно оживляющихъ книгу. Отсутствіе у него и его спутника, очутившихся въ Новой Утопіи, соотвѣтственныхъ „нумеровъ“, которыми должны обладать всѣ граждане „міроваго государства“, ставитъ ихъ въ своеобразное комическое положеніе, непредвидѣнное чиновниками Новой Утопіи.

Оставляя поэтому въ сторонѣ такія новшества, безъ которыхъ утопія могла бы отлично обходиться, посмотримъ, какъ она разрѣшила нѣкоторые вопросы, служащіе камнемъ преткновенія для современнаго намъ общества. И нужно сказать, что въ этомъ отношеніи „Новая Утопія“ ничего утопичнаго не представляетъ, и авторъ ея, набрасывая очеркъ существующей тамъ экономической системы, довольно близко держался программы англійской „Independent Labour Party“ (независимой рабочей партіи).

III.

Чуждые ложной сентиментальности, съ одной стороны, и жестокаго равнодушія—съ другой, и имѣя всегда передъ собою лишь одну цѣль—улучшеніе рода, ново-утопіанцы приняли соотвѣтственныя мѣры. Накопленіе огромныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ и экономическое господство послѣднихъ надъ большинствомъ нуждающагося населенія уже невозможны тамъ потому, что вся земля, всѣ рудники, залежи и другія естественныя богатства, всѣ пути сообщенія, приготовленіе электрической силы и многія другія производства принадлежатъ государству. Къ этому законы о наслѣдствахъ, передающіе большую часть оставленнаго имущества государству, также значительно

сокращаютъ возможность накопленія въ частныхъ рукахъ непомѣрныхъ богатствъ.

Съ другой стороны, рабочій охраненъ отъ эксплоатаціи уже однимъ установленіемъ минимальной рабочей платы, ниже которой никто изъ гражданъ не вправѣ будетъ получать. Если же кто-либо будетъ нуждаться въ работѣ, то къ его услугамъ будутъ разныя государственныя предпріятія, которыя будутъ платить минимальную, установленную закономъ плату. Государственные заводы и фабрики будутъ служить резервомъ для труда. Они могутъ вырабатывать такія вещи, которыя, хотя въ данное время не имѣютъ спроса, могутъ пригодиться позже, какъ, напримѣръ, кирпичъ, желѣзо, вещи изъ дерева, гвозди, какія-нибудь простыя ткани, бумага, стекло, искусственное топливо и тому подобные предметы, не подверженные скорой порчѣ. Давая всякому желающему заработокъ по минимальной платѣ, государство въ то же время будетъ содержать дешевые рестораны и гостинницы и будетъ имѣть для продажи дешевую одежду, такъ что никто не будетъ испытывать нужду, разъ онъ желаетъ работать.

Вообще, такъ называемое рабочее законодательство въ „Новой Утопіи" направлено всецѣло къ тому, чтобы каждому человѣку обезпечить удовлетвореніе минимума его потребностей. Жилищныя удобства, питаніе и одежды будутъ имѣть свои минимальныя нормы, ниже которыхъ потребленіе не будетъ допущено. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что рабочій день въ утопіи ограниченъ по закону, и больше четырехъ или пяти часовъ не продолжается; что же касается до работы, то она и сама по себѣ не можетъ быть особенно изнурительна или хотя бы даже утомительна, вслѣдствіе широкаго примѣненія машинъ. При такихъ условіяхъ труда и заработковъ рабочій въ утопіи не можетъ знать того экономическаго гнета, который отнимаетъ у современнаго рабочаго всякое творчество и инициативу, всякую радость жизни.

Но „міровое государство" не будетъ довольствоваться лишь тѣмъ, чтобы встрѣтить нужду въ работѣ своими резервными заводами и мастерскими и своими законами о минимальной рабочей платѣ и минимальномъ удовлетвореніи потребностей. Оно пойдетъ дальше и постарается устранить самыя причины безработицы. Конечно, одна изъ главныхъ современныхъ причинъ безработицы, это—спекулятивная промышленность, у которой „одинъ день пусто, другой день густо". Но спекуляція будетъ устранена уже однимъ присвоеніемъ государствомъ всѣхъ источниковъ производства и лучшей постановкой справочнаго дѣла. Безработица, однако, можетъ происходить и отъ чрезмѣрнаго размноженія населенія, для котораго можетъ и не хватить въ мірѣ средствъ пропитанія. И вотъ, чтобы держать численность населенія

въ должныхъ границахъ, въ будущемъ государствѣ будутъ дѣйствовать особые законы о бракахъ. Государство будетъ разрѣшать только такіе браки, въ которыхъ мужчины могутъ обезпечить вполнѣ здоровый ростъ и правильное воспитаніе будущихъ дѣтей. Вмѣстѣ съ выдачей разрѣшенія на бракъ государство принимаетъ на себя и извѣстныя обязательства передъ будущей матерью, которой оно гарантируетъ, въ случаѣ смерти или болѣзни главы семьи, опредѣленный минимумъ комфорта.

Таково разрѣшеніе экономическаго вопроса въ „Новой Утопіи“.

Но, помимо этого вопроса, нашу бѣдную землю раздираютъ и многіе другіе вопросы. Мы не знаемъ, что дѣлать съ нашими преступниками и пьяницами; насъ смущаютъ расовые и національные различія и споры; мы стоимъ въ недоумѣніи передъ натискомъ моральныхъ требованій, какъ вегетаріанство, брачныя отношенія и пр. И всѣ эти сомнѣнія и терзанія современнаго человѣчества нашли въ „Новой Утопіи“ свое разрѣшеніе.

Съ преступными элементами и пьяницами „Новая Утопія“ не церемонится. Она отвергаетъ жестокость, но и не признаетъ нѣжностей, которыя она приберегаетъ лишь для дѣтей. Уходъ же за взрослыми —не ея дѣло. „Міровое государство“ не беретъ на себя ни задачи „исправленія“ взрослыхъ людей, ни наказанія ихъ. Отъ вредныхъ элементовъ оно стремится только избавиться и обезпечить себя отъ ихъ потомства. Оно поэтому отвергло тюрьмы и смертную казнь, замѣнивъ ихъ ссылкой на острова, спеціально для этой цѣли назначенные. Но эти Сахалины и Новыя Каледоніи будущаго человѣчества не знаютъ ни каторжныхъ работъ, ни вообще другихъ лишеній и наказаній, какіе были знакомы XIX вѣку. Ссыльные—вполнѣ вольные люди въ предѣлахъ острова, гдѣ анархія не допускается.

Столь же радикально и вполнѣ въ духѣ „Новой Утопіи“ поступаютъ тамъ и съ пьяницами, семь разъ обвиненными въ безобразіи. Они тоже изгоняются на особый островъ, гдѣ они могутъ сколько угодно пить и безобразничать. Такимъ образомъ, въ „міровомъ государствѣ“ есть „островъ мошенниковъ“, „островъ убійцъ“, „островъ пьяницъ“.

Вопросъ о вегетаріанствѣ разрѣшился въ „Новой Утопіи“ очень просто. Бойни и мясныя закрылись потому, что въ концѣ концовъ не нашлось человѣка, который готовъ былъ бы убивать собственными руками скотъ. Люди сдѣлались настолько культурными, благородными и уважающими себя, что хотя они и могли еще ѣсть мясо, но уже съ отвращеніемъ отворачивались отъ зрѣлища крови, отъ акта убійства животнаго.

Само собою разумѣется, что Новая Утопія давно покончила съ

національными вопросами. О войнѣ и таможняхъ уже и рѣчи не можетъ быть. Но даже и расовыя различія не представляютъ тамъ никакихъ затрудненій. „Міровое государство“ знаетъ не націи, не расы, а личность. Если послѣдняя, по своимъ умственнымъ, нравственнымъ и физическимъ даннымъ, ниже окружающихъ ее людей, то она погибнетъ сама собой, безъ всякихъ расовыхъ ограниченій. Если же она не хуже или же даже лучше окружающаго ее уровня, то тѣмъ она полезнѣе для государства.

Такова эта утопія, которая въ сущности ничего необычнаго, ничего такого, что не могло бы осуществиться и въ наше время, не представляетъ.

„Что мѣшаетъ,—спрашиваетъ Уэллсъ,—цивилизованнымъ народамъ соединиться на почвѣ общаго идеала, общихъ нуждъ и потребностей?“

И отвѣчаетъ: „Тупость, ничего больше какъ тупость, тупая и жестокая зависть, безцѣльная и ничѣмъ не оправдываемая“.

Эта тупость и нелѣпость нашей жизни, въ которой люди съ какимъ-то діавольскимъ самоуслажденіемъ сами устраиваютъ себѣ адъ кромѣшный, должна была особенно сильно поразить Уэллса, когда съ высоты своей утопіи онъ спустился на улицу въ центрѣ Лондона. Здѣсь первое, что бросилось ему въ глаза, былъ плакатъ, развернутый передъ продавцами газетъ на троттуарѣ. Крупными буквами изображались слѣдующія новости: „Рѣзня въ Одессѣ. — Страшный судъ Линча въ штатѣ Нью-Іоркѣ.—Отпоръ нѣмецкимъ интригамъ.—Награды въ день рожденія короля“.

„О, старый, хорошо знакомый міръ!“—восклицаетъ Уэллсъ.

А все же и нашъ міръ, въ сравненіи съ тѣмъ, что было, хотя бы во время Томаса Мора, можетъ считаться утопіей,—скажемъ мы въ утѣшеніе автору. И автора „A Modern Utopia“ уже не постигнетъ участь автора „De optimo statu“, поплатившагося головою за непризнаніе религіознаго авторитета короля.

С. И. Рапопортъ.

Лондонъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Николай Ильичъ Стороженко.

Малочисленная семья русскихъ историковъ всеобщей литературы недавно лишилась одного изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ своихъ сочленовъ: 12-го января, умеръ въ Москвѣ Н. И. Стороженко, съ честью занимавшій каѳедру въ московскомъ университетѣ болѣе тридцати лѣтъ. Въ высокой степени прискорбно, что рѣдѣютъ негустые кадры русскихъ ученыхъ, оставляя послѣ себя позиціи надолго незанятыми. Біографическій матеріалъ Н. И. Стороженка въ основныхъ чертахъ сводится къ слѣдующимъ даннымъ. Малороссъ по происхожденію, Н. И. родился въ прилукскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи, въ 1836 г. Среднее образованіе онъ получилъ въ 1-ой кіевской гимназіи. Въ 1856 году Стороженко поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Кромѣ профессоровъ своего факультета, Н. И. слушалъ Крылова, Капустина. Стороженко еще засталъ Грановскаго, но прослушалъ лишь двѣ его лекціи, оставившія въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Изъ профессоровъ своего факультета Н. И. увлекался въ первое время Шевыревымъ, но позже сдѣлался усерднымъ слушателемъ Буслаева и Кудрявцева. На послѣднемъ курсѣ Н. И. сблизился съ Бодянскимъ, которому впослѣдствіи посвятилъ свою докторскую диссертацію.

Свою литературную дѣятельность Стороженко началъ въ 1859 г. статьею о „Малороссійскомъ Сборникѣ“ Мордовцева; подъ вліяніемъ Бодянскаго, Н. И. приступилъ къ переводу „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ Мацѣевскаго (часть работы напечатана въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Росс.“ 1859—61 г.). Во время студенчества Стороженко сталъ увлекаться Шекспиромъ, и въ этомъ увлеченіи его поддерживалъ Бодянскій. Университетскій курсъ Н. И. окончилъ въ 1860 г. и началъ спеціализироваться по исторіи славянскихъ литературъ, но основаніе въ 1863 г. каѳедры всеобщей литературы направило занятія Н. И. въ область западныхъ литературъ, преимущественно къ Шекспиру. Въ 1864 г., Н. И. прочелъ въ 1-ой женской гимназіи, гдѣ былъ преподавателемъ словесности, пять публичныхъ лекцій о Шекспирѣ. Лестный печатный отзывъ объ этихъ лекціяхъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ отцу Н. И., побудилъ его дать средства сыну на поѣздку въ Англію. Н. И. пробылъ загра-

ницей почти годъ. Онъ слушалъ въ Сорбоннѣ лекціи Лабуле, Боассье, Филарета Шаля, Мезьера и др., и работалъ въ Британскомъ музеѣ. Въ 1867 г., Н. И. отправился на два года въ Англію, гдѣ работалъ надъ Шекспиромъ и его предшественниками, посѣтивъ всѣ мѣста, связанныя съ именемъ Шекспира.

Результатомъ занятій въ Англіи были: „Шекспировская критика въ Германіи“ (1869 г.) и „Предшественники Шекспира“ (1872 г). Защита послѣдней книги на степень магистра состоялась въ петербургскомъ университетѣ. Въ томъ же 1872 г., Стороженко былъ избранъ московскимъ университетомъ доцентомъ по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы. Въ 1873 г., университетъ командировалъ Н. И. заграницу, гдѣ онъ занимался старо-французскимъ и провансальскимъ языками въ Парижѣ, а въ Лондонѣ работалъ надъ диссертаціей о Гринѣ (1878 г.). Съ 1872 г. начинается преподавательская дѣятельность Стороженка: онъ читаетъ въ университетѣ разнообразные, по преимуществу спеціальные курсы: французская средневѣковая литература; исторія старинной англійской литературы; Данте; литература Возрожденія въ Италіи, Германіи и Франціи; Шекспиръ; исторія Шекспировской критики; исторія испанской драмы; исторія критики; исторія романа, и пр. Одновременно съ университетомъ Стороженко началъ чтенія лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ. Курсы Стороженка и здѣсь были интересны и разнообразны (греческая драма, римская драма, греческая литература, исторія романа). Въ 1888 г., Н. И. расширилъ свою педагогическую дѣятельность и сталъ читать на драматическихъ курсахъ императорскаго театральнаго училища. Н. И. принималъ близкое участіе въ организаціи училища и работалъ надъ составленіемъ программы по исторіи всеобщей литературы. Преподаваніе этого предмета онъ передалъ въ 1889 г. своему ученику, М. Н. Розанову.

Съ 1876 г. начинается плодотворная дѣятельность Н. И. въ качествѣ члена, а затѣмъ секретаря и предсѣдателя „Общества Любителей Россійской Словесности“ (предсѣдателемъ Н. И. былъ избранъ послѣ смерти Тихонравова въ 1894 г.). Въ 1897 г., Стороженко занялъ должность главнаго библіотекаря московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Въ своей преподавательской дѣятельности Стороженко не ограничивался чтеніемъ лекцій, а обращалъ вниманіе и на практическія занятія. Въ семинаріумахъ Стороженка студенты знакомились съ образцами западной литературы, преимущественно средневѣковой, и представляли рефераты на предложенныя профессоромъ темы. Особенное вниманіе удѣлялось исторіи и теоріи драмы. Студенты охотно писали сочиненія на медальныя темы, назначаемыя имъ весьма удачно.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе трудовъ Н. И. Стороженка, въ свое время по достоинству оцѣненныхъ критикой,—укажемъ лишь на главныя темы и особенности ихъ критической обработки.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ лицѣ покойнаго ученаго русская наука имѣетъ единственнаго и выдающагося шекспиролога, доказавшаго, что и на нашей почвѣ возможна равноправная конкурренція съ западной наукой при наличности таланта и трудолюбія—даже въ литературѣ по Шекспиру, феноменальной по объему матеріала. Въ обѣихъ диссертаціяхъ Стороженка есть новые матеріалы и новое освѣщеніе, такъ что издатель сочиненій Грина, Гроссаръ, не нашелъ для своего изданія лучшей монографіи о Гринѣ, какъ книга Стороженка, которая и была переведена на англійскій языкъ Ходжесомъ. Весьма тонкимъ критическимъ анализомъ отличаются статьи: „Шекспировская критика въ Германіи", до сихъ поръ сохранившія значеніе руководящихъ. Отдѣльные этюды: „О прототипахъ Фальстафа", „О сонетахъ Шекспира", „О Макбетѣ", „Психологія любви и ревности у Шекспира" и др., ярко освѣщаютъ сюжетъ и вносятъ много свѣжихъ взглядовъ. Общій очеркъ о Шекспирѣ во „Всеобщей Литературѣ" Корша и Кирпичникова, пера Н. И., является образцовымъ въ архитектоническомъ и стилистическомъ отношеніяхъ.

Все, что касалось въ русской литературѣ Шекспира, привлекало вниманіе проф. Стороженка и вызывало его критическіе отзывы (ср. отзывъ о книгѣ Чуйко о Шекспирѣ). Подъ редакціей Н. И. были переведены монографіи Брандеса и Даудена.

Кромѣ Шекспира, покойный профессоръ посвящалъ немало времени и труда и другимъ темамъ, причемъ все же главное мѣсто занимаетъ англійская литература. Таковы статьи о Байронѣ, о поэтахъ нужды и горя, о Паркерѣ и др.

Исторія Возрожденія въ нѣкоторыхъ эпизодахъ была превосходно освѣщена покойнымъ профессоромъ; таковы его лекціи о Доле, о Джорджано Бруно, о педагогическихъ идеяхъ Возрожденія, о философіи Донъ-Кихота, по новой литературѣ (не-англійской). Стороженку принадлежатъ замѣчательные этюды: „Юношеская любовь Гёте", „Г-жа Сталь и ея друзья", „Поэзія міровой скорби".

Труды проф. Стороженка по русской литературѣ немногочисленны, но цѣнятся спеціалистами. Таковы его этюды о Пушкинѣ, о Лермонтовѣ, о Баратынскомъ, объ Екатеринѣ II. Особенно хороши этюды о Пушкинѣ и Баратынскомъ. Симпатіи Стороженка—на сторонѣ родной малорусской литературы; онѣ проявляются особенно ярко въ его прекрасныхъ статьяхъ о Шевченкѣ, куда авторъ внесъ много фактическаго матеріала и чуткаго пониманія духа поэзіи „геніальнаго горемыки".

Въ качествѣ члена и предсѣдателя „Общества Любителей Росс. Слов.“, Стороженко организовалъ цѣлый рядъ юбилейныхъ чтеній, въ которыхъ принималъ личное дѣятельное участіе.

Широта и глубина умственныхъ интересовъ покойнаго профессора сказываются не только въ выборѣ темъ и образцовой ихъ критической обработкѣ;—онѣ сказываются и въ кругозорѣ ученаго, сознательно относящагося къ задачамъ своей науки. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны статьи Стороженка на общія темы, напр.: „Возникновеніе реальнаго романа“. Свои задачи, какъ историка литературы, Стороженко понималъ очень глубоко, примыкая къ историческому методу. Самъ онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ формулируетъ задачи литературной критики.

„Критикъ,—говоритъ онъ,—долженъ прежде всего выяснить нити, связующія литературное произведеніе съ духомъ времени, руководящими идеями эпохи и требованіями публики. Но художественное произведеніе есть также продуктъ творческой фантазіи автора. Поэтому его нужно изучать не только въ связи съ идеями эпохи, но и съ міромъ идеаловъ самого художника. Опредѣливъ отношеніе разбираемаго произведенія къ идеямъ эпохи и идеаламъ его творца, критикъ можетъ перейти къ оцѣнкѣ произведенія со стороны художественной. Здѣсь капитальнымъ вопросомъ является вопросъ объ оригинальности сюжета и его освѣщенія.

„Въ каждомъ художественномъ произведеніи, кромѣ достоинствъ эстетическихъ, кромѣ чертъ мѣстныхъ, временныхъ, біографическихъ, есть еще достоинства психологическія: способность проникать въ глубь человѣка и узнавать его сокровенныя стремленія. Благодаря этимъ достоинствамъ, произведеніе становится откровеніемъ человѣческой души, а созданные человѣкомъ образы перерастаютъ національныя, мѣстныя рамки и становятся вѣчнымъ идеаломъ человѣческаго духа. На эту общую сторону должно быть обращено вниманіе критики, ибо универсальность идей и мотивовъ есть первое условіе прочности литературнаго произведенія. Если мы прибавимъ къ этому, что бываютъ произведенія, въ которыхъ, кромѣ того, проводятся извѣстныя философскія или нравственныя идеи, то мы поймемъ, какъ широка должна быть сфера созерцанія историка литературы, которому поочередно приходится быть и историкомъ, и моралистомъ, и психологомъ, и соціологомъ“.

Проф. Стороженко въ большинствѣ своихъ произведеній удовлетворялъ указаннымъ выше требованіямъ отъ историка литературы, и всегда былъ тонкимъ, съ развитымъ эстетическимъ чутьемъ аналитикомъ-историкомъ.

Высокіе этическіе идеалы покойнаго профессора ярко прогляды-

ваютъ во всѣхъ его трудахъ. Въ немъ вы видите гуманнаго, необыкновенно искренняго человѣка, симпатіи котораго стоятъ на сторонѣ обездоленныхъ и угнетенныхъ.

Усердный поборникъ прогресса, Стороженко съ любовью останавливался на такихъ дѣятеляхъ литературы, которые способствовали умственному и нравственному просвѣтленію своей среды. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ гуманности міросозерцанія Стороженка является статья о Теодорѣ Паркерѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ слѣдующихъ словахъ Стороженко высказываетъ свое личное убѣжденіе: „Онъ былъ провозвѣстникомъ того желаннаго времени, которое давно уже призывается друзьями человѣчества,—когда исчезнутъ національные предразсудки и расовыя антипатіи, и когда люди увидятъ другъ въ другѣ братьевъ. Будучи глубоко убѣжденъ въ конечномъ наступленіи этой счастливой поры, онъ утѣшалъ унывающихъ словами: „битва за истину, какъ бы ни казалась она безнадежной, въ концѣ концовъ будетъ выиграна".

Всѣ симпатіи Стороженка—на сторонѣ тѣхъ поэтовъ, которые стремятся „не дать погаснуть въ нашей душѣ священной искрѣ сострадапія къ меньшему брату". Внутренней гармоніи міросозерцанія Стороженка соотвѣтствуетъ внѣшняя стилистическая форма его произведеній, необыкновенно ясная и изящная, напоминающая англійскихъ писателей школы Маколея. Память о Н. И. Стороженкѣ, какъ о солид номъ ученомъ, талантливомъ профессорѣ, широко и всесторонне образованномъ человѣкѣ, гуманномъ наставникѣ и учителѣ, никогда не угаснетъ въ той интеллигентной средѣ русскаго общества, которой дороги завѣты гуманности, науки и просвѣщенія. Multis ille flebilis occidit.

Л. Шепелевичъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1906.

Тяжелыя перспективы.—Реакція и ея проявленія.—Военная диктатура.—Девятнадцатое февраля.—Кого будутъ выбирать въ Государственную Думу?—Страница изъ исторіи „свободной" печати въ Харьковѣ.—Изъ недавняго прошлаго: г. Зубатовъ о „зубатовщинѣ".

Какъ все станетъ ясно будущему историку и какъ безконечно трудно намъ, современникамъ, разобраться въ совершающемся! Только когда это совершающееся обратится изъ настоящаго въ прошлое—прошлое не вчерашняго дня, а десятилѣтій,—раскроется законосообразность явленій, изъ которыхъ слагалась русская революція. Только тогда обнаружится логическая причинность скачковъ въ общественномъ настроеніи. Только тогда опредѣлится, почему революція привела къ данному результату, и почему она не могла привести къ иному...

Счастливое положеніе историка! Передъ нимъ стоитъ результатъ во всей силѣ реальнаго факта: результатъ конечный и частные—отдѣльныхъ моментовъ роста и развитія событій. Какъ бы добросовѣстно историкъ ни старался переноситься мыслью назадъ и оцѣнивать дѣйствія подъ угломъ зрѣнія тѣхъ, кто жилъ, мыслилъ и работалъ до наступленія этого факта, онъ, помимо воли своей, неизбѣжно всегда отправляется отъ результатовъ. И роковой для современниковъ вопросъ: „почему?"—для него перестаетъ быть загадкой.

Что охватившее Россію движеніе дастъ въ концѣ концовъ результатъ положительный—въ этомъ и у насъ нѣтъ и не можетъ быть сомнѣній. Пробужденіе народнаго сознанія не проходитъ безслѣдно. Стремленіе къ свободѣ и праву слишкомъ глубоко заложено въ природу человѣка, чтобы, разъ сознанное и въ сознаніи формулированное, оно могло замереть. Но какъ долго движенію суждено быть только движеніемъ? Какъ долгъ будетъ періодъ борьбы? Черезъ сколько кровавыхъ дней, мѣсяцевъ или лѣтъ настанетъ время для нормальной жизни государства и для спокойнаго, мирнаго развитія культуры и всего того, что̀ для населенія составляетъ не форму, а содержаніе существованія? Что̀ замедляетъ исходъ борьбы и что̀ способно ускорить теченіе болѣзненнаго процесса? Какъ приблизиться къ разрѣшенію кризиса? Неужели не удастся обойтись безъ насильственнаго переворота? Неужели призракъ пугачевщины—стихійной власти „черныхъ милліоновъ"—не останется только страшнымъ призракомъ? Неужели придется его пережить? И какъ предотвратить хаосъ анархіи?...

Всѣ эти вопросы не давали минуты покоя до 17-го октября. Въ тотъ памятный вечеръ раскрылся горизонтъ, и въ лучахъ зари показался обликъ обновленной Россіи—свободной, мирно живущей подъ охраной права и получившей возможность приступить къ экономическому перерожденію. Затѣмъ тотчасъ же маятникъ общественнаго настроенія, искусственно оттягивавшійся въ теченіе многихъ лѣтъ вправо, стремительно полетѣлъ влѣво. Возникла опасность эксцессовъ и ихъ слѣдствія—реакціи. Реакція наступила. Маятникъ такъ же стремительно полетѣлъ назадъ. Онъ не остановился на отвѣсной линіи равновѣсія, моментально ее перешелъ и все дальше и дальше уклоняется туда, гдѣ его держали цѣпи произвола, давая миражъ спокойствія и показного внѣшняго порядка. Настало время кровавой развязки... За такимъ уклоненіемъ не можетъ не послѣдовать обратнаго размаха. А съ нимъ вмѣстѣ жизнь опять вступитъ въ полосу эксцессовъ революціи. Снова встанутъ мучительные вопросы...

Настоящіе дни—именно дни развязки, развязки дикой, безудержной, ужасной. И инертныя массы, которыя еще три только мѣсяца назадъ рукоплескали насиліямъ надъ городовыми и губернаторами, рукоплещутъ разстрѣламъ и сожженію деревень. Войскамъ за „энергичное" подавленіе возстанія подносятся отъ такъ называемаго высшаго общества благодарственные адресы. Вырвать съ корнемъ „крамолу" стало для многихъ лозунгомъ...

На митингахъ въ ноябрѣ и декабрѣ толпа кричала: „долой царя!"; „долой Витте!"—за то, что онъ ограничиваетъ свободу. На митингѣ 12-го февраля толпа опять кричала: „долой Витте!", но ужъ за то, что онъ—источникъ крамолы, „ставленникъ жидовъ". И толпа кричала на этотъ разъ еще болѣе изступленно: „На скамью подсудимыхъ!" „Въ шлиссельбургскую крѣпость преступника!" „Удушить удава!" А кто поручится, что это не была та же самая толпа? Въ ноябрѣ она шла за одними. Настроеніе измѣнилось—и она пошла, въ февралѣ, за другими.

Или вотъ краткія выдержки изъ отчета о засѣданіяхъ 10-го и 11-го февраля „Русскаго Собранія" („Наша Жизнь", № 370). Человѣкъ, котораго никто не заподозритъ въ либерализмѣ, А. В. Васильевъ, „высказывается противъ введенія въ программу пункта, рекомендующаго власти безжалостно подавлять безпорядки. Ораторъ напоминаетъ, что церковь наша молится объ избавленіи отъ внутренней усобицы. А мы къ ней призываемъ. Нужно побольше милосердія". Эти слова вызвали среди присутствующихъ шиканье. „Членъ союза русскаго народа, критикуя г. Васильева, говоритъ о необходимости безжалостно уничтожать, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, крамолу. Компромиссовъ, уступокъ быть не должно. Мы не должны подражать дву-

личнымъ министрамъ. Мы должны открыто заявить о нашемъ твердомъ намѣреніи уничтожить крамолу. Пусть трепещутъ крамольники". Другой ораторъ доказывалъ, „что въ подавленіи мятежа силой нѣтъ, съ религіозной точки зрѣнія, ничего преступнаго, потому что велѣнія верховной власти освящены Богомъ". На слѣдующій день встрѣтили такой же рѣшительный отпоръ слова того же А. В. Васильева: „Россія крѣпка соборнымъ началомъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ мірскомъ владѣніи землей и во взглядѣ народа на землю, какъ на Божью и царскую". Г. Туткевичъ доказывалъ, что „по Христу собственность должна существовать и даже наслѣдственная". Г. Грингмутъ, подъ громъ апплодисментовъ, заявлялъ, что аграрное движеніе намѣренно создано у насъ марксистомъ и соціалистомъ—графомъ Витте.

Изъ приведенныхъ примѣровъ едва ли правильно, скажутъ намъ, дѣлать заключеніе о тонѣ и характерѣ общественнаго настроенія, ибо, въ виду запрета всякаго рода собраній людей другого лагеря, нельзя слышать иныхъ голосовъ. Возраженіе это имѣетъ силу только отчасти. То, что говорится теперь на черносотенныхъ митингахъ и въ „Русскомъ Собраніи", два-три мѣсяца назадъ не раздавалось вовсе. Напротивъ, приходилось постоянно наблюдать, что люди, таившіе въ душѣ мысли и чувства оппонентовъ г. Васильева, подчиняясь всеобщей склонности симпатій въ лѣвую сторону, если не молчали, то высказывались съ оговорками, не столько требуя, сколько оправдываясь. Они стыдились, а теперь не стыдятся.

Уже съ августа и сентября прошлаго года было очевидно, что неопредѣленная правительственная политика сплошныхъ противорѣчій дольше продолжаться не можетъ. Уже тогда рисовались два ближайшихъ исхода: или образованіе правительства реформъ, или военная диктатура. Ознаменованіемъ перваго исхода называли призывъ къ власти графа Витте. Ознаменованіемъ второго—призывъ генерала, извѣстнаго не боевыми подвигами, а своей дѣятельностью на высшихъ административныхъ должностяхъ и въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта.

Одни диктатуры желали, другіе боялись. Боялись, какъ исключительной власти и исключительнаго господства силы. Боялись за данную минуту, за попраніе элементарныхъ основъ человѣческаго существованія въ данный моментъ, боялись произвола, арестовъ, ссылокъ, казней—необходимыхъ спутниковъ торжества силы—самихъ по себѣ. Но боялись также и заглядывая въ будущее.

Войско въ современномъ государствѣ—сила колоссальная. Колоссальная—числомъ штыковъ и еще болѣе организаціей, сковывающей

его въ компактную массу. Войско имѣетъ свое представленіе о чести, о долгѣ и получаетъ своеобразное воспитаніе. Все это обособляетъ его отъ другихъ государственныхъ органовъ. Иначе, конечно, и быть не можетъ. Юстиція и полиція должны быть сильными въ правѣ. Задача войска быть правымъ въ силѣ. Оно должно быть грознымъ оружіемъ противъ непріятеля. А для этого должно обладать, прежде всего и главнымъ образомъ, качествами активнаго бойца. Будучи же таковымъ, войско несомнѣнно заключаетъ въ себѣ элементъ громадной опасности для государства, интересамъ котораго, въ области международныхъ отношеній, оно призвано служить. Никакое право не устоитъ никогда противъ могущественной силы войска. Отсюда вытекаетъ основное условіе бытія войска: абсолютное подчиненіе его государству. Этимъ именно и объясняется принципъ исключительной для военнослужащихъ вѣрности престолу и отечеству. Онъ важенъ для проникновенія въ сознаніе всѣхъ военныхъ, отъ главнокомандующаго до послѣдняго рядового, не иного пониманія своей дѣятельности, какъ только дѣятельности служебной по указаніямъ, идущимъ извнѣ. Военная диктатура всю эту сложную систему нарушаетъ. Государственная власть при ней отказывается отъ руководящей войскомъ роли. Войско получаетъ право самоопредѣленія и, какъ сила, становится безудержнымъ, безграничнымъ владыкой, который все можетъ и для котораго нѣтъ ничего неприкосновеннаго. Если же сила разъ получитъ полноту власти, то чрезвычайно трудно ее остановить, и самой ей нелегко остановиться.

Опасенія не оправдались. 17-го октября въ управленіе вступилъ графъ Витте. Правительство объявило своими лозунгами: „гражданскую свободу" и „правовой порядокъ"... Прошло, однако, четыре мѣсяца—и въ Россіи самая ужасная форма военной диктатуры: диктатура необъединенная. Вмѣсто одного оказались десятки полновластныхъ диктаторовъ.

И они каждый день показываютъ свое полновластіе. Одинъ издаетъ неграмотный приказъ о томъ, чтобы передъ нимъ снимали шапки, угрожая въ противномъ случаѣ штрафомъ и арестомъ. Другой съ легкимъ сердцемъ объявляетъ о суммарной отвѣтственности селеній въ уплатѣ наложенной пени. Третій обѣщаетъ смертную казнь за невзносъ податей. Четвертый—за храненіе взрывчатыхъ снарядовъ. И всѣ вмѣстѣ разстрѣливаютъ безъ всякаго суда, или по приговорамъ ими самими измышленныхъ судовъ, сѣкутъ и жгутъ. Отъ генералъ-губернаторовъ диктатура переходитъ къ начальникамъ отрядовъ, отъ нихъ къ мичманамъ и поручикамъ. „Я не сторонникъ быстрыхъ рѣшеній и расправъ",—говорилъ корреспонденту „Руси" (№ 21) высшій представитель военной власти въ прибалтійскомъ краѣ. Были даже дѣ-

лаемы распоряженія о прекращеніи злоупотребленій, но остались безъ исполненія. „Объясняется это—пишетъ корреспондентъ, повидимому, со словъ генерала—горячностью молодыхъ увлекающихся начальниковъ карательныхъ экпедицій. Гг. лейтенанты, корнеты и подпоручики словно соперничаютъ между собою, кто больше сжегъ".

Опасность же войска для государства, если оно перестаетъ быть только орудіемъ въ рукахъ внѣ его стоящей власти, обусловливаетъ тщательное устраненіе его отъ вмѣшательства въ политику. Ибо само собою разумѣется, что никакая идейная борьба не можетъ имѣть мѣста, когда одна изъ идей опирается на сотни тысячъ организованныхъ штыковъ. А военная диктатура именно вовлекаетъ войско въ политику. То, что происходило подъ Москвой, въ Бахмутѣ и Кременчугѣ и происходитъ въ прибалтійскомъ краѣ, въ царствѣ польскомъ и на Кавказѣ, ясно показываетъ, что войска дѣйствовали и дѣйствуютъ не какъ точные исполнители единственно свойственной имъ задачи: силой побѣдить силу. Они съ корнемъ вырывали и вырываютъ „крамолу", т.-е. задавались и задаются иной цѣлью: побѣдить силой возможность будущихъ революціонныхъ дѣйствій. Такая дѣятельность уже не есть дѣятельность по приказу. Это — дѣятельность самостоятельная, во имя политической идеи. Не фактъ насильственнаго нарушенія законовъ латышами, эстами, армянами, поляками, желѣзнодорожными служащими и почтово-телеграфными чиновниками служитъ ея обоснованіемъ, а сепаратистскія стремленія однихъ, соціалистическія требованія другихъ и республиканскія желанія третьихъ. Войска, быть можетъ, вопреки намѣреніямъ посылавшихъ ихъ, изъ органа только силы обратились въ самостоятельный органъ права, посредствомъ силы проводящій идею. Отсюда одинъ незамѣтный шагъ до того рокового для государства момента, когда войска начнутъ ставить и диктовать ему условія.

Теперь раскрывается, почему правительство въ октябрѣ, ноябрѣ и до половины декабря не прибѣгало къ вооруженной силѣ и пассивно относилось къ развитію революціонныхъ эксцессовъ. Тогда думалось, что новое правительство—дѣйствительно новое, что ему такъ же противны старые пріемы безправія и произвола, какъ и „благоразумному большинству общества", солидарность съ которымъ столь опредѣленно была выражена во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Витте. Думалось, что правительство, по крайней мѣрѣ, извѣрилось въ цѣлесообразность этихъ пріемовъ. Нѣтъ, причина была другая: правительство не надѣялось на войска, не надѣялось, что они будутъ съ нимъ, а не противъ него. Оно переоцѣнило тогда значеніе событій въ Севастополѣ, въ Кіевѣ, въ ростовскомъ полку въ Москвѣ. Какъ только дѣйствія семеновскаго полка и отряда генерала Орлова показали дру-

гое, оно почувствовало себя сильнымъ—и все перевернулось. Почувствовало сильнымъ штыками, благодаря штыкамъ и при политической поддержкѣ штыковъ! Въ этой силѣ—залогъ скораго безсилія...

Изготовленъ органическій законъ для Государственной Думы. Едва ли могутъ быть сомнѣнія, въ какую сторону новый законъ используетъ общность выраженій и недомолвки манифеста 17-го октября. Допустимъ, что Дума окажется не радикальной, а просто строго-конституціонной, и что она твердо будетъ держаться широкаго смысла возвѣщенныхъ началъ гражданской свободы и конституціоннаго строя. Не надо также допускать, что Дума, согласно точнаго разума третьяго пункта манифеста, выразитъ намѣреніе пересмотрѣть основные законы: это будетъ навѣрное. Тоже навѣрное можно ожидать, если общественное настроеніе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не измѣнится, что это встрѣтитъ несочувствіе сторонниковъ возврата къ старому — къ неограниченному самодержавію царя въ теоріи и къ чиновничьему самовластію на практикѣ. Допустимъ, что правительство и даже верховная власть станутъ колебаться. И вдругъ раздастся не голосъ, а раздадутся залпы пушекъ и ружей, заблестятъ сабли, засвищутъ нагайки!.. Что за этимъ послѣдуетъ — лучше не гадать...

Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось встрѣтить свѣтлый день—19-ое февраля. Въ либеральныхъ общественныхъ кругахъ давно вошло въ обычай этотъ день чествовать. Почему—доказывать нѣтъ надобности. Также стремилось его всегда чествовать земство. И любопытно вспомнить, какъ относилась власть къ этому стремленію. Можно было думать, что либералы и земство хотятъ во что бы то ни стало, чтобы не исчезъ изъ памяти народной или день, когда произошелъ насильственный государственный переворотъ, или вообще день, памятный по какому-либо преступно-революціонному дѣйствію. Только въ 1880 г. разрѣшено было нѣкоторымъ земствамъ въ ознаменованіе 19-го февраля открыть особыя школы—и то не въ ознаменованіе освобожденія крестьянъ, а двадцатипятилѣтія царствованія Александра II. Даже молебны въ этотъ день запрещались. Въ 1886 г. исполнилось четверть вѣка великой реформы. Единодушнымъ желаніемъ было и земствъ, и городовъ, и крестьянъ, и дворянства, достойнымъ образомъ отмѣтить юбилей. Въ отвѣтъ послѣдовало распоряженіе о томъ, что можетъ быть допускаемо лишь полувѣковое чествованіе событій. Мы вспоминаемъ, съ какимъ удивленіемъ узнали многія земскія собранія, которыя рискнули въ 1901 г., въ сорокалѣтнюю годовщину, начать ежегодныя денежныя отчисленія для образованія спеціальнаго фонда на нужды народнаго образованія въ память 19-го февраля, что ихъ по-

становленія не отмѣнены по „явному несоотвѣтствію интересамъ населенія“...

Лишенные возможности иныхъ формъ чествованія, либералы въ Петербургѣ, въ Москвѣ и во многихъ провинціальныхъ городахъ поддерживали обычай скромными обѣдами въ ресторанахъ и клубахъ. И то не каждый годъ удавалось собираться. Бывали годы, когда отъ рестораторовъ отбирались подписки—залъ въ этотъ день для обѣдовъ не отдавать и совмѣстныхъ обѣдовъ десятка, хотя бы случайно сошедшихся, людей не устраивать. Въ другіе годы говорившееся на обѣдахъ сейчасъ же дѣлалось достояніемъ департамента полиціи.

Общій тонъ застольныхъ рѣчей всегда бывалъ минорный. Да и могло ли быть иначе! Ни о чемъ другомъ нельзя говорить 19-го февраля, какъ о томъ, что далъ лишній годъ для развитія свободнаго человѣка въ Россіи. Приходилось отвѣчать: или ничего, или минусъ. Обычный пессимизмъ однажды, помнится, получилъ характерное выраженіе въ остроумныхъ словахъ извѣстнаго писателя: послѣ 19-го февраля 1861 г. наступило то, что и должно было наступить по календарю—двадцатое. Оно наступило, и съ нимъ пришли „люди двадцатаго числа“. Только два раза на обѣдахъ одного кружка въ Петербургѣ чувствовалась нѣсколько повышенная нота: въ 1895 и въ 1903 гг. Въ первый разъ—хотя обѣдъ происходилъ уже послѣ извѣстнаго пріема земскихъ депутацій—всѣ говорившіе все же были подъ впечатлѣніемъ конца ужаснаго тринадцатилѣтняго кошмара. Казалось,—что бы ни ждало впереди, будетъ не то — не давящее и мертвящее однообразіе спокойно-увѣренной реакціи. Чувствовалось, что у всѣхъ явилась хоть капля надежды, если не на лучшее, то на новое, живое. А когда человѣкъ надѣется, онъ мечтаетъ. Такъ мечтали мы тогда о немногомъ: объ отмѣнѣ самаго отвратительнаго наслѣдія рабства—розги... Понадобилось девять лѣтъ, чтобы изъ закона была выкинута эта унизительная мерзость. Понадобилась для того война, смерть Плеве!.. Сколько еще понадобится времени и какихъ событій, чтобы розга, кулакъ и нагайка были выкинуты и изъ обихода жизни...

Во второй разъ обѣдъ происходилъ въ самый разгаръ режима Плеве. Но прозрѣвался уже близкій его крахъ. Къ 19-му февраля 1903 г. стали извѣстны заключенія комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Заключенія обнаружили, что, несмотря ни на что, мысль общества зрѣла и въ самыхъ глухихъ даже углахъ созрѣла до правосознанія. Общество, спрошенное объ арендахъ, о сельско-хозяйственныхъ инструкторахъ, о жучкахъ, оврагахъ и о размежеваніи черезполосицы, отвѣтило общими правовыми и культурными нуждами деревни. Никакія ссылки и канцелярскія ухищренія не смогли заглушить сознательнаго и категоричнаго призыва къ

праву, къ уравненію крестьянъ съ другими сословіями, къ упраздненію земскихъ начальниковъ, къ свѣту народной школы... Эти заключенія краснорѣчиво свидѣтельствовали, что у тѣхъ, кто чествуетъ великій актъ, есть могучій союзникъ—общественное самосознаніе, котораго не осилятъ ни репрессіи, ни сотни хитро задуманныхъ законовъ, и который въ концѣ концовъ все побѣдитъ.

И онъ—наканунѣ побѣды! А чувства на душѣ все же гнетущія. Канунъ затягивается. Канунъ можетъ быть долгимъ, кровавымъ, полнымъ ужасовъ красной, черной или бѣлой анархіи—вотъ что гнететъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ были, очевидно, всѣ авторы, сопоставлявшіе 19-ое февраля 1861 г. съ нынѣшнимъ моментомъ въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ первомъ нумерѣ новой газеты „Страна". Никто не видитъ разрѣшенія кризиса въ ближайшемъ будущемъ...

Приближается время выборовъ въ Государственную Думу. Для тѣхъ, кому предстоятъ выборы трехстепенные, оно уже наступило. Мелкіе землевладѣльцы и крестьяне мѣстами выбрали, мѣстами выбираютъ въ настоящіе дни уполномоченныхъ. Сами собою встаютъ вопросы: кого станутъ выбирать? Чѣмъ будутъ руководствоваться избиратели—не единицы, а массы,—когда имъ придется опускать шары направо или налѣво? Сыграютъ ли при этомъ роль—и какую—партійныя программы и агитація?

По нашему мнѣнію, массы будутъ выбирать не между партіями, а между людьми. И придутъ въ Думу не представители партій, а люди. Такой вѣроятный исходъ подсказываетъ многое: степенность избранія, новизна дѣла, отсутствіе всѣмъ извѣстныхъ политическихъ именъ, слабое, въ общемъ, значеніе представительства городовъ и, напротивъ, весьма сильное, мелкаго землевладѣнія и крестьянства,—отчасти, пожалуй, и партійная рознь.

Говоримъ: „отчасти" и „пожалуй", ибо едва ли глубоко проникла и проникнетъ въ нѣдра избирательныхъ массъ агитація партій, разбившихся на множество группъ, въ глазахъ рядового обывателя почти не отличающихся по политической физіономіи. Даже въ Петербургѣ, изъ ста-двадцати тысячъ избирателей наврядъ болѣе трети формально примкнули къ какой-либо изъ партій. А въ провинціи очень еще много времени пройдетъ, прежде чѣмъ программы и воззванія обратятся изъ листковъ болѣе или менѣе скучнаго или занимательнаго чтенія—въ платформы, которыя для избирателя станутъ выраженіемъ его собственныхъ мыслей и идеаловъ. Быть можетъ, на замедленіи процесса политическаго воспитанія отразятся существующіе теперь запреты собраній и митинговъ—противъ этого не споримъ. Но преувеличивать

значеніе внѣшнихъ препятствій не слѣдуетъ: оно невелико. Не мѣсяцы нужны, чтобы обыватель преодолѣлъ присущій личный скептицизмъ и поднялся надъ интересами „своей колокольни". Кто и заявитъ о вступленіи въ партію—и тому очень вѣрить нельзя: баллотировка—дѣло темное, можно и слукавить.

Уже законъ 6-го августа давалъ на выборахъ преобладаніе крестьянамъ и мелкимъ землевладѣльцамъ. Законъ 11-го декабря пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше. Правда, онъ расширилъ во много разъ предѣлы избирательнаго права и для городского населенія: число избирателей въ Петербургѣ увеличилось, по меньшей мѣрѣ, въ двадцать разъ. Но вообще опредѣлится составъ Думы не представителями городовъ. Во-первыхъ, города только по исключенію будутъ имѣть особыхъ представителей; въ большинствѣ же, выборщики отъ городовъ численно расплываются въ преобладающихъ и чуждыхъ имъ группахъ отъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Во-вторыхъ, однородный критерій количества населенія привелъ къ тому, что такіе центры умственной жизни, какъ Петербургъ, Москва и Одесса, будутъ представлены шестью, четырьмя и однимъ членами Думы, а вятская губернія—тринадцатью, тамбовская—двѣнадцатью, уфимская—десятью. Изъ внѣгородского населенія закономъ 11-го декабря охвачены всѣ землевладѣльцы, притомъ крестьяне-собственники вдвойнѣ: какъ участники волостныхъ сходовъ и по личному цензу. Этого рода избирателей, совмѣстно съ сельскимъ духовенствомъ, было весьма много и по правиламъ 6-го августа, требовавшимъ владѣнія не менѣе, чѣмъ десятою частью крупнаго ценза. Теперь же они представляютъ подавляющее количество, даже если принять не число собственниковъ, а число составляемыхъ ихъ владѣніями крупныхъ цензовъ, на каждый изъ которыхъ они могутъ выбрать по уполномоченному. Не имѣя подъ руками цифровыхъ данныхъ, мы едва ли грубо ошибемся, если скажемъ, что на одного крупнаго собственника въ уѣздныхъ съѣздахъ будетъ приходиться по десяти уполномоченныхъ.

Такимъ образомъ, на уѣздныхъ съѣздахъ рѣшающій голосъ будетъ принадлежать мелкимъ землевладѣльцамъ. На губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ—тѣмъ, кого выберутъ они и крестьяне. Что же за элементъ представляютъ собою, въ общемъ, мелкіе землевладѣльцы? Отвѣтить на вопросъ чрезвычайно трудно, потому что мелкіе землевладѣльцы, не-дворяне, до настоящаго времени стояли въ сторонѣ отъ всякаго рода общественныхъ организацій: въ сельскихъ и волостныхъ они не участвовали, въ земскихъ—также. Во всякомъ случаѣ, они менѣе всѣхъ другихъ элементовъ политически воспитаны. Съ другой стороны, они суть люди извѣстнаго достатка, слѣдовательно не склонны къ экспансивности, какъ крестьяне-общинники, напротивъ,

они привыкли дѣйствовать съ крайней осторожностью. Общіе вопросы ихъ наименѣе волнуютъ. У нихъ нѣтъ того сплошного горя и той безысходной нужды, которыя заставляютъ невольно крестьянъ додумываться до общихъ вопросовъ. У нихъ нѣтъ образованія, чтобы доходить до этихъ вопросовъ теоретически. А чисто мѣстныя нужды имъ наиболѣе близки. Все это вмѣстѣ взятое даетъ полное основаніе ожидать, что главные избиратели будутъ выбирать именно людей, т.-е. тѣхъ, кого они лично знаютъ.

Хорошо это или худо? Мы скорѣе думаемъ, что хорошо. Избраніе на основаніи программъ и партійной агитаціи требуетъ, во-первыхъ, строгой продуманности программныхъ требованій и твердо установившихся партійныхъ отличій. Во-вторыхъ, оно требуетъ, чтобы явились имена, олицетворяющія въ сознаніи населенія каждую партію. Отсутствіе же этихъ условій неизбѣжно дастъ еще болѣе случайный результатъ, чѣмъ выборы Петра Петровича или Ивана Ивановича потому, что его въ губерніи знаютъ, какъ человѣка честнаго, готоваго послужить общему дѣлу по мѣрѣ силъ и разумѣнія.

Долгое время въ Харьковѣ существовала своеобразная газетная монополія. Наконецъ, послѣ 17-го октября, явилась возможность выпустить ежедневное изданіе, обставленное надлежащимъ образомъ. Во главѣ новой газеты („Міръ“) сталъ предсѣдатель мѣстнаго „Юридическаго Общества“, проф. Н. А. Гредескулъ, при ближайшемъ участіи нѣсколькихъ другихъ профессоровъ и общественныхъ дѣятелей; въ числѣ сотрудниковъ названо было нѣсколько именъ, пользующихся уваженіемъ въ литературѣ. Мѣстное общество отнеслось къ газетѣ съ небывалымъ дотолѣ довѣріемъ и симпатіей: въ первый же день раскуплено было семнадцать тысячъ экземпляровъ, и дальнѣйшій спросъ не могъ быть удовлетворенъ по техническимъ условіямъ скромной типографіи, согласившейся печатать газету. Очевидно, что харьковское общество нуждалось въ такого рода газетѣ.

Но лица, которымъ предоставлено безконтрольно опекать общество, очевидно, полагаютъ, что городъ съ двухсотъ-тысячнымъ населеніемъ и тремя высшими учебными заведеніями еще не доросъ до независимой газеты. „Міръ“ былъ запрещенъ въ первый же вечеръ по выходѣ, подъ предлогомъ, что газета самовольно воспользовалась указаніями Высочайшаго манифеста и рѣшилась выходить безъ цензуры, когда цензура къ ея услугамъ была еще въ полной готовности (27 ноября 1905). На другой день подоспѣли „временныя правила о печати“, и газета опять стала выходить безостановочно... въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати дней, послѣ чего въ квартиру редактора явился,

ночью, вооруженный отрядъ войска; перерыли все до ниточки, перепугали жену и дѣтей и отвели профессора (декана факультета) въ исправительное арестантское отдѣленіе. Газета тогда же была „пріостановлена", а виновныя въ ея печатаніи двѣ машины и наборная—опечатаны и къ нимъ были приставлены солдаты. Въ виду безсрочности „пріостановки", издатель „Міра" уничтожилъ съ значительными убытками договоръ на аренду двухъ скоропечатныхъ машинъ съ типографщикомъ, который, вслѣдствіе возвращенія машинъ въ его собственность, просилъ освободить ихъ отъ ареста и дозволить ему заниматься своимъ обычнымъ промысломъ. Просьба эта уже два мѣсяца остается безъ удовлетворенія, и ни въ чемъ неповинный человѣкъ терпитъ огромные убытки.

На смѣну „Міра" стала выходить „Волна", при сократившемся числѣ сотрудниковъ. Просуществовала она мѣсяцъ, и частью вольно, частью невольно, перемѣнила четырехъ редакторовъ: проф. М. П. Чубинскій, проф. Н. А. Максимейко, И. П. Бѣлоконскій и Ф. А. Павловскій. Послѣдній пробылъ редакторомъ три дня, и газета „Волна" пріостановлена опять на безконечное время, „впредь до особаго распоряженія".

Черезъ недѣлю стала издаваться княземъ Н. Я. Кутыевымъ, подъ ред. И. П. Бѣлоконскаго, новая газета „Будущее", при прежнихъ сотрудникахъ „Волны" (перерывъ между „Міромъ" и „Волной" длился болѣе двухъ недѣль). Просуществовала эта новая газета, при постоянныхъ угрозахъ и требованіяхъ „измѣнить направленіе", всего пять дней. Отвѣтъ, что газета издается для общества, а не для начальства, вызвалъ предупрежденіе, что, въ противномъ случаѣ, газета будетъ немедленно закрыта, а членовъ редакціи постигнетъ участь проф. Н. А. Гредескула, которому уже объявлено распоряженіе объ административной высылкѣ на четыре года въ отдаленныя мѣста архангельской губерніи. Такимъ образомъ, подъ флагомъ свободы слова, въ полной мѣрѣ возобновились незабываемыя времена пятидесятыхъ годовъ. Не имѣя возможности рисковать ссылкой сотрудниковъ и интересами подписчиковъ, издатели рѣшились на самоубійство: „Будущее" перестало выходить...

По поводу нашей хроники въ предыдущей книжкѣ „Вѣстника Европы" мы получили письмо отъ г. Зубатова. По чувству справедливости и въ виду несомнѣннаго интереса, какой представляетъ это письмо, печатаемъ его сполна, безъ всякихъ измѣненій.

„Въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы", въ отдѣлѣ „Изъ общественной хроники" (стр. 850), я прочиталъ слѣдующе: „Кто слыхалъ про организацію рабочихъ, тотъ знаетъ, что она—дѣло рукъ Зу-

батова и департамента полиціи. Извѣстно было, какъ въ Москвѣ, въ цѣляхъ борьбы съ революціей, устраивались собранія рабочихъ, на которыхъ имъ читались „благонамѣренныя“ лекціи. Извѣстно было, что, переведенный въ Петербургъ, Зубатовъ энергично дѣйствовалъ въ томъ же направленіи и здѣсь, пока не попался въ какомъ-то злоупотребленіи. Въ памяти оставались депутаціи отъ рабочихъ, явившіяся въ „Русское собраніе“, и случаи обнаруженія между наиболѣе активными рабочими переодѣтыхъ полицейскихъ. Кто слыхалъ про священника Гапона, тотъ зналъ, что онъ—ставленникъ Зубатова, служилъ священникомъ въ пересыльной тюрьмѣ и имѣлъ близкія сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Невольно вставалъ неразрѣшимый вопросъ: какъ при всемогуществѣ полиціи и при ея руководительствѣ рабочія организаціи могли сдѣлаться революціонными, какъ могло революціонное въ нихъ движеніе развиться до полуполитической, полуэкономической забастовки?..“

„Чтобы обстоятельно опровергнуть приведенныя здѣсь фактическія неточности и такимъ же образомъ отвѣтить на дѣлаемый авторомъ вопросъ—нужно написать цѣлый томъ.

„Настоящимъ письмомъ я позволяю себѣ лишь категорически заявить, что я ни въ какихъ „злоупотребленіяхъ“ не попадался; что случаи нахожденія „между наиболѣе активными рабочими переодѣтыхъ полицейскихъ“—мнѣ неизвѣстны, за отсутствіемъ таковыхъ; что Г. А. Гапонъ мой ставленникъ—вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что онъ былъ введенъ въ среду рабочихъ черезъ единомышленныхъ мнѣ лицъ, но не въ томъ, что я обрѣлъ его, ибо мнѣ самому онъ былъ рекомендованъ петербургскимъ градоначальствомъ, какъ состоявшій на самомъ лучшемъ счету (я прослужилъ въ Петербургѣ всего девять мѣсяцевъ).

„Очевидно, почтенный авторъ „хроники“ былъ введенъ въ заблужденіе циркулировавшими во множествѣ слухами и пересудами, которые опровергать печатно я находилъ излишнимъ.

„Несмотря на мое упорное молчаніе, давнее полнѣйшее устраненіе отъ людей и отъ всякихъ дѣлъ, печать все чаще и грубѣе продолжаетъ касаться моей личности и дѣятельности. Пока это практиковалось крайними „правыми“ и „лѣвыми“—мнѣ это было понятно и переносилось мною легко; но когда подобное увлеченіе поносить меня и мою дѣятельность коснулось такихъ общеуважаемыхъ органовъ печати, какъ „Вѣстникъ Европы“—я рѣшилъ прервать свое презрительное молчаніе.

„Сейчасъ мнѣ хотѣлось бы лишь правильно поставить самый вопросъ о „зубатовщинѣ“ и дать ей вѣрное освѣщеніе; тогда само собою обнаружится, что съ нею логически вяжется, а что нѣтъ.

„Говорятъ: „въ Москвѣ, въ цѣляхъ борьбы съ революціею, устраивались собранія рабочихъ, на которыхъ имъ читались „благонамѣренныя“ лекціи“, или, въ упрощенной редакціи, въ Москвѣ устраивались полицейскія ловушки.

„Если бы это было такъ, то уловъ долженъ былъ бы быть колоссальнымъ, а тюрьмы ломиться отъ арестованныхъ. Въ дѣйствительности ничего подобнаго налицо не оказывалось, а авторы системы даже заявляли, что это и не входило въ ихъ планы: они стремились,

наоборотъ, къ сокращенію сферы розыска и репрессіи. Какъ, дѣятели розыска и репрессіи хлопочутъ объ ихъ сокращеніи?! Получается что-то неясное и противорѣчивое, а потому сугубо подозрительное и нечистоплотное...

„Въ сущности, дѣло объясняется очень просто. Въ 1896 г. въ Москвѣ обнаружилось массовое рабочее движеніе, поднятое революціонерами. Естественно, за арестами главарей, въ помѣщеніе охраннаго отдѣленія потянулись массы необычныхъ кліентовъ—въ лицѣ рабочихъ. Новизна явленія должна была вызвать къ себѣ особый интересъ. Конечно, къ дѣлу можно бы было отнестись и совсѣмъ формально. Но, съ другой стороны, ничто не воспрещало заняться имъ и по существу, заглянуть въ душу явленія, особенно если сцены опроса сопровождались слезами, моленьемъ о прощеніи, до киданья въ ноги и поцѣлуевъ рукъ включительно, и воочію проявлявшимся полнѣйшимъ непониманіемъ того преступленія, наличность котораго точно устанавливалась отобранными при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ формальными уликами. Конфликтъ между правдой формальной и правдой дѣйствительной вырисовывался съ полной ясностью. Съ другой стороны, поступая съ этой массой темныхъ людей формально, сознательное должностное лицо рисковало не только не достичь конечныхъ цѣлей своей служебной дѣятельности, но и являлось способнымъ „рубить тотъ сукъ, на которомъ сидѣло".

„Это *противорѣчіе* и явилось исходнымъ пунктомъ того явленія, которое потомъ окрестили „зубатовщиной", какъ особый методъ веденія общественныхъ и государственныхъ дѣлъ.

„Доведенное до свѣдѣнія высшей московской администраціи, противорѣчіе это, будучи иллюстрируемо ежедневно все новыми и новыми примѣрами, встрѣтило полное къ себѣ вниманіе и активную рѣшимость его разрѣшить. Явленіе это оказалось, конечно, настолько сложнымъ и всеохватывающимъ, что попытки кореннаго его разрѣшенія немедленно привели московскую власть не только къ столкновенію съ революціонерами, но и съ хозяевами, и съ обществомъ, и съ чинами разныхъ вѣдомствъ, дошли до Петербурга, вызвали не только министерскій вопросъ, но и междувѣдомственный, съ назначеніемъ по Высочайшему повелѣнію особыхъ коммиссій и пр. На мѣстѣ же, пока что, власти продолжали дѣлать попытки его разрѣшенія собственными силами, ибо отказаться отъ его разрѣшенія было равносильнымъ или войти въ сдѣлку съ собственной совѣстью, или признать принципіальное безсиліе власти его рѣшить, т.-е. согласиться съ убѣжденіями оппозиціи. И то, и другое для высшей московской администраціи, тогдашняго личнаго состава,—представлялось, конечно, немыслимымъ.

„Началась война. Высшіе правительственные органы прекрасно поняли суть вопроса и неотложность его рѣшенія. Но, одолѣваемые жалобами заинтересованныхъ сторонъ и пугаясь грандіозности предпріятія, они думали уклониться отъ рѣшенія его, ссылаясь на проблему: не приведетъ ли рабочая организація къ противоположнымъ результатамъ, ибо такая организація—вещь обоюдоострая. Имъ было указано, что безъ законодательной помощи приведенное соображеніе имѣетъ за собою основанія, но если разъ отказаться отъ подобныхъ

дѣлъ,—то въ чемъ же тогда заключается роль правительства? Кончилось тѣмъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ согласилось видѣть въ дѣятельности московской администраціи „нѣкоторый опытъ", въ зависимость отъ результатовъ котораго оно и ставило свое дальнѣйшее поведеніе.

„Какими же средствами вести этотъ „опытъ"? Рабочее движеніе по существу дѣло общественное. А охранное отдѣленіе и общество—двѣ величины несоединимыя. Оставались рабочіе, бывшіе подъ рукою во множествѣ. По принципу „дѣло рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ"; наиболѣе талантливымъ и развитымъ изъ нихъ и надлежало заняться организаціей своихъ товарищей въ духѣ европейскаго профессіональнаго рабочаго движенія, а также и отыскать себѣ „интеллигенцію". Надо отдать должную справедливость рабочимъ: дѣло у нихъ сладилось, и открылись лекціи ученыхъ силъ московскаго университета, сопровождавшіяся, по окончаніи чтенія, собесѣдованіями со слушателями.

„Между тѣмъ революціонеры, перепуганные открывшейся конкурренціей университетскихъ лекторовъ и опасаясь утерять свою монополію въ дѣлѣ воздѣйствія на рабочую среду, принялись за отысканіе корней и нитей ненавистнаго предпріятія и, обнаруживъ участіе въ немъ администраціи, забили въ набатъ, выступивъ съ обвиненіями самаго фантастическаго свойства, и, при безпомощности въ этомъ отношеніи администраціи, распугали лекторовъ. Въ то же время хозяева настолько терроризировали характеромъ этихъ лекцій покойнаго Д. С. Сипягина, что тотъ далъ предложеніе прекратить ихъ.

„Чтобы сохранить создавшуюся усиліями рабочихъ организацію, оставалось обратиться къ содѣйствію духовной интеллигенціи, что̀ и было исполнено.

„Сказаннаго, мнѣ думается, достаточно, чтобы понять суть дѣла.

„Мой переходъ на службу въ Петербургъ состоялся въ силу увѣщанія, что подъ вывѣской министерскихъ бланковъ близкое мнѣ дѣло пойдетъ шире и станетъ продуктивнѣе. Съ находившимся въ Москвѣ, послѣ своего назначенія, В. К. Плеве я имѣлъ три бесѣды, наполненныхъ разговорами о недостаточности одной репрессіи, о необходимости низовыхъ реформъ, о полной совмѣстимости, на мой взглядъ, историческихъ русскихъ основъ съ общественнымъ началомъ, о томъ, что реформаторская дѣятельность есть вѣрнѣйшее лекарство противъ безпорядковъ и революцій, о крайней желательности дать извѣстную свободу общественной самодѣятельности и пр. Покойный спорилъ со мною, увѣряя, что въ Россіи нѣтъ общественныхъ силъ, а есть только группы и кружки. Стоитъ хорошей полиціи обнаружить настоящій ихъ центръ и заарестовать его, и всю эту видимую общественность какъ рукой сниметъ. Вѣрность этого онъ испыталъ на своей служебной практикѣ, прикончивъ такимъ способомъ съ „Народной волей". Со всѣмъ жаромъ убѣжденнаго практика, я протестовалъ противъ этой ошибки, но дождался лишь за это иронической клички „маркиза Позы". Обаятельность личности В. К. Плеве была тогда такъ велика, столько ждали отъ его ума и характера, что я все же остался въ глубинѣ души убѣжденнымъ, что отъ ближайшаго соприкосновенія съ дѣйствительностью онъ „перемелется"... и поѣхалъ въ Петербургъ.

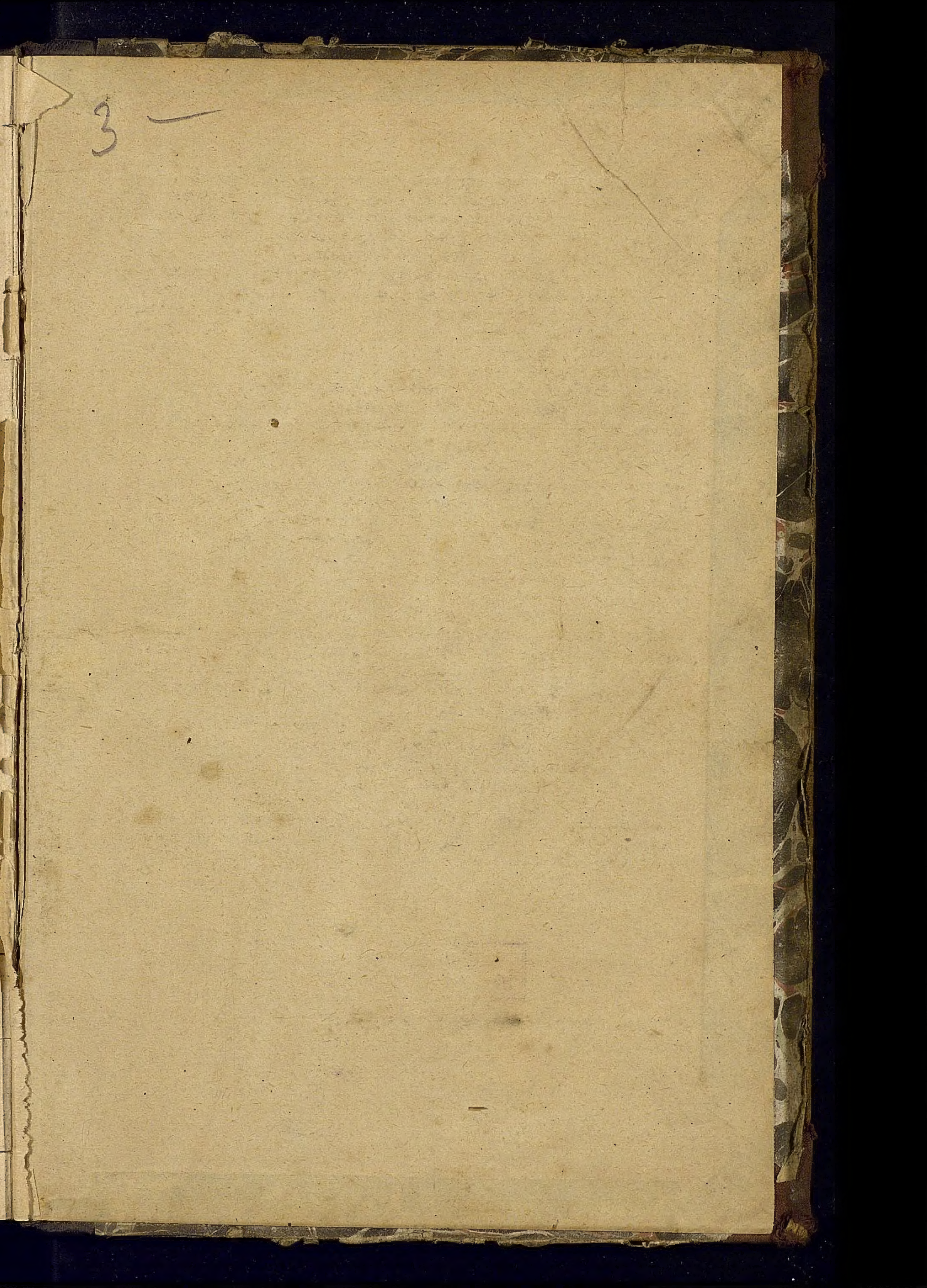
„Надежды мои не оправдались. Настоятельность репрессіи въ его глазахъ все болѣе и болѣе возрастала, и онъ началъ на меня сердиться, что я пустяками отвлекаюсь отъ настоящаго дѣла. Наконецъ, онъ перешелъ къ грубому требованію „все это“ прекратить, въ особенности дѣятельность „Независимой еврейской рабочей партіи“, ни мало не соображаясь ни съ моими нравственными запросами, ни съ душевнымъ состояніемъ всѣхъ „прикрываемыхъ“, которые воочію успѣли стать на ножи и съ „правыми“, и съ „лѣвыми“. Но „Независимая еврейская рабочая партія“ поспѣшила, узнавъ объ этомъ, сама ликвидировать свои дѣла... Я послѣ этого обратился съ ходатайствомъ къ своему непосредственному начальству объ увольненіи меня въ отставку, но просьба моя не была уважена. Между тѣмъ, нравственное мое состояніе было ужасное, и надежда начальства на то, что все во мнѣ образуется, не оправдалась: я не могъ удержаться, чтобы не высказать вслухъ своихъ мнѣній о внутренней политикѣ патрона, находя, что онъ не оправдалъ въ своей дѣятельности возлагавшихся на него надеждъ, ждать отъ него чего-либо новаго уже не приходится (дѣло относится къ лѣту 1903 г.) и чѣмъ скорѣе онъ уйдетъ или его отставятъ, тѣмъ лучше будетъ и для Государя, и для Россіи, да и для него лично, ибо кромѣ покушеній ему ждать нечего. Объ этомъ отзывѣ довели до свѣдѣнія В. К. Плеве, и въ отместку, продѣлавъ комедію обвиненія меня въ дѣлѣ одесскихъ забастовокъ (недѣлей раньше онъ разсуждалъ иначе и велѣлъ мнѣ задержать на жительствѣ въ Петербургѣ ѣхавшаго изъ Одессы арестованнаго Шаевича, считая арестъ его своей ошибкой), онъ выслалъ меня въ 24 часа изъ Петербурга въ Москву, а черезъ два мѣсяца и изъ послѣдней, воспретивъ мнѣ жительство въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, а несчастнаго „жида Шаевича“ угналъ сначала въ Вологду, а оттуда въ Сибирь.

„Лишь въ министерство добрѣйшаго и гуманнѣйшаго кн. Святополкъ-Мирскаго всѣ эти вопіющія несправедливости были исправлены какъ въ отношеніи меня, такъ и Шаевича.

„Вотъ, въ короткихъ словахъ, правда о моей дѣятельности.

„Любопытно, что, послѣ моего ухода, В. К. Плеве и его окружающіе сами повели начатое мною дѣло, но, очевидно, безъ моей въ дѣло вѣры и не при надлежащей къ нему близости, чѣмъ я и объясняю его странный исходъ.—Владиміръ губ., 14 февраля 1906 года“.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.


3 —